

ПАВЕЛ I

Александр БОХАНОВ

ВЕЛИКИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПЕРСОНЫ

Павел I

Александр
БОХАНОВ

В ЕЛИКИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
П ЕРСОНЫ

Москва
Вече
2010

УДК 929
ББК 63.3(2)44
Б72

Боханов, А.Н.

Б72 Павел I / Александр Боханов. — М. : Вече, 2010. — 448 с. : ил. — (Великие исторические персоны). ISBN 978-5-9533-4331-2

Император Павел I — фигура трагическая и оклеветанная; недаром его называли Русским Гамлетом. Этот Самодержец давно должен занять достойное место на страницах истории Отечества, где его имя все еще затушено различными бездоказательными тенденциозными измышлениями. Исторический портрет Павла I необходимо воссоздать в первоизданной подлинности, без всякого идеологического налета. Его правление, бурное и яркое, являлось важной вехой истории России, и трудно усомниться в том, что если бы не трагические события 11 — 12 марта 1801 года, то история нашей страны развивалась бы во многом совершенно иначе.

**УДК 929
ББК 63.3(2)44**

ISBN 978-5-9533-4331-2

© Боханов А.Н., 2010
© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

Я желаю быть лучше ненавидим за правое дело, чем быть любимым за дело неправое.

Император Павел I

Вместо предисловия. Искажённый портрет

Император Павел I... Он родился 20 сентября 1754 года в Петербурге, взошел на Престол Государства Российского после кончины своей матери Екатерины II 7 ноября 1796 года, царствовал четыре года, четыре месяца и четыре дня и был убит в ночь с 11 на 12 марта 1801 года. Официально же было объявлено, что он скончался от «апоплексического удара», хотя ни для современников, ни для потомков не составляло особого секрета, что Помазанник Божий был насильственно умерщвлен группой заговорщиков.

Версия о естественной смерти правнука Петра I несколько десятилетий была в ходу, и власти предрержащие долго не рисковали сказать правду о том злодеянии. Подобное признание неизбежно скомпрометировало бы другого Императора (1801—1825), сына убиенного — Александра I, носившего титул «Благословенного»¹. Ведь при «Благословенном» никаких следственных действий не предпринималось, и никто не был наказан. Случились некоторые отставки и перемещения в высших петербургских коридорах власти, но они никак не обосновывались участием конкретных лиц в Царевубийстве.

История гибели Павла не была секретом и для Европы и однажды стала поводом для дипломатического инцидента. В марте 1804 года в Венсенском парке в Париже был расстрелян по приказу Наполеона принц крови герцог Энгиенский (Луи Антуан Анри де Бурбон-Конде, 1772—1804). В Петербурге бурно отреагировали на событие: Россия разорвала дипломатические отношения с Францией. При прощальной аудиенции французский министр иностранных дел Талейран сказал русскому послу: «Когда по проискам Англии в Петербурге был умерщвлён Император Павел, то никто из заговорщиков не был наказан. Тогда французское правительство не протестовало». Как только сей пассаж стал известен Императору Александру, то он возненавидел Наполеона. Александр Павлович до самой своей смерти

¹ Титул «Благословенного» был присвоен Александру I по совместному решению Сената, Синода и Кабинета министров в апреле 1814 года.

чрезвычайно болезненно реагировал на малейшие намёки, касавшиеся гибели отца, гибели, к которой Александр «Благословенный» имел самое непосредственное отношение...

После смерти Императора Павла Петровича в «обществе», т.е. в столичных салонах, безраздельно возобладало мнение, что исчезновение Павла I — «великое благо», что его смерть — «счастье» для России, так как покойный был «явно не в своем уме». Некоторые выражались ещё определенной — «он был сумасшедшим». Русское дворянство, и в первую очередь его высший слой — аристократия, радовалось гибели Самодержца так, как будто страна освободилась от иноземной оккупации. В день после Цареубийства, 12 марта 1801 года, в Петербурге уже к шести часам вечера невозможно было отыскать ни одной бутылки шампанского; всё было выпито под восторженные улюлюканья в особняках столичной знати. Подобная «радостная оргия» происходила в столице Православной Империи в дни Великого Поста, за двенадцать дней до Пасхи!

Это был уже второй случай в русской истории, когда элита — дворянское сословие — радостно приветствовала смерть законного, легитимного Государя. Первый раз подобный приступ корпоративного затмения сознания случился летом 1762 года, когда был свергнут с Престола, а затем убит отец Павла Император Пётр III. Тогда тоже никто не был наказан, а убиенный был признан «сумасшедшим», и данный «диагноз» поставили те, кто словом или делом участвовал в страшном преступлении — Цареубийстве.

Екатерина II, переступив через труп своего венценосного супруга и отстранив от всех видов на престол сына Императора Петра III, восьмилетнего Павла Петровича, сделалась «державной владычицей». Обладая острым и практическим умом, «Матушка-Императрица» положила немало стараний для дискредитации погибшего нелюбимого супруга, укрепляя тем свой статус и утверждая за собой историческую роль «спасительницы России». Именно екатерининский вариант оправдания страшного греха — соучастия в двойном преступлении — и стал той поведенческой «моделью», с которой была снята «копия» убийцами Павла I, их менторами и многочисленными защитниками¹.

¹ Во время Екатерины II был умерщвлён и еще один монарх, Иоани Антонович (1740—1764), правнук Царя Алексея Михайловича (1629—1676), ставший наследником престола в младенчестве по воле Императрицы Анны Иоанновны в 1740 году, которой он приходился внучатым племянником. Иоани Антонович провёл многие годы в Шлиссельбургской крепости и был убит при загадочных

Екатерине потомки обязаны и тем, что именно она пустила в обращение сплетню о том, что сын Павел рожден ею не от законного супруга. Потом по этому поводу было написано невероятно много, но никто ничего нового не узнал и никаких «документов» не привел. При этом всегда затемнялся или замалчивался общеизвестный факт: удивительное портретное сходство Петра III и Павла I. Конечно, это не есть безусловное доказательство, но все-таки оно куда значимее, чем разгадывание безнадежной шарады: кто «на самом деле» отец Павла: Лев Нарышкин, Сергей Салтыков или кто-то ещё.

Почему Екатерина II писала о том, что супруг «не имел никакого отношения к рождению сына», понятно: надо же было как-то оправдать свое воцарение. Ведь фактически она являлась самозванкой, прекрасно это понимала, и все годы своего правления эта мысль не давала ей покоя. Будучи умной, циничной, расчетливой и глубоко аморальной, «Екатерина Великая» не могла чувствовать себя спокойно, пока существовал якобы «неизвестно от кого» рожденный сын Павел. Он служил живым укором и постоянной угрозой. Слава Богу, «великая Государыня» не рискнула физически устранить его, однако мысль о лишении Павла видов на Корону занимала её многие годы. Именно из окружения Екатерины и вылетали сплетни о том, что Павел Петрович — «ущербный», «слабоумный», хотя на самом деле никаких оснований для подобных умозаключений не существовало...

После гибели Павла Петровича прошло более ста лет, и уже в ХХ веке случился новый и последний трагический акт: отречение от Престола, а фактически — свержение в марте 1917 года Императора Николая II. В этой финальной сцене русской монархической драмы «родовитые» и «именитые» напрямую своих рук не обагрили Царской Кровью. За них это сделали представители революционной клики. Но «диагноз негодности» Мировпомазаннику был опять поставлен в салонах.

Николай II и Его Семья были объектом беспощадной клеветнической кампании, которую раздували совсем не беспощадные революционеры, а те представители высших кругов, кто носил родовые гербы, кто клялся «Именем Божиим» перед Святым Евангелием хранить верность Царю до последнего земного вздоха и кто оболгал

обстоятельствах в апреле 1764 года. Тело же убиенного было тайно похоронено в Шлиссельбурге. Ко всей этой истории Екатерина II имела самое прямое касательство.

Его и предал. Вся так называемая «Распутинская история» — набор грязных и абсурдных видений «высшего общества», который стал своего рода эпикризом истории болезни русской дворянско-чиновной элиты, истоки которой восходят как раз ко времени Императора Павла. Явным признаком полной моральной деградации дворянской корпорации, этого «сословия верных слуг государя», стал тот, просто параноидальный восторг, с которым основная масса дворянства приняла весть о падении монархии. Пили шампанское, поздравляли друг друга как с великой победой...

Дворянский восторг марта 1917 года напрямую переключался с экзотическими чувствами «образованного общества» в марте 1801 года. Однако в третий раз повернуть «чисто дворянское дельце» не удалось. В марте 1917 года был свергнут не просто Царь, а именно Последний Царь и на авансцене истории оказались народные толпы, которые никакого участия в событиях 1762 и 1801 годов не принимали. Теперь же приняли и, в силу природного инстинкта, обратили свою ненависть против «благородных», тех, кто веками в России являлся баловнем судьбы, кто не просто мирно жил, а именно процветал под сенью Монархии, но не ценил и не понимал не только значимости исторической власти, но и своей личной ответственности за нее. «Игры с Коронаой» завершились падением и Монарха и всех остальных слоёв, звеньев и элементов исторической государственной системы.

Несмотря на общественное табу, интерес к трагической судьбе Императора Павла I среди историков и всех, кто интересовался историей Отечества, в общем-то никогда не пропадал. Еще на заре отечественной историографии, через десять лет после гибели Павла Петровича, «последний летописец» Н.М. Карамзин (1766—1826) в своем историографическом трактате «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» вынес беспощадный приговор Павлу I. По его словам, Император обладал «жалким заблуждением ума», «начал господствовать всеобщим ужасом», «казнил без вины», «награждал без заслуг», «отвратил дворян от воинской службы», «питался желчью зла», «ежедневно вымышлял способы устрашать людей», при нем «россияне боялись даже мыслить». Вылив на голову покойного еще целый ушат обличительных характеристик, Николай Михайлович далее как-то невнятно признавал, что, несмотря на всё вышесказанное, «зло вредного царствования пресечено способом вредным».

Подобные нелюбимые оценки стали господствующими и «бесспорными» на последующие двести лет! Поразительно, но даже представители медицинской корпорации оставили свой след в «Павловедении». Существуют работы, в которых на основании анализа исторических анекдотов делаются широковещательные выводы, ставятся медицинские диагнозы! Врач-невропатолог признавал Императора «дегенератом»¹, а психиатр — «недееспособным»². Тут уж всякие комментарии излишни...

Когда рухнула Монархия, то тезис о «ненормальном царе» пришелся весьма кстати марксистско-ленинской идеологии; он позволял просто, «без затей» клеймить «проклятый царизм», не утруждая себя особо специальными скрупулезными исследованиями. Действительно: если повелитель имел расстроенный рассудок, то и политика его могла быть только соответствующей.

В «Советской исторической энциклопедии» о Павле I говорилось, что он проводил политику «крайней реакции», отстаивал «интересы помещиков-крепостников», являлся «психически неуравновешенным» человеком, а проще говоря — «самодуром». Правда, было совершенно непонятно, почему «помещики-крепостники», если их интересы так рьяно отстаивал Самодержец, в конце концов его убили, почему потом они так открыто радовались, посылая во след убиенному свои гневные обличения.

Старый карамзинский тезис о «безумном деспоте», о «сумасшедшем тиране», преследовавшем всех и вся, «казнившим и миловавшим» только по личной прихоти, стал настолько расхожим и устоявшимся, что красуется на страницах некоторых учебников и исторических пособий до сего дня.

Правда, почему-то никто не пытался придать зловецким карамзинским моральным оценкам документальную достоверность. Слиски «невинно погибших жертв» за двести лет так и не были составлены по той простой причине, что таковых не существовало в действительности. Поэтому легко ввали и безоглядно клеветали, ссылаясь при этом в лучшем случае на слухи, на так называемые «свидетельства современников» из круга участников Цареубийства или их симпатизантов. Между тем смертная казнь при Павле Петровиче в России не при-

¹ См.: *Ковалевский П.И.* Император Пётр III, Император Павел I. СПб., 1909.

² См.: *Чиж В.Ф.* Император Павел I // Вопросы философии и психологии. СПб., 1907. Т. 1. С. 221—290; Т. 89, С. 391—458; Т. 90, С. 585—678.

менялась, а своим собственноручным указом от 20 апреля 1799 года он особо подчеркивал, что «запрещение смертной казни в Империи Российской существует в силе общих государственных узаконений», распространив эту норму и на западные области, вошедшие в состав России в конце XVIII века.

Конечно, далеко не всех устраивали уничтожительные и риторические пассажи, выдаваемые за документальные факты. Желание разобраться в истории с Павлом I давало о себе знать не раз. Дальше всех по пути установления фактографической истории в XIX веке пошел генерал и историк Н.К. Шильдер (1842—1902). Он написал подробную биографию Павла Петровича, первый раз опубликованную в 1899 году во Франции на французском языке под названием «История Павла I в анекдотах». В 1901 году книга увидела свет и в Петербурге, но под другим названием: «Император Павел I. Историко-биографический очерк».

Собрав огромный фактический материал, Шильдер создал до сего дня самую полную биографическую хронику Павла Петровича. В то же время в своих общих рассуждениях и моральных оценках генерал не поднялся выше общепринятого и хотя прямо не написал, что Павел — «сумасшедший», но, говоря о поступках Императора, постоянно употреблял выражение «дурные импресси», что должно было подтверждать его неадекватность.

Симпатии автора оказывались всегда и всецело на стороне Екатерины II, которая не скрывала своей нелюбви к сыну, и это стойкое противоестественное чувство матери Шильдер все время пытался объяснить упомянутыми «дурными импрессиями» Павла. Из приводимых же в описании свидетельств этого как раз и не видно, а следует совершенно другое: мать относилась к сыну как к своему крепостному, с которым, как известно, и не надо было особо церемониться. Из всех «преступных деяний против России» Шильдер выявил четыре «непростительных» и «особо тяжких преступления», вменяемых в вину Павлу Петровичу: запрещение ношения круглых шляп, фраков, жилетов и введение неудобной военной формы. Подобного оказалось достаточно, чтобы убийцы Помазанника Божия фактически получили от автора моральную и историческую индульгенцию.

К тому же Шильдер фактически полностью обошел историю заговора и убийства Павла Петровича, что чрезвычайно снизило историческое значение его труда. Между тем к тому времени были

опубликованы многие важные свидетельства и Шильдер не мог о них не знать¹. В XX веке все умолчания рухнули, и история жизни и смерти Павла I была освещена в мельчайших подробностях, однако при всём том старый «диагноз» о «безумном тиране» фактически так и не был отменён².

Издавна существовала одна аналогия, уподобляющая Павла Петровича известному шекспировскому герою. В феврале 1900 года журналист, драматург и издатель столичной газеты «Новое время» А.С. Суворин (1834—1912) записал в дневнике свой разговор с дипломатом и историком графом С.С. Татищевым (1846—1906), занимавшимся исследованиями эпохи Павла Петровича. Граф высказался в беседе вполне определённо: «Павел был Гамлет отчасти, по крайней мере, положение его было гамлетовское и «Гамлет» был запрещен при Екатерине II». После подобной исторической реминисценции Суворин заключил: «В самом деле, очень похоже. Разница только в том, что у Екатерины вместо Клавдия был Орлов и другие. Мне никогда это не приходило в голову».

Но подобное «приходило в голову» ещё современникам Павла Петровича. Шильдер описал эпизод, имевший место в ноябре 1781 года, во время посещения Цесаревичем Павлом Вены. Австрийский Император (1765—1790) Иосиф II устроил пышную встречу, а в череде торжественных мероприятий был намечен при дворе спектакль «Гамлет». Далее произошло следующее: ведущий актер Брокман отказался исполнять главную роль, так как, по его словам, в «зале окажется два Гамлета». Император был благодарен актеру за мудрое предостережение и наградил его 50 дукатами. «Гамлета» Павел не увидел; так и осталось неясным, знал ли он эту трагедию Шекспира, внешняя фабула которой чрезвычайно напоминала его собственную судьбу.

¹ В первую очередь речь идет о записках генерала Николая Александровича Саблукова (1776—1848), которые были впервые опубликованы в Англии в 1865 году, а в 1866 году — во Франции.

² Наиболее приметные публикации на русском языке: *Брикнер А.* Смерть Павла I. СПб., 1907; Сборник: «Цареубийство 11 марта 1801 г. Записки участников и современников». СПб., 1907; *Шумигорский Е.С.* Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907; *Валишевский К.* Сын Великой Екатерины. СПб., 1914; *Ключков М.В.* Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916; *Оболенский Г.А.* Павел I. М., 1990; *Энгельгардт Н.* Окровавленный трон, М., 1996; *Песков А.М.* Павел I. М., 1999; *Граф Валентин Зубов.* Император Павел I. М., 2007. Из иностранных работ стоит выделить весьма содержательное исследование американского профессора Рэгсдейла (Ragsdale) «Tzar Paul and the Question of Madness», опубликованное в Нью-Йорке в 1988 году.

Павел Петрович правил недолго, но за время его царствования случилось немало примечательного и знаменательного. Навеки русская армия обессмертила себя великими воинскими победами. Под командованием адмирала Ф.Ф. Ушакова (1744—1817) русские заняли остров Корфу. Войска же под командованием фельдмаршала А.В. Суворова (1729—1800) совершили весной 1799 года свой блистательный Итальянский поход, овладели Миланом, Туринном, Римом, Неаполем. Затем был не менее легендарный Швейцарский поход, когда русские войска совершили невозможное: осенью 1799 года переправились через непреступные Альпы на Север, в долину Рейна. За эти подвиги Павел I присвоил А.В. Суворову звание генералиссимуса (1799).

Именно при Павле Петровиче появились два важнейших акта: «О Престолонаследии» и «Учреждение об Императорской Фамилии», вводящие строгий порядок наследования Престола по праву первородства в мужском колене и устанавливающие иерархию в степенях династического родства. Они просуществовали с незначительными дополнениями до самого падения Монархии в 1917 году.

Это очень важный момент в истории Самодержавия, положительное значение которого не могли не признать даже современники-недоброжелатели. «Голова его (Павла I. — А. Б.) была как бы лабиринтом, где заблудился рассудок», — писала об Императоре фрейлина Екатерины II и ее страстная обожательница графиня В.Н. Головина (1766—1821). Однако даже она признавала, что «он был единственным государем, который искренне пожелал установить законность в наследовании Трона, и он также был единственным, полагавшим, что без законности не может быть установлен порядок»¹. Нетрудно заключить, что правитель с «заблудившимся рассудком» не мог иметь ясное правосознание, а Павел Петрович именно таковым человеком и был. Его династический закон, а шире говоря — династическая конституция, — это доказал со всей определенностью.

Серия законодательных мер существенно изменила положение дел в армии. В Петербурге была основана Медико-хирургическая академия, а в армии введены штатные должности врачей. Появились воинские уставы для всех родов войск; введена дисциплинарная и уголовная ответственность офицеров за сохранение жизни и здоровья солдат; было строжайше запрещено командирам использовать солдат в качестве рабочей силы в имениях. Впервые в Российской истории (да и не только в российской) «нижние чины» (унтер-офицеры

¹ Мемуары графини Головиной. М., 2000. С. 144.

и солдаты) в армии получили законодательно оформленное право награждения орденами (Анны и Иоанна Иерусалимского). Кроме того, ограничены телесные наказания, введены отпуска для нижних чинов (28 дней в году), под страхом смерти запрещена невыдача солдатского жалования; в каждом полку учреждены лазареты; для увечных воинов и прослуживших более 25 лет солдат установлены пенсии с предписанием содержать таких лиц в особых инвалидных гарнизонных ротах; умерших и погибших солдат требовалось хоронить с воинскими почестями.

Заботами об армии и воинстве Императора Павла Россия обязана появлением некоторых предметов воинского обихода, сохранившихся по сию пору. В качестве зимней экипировки появились длинные суконные шинели (ранее существовали только мундиры), а для чаровых — овчинные тулупы и валенки.

Впечатляющими являлись и иные законодательные меры Императора Павла I. Им создана российская орденская система, учрежден Лесной департамент, ведавший рачительным использованием лесного хозяйства, учреждены казачьи пограничные разъезды — фактически пограничная стража, образована «Соединенная российско-американская компания» по освоению Аляски и Калифорнии, началось строительство Казанского собора в Петербурге.

Немало и других дел и начинаний связано с именем Императора Павла: от указа 20 июня 1797 года о размножении картофеля в России до установки в центре Петербурга, на Дворцовой площади, в нижнем этаже Зимнего Дворца «желтого ящика», куда каждый желающий, вне зависимости от рода и звания, мог опускать свои просьбы и жалобы. Ключ от этого заповедного ларца хранился у Императора, и он ежедневно вынимал корреспонденцию на свое имя и внимательно всё прочитывал, и часто принимал меры. Все, кто нарушал закон, порядок и правила благочиния, могли в любой момент ждать царской кары. Это была невиданная ранее форма общения Самодержца со своими подданными, мера, которая не могла не вызвать возмущение у чиновников всех, но особенно высших рангов.

При Павле Петровиче 5 апреля 1797 года был издан указ, ограничивавший барщину тремя днями и запретивший крестьянские работы на помещика в воскресные дни; была запрещена продажа крепостных одной и той же семье порознь. Впервые Царь попытался регламентировать отношения между помещиком и крестьянином. Опять же впервые за весь имперский период крестьяне получили подобие гражданских прав: они обязаны теперь были присягать на

верность Императору «как любезные подданные», чего ранее не наблюдалось.

Фактически Павел Петрович сделал важный шаг в ограничении помещичьего произвола, что неизбежно должно было привести если и не к отмене крепостного права, то к существенному его урезанию и обузданию. Кстати сказать, ограничение барщины вызвало резкий ропот среди «родовитых» и «благородных» — того самого «образованного общества», где читали сочинения Вольтера, Монтескье, Дидро и других философов-энциклопедистов, но в реальной жизни совсем не собирались расставаться с дикими формами эксплуатации своего народа, о котором всегда так много сочувственных слов проносили в салонах.

Павел Петрович, по существу, отменил «Жалованную грамоту дворянству» Екатерины II от 1785 года, которая предоставляла исключительные привилегии дворянскому сословию¹. Грамота подтверждала свободу дворянства от обязательной службы, введенную ещё в 1762 году, свободу от государственных податей и от телесных наказаний. Устанавливалось исключительное право дворян на владение землей, крепостными и недрами. Указанные привилегии, превращали «благородное сословие» из служилой корпорации в паразитарный слой. Павел I покусился на дворянские привилегии и представители сословия вынуждены были теперь в обязательном порядке служить. Такое «ущемление прав» дворянство Самодержцу не простило. Через три недели после убийства Императора Павла, 2 апреля 1801 года, Император Александр I восстановил «Жалованную грамоту», показав этим, кому он обязан своим воцарением. Менее 1% населения Российской Империи возвращались безбрежные имущественные и социальные права, в то время как остальная масса лишалась даже отдалённой перспективы получить хоть что-то подобное.

Известный историк В.О. Ключевский (1841—1911) в своём курсе лекций по русской истории очень удачно назвал Императора Павла «первым антидворянским царем»². Профессор, в сущности, повторил лишь то, о чём представители дворянской элиты шушукались в кругу «своих» ещё при жизни Павла I. Именно там родился эпитет «мужицкий Царь», что по представлениям той среды служило знаком «недостойности».

¹ Полное название: «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства».

² История современной России. Литографированный курс лекций, читанный в 1883/84 гг. в Московском университете. СПб., 1897. С. 298—299..

Павел Петрович действительно ощущал себя «отцом всего народа русского» и стремился заботиться о благоустройении всех, а отнюдь не только о благоденствии дворянского сословия, о нуждах которого так горячо пеклась до него Екатерина II, а после — Александр I. Как выразился писатель А. Коцебу (1761—1819), написавший очерк об убийстве Павла Петровича, «из 36 миллионов (населения России. — А. Б.) по крайней мере 33 миллиона имели повод благословлять Императора». Думается, что показатель «недовольных» у Коцебу явно завышен.

Если говорить ясно и определенно, то не подлежит сомнению одно: убийство Павла Петровича стало делом дворянской корпорации, отождествлявшей свои узкие сословные интересы с интересами всей России. О подобном тождестве можно говорить только применительно к военным кампаниям; в повседневной же русской действительности подобную «симфонию» отыскать невозможно.

Достаточно привести только список непосредственных участников Цареубийства, чтобы понять, что в преступном акте задействованы были представители многих «славнейших родов России». Среди них значились имена: князей Белосельских, князей Волконских, князей Голицыных, князей Вяземских, князей Долгоруковых, князей Яшвиля; графов: Зубовых, Толстых, Орловых, Паниных, Паленов, баронов Розен. Это только титулованные, а без родовых титулов количество замаранных навеки дворянских фамилий в несколько раз превышало вышеуказанное число¹.

Существовала и ещё одна, уже не внутренняя, а внешняя, сила, деятельно работавшая над низвержением Русского Царя. Имя её — Англия. Правящие круги могучей Английской Империи с тревогой и большим опасением взирали на развитие дружественных отношений между Россией и Францией, что могло привести к потере Англией её мирового господства. Английский посол в Петербурге в 1788—1800 годах сэр Чарльз Уитворт (Витворт, 1762—1825) являлся деятельным инспириатором заговора. Его интриги и общая антирусская позиция Британии в конце концов вынудили Павла Петровича в мае 1800 года изгнать «полномочного министра» Его Величества Короля (1760—1820) Георга III из России.

Однако в Петербурге остались агенты «сэра Чарльза», которым переправлялись деньги; в литературе существует даже упоминание

¹ Полный их список приведен в книге графа Валентина Зубова. См. Граф Валентин Зубов. Указ. соч. С. 262—263.

о баснословной сумме в два миллиона¹. Так это или нет, до конца не ясно, но в любом случае заинтересованность Англии в деле свержения Императора России не подлежит сомнению. О скрытой закулисной стороне убийства Императора высказался уже тогда первый консул Франции генерал Бонапарт, который с грустью узнал о злодеянии в Петербурге; к этому времени между Россией и Францией сложились союзнические отношения. Он прямо увидел в этом коварную руку Британии. «Англичане, — заявил Наполеон, — промахнулись по мне в Париже (имелся в виду взрыв «адской машины» в Париже 24 декабря 1800 года. — А. Б.), но не промахнулись по мне в Петербурге».

Император Павел I давно должен занять достойное место на страницах истории Отечества, где его имя все ещё затушено и зарисовано различными бездоказательными тенденциозными измышлениями, а исторический портрет этого Самодержца необходимо воссоздать в первозданной подлинности, без всякого психопатологического или идеологического налета. Его правление, бурное и яркое, являлось важной вехой Отечественной истории, и трудно усомниться в том, что если бы не трагические события 11—12 марта 1801 года, то история России развивалась бы во многом совершенно иначе.

---

¹ *Старый Кирибей (П.Н. Шабельский-Борк)*. Павловский гобелен. М., 2001. С. 31.

Глава 1.

ЦАРСКОРОДНЫЙ СИРОТА

Когда 20 сентября 1754 года родился Павел Петрович¹, то Россия отмечала появление его на свет как великое государственное событие. Несколько недель гремели салюты, расцвечивали небо фейерверки, раздавались царские награды и милости. Балам же и маскарадам и счета не было; весь аристократический Петербург, чтобы доставить удовольствие и радость Императрице Елизавете Петровне, той осенью веселился без удержу.

7 октября 1754 года появился Высочайший Манифест, гласивший: «Объявляем во всенародное известие. Всемогущему Господу Богу благодарение, наша возлюбленная племянница Её Императорское Высочество Великая княгиня Екатерина Алексеевна, от имевшегося бремени благополучно разрешение получила, и даровал Бог Их Императорским Высочествам первородного сына, а Нам внука Павла Петровича, что учинилось минувшего сентября в 20-й день».

За неделю до Манифеста последовал именной указ Императрицы, в котором предписывалось Синоду возносить имя Великого князя на ектеньях.

«Мы при должном благодарении Господу Богу за благополучное разрешение от бремени Нашей племянницы, её Императорского Высочества Великой княгини... определили: имя его вознести во всех церковных служениях на Нашем и по Императорским Высочествам именах, благоверным Государем Великим князем Павлом Петровичем и сие Наше определение повелеваем публиковать во всех церквах Нашего государства, дабы везде по сему исполняемо было неотменно».

Из круга родственников настоящую радость испытал лишь один человек: двоюродная бабка новорожденного Императрица Елизавета

---

¹ То был день памяти убиенного святого благоверного Князя Михаила Черниговского, убитого 20 сентября 1246 года в Орде за отказ следовать татарским языческим обычаям. Тело мученика пребывает в Архангельском соборе Московского Кремля.

Петровна (1709—1761), ставшая крестной матерью Павла Петровича. Ни отец, ни мать восторгов не выражали. Только для Елизаветы Петровны Павел стал долгожданным лучом света во мраке династической безнадежности, существовавшей в Доме Романовых уже не один десяток лет.

Династическая неразбериха, ставившая под сомнение правомочность каждого нового правителя, была следствием законотворчества Петра I (30.05.1672—28.01.1725), провозглашенного в 1721 году Императором. В 1722 году он, отвергая старую традицию властипремства по старшинству, на которой зиждилась верховная властная прерогатива в Московском Царстве, издал «Указ о наследии Престола». Отныне сам Монарх мог назначать себе наследника из числа родственников, кого сочтёт подходящим для занятия Трона. Этот акт вытекал из сложной династической ситуации, которая сложилась во многом благодаря самому Первому Императору.

Царь-Император Пётр был женат дважды. От первого брака (1689) с Евдокией Лопухиной (1669—1731) он имел троих сыновей: Алексея (1690—1718), Александра (1691—1692) и Павла (родился и умер в 1693 году). После развода (1698) Царица Евдокия была пострижена в монахини с именем Елены и сослана в суздальский Покровский монастырь.

В 1712 году Пётр женился вторично на своей сожительнице, уроженке Лифляндии Марте Самуиловне Скавронской, принявшей в 1704 году Православие с именем Екатерины Алексеевны (1684—1727)¹. От этого брака у Петра родилось одиннадцать детей. Пятеро добрачных: Пётр (1704—1707), Павел (1705—1706), Екатерина (1706—1708), Анна (1708—1728), Елизавета (1709—1761). Шестеро появились на свет после 1712 года: Наталья (1713—1715), Маргарита (1714—1715), Пётр (1715—1719), Павел (родился и умер в 1717), Наталья (1718—1725) и Пётр (1719—1723).

К началу 20-х годов XVIII века полноправного наследника у Петра I не было. Старший сын Алексей, женатый по воле Петра в 1711 году на принцессе Шарлотте-Кристине-Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской (1694—1715) 26 июня 1718 года был казнён в Трубецком бастионе Петропавловской крепости в Петербурге по обвинению в «измене». Сын от Екатерины Пётр Петрович являлся малюткой, а две дочери — Анна и Елизавета — были еще слишком молодые и незамужние. Здравствовал ещё сын Алексея Пётр (1715—

¹ Её крестным отцом стал Цесаревич Алексей Петрович.

1730), но вряд ли Император желал бы воцарения этого отпрыска ненавидимого и убитого сына.

В этих условиях и появился «Устав о наследии Престола», вводивший в качестве законодательной нормы произвол властвующего лица. Никто уже никогда не узнает, кого Пётр I видел своим преемником. Это старая историческая шарада, которую поколения историков пытались разгадать, строя различного рода умозрительные догадки. Ясно одно: Пётр совсем не собирался умирать, а когда настал его последний земной миг, то он якобы успел начертать на бумаге только два слова: «Отдать всё...», не успев обозначить кому именно. Эта красивая легенда не имеет документального подтверждения.

О чём же можно говорить, минуя сослагательное (гадательное) наклонение, так это о том, что, созидавая «огнем и мечом» несколько десятилетий «Великую Россию», Петр I фактически поставил страну на край гибели. Упразднив Патриаршество, сфокусировав все властные прерогативы в единственном лице, он делал Русь-Россию заложницей специфических особенностей момента. И случилось то, что неизбежно должно было произойти: корона и судьба страны стали предметом торга и своекорыстной игры различных аристократических группировок. Фактическая власть в стране после Петра I перешла к придворной клике во главе с его любимцем князем А.Д. Меншиковым (1673—1729), которая быстро возвела на Престол Екатерину I.

Впервые в русской истории со времени Крещения Руси в конце X века от Рождества Христова лицо низкого звания и неправославное по рождению стало полновластным правителем. Маловероятно, чтобы сам Пётр мог бы «отдать всё» своей некогда обожаемой супруге, которую он, уличив в супружеской неверности, в последние недели жизни возненавидел. Но желания и воля неистового Преобразователя теперь не имели значения. Он умер, и возобладали суетные интересы живых. Екатерина Алексеевна стала монархом, положив начало династической чехарде, сотрясавшей Россию большую часть XVIII века. Екатерина I открыла печальную эпоху «бабьих царств», со всеми их «фаворитами», капризами и эмоциональным произволом, длившуюся две трети того века.

Реальная власть всё больше и всё дальше удалялась от царского первородного древа. После смерти Екатерины I в мае 1727 года очередная аристократическая клика князей Долгоруковых свергла все сильного временщика «генералиссимуса» Меншикова и возвела на Трон Петра Алексеевича — внука Петра I, сына убитого им Алексея.

Не достигший ещё и двенадцати лет, юный отрок стал Императором Петром II. После его смерти от оспы в январе 1730 года Род Романовых в мужском колене пресёкся.

На Престоле оказалась племянница Петра Первого Анна Иоанновна (1693—1740) — дочь сводного брата Петра Иоанна Алексеевича (1666—1696), правившего вместе с Петром в 1682—1696 годах. Ее матерью была Прасковья Фёдоровна Салтыкова (1664—1723). Анна по воле Петра Первого в 1710 году была выдана замуж за племянника Прусского Короля (1701—1713) Фридриха I, герцога Курляндского¹ Фридриха-Вильгельма (1692—1711). Династия Романовых породнилась с прусским владетельным Домом Гогенцоллернов.

Анна не отличалась ни красотой, ни умом; выделалась же она только своим высоким ростом и, как злословили современники, «необъятной окружностью». Анна в качестве герцогини-вдовы прозябала в Курляндии, и вряд ли бы о ней кто вспомнил, если бы не тот династический «цугцванг»², в котором оказалась верховная власть после смерти Петра II. Единственная живая к тому времени дочь Петра I Елизавета была нежеланна аристократической клике князей Долгоруких и Голицыных, вершивших дела государства. Потому они «позвали» на Престол Анну. Как казалось, она была слишком проста и неумна, и можно было править от её имени и за неё.

«Тонко рассчитанная комбинация» провалилась. Созданный в 1726 году Верховный тайный совет, который в январе 1730 года пригласил Анну и где верховодили князья Долгорукие и Голицыны, прощитался. Анна Иоанновна не оказалась безропотной простушкой, быстро вошла во вкус власти и в марте 1730 года разогнала Верховный тайный совет, став полноправной повелительницей России.

Началась одна из самых мрачных страниц в истории государства, получившая по имени «фаворита» Императрицы Эрнста-Иоганна Бирона (1690—1772) название «бироновщины». Все русское умялось и третировалось, а главные посты в государстве получали понаехавшие немецкие голодранцы, ставшие в России князьями и баронами: Остерманы, Минихи, Левенвольде, Шумахеры и другие. Смерть Анны Иоанновны не привела Россию к избавлению от власти тех, многие из которых даже и по-русски изъясняться не умели. Императрица назначила себе преемником своего внучатого племянника Иоанна

¹ Герцогство Курляндское включало западную часть современной Латвии со столицей в городе Митава (нынешнее название — Елгава).

² Цугцванг, от немецкого Zugzwang — положение в шахматной игре, когда любой ход ведёт к ухудшению позиции и материальным потерям.

Антоновича (1740—1764) — дальнюю «поросль семени» сводного брата Петра Иоанна Алексеевича, которому к моменту «воцарения» едва минуло два месяца от роду.

Фактически власть перешла от ветви Петра I к ветви Иоанна Алексеевича, и род Петра должен был пресечься. На Престоле теперь находился человек, имевший чрезвычайно отдаленное родственное отношение к Петру I — правнук его сводного брата Иоанна (1666—1696)¹. Трудно сказать, как бы развивалась в этом случае история России, если бы не решительность дочери Петра Елизаветы. На нее падал отсвет величия Петра, и она пользовалась большим почитанием в гвардии и кругах русской аристократии. В конце концов в ноябре 1741 года гвардейцы свергли годовалого Иоанна Антоновича и Елизавета Петровна стала Самодержицей.

Вступив на Престол Государства Российского в результате бескровного дворцового переворота, «дочь Петра Великого» Елизавета ни мужа, ни детей не имела, хотя ей уже было почти тридцать два года. При Анне Иоанновне Елизавета являлась изгоем, так как оставалась претенденткой на Трон по праву первородства. Императрица Анна свою кузину терпеть не могла; единственным её истинным желанием было «задвинуть подальше» дочь Петра I. Устраивать свадьбу, выводить опасную соперницу на главную арену, — такого Анна Иоанновна допустить не могла. Пусть эта ветвь родового древа засохнет и отомрёт!

Когда же Елизавета Петровна пришла к власти, то устроить брак стало ещё сложнее. Он должен был быть «равнородным»; а где же найти такого суженого, чтобы был под стать правительнице Великой Империи. К тому же Елизавета была слишком православной, целиком русской, а потому семейное сожительство с каким-нибудь немецким владетельным князем не могло быть приемлемо. Так Елизавета и осталась бессемейной и бездетной, хотя свою личную жизнь имела².

¹ После смерти в 1682 году старшего сына Царя Алексея Михайловича (1629—1676) Царя Фёдора Алексеевича (1661—1682) сводные братья Иоанн (мать — Мария Милославская) и Пётр (мать — Наталья Нарышкина) были провозглашены соправителями. Иоанн Алексеевич стал «первым царём», а Пётр Алексеевич — «вторым царём».

² За двадцать лет царствования Елизавета имела двух возлюбленных. Первый — красавец украинец Алексей Розум (1709—1771). Она заприметила его ещё тогда, когда тот был певчим в придворной капелле. Приблизила к себе, сначала в качестве камердинера, а после своего восшествия на престол осыпала чинами, наградами и поместьями. Теперь это был граф Алексей Григорьевич Разумовский — один из самых богатых и знатных людей в России. Следующим

Перед Елизаветой сразу же после воцарения возникла мучительная проблема престолонаследия, которую она решила единственно возможным путём: в ноябре 1742 года наследником (Цесаревичем) объявили единственного здравствующего внука Петра, племянника Императрицы, четырнадцатилетнего герцога Гольштейн-Готторпского Карла-Петера.

Это был сын старшей сестры Императрицы Елизаветы Анны Петровны (1708—1728). В ноябре 1724 года состоялась помолвка дочери Пётра I Анны с гольштинским герцогом Карлом-Фридрихом (1700—1739); свадьба же произошла уже после смерти Императора Петра I в мае 1725 года. Брачный договор не предусматривал изменения конфессиональной принадлежности; мать оставалась православной, а отец — лютеранином, и венчались они в двух церквях.

Муж Анны принадлежал к древнему роду Ольденбургов, и предки Карла-Фридриха занимали королевские престолы в нескольких северо-европейских странах. Мать Карла-Фридриха приходилась родной сестрой Шведскому Королю (1697—1718) Карлу XII, тому самому, с которым так упорно воевал Петр I и который был окончательно разгромлен Россией в битве при Полтаве в 1709 году.

Фридрих и Анна и после замужества жили в Петербурге, находясь фактически на содержании русского правительства и только в 1727 году, после смерти Императрицы Екатерины I, вынуждены были покинуть Россию и отбыть в столицу Гольштинии город Киль. Там 10 (21) февраля 1728 года у них и родился сын, которого нарекли Карлом-Петером в честь и Карла XII, и Петра I. Мать Карла-Петера Анна Петровна¹ умерла через несколько недель (4 (15) мая 1728 года), и внук Петра I, крещенный по лютеранскому обряду, рос и воспитывался в немецкой среде, не умея даже разговаривать по-русски. В 1739 году, после смерти отца, он наследовал титул герцога Гольштейн-Готторпского. Его жизнь невероятным образом изменилась после воцарения в России его тетки — Императрицы Елизаветы Петровны.

Карла-Петера привезли в Петербург 5 февраля 1742 года, начали усиленно обучать русскому языку, крестили по православному об-

---

фаворитом стал Иван Иванович Шувалов (1727—1797), блестяще образованный и воспитанный человек. Ему Россия обязана созданием Московского университета.

¹ В 1735 году супруг Анны учредил в честь покойной орден Святой Анны, который потом перешел в Россию. При Павле Петровиче, в 1797 году, орден Святой Анны с шестью степенями вошел в систему русских орденов.

ряду с именем Петра Фёдоровича, а 7 ноября 1742 года объявили наследником Престола. Но он так и не стал в полной мере русским, а церковные православные службы всегда воспринимал с явным индифферентизмом. Немецкое лютеранское воспитание давало о себе знать до самой гибели этого внука Петра I.

Пётр Фёдорович имел несколько пристрастий. Главное и очевидное: преклонение перед Прусским Королем Фридрихом II, прозванным Великим (1712—1786, Король с 1740 года). Фридрихом тогда многие восхищались, и не только в пределах Германии. Он создал дееспособное государственное управление, сильную и прекрасно организованную армию и способствовал культурному и хозяйственному развитию Пруссии. Король по своему интеллектуальному уровню превосходил большинство коронованных особ в Европе, написал несколько философских и литературных произведений, принесших ему общеевропейскую славу. «Философ на троне» вел регулярную переписку с Вольтером, и самый известный французский вольнодумец настолько проникся к Королю симпатией, что в 1750—1753 годах проживал в качестве гостя Фридриха в Потсдаме.

Король Фридрих знал о том, что в далекой России наследник Престола является его симпатизантом. Умный и расчетливый Король прекрасно понимал, что это обстоятельство сможет принести несомненные выгоды дорогой Пруссии. И внук Петра I действительно оказался спасителем своего кумира, в чём Фридрих узрел «руку Провидения».

В ходе начавшейся в 1756 году так называемой Семилетней войны армия Пруссии одержала ряд военных побед над австрийцами и французами. Когда же в военную кампанию за гегемонию в Центральной Европе в мае 1757 года вступила Россия, то положение стало меняться не в пользу Пруссии. В январе 1758 года русские войска взяли Кёнигсберг и Восточная Пруссия была включена в состав России. В ходе дальнейших военных действий «непобедимая» прусская армия была фактически разбита и в конце сентября 1760 года русские войска вошли в Берлин. «Фридрих Великий» бежал и стал задумываться о самоубийстве.

Нежданное спасение к Фридриху пришло из России. 25 декабря 1761 года (5 января 1762 года) умирает Императрица Елизавета и на Престол Государства Российского восходит Пётр Фёдорович под именем Петра III. Он сразу же прекращает военные действия и возвращает Пруссии все отвоёванные территории без всякой компенсации. Мало того. Пётр Фёдорович в своём восторженном восхищении

пошел дальше: распорядился ввести в русской армии прусский мундир. Вполне понятно, что прусские пристрастия, превращавшиеся в направления государственной политики, не могли принести ему симпатий в России.

Второй очевидной «слабостью» Петра III являлась русская княжна Елизавета Романовна Воронцова (1739—1792), которая была особенно близка сердцу Петра Фёдоровича в последние годы его жизни. Она была дочерью генерал-аншефа и сенатора князя Романа Илларионовича Воронцова (1707—1783) и доводилась родной сестрой Екатерине Романовне Дашковой (1743 или 1744—1810), получившей известность сначала в качестве ярой приверженки Екатерины II, деятельно способствовавшей её воцарению, а затем прославившейся в роли президента Российской Академии Наук. Привязанность Петра Фёдоровича к «любезной Лизавете» была так сильна, что когда его свергли с Престола, то он просил свою жену-заговорщицу Екатерину II только о двух милостях: не разлучать с Елизаветой и не лишать любимой скрипки, на которой он играл каждый день с великим усердием.

Жену Петру Фёдоровичу подыскала Императрица Елизавета. Она остановила свой монарший взор на принцессе Софии-Фредерике-Августе Ангальт-Цербстской. Она родилась на севере Германии, в городе Штеттин, 21 апреля (2 мая) 1729 года. Ее отец — князь Ангальт-Цербстский Христиан-Август (1690—1747), дослужившийся до генерала на прусской службе, исполнял обязанности коменданта города Штеттина. Мать — урожденная герцогиня Гольштейн-Готторпская Иоганна-Елизавета (1712—1760). По матери София приходилась троюродной сестрой Петру Фёдоровичу.

Принцесса Ангальт-Цербстская вместе с матерью прибыла в Петербург в феврале 1744 года и быстро завоевала сердце Императрицы Елизаветы. Она нашла, что девушка умна, скромна, воспитанна. К тому же её рекомендовал Прусский Король Фридрих, которого в тот период Елизавета весьма ценила. Выбор был сделан: 26 июня 1744 года принцесса приняла Православие с именем Екатерины Алексеевны. Прошел год, и 21 августа 1745 года в Санкт-Петербурге состоялась венчание и пышная свадьба наследника Престола Петра Фёдоровича и «благоверной Великой княгини» Екатерины Алексеевны. К этому времени мужу исполнилось семнадцать лет, а жене — шестнадцать.

Известно доподлинно, что Пётр Фёдорович искренне любил свою тётку — Императрицу Елизавету, которую называл «матерью». Свою

родную мать он не знал и не помнил, отца потерял весьма рано и был фактически лишён родительской любви и ласки. Его воспитателем был прямой до грубости гофмаршал Брюммер, который не заботился о духовном и интеллектуальном развитии своего подопечного; главное было сделать из него примерного унтер-офицера. В детстве Пётр знал и розги, и подзатыльники, и стояние в углу «на горохе», и голод, и холод.

Тётушка же Елизавета дарила Петру нерастраченные материнские чувства, что вызывало отклик в душе юного Цесаревича. Императрица баловала его, осыпала подарками, и бывший гольштинский герцог, когда бывали вместе, «ластился» в ней, за что она называла его «котёнком». Сам «котёнок» не стеснялся своей привязанности, и первое слово, которое он научился произносить без акцента, было «матушка», которое он и адресовал тётке-благодетельнице.

Вообще Пётр Фёдорович был всегда искренним человеком, не умевшим «играть на публике», чем очень вредил себе в глазах окружающих. Зато искусством лицедейства в полной мере владела его супруга Екатерина, оболотившая немалое число людей своим «обхождением». Умная, расчетливая и талантливая она сумела блистательно «сыграть жизнь», и за внешней маской многие современники, да и потомки, так и не смогли разглядеть её истинный облик.

Трудно даже сказать когда, в какие периоды и моменты своей бурной биографии она была подлинной. Неизвестно, в какой степени она «расслаблялась» в альковах, со всеми своими «фаворитами»; в этот заповедный мирок Екатерины никто из посторонних допущен не был, никто не оставил никаких «записок» и «мемуаров». На официальной же арене доминировали позы, фразы и жесты, которые сегодня могли быть одними, а назавтра совершенно другими. Мастерством перевоплощения Екатерина II владела в совершенстве. Она была воистину великой актрисой...

Императрица Елизавета была весьма недовольна своим племянником, точнее говоря его публичным поведением. Пётр Фёдорович не оправдывал её надежд. Он за несколько лет так и не стал в полной мере русским. В семнадцать лет всё ещё продолжал играть оловянными солдатиками в войну, но что ещё ужасней, весьма критически отзывался и о России и о русских, а на церковных службах вел себя предосудительно. Болтал, передразнивал священников, хихикал и ухмылялся при церковных таинствах.

Для Елизаветы, которую в народе величали «церкволюбивой», подобное поведение представлялось недопустимым. Она пыталась

влиять на племянника, делала ему наставления и замечания, но этого воспитательного воздействия хватало ненадолго. Елизавета полагала, что когда её племянник повзрослеет, то, само собой, образумится и поумнеет. Позже в своих «Записках» Екатерина II приводила нелестные высказывания Императрицы Елизаветы о Петре, которого якобы называла «уродом». Однако свидетельствам Екатерины, особенно касательно её супруга, доверяться можно с большой осторожностью; её отношение было явно тенденциозным. Она не жалела сил и времени, чтобы любым путем и любым способом дискредитировать сначала имя, а потом и память нелюбимого мужа.

После женитьбы Петра и Екатерины новая семья фактически так и не сложилась. Это был династический брак, один из самых (если не самый) несчастливых в истории Рода Романовых. Любви не было, и она, вопреки надеждам Елизаветы, так и не приходила. Каждый из супругов жил своей жизнью, вынося другого порой с трудом. Русская поговорка «слюбится — стершится» в данном случае не сработала. Пётр отдавался собственным интересам: тётка разрешила ему в 1755 году пригласить контингент пруссаков, и он с упоением занимался с ними маршевой и караульной службой. Ещё к числу любимых занятий относилась игра на скрипке, охота, дружеские пирушки, а в последние годы — любовь к Елизавете Воронцовой.

Екатерина же «играла по правилам»: была учтива, любезна, демонстрируя примерное отношение к церковным обрядам, хорошо зная, что неуважение к Православию недопустимо, что таким путем в России, кроме нелюбви и презрения, ничего иного заслужить невозможно. Она на публике была подчеркнута, даже нарочито, «благочестивой», прекрасно понимая, что русские простят многое; не простят же они никогда неуважения к их святыням и обрядам.

Она рьяно изучала русский язык, всеми силами стремясь изгнать немецкий акцент, чтобы стать «совсем русской». Императрица Елизавета считала всё это достойным похвалы, но душевного расположения к Цесаревне не имела. «Ты считаешь себя умнее всех», — в сердцах однажды заметила Елизавета Петровна, обращаясь к Екатерине.

Императрица чувствовала, что эта девица слишком скрытна и слишком умна, а такое сочетание может принести неожиданные и нежелательные плоды. Опасения Елизаветы потом в полной мере и оправдались: тихая принцесса из нищего и захолустного Цербста обыграла и переиграла всех. В письме английскому посланнику Ч. Уильямсу от 12 августа 1756 года Екатерина сформулировала своё жизненное

кредо: «Я буду или царствовать или погибну». Она с юности мечтала стать «великой», и она добилась своего.

У Петра и Екатерины долго не было детей, что служило поводом для сплетен, самой грязной из которых являлась упоминавшаяся выше: Пётр не был отцом Павла. Для подобных умозаключений не существует никаких документальных оснований. Жизнь по соседству с Императрицей Елизаветой являлась жизнью в стеклянном доме. Всё обо всём и обо всех было известно. «Разврата» в своём доме Императрица бы никогда не потерпела.

Елизавета жаждала одного: чтобы у Петра появился сын, и в конце концов 20 сентября 1754 года в Летнем дворце¹, в центре Петербурга, на свет появился Павел Петрович. Елизавета немедленно взяла дитя под свое полное покровительство. Позже Екатерина с грустью писала, что ребенка отняли у неё сразу после рождения, а о ней совсем забыли, и она стала никому не нужной. Сочиняя свои «Записки», Екатерина надеялась на сочувствие потомков, совсем как бы и позабыв, что когда у её сына Павла рождались старшие сыновья — сначала Александр (12.12.1777 года), а затем Константин (27.04.1779 года), — то она повела себя совершенно так же. Не зря же Павел Петрович потом говорил, что «старших детей у меня украли»...

Через два года, в декабре 1757 года, Екатерина родила и второго ребёнка: дочь Анну, которая скончалась, не дожив и до двух лет². Императрицу же Елизавету интересовал только маленький Павел, который обеспечивал продолжение рода. Отныне племянник Пётр занимал её мало, а его жена Екатерина не интересовала вовсе. Она могла делать всё, что угодно. И Екатерина, что называется, пустилась во все тяжкие. Ума и характера ей хватало, чтобы оказаться в центре придворных интриг. И одна такая история чуть не привела к крушению. Возникло «дело Бестужева», в котором Екатерина оказалась напрямую замешанной.

Граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693—1766) являлся одним из влиятельных сановников в царствование Императрицы Елизаветы: канцлер, руководитель внешней политики России. В середине 50-х годов он сблизился с Великой княгиней Екатериной, интригуя в её пользу. Новая династическая комбинация, которую отстаивал Бестужев, и которая была желанна Екатерине: отстранить от видов

¹ На этом месте ныне находится Михайловский (Инженерный) замок.

² Ходили слухи, что это якобы была дочь Екатерины от польского графа Станислава-Августа Понятовского (1732—1798), избранного в сентябре 1764 года Королем Польши.

на власть Петра, возвести на Престол малютку Павла и установить регентство Екатерины.

В феврале 1758 года Бестужев был арестован, началось следствие, и вина в противогосударственном злоумышлении была полностью доказана. Бестужев был приговорён к смертной казни, но Императрица явила милость: граф был сослан в свое имение¹. Естественно, что Императрица воспыкала ненавистью и к Екатерине, которую назвала «змеёй». Сама виновница понимала, что всё теперь поставлено на карту, что о будущей «великой роли», возможно, теперь придётся забыть навсегда. Она добилась свидания с Елизаветой, которая её видеть не хотела. Встреча состоялась глубокой ночью в покоях Императрицы, и Екатерине пришлось унижаться так, как, может быть она, не унижалась никогда ни до, ни после. Она буквально валялась в ногах, рыдала, просила прощения, ссылалась на свою «глупость» и «неведение».

Драматичность момента требовала от лицедейки настоящего трагического мастерства. И она его явила, попросив её, недостойную, выслать в Германию. Это был тонко рассчитанный ход: Екатерина прекрасно понимала, что она — законная, венчанная супруга Цесаревича, и такое изгнание невозможно без расторжения брака. Аннулирование же брака, заключенного по православному обряду, было сопряжено с большими сложностями и всеевропейским скандалом, на который Императрица Елизавета не пойдет.

Екатерина правильно оценила «диспозицию». Елизавета её «простила», приказав только больше не показываться на глаза. Очевидцем всей этой сцены «покаяния» явился Цесаревич Пётр Фёдорович, которого тётюшка попросила сидеть тихо за ширмой. Конечно, он не поверил ни единому слову «змеи», но с волей Императрицы спорить не стал. Его же отвращение к «законной супруге» теперь стало полным и окончательным.

Весь ужас ситуации состоял в том, что свою взаимную антипатию муж и жена перенесли на сына Павла. Первые свои годы Павел провел в окружении нянек и «мамушек». Императрица Елизавета вначале уделяла ему много внимания, но постепенно, в силу своих болезней и слабости, видела его от случая к случаю. Не имея личных навыков общения с детьми, она тяготилась долгим детским присутствием.

¹ После своего прихода к власти Екатерина II тут же вернула Бестужева из ссылки, сняла с него все обвинения и специальным Манифестом от 31 августа 1762 года сделала его членом только что образованного Императорского Совета и сенатором.

Мать в первый год жизни Павла видела его всего три раза, а потом не чаще раза в неделю, и с грустью писала, что ей не дозволялось видеться чаще. Однако не сохранилось ни одного свидетельства, чтобы она просила о более частых встречах со своим мальшом. Она не страдала «чадолюбием»; всю свою жизнь у нее была одна непроходящая любовь, которую пронесла до гробового входа: любовь к самой себе. Её тщеславие было безмерным и, когда все кругом её славил за соиздание «величия России», то в этом была только часть, причём, так сказать, вторичной правды. «Великая Россия» была нужна ей, чтобы тешить своё самолюбие, чтобы наслаждаться и упиваться властью и силой, которые принесла ей, бывшей голодранке, корона величайшей в мире Российской Империи.

Конечно, она была умна, можно даже сказать, изощренно умна, и умела использовать людей в своих интересах, которые часто совпадали с интересами России. В этом заключалась сила мастерства Екатерины II. В понятиях нашего времени её с полным правом можно было бы назвать архиталантливым «топ-менеджером»; она умела подбирать способный «персонал» и управлять им.

В качестве Великой княгини Екатерина многие годы жила двойной жизнью: тихая смиренная на публике и совершенно другая за кулисами. Она ни на один день не переставала работать «в свою пользу». Нет, планы династического переворота после случая с Бестужевым она больше не обсуждала, и, во всяком случае, не вела по этому поводу переписку. Но «общественное мнение» относительно порочности и умственной ущербности своего супруга она искусно создавала.

В своих «Записках» Екатерина II потом с обескураживающей откровенностью признавалась, что во имя роста своей популярности она ничем не гнушалась. «И в торжественных собраниях, и на простых сходбищах и вечеринках я подходила с старушкам, садилась подле них, спрашивала об их здоровье... терпеливо слушала бесконечные их рассказы, сама спрашивала их советов в разных делах, потом искренне их благодарила. Я узнавала как зовут их мосек, болонок, попугаев; знала, когда которая из этих барынь именинница. В этот день являлся к ней мой камердинер, поздравлял её от моего имени и подносил цветы и плоды из ораниенбаумских оранжерей. Не прошло двух лет, как самая жаркая похвала моему уму и сердцу послышалась со всех сторон и разлилась по всей России. Этим простым и невинным образом составила я себе громкую славу, и, когда зашла речь о занятии Русского Престола, очутилось на моей стороне значительное большинство».

Последние два года жизни Императрица Елизавета постоянно болела, и было ясно, что её кончина не за горами. А дальше? Дальше надо было творить будущее, и Екатерина его творила. Если учесть, что «общественное мнение» для середины XVIII века определялось, по сути дела, разговорами и настроениями в нескольких столичных дворцах, в кругу русской знати, то человеку умному, да к тому же наделённому актёрским дарованием, такому, как Екатерина, удалось без особо труда занять там немало симпатизантов.

Здесь самое время остановиться на одном известном случае екатерининского оболещения. Речь идёт о Екатерине Романовне Дашковой¹, урожденной Воронцовой, о которой ранее упоминалось как о младшей сестре Елизаветы Романовны — возлюбленной Петра III. После общения и бесед с Екатериной Дашковой в 1770 году французский философ Дени Дидро написал, что «княгиня Дашкова любит искусства и науки, она разбирается в людях и знает нужды своего отечества». Может быть, к этому времени она и «научилась разбираться в людях», но в молодости она безоглядно отдавалась симпатиям и антипатиям. И главной её тогдашней «симпатией» стала Великая княгиня Екатерина, за которую юная девица Воронцова готова была пожертвовать жизнью.

В своих Записках, которые княгиня Е.Р. Дашкова написала на склоне лет, она подробно изложила историю своих отношений с Екатериной. К тому времени давно уже не было в живых всех участников дворцового переворота, который в июне 1762 года привел к власти Екатерину, переворота, активным участником которого была княгиня Е.Р. Дашкова. Прошло более сорока лет после тех событий. Дашкова, научившаяся «разбираться в людях», узрела уже некоторые «пятна» на короне Екатерины II, но блеск и величие этого образа для неё не подлежали сомнению. Она всё ещё была уверена, что свержение Петра III было «делом спасения России», дистанцируя Екатерину II от факта гнусного убийства Императора, который являлся крестным отцом самой княгини Воронцовой-Дашковой! Для княгини «28 июня» — день свержения с Престола внука Петра I Императора Петра III — навсегда остался «самым славным и достопамятным днём для моей родины».

Дашкова познакомилась с Великой княгиней Екатериной осенью 1758 года: ей только минуло пятнадцать; Великой же княгини было уже почти тридцать. Разница в возрасте как будто не имела значения,

¹ С 1759 года она была замужем за князем Михаилом-Кондратием Ивановичем Дашковым (1736—1764).

и Екатерина Романовна с упоением вспоминала, как они беседовали о литературе, естественно, о французской, потому что ни о какой другой ни та, ни другая собеседница не знали и не подозревали. «Великая княгиня осыпала меня своими милостями и пленила меня своим разговором. Возвышенность её мыслей, знания, которыми она обладала, запечатали её образ в моём сердце и в моём уме, снабдившем её всеми атрибутами, присущими богато одарённым натурам», — с умилением писала Дашкова через десятилетия.

Так как муж Екатерины Романовны князь Дашков был полковником Лейб-гвардии Преображенского полка, а Наследник Великий князь Пётр Фёдорович являлся командиром, то встречи жён офицеров, так называемых «полковых дам», с командиром делались неизбежными. К тому же Дашкова происходила из знатной, приближенной к Трону семьи, что неминуемо создавало условия для таких встреч. Дашкова горела желанием общаться с Великой княгиней Екатериной, но при этом старалась уклоняться от встреч с Великим князем. Это носило вызывающий характер, и Пётр Фёдорович своей крестной дочери выражал пожелание, чтобы при встречах она была больше с ним, чем с Великой княгиней. Увещевания не производили на Дашкову никакого впечатления. Она была очарована и пленена Екатериной, не желая видеть и слышать её супруга.

Простая и восторженная девушка, полная сентиментальных чувств и возвышенных устремлений, создала себе кумира, не желая замечать ничего, что хоть как-то могло поколебать это фанатическое чувство. Её крестный отец, знавший свою супругу достаточно хорошо, старался предупредить заблуждения юности, призывал смотреть на мир без розовых шор на глазах. Однажды он прямо сказал княгине Дашковой: «Помните, что благоразумнее иметь дело с такими простаками, как мы, чем с великими умами, которые, выжав весь сок из лимона, выбрасывают его вон». Приведя эту сентенцию, Дашкова заметила, что она «знает источник», откуда она исходила, и этим ограничилась. А ведь Пётр Фёдорович был совершенно прав. Княгине и на старости лет никак не хотелось признать, что она фактически оказалась тем самым «лимоном», которым Екатерина II пользовалась по мере надобности и по своему усмотрению.

Дашкова имела стойкое чувство неприятия и Пётра Фёдоровича, и всей его компании, украшением которой была её старшая сестра Елизавета Воронцова. Её влекло к Екатерине, которую она воспринимала в качестве своей задушевной подруги, не зная и не понимая, что та была не способна на «задушевность». Молодая и романтическая

княгиня Дашкова была нужна ей, чтобы распространять в высшем свете угодные ей, Екатерине, настроения. И Дашкова их распространяла, неизменно восхищаясь «умом и тонким вкусом» своей старшей confidentки. Первое горькое разочарование случилось уже после переворота 28 июня 1762 года, когда Екатерина захватила Трон.

На следующий день в Императорском Дворце Дашкова явилась свидетелем отвратительной сцены, которую на первых порах ей трудно было объяснить. Отправляясь в очередной раз теперь уже к Государыне Екатерине, она в одной из ближних комнат «увидела Григория Орлова, лежащего на канапе и вскрывавшего толстые пакеты», присланные на имя Монарха. Екатерина Романовна немедленно спросила: «Что он делает?» и получила спокойный ответ: «Императрица повелела мне оторвать их». Это было шокирующее зрелище. Вскоре Дашкова узнала, что у Екатерины давно уже была любовная связь с Григорием Орловым, связь, о которой «её лучшая подруга» ничего не подозревала.

Не знала юная Дашкова, что Екатерина уже давно «крутит амуры» с Григорием Григорьевичем Орловым (1734—1783), плохо образованным и воспитанным сыном Новгородского губернатора, отличавшимся чрезвычайной нахрапистостью и бесцеремонностью. Несколько лет несведущая Дашкова и не подозревала, что её «богиня» Екатерина, такая умная и деликатная, которая так благопристойно вела себя на людях, а в храме вообще являла образец настоящей русской богомолки, что называется, не осыпав ещё от исповеди и причастия, стремглав неслась в свои покои и падала в объятия почти вечно полупьяного Григория Орлова. Да, действительно, тут была «бездна вкуса» и «такта», которые так импонировали княжне Дашковой.

Род дворян Орловых не был титулованным и не принадлежал к числу богатых. При Императрице Анне Иоанновне генерал-майор Григорий Иванович Орлов был назначен Новгородским губернатором. Женат он был на Лукерье Ивановне Зиновьевой, от брака с которой имел шестерых сыновей: Ивана, Григория, Алексея, Фёдора, Михаила и Владимира. Кроме Михаила, умершего в малолетстве, все остальные служили в гвардии и были в числе активных участников переворота 1762 года. Это стало для них «золотым» выигрышным билетом. Орловы по воле Екатерины II сделали магнатами, получили графские титулы и заняли ведущие посты в системе государственного управления.

Екатерина настолько увлеклась Григорием Орловым, что первое время после воцарения была готова выйти за него замуж. Весть о том

как громом поразила весь придворный мир и вызвала столь бурную протестную реакцию, что Екатерина отступила. Став Императрицей, Екатерина интимную связь эту особо уже и не скрывала. Раньше же надо было таиться.

Ещё 11 апреля 1762 года она родила от Григория Орлова сына Алексея Григорьевича, получившего «по высочайшему повелению» фамилию Бобринский (1762—1813). Вся эта история похожа на детективный роман. Екатерина умело скрывала свою беременность до самого конца; несколько недель, ссылаясь на болезнь, не выходила из своих покоев. Счастье и спасение её состояло в том, что Пётр Фёдорович нисколько не интересовался здоровьем Екатерины и её не навещал.

Когда же настало время рожать, преданный Екатерине гардеробмейстер В.Г. Шкурин поджёг свой петербургский дом. Пётр III, который всегда выезжал на тушение пожаров, не остался в стороне и на этот раз. И пока Император тушил пожар, Императрица родила в Зимнем Дворце младенца, которого немедленно унесли и скрыли. Когда вернулся Император, то ему доложили, что в покоях Императрицы происходит какая-то непонятная суеда. Пётр III немедленно туда направился, но Екатерина нашла в себе силы через час после родов встретить супруга уже одетой и с невинным выражением лица.

Когда к власти пришёл Павел, то он признал родство с Алексеем Бобринским, и в 1796 году пожаловал графский титул своему незаконнорожденному сводному брату. Алексей Бобринский стал родоначальником известного позже графского рода.

Существует предположение, что Императрица, помимо связи с Григорием Орловым, имела интимные отношения и с его младшим братом Алексеем (1735—1807), главнокомандующим с 1770 года флотом и после победы над турецким флотом при Чесме получившим фамилию графа Орлова-Чесменского. От связи с Екатериной родился сын Александр Алексеевич (1763—1808), носивший фамилию Чесменский...

Малютка Павел Петрович был далёк от всех придворно-политических пертурбаций. С детства он отличался замкнутостью и пугливостью. Он многого боялся: уличного шума, боя баранов, сильного ветра, грома и старших. От них он всегда ждал наказания и с малолетства усвоил, что он всегда и во всем виноват. В 1758 году к Павлу Петровичу был приставлен в качестве воспитателя, а затем Церемониймейстера Фёдор Дмитриевич Бехтеев (умер в 1761 году). В 1760 году Императрица Елизавета назначила наставником и Обергофмейсте-

ром двора Великого князя Никиту Петровича Панина (1718—1783), бывшего посланника в Копенгагене и Стокгольме, одного из самых образованных людей своего времени. Елизавета Петровна считала, что если Павел будет окружён с малолетства умными людьми, то много у них полезного наберётся.

В июне 1761 года Императрица Елизавета составила для Панина специальную инструкцию, где сформулировала воспитательные задачи. Собственно, основных задач или принципов было три. Во-первых, формировать в подопечном безусловное благочестие, так как «познание Бога» очищает душу, утверждает любовь и уважение к родителям, Отечеству и «всему роду человеческому». Во-вторых, воспитывать добронравие, снисходительное и добродетельное сердце. Это «истинный источник, из которого изливаются человеколюбие, милосердие, кротость, правосудие и прочие добродетели, обществу полезные». В-третьих, воспитывать любовь к России, к её истории, её прошлому, её жизненному укладу, к русскому народу. Панину вменялось в обязанность «истолковать» Павлу Петровичу, что «жребий его навеки соединён с жребием России, и что слава его и благополучие зависят единственно от благосостояния и знатности его Отечества».

Панин принялся за свое дело основательно и целеустремленно. Перво-наперво надо было ограничить безмерное влияние на Великого князя мамок и нянек, которые только баловали и нежили его, отчего тот сделался слишком пугливым и слезливым. Как только появлялся какой-то новый человек, так тут же слезы в три ручья и порой по несколько часов не могли успокоить. Панин начал твердо и методично формировать характер у мальчика, которому по праву первородства предстояло носить Корону Империи. Он приучал Павла к мысли о своей будущей исключительной роли; он учил мальчика уметь делать «как надо», не сообразуясь с собственными настроениями и хотениями.

Панин придерживался убеждения, что после Елизаветы на Престоле должен находиться именно Павел, роль же регентши при котором должна была перейти к Екатерине. В отличие от Петра Фёдоровича Екатерина умела «нравиться», была способна «завоевывать сердца», а это было так важно в России, где правителей или безмерно любили, или страстно ненавидели...

В подробностях неизвестно, какие конкретно педагогические приемы использовал Панин для культурного и духовного развития своего подопечного. Надежных документальных свидетельств не сохранилось. Существует лишь один документ — записки учителя

математики Семёна Андреевича Порошина (1741—1769). Они относятся к тому времени, когда Павлу было одиннадцать лет, а на Престоле уж пребывала его мать. К этому времени Павел Петрович имел уже определенные интересы и пристрастия, которые выходили далеко за рамки узкого дворцового мирка.

Из политических деятелей он преклонялся перед своим прадедом Петром I и можно обоснованно предположить, что это почитание целеустремленно насаждал Никита Панин. Вторым бесспорным героем для юного Павла Петровича стал французский Король Генрих IV (1553—1610, Король с 1589 года). Эта симпатия также возникла исключительно стараниями Панина, который ознакомил Павла с мемуарами барона Максимилиена де Сюлли (1559—1641) — министра Генриха и его страстного апологета. Между Петром I и Генрихом IV существовала схожесть исторических ролей. Пётр организовал мощную Империю; Генрих создал сильное Французское Королевство, с которого и началась эпоха доминирования Франции в Западной Европе. Сила и справедливость были девизом обоих монархов, и надо думать, что именно этими качествами они и поразили воображение юного Павла.

В этот период Павел имел уже твердое представление о своей исключительной роли, о чем свидетельствует эпизод, зафиксированный Порошиным. Однажды на спектакле в придворном театре, где отсутствовала Императрица, публика начала аплодировать ещё до того, как это начал делать Великий князь. Вернувшись в свои покои, Павел был рассержен и высказался по этому поводу графу А.С. Строганову (1733—1811).

Граф стал уверять, что Императрица не возражает в таких случаях, на что Павел Петрович ответил: «Да об этом я не слышал, чтоб Государыня приказывать изволила, чтобы при мне аплодировали, когда я не зачну. Вперед я выпрошу, чтобы тех можно было выслать вон, кои начнут при мне хлопать, когда я не хлопаю. Это против благопристойности». Завершая запись, Порошин заметил: «За ужином и после всё время Его Высочество посерживался». Обострённое чувство собственного достоинства было присуще Павлу уже в неполные двенадцать лет.

К этому возрасту Павлу пришлось пережить немало трагических моментов, которые на такой молодой и впечатлительной натуре не могли не сказаться. На Рождество, 25 декабря 1761 года, скончалась Императрица Елизавета Петровна. В течение последующих траурных дней Павел был печален и часто плакал. Он любил свою бабушку, он

считал её единственной заступницей в этом мире жестокосердных людей. Виделись они последние месяцы нечасто; Императрица болела, была плоха и к ней никого не допускали. Но живя с ней под одной крышей во Дворце, юный Великий князь знал, что бабушка никогда не сделает ему ничего плохого и защитит, если потребуется. Теперь её не стало и холод повседневности обступал со всех сторон. Придворные были все, как в параличе, все думали только о своём положении, а о Великом князе никому не было дела. Даже Панин теперь появлялся далеко не каждый день, был задумчив и рассеян.

Однако скоро и новая радость наступила: его отец, ставший Императором, стал проявлять интерес и внимание к своему сыну, чего раньше не наблюдалось. Павел его раньше почти и не знал. Теперь же Пётр Фёдорович стал меняться и для начала решил организовать экзамен для сына по тем предметам, которые ему преподавались. Пётр Фёдорович был немало удивлён увиденным и услышанным, а окружающим заметил: «Кажется, этот мальчуган знает больше нас с вами».

Пётр III находился на Престоле недолго, всего шесть месяцев. Он не снискал не только любви, но и признания у своих подданных, хотя был человеком незлобивым и совсем неглупым. Его можно назвать легкомысленным, что в конце концов и погубило его. Он никогда всерьёз не задумывался насчёт возможности своего отстранения от власти: он ведь внук Петра I, а такое неоспоримое достоинство отнять невозможно. Он устраивал смотры, парады и балы, не подозревая, что вокруг него плетётся паутина заговора, главным действующим лицом которого стала его постылая жена Екатерина.

Фридрих Великий присылал своему почитателю пламенные послания, в которых призывал проявлять твёрдость, без которой управлять Россией невозможно. Он убеждал Петра как можно быстрее короноваться, но Император не спешил с этим важным делом. Коронация подчеркивала сакральный смысл Царской властной прерогативы; это был нерасторжимый мистический брак с Россией. К слову сказать, расчетливая Екатерина вела себя совершенно иначе и как только захватила власть, то уже через три месяца короновалась в Успенском соборе Московского Кремля.

Однако было бы совершенно неверно считать, что при Петре Фёдоровиче наступил столбняк в делах управления государством, а сам правитель большую часть времени бражничал со своими голштинцами и занимался строевой подготовкой. Были приняты важные решения,

свидетельствующие о серьезном отношении Петра III к положению подвластной Империи.

Уже в феврале 1762 года появились два важных манифеста: о ликвидации Тайной канцелярии¹, т.е. об отмене тайного сыска и дознания; и о Вольности дворянства. Отныне «благородное сословие» освобождалось от обязательной службы и сохраняло абсолютную монополию на владение землей и крепостными. Эта мера вызвала восторг в дворянской среде, а Сенат даже выступил с предложением установить золотую статую Петра III. Дело до статуи не дошло, но Екатерина потом как бы «переиздала» Манифест о Вольности дворянства, приписав себе инициативу и заслугу его появления.

Ещё одной важной мерой, затрагивающей органику русской жизни, стал Указ от 21 марта 1762 года о секуляризации церковных земель. Ещё Пётр I хотел наложить государеву руку на огромные земельные угодья Церкви, как то произошло в Западной Европе, но не успел. Внук «довершил» начинание деда.

Однако были решения и поступки, которые встречали почти повсеместное осуждение. Во-первых, окончание войны с Пруссией и возвращение ей всех завоёванных земель без всякой компенсации. Несколько лет русская армия одерживала тяжелые победы на полях сражений, стоившие многих жертв. Теперь же Петербург и Берлин, по воле одного человека, а именно Русского Царя стали союзниками.

Всплеск возмущения в России вызвало и еще одно внешнеполитическое действие Петра III. Он вознамерился начать войну с Данией, чтобы отвоевать у нее некоторые территории Гольштинии. Это было совершенно неслыханно: Россия должна была воевать за интересы какого-то герцогства только потому, что Император являлся когда-то владетельным князем этой немецкой Тмутаракани. Это было неосмотрительно и просто опасно: порождать ропот своих подданных через несколько месяцев после воцарения — на это мог пойти лишь человек действительно легкомысленный. Кумир Петра Фридрих Великий прислал в Петербург послание, призывая Царя отказаться от этой, как казалось многим, сумасбродной идеи.

Атмосфера в Петербурге накалялась; в редком доме теперь не говорили о необходимости «сменить монарха». Наступал звездный час Екатерины, которую некоторые уже без всяких экивоков называли главной претенденткой на Престол. О «золотой статуе» никто больше

¹ Под названием «Тайной экспедиции» её восстановила Екатерина II уже осенью 1762 года.

не вспоминал, на зато несколько недель «весь Петербург» обсуждал «ужасное» деяние Императора, случившееся 9 июня 1762 года на банкете в честь подписания мирного договора с Пруссией. Что же там произошло? Обратимся к Н.К. Шильдеру, который целиком принял на веру версию Екатерины из её «Записок»; она господствовала в историографии более двухсот лет.

«Одно непредвиденное событие ускорило развязку. 9-го июня Пётр III праздновал в Зимнем Дворце заключение мира с Пруссией, и в этот день состоялся обеденный стол на 400 персон, приглашены были особы первых трех классов и иностранные министры. Император ознаменовал этот торжественный пир тем, что оскорбил Екатерину, назвав её громогласно “дурой”; затем приказал арестовать Императрицу, но заступничество принца Георга спасло на этот раз Екатерину».

Вот так: взял и прилюдно «унизил» скромную и добродетельную маленькую женщину, а потом решил её заточить в темницу! Ужас, да и только! Про «темницу» чуть позже. Пока остановимся на самом действии и рассмотрим более подробно, так сказать, фабулу. Сохранилось описание всей этой сцены непосредственного участника того застолья, им была упоминавшаяся княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Она не читала «Записок» Екатерины, а потому и скорректировать собственное изложение в угоду «богини» не могла. Вот как Дашкова описала тот инцидент.

«Императрица заняла своё место посреди стола; но Пётр III сел на противоположном конце рядом с прусским министром. Он предложил под гром пушечных выстрелов с крепости выпить за здоровье Императорской Фамилии, Его Величества Короля Пруссии и за заключение мира. Императрица начала с тоста за Императорскую Фамилию. Тогда Пётр III послал дежурного генерал-адъютанта Гудовича, стоявшего за его стулом, спросить Императрицу, почему она не встала с места, когда пили за здоровье Императорской Фамилии. Императрица ответила, что, так как Императорская Фамилия состоит из Его Величества, его сына и её самой, она не предполагала, что ей нужно встать. Гудович сообщил её ответ Императору; тот велел передать Государыне, что она “дура” и что ей следовало бы знать, что к Императорской Фамилии принадлежат и оба его дяди, голштинские принцы; опасаясь, однако, что Гудович не передаст Императрице его слов, он сам сказал ей их громко на весь зал».

Вся сцена была довольно несимпатичной, можно даже сказать, грубой, но прежде чем оценивать её, необходимо обратить внимание

на некоторые нюансы. Екатерина не встала во время произнесения тоста, демонстративно не подчинилась примеру Императора, что по тем времена считалось делом не только предосудительным, но и наказуемым. Конечно, со стороны Екатерины это была демонстрация. Пётр III, прекрасно знавший коварный нрав «жены-змеи», не мог этого не понимать и бросил в лицо ей обвинение, которое не отвечало нормам политеса, но соответствовало тяжести проступка. К тому же Пётр произнес не русское «дура», а французское «folle», которое можно перевести и более мягким по смыслу словом «глупая».

Екатерина после этого залилась слезами, изображая из себя оскорбленную добродетель. Но через некоторое время она уже весело болтала и смеялась над шутками графа А.С. Строганова. Однако она ничего не забыла и ничего не простила; она вообще никогда ничего не забывала и ничего никому не прощала. Как написал Шильдер, «оскорблённая как женщина и тревожная за будущность Империи, от которой она не отделяла себя, решила встать во главе движения, направленного против Петра».

Эта версия самой Екатерины, которая при этом никому никогда не объяснила, почему она «возглавила движение» не только против Императора, но и против его сына. Речь о воцарении Павла вообще не заходила в кругу «Русской Минервы»¹, как любили величать Екатерину II различные пиеисты. Павла как бы и не было, хотя, например, Никита Панин, недовольный Петром Фёдоровичем, видел после него на Престоле именно Павла Петровича. Когда же случился переворот, воцарилась Екатерина, то старый царедворец и дипломат не стал выступать против течения, хотя до самой смерти в душе так и не смирился с вопиющим актом самоуправства.

Наступало время кануна. Все это чувствовали, все, кроме Императора. Конечно, глупости о том, что он хотел «заточить» Екатерину, оставим на совести самой Екатерины, хотя офицеры разъясняли солдатам в казармах, что следует выступить на защиту Императрицы и Наследника, так как им якобы «угрожает опасность». Было ясно, что семейной жизни у Петра и Екатерины уже не будет никогда, и вопрос этот как-то следовало решать. И он был решен дворцовым переворотом. Горячие головы из среды молодого гвардейского офицерства во главе с Орловыми горели желанием «послужить России» и убрать ненавистного многим Императора. 28 июня 1762 года переворот свер-

¹ Минерва — в древнеримской мифологии богиня мудрости, покровительница искусств и ремесел.

шился. Его ход подробно описали и сама Екатерина, и княгиня Екатерина Дашкова. Судьба России была решена за несколько часов.

Рано утром того дня в сопровождении группы офицеров Екатерина прибыла из Петергофа в Петербург в казармы Измайловского полка, который приветствовал её уже в качестве «Величества». Далее то же самое повторяется в казармах Семёновского и Преображенского полков. К Екатерине прибывают некоторые вельможи, которые присоединяются к свите теперь уже «Императрицы». Окруженная гвардейцами и народом, Екатерина отправилась в Казанский собор, где её уже ожидал архиепископ Новгородский и духовенство. Пропели благодарственный молебен и торжественно провозгласили Екатерину «Императрицей всея Руси», а Великого князя Павла — наследником Престола.

Екатерина явила в этот момент свои немалые организаторские таланты. Были загодя составлены манифесты, послания командирам воинских частей и начальникам областей и губерний, был взят под контроль Кронштадт, а дипломатический корпус получил уведомление о перемене царствующей особы.

Во всей истории этого судьбоносного для России переворота много неясного и удивительного. Невозможно не поразиться, с какой легкостью офицеры и сановники приносили присягу на верность Екатерине, хотя от присяги на верность Императору Петру III их никто не освобождал. А ведь присяга — клятва на Евангелии Именем Божиим служить «не жалея живота своего» Монарху!

Были и немногочисленные исключения, и самое известное — канцлер и граф Михаил Илларионович Воронцов (1714—1767), дядя княгини Дашковой. Он прямо заявил Екатерине, что принёс присягу Императору Петру и присягать вторично не будет, но сохранит по отношению к Екатерине полную лояльность. Екатерине такой афронт был крайне неприятен: граф являлся влиятельнейшим лицом, руководителем внешней политики России. С ним нельзя было расправиться втихомолку: он был взят под домашний арест. Когда же после смерти Петра граф принес всё-таки присягу Екатерине, то арест был отменён.

Император Пётр встретил 28 июня в Ораниенбауме. Окруженный своими голштинцами, он узнал о событиях в Петербурге только в середине дня. После нескольких безуспешных попыток овладеть ситуацией, он отправил к Екатерине капитана П.И. Измайлова с сообщением, что готов отречься от Престола. Екатерина тут же при-

звала Петра сдать, чтобы «предотвратить неисчислимые бедствия». Она обещала обеспечить ему «приятную жизнь» в каком-нибудь удаленном от Петербурга дворце. Пётр поверил, капитулировал, и в результате не было пролито ни капли крови. Фридрих Великий по этому поводу с досадой заметил, что Пётр «позволил свергнуть себя с Престола, как ребёнка, которого посылают спать». Сам Фридрих никогда бы не капитулировал; как настоящий солдат, он стоял бы насмерть до самого конца, но его русский Император-поклонник не обладал силой воли Прусского Короля.

После отказа от власти поверженный Монарх был арестован и препровожден в Ропшу, которая ему принадлежала ещё в бытность его Великим князем. Екатерина лично подобрала группу доверенных лиц, которым приказывалось неотлучно находиться при Петре Фёдоровиче. Поверженный проявлял полное смирение; он лишь прислал письмо с просьбой отпустить его в Голштинию. «Ваше Величество может быть во мне уваренною: и я не подумаю и не сделаю ничего против Вашей особы и против Вашего царствования». Для подозрительной Екатерины эти заверения не стоили ровным счётом ничего.

Здесь возникает вопрос, который до сего дня не прояснён, да и который вообще трудно встретить в сочинениях по поводу указанных событий: как Екатерина видела будущее своего супруга, с которым она разведена не была? Сама она того не объяснила, да и никто того не объяснил и из числа её клеветов. Невозможно предположить, чтобы изощрённую натуру Екатерины не занимала эта проблема. Но она была действительно умна и расчетлива, прекрасно понимая, насколько ситуация взрывоопасна.

Передавали, точно тут ничего установить нельзя, что Екатерина намеревалась заключить Петра в Шлиссельбурге, а томящегося там Иоанна Антоновича перевести в другое место. А дальше что? Держать под арестом годы, а может быть, и десятилетия? Но ведь уже более двадцати лет томился в заключении Император Иоанн Антонович, свергнутый в 1741 году Елизаветой Петровной. Елизавете было проще, чем Екатерине; она ведь дочь Петра Первого, а Екатерина свергла внука Петра Первого. Было ясно, что не может Екатерина спокойно наслаждаться властью, пока жив Пётр. Его должно было бы не быть. Это решило бы многое раз и навсегда. Нет никаких оснований утверждать, что Екатерина отдавала приказ «извести» своего мужа. Для этого она была слишком умна и слишком осторожна. Но невозможно дистанцировать Екатерину от того злодеяния, которое формально

исполнили верные ей люди, просто-напросто «вычислившие» и «прочитавшие» сокровенное желание своей госпожи.

Пётр прожил в Ропше несколько дней, и 6 июля к Екатерине поступила краткая записка Алексея Орлова, извещавшая, что всё кончено. «Матушка, милосердная Государыня! Как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу, но как перед Богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть, но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка! Его нет на свете! Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руку на Государя! Но, Государыня, совершилась беда. Мы были пьяны, и он тоже. Он заспорил за столом с князем Фёдором (Барятинским. — А. Б.), не успели мы разнять, а его уже не стало. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебе принёс — и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее кончить. Свет не мил, разгневали тебя и погубили души навек».

Как же реагировала Императрица? В екатерининской мифологии бытует масса сказаний и легенд, которые частью пустила в обращение сама Екатерина II, а частью — её многочисленные приближенные и почитатели. Так вот, согласно распространенной версии, Екатерина, узнав о гибели ненавистного мужа, обливалась слезами, лишалась чувств и т.д. Почитательница Екатерины и её фрейлина графиня Варвара Николаевна Головина, которой в 1762 году ещё не было на свете (она родилась в 1766 году), через двадцать с лишним лет слышала рассказ графа Никиты Панина о тех событиях, который и запечатлела в своих мемуарах. Панин был в кабине Екатерины, когда пришла весть о гибели Петра. «Она стояла посреди комнаты; слово *кончено* поразило её. Он уехал? — спросила она сначала. Но, узнав печальную истину, она упала без чувств. С ней сделались ужасные судороги и какое-то время боялись за её жизнь. Когда она очнулась от этого тяжелого состояния, она залилась горькими слезами, повторяя: «Моя слава погибла, никогда потомство не простит мне этого невольного преступления!»».

Екатерина, которая «лишалась чувств» только на публике и в самые необходимые моменты, упала в обморок не потому, что убили монарха, её законного супруга. Она переживала только за свою общественную репутацию благородной, умной и справедливой правительницы. Гибель же Петра не могла не поколебать весь этот декоративный антураж.

Интересны в данном случае и признания княгини Дашковой, которая, узнав о гибели Петра, впала в состояние «огорчения и не-

годования». На следующий день, т.е. 7 июля, она преодолела себя и отправилась к Императрице. «Я нашла её грустной и растерянной, и она мне сказала следующие слова: “Как меня взволновала, даже ошеломила эта смерть!”. И ни слова сожаления и человеческого сочувствия по адресу убиенного. И самое примечательное: никто не зафиксировал того, чтобы после получения известия о смерти Петра, Екатерина отправилась бы в церковь, чтобы помолиться за упокоение души новопредставившегося мученика. Для выражения своих религиозных, как впрочем, и иных чувств, ей нужна была публика; она ведь всю свою жизнь провела на сцене...»

В тот день, когда Екатерина рассказывала Дашковой о своем «ошеломленном состоянии», появился монарший Манифест, к составлению которого Екатерина имела самое непосредственное отношение. Весь Петербург уже «был в курсе», из уст в уста передавали новость об убийстве Петра Третьего, назывались имена участников. Уверенно говорили, что Пётр был удушен шарфом.

В Манифесте же всё было искажено и извращено до полного абсурда. Кого Минерва собиралась обмануть? Наверное, только потомков, современники фактически и так уже почти всё знали. Вот только несколько пассажей из этого поразительного документа.

«В седьмой день после принятия Престола Всероссийского получили мы известие, что бывший Император Пётр Третий, обыкновенным и прежде часто случавшимся ему припадкам геморроидическим, впал в престостокую колику. Чего ради, не презирая долгу нашего христианского и заповеди святой, которую мы одолжены к соблюдению жизни ближнего своего, тотчас повелели отправить к нему всё, что потребно было к предупреждению следств, из того приключения опасных в здравии его, и к скорому вспоможению врачеванием. Но, к крайнему нашему прискорбию и смущению сердца, вчерашнего вечера получили мы другое, что волею Всевышнего Бога скончался». Иными словами, внук Петра I умер от «геморроидальной колики»! Это стало поистине «великим медицинским открытием».

Убийство Петра — позорнейшее деяние Екатерины II. Если даже прямого приказа убить мужа она и не отдавала, то она убийц выгораживала, вставая фактически на их сторону. Вообще, в истории с Петром III Екатерина предстаёт совсем не «великой», а мелкой, злобной и подлой натурой. У неё не хватило такта и масштаба души отдать покойному благопристойные почести. Никакого траура объявлено не было; тело на три дня было выставлено в Александро-Невской

лавре, причём близко к телу никого не допускали. Однако некоторые успели разглядеть, что лицо Пётра было «черным и опухшим» — характерное последствие удушения. Об этом тогда многие говорили, но подлинные детали обстоятельства смерти Петра Третьего так и остались неизвестными.

10 июля 1762 года убитого погребли в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры, сразу за могилой несчастной регентши Анны Леопольдовны. Екатерина на отпевании и похоронах не была; публике было объявлено, что якобы Сенат «упросил» не ездить.

Екатерина, несмотря на все ухищрения, не могла не понимать, что история гибели Петра будет вновь и вновь будоражить умы, вызывать вопросы. И главный — о её роли. Ей было непросто. Она никого не наказала из числа убийц; не могла же она карать тех, кто избавил её от бесконечной головной боли, вызванной мыслями о Петре III. Более того. Преступники, совершившие гнусное злодеяние, вскорости были «облагодетельствованы» различного рода милостями Императрицы. Даже князь Федор Сергеевич Барятинский (1742—1814), тот самый, кого Алексей Орлов зачислил в «главного убийцу», и тот со временем невероятно вознесся, получив должность обер-гофмаршала при дворе Екатерины II.

Екатерину всегда отличал религиозный индифферентизм. Нет, обряды и всю публичную церковно-государственную ритуалистику она знала на зубок и исполняла без затруднений. Однако назвать её истинно верующей православной невозможно. На дворе стоял «век Просвещения», когда над религиозным усердием было принято издеваться; считалось, что вера — это пережитки, это отдушина для тёмных и необразованных людей. Образованные же верили в «человеческий разум», поклонялись «естеству человеческому», замутненному и искаженному государственными и церковными институтами и доктринами. Екатерина была достойной «дочерью века Просвещения»; она свободно находила общий язык с таким вольнодумцем и богохульником, как Вольтер.

Но она знала точно и другое: в России нельзя демонстрировать свое безразличие к Православию, которое веками благословляло и освящало царскую власть. Это был необходимый инструмент управления огромной Империей, а потому она не пошла на отделение Церкви от Государства, хотя сама как протестантка по рождению и воспитанию считала, что «вера — личное дело каждого». В душе Императрицы тяги, потребности в церковном действии, в каждодневном молитвенном общении с Богом не наблюдалось. А потому

она и не боялась никакого Страшного Суда, в который попросту не верила.

В Манифесте по случаю своего воцарения от 28 июля 1762 года Екатерина прямо объявляла себя «защитницей Православия», boldly обвиняя Петра III в том, что тот намеревался переменить историческую веру «принятием иноверного закона». Какого именно — узурпаторша не объявила. Самодовольное величие личной персоны Екатерина явила в Манифесте по случаю своей коронации от 7 июля 1764 года. Он завершался велеречиво: «Он, Всевышний Бог, Который владеет царством и кому хочет даёт его, видя праведное и благочестивое оное Наше намерение, самым делом так оное (переворот. — А. Б.) благословил». Иначе говоря, власть свою она получила по промыслительному предназначению...

Мнения современников и потомков о своей персоне для Екатерины были весьма значимы. Тщеславие заставляло её постоянно работать над созданием собственного притягательного образа. Как выразился один из авторов, «хорошо разбираясь в искусстве рекламы, Екатерина была своим собственным министром пропаганды»¹. Она прекрасно понимала, что если нельзя вообще предать забвению всю историю со свержением и убийством Петра Третьего, то надо по крайней мере убедить всех в личной непричастности к этому аморальному делу. И главный козырь здесь — процитированная выше сумбурная записка Алексея Орлова. Она её показала некоторым близким и влиятельным лицам, в том числе и княгине Дашковой.

Княгиня нашла письмо Алексея Орлова вызывающим, он писал «как лавочник, а тривиальность выражений, бестолковость» послания княгиня объяснила тем, что автор «был совершенно пьян». Дашкова, конечно, полностью отвергала причастность Екатерины к убийству, называла разговоры об этом «грязной клеветой!». Но Дашкова прекрасно знала, что если Екатерина не причастна к самому акту в Ропше, то она ведь этот акт одобрила, а значит, хоть и задним числом, но к убийцам присоединилась: никто не был наказан и даже следствия не проводилось. Что же расследовать, если Пётр умер от «приступа геморроя»!

Записка Орлова являлась для Екатерины II чрезвычайно ценным самооправдательным документом, который она хранила в особой шкатулке в личном секретере. После её смерти документ был из-

¹ Граф Валентин Зубов. Император Павел I. Санкт-Петербург. 2007. С. 25—26.

влечен на белый свет и с ним ознакомился Император Павел. Якобы после этого Император изрёк: «Слава Богу! Это письмо рассеяло и тень сомнения, которая могла бы ещё сохраниться у меня»¹. Конечно, Императора могла радовать мысль, что мать не отдавала приказа убить отца, но он не мог не понимать, что так или иначе, но Екатерина виновна.

Павел Петрович много лет ничего не знал о свержении и убийстве своего отца. Он только на всю жизнь запомнил, как утром 28 июня 1762 года его ещё спящего растолкал Никита Панин, и, не объясняя ничего, повез в Зимний Дворец (Павел пребывал в Летнем Дворце). Ему не дали даже одеться: накинули наверх какой-то плащ, а под ним ничего, кроме ночной рубашки и панталон, не было. В Зимнем мальчик, которому не исполнилось и восьми лет от роду, оказался в водовороте событий, в которых ему раньше находиться не доводилось. На улице перед Дворцом собрались толпы народа, а во Дворце — масса офицеров и штатских чинов, все в парадных одеждах.

Панин успел сообщить ребёнку, что его батюшка скончался, а теперь будет царствовать матушка. Павел, научившийся с раннего детства не задавать вопросов, ничего больше не узнавал. Когда подвели к Екатерине, она взяла его на руки и вынесла на балкон, для обозрения толпы, которая от этого зрелища пришла и неистовый восторг. Далее Павла отправили обратно в Летний Дворец. И всё.

Больше никогда в окружении матери об отце не говорили не только с ним, но даже между собой. Тема была навсегда изъята из обращения: все прекрасно знали, что любое упоминание о Петре Третьем нежеланно Государыне, а кара послушника наступит незамедлительно. Павел не видел отца на смертном одре (на похороны его не допустили) и даже не присутствовал на заупокойных службах, которых в царских дворцах не проводилось.

Долгие 34 года — от момента смерти отца до смерти матери — Павел Петрович ничего не мог узнать достоверного. Он прекрасно понимал, что все окружающие его лица являются осведомителями матери, а потому те и теряли дар речи при самом невинном вопросе типа: «Вы видели, как военный смотр устраивал мой батюшка?» Потому и не ставил людей в неловкое положение и не пытался выведать подробности кончины отца. Он даже не знал наверняка, умер ли он или ещё жив. Ведь в усыпальнице Императорского Дома в Петро-

¹Бытует несколько вариантов этого текста-восклицания, но смысл пересказа один и тот же: Павел убедился, что мать не причастна к убийству отца.

павловском соборе Петропавловской крепости его могилы не было, а в царском помяннике имя Императора Петра III отсутствовало. Может быть, заточён где-нибудь, Россия ведь такая огромная, так что и следов не осталось. А в могиле в Благовещенской церкви может покоиться кто угодно: у матушки вдоволь мастеров чёрных дел.

Теперь же Павел мог открыто спрашивать и получать любую информацию. Потому так понятен его вопрос графу А.В. Гудовичу (1731—1808), состоявшему при Петре III флигель-адъютантом: «Жив ли мой отец?» Отрицательно-однозначный ответ закрыл тему. Сын решил восстановить историческую справедливость и отдать последний достойный долг памяти своего отца. Он принял решение, которое так шокировало и возбудило современников: перезахоронить Петра III одновременно с погребением Екатерины II. Вся екатерининская камарилья возопила в один голос: это «святоотатство», это — «оскорбление великой государыни». Все старались не вспоминать отвратительную несправедливость, совершенную относительно Петра III: Император был погребен без необходимой для такого случая торжественности. У Екатерины не хватило благоговения души отдать долг внуку Петра I.

Сын решил исправить бесчестное дело и перезахоронить останки отца в петербургской усыпальнице Дома Романовых — Петропавловском соборе, где к тому времени покоились Пётр I, Екатерина I, Анна Иоанновна и Елизавета Петровна¹. В акте перезахоронения многие узрели и писали о том многократно, что Павлом двигало желание «отомстить матери», «унизить её после смерти» перед подданными. На самом деле злобная мстительность ничего не определяла в политике Павла I. Он всегда лишь стремился добиваться торжества справедливости.

Екатерина II преставилась 6 ноября 1796 года, а уже 8 ноября появился Императорский указ на имя князя Юсупова, оберцеремониймейстера Валуева и статского советника Карадыкина, в котором говорилось: «По случаю кончины нашей Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, для перенесения из Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря в соборную Петропавловскую церковь тела любезнейшего родителя нашего, блаженной памяти Государя Императора Петра Фёдоровича, для погребения

¹ Внук Петра I Император Пётр II Алексеевич (1715—1730), умерший в Москве в возрасте четырнадцати лет от оспы, был похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля.

тела её Императорского Величества в той же соборной церкви и для наложения единовременного траура, учредили Мы печальную комиссию, в которую назначили вас к присутствию...» Одновременно был объявлен траур на год.

Первый раз Павел посетил могилу отца ещё 8 ноября, когда произведено первое вскрытие гроба. Второй раз то же случилось уже в присутствии Императорской Фамилии 19 ноября, когда была отслужена панихида. Начиная с этого дня в Благовещенской церкви ежедневно служились панихиды и дежурили особы первых четырёх классов по Табели о рангах. 25 ноября Павел совершил коронование своего отца, который при жизни не успел короноваться. Государь вошел в царские врата алтаря, взял приуготовленную там корону, возложил на себя и потом, подойдя к останкам отца, и при возглашении вечной памяти снял корону и положил её на гроб отца.

Тело же Екатерины II с 25 ноября находилось в гробу в Большом зале Зимнего Дворца, позже получившего название Николаевского.

1 декабря в Благовещенскую церковь Александро-Невской лавры были доставлены Императорские регалии: корона, скипетр и все высшие ордена, которыми Император награждался по праву властного приоритета. Среди них были и такие, которые учредила Екатерина II: Святого Георгия и Святого Владимира.

2 декабря 1796 года состоялось перенесение гроба Петра III из Александро-Невской лавры в Зимний Дворец. Вдоль всего пути были выстроены полки гвардии и армейские полки, а траурную процессию возглавил Император Павел Петрович. Всех доживших участников царевубийства 1762 года ждало возмездие: граф Алексей Орлов нёс корону, а рядом, еле передвигая ноги, плёлся обер-гофмаршал Екатерины II Фёдор Барятинский. По воле Самодержца убийцы отдавали последний долг убиенному. На просьбу дочери Барятинского Екатерины (1769—1849), в замужестве княгини Долгоруковой, пощадить её отца, Павел Петрович сказал, как отрезал: «У меня тоже был отец, сударыня».

Гроб с телом Петра III был оставлен в том же зале, где покоились останки Екатерины II. Разница была лишь в том, что гроб Императора был закрытым, и его украшала корона, гроб же Екатерины был открытым, и корона украшала голову усопшей. Постоянно шли поминальные службы и при гробах дежурили особы, имевшие штатные должности при Дворе. Вся эта траурная церемония далеко не всем пришлась по душе. Придворные Екатерины, давно забывшие и не вспоминавшие убитого Петра III, были шокированы.

Графиня В.Н. Головина в своих мемуарах в полной мере отразила впечатления недовольных: «Всё было величественно, красиво и религиозно, но гроб с прахом Петра III, стоявший рядом, возмущал душу. Это было оскорбление, которого и могила не может стерпеть; это кощунство сына в отношении матери делало горе непереносимым».

Поразительно, с какой лёгкостью и как безответственно представители русского общества играли словами, искажавшими их первичный смысл. «Оскорблением» и «кощунством» называется акт перезахоронения Императора, убитого и погребённого в нарушение всех норм. Сын восстанавливал справедливость по отношению к отцу, поруганную Екатериной II и ее камериальей. И всё.

Примечательна и ещё одна реакция, не столько на перезахоронение Петра Фёдоровича, сколько на события 1762 года. Екатерина Дашкова, которой в момент смерти Екатерины II не было в Петербурге, не могла лично наблюдать за всем происходящим. 5 декабря в Москве она получила предписание Императора Павла покинуть Первопрестольный град и отбыть в свои дальние имения и там «вспоминать 1762 год». Гневу престарелой княгини не было предела. В присутствии многочисленной публики она произнесла пафосный монолог, последний в своей жизни, свидетельствующий о том, что княгиня ничего не поняла, и не раскаялась в личном соучастии в страшном преступлении: свержении и убийстве Царя.

«Я ответила громко, так, чтобы меня слышали присутствующие, что я всегда буду помнить 1762 год и что это приказание Императора исполню тем охотнее, что воспоминания о 1762 годе никогда не пробудают во мне ни сожалений, ни угрызений совести...»

Императора Павла не занимали сетования и возмущения аристократов; он их мнением вообще не интересовался. Вступив на Престол, он тут же воочию узрел всю низость человеческой природы. Перед ним начинали лебезить и низкопоклонничать те люди, которые ещё вчера были «любезниками» матери, третировали Павла, а теперь падали на колени перед ним и готовы были лобызать ему руки. Павел руководствовался врожденным чувством справедливости, личным пониманием чести и долга, делая то, что подсказывали ему ум и сердце.

5 декабря 1796 года гробы Екатерины II и Петра III на двух катафалках доставили в Петропавловский собор, где 18 декабря 1796 года и были погребены по соседству с могилами Петра I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Там они пребывают до сего дня.

Глава 2. ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ ЦЕСАРЕВИЧА ПАВЛА

Правнук Императора Петра I, сын Императора Петра III, Павел Петрович был лишён всех видов на Престол 28 июня 1762 года. Повелительницей России на долгих 34 года сделалась его мать, никогда не любившая сына. Екатерина II обладала одним качеством природы, которое являла на протяжении всей своей долгой жизни. Её ненависть не проходила за истечением «срока давности». Она могла быть великодушной, она часто меняла личные пристрастия, но она не забывала и не прощала ничего и никого, что или кто хоть как-то ущемляли её нераздельное властвование.

Павел являлся живым укором, и мать всегда смотрела на него не просто с холодным отчуждением, но и с опаской. Хотя Цесаревич не делал ничего, что могло быть истолковано как «протест» или «неповиновение», но умной правительнице и прожжённой интриганке Екатерине этого и не требовалось.

Она знала, что Павел — враг, а потому многие годы царствования насаждала в своём окружении не просто высокомерное, но именно враждебное отношение к сыну, который третировался как умственно «неполноценный» и психически «неуравновешенный». Она готовилась устранить навсегда Павла от прав на Престол, передав их своему воспитаннику и любимчику внуку Александру. И если бы она прожила дольше, то можно почти с полным правом утверждать, что она довела бы это грязное дело до конца. «Минерва» вообще не любила останавливаться на полпути. Но не случилось: апоплексический удар и последовавшая затем смерть помешали «Екатерине Великой» совершить ещё одно великое злодеяние...

Вся эта история — отношения матери и сына — давно служит предметом смысловых спекуляций. Так как в данном тандеме Екатерина изначально пользуется преобладающим расположением среди историков и прочих «специалистов по прошлому», то, естественно, подавляющая часть авторов целиком на стороне матери. В оправдание Екатерины приводятся разнообразные логические аргументы, в то время как Павлу совершенно бездоказательно вменяются в вину различного рода «злостные намерения», которыми тот якобы был переполнен с самых молодых лет. В качестве типичного образчика подобного рода умозаключений можно сослаться на сочинение гене-

рала Н.К. Шильдера, который в своей биографии Павла Петровича запечатлел целый букет умозрительных измышлений.

Вполне понятно, что Шильдер не употребляет выражение «преступление» применительно к акту свержения и убийства Петра III, правление которого он, вослед за Н.М. Карамзиным, называл «вредным». По мнению автора, Екатерина, «обладая совершенно исключительными свойствами ума и характера... не могла добровольно снизить до жалкой роли правительницы, вроде Анны Леопольдовны». Не «могла» и всё тут. А как же закон и традиция, когда всегда и везде сын — наследник и преемник отца? Никак. При таких умозаключениях ни кровнородственный закон, ни закон сакральный в расчёт не принимаются. Между тем, когда описывается свержение в 1741 году Иоанна Антоновича и воцарение Елизаветы Петровны, то факт её родственной связи с Петром I выпячивается как главный аргумент. В связи же с Павлом история интерпретируется совершенно иначе, хотя Павел Петрович прямая «поросль древа Петра Великого», в то время как Екатерина лишь случайный нарост на нём.

Шильдера особо интересовало отношение Павла Петровича и к перевороту, и к воцарению матери. Напомним, что Павлу к этому моменту не было ещё и восьми лет, что само по себе исключало возможность наличия неких «документов», раскрывающих «злостные намерения» фактически малыша. Шильдер их, естественно, не обнаружил, что, впрочем, не помешало ему создавать широкие психологические обобщения. Оказывается, «уличная обстановка» 28 июня произвела «потрясающее впечатление на нервного ребёнка, одаренного к тому же болезненным воображением». Шильдер всё время намекает, а порой и говорит открыто, о том, что Павел с малолетства страдал «нервным расстройством», что «в уме маленького Павла прочно засело предубеждение против матери». Откуда же сие известно? Ниоткуда. Это очередные тенденциозные вымыслы, которых в большинстве сочинений о Павле Петровиче предостаточно.

Шильдер привёл одно высказывание Екатерины II из её переписки с немецким критиком и дипломатом Фридрихом Гриммом (1728—1807): «Не всегда знают, что думают дети, и трудно узнать детей, особенно когда доброе воспитание приучило их слушать с покорностью». Почти наверняка это сетование вызвано было отношением сына Павла, который никак и никогда не позволял себе нечто, похожее на критику матери. Екатерине же хотелось бы знать самые сокровенные мысли сына, но в этот мир она допущена не была. Не были туда допущены и историки, которые тем не менее всегда

позволяли себе интерпретировать покорность Павла в самом негативном смысле.

У Шильдера в этой связи можно прочесть следующее: «Павел повиновался с покорностью и, конечно, об известных вещах научился своевременно молчать, но от этого, разумеется, нисколько не выигрывали его сыновние чувства по отношению к материи. После 6 июля (день убийства Петра III. — А. Б.) взаимные отношения получили ещё новый, отсутствовавший дотоле, неприязненный оттенок. Между матерью и сыном появилась тень, хотя и не грозная, но наложившая, однако, неизгладимую печать на отношения Императрицы к своему первому верноподданному. Между ними окончательно создалась отныне глубокая пропасть, над которой Цесаревич много лет предавался пагубным размышлениям».

Исследователь фактически обвиняет маленького мальчика в создании атмосферы вражды с матерью и Императрицей, не приводя в подтверждение никаких фактов, потому что таковых не существовало (да и не могло существовать) в природе. Если же даже и признать, что Павел с детства «не любил» родительницу, то невольно возникают и другие вопросы, которые почти все обходят стороной. А сама Екатерина любила ли Павла? Что она, став Императрицей, сделала для сближения с сыном? Окружила ли она его вниманием и лаской? Об этом оправдатели Екатерины стараются не писать, потому что ответы могут быть только: нет, нет и нет.

Вскоре после воцарения Екатерина сделала «красивый жест», которые она всегда так любила. Императрица предложила известному французскому философу и математику, члену Парижской Академии Жану Даламберу (1717—1783), приехать в Россию и стать воспитателем Цесаревича. При этом она предлагала французскому академику баснословное содержание в 100 тысяч франков¹. Даламбер любезно отклонил предложение русской повелительницы. Это Екатерину не остановило, и она через несколько месяцев вторично обратилась к Даламберу, теперь уже предлагая тому устроить в России и всех друзей философа по его выбору. Результат вторичного обращения закончился ничем.

Почему Екатерина так настойчиво домогалась получить в воспитатели сына европейскую знаменитость? Часто писали о том, что

¹ В начале царствования Екатерины II стоимость рубля равнялась 5 франкам, но позже дошла до 2 франков. В любом случае 100 тысяч франков по тем временам — баснословная сумма.

она хотела, чтобы Павла Петровича наставляли лучшие умы Европы. Такой побудительный мотив исключить нельзя, хотя он и не представляется особо значимым. Более правдоподобной представляется другая версия: это была политическая комедия, разыгранная для получения, как бы теперь сказали, имиджевых дивидендов. Екатерина любила декоративные акции, особенно такие, которые имели широкий общественный резонанс.

Придя к власти как самозванка, она всеми силами старалась развеять негативный ореол, окружавший историю её воцарения. Ей надо было утвердиться в роли просвещённого монарха, в роли, которая была в большой моде в Европе. И ей это удалось. Даламбер не приехал в Россию, но о Екатерине заговорили в парижских салонах, в которых в тот период формировалось «мнение Европы». Самого Даламбера «просвещенной государыне» обмануть не удалось. В письме к Вольтеру Даламбер язвительно заметил: «Я очень подвержен геморрою, а он слишком опасен в этой стране»¹...

Конечно, провозгласив сына Цесаревичем, Екатерина обязана была соблюдать весь имперский антураж. Уже 4 июля 1762 года Павел Петрович был пожалован в полковники Лейб-гвардии Кирасирского полка, а 20 декабря Цесаревич произведён в генерал-адмиралы². 10 июля 1762 года Императрица назначила ему содержание в 120 тысяч рублей в год, а в 1763 году подарила Каменный остров в Петербурге.

В воспитании и образовании юного Павла мало что изменилось. Никита Панин продолжал властвовать безраздельно, впрочем, не утруждая себя чрезмерным усердием. Павел перестал его бояться, что происходило на первых порах, и постепенно старый царедворец сумел добиться с его стороны расположения, а затем и симпатии. В качестве обер-гофмаршала Никита Иванович имел полное право приглашать учителей, определять курс воспитания и формировать

¹ Екатерина руководствовалась просветительскими соображениями, когда пригласила в 1784 году в качестве наставника своих внуков швейцарца Фредерика-Сезара Лагарпа (1754—1838). В отличие от Даламбера Лагарп не являлся знаменитостью. Это был адвокат из Берна, который по рекомендации барона Гримма был включён в свиту фаворита Екатерины графа А.Д. Ланского (1754—1784), а лишь затем стал воспитателем Великих князей Александра и Константина.

² Высший военно-морской чин, соответствующий чину генерал-фельдмаршала в сухопутных войсках. Впервые был присвоен Петром I в 1708 году графу (с 1709 года) Ф.М. Апраксину (1661—1728).

окружение Великого князя. Панин прекрасно владел искусством европейского придворного «политеса» и внешне, по осанке, одежде и манерам походил на маркиза при Дворе Людовика XV, но в душе всегда оставался истинно русским человеком. Европейский лоск никоим образом не изменил его природной сути. Историю России, исторические национальные предания, природную русскую веру — всё это он не только знал, но и чтит. И эти же русские ценности он постоянно прививал Павлу Петровичу.

Панин совершенно не хотел видеть своего подопечного узколобым военным балбесом, а потому военные занятия не играли в воспитательном курсе сколько-нибудь заметной роли. Среди предметов преобладали точные науки, а также история, география и иностранные языки. Грамоте Павла начали обучать в четыре года и тогда же на него одели расшитый камзолчик и парик, который одна из нянь окропила святой водой.

К 12—13 годам Павел Петрович уже свободно владел французским и немецким языками; чуть позже овладел польским. В юношеские годы Павел пристрастился к чтению, и это занятие всегда поощрял Панин. Цесаревич к своему совершеннолетию (18 лет) знал не только сочинения Сумарокова, Ломоносова, Державина, но и европейских авторов: Расина, Корнеля, Мольера. Особенно его увлек огромный роман испанца Сервантеса «Дон-Кихот», который долго был его любимой книгой. Конечно, ему и в голову не могло придти, что некоторые из потомков именно его будут называть «русским Дон-Кихотом»...

Среди преподавателей Павла Петровича особую известность получил Семён Андреевич Порошин (1741—1769), бывший флигель-адъютант Императора Петра III, ставший преподавателем математики у Великого князя Павла в 1762 году. Хотя Порошин преподавал Великому князю математику, но его беседы с ним касались как истории, литературы, так и повседневных событий. К тому же педагог знал довольно близко отца, что внушало Павлу особое расположение. Порошин оставил свой дневник, который является бесценным материалом для характеристики личности Императора Павла в юношеские годы. Дневник охватывает период с 20 сентября 1764 года по 13 января 1766 года.

Первая дневниковая запись относится ко дню рождения Павла Петровича — ему исполнилось десять лет. В этот день был торжественный молебен, по окончании которого мальчик получил наставление архимандрита Платона на тему — «В терпении стяжите души

ваша». Потом были официальные поздравления, затем «Его Высочество с танцовщиком Гранжэ минуэта три протанцевать изволил». Вечером же был бал и ужин.

У Порошина можно найти немало зарисовок поведения Павла Петровича и характеристик его личности. Остановимся на одной, весьма значимой и относящейся к одиннадцатилетнему мальчику. «В учении — особенно в математике — он делает успехи, несмотря на рассеянность... Если бы Его Высочество человек был партикулярный и мог совсем предаться одному только математическому учению, то бы по остроте своей весьма удобно быть мог нашим российским Паскалем»¹.

Порошин отметил одну черту, которая характеризовала Павла с юных пор — математический склад ума. Его признаки — логичность мысли, выверенность суждений, обусловленность умозаключений. Ему всегда всё хотелось «разложить по полочкам», дать всему окружающему объяснение, сформулировать задания и установить правила. Когда он придёт к власти, то будет стремиться формально-логическим путём добиваться результатов. Отсюда поток его распоряжений и указов, нацеленных на преобразование жизни на основе норматива, на законодательное регулирование всех укладов в Империи. Этим же методом когда-то пользовался его прадед Пётр I...

Здесь уместна ремарка, касающаяся судьбы С.А. Порошина, к которому очень привязался Павел Петрович. 13 октября 1764 года С.А. Порошин записал восклицание Цесаревича, обращённое к учителю: «Не тужи, голубчик! Ты ешь теперь у себя на олове, будешь есть и на серебре». Но до «серебра» дело не дошло. Так уж повелось за долгий период, пока Павел Петрович носил титул Цесаревича: как только он привязывался к кому-то, как только у него возникало чувство симпатии к определённому человеку, то неизбежно это лицо «высочайшей волей» изгонялось из круга общения. Так случилось и с Порошиным: в 1767 году он был удален от Двора Наследника Цесаревича, в 1768 году назначен командиром Старо-Оскольского пехотного полка, а 12 сентября 1769 года скончался на двадцать девятом году жизни близ Елисаветграда.

Существует точка зрения, особо распространенная среди пие-тистов Екатерины II, что отлучение Порошина от Великого князя Павла, которого тот искренне полюбил, стало следствием «интриги»,

¹ Паскаль Блэз (1623—1662), известный французский философ и математик.

затейной Никитой Ивановичем Паниным, которого Императрица, вместе с его братом Петром (1721—1789), именным указом 22 сентября 1767 года возвела в графское достоинство. Так вот: согласно бытующей версии, Никита Панин и Семён Порошин имели один объект обожания: фрейлину Императрицы графиню Анну Петровну Шереметеву (1744—1768).

Чтобы отлучить соперника от Двора и изгнать из Петербурга, старый холостяк Панин (родился 15 сентября 1718 года) и добился отстранения Порошина, который чрезвычайно тяжело переживал свою отставку и даже обращался за помощью к Григорию Орлову. Якобы всемогущий тогда временщик ничего не мог сделать, и Порошин покинул свою должность при Великом князе. Все это выглядит малоубедительно по той причине, что графиня Анна Шереметева была объявлена невестой Панина ещё при должности Порошина; в этом «звании» она и скончалась от оспы 17 мая 1768 года. Но в любом случае решение принимали не Панин и не Орлов, а только — Императрица...

Павел рос любознательным и смысленным ребёнком. Но он всегда оставался одиноким. С самых ранних пор он не чувствовал не только родительской любви и ласки, но был лишён даже дружеского круга общения. Не сохранилось никаких указаний на то, что существовали какие-то друзья-товарищи его детских игр. «Няньки», «мамки», лакеи, камердинеры имелись в большом количестве, но вот друзей не было. Вины Павла тут не было никакой; он себе не принадлежал и никогда не имел возможности выбирать круг общения.

Одинокий и замкнутый, он с детства имел склонность «влюбляться» в людей. Его детское воображение порой захватывал тот или иной исторический герой, казавшийся «идеалом». Постепенно восторженное восхищение менялось: на смену одним персонажам приходили другие. То же самое происходило и с окружающими людьми. По этому поводу 24 сентября 1764 года Порошин записал: «Его Высочество, будучи живого сложения и имея начеловеколюбивейшее сердце, вдруг влюбляется почти в человека, который ему понравится; но как ни какие усиленные движения долго продолжаться не могут, если побуждающей какой силы при этом не будет, то в сём случае оная крутая прилипчивость должна утверждена и сохранена быть прямо любви достойными свойствами того, который имел счастье полюбиться».

Великой удачей и радостью было то, что в окружении Велико-го князя появлялись такие образованные и порядочные люди как

Порошин. Он постоянно вел с Великим князем задушевные беседы, выходившие далеко за пределы математических наук, и эти беседы раздвигали горизонты видимого мира, заставляли работать мысль и воображение.

Один раз он долго ему рассказывал о «деле Волынского», которое произошло на закате царствования Анны Иоанновны. Артемий Петрович Волинский (1689—1740) являлся известным государственным деятелем, «звезда» которого взошла ещё при Петре I. При Анне Иоанновне, в 1738 году, он назначается кабинет-министром, становится самым влиятельным государственным лицом, имеющим регулярный доклад у Императрицы по важнейшим вопросам внешней и внутренней политики. Далее произошло то, что неизбежно происходит в таких случаях: против влиятельного сановника объединились все недовольные и завистники. Беда Волынского состояла в том, что во главе этой «партии» находился фаворит Императрицы Эрнст-Иоганн Бирон (1690—1772).

Волинский был отстранен от власти и отдан в руки Тайной канцелярии, полное название которой — Тайная розыскных дел канцелярия, учрежденная в 1731 году для розыска и дознания по важнейшим политическим делам¹. Там жесточайшими пытками от сподвижников Волынского удалось добиться признания, что тот замышлял против Императрицы, имея намерение свергнуть Анну и возвести на Престол Елизавету. Некоторые при нечеловеческих муках признали даже, что Волинский сам собирался стать Самодержцем. Виновник же всего этого «розыскного дела» даже под пыткой отказался признать подобные намерения и всячески старался выгородить Елизавету Петровну, которую всё это дело должно было опорочить.

Заключение Тайной канцелярии было представлено на суд Анны Иоанновны. Он оказался скорым, неправым, а решение — невероятно жестоким: Волынского посадить на кол, предварительно вырезав у него язык, а его конфидентов, лишив имущества, обезглавить. Единственной «милостью» Императрицы стало решение казнить Волынского «через усекновение головы». 27 июня 1740 года Волинский и двое его товарищей были казнены.

Вся эта жестокая история необычайно взволновала Великого князя Павла; призраком мучительных истязаний не давал покоя. Под гнётом этих впечатлений двенадцатилетний Павел задал своему учителю

¹ Она явилась наследницей Тайной канцелярии, учреждённой Петром I в 1718 году.

вопрос: «Где же теперь эта Тайная Канцелярия?». Далее Порошин записал: «И как я отвечивал, что отменена, то паки спросить изволил, давно ли и кем отменена она? Я доносил, что отменена Государем Петром III. На сие изволил сказать мне: так поэтому покойный Государь очень хорошее дело сделал, что отменил её?» Вопросительная интонация тут была излишней; положительный ответ был неизбежен.

В другой раз Порошин мельком привел рассказ о поручике Смоленского пехотного полка Василии Яковлевиче Мировиче (1740—1764), вознамерившемся в июле 1764 года освободить из Шлиссельбурга томящего там Императора Иоанна Антоновича. Когда он ворвался в его камеру, то нашёл там бездыханное тело. Указ Императрицы Екатерины был бескомпромиссным: если кто покусится на освобождение узника, то страже надлежит немедленно умертвить заключённого, что и было исполнено. Затем был скорый суд над Мировичем, и 15 сентября на дальней Петербургской стороне он был казнен через отсечение головы, а тело его сожжено вместе с эшафотом.

Этот рассказ был дополнен Никитой Паниным, который лично был знаком с Мировичем. Старый бонвиван, прошедший большую школу придворного словоблудия, почти всегда придавал своим рассказам «французскую лёгкость». У Порошина по этому поводу записано: «Его превосходительство Никита Иванович изволил сказывать о смешных и нелепых обещаниях, какие оный Мирович делал Святым Угодникам, если намерение его кончится удачно. При сём рассказывал Его Превосходительство о казни одного французского аббата в Париже. Как палач взвёл его на висельницу и, наложив петлю, толкнул с лестницы, то оный аббат держался за лестницу ногой, не хотелось повиснуть. Палач толкнул его в другой раз покрепче, сказав: сходите же, господин аббат, не будьте ребёнком. Сему весьма много смеялись». Один Павел не смеялся. Эти ужасы производили на него гнетущее впечатление, а после таких рассказов он плохо спал и иногда кричал во сне.

Порошин оставил свидетельство, какое сильное и гнетущее впечатление на Павла произвела казнь Мировича. «Всякое внезапное или чрезвычайное происшествие весьма трогает Его Высочество. В таком случае живое воображение и ночью не даёт ему покоя. Когда о совершившейся 15 числа сего месяца над бунтовщиком Мировичем казни изволил Его Высочество услышать, также опочивал ночью весьма худо».

Никита Панин часто приглашал за стол к Цесаревичу сановников и известных в Петербурге лиц; все знали, что у Панина всегда и инте-

ресная беседа, и изысканные кушанья, и заграничные вина. Там много о разном судачили, и эти разговоры жадно впитывал юный Павел. Вот один из таких случаев, зафиксированный Порошиным.

«Обедали у нас графы Захар и Иван Григорьевичи Чернышёвы, его превосходительство Петр Иванович Панин, вице-канцлер князь Александр Михайлович Голицын, Михайло Михайлович Философов, Александр Федорович Талызин и князь Пётр Васильевич Хованский¹. Говорили по большей части граф Захар Григорьевич и Пётр Иванович о военной силе Российского государства, о способах, которыми войну производить должно и в ту или в другую сторону пределов наших, о последней войне прусской и о бывшей в то время экспедиции на Берлин, под предводительством графа Захара Григорьевича. Все оные разговоры такого рода были, и столь основательными наполнены рассуждениями, что я внутренне несказанно радовался, что в присутствии Его Высочества из уст российских, на языке российском, текло остроумие и обширное знание».

При этом Цесаревич жадно улавливал и то, что для его ушей не предназначалось, когда за столом возникал приватный обмен мнениями, а самого Павла отсылали из-за стола. По этому поводу Порошин записал 9 октября 1764 года.

«Часто случается, что Великий князь, стоя в углу, чем-нибудь своим упражнён и, кажется, совсем не слушает, что в другом углу говорят: со всем тем бывает, что недели через три и более, когда к речи придёт, окажется, что он всё то слышал, в чём тогда казалось, что никакого не принимал участия... Все разговоры, кои он слышит, мало-помалу, и ему самому нечувствительно, в основание собственных его рассуждений входят, что неоднократно мною примечено».

В таких ситуациях он не зевал и не плакал, как то случалось на званных приёмах у Императрицы. Они были бесконечно длинными и невероятно скучными, ничего не дававшими ни уму, ни сердцу. Императрица гневалась на сына, который вдруг в присутствии иностранных дипломатов начинал плакать или жаловаться на боль в животе, чтобы поскорее улизнуть из-за стола. Панин в этой связи

¹ Чернышев Захар Григорьевич (1722—1784), граф, генерал-фельдмаршал (1773), президент Военной коллегии (1773), градоначальник Москвы (1782). Чернышев Иван Григорьевич (1726—1797), граф, камергер, генерал-аншеф, вице-президент Адмиралтейской коллегии. Голицын Александр Михайлович (1718—1783), князь, генерал-фельдмаршал. Философов Михаил Михайлович (1732—1811), генерал-майор, начальник Шляхетского (кадетского) корпуса в Петербурге.

получал от повелительницы наставления, и неоднократно проводил с подопечным воспитательные беседы, требуя от того «соблюдения приличий». Павел плакал, давал обещания, но подобные эпизоды повторялись снова и снова.

Если в своем раннем детстве Павел Петрович сторонился людей, испытывал страх перед незнакомцами, то к десяти годам эти чувства переменялись. Ему стали интересны люди, особенно те, о которых ему слышать доводилось в застольных разговорах старших. Порошин по этому поводу записал 29 октября 1764 года. «Часто на Его Высочество имеют великое действие разговоры, касающиеся до кого-нибудь отсутствующего, которые ему услышать случится. Неоднократно наблюдал я, что когда при нём говорят что в пользу или в похвалу какого-нибудь человека, такого человека после увидя, Его Высочество особливо склонен к нему являться; когда ж, напротив того, говорят о ком невыгодно и хулительно, а особливо не прямо к Его Высочеству с речью адресуясь, то будто и разговор мимоходом, то такого Государь Великий князь после увидя, холоден к нему кажется».

Не имея друзей, и с детства понимая, что вокруг него по преимуществу люди, которые не желают ему добра, Павел Петрович научился скрывать свои мысли. Он создавал свой, закрытый от посторонних, мир, где властвовали его воображение и мечты. Но он не был прекраснодушным мечтателем; его регулярный, «математический» мозг создавал живые и жизненные картины. Эта особенность не прошла мимо внимания Порошина, записавшего 7 декабря 1764 года: «Великий князь весьма жалуется разговаривать о партикулярном¹ домоводстве и восхищается, входя в подробности оногo и представляя себя в партикулярном состоянии; забавляется тем по своему нежному ещё младенчеству и, имея наживейшее воображение, какое только натура произвести может, Его Высочество всё себе так ясно и живо представляет, как бы перед ним то уже действительно происходило: веселится тогда, подпрыгивает и откидывает, по привычке своей, руки назад беспрестанно».

Павел не являлся элегической и изнеженной натурой. Он мог мечтать, но ему всё время хотелось принять живое участие в действии. Хотя его от всех дел и всех забот надёжно отстраняли, но даже в тех крохах бытия, которые ему оставались, он всё время испытывал не-

¹ От латинского «particularis» — частный, не состоящий на государственной службе.

терпение. Надо раньше и быстрее покушать, надо быстрее погулять, надо раньше лечь, чтобы пораньше встать, надо быстрее дочитать полюбившуюся книгу. Он с детских лет торопился, как будто неосознанно предчувствуя, что жизнь его оборвется неестественным путём. Окружающие дивились и высказывали неудовольствие: зачем надо вставать в пять часов утра, когда все ещё спят, будить камердинеров и заставлять его одевать, когда спешить совершенно некуда. Зачем посылать посыльного к Панину и просить, чтобы подавали пораньше кушанья, хотя было хорошо известно, что ни завтрак, ни обед, ни ужин не будут поданы раньше обозначенного срока. Это постоянное нетерпение пытались побороть все окружающие, но ничего не выходило.

Порошин записал в конце 1764 года. «У Его Высочества ужасная привычка, чтоб спешить во всё: спешить вставать, спешить кушать, спешить опочивать ложиться. Перед обедом за час ещё времени или более того, как за стол обыкновенно у нас садятся (т.е. в начале второго часу), засылает тайно к Никите Ивановичу гоффурыера, чтоб спроситься, не прикажет ли за кушаньем послать, и все хитрости употребляет, чтоб хотя несколько минут выгадать, чтоб за стол сесть пораньше. О ужине такие же заботы. После ужина камердинерам повторительные наказания, чтоб как возможно они скорей ужинали с тем намерением, что, как камердинеры отужинают скорее, так авось и опочивать положат несколько пораньше. Ложась заботится, чтоб по утру не проспять долго. И сие всякий день почти бывает, как ни стараемся Его Высочество от того отвадить».

Вот еще несколько бытовых зарисовок, касающихся юного Павла Петровича.

24 февраля 1765 года. «Вечеру назначено ему было видеть Её Императорское Величество. Его Высочество изволил открываться мне, что он опасается, чтоб не удержали его долго затем у Государыни, как идти оттуда изволит; что быть там ему скучно и принуждённо, и что принуждение такое ему несносно».

28 февраля. «Хотели было из-за стола уже вставать, как не помню кто из нас попросил масла и сыру. Великий князь, сердясь тут на тафельдекера (подавальщика. — А. Б.), сказал: для чего прежде не ставите? И потом, оборотясь к нам: это они всё для себя воруют. Воружились мы все на Его Высочество и говорили ему по-французски, как дурно оскорблять таким словом человека, о котором он, конечно, заподлинно знать не может, виноват он или нет».

21 сентября. «За столом особое сделалось приключение: Его Высочество попросил с одного блюда себе кушать; Никита Иванович отказал ему. Досадно то показалось Великому князю: рассердился он и, положи ложку, отворотился от Никиты Ивановича. Его превосходительство в наказание за сию неучтивость и за сие упрямство вывел Великого князя тотчас из-за стола во внутренние его покои и приказал, чтоб он оставался там с дежурным кавалером. Пожуря за то Его Высочество, пошёл Никита Иванович опять за стол, и там несколько ещё времени сидели. Государь Цесаревич между тем плакал и негодовал. Пришед из-за стола, Его превосходительство взял с собою Великого князя одного в другую (учительскую) комнату и там говорил ему с четверть часа о непристойности его поступка, который, конечно, никто не похвалит».

Заметки Порошина рисуют портрет Павла совсем не в тех темнотрогических тонах, как то встречается в немалом числе сочинений. Это по всем понятиям — живой, любознательный ребёнок, наделенный своенравным характером, но отзывчивый и незлобивый.

Благодаря счастливому стечению обстоятельств одним из наставников Павла Петровича стал выдающийся русский пастырь и богослов Платон (Левшин, 1737—1812), которого известный историк-богослов Г.В. Флоровский (1893—1979) по праву назвал «самым значительным и ярким» деятелем церковного просвещения XVIII века.

Уроженец Московской губернии, сын бедного сельского дьячка он окончил в 1758 году московскую Славяно-греко-латинскую академию, проявив себя усердным и даровитым учеником. Широкий кругозор и знание латинского, греческого и французского языков, которыми владел великолепно, позволяли ему свободно читать самые сложные богословско-философские трактаты. Выпускник был взят учителем риторики в Троицкую семинарию, где принял постриг, а в 1761 году стал профессором и ректором ее. Вскоре случился его необычный общественный взлет.

В 1763 году Екатерина II совершила паломничество в Троице-Сергиеву Лавру, где Платон, обладавший даром слова, произнес перед Императрицей проповедь «О благочестии». Повелительница была «очарована», надо думать, не только услышанным словом, но и статью молодого профессора. Оттого и прозвучал кокетливый вопрос Императрицы: почему он пошел в монахи? История сохранила и ответ молодого Платона: «По особой любви к просвещению».

Повелительница России сразу же разглядела в молодом иерее уникальный «адамантизм», способный украсить ее окружение. Платон

вызывается в Петербург, где становится законоучителем у Цесаревича. В 1766 году он назначен архимандритом Троице-Сергиевой Лавры, в 1768 году — членом Синода, а в 1770 году — архиепископом Тверским. В 1775 году Платон получает назначение на архиепископскую кафедру в Москву. Екатерина постоянно приглашала Владыку ко Двору, «потчюя» им своих самых именитых и родовитых гостей. Ум и образованность русского пастыря производили сильное воздействие. Австрийский Император Иосиф II, к которому Митрополит был приставлен в качестве сопровождающего при его посещении Москвы, признался Екатерине, что самое яркое его впечатление — Платон.

Сохранился рассказ о диспуте Владыки с Дени Дидро (1713—1784), во время пребывания последнего в 1773 году в России. Известный энциклопедист и вольнодумец сразу решил сокрушить «клерикала», заявив, что «Бога нет». Ответ услышал достойный: «Сие известно еще до Дидро. Давид еще сказал: Рече безумен в сердце своем — несть Бог». Дидро якобы так восхитился ответом, что бросился обнимать Платона.

Тридцать семь лет Платон оставался на Московской кафедре, и, как написал один из биографов, «являл собою истинный образец епархиального начальника». Он отечески заботился об улучшении быта духовенства, много трудов положил на материальное укрепление и интеллектуальное развитие Духовной академии и семинарии. Его творческий вклад в отечественное богословие, агиографию и гимнетику трудно переоценить.

Множество специальных трудов, проповедей и поучений издавались для широкого распространения. Составленное им «Житие Святого Сергия Радонежского» — один из признанных шедевров агиографической литературы. Несколько платоновских «катехизисов» почти полвека, до появления «Катехизиса» Митрополита Филарета (Дроздова) в середине 20-х годов XIX века, являлись единственными учебниками и курсами богословия на русском языке. Его же перу принадлежит первое сводное изложение церковной истории. Богословский же трактат Платона 1775 года «Православное учение веры» — постулирование и раскрытие основ, принципов и упований Православия, — стал мощным гласом благочестия в эпоху вольтерьянской галломании.

В 1764 году Платон был приглашен в законоучители к Цесаревичу Павлу и исполнял свои обязанности до первой женитьбы Цесаревича в 1773 году. Нет никакого сомнения в том, что благодаря Платону

Павел Петрович из числа русских монархов XVIII века являлся самым богословски образованным. Сохранился отзыв Платона о своем подопечном, в данном случае чрезвычайно важный.

«Великий князь был горячего нрава, понятен, но развлекателен. Разные придворные обряды и увеселения немалым были препятствием учению. Граф Панин был занят министерскими делами, но и гулянью был склонен. Императрица самолично никогда в сие не входила. Однако, высокий воспитанник, по счастью, всегда был к набожности расположен, и рассуждение ли или разговор относительно Бога и веры были ему всегда приятны. Сие, по примечанию, ему ещё было со млеком покойною Императрицею Елисаветаю Петровною, которая его горячо любила и воспитывала приставленными от неё набожными женскими особами. Но при том Великий князь был особо склонен и к военной науке и часто переходил с одного предмета на другой».

Одно важное и непреходящее, что заложил Платон в душу будущего Императора: четкое и ясное понятие о нравственности, о том, что хорошо и что плохо. Этот кодекс был универсальным, так как базировался на вневременных постулатах Веры Христовой, на Завете Спасителя. Потому у Павла и сложилось резко негативное восприятие «матушки», всего уклада её Двора, всей дворцовой атмосферы екатерининского царствования, пронизанного затхлою атмосферой разнузданного разврата. Он знал, что это — грех, и уже после смерти Екатерины молился Всевышнему, чтобы Тот смилостивился и простил родительницу — великую грешницу.

Любовный список Екатерины велик; там значатся разные имена, но среди общепризнанных «ночных любезников» фигурирует двенадцать человек. Вот их полный состав с указанием лет альковной близости. С.В. Салтыков (1752—1754), граф Ст. А. Понятовский (1755—1758), граф Г.Г. Орлов (1760—1772), А.С. Васильчиков (1772—1774), князь Г.А. Потёмкин (1774—1776), П.В. Завадовский (1776—1777), С.Г. Зорич (1777—1778), И.Н. Римский-Корсаков (1778—1779), А.Д. Ланской (1779—1784), А.П. Ермолов (1785—1786), граф А.М. Дмитриев-Мамонов (1786—1789), князь А.П. Зубов (1789—1796). Некоторые из фаворитов делили альков с Екатериной многие годы; здесь на самом первом месте находился граф Г.Г. Орлов. Другие же, получив щедрые подношения, чины и награды, исчезали навсегда из дворцовых покоев всего через несколько месяцев, например С.Г. Зорич (1745—1799).

Екатерина, как правило, выбирала любовников из числа лиц, значительно её моложе. Исключение составляли только Николай

Иванович Салтыков (1736—1816, моложе на семь лет) и граф Станислав Понятовский (1732—1798, моложе на три года). Почти все остальные принадлежали совсем к другим поколениям. Некоторые не только ей по возрасту в сыновья годились, но и во внуки. Граф А.М. Дмитриев-Мамонов (1768—1803) был моложе на тридцать девять лет, граф П.А. Зубов (1767—1822) — на тридцать восемь. Лишь один их числа «фаворитов» превратился в крупную государственную фигуру — Г.А. Потёмкин (1739—1791). Все остальные ничем примечательным на государственной ниве себя не запечатали.

«Фике» — таково было прозвище будущей Императрицы в родительском доме, — тайно встречалась с любовниками лишь до той поры, пока не пришла к власти. Дальше начался откровенный, ничем не прикрытый кураж похоти. Теперь Екатерина уже никого не боялась и ничего не стеснялась. Фавориты не просто делили ложе, но и выступали на первых ролях во всех дворцовых церемониях, занимали виднейшие места на царских трапезах, «принимали к рассмотрению» дела и ходатайства различных лиц. Екатерина как будто специально дискредитировала все нормы морали, все древние традиции устройства обихода Царского Дома.

Возле каждого «фаворита» тут же образовывалась группа прихвостней и лизоблюдов, своего рода «ближний круг», с мнением которого вынуждены были считаться все прочие придворные и люди, занимавшие видные государственные должности. Сама Екатерина не стеснялась выражать на публике симпатии каждому своему очередному протезе, совершенно не интересуясь мнением окружающих. Дело доходило до вопиющих случаев, которые все пиетисты Екатерины, как правило, обходят стороной.

Чего только стоила история с «последней любовью» Императрицы — графом Платоном Зубовым. Надменный, самодовольный и умственно ограниченный — он вёл себя по-царски. Оскорблял презрением всех, кто ему не нравился, за трапезами и на вечерах у Императрицы говорил глупости, не стесняясь никого. Никто не перечил, никто не перебивал враля и фанфарона, потому все знали — к нему благоволит Императрица.

Опьянённая похотью, старая Екатерина ничего не хотела слышать и знать, что противоречило её мнению. Она уже настолько вознеслась над миром, что можно вполне уверенно говорить о психическом расстройстве, именуемом «манией величия», которой в последние годы жизни Екатерина II явно страдала. Она хотела сделать из «дорогого Платоши» крупного государственного деятеля, такого, ка-

ким был умерший Григорий Потёмкин. Она поручала Зубову разные государственные дела, интересовалась его мнением на собраниях сановников, но все было напрасно. Не было ни «мнения», ни дел. Платона Зубова занимали куда более личные «важные проблемы»: как уложены локоны на его парике, какое впечатление произведи бриллиантовые пряжки на туфлях, как смотрятся его новые золотые пуговицы на камзоле.

Екатерина всей жалкой никчемности интересов её «шер ами» как будто и не замечала. Она осыпала его дарами и пожалованиями, которых другие не получали за десятки лет беспорочной службы. Уже после первого интимного вечера с Императрицей, 21 июня 1789 года, на третий день, ему было пожаловано 10 000 рублей и перстень с портретом Государыни. Это было только начало. В 1791 году двадцатипятилетний Зубов становится шефом Кавалергардского полка, затем полковником, адъютантом Её Величества и генерал-майором. Далее больше.

Генерал-адъютант, генерал-от-артиллерии, Екатеринославский и Таврический генерал-губернатор, командующий Черноморским флотом; в 1793 году Зубов получает графский титул, а Австрийский Император возводит Зубова и трех его братьев в княжеское достоинство Священной Римской Империи. К концу царствования Екатерины Зубов имел тринадцать государственных должностей и практически не исполнял ни одной!

Екатерина подарила своему любимцу, умевшему уверить старую обрюзгшую женщину, что «она не потеряла девичьей свежести», огромные земельные владения и более тридцати тысяч крепостных крестьян.

В 1795 году Зубов выдвигает фантастический план: завоевать Персию и весь Восток до Тибета, а затем начать поход для завоевания Константинополя. «Екатерина Великая» этот безумный план без колебаний одобрила, а начавшаяся вскоре война с Персией привела государственные финансы России в полное расстройство и деморализовало армию.

Не достигнув и тридцати лет, Платон Зубов мог уверенно говорить, что «жизнь состоялась». Однако наступил ноябрь 1796 года и последовал крах. Павел Петрович изгнал Зубова со всех должностей и запретил тому показываться в столицах. Лишь в конце 1800 года Император явил великодушие: Зубову было разрешено вернуться в Петербург, где он, его братья Валериан (1771—1804), Николай (1763—1805) и сестра О.А. Жеребцова (1766—1849) сделали ак-

тивными участниками заговора с целью свержения Императора Павла.

Разнузданный маскарад фаворитов практически на протяжении всей своей жизни мог наблюдать Павел Петрович. Зрелище было невыносимым, нетерпимым, но сделать он ничего не мог. Особенно омерзительными были отношения матери с Платоном Zubовым, которого она прилюдно обнимала, ласково гладила по голове, называя «черноволосым любимым чадом». И это при живом сыне и при взрослых внуках! Никто никогда не узнал и не написал о том, сколько душевных мук стоило Павлу Петровичу созерцание всего этого непотребства на протяжении тридцати с лишним лет. Известно только, что он стыдился своей распутной матери, а Зимний Дворец ненавидел всеми фибрами души. Там всё было пропитано и пронизано развратом, и он серьезно думал о том, чтобы превратить Дворец из царской резиденции в казармы лейб-гвардии. Но не превратил, не успел...

Фривольные нравы возобладали при Дворе после воцарения Екатерины; это была нескончаемая череда демонстрации увлечений, «амурных историй», а проще говоря — похоти. Эту атмосферу «свободы нравов» повелительница России специально не насаждала, но ей и не препятствовала. Ведь когда все кругом погрязли в увлечениях, в адюльтерах и пороке, то и собственная развратность уже не казалась вызывающей. Волей-неволей Павлу Петровичу с ранних пор приходилось не только наблюдать происходящее со стороны, но с некоторыми из «объектов» увлечения матушки общаться не раз. Особенно это было непереносимо в детстве, когда он не мог отказать, не имел права уклониться, так как сам себе не принадлежал.

Екатерина явно хотела вовлечь сына в круг общения фаворитов; нечего ему сидеть сиднем за французской энциклопедией и за европейскими романами. Какие мысли у него там в голове бродят, одному Богу известно. Пусть он лучше уж начнёт ухаживать, волоочиться за молоденькими барышнями, которых было немало среди фрейлин.

Ему ещё не было и двенадцати лет, когда Григорий Орлов взял на себя обязанности «амурного» поводыря. Он водил его в комнаты фрейлин на верхнем этаже Зимнего Дворца, пренебрегая смущением и девиц и Великого князя. Он всё время допытывался у Павла, какая ему особенно понравилась. Мальчик терялся, лепетал что-то нечленораздельное, а Григорий Орлов, без всякого стеснения, рассказывал, что в «его возрасте он испытывал страсть льва».

Не отставала от своего фаворита и матушка, которая возила Павла в Смольный женский монастырь, а потом допытывалась: какая ему девушка понравилась и не хочет ли он жениться?

Это насаждение чувственности не прошло бесследно: в одиннадцать лет у него появилась «любезная», которая «час от часу более пленяет». Имя её стало быстро известно. Это была Вера Николаевна Чоголокова — круглая сирота, которую Екатерина взяла к себе в качестве фрейлины. Очевидно, именно ей Павел Петрович посвятил стихи, которые дошли до наших дней.

Я смысла и остроту всему предпочитаю,
На свете прелестей нет больше для меня.
Тебя, любезная, за то я обожаю,
Что блещешь, остроту с красой соединяя...

Порошин записал один эпизод, касающийся как раз увлечений юного сердца. «Шутя говорили, что пришло время Государю Великому князю жениться. Краснел он, и от стыдливости из угла в угол изволил бегать; наконец, изволил сказать: “Как я женюсь, то жену свою очень любить стану и ревнив буду. Рог мне иметь крайне не хочется. Да то беда, что я очень резв, наемдни слышал я, что таких рог и не чувствует тот, кто их носит”. Смеялись много о сей его заботливости».

Мальчику ещё нет и двенадцати лет, а он формулирует ту философию семейной жизни, которую будет исповедовать до конца дней. Любовь его к женщине — всегда искренняя, восторженная, полная, рыцарская — не раз будет подвергаться испытаниям. Он узнает на своем веку и измену, и предательство со стороны той, которую боготворит, и груз «рогов» ему тоже придётся ощутить...

В биографии Павла Петровича молодых лет остаётся немало неясностей и «провальных лет». Порошинский дневник остаётся единственным источником, дающим надежные и регулярные сведения. Из него можно узнать, что впервые Павел присутствовал на маневрах в Красном Селе в одиннадцатилетнем возрасте, летом 1765 года, в звании командира Кирасирского полка. Накануне отъезда Павел страшно волновался. По словам Порошина, «у него всё лагерь в голове был. Насилу я уложил его, сказав, что, ежели всё о том думает и худо спать будет, не выспится, и завтра Никита Иванович и в армию перед сорок тысяч не повезёт. Идучи ещё к постели, жмурился, для того чтоб поскорее заснуть». В Красном Селе Цесаревич был

в восторге оттого, что восседал на лошади, облачённый в кирасу¹ с палашом² в руке. Но всё ещё было совсем невинно и, как записал Порошин, Павел «на месте баталии, верхом сидя, покушал кренделя» и поехал домой спать.

Дневниковые записи Порошина обрываются на пороге двенадцатилетия, а далее — только случайные и отрывочные данные. Потому существует так много неясностей и противоречий, касающихся различных сторон жизни Павла, и специфики формирования его личности. Сам Павел ничего не рассказывал о своем детстве и юности; ему эта тема всегда была неприятна, а потому за него говорили поколения историков и публицистов. Отсюда — неизбежные домыслы и предположения, без которых в данном случае обойтись невозможно.

Это касается разных сюжетов; остановимся на одном, особенно важно: об общепризнанной склонности Императора Павла Петровича к военному делу, или, как иногда пишут, к «милитаризму». Действительно, трудно понять, каким путём в душе юноши сложилась подобная наклонность, тем более что внешних побудительных причин к формированию её не существовало. Екатерина военный дух в своём окружении не насаждала; она вообще не любила военные разводы, муштру, да и военные парады особо не жаловала и уж, во всяком случае, старалась, чтобы они были как можно покороче.

Ответственный за воспитание Павла Никита Панин был человеком сугубо светским и штатским; он не только не имел склонности, но и вообще не переносил шум и грохот военных караулов и парадов. Подопечный же его вырос совсем иным; для его всё это — своего рода «музыка души», которую он готов был слушать (и слушал) до последнего дня своей жизни. Трудно удержаться от предположения, что данная склонность стала своего рода генетическим наследием, полученным Павлом от отца Петра Фёдоровича.

Вторая удивительная склонность, проявившаяся у Павла и которая шла вразрез с господствующими настроениями при Дворе, — симпатия к Прусскому Королю Фридриху II. Екатерина II если и не испытывала неприязни к Фридриху, который когда-то являлся ходатаем перед Императрицей Елизаветой за «Фике», то имела стойкое неприятие Короля. Она не забыла и не простила Фридриху то, что он

¹ Кираса — металлические латы, надевавшиеся на спину и грудь для защиты от ударов холодным оружием. В указанное время сохранялся как атрибут обмундирования в кавалерии.

² Палаш — сабля с длинным прямым клинком, вкладываемым в ножны.

был ментором её мужа, а потом, не стесняясь, прилюдно критиковал Императрицу Екатерину. Когда Цесаревич Павел отправился в поездку по Европе в 1781 году, Екатерина специально запретила ему посещать Берлин, и Павел со старым Королем так тогда увидаться и не смог.

Симпатия к Фридриху, как и непроходившее обожание своего прадеда Петра I, возникли в душе Павла совсем не вдруг. Что касается Петра, то тут всё более или менее ясно: Первый Император превозносился на все лады при правлении его дочери Елизаветы, да и потом образ этот оставался почти священным для всех элементов русского общества.

Отношение же к Фридриху было не столь ясным в России. Он был правителем государства, с которым Россия в конце царствования Елизаветы Петровны воевала. Русские войска даже вошли в Берлин, но затем Пётр III свел на нет все успехи военной кампании, и в России возобладало стойкое неприятие Императора Петра Фёдоровича и его прусского ментора Фридриха. Но при Дворе всегда находились люди, симпатизировавшие Прусскому Королю, этому «философу и воину», который сумел не только выигрывать военные баталии, но и достойно их проигрывать. И самое главное: он создал дееспособную, прекрасно организованную государственную машину и мощную дисциплинированную армию.

Павел, который с детства имел, как уже говорилось, математический склад ума, не мог не восхищаться организацией, построенной на ясной регламентации, на чётком порядке и дисциплине. Ведь успех в любом деле зависит в первую очередь от организации этого дела, а армия должна служить эталоном государственной организации. И Фридрих создал такое государство, где обязанности и права каждого подданного и всех групп населения были распределены и законодательно зафиксированы со скрупулезной тщательностью. Потому и Пруссия, которая еще несколько десятков лет назад представлялась ничтожной и слабой, теперь — в числе главных скрипок в европейском концерте государств.

В Пруссии каждый знал, что он служит Королю, а Король — первый слуга Родины — Фатерланда. Все знали свои обязанности и старались исполнять их с максимальной отдачей сил. А в России что происходит? Невесть откуда появляются люди, не имеющие ни родовых заслуг, ни государственных талантов и в одночасье становятся чуть ли не вершителями судеб Империи. Взять тех же Орловых: только Екатерина заняла Престол, так они в такую силу вошли, что за их

фигурами и Престол уже рассмотреть невозможно стало. Понятно, Григорий: первый «любезник», «ночной Император». Но ведь и при свете дня власть алькова не заканчивалась. Ничего добиться нельзя, ничего решить невозможно без этого всеильного временщика.

Конечно, никто публично не возмущался; все понимали, что единое слово может сломать и карьеру, и жизнь. Но в узком кругу, среди своих, об этом много говорили с первых дней воцарения Екатерины. Никита Панин был в числе тех, кто не одобрял придворные нравы. Но ещё более резко высказывался его младший брат Пётр Иванович (1721—1789) — герой Семилетней войны.

Подобные разговоры долетали до ушей юного Павла Петровича и служили поводом для постоянных размышлений. Порошин в своём дневнике по вполне понятным причинам не рисковал фиксировать особо резкие пассажи, но сам факт подобных бесед не раз удостоверял.

«Его превосходительство Пётр Иванович рассуждал о дисциплине военной и о введении её между прочими чинами в государстве. Сказывал при этом на некоторые примеры оной дисциплины, примеченные Его превосходительством по Германии, во всех правительствах, между гражданами и между крестьянами. Его превосходительство Никита Иванович рассуждал, какие бы у нас можно ввести штатские учреждения, чтобы такой порядок везде господствовал».

Пётр Панин ввел в круг общения Цесаревича своего знакомого полковника Московского пехотного полка Михаила Фёдоровича Каменского (1738—1809)¹, который тому чрезвычайно понравился. Бравый офицер, служивший волонтером во французской армии, а затем участвовавший в Семилетней войне, много интересного рассказывал. Летом 1765 года Каменской был командирован в лагерь под Бреславлем, где Король Фридрих проводил обучение своих войск. Там Каменский составил план лагеря и описание диспозиции маневров, которые и были осенью того года подарены Цесаревичу Павлу. Для него это стало драгоценным подарком, который он изучил в мельчайших деталях, восхищаясь организаторским гением Прусского Короля. Это восхищение даже вызвало нарекания и Порошина, и Панина...

В описании Каменского имелся один абзац, обращенный к Цесаревичу, на который не мог не обратить внимание юный Павел. «Хотя

¹ В 1797 году волей Императора Павла А.Ф. Каменский станет генерал-фельдмаршалом и графом.

правнуку Петра Великого меньше всех нужны примеры иностранных государей, однокож оное (описание. — А. Б.) напомним, по крайней мере, Вашему Императорскому Высочеству недавно прошедшее счастливое время для российского войска, когда оно удостоено было видеть лицо своего Государя после сорока лет терпения». Тут можно обнаружить намёк не только на Петра I (в 1765 году исполнилось сорок лет со дня его смерти), но и на Петра III, лицо которого ещё помнили в войсках.

С 1765 года начинается в жизни Павла увлечение военным делом. Раньше он участвовал в баталиях лишь в своём воображении; теперь же о том увлечении начинают узнавать и приближенные. Чрезвычайно важная запись встречается у Порошина под 5 сентября 1765 года. В тот день Порошин играл на бильярде с ещё одним преподавателем, господином Остервальдом, а Великий князь бегал вокруг, изображая то пальбу, то военные команды. Порошин затем поинтересовался, в какие времена он сие увлечение заимел. И Павел открылся. Порошин записал рассказ одиннадцатилетнего юноши..

«Давно уже, в 1762 году, представлялось ему, что двести человек набрано, кои все служили на конях. В сём корпусе был он в воображении своём сперва ефрейт-капралом, потом вахмистром, и оную должность отправлял ещё в то время, как мы отсюда в оном годе в Москву ехали (на Коронацию. — А. Б.) ... Из оного корпуса сделался пехотный корпус в шестистах, потом в семистах человек. Тут Его Высочество был будто прапорщиком. Сей корпус превратился в целый полк дворян из 1.200 человек. Тут Его Высочество был поручиком и на ординации у генерала князя Александра Михайловича Голицына¹. Отселе попал он в гвардию в Измайловский полк в сержанты и был при турецком посланнике. Потом очутился и в сухопутном кадетском корпусе кадетом. Отсюда выпущен в Новгородский карабинерский полк поручиком; теперь в этом же полку ротмистром».

«Таким образом, — подытоживал повествование Павла Порошин, — Его Высочество, в воображении своём, переходя из состояния в состояние, отправляет разные должности и тем в праздное время себя иногда забавляет». В мыслях своих и мечтах Павел Петрович начал «отправлять службу» по крайней мере с восьмилетнего возраста...

¹ Александр Михайлович Голицын (1718—1773), князь, фельдмаршал, герой Семилетней войны.

Сохранилось несколько описаний облика, манер и образования юного Цесаревича Павла Петровича, принадлежавших иностранцам, которым довелось общаться с ним лично.

Посол Дании Ассебург, имевший продолжительную встречу с Павлом 4 ноября 1768 года, написал: «Великий князь, умеющий придать приятность всему, что он говорит, прибавил несколько слов, крайне лестных для меня, и заставил меня очень живо почувствовать печаль от разлуки с ним. Нельзя совместить вместе большего ума, большей мягкости и большего очарования, чем их сказывается в его поступках и на лице».

Более подробное описание физического и умственного состояния Цесаревича оставил англичанин Фома Димсдаль (Димсталь, Димсдэль, 1712—1800). Занимая пост врача в английской армии, он сделался европейской знаменитостью, став зачинателем важного дела: прививками против оспы. Екатерина II пригласила Димсдаля в Россию, где от оспы умирало множество людей, чтобы покончить с этим страшным бедствием. Она решила показать прочим личный пример, и 12 октября 1768 года в Зимнем Дворце английский врач привил оспу Императрице. На очереди была прививка и у Павла Петровича, но тот несколько недель проболел ветрянкой, и процедуру пришлось отложить до 1 ноября, когда прививка и состоялась. Причём она была сделана с согласия самого Цесаревича.

Когда Димсдаль в августе 1768 года прибыл в Россию, то сразу же с ним встретился Никита Панин и обратился к гостю с куртуазной речью по поводу Павла Петровича, желавшего получить прививку. «Он (Павел. — А. Б.) желал даже, чтобы она была произведена. Поэтому, прежде чем будет приступлено к делу такой важности, я должен просить Вас исследовать предварительно его телосложение и состояние его здоровья. Его Высочество знает, что Вы приехали, хочет Вас видеть и приглашает Вас кушать с ним завтрак. Смеею Вас уверить, что Его Высочество будет весьма доступен и вполне расположен познакомиться с Вами».

Однако только этими общими фразами дело не ограничилось. Панин попросил Димсдаля и о другой услуге, в круг английского визитёра первоначально не входившей. «Будьте с ним сколь возможно больше, наблюдайте за ним во время стола и при его забавах, изучайте его телосложение. Не будем торопиться, но, когда каждое обстоятельство будет достаточно соображено, представьте Ваше донесение с полною свободою».

Этот эпизод английский врач позже описал в своих воспоминаниях, и нет никаких оснований сомневаться в их достоверности. Он может показаться несущественным, если только не принимать в расчёт реальную ситуацию при Дворе. Никита Панин прекрасно знал её; знал многие скрытые и тайные эпизоды и настроения, которые такому опытному царедворцу ничего не стоило разглядеть за фасадом фальшивых поз и фраз. Павлу — четырнадцать лет; он на пороге совершеннолетия, он имеет все законные природные права на Престол, которого его беззастенчиво лишили.

Екатерина, занятая угождением личному тщеславию, своим удобствам и удовольствиями, никогда не допустит сына к Трону. Он слишком был хорошо осведомлен о характере этой женщины — он знал её ещё скромной «Фике» из нищего Цербста; да и потом немало нагладелся и наслушался о её поведении, пристрастиях, и о её полной беспринципности. Она готова на любое преступление, лишь бы сохранить властные prerogatives, которые она ставит превыше всего на свете.

Панин прекрасно понимал, что Павел не только нелюбимый сын, но и — постоянная угроза и укор для матери. И его подопечный это знал, а потому никогда не тянулся к матери, потому закрывался молчанием и порой выглядел волчком в золоченых дворцовых палатах. Павел боялся матери, боялся всего её окружения, которое играло и подыгрывало «Минерве». Павел боялся отравления, и несколько раз случались странные вещи: неожиданно у Цесаревича, которому всегда готовили отдельно, начинались приступы болей в животе, а затем кровавый понос. Один раз, когда Павлу было пятнадцать лет, он обнаружил в своей еде толченное стекло и так был потрясен, что побежал показывать сие матери, которая, конечно же, изобразила возмущение, приказала провести расследование, но так виновного и не нашли...

Никита Панин знал, что в окружении Екатерины по отношению к Павлу были уже произнесены слова «ущербный» и «сумасшедший». Пока это был лишь слухок, казалось, недостойный и внимания, но Панин слишком хорошо знал придворные нравы, чтобы приписать всё это случайной недобросовестности отдельных лиц. Потому он и обратился к английской знаменитости с предложением фактического медицинского освидетельствования Цесаревича, чтобы поставить заслон всем злобным измышлениям, и это при том, что при Дворе имелись придворные врачи. Но они ведь фактически — прислуга Императрицы, а Димсдаль совсем другое дело...

Димсдаль наблюдал на Цесаревичем несколько недель, проводил не раз полное освидетельствование, беседовал с ним на разные темы, и его заключение не оставляло никаких возможностей для двусмысленного толкования.

«Цесаревич и Великий герцог Гольштинский Павел Петрович, единственный сын Её Величества, росту среднего, имеет прекрасные черты лица и очень хорошо сложен. Его телосложение нежное, что происходит, как я полагаю, от сильной любви к нему и излишних о нём попечений со стороны тех, которые имели надзор над первыми годами Наследника и надежды России. Несмотря на то, он очень ловок, силен и крепок, приветлив, весел и очень рассудителен, что не трудно заметить из его разговоров, в которых очень много остроумия. Что касается до его воспитания, то едва ли есть принц, которому было оказано более заботливого внимания. Он имеет по всем наукам отличных учителей, которые каждый день приходят его наставлять, и им он посвящает большую часть своего времени. Утро проводит он весьма прилежно с ними. Около полудня он отправляется изъяснить своё почтение Императрице; после того он проводит несколько времени с придворными, которые имеют честь обедать за его столом. Окончив обед, после кофе, он отправляется к своим учебным занятиям, в свои внутренние покои, до самого вечера».

И через двести пятьдесят лет после Димсдаля его заключение остаётся наиболее полной зарисовкой физического и умственного развития четырнадцатилетнего Павла Петровича.

Внутренний уклад жизни Павла, процесс его возмужания фактически скрыт от потомков. После Порошина никто не вел каждодневных записей, никто не оставил подробных свидетельств. Сохранились только отрывочные и куцые зарисовки и характеристики, которые, конечно же, не дают возможность судить об этом с максимальной точностью.

Куда лучше известны общая обстановка при Дворе и политика Империи — две важные составляющие, повлиявшие на мировоззрение и характер будущего Самодержца.

В 1768 году началась война с Османской империей; одновременно Россия вела военные действия в Польше против войск конфедератов.

Тяжелые сражения развернулись на южных рубежах; война с Турцией продолжалась несколько лет (1768—1774), была долгой и кровопролитной. Главные военные действия разворачивались в Северном Причерноморье, вдоль нижнего течения Днепра, Южного

Буга, Днестра и устья Дуная. В июле 1774 года в болгарской деревне Кючук-Кайнарджа был заключён мир между Россией и Турцией. Турция признавала независимость Крымского ханства, которое отныне становилось вассальным от России; за Россией окончательно закреплялись некоторые причерноморские территории. Турция признавала право России свободно пользоваться Черным морем, и её судам дозволялось проходить через Босфор и Дарданеллы.

На фоне военной кампании на Юге, в 1772 году, Екатерина вместе с Пруссией и Австрией пошла на раздел Польши, присоединив к Империи восточные районы Королевства. Через двадцать лет, в 1793 году, Екатерина вместе с Пруссией и Австрией осуществит второй раздел Польши. Угроза потери независимости в 1794 году привела к Польскому восстанию во главе с Т. Костюшкой. В 1795 году, после взятия Варшавы, последовал третий, последний, раздел Польши, а к России отошли значительные территории, в том числе и вся Курляндия.

Раздел Польши — старая идея Прусского Короля Фридриха II, которую первоначально Императрица Екатерина решительно отвергала, но затем приняла. «Фридрих Великий» здесь явно обыграл «Екатерину Великую», которая сделала Россию заложницей своей мегаломании. Россия получила в свой состав не просто чужеродную территорию, но и враждебные русскому духу — Православию — этноконфессиональные элементы: поляков и евреев. Польша стала «бомбой с тлеющим фитилём», постоянно угрожавшей целостности Империи до самого конца существования Монархии.

Хотя немалое число людей в России не считали решение о бесконечном территориальном расширении правильным, но перечить воле Екатерины II никто не смел. Нашёлся лишь один человек, кто поставил под сомнение избранный экспансионистский курс. Им стал Цесаревич Павел. В 1774 году он представил Екатерине записку — «Рассуждения о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты оного, и касательно обороны всех пределов». Двадцатилетний молодой человек фактически сформулировал военно-государственную доктрину, которая после его воцарения станет основополагающим принципом имперской политики.

Суть ее сводилась к трём важным положениям. Первое. Россия не должна вести наступательные войны, а только оборонительные. Второе. Россия не должна расширять пределы и должна отказаться от территориальной экспансии. Третье. Армия должна быть сокращена, но зато реорганизована на основе жесткой регламентации,

благодаря чему можно добиться значительной экономии государственных средств.

Екатерина не просто проигнорировала указанные предложения сына, но с гневом их отвергла, считая все это «глупостью глупого человека». У неё был уже очередной «любезник», сильный и умный Григорий Александрович Потёмкин (1739—1791), который больше всех остальных временщиков ненавидел и третировал Цесаревича. «Шишок», «огрызок», «недоумок» — вот далеко не полный набор оскорбительных эпитетов, которыми он, не стесняясь, громогласно награждал Павла Петровича. Будучи вспыльчивым, но отходчивым и в общем-то незлобивым, Павел не таил долго обиду на людей. Было лишь несколько исключений, и самое главное — Потёмкин. Павел его терпеть не мог; ему это имя было ненавистно. После смерти фаворита он даже распорядился засыпать грот в храме города Херсона, где покоились останки Потёмкина...

Летом 1771 года произошёл один эпизод, повлиявший не только на придворную жизнь. В начале июня Цесаревич заболел «горячкой», и болезнь быстро приняла угрожающий характер. Врачи сбились с ног, а Никита Панин не отходил от Цесаревича ни днём ни ночью. Екатерина оставила свои увеселения в Петергофе и вернулась в Петербург, чтобы ежедневно видеть сына и получать известия о состоянии его здоровья.

Самое же непредвиденное случилось не в Зимнем Дворце, а вокруг него: весть о болезни Цесаревича быстро облетела всю столицу и вызвала неожиданно-сочувственную реакцию у населения. Толпы горожан ежедневно в течение пяти недель, пока продолжалась болезнь, собирались перед Дворцом, чтобы узнать новости о состоянии здоровья Павла. Молились, крестились, ставили в храмах свечи о здравии.

Эти всеобщие переживания, зримые знаки любви к Наследнику, не могли не поразить Императрицу. Она всегда болезненно воспринимала любые формы симпатии к Павлу; ей чудилось в этом неуважение к собственной персоне. А тут вдруг всколыхнулось такое море! Хозяйка Зимнего Дворца ничего поделать не могла и молчаливо взирала на происходившее действие, в котором нетрудно было различить признаки недовольства её режимом. Не прошло ещё и десяти лет со дня её воцарения, а русские уже стенают и плачут о Наследнике, видя в нём (откуда они сие взяли?) — надежду и радость своего будущего. Лучшее всех выразил всеобщее состояние известный писатель и комедиограф

Денис Иванович Фонвизин (1744—1792), написавший восторженное «Слово» по случаю выздоровления Павла.

«Настал конец нашему страданию, о россияне! Исчез страх, и восхищается дух веселием. Се Павел, отечества надежда, драгоценный и единственный залог нашего спокойствия, является очам нашим, исшедши из опасности жизни своей, ко оживлению нашему. Боже, сердцеведец! Зри слёзы, извлечённые благодарностью за Твоё к нам милосердие; а ты, Великий князь, зри слёзы радости, из очей наших льющиеся. Любезные сограждане! Кого мы паки зрим! Какая грозная туча отвлечена от нас Десницею Всевышнего!»

О Павле Петровича в «Слове» было произнесено немало проникновенных слов. По заключению Фонвизина, «кротость нрава ни на единый миг не прерывалась лютостью болезни. Каждый знак воли его, каждое слово изъявляло доброту его сердца. Да не исходят вечно из памяти россиян сии его слова, исшедшие из сердца и прерываемые скорбью. Мне то мучительно, говорил он, что народ беспокоится моею болезнью. Такое к народу его чувство есть неложное предзнаменование блаженства россиян и в позднейшие времена».

Этот отпечатанный пафосный панегирик не мог доставить радости Екатерине. О шестнадцатилетнем Павле говорили как о каком-то спасителе России, который в будущем подарит стране и людям «блаженство». Конечно, тут не обошлось без «доброхотов», расструбивших о болезни и взвинтивших нервные настроения. Главный среди них Панин, рыдавший часами и писавший разным знакомым о своих страхах и переживаниях. Но с ним ничего не поделаешь; надо не придавать этому всему особого внимания, а со временем весь этот «спектакль» и забудется! Екатерина готова была «задвинуть» Цесаревича как можно дальше от государственной авансцены; сделать его неким личным атрибутом власти, но ничего не получалось. Волей-неволей Павел Петрович занимал своё собственное место; на него смотрели как «на семя Петра Великого», а всесильная Самодержица тут была бессильна.

Приближалось совершеннолетие Цесаревича. Законом этот возраст определён не был, но в соответствии со старой традицией таковым рубежом считалось восемнадцать лет. Некоторые надеялись, что Екатерина уступит Павлу Петровичу место на Троне; сама же она ни о чём подобном не помышляла. До её ушей долетали подобные разговоры, она их считала «глупыми», а распространителей их — «дуралеями». Не для того она столько лет терпела и боролась, чтобы по доброй воле отдать завоеванное тени ненавистного Петра III.

Самое неприятное, что в числе распространителей подобной государственной ереси были и фигуры заметные. Никита Панин явно симпатизировал этому «проекту». Но Никита умен, умеет скрывать душевные секреты. Зато его младший братец — Петр Иванович — не стесняется, и в обществе оглашает подобные крамольные мысли. Екатерина платила Петру тем, что не раз называла того «врагем» и личным недоброжелателем и наставляла приближенных, чтобы его не приглашали, а лучше и вообще с ним не виделись. Когда же в 1767 году она жаловала графский титул, то его получили оба брата. Екатерина всегда считала лучшим способом завоевать лояльность того или иного лица — купить её дарами и пожалованиями. В случае с Паниными этот приём не сработал: оба брата так и не стали ей до конца душевно верными и лично преданными.

В сентябре 1773 года Екатерина в приватном послании московскому генерал-губернатору князю М.Н. Волконскому (1713—1786) написала о Петре Ивановиче: «Что касается до дерзкого известного Вам болтуна, то я здесь кое-кому внушила, чтоб до него дошло что, если он не уймётся, то я принуждена буду его унимать, наконец. Но как богатством я брата его осыпала выше его заслуг на сих днях, то чаю, что и он его уймёт же, а дом мой очистится от каверны. Чего всего Вам в крайней конфиденции сообщаю для Вашего сведения...»

В 1772 году Павлу исполнилось восемнадцать лет. Курс наук был закончен; завершилась и опека Никиты Панина. Граф был удостоен благодарственного рескрипта и остался заведующим иностранными делами России. Но никаких торжеств 20 сентября устроено не было; мало того: Екатерины приняла решение праздновать день 22 сентября — дату её коронации в Москве.

К этому времени Императрица была занята решением одного вопроса первостепенной государственной важности: женитьбой Павла. Эта мысль ею овладела ещё в 1768 году, когда сыну не исполнилось и четырнадцати лет. Летом того года она обратилась с личной просьбой к бывшему представителю Дании в Петербурге Ассебургу, с просьбой подыскать в Германии подходящий вариант. Ассебург рьяно взялся за дело: наводил справки о возможных претендентках, с некоторыми из которых встречался лично и посылал подробные отчёты в Петербург. Почему столько лет Екатерина с маниакальной настойчивостью стремилась устроить брак сына, при этом никоим образом не интересуясь мнением самого Цесаревича? Сама она того не объяснила; хитрая и расчетливая «Минерва» многое из своей биографии не объясняла, а

если что-то и объясняла, то в этих объяснениях правды, как правило, не было ни на грош.

Можно предположить два взаимосвязанных объяснения той неутомимости, которая овладела Екатериной. Во-первых, брак сына отвлечёт его от праздного времяпрепровождения, займёт его натуру не мечтаниями и сомнительными беседами, а семейной повседневностью. Во-вторых, можно будет надеяться на появление внука. В случае такого исхода возникала возможность, устранив Павла, окончательно решить вопрос династической преемственности, мучивший Екатерину с первого дня воцарения. Она его не просто не любила, но чем дальше, тем больше с трудом выносила. На публике она вынуждена была «играть по правилам», а в минуты расслабления позволяла себе так пренебрежительно отзываться о Павле, что просто оторопь брала. Она не стеснялась даже отрицать отцовство своего законного сына! У Екатерины было инстинктивное неприятие Павла Петровича; можно даже говорить о своего рода маниакальном синдроме.

Павла не готовили к роли Государя. Его не посвящали в механизм управления Империей, его фактически не допускали до государственных дел. Он имел только право дважды в неделю видеть Императрицу и читать в эти дни дипломатические сообщения, большую часть которых составляли сплетни и слухи, циркулировавшие при различных дворах Европы. Передавали, что в узком кругу Екатерина не раз произносила: «после меня хоть трава не расти». Неизвестно, насколько это достоверно, но её поведение в династическом вопросе наглядно такое умозаключение подтверждало...

Поиски невесты в конце концов принесли результаты. С помощью Ассесбурга Екатерина остановила свой взор на трёх дочерях Ландграфа Гессенского. Она, правда, не догадывалась, что «сватом» в этой истории выступал Прусский Король Фридрих. Ассесбург являлся не только формально прусским подданным, но и пруссаком в душе. Для него Король олицетворял высшее совершенство в мире коронованных особ; он его боготворил и, естественно, посвятил своего кумира в ту тайную миссию, которую ему поручила российская Императрица.

Фридрих понял, что перед ним открывается новый шанс иметь рычаг влияния при Петербургском Дворе. Две предыдущие попытки — и с Екатериной, и с Петром III — не принесли желаемых результатов, но Король никогда не страдал неуверенностью. У Фридриха имелась на примете одна невеста — его родная племянница София-Доротея-Августа-Луиза, принцесса Вюртембергская. Но София была слишком юна: в октябре 1769 года ей исполнилось только десять лет.

В результате — приоритет был отдан Гессенскому Дому, глава которого Ландграф Людвиг IX (1719—1790) был хоть и недалеким, но честным малым. Среди трех гессенских принцесс особого внимания удостоилась Вильгельмина (Августа-Вильгельмина-Луиза). Эту кандидатуру поддерживали не только Ассебург и его ментор Король Фридрих, но и русский министр иностранных дел Никита Панин, которому Ассебург регулярно посылал сообщения. Причём, как позже выяснилось, содержание этой переписки не сообщалось Императрице, которая о ней не знала. Из посланий Ассебурга можно было заключить, что Вильгельмина девушка серьезная и довольно необычная, что особенно и подкупало Панина. Граф был сторонником женитьбы бывшего своего подопечного. Во-первых, это укрепит общественный статус Павла Петровича, но самое главное, обратит его внимание и энергию на семейную жизнь. Панин все время опасался, что Павел — прямой и импульсивный — может в какой-то момент не сдержаться и позволит себе нечто, что вызовет гневную реакцию Екатерины. Нет, Цесаревич никогда не допустит каких-то действий, никогда не станет плести нити интриг и заговора. А вот высказаться о матери, о её моральном облике может. Этого будет достаточно; последствия в таком случае могут быть непредсказуемыми. Потому Панин так и интересовался Вильгельминой и просил Ассебурга сообщать все имеющиеся сведения, что тот и делал.

«Принцесса Вильгельмина до сих пор ещё смущает каждого заученным и повелительным выражением лица, которое её редко покидает». «Удовольствия, танцы, парады, общество подруг, игры, наконец, всё, что обычно возбуждает живость страстей, не затрагивает её. Среди всех этих удовольствий принцесса остаётся сосредоточенной в самой себе». Единственными её недостатками Ассебург признавал внешнюю скрытность и внутреннюю сосредоточенность, чем она очень напоминала Цесаревича Павла. «Нет ли сокровенных страстей, которые бы овладели её рассудком?» — вопрошал Ассебург. И отвечал: «Тысячу раз ставил я себе этот вопрос и всегда сознавался, что они недостижимы для моего глаза... Насколько я знаю принцессу Вильгельмину, сердце у неё гордое, нервное, холодное, быть может, несколько легкомысленное в своих решениях».

Все предварительные переговоры и обсуждения совершенно прошли мимо Павла Петровича. Екатерина посвятила в суть дела сына только тогда, когда встал вопрос о приезде в Россию Ландграфини Гессенской Генриетты-Каролины с дочерьми, только тогда Екатерина

поговорила с сыном в самых общих чертах. Предстоящие смотрины сами по себе окончательно ничего не решали; потенциальная невеста должна была понравиться не столько молодому человеку, но в первую очередь — его матери. Екатерина повторила тот же сценарий сватовства, который когда-то использовала Императрица Елизавета на ней самой. Не жених должен был ехать к потенциальной невесте, а невеста прибывала на смотрины к жениху, и должна была понравиться не столько ему, сколько будущей свекрови.

Пылкое воображение Павла Петровича не раз рисовало ему собственную семейную жизнь. В 16—17 лет у него появились друзья, с которыми он не раз отдавался мечтаниям, обсуждал, как устроить быт, как надо любить, сколько должно было быть детей. Конечно, все эти разговоры походили только на юные грёзы, но они будоражили душу. Его друзья: племянник Никиты и Петра Паниных князь Александр Борисович Куракин (1752—1818) и граф Андрей Кириллович Разумовский (1752—1836) были чуть старше Цесаревича, но это не создавало преграды.

Павел любил этих друзей, был с ними всегда предельно откровенным. Только одну тему друзья никогда не обсуждали, хотя Разумовский не раз пытался вывести Павла на разговор: о его правах на Престол. В таких случаях Цесаревич моментально серьезнел и обрывал беседу. На эту тему Павел наложил табу на несколько десятилетий, и не сохранилось ни одного свидетельства, что хоть единожды, с кем-то и когда-то, он пустился бы в рассуждения на сей счёт. Никто не знает: выступал ли в данном случае Разумовский как провокатор, действовал ли он по своей инициативе или его попытки вывести Павла на щекотливую тему были неким заданием Императрицы, которая к Разумовскому имела стойкое расположение, невзирая на его близость к сыну. Но то, что в конечном итоге Андрей Разумовский предал дружбу, наводит на предположение, что некая внешняя прокативная установка в его действиях могла существовать.

В то же время Александр Куракин не предавал Цесаревича, за что его и настигла кара повелительницы России: в начале 80-х годов он был выслан из Петербурга в дальнейшее родовое имение без права возвращаться в столицу. Его свобода и права были восстановлены только после воцарения Павла Петровича...

Цесаревич узнал о том, что ему подыскивают невесту, уже тогда, когда вопрос о приезде в Петербург Ландграфини Гессенской с дочерьми был решен. Для него это стало потрясением, заставившим

по-новому оценить себя. Это была непростая переоценка, когда всё минувшее стало казаться детским и несерьезным. Он понял, что отныне — он взрослый и должен мыслить и чувствовать совершенно иначе; впереди маячила семейная жизнь, и он обязан был быть теперь сосредоточенным и серьезным, не растрачивать себя больше на пустые страсти былых неудовольствий. Эти настроения Павел выразил в письмах графу Андрею Разумовскому в конце мая 1773 года.

«Я проводил своё время в величайшем согласии со всем окружающим меня, — доказательство, что я держал себя сдержанно и ровно. Я всё время прекрасно чувствовал себя, много читал и гулял, настоятельно помня то, что Вы так рекомендовали мне; я раздумывал лишь о самом себе и благодаря этому (по крайней мере, я так думал), мне удалось отделаться от беспокойства и подозрений, сделавших мне жизнь крайне тяжелой. Конечно, я говорю это не хвастаясь, и, несомненно, в этом отношении Вы найдёте меня лучшим. В подтверждение я Вам приведу маленький пример.

Вы помните, с какого рода страхом или замешательством я поджидал момента прибытия принцесс. И теперь я поджидаю их с величайшим нетерпением. Я даже считаю часы... Я составил себе план поведения на будущее время, который изложил вчера графу Панину, и который он одобрил — это как можно чаще искать возможности сближения с матерью, приобретая её доверие, как для того, чтобы по возможности предохранить её от инсинуаций и интриг, которые могли бы затеять против неё, так и для того, чтобы иметь своего рода защиту и поддержку в случае, если бы захотели противодействовать моим намерениям».

Через несколько дней Цесаревич продолжил свою исповедь. «Отсутствие иллюзий, отсутствие беспокойства, поведение ровное и отвечающее лишь обстоятельствам, которые могли бы встретиться, — вот мой план... Я обуздываю свою горячность, насколько могу; ежедневно нахожу поводы, чтобы заставить работать мой ум и применять к делу мои мысли. Не переходя в сплетничество, я сообщаю графу Панину обо всём, что представляется мне двусмысленным или же сомнительным».

Ландграфиня Гессенская Каролина с дочерьми несколько дней провела в гостях у Короля Фридриха в Потсдаме, где умный монарх наставлял её, как вести себя при Дворе в Петербурге, чтобы произвести благоприятное впечатление. Екатерина II отправила в Германию

для встречи гессенских визитёров эскадру из трёх судов, одним из которых — пакетботом¹ «Быстрый» — командовал друг Цесаревича граф А.К. Разумовский.

29 мая 1773 года Каролина с дочерьми отбыла из Любека в Ревель, куда и прибыла 6 июня.

Павел Петрович ко времени сватовства производил впечатление приятного, по-европейски образованного светского человека. Граф Сольмс писал Ассебургу из Петербурга летом 1773 года:

«Великому князю есть чем заставить полюбить себя молодой особе другого пола. Не будучи большого роста, он красив лицом, безукоризненно хорошо сложен, приятен в разговоре и в обхождении, мягок, в высшей степени вежлив, предупредителен и весёлого нрава. В этом красивом теле обитает душа прекраснейшая, честнейшая, великодушнейшая и в то же время чистейшая и невиннейшая, знающая зло лишь с дурной стороны... одним словом, нельзя в достаточной степени нахвалиться Великим князем, и да сохранит в нём Бог те же чувства, которые он питает теперь. Если бы я сказал больше, я запоздрил бы самого себя в лести».

Ландграфиню с тремя дочерьми встречали в России с царскими почестями. Екатерина II приветствовала гостей в бывшем имени Григория Орлова «Гатчино» 15 июня, и в тот же день по дороге в Петербург их встречал Цесаревич Павел, о котором Каролина в тот же день написала Королю Фридриху, что он «благороден и чрезвычайно учтив».

Императрица предоставила сыну «свободу выбора», но на всю процедуру выделила всего три дня. Павел должен был принять судьбоносное решение после нескольких светских бесед и парадных трапез. На третий день Павел уже точно знал: его женой может стать только Вильгельмина. Екатерина этот выбор одобрила, хотя и не без удивления: Вильгельмина представлялась ей «замухрышкой с прыщавым лицом». На следующий день Императрица официально обратилась к Ландграфине с официальным предложением, на которое тут же было дано согласие.

Павел, как цельная и бескомпромиссная натура, принимал решения бесповоротно. Он уже несколько недель только и слышал о том, что Вильгельмина — самая умная и самая серьезная среди прочих принцесс. Ему об этом говорили не раз, но самое весомое мнение высказал Никита Панин, разделявший подобную точку зрения. Панин

¹ Наименование почтово-пассажирского судна.

в глазах Цесаревича являлся бессортным моральным авторитетом. Когда Павел лично увидел и поговорил с Вильгельминой, то он уже питал к ней расположение, быстро перераставшее в большое чувство. Через три недели после первой встречи Павла и Вильгельмины Ландграфиня Каролина сообщала своему ментору Королю Фридриху: «Никогда не забуду, что я обязана Вашему Величеству устройством судьбы моей дочери Вильгельмины. Великий князь, сколько можно заметить, полюбил мою дочь и даже более, чем я смела ожидать».

Далее события начали развиваться с неумолимой быстротой. К Вильгельмине немедленно был приставлен архиепископ Платон, начавший обучать её нормам Православия. Будущая Цесаревна обязана была быть православной. 15 августа в церкви Зимнего Дворца совершилось миропомазание принцессы Вильгельмины, которая получила новый титул и новое имя — Великая княжна Наталия Алексеевна. На следующий день, 16 августа, в церкви Летнего Дворца состоялось обручение Цесаревича Павла и княжны Натальи.

Императрица Екатерина невероятно спешила: она хотела как можно быстрее закончить «дельце» и выпроводить Каролину с двумя дочерьми и их свитой за пределы Империи. Соглядатаи и наушники Короля Фридриха в своём окружении ей были не нужны. Молодая Великая княжна, которой в июне 1773 года только исполнилось восемнадцать лет, которая ещё ни слова не понимала по-русски, не знала наизусть ещё ни одной молитвы, должна была идти под венец с Наследником Престола и принять титул Цесаревны. Бракосочетание состоялось 29 сентября 1773 года в Казанской церкви Петербурга. Свадьба была отмечена пышными торжествами, продолжавшимися в столице двенадцать дней. Гремели салюты, сверкали фейерверки, приемы и балы следовали сплошной чередой. О состоянии Павла Петровича в этот период ничего не известно; какие-либо документы на сей счёт отсутствуют.

Хорошо известно другое: только отгремели праздничные салюты, как в Петербург пришли тревожные известия: в Заволжских степях началось противоправительственное движение во главе с каким-то беглым донским казаком Емельяном Пугачёвым (1742—1775). Самое ужасное и необъяснимое состояло в том, что это не просто мужицкий бунт. Нет. Это было движение, быстро охватившее обширные территории Приволжья и Урала, не только против дворян-помещиков, но и лично против Екатерины II. Глава восставших выдавал себя за Петра III и издавал «манифесты» от этого имени. Более года продолжалось пугачёвское движение, подавленное с беспощадной жестоко-

стью. Вся эта история нанесла серьезный урон репутации Екатерины в Европе, где она столько лет представляла себя «просвещенной монархиней», тонкой ценительницей и покровительницей «муз и граций». И вдруг такой «афронт»! Массовая резня, пытки, вопли, казни.

Екатерину в первую очередь заботила не потеря почитателей в Европе. Она была потрясена, озадачена и разгневана тем, что «у неё», в России, где она «мудро» правит более десяти лет, где её на все лады восхваляют как «мать-благодетельницу», происходит массовое возмущение, знаменем которого становится не кто-нибудь, а её постылый и давно сошедший в могилу супруг! В Петербурге об этом много говорили; имя Петра Фёдоровича, которое, как казалось, навеки было предано забвению, вдруг снова воспарило. События дворцового переворота 1762 года опять привлекли к себе внимание. Императрица, которая лично руководила всеми военными операциями против мятежников, решила примерно наказать смутьянов. Главных зачинщиков во главе с Пугачёвым привезли в Москву, где их 10 января 1775 года прилюдно предали мучительной казни: четвертованию.

Ничего не известно о том, как на всю эту историю реагировал Павел Петрович. Мать сына к делам управления не допускала, в подробности дела не посвящала, но невозможно представить, чтобы на его чуткой и впечатлительной натуре не отложилось событие, сопряженное с именем отца. По словам Шильдера, «на Цесаревича появление самозванца и первые успехи его несомненно произвели тягостное впечатление». Конечно, это — гадательное предположение, но с ним невозможно не согласиться.

После женитьбы Павел Петрович заметно изменился: он стал более мягким и открытым, его глаза светились теперь радостью, а на публике он блистал красноречием и уже не искал уединения. Будучи рыцарем по натуре, он поклонялся любимой женщине, как его литературный герой Дон-Кихот. Павел не видел в Наталье никаких недостатков и при каждом случае всем рассказывал о её добросердечии, воспитанности и уме.

Екатерина, для которой всё, что было связано с сыном, являлось вопросом первостепенным, заметила эту перемену. В своём окружении она произнесла фразу, которую потом передавали из уст в уста: «Я обязана Великой княгине возвращением мне сына и отныне всю жизнь употреблю на то, чтоб отплатить ей за услугу эту». Влюбленность же Павла вызывала у нее ухмылку; глупый наивный человек, ничего не понимающий в жизни!

Однако Екатерина оставалась сама собой; она никогда надолго не давала забыть, что именно она вершительница дел на земле, что только она вправе распоряжаться всем и вся по личному усмотрению. В ноябре 1773 года она назначила на место, которое занимал ранее Никита Панин, своего доверенного человека генерала Николая Ивановича Салтыкова (1736—1816), который должен был отныне заведовать Двором Цесаревича. Павел Петрович Салтыкова почти не знал; это был чужой для него человек, получивший по инструкции Императрицы огромные полномочия: заведовать штатом и распорядком двора Цесаревича, определять круг приглашённых к столу, следить за всеми сторонами повседневного уклада.

Трудно было не понять, что мать будет контролировать жизнь сына и после его женитьбы. Она сама это подтвердила в письме Павлу. Там она уверяла, что всё это делается исключительно в его интересах. «Ваши поступки невинны, я знаю и убеждена в том; но Вы очень молоды, общество смотрит на Вас во все глаза, а оно — судья строгий; чернь во всех странах не делает различия между молодым человеком и принцем... С женитьбою кончилось Ваше воспитание; отныне невозможно оставлять Вас долее в положении ребёнка и в двадцать лет держать Вас под опекою; общество увидит Вас одного и с жадностью следить будет за Вашим поведением. В свете всё подвергается критике; не думайте, чтобы пощадили Вас, либо меня. Обо мне скажут: она предоставила этого неопытного молодого человека самому себе, на его страх; она оставляет его окружённым молодыми людьми и льстивыми царедворцами, которые развратят его и испортят его ум и сердце...»

Павел смирился с неизбежным, как смирился с обстоятельствами и ранее. С Салтыковым, который состоял при Павле десять лет и в 1790 году получил графский титул, у Цесаревича постепенно сложились вполне дружеские отношения. Но первые месяцы семейной жизни его внимание целиком занимала супруга, которую он чуть ли не боготворил. Примечательно, что Екатерина, которая инстинктивно отвергала и отторгала всё, что было дорого и любо сыну, и здесь осталась верной самой себе. Первоначальная симпатия к невестке быстро сошла на нет. И уже через несколько месяцев после брака сына она признавалась своему confidentу барону Фридриху Гримму.

«Великая княгиня постоянно больна, да и как же ей не быть больной? Всё у этой дамы доведено до крайности. Если она гуляет пешком, то двадцать верст, если танцует, то двадцать контрдансов и столько

же менуэтов; чтобы избегнуть жары в комнатах, их вовсе не топят; если кто-нибудь трёт себе лицо льдом, то всё тело становится лицом; одним словом — середина очень далека от нас... до сих пор нет ни добродушия, ни осторожности, ни благоразумия во всём этом, и Бог знает, что из этого будет, так как никого не слушают и всё хотят делать по-своему».

Первоначально Императрица была уверена, что тихая простушка из Дармштадта останется робкой и послушной, а оказалась — своенравной, скрытной и упрямой, в точности как Павел. Екатерина с этим не могла смириться, и к невестке у неё появилось чувство, близкое к неприязни. Хотя внешне всё выглядело благопристойно, и вся подноготная отношений вскрылась позже.

Семейная идиллия Цесаревича и идиллия отношений его с матерью длились недолго. Всего полтора года. Потом случилась катастрофа, нанеся страшный удар моральным принципам Павла Петровича и приведшая его чуть ли не на грань помешательства. Это была трагедия воистину шекспировского масштаба, которую Шильдер обозначил как «приговор судьбы».

С начала 1776 года уже все при Дворе знали: Цесаревич и Цесаревна ждут прибавления семейства. Весной Цесаревна должна произвести на свет потомство. Долгожданные, но трагические события начали разворачиваться в Зимнем Дворце 10 апреля. Их подробно описала Екатерина II в письме Московскому генерал-губернатору князю М.Н. Волконскому. Это самое полное и подробное изложение, дошедшее до наших дней, а потому здесь и уместна обширная цитата.

«Великий князь в Фоминое воскресенье по утру, в четвертом часу, пришёл ко мне и объявил мне, что Великая княгиня мучится с полуночи; но как муки были не сильные, то мешкали меня будить. Я встала и пошла к ней и нашла её в порядочном состоянии и пробыла у ней до десяти часов утра, и, видя, что она ещё имеет не прямые муки, пошла одеваться и паки к ней возвратилась в 12 часов. К вечеру мука была так сильна, что всякую минуту ожидали её разрешения. И тут при ней, окромя самой лучшей в городе бабки, графини Катерины Михайловны Румянцевой, её камер-фрау, Великого князя и меня, никого не было; лекарь и доктор её были в передней.

Ночь вся прошла и боли были переменные со сном: иногда вставала, иногда ложилась, как ей угодно было. Другой день паки проводили мы таким же образом, но уже призван был Круз и Тоде (придворные врачи. — А. Б.), коих советов следовала бабка, но без успеха оста-

валясь наша благая надежда... В среду Тоде допущен был но ничего не мог предупредить. Дитя был уже мёртв, но кости оставались в одинаковом положении. В четверг Великая княгиня была исповедана, приобщена и маслом соборована, а в пятницу предала Богу душу. Я и Великий князь все пятеро суток и день и ночь безвыходно у неё были.

По кончине, при открытии тела, оказалось, что Великая княгиня с детства была повреждена, что спинная кость не токмо была такова S, но часть та, коя должна быть выгнута, была воткнута и лежала дитяти на затылке; что кости имели четыре дюйма в окружности и не могли раздвинуться, а дитя в плечах имел до девяти дюймов... Скорбь моя велика, но, предавшись в волю Божию, теперь надо помышлять о награде потери».

Кончина Натальи Алексеевны случилась 15 апреля 1776 года. Уже в последние дни она рассказала, что ещё в детстве у неё обнаружилось искривление позвоночника. Мать, Ландграфиня Каролина, отыскала некоего «костоправа», который и «вправил» позвоночник дочери. В результате тазобедренные кости оказались искривленными, что и привело к трагедии при родах. Императрица Екатерина о возможных физических недостатках своей невестки не знала; естественно, никто ей этого не сообщил. В результате оказалось, что Гессенское семейство и Король Фридрих, как Екатерина однажды выразилась, «подсунули» России недоброкачественный «товар». Мальчик, которого так желала Императрица, погиб вместе с матерью.

Было бы большим упрощением обвинять Екатерину II в данном случае в бездушии. Она действительно проводила много часов у постели Великой княгини и как женщина не могла не сопереживать несчастной. Но Екатерина была не только женщиной и матерью, но в первую очередь — Императрицей, которой оставалась все 24 часа в сутки. Потому политические и династические интересы никогда не предавались забвению. Потому она и обмолвилась в письме к князю Волконскому, что «надо помышлять» о восполнении потери.

Екатерина не умела проигрывать, а неудачи никогда не являлись поводом для уныния. Да, она не получила внука, а раз так, то необходима новая попытка. Интересы Павла в данном случае, как, впрочем, и во всех иных случаях, в расчёт не принимались. Сохранилось несколько писем Екатерины разным корреспондентам с описанием агонии и смерти Великой княгини, где красочно описывались собственные переживания, но где нет ни звука о страданиях Павла Петровича.

Её эта тема мало занимала, хотя для Цесаревича смерть любимой супруги стала крушением мира. Екатерине Павел был нужен живым и здоровым; на нём лежала миссия нового деторождения и, чтобы вернуть его из мира трагической отрешенности, из состояния рыданий и стенаний, «дорогая маменька» решила «открыть глаза» сыну на истинный облик покойной супруги. Это была одна из великих подлостей матери по отношению к Павлу.

Сохранились «Записки» князя Ф.Н. Голицына (1751—1827) — одного из блестяще образованных русских аристократов, снискавшего себе известность в качестве куратора Московского университета. В 70-е годы XVIII века Фёдор Голицын только начинал свою служебную карьеру и в тайны закулисной придворной жизни лично посвящён не был. Но его родственники занимали заметные роли при Дворе и в государственном управлении. Например, его дядя, граф Иван Иванович Шувалов (1727—1797), был фаворитом Императрицы Елизаветы Петровны и потом не потерял своего влияния. Фёдор Голицын принадлежал к самому высокому кругу российской аристократии, где хорошо знали все придворные «диспозиции». Так вот, в своих «Записках» князь привел некоторые обстоятельства, сопутствующие смерти Натальи Алексеевны.

«Что случилось при сём печальном происшествии с графом Андреем Кирилловичем Разумовским, достойно примечания. Он находился беспрестанно при Его Императорском Высочестве и, по силе его милости, Великая княгиня его также очень жаловала. В самый день её кончины Императрица заблаго рассудить изволила и увезла с собой Великого князя в Царское Село, дабы его отдалить от сего трогательного позорища».

У Голицына фигурируют понятия, казалось бы, совсем не имеющие отношения к трагедии: «Разумовский» и «позорище». Далее говорится о том, что граф после смерти Натальи Алексеевны был удостоен немилости Императрицы и выслан в Ревель.

Разумовский являлся любимцем Павла Петровича, его ближайшим другом и тяжело переживал смерть Цесаревны; не стеснясь, рыдал, и чуть ли не сходил с ума от горя. За такое, конечно же, не наказывают и уж тем более не ссылают. Правда, немилость была недолгой. Вскоре молодого графа вернули, и Екатерина назначала его на важные дипломатические посты: посланника в Неаполе, Копенгагене, Стокгольме и в Вене. Крушение карьеры Разумовского произошло после восшествия на Престол Павла I: он был отозван из Вены и сослан в своё родовое имение без права выезда. Павел

Петрович не простил страшного предательства, которое совершил некогда его интимный друг.

Разумовский являлся любовником Натальи Алексеевны, и существует предположение, что симпатия между ними возникла ещё в тот момент, когда граф сопровождал принцессу Вильгельмину из Любека в Ревель на борту пакетбота «Быстрый». Разумовский, как состоявший при особе Павла Петровича, имел возможность постоянно встречаться с Вильгельминой-Натальей, а с осени 1774 года, по особому распоряжению Екатерины II, ему дозволено было проживать в Зимнем Дворце. Некоторые биографы Павла I даже утверждали, что Павел, Наталья и Разумовский олицетворяли классический любовный треугольник, что это был «брак втроем»¹. Подобные категорические утверждения ничем не подтверждены. Самое же главное — не отсутствие «документов»: тайные адюльтеры всегда плохо «документируются», а порой не «документируются» совсем. В данном случае необходимо особо подчеркнуть, что Павел Петрович, как человек чести и долга, никогда бы не мог вынести супружеской неверности.

Скорее всего, опьяненный любовью, целиком отдавшийся рыцарскому почитанию свой «Дульциней», он просто не видел скрытую сторону жизни своей любимой. Но кто не мог не знать об этом, так это Екатерина II, имевшая обширный штат соглядатаев. Фактически все придворные служащие, все караульные, все были или по факту, или потенциально её осведомителями. Во Дворце не бывает настоящих тайн. Это жизнь в стеклянном тереме, где за каждой дверью, в каждом коридоре, на каждой лестнице пребывает некто, готовый донести тайно увиденное и ненароком услышанное до слуха Повелительницы России, тем более, если такое сообщение ей будет интересно. А все знали, что жизнь Цесаревича и его времяпрепровождение Императрицу всегда живо занимало.

Естественно, что подобные явления не документировались, и во всей вышеуказанной истории доминируют только предположения и догадки. Согласно самой распространенной версии, Екатерина в день смерти Натальи увезла Павла в Царское и там представила ему любовную переписку между покойной и графом Разумовским. Якобы эти письма были найдены в будуаре покойной в отдельной шкатулке. Если это так, то, значит, Вильгельмина-Наталья была женщиной совсем небольшого ума. Хранить подобные компрометирующие документы в доме, где всё подвластно оку свекрови, — на такое могло

¹ *Валишевский К.* Сын Великой Екатерины. Павел I. СПб., 1914. С. 16.

решиться существо безрассудное или попросту глупое. Дошедшие же свидетельства той поры рисуют Наталью Алексеевну совершенно иначе.

Никаких отпечатков этой переписки, если она и существовала, до наших дней не сохранилось. Бытует утверждение, что Екатерина знала об интимной связи своей невестки и якобы «предупреждала» письменно и устно сына Павла о «недопустимой близости» его друга и Натальи. Опять же тут всё строится неизвестно на каких основаниях. Если бы Екатерина знала и хотела прекратить сложившуюся связь, то достаточно было бы лишь одного слова, чтобы Разумовский не только навсегда покинул дворцовые пределы, но и, что называется, на пушечный выстрел к ним больше никогда не приближался. Дружеские чувства сына тут не играли никакой роли; она так поступала не раз и до этой истории и после неё. Между тем Разумовский сохранял свое положение и даже получил право проживать в императорской резиденции.

Можно только догадываться о потрясении, испытанном Павлом при известии о смерти Натальи и всей непристойной любовной истории, которая вслед выплеснулась наружу. Он был дважды предан — женой и другом, он, который с ранних пор стремился и к настоящей дружбе, и высокой любви. Как после этого можно верить людям, кому после этого можно верить? Ведь было даже непонятно, от кого был умерший во чреве матери ребёнок. Горе и потрясение Павла были так велики, что он не поехал даже на похороны.

Великая княгиня Наталья Алексеевна была похоронена 26 апреля 1776 года в Александро-Невской лавре в присутствии Екатерины II и графа А.К. Разумовского, которому Императрица «предписала» там быть. На следующий день Разумовский получил «высочайшее повеление» покинуть Петербург...

Глава 3.

ВСЕГДА — НАДЕЯТЬСЯ И ВЕРИТЬ

В письме Гримму, расписывая свои страдания у одра умирающей невестки Натальи, Екатерина II восклицала: «Я начинаю думать, что если после этого события моя нервная система не расстроится, то она несокрушима». Нервная система не расстроилась. Она была несокрушима настолько, что Императрица начала вынашивать новый план женитьбы Павла ещё тогда, когда не завершились траурные церемонии.

Как признавалась в письме князю М.Н. Волконскому, она «старалась ковать железо пока горячо, чтоб вознаградить потерю, и этим мне удалось рассеять глубокую скорбь, которая угнетала нас».

В биографии Павла Петровича весь этот период, связанный с агонией, смертью Натальи и её похоронами — чёрный провал. Имеется в наличии только его письмо архиепископу Платону, из которого можно заключить, что добрый пастырь принимал участие в успокоении истерзанной души, что Павел воспринимал ниспосланное испытание как Промысел Всевышнего, перед которым он смиренно преклонялся. Письмо датируется 5 мая 1776 года.

«За долг свой почитаю благодарить Вас за труды Ваши и наставления, за дружбу и за всё, сделанное Вами перед самой кончиною покойницы и в рассуждении её. Я имел всегда причины быть Вам благодарным и любить Вас по бытности Вашей при мне в младенчестве моём и по трудам и старанию, приложенными Вами к воспитанию моему. Сии причины возросли по дружбе и попечению Вашему, оказанными Вами к моей жене, но дошли до высшей степени всем тем, что Вы сделали при конце и после смерти её. Ещё имею причину взирать на Вас, как на друга своего. Ваше преосвященство были всегда свидетелем и подкрепителем тех чувств сердечных моих, которыми я всегда наполнен. Вы знаете сердце и намерения мои. Сколь же приятно мне знать, что есть на свете люди, которые отдают справедливость честности и чистоте духа. Вы, зная меня, и я, с своей стороны, зная Вас, не могу иначе почитать, как другом своим.

Увещание Ваше продолжать хранить в непорочности сердце мне своё и призывать во всех делах моих помощь небесную принимаю с благодарностью и на сие скажу Вам, что то, что подкрепляло меня в известные столь тяжкие для меня минуты, то всегда во всех путях моих служит светом, покровом и подкреплением. Сие на Бога упование отняв, истинно немного причин будем мы все иметь, для чего в свете жить. При сем случае за долг свой почитаю Вам сказать (прося отставить под глубоким секретом), что в сии горестные минуты не забывал помыслить о долге в рассуждении Отечества своего, полагаясь и в сем, как в выборе, так и прочем на судьбы Божии».

Императрица же пребывала в состоянии, так сказать, повышенной деловой активности. Необходимо было решить две задачи. Во-первых, отвратить сына от воспоминаний об умершей, вселить в него интерес к жизни грядущей. Эта операция была блестяще проведена после того, как мать познакомила Павла с любовной перепиской его жены.

Какое потрясение при этом испытал молодой человек, матушку совершенно не волновало.

Во-вторых, надо было подыскать подходящую невесту. Эта задача представлялась проще первой: во время предыдущих поисков все потенциальные претендентки были выявлены. Наиболее перспективной тут представлялась внучатая племянница Короля Фридриха принцесса Вюртембергская София-Доротея-Августа-Луиза, которая была моложе Павла на пять лет (родилась 15 октября 1759 года в Штутгарте). Екатерина так спешила побыстрее «провернуть дельце», что её даже не смутило, что новая потенциальная претендентка — протеже нелюбимого Прусского Короля. Её отцом был герцог Фридрих-Евгений II (1732—1797), а матерью — племянница Фридриха Великого Фредерика-София-Доротея (1736—1798).

Правда, к этому времени София-Доротея уже была помолвлена с братом покойной Натальи Алексеевны принцем Гессен-Дармштадтским. Но Король Фридрих Великий брался устранить это «несущественное» препятствие. Принц получил солидные отступные, и София оказалась свободной. Эта «блестящая операция» была проведена Прусским Королем за русские деньги.

Задача сватовства облегчалась удачным обстоятельством: в начале апреля 1776 года в Петербург прибыл брат Короля Фридриха принц Генрих (Генрих-Фридрих-Луис) Прусский (1726—1802), который должен был вести переговоры с Императрицей о судьбе Польши. Однако, помимо своей воли, он оказался втянутым в драматические пертурбации при Русском Дворе. Екатерина обратилась к Генриху за содействием в устройстве второго брака Павла. Принц охотно согласился, тем более что принцессу Софию-Доротею он знал лично, считал её умной, деликатной и чистой девушкой.

В письме Гримму Екатерина в шуточной форме, что было для неё характерно, пересказала, как она сообщила сыну о том, что у неё «есть в кармане» другая претендентка на роль жены. По её словам, это «возбудило любопытство Павла», который стал спрашивать, кто она, какая она: брюнетка, блондинка, маленькая, большая? Ответ Императрицы не оставлял сомнения, что это — земной идеал. «Кроткая, хорошенькая, прелестная, одним словом, сокровище, сокровище; сокровище, приносящее с собой радость». Затем был показан портрет Софии-Доротеи, доставленный Екатерине уже в мае. И, хотя это была небольшая миниатюра, но она передавала умное выражение глаз и миловидность лица. По словам Екатерины, её вкусу портрет «вполне удовлетворял».

Более чем «удовлетворил» он и Павла Петровича, который лишь только увидел изображение, сразу же убрал его в свой карман, а потом смотрел на него снова и снова. За несколько дней он просто влюбился в принцессу и готов был ехать в Германию. Его романтической, впечатлительной натуре не требовались долгие сроки для «выяснения» и «узнавания». Он «созрел» для поездки в Германию всего за несколько дней. Императрицу обрадовал столь быстрый ход событий, и она согласилась отправить сына в Германию для окончательного объяснения, тем более что принц Генрих уверенно брал на себя все организационные приготовления.

13 июня 1776 года Цесаревич в сопровождении свиты во главе с графом П.А. Румянцевым-Задунайским (1725—1796) отбыл из Царского Села в Берлин, где должны были произойти встреча и сватовство. Екатерину II совсем не смущало, что сватом фактически будет выступать Король Фридрих. Во имя больших государственных дел можно поступиться мелкими неудовольствиями! Но умная Императрица не учла одного: далеко идущие планы Фридриха II, который совершенно не собирался ограничиваться только ролью доброжелательного посредника. Он намеревался получить и вполне осязаемые политические дивиденды...

Первым крупным пунктом на пути в Берлин у Цесаревича стала Рига. Павел Петрович везде и всегда оставался самим собой; он чувствовал свою ответственность за всё, происходящее вокруг. В Риге он нашёл в военном и гражданском управлении много не порядков; служба надлежащим образом нигде не исполнялась. Хотя его должны были волновать совсем иные «материи», но он не остался равнодушным и через несколько дней написал подробное донесение Императрице, сообщив об увиденном. По сути, это донесение — подтверждение его «Рассуждения», составленного тремя годами ранее.

Екатерина отнеслась к служебному рвению сына, в данном случае, как ей казалось, совершенно неуместному, с показным безразличием. Павлу она отписала, что расследует не порядки и двусмысленно прибавила: «Сердцем, конечно, жалею о подобных нестроениях и давно знаю пословицу, что в большой семье без урода не бывает». Окружение Екатерины тотчас вынесло заключение, что Павел возомнил себя невесть кем, что он вмешивается в дела управления и вербует себе «партию».

Эти слухи долетели до ушей Цесаревича; он был расстроен оскорбительной глупостью их. В письме своему давнему знакомому барону К.И. Остен-Сакену (1733—1808) высказал наболевшее.

«Если бы я нуждался в политической партии, я мог бы умолчать о подобных беспорядках, чтобы пощадить известных лиц; но будучи тем, что я есть, я не могу иметь ни партий, ни интересов, кроме интересов государства, а при моём характере тяжело видеть, что дела идут вкривь и вкось, в особенности же, что причиною тому являются небрежность и личные виды». Закончил он известной сакраментальной фразой: «Я предпочитаю быть ненавидимым за правое дело, чем любимым за дело неправое».

«Известные лица», репутация которых затрагивалась в донесении Павла, на что он намекал в письме, это фактически — «одно лицо», в руках которого сосредоточено было всё военное дело России: Г.А. Потёмкин, расставлявший своих клеветников на все сколько-нибудь заметные военные посты в Империи. Победить этого всесильного временщика Павел не имел никакой возможности, но и молчать ему совесть не позволяла.

Павел Петрович из Риги через Мемель и Кёнигсберг прибыл в Берлин 10 июля. Фридрих обставил прибытие Павла с невероятной торжественностью; все элитные части прусской армии были выстроены в парадном порядке, а сам Король восседал на коне. Цесаревич был потрясён и обратился к повелителю Пруссии с восторженным словом, в котором выразил своё давнее желание «видеть величайшего героя, удивление нашего века и удивление потомства». Фридрих был менее эмоционален и лишь заметил, что рад видеть в Берлине «сына своего друга, великой Екатерины». На следующий день Павел Петрович отправил матери подробное изложение событий минувшего дня, особо подчеркнув то торжественное величие, которым его приезд обставил Король.

«Вчера к вечеру приехал благополучно, где я и был принят с такими почестями, с какими, как сказывают, ни один из коронованных глав не был принят. Королю вручил письмо Вашего Величества и повеления Ваши к нему исполнил; он мне на сие отозвался, что Ваше Величество не может иметь человека привязаннее и благороднее его; после того был у Королевы¹ и видел всех принцесс, судите о моём состоянии. Потом был куртаг и концерт, на котором я играл в пикет² с Королевою; после чего был ужин, где я сидел между нею и Королём. Король со мною много говорил и вертел меня с разных сторон. Историческое описание окончив, донесу о другом.

¹ Фридрих II был женат на Елизавете-Христине, урождённой принцессе Брауншвейг-Вольфенбюттельской. От этого брака потомства не было.

² Старинная игра в карты.

Вчера, как скоро, приехав, взошел к себе в покои, то пришёл ко мне будущий мой тесть с двумя сыновьями своими, я нашел и его в таких расположениях, каких я описать не могу; мы оба со слезами говорили довольно долго. Вашему Величеству известны расположения сердца моего, с каким поехал, но за долг считаю Вам первой открывать всегда самые сокровенные чувства сердца своего и за первое удовольствие оное поставляю».

Особо Павел Петрович описал свои впечатления от встречи со своей возможной суженой и её родителями.

«Я нашёл невесту свою такой, какой только желать мысленно себе мог; не дурна собою, велика, стройна, незастенчива, отвечает умно и расторопно, и уже известен я, что если ли сделала действие в сердце моём, то не без чувства и она с своей стороны осталась. Сколь счастлив я, всемилостивейшая Государыня, если, Вами будучи руководим, заслужу выбором своим ещё более милости Вашу. Отец и мать не таковы снаружи, каковыми их описывали: первый не хромает, а другая сохраняет ещё остатки приятства и даже пригожества.

Дайте мне своё благословение и будьте уверены, что все поступки жизни моей обращены заслужить милость Вашу ко мне. Принц (Генрих) мне столько дружбы и приязни оказывает, что я не знаю, чем за оное ему воздать: он снисходит до самых мелочей и забывает почти сан свой». Письмо заканчивалось: «послушный сын и верно-подданный».

В этом послании трудно найти хоть какие-то намёки на неудовольствия и обиды. Павел всегда обладал одной неизменной чертой: обо всем говорить прямо и откровенно. Если же существовали какие-то темы нежеланные или двусмысленные, то подобные темы он никогда не обсуждал; ни в публичном, ни даже в эпистолярном обращении они просто не существовали.

Прошло два дня, и Цесаревич уже мог сообщить Императрице о благоприятном исходе важного дела.

«Бог благословляет все намерения Ваши, ибо благословляет Он всегда добрые. Вы желали мне жену, которая бы доставила нам радость и утвердила домашнее спокойствие и жизнь благополучную. Мой выбор сделан, и вчера по рукам ударили; припадаю с сим к стопам Вашим и с тою, которая качествами своими и расположениями приобретет милость Вашу и будет новым домашним союзом... Что касается до наружности, то могу сказать, что я выбором своим не остыжу Вас; мне о сем дурно теперь говорить, ибо, может быть, пристрастен, но сие глас общий. Что же касается до сердца её, то имеет она его весьма

чувствительное и нежное, что я видел из разных сцен между роднёю и ею. Ум солидный приметил и Король сам в ней, ибо имел с ней о должностях её разговор, после которого мне о сем отзывался; не пропускает она ни одного случая, чтоб не говорить о должности её к Вашему Величеству. Знаниями наполнена, и что меня вчера весьма удивило, так её разговор со мною о геометрии, отзываясь, что сия наука потребна, чтоб приучиться рассуждать основательно. Весьма проста в обращении, любит быть дома и упражняться чтением или музыкой, жадничает учиться по-русски, зная, сколь сие нужно и, помня пример предместницы её».

Общение с Королём не прошло даром. Старый Фридрих — ему исполнилось 64 года, что по тем временам считалось глубокой старостью — убедил молодого Павла, что его единственное искреннее желание — добиться сердечных отношений с Россией и её Самодержицей. «Король столь чувствует дружбу Вашу к нему, что говорил, что он бы кровью и жизнью хотел Вам заплатить и со слезами о сем говорит».

Прусский Монарх был тонкий дипломат; он не просто так проливал слезы. Его сокровенным желанием было учредить союзнические отношения между Берлином и Петербургом, для чего надо было разрушить союз России с Австрией. Ведь без этого невозможно добиться прусской гегемонии в Германии, где австрийское влияние преобладало; об этом всё время грезил Фридрих Великий.

Цесаревич был менее искушенным в дипломатических тонкостях, верил тому, в чём его, как казалось, так искренне убеждали. Восхищенный Королем и прусскими порядками, Павел Петрович навсегда сохранит это восхищение. В благодарном порыве заключит дружеский клятвенный союз с наследником Короля кронпринцем Фридрихом-Вильгельмом (1744—1797), который станет Королём Пруссии после смерти Фридриха Великого в 1786 году.

Когда Павел придёт к власти, то старая клятва никак не скажется на внешней политике России. Когда же его сменил на Троне сын Александр, то для него пропрусские симпатии превратятся в ориентир для политики Империи. В 1805 году Император Александр I и Прусский Король (1797—1840) Фридрих-Вильгельм III¹ на могиле Фридриха

¹ У Короля Фридриха II Великого не было потомства; после его смерти в 1786 году Королем Пруссии стал его племянник Фридрих-Вильгельм II — сын брата Фридриха Великого Августа-Вильгельма (1722—1758), которому наследовал в 1797 году его сын Фридрих-Вильгельм III.

Великого в Потсдаме дадут клятву «вечной дружбы». С этого времени и до начала 80-х годов XIX века, до времени прихода к власти Александра III (1881—1894), русская внешняя политика будет строиться с оглядкой на Берлин, с учётом интересов Пруссии, с 1871 года — консолидированной Германской Империи под главенством прусской династии Гогенцоллернов...

Вполне понятно, что прусские симпатии Цесаревича и уверения Фридриха никак не повлияли на позицию Екатерины II. Она давно не верила никаким словам и придерживалась стойкого убеждения, что Австрия — главный союзник в Европе. Но она не могла не беспокоиться по поводу тех «неуместных» прусских восторгов, которые излучал сын Павел и которых она опасалась ещё до прибытия того в Берлин. В письме Цесаревичу прямо сказала, что «заимствуя у других, не всегда сходственно пользе своей поступаем».

Павла же Петровича визит в Берлин, все почести и знаки внимания, оказываемые ему, лишний раз убедили, что именно он — законный наследник и будущий преемник власти в России. Если на Родине это обстоятельство замалчивалось, а сам он постоянно дискредитировался и затирался, то в Пруссии всё стояло на своих, предуказанных Богом, местах.

И ещё одно важное, что тронуло сердце и впечатлило на всю оставшуюся жизнь — прусская организация. Конечно, у Павла Петровича не имелось никакой возможности изучить основательно прусскую систему управления, ту реальность, которую великий философ Иммануил Кант (1724—1804) считал наилучшей в мире. Насколько известно, Павел Петрович никогда не читал произведений мыслителя из Кёнигсберга, но с открытым сердцем воспринимал то, что открывалось его взору.

Это — прусский военный строй, прусская выправка, производившие неизгладимое впечатление. На плацу стоят тысячи, а действуют как единое целое, как один человек. Настолько всё синхронно, отработано, выверено, как будто единая невидимая рука всем управляет! И каждый, от генерала до последнего солдата в строю, занимает определённое место и исполняет предписанное безукоризненно; достаточно только короткой команды или жеста руки руководителя. Лучшей формы организации и придумать нельзя! И это не только плац, это — вся страна...

Цесаревич сообщал матери многое, но не всё. Прусская тема преподносилась так, чтобы не доставить матушке неудовольствия.

20 июля корреспондировал: «Здесь приняты все те, которые имя русского носят, с такою отличностью, зачиная с меня, каковой изъять невозможно. Король со мною говорил осьмой день о разном и щупал меня со всех сторон и при всяком случае изъяснялся с слезами почти, говоря о Вашем Величестве и о привязанности его к Вам. Подарил он мне перстень отменной величины с портретом своим и восемь лошадей... Министры (послы. — А. Б.) французский и австрийский дуются и распустили про нас слух, не будучи в состоянии про меня иного сказать, как что я горбат, но думаю, что теперь перестали о сем говорить...»

Женитьба наследника Русского Престола являлась новостью все-европейской, и то, что это событие проходило под эгидой Короля Фридриха, не могло оставаться незамеченным у старых оппонентов Пруссии — Франции и Австрии. Самого Цесаревича это мало занимало, он всё время думал о своей любимой (теперь она уже точно такой являлась), радовался тому, что его, совсем недавно, как казалась, совершенно разбитая жизнь, снова обретала полнокровное содержание.

София — невероятно учтива и умна. Она, в отличие от покойной супруги, всё время интересовалась, как ей себя вести, что ей делать, чтобы заслужить признание и любовь не только Цесаревича, но и Императрицы. Она горела желанием изучать русский язык и за несколько дней овладела самостоятельно русским алфавитом, что умилило Павла до слёз. Ведь умершая Наталья так по-русски говорить и не научилась; изъясняться же на немецком или французском языках у себя дома, в своей России — вещь недостойная. Теперь же, можно не сомневаться, всё будет совсем иначе.

Екатерина могла быть вполне довольной. Всё сладилось быстро и как нельзя удачней. О событиях в Берлине ей сообщал не только Павел. Граф Румянцев каждый день посылал рапорты, из которых следовало, что Король Фридрих — умный старик — чествуя Цесаревича, всё время изъяснял радость и восхищение по её адресу. Екатерина, хорошо разбираясь в политической игре, не могла не признать, что в Берлине, куда были устремлены все взоры Европы, именно она — главное действующее лицо. Это была «игра по правилам», которую Императрица высоко ценила. В письме Цесаревичу сообщала, что «наидружественнейшие сантименты Короля и всей фамилии соответствуют совершенно моему желанию и ожиданию взаимности».

София-Доротея, эта жизнерадостная вюртембергская толстуха, Императрице давно приглянулась. Она и сама не могла объяснить,

почему ещё в 1767 году, когда впервые задумалась о женитьбе Павла, именно эта, тогда только восьмилетняя девочка, привлекла внимание. И вот минет уж скоро десять лет, а София всё ещё мила сердцу, и как написала Императрица, она всё время имела Софию «в уме и предмете». С первой невесткой нужного «сообщества» не получилось; та была слишком неуживчивой, своенравной. Даст Бог, теперь всё будет иначе, и будущая супруга Павла окажется покладистой и послушной. От неё большего и не требовалось. Екатерине необходим был внук, а пышущая здоровьем София должна исполнить давнюю и сокровенную мечту Императрицы — произвести на свет полноценное потомство.

Фридрих Великий почти за две недели постоянного общения неплохо изучил Цесаревича. Он ему так напоминал старые годы, и другого русского принца, а затем Императора Петра III, трагически погибшего. И Король позже высказал предчувствие, ставшее пророчеством. «Мы не можем обойти молчанием суждение, высказанное знатоками относительно характера этого молодого принца. Он оказался гордым, высокомерным и резким, что заставило тех, которые знают Россию, опасаться, чтобы ему не было трудно удержаться на престоле, на котором, будучи призван управлять народом грубым и диким, избалованным к тому же мягким управлением нескольких императриц, он может подвергнуться участи, одинаковой с участью его несчастного отца».

В конце июля 1776 года Цесаревич отправился обратно на Родину и 8 августа был уже в Риге. Перед расставанием с Софией он вручил ей собственноручное «Наставление», состоявшее из четырнадцати пунктов. В них разъяснялось, как вести себя по отношению Императрицы, как строить свои отношения с будущим супругом и как относиться к общим условиям жизни в России, к кругу разноименных лиц, с которыми придётся общаться. Особо примечательны наставления, касающиеся отношений с Императрицей, отражавшие собственный кодекс поведения самого Павла.

«Принцесса, приехав одна в эту мало известную и отдалённую страну, поймёт, что её собственная польза требует, чтобы она сблизилась с Её Величеством и снискала Её доверие, дабы иметь в Ней вторую мать и личность, которая будет руководить ею во всех её поступках, без всяких личных видов и целей. В отношении к Императрице принцессе следует быть предупредительной и кроткой, не выказывать досады и не жаловаться на Нёе кому бы то ни было; объяснение с глазу

на глаз всегда будет наилучшее. Этим она избавит себя от многих интриг и происков, которые не замедлят коснуться её».

Павел Петрович довольно обстоятельно изложил и взгляды на принципы совместной жизни, особо подчеркивая, что исключительный общественный статус диктует особые правила поведения. Основой нерушимости семейного союза могут быть только симпатия, искренность, снисходительность и доброта. При этом будущий муж прекрасно осознавал личные недостатки, не преминув о них сообщить в «Наставлении».

«Я не буду говорить ни о любви, ни о привязанности, — заявлял Великий князь, — ибо это вполне зависит от счастливой случайности; но что касается дружбы и доверия, приобрести которые зависит от нас самих, то я не сомневаюсь, что принцесса пожелает снискать их своим поведением, своей сердечной добротой и иными своими достоинствами, которыми она уже известна.

Ей придётся прежде всего вооружиться терпением и кротостью, чтобы сносить мою горячность и изменчивое расположение духа, а равно мою нетерпеливость. Я желал бы, чтобы она принимала снисходительно всё то, что я могу выразить даже, быть может, довольно сухо, хотя и с добрым намерением, относительно образа жизни, умения одеваться и т.п.... Я желаю, чтобы она была со мною совершенно на дружеской ноге, не нарушая однако приличия и благопристойности в обществе. Более того, я хочу даже, чтобы она высказывала мне прямо и откровенно всё, что ей не понравится во мне; чтобы она никогда не ставила между мною и ею третьего лица и никогда не допускала, чтобы меня порицали в разговоре с нею, потому что это не отвечает тому расстоянию, которое должно существовать между особою её сана и моего, и подданного».

Пройдут годы и София, давно ставшая Марией Фёдоровной, напишет на полях данного «Наставления»: «Благодаря Бога, оно мне не понадобилось, так как моя привязанность к нему (Павлу. — А. Б.) всегда побуждала и всегда будет побуждать меня предупреждать его желания; муж мой сознал сам, что требования, им предъявленные, были внушены злополучным опытом его первого брака»...

Всего через несколько дней после приезда Цесаревича в Петербург надо было готовиться к встрече принцессы Софии-Доротеи. 14 августа она была уже в пограничном Мемеле, где её поджидала свита во главе со статс-дамой и женой фельдмаршала графиней Е.М. Румянцевой-Задунайской (1752—1779). Павел Петрович встречал принцессу на подъезде к столице, и 31 августа 1776 года торже-

ственный кортеж прибыл в Царское Село. В свите находилась подруга принцессы баронесса Генриетта-Луиза Оберкирх (1754—1803). В своих воспоминаниях баронесса оставила описание того момента и облика будущей Императрицы: «Она была хороша, как Божий день; высокого для женщины роста, созданная для картины, она соединяла с нежною правильностью черт лица в высшей степени благородный и величественный вид. Она рождена была для короны».

Императрица Екатерина, конечно же, не видела в Софии-Доротеи корононосительницу, а увидела милую, умную и учтивую барышню, которая ей понравилась. Она назвала её «очаровательной». По её словам, о такой принцессе только и можно было мечтать. «Она стройна как нимфа, цвет лица — смесь лилии и розы, прелестнейшая кожа в свете; высокий рост, с соразмерною полнотою, и лёгкая поступь. Кротость, доброта сердца и искренность выражаются у неё на лице. Все от неё в восторге, и тот, кто не полюбит её, будет не прав, так как она создана для этого и делает всё, чтобы быть любимой». В письме Гримму Екатерина назвала принцессу «Психеей»¹ и признавалась, что та «вскружила мне голову».

Екатерина не любила в сердечных делах долгих процедур. На 14 сентября было назначено миропомазание принцессы, а на следующий день — обручение. Все эти дни для Павла, но особенно для принцессы были, как в лихорадке. Софии приходилось срочно учиться целыми днями и русскому языку, и основам Православия, которые ей преподавал архиепископ Платон. Кроме того, надо было постоянно постигать нормы придворного этикета, которые не походили ни на что, ранее известное.

Двор Императрицы Екатерины не только считался самым блестящим в Европе, но и самым многолюдным и самым строгим в смысле этикета. Все трудности принцесса преодолела; она всегда отличалась оптимистическим бесстрашием и житейские сложности её никогда не пугали. Она увидела роскошь и изысканность, которые раньше не встречались, но которые ей пришлось по нраву. Она очень хотела, чтобы эта новая жизнь стала её навсегда, и она ею стала.

Отношения с Павлом развивались «крещендо». К моменту обручения она уже обожала своего суженого, который всегда был подтянутым, серьезным и, при сравнительно небольшом росте, всегда величественным. Он был невероятно галантным, никогда не позволял

¹ В древнегреческой мифологии — олицетворение человеческой души, избранных или в виде бабочки, или легкокрылой девушки.

себе не только каких-то грубостей, но даже ни одного лишнего слова. Она ещё в Берлине поняла, что эта не маска, а состояние натуры: быть всегда и везде ответственным носителем высокого сана. Со своей стороны, Цесаревич был без ума от своей избранницы. Он уже с первых дней стал вести с ней откровенные разговоры, посвящая в тайны своей души. Никто не знает, что именно сообщал ей Великий князь; но сохранилась записочка, в которой принцесса благодарила Павла за доверие.

14 сентября принцесса из Вюртемберга приняла новое имя — Великой княжны Марии Фёдоровны, а на следующий день — день обручения — стала невестой Цесаревича. Вечером того дня она написала своего рода клятвенное обещание, гласившее: «Клянусь этой бумагой всю мою жизнь любить, обождать Вас и постоянно быть нежно привязанной к Вам; ничто в мире не заставит меня измениться по отношению к Вам. Таковы чувства Вашего на веки нежного и вернейшего друга и невесты». Не исключено, что Павел Петрович поведал принцессе о своей сердечной ране — измене покойной жены Натальи, что вызвало сочувственный отклик в душе новонаименованной Великой княжны.

26 сентября в церкви Зимнего Дворца произошло венчание; Павел и Мария стали мужем и женой. Помимо прочих соображений, Павла Петровича радовала мысль, что он породнился с Фридрихом Великим. Никто другой об этом не думал, но Павел думал и в дискуссии с Королем Швеции (1771—1792) Густавом III в 1777 году прямо заявил, что он — родственник Короля Фридриха и не желает слышать дурные высказывания о нём. (Густав хотел «открыть глаза» Цесаревичу на якобы существовавшие козни и агрессивные замыслы Фридриха.)

Мария Фёдоровна проживёт в России более пятидесяти лет; она скончается 24 октября 1828 года в Петербурге. Она произведёт на свет здоровое потомство; подарит Династии и России десятерых детей, воспитанию и образованию которых будет уделять много времени и внимания. Два её сына — Александр (1777—1825) и Николай (1796—1844) будут носить Корону Российской Империи. После гибели супруга в марте 1801 года Мария Фёдоровна будет титуловаться «Вдовствующей Императрицей». В этом звании прославится делами благотворительности, помощью сиротам и неимущим, а её имя будет увековечено в названии самой крупной благотворительной организации России, получившей название: «Ведомство учреждений Императрицы Марии»...

Мария Фёдоровна испытает на своём веку много превратностей судьбы, переживёт немало трагедий. Однако никогда её благопристойный образ не будет запятнан никакими адюльтерами, ни единой внебрачной «амурной историей». Её отношения с Павлом переживут разные фазы. В последний год жизни Павел Петрович будет поддерживать с ней исключительно формальные отношения, лишённые былой нежности и доверительности. Но Мария Фёдоровна до конца своих дней будет верна Павлу и не отступит ни на йоту от клятвенного обещания, данного ею на заре их совместной семейной жизни.

Деятельной и нетерпеливой натуре Павла Петровича было тесно в узком мире семейного бытия. Семейные радости не могли отвратить его от тяги к государственному поприщу, куда ему путь был категорически закрыт матерью. Чрезвычайно мягкий в оценках князь Ф.Н. Голицын, говоря о времени 70-х годов, в своих «Записках» констатировал, что «Императрица не всегда обходилась с ним (Павлом. — А. Б.) как бы должно было, и при сем случае меня по молодости, может быть, моей удивило, между прочим, что он никак в делах не соучаствовал. Она вела его не так, как Наследника... он не бывал ни в Совете, ни в Сенате. Почётный чин его генерал-адмирала был дан ему единственно для наружности... Когда у нас завёлся флот на Чёрном море, то сею честью начальствовал князь Потёмкин... По моему мнению, она бы (Императрица. — А. Б.) ещё более славы себе прибавила, если б уделила Великому князю часть своих трудов. Сколько бы он пользы от того получил!»

Праздная пустота придворной жизни, приемы, выходы, прогулки веселой кавалькадой, вечерние карточные застолья, сплетни и пересуды без конца. Каждый день одно и то же. Наследника порой одолевала меланхолия. В июле 1777 года он писал графу Н.И. Панину, который к тому времени по состоянию здоровья покинул Петербург и находился в своём имении. «Здесь у нас ничего нового нет, все чего-нибудь ждём, не имея ничего перед глазами. Опасаемся, не имея страха, смеемся не смешному и пр. Так судите, как могут дела делаться, когда они зависят от людей, провождающих всю жизнь свою в таком положении, расстраивающим всё».

Весной 1777 года Цесаревич узнал, что Мария Фёдоровна беременна. Это было так радостно и так трепетно ожидаемо. В начале и муж и жена всё ещё сомневались, но когда всё окончательно определилось, то Павел увидел в том милость Божию и 3 июня написал архимандриту Платону. «Сообщаю Вам хорошую новость, услышал Господь в день

печаля, послал помощь от Святого духа и от Сиона заступил: я имею большую надежду о беременности жены моей. Зная Ваши сантименты ко мне и патриотические Ваши расположения, сообщаю Вам сие, дабы Вы вместе со мною порадовались».

Екатерина уже с везны стала получать сведения, что Цесаревна, возможно, в «интересном положении». Однако сама Мария Фёдоровна ничего не рассказывала, боялась обнадеживать до срока. В апреле 1777 года Цесаревна писала мужу, что матушка «бранит меня», что «ничего не говорю ей о своём здоровье, и настойчиво желает, чтобы я что-нибудь сказала ей по этому поводу. Позволяете ли Вы мне сообщить ей об имеющихся подозрениях, оговорив при этом, что это ещё не верно. Я боюсь, что если отложить сказать ей об этом, она узнает это от других».

Когда Императрице стало известно, что она в скором времени станет бабушкой, то испытала большое удовлетворение. Всё идёт как нельзя лучше, исполняются её долгожданные ожидания. Вюртембергская малышка оправдывала её надежды. В знак свой признательности Императрица летом 1777 года подарила невестке земельные владения в нескольких верстах от Царского, где в том же году начали воздвигать большой усадебный дом. «Павловск» — такого названия удостоилось это место. Помимо главного дворца, был создан великолепный пейзажный парк с множеством мостов, беседок и павильонов. В 1778 году Цесаревич с Цесаревной начнут обживать собственное поместье.

Павел последние месяцы перед родами Марии чрезвычайно волновался, много молился, уповая на милость Всевышнего. Духовному наставнику архиепископу Платону писал в октябре 1777 года. «Молите теперь Бога о подвиге, которым счастье и удовольствие моё усугубятся удовольствием общим. Начало декабря началом будет отеческого для меня звания. Сколь велико оно по пространству новых возлагаемых чрез сие от Бога на меня должностей! Его рука мне всегда видна была. Грешил бы, если бы при сем случае усумнился... Мы, слава Богу, здоровы и наслаждаемся взаимною дружбою и спокойствием, происходящим от чистой совести. Пожалейте и молитесь Бога, чтоб Он нам на веки её сохранил, без чего ни пользы, ни славы быть не может».

Прошел месяц и, когда до знаменательного события оставалась считанные дни, Цесаревич снова нашел нужным обратиться к молитвеннику Платону. «Благодарю Вас за доброе Ваше о мне мнение.

Стараться буду его вящее заслужить, а особливо исполнением новых должностей, вступлением чрез короткое время в новое звание, столь важное по отчёту, которым всякий в оном должен, а особливо каждый, в моём месте находящийся. Помолитесь обо мне. Бог, благословлявший меня в столь различных случаях, меня и при сем да не оставит».

12 декабря 1777 года в Зимнем Дворце Великая княгиня Цесаревна Мария Фёдоровна разрешилась от бремени сыном, который, по воле Императрицы, получил имя Александра в честь небесного покровителя Санкт-Петербурга, святого благоверного князя Александра Невского. Радость родителей была неопишима; а бабка просто ликовала. Её очередной «проект» получил желанное завершение; будущее Династии теперь надёжно обеспечено. И Екатерина пошла на то, за что сама критиковала Императрицу Елизавету и что окончательно возвело непреодолимую преграду между ней и сыном с невесткой.

Она забрала Александра от родителей под свою полную опеку. Отныне всё, что касалось Великого князя Александра, находилось исключительно в компетенции Екатерины II. Когда через полтора года (27 апреля 1779 года) у Павла и Марии родился второй сын, Константин, то и он тотчас так же оказался в бабушкином плену. Родителям дозволялось только время от времени «навещать» своих сыновей.

Сыновья были лишены родительского ухода, а у родителей отняли их неотъемлемые родительские права. Павел воспринимал это не только как личное оскорбление, но и как оскорбление Бога. Ведь это Он посылает родителям великую радость — детей; только Всевышний налагает на отца и мать святые обязанности их возвращения и воспитания. А тут вторгается жестокая третья сила, которая разрушает этот промыслительный союз и возводит преграду между родителями и их чадами. Павел Петрович давно не сомневался, что его мать — великая грешница, и вот ещё одно её позорное деяние...

Все же пиетисты Екатерины II не усматривали в подобном кощунстве ничего предосудительного. Шильдер по поводу произвола, связанного с Александром Павловичем, ограничился бесстрастной сентенцией: «Признавая сына и невестку неспособными воспитывать будущего Русского Государя, Екатерина, как глава Императорского Дома, считала своим правом и обязанностью взять на себя заботы по воспитанию внука, в надежде увидеть в нём впоследствии воплощение лучших своих дум и стремлений». Но ведь будущим «Русским Госу-

дарем» должен быть Павел Петрович, а отнюдь не Александр. Да и почему родители «были неспособными» воспитывать своих детей? Апологеты «Екатерины Великой» два века умиляются её «великодушию»: она, видите ли, в отличие от Елизаветы, «разрешила» родителям видеть своих сыновей...

Если перевести подобные эвфемизмы на понятный язык, то ясно одно: все понимали, и во времена Екатерины и после, что Самодержица именно в Александре видела своего преемника. Трудно предположить, чтобы Павел не расшифровал подобный замысел, однако он не позволил спровоцировать себя на некий «мятеж», который неизбежно привел бы к его изгнанию, заточению, а возможно и гибели. Это свидетельство огромной выдержки и железного характера Павла Петровича. Даже в своей тайной переписке с Никитой и Петром Паниными, которая велась несколько лет с большими предосторожностями, и с близким к Паниным дипломатом и генералом князем Н.В. Репниным (1734—1801), где обсуждались многие проблемы государственной важности, Павел Петрович ни разу не позволил выпадов против матери.

Однако все монаршие насилия не прошли совсем незаметно: началось полное, но скрытое «отчуждение» между Павлом и Марией, с одной стороны, и Екатериной — с другой. Но только внутренним отторжением дело не ограничилось. С начала 80-х годов начинается целенаправленная кампания по шельмованию Цесаревича и его супруги. Екатерина теперь уже «не любила» не только сына, но и Марию Фёдоровну, которая ей стала представляться «мелкой» и «неумной». Она так «театрально» плакала и молила Императрицу отдать ей детей, что это выглядело «неприлично»! А ведь Екатерина всей своей жизнью красноречиво доказала, что она настоящий «специалист» в вопросах морали и этики. Потому образ воздушной «Психеи» был изъят из обращения в окружении Императрицы.

Мария Фёдоровна, обжившись при Дворе, очень быстро поняла, что нравы здесь господствуют предосудительные. Простая, романтическая, добропорядочная, она испытала потрясения от увиденного. Праздность и куртизанство определяли атмосферу придворной жизни. Её Павел представлялся страдальцем и праведником в мире разврата и лжи; он вызывал лишь восхищение и сострадание. Она не могла сдержаться и написала о том матери. Вюртембергская герцогиня откликнулась сочувственным письмом. «Вы правы, дорогое дитя, жалуясь на испорченность Императрицы... В природе нет ничего более жесткого, как сердце, которое предалось своим страстям и в

этом самозабвении не видит ничего кругом себя. Я понимаю страдания, которые Вы должны испытывать, присутствуя при всех возмутительных сценах».

Забегая вперед, уместно заметить, что Екатерина II оказала плохую услугу и Александру Павловичу, и России. Она хотела его воспитать сильным, умным и благородным человеком, она желала воплотить в нем идеальный образ будущего правителя, который прогремит в истории своими славными делами; она видела в нём второго Александра Македонского. На самом же деле все оказалось совсем не идеальным. Его так «хорошо готовили» к роли будущего правителя православной России, что он долго не мог сносно изъясняться по-русски, а Евангелие открыл первый раз в жизни только в 1812 году, накануне вторжения в Россию Наполеона.

Личность Александра, воспитанного под нежным крылышком бабушки, формировалась между двумя враждебными мирами. В результате — лицемерие и беспринципность стали органическими признаками его натуры.

Уже будучи отроком, он постоянно письменно клялся Екатерине в любви, бесконечно повторял, что «целует её ножки и ручки», но никогда её не любил. Он настолько вжился в образ услужливого, преданного, любящего человека, что когда, по воле Екатерины, женился в 1793 году, то получал разрешение на первый поцелуй у Императрицы! Он вообще никого по-настоящему не любил, и когда начал царствовать, то терпеть не мог разговоров о своей бабушке.

Отца он боялся; его ведь нельзя было убаюкать сладкими речами и любезными словами. Он боялся его прямоты и нелицеприятности, боялся всю свою молодость, боялся до такой степени, что стал соучастником его убийства. Потом он трепетал перед матерью и старался как можно реже с ней видиться. Жену свою, Елизавету Алексеевну, он выносил с трудом, завёл себе «вторую семью», о которой знал весь Петербург. Государственные обязанности его всегда тяготили; он настолько привык конспирировать и лицемерить, что фактически привел Россию на край гибели. Военный мятеж в декабре 1825 года в Петербурге во многом явился следствием позиции Александра Павловича, не желавшего предотвратить его и скрывшего от России имя истинного Наследника Престола!..

Летом 1780 года в Петербурге случилось важное событие: в столицу прибыл «граф Фалькенштейн», но все знали, что за этим декоративным титулом скрывался Император (1765—1790) Священной Рим-

ской Империи и Австрийский Император Иосиф II¹. Это был «личный друг» Государыни, отношениями с которым она очень дорожила. Миссия Иосифа преследовала цель: укрепить дружеский союз между Россией и Австрией и постараться развеять пропрусские настроения в России, главными носителями которых, как считали в Вене, был Цесаревич и Цесаревна. Повод для поездки в Россию представлялся весьма важным. Император намеревался обсудить проект женитьбы своего племянника эрцгерцога Франца (1768—1835, Австрийский Император Франц II с 1806 года)² на младшей сестре Марии Фёдоровны — принцессе Елизавете-Вильгельмине (1767—1790).

Впечатления от встреч и бесед с Императрицей у Иосифа остались наилучшими. Но что явилось для гостя неожиданно-радостным, так это общение с Павлом и Марией. С Марией Фёдоровной они беседовали на общие темы, брак сестры не вызывал у Марии никаких возражений; по ее мнению, всё должна была решать сама Елизавета, ну и, конечно, родители. Общение с Цесаревичем стало приятным открытием. Император не обнаружил у Павла никакой «прусской узости» и высказал управляющему ведомством иностранных дел А.А. Безбородко (1747—1799) мнение, что он — «украшение нашего века».

«Я люблю в нём ту точность, с которой, как все меня уверяют, управляет все дела, какие он на себе имеет. Такая точность есть вещь редкая в молодых людях, но она нужна и в особах его состояния тем полезнее, что, без сомнения, в своё время и сделанное удержит, и недоконченное завершит». Осталось неясным, была с такой оценкой ознакомлена Екатерина II и, если да, то вряд ли она ей понравилась.

Император покинул Петербург, и далее начались длительные закулисные переговоры о возможности нового европейского брачного

¹ Правящее владетельное лицо Династии Габсбургов становилось Императором Священной Римской Империи и правителем обширных австрийских территорий, Королём Чехии и Королём Венгрии. В 1804 году племянник Иосифа II Франц (Франц II) принял титул Императора Австрии, и с этого времени название «Австрия» стало официальным для всей Империи.

² Император Иосиф II был женат дважды: на Изабелле Пармской (1741—1763) и Жозефине Баварской (1739—1767), но детей от этих браков не имел. Наследником Престола считался его брат Леопольд (1747—1792), сын которого Франц и воспринял власть после скоропостижной смерти своего отца в 1792 году, став сначала Императором Священной Римской Империи, а затем и Императором Австрии.

союза, который должен был не только дать потенциальному Наследнику Австрийского Престола невесту, но и установить близкую династическую связь между Династией Габсбургов и Домом Романовых. Ведь сестра Марии Фёдоровны становилась претенденткой на роль Императрицы! В этой закулисной деятельности живейшее участие принимала Екатерина II: роль «европейской свахи» ей особенно нравилась. К весне 1781 года вопрос был окончательно решён: эрцгерцог Франц и принцесса Елизавета должны были стать мужем и женой.

Одновременно следовало решать и другой вопрос, который Екатерине совсем не импонировал: разрешить или нет Марии Фёдоровне и Павлу присутствовать на брачных торжествах в Вене. Если бы Императрица могла следовать всегда только собственным желаниям, то она отправила бы Марию и Павла совсем в другую сторону, и уж точно не на европейскую арену. Но даже у неограниченной повелительницы существовали пределы возможного. Надо было делать большую политическую игру, «вся Европа» будет наблюдателем, а потому пришлось переступить через нежеланное.

В мае 1781 года Императрица в присутствии Цесаревича и Цесаревны совершенно неожиданно затеяла разговор о том, как хорошо делает Император Иосиф, что много путешествует, посещает различные страны, что даёт ему «массу полезных знаний». Мария Фёдоровна описала этот эпизод в дневнике: «Мы вполне одобрили всё, что она (Императрица. — А. Б.) сказала относительно Императора, и, в особенности, всё, касавшееся пользы, извлечённой им из своих путешествий, а Великий князь прибавил, что как счастливы те из лиц его положения, которые могут делать то же самое и таким же образом как он; что он ввел в моду путешествия».

Павел Петрович и Мария Фёдоровна, конечно же, тут же поняли, что, возможно, и им будет предоставлена возможность отправиться в европейское путешествие. Тему эту сами не затрагивали и не развивали, так как одно неверное слово могло навсегда похоронить подобную мечту. Как записала Мария Фёдоровна, супруги дали Императрице «почувствовать, что мы ценим и понимаем преимущества, которые должны представлять путешествия». Всё. Дальше того рубежа идти было нельзя. Попытка выразить сокровенное желание отправиться в дальние края могла быть тут же истолкована как признак своеволия. А такие поползновения Екатерина умела пресекать раз и навсегда и никогда (почти никогда) свои запреты не отменяла.

В один из следующих дней Императрица опять затеяла разговор о пользе путешествий и об Императоре Иосифе, причем Павел Петро-

вич отважился сказать, что «было бы любопытно увидеть Императора в Вене монархом, после того как его видели здесь в качестве частного лица». В ответ на это Екатерина, по словам Марии Фёдоровны, заметила, это «конечно, любопытно и улыбнулась».

О, эта незабываемая улыбка повелительницы России! Она далеко не всегда передавала внутреннюю человеческую радость и расположение. Иногда это — снисходительная ухмылка палача, смотрящего с радостью на лицо жертвы. Павел Петрович понял, что опасный рубеж достигнут и больше нельзя произносить ни единого слова.

Он слишком хорошо распознал мать: за внешними любезностями и улыбками скрывается чёрная душа, которая способна на любое злое дело. Павел Петрович не мог не знать о том, что она сотворила с епископом Ростовским и Ярославским Арсением (Мацеевичем, 1697—1772), находившимся в преклонных летах. «Дело» считалось секретным, но о нём немало было разговоров и в церковной среде, и в петербургских гостиных.

Всё началось с того, что в своём обращении в Синод в марте 1763 года Владыка позволил себе немало нелестных выражений, затрагивавших всю систему государственно-церковных отношений. «Горе нам, бедным архиереям, — восклицал Владыка, — яко не от поган, но от своих, мнящихся были овец правоверных, тоlikовое мучительство претерпеваем! От тех, кому надлежит веровати, яко мы...»

На подобный вызов «матушка-императрица» среагировала тотчас. Ее положение на Престоле еще не могло считаться прочно обеспеченным. Не прошло и года, с того июньского дня в 1762 году, когда группа гвардейских офицеров свергла с престола внука Петра I Императора Петра III, через несколько недель «случайно убитого». Екатерина прекрасно осознавала, что, по сути дела, она — самозванка, «узурпаторша», что никакими традиционными законами и историческими прецедентами её воцарение не объяснялось и не оправдывалось. Об этом же в своих речах не раз бесстрашно упоминал и Арсений.

Будучи умной и расчетливой, Екатерина сразу же узрела огромную потенциальную опасность ее властительству в православной стране, исходившую от таких независимых авторитетов, как Ростовский Митрополит. Потому и преследовать его она начала с лютой беспощадностью. Арсений был арестован, препровожден под усиленным военным конвоем в Москву и помещен под «крепкий караул» в Симоновом монастыре.

Императрица лично следила за всем ходом «дела Арсения» и давала инструкции по его содержанию. Мало того: она лично решила допросить Арсения, который и в её присутствии повторил свои доводы и против секуляризации, как и вообще против вторжения в церковные дела светских лиц. Не утаил он и своих сомнений по поводу законности преемственности власти самой Екатерины. С «великой государыней» при этом случилась чуть ли не истерика, и она завопила, чтобы ему «закаляпили рот».

Волю повелительницы приспешники исполнили немедленно. Арсений уже в апреле 1763 года был привлечен к синодальному суду по обвинению «в оскорблении Величества». Суд был скорый и неправый; его решение определяла сама Екатерина II. Снять священнический сан, сослать в отдаленный северный Николо-Карельский монастырь и «строго смотреть» за тем, чтобы он не смог и там «развращать ни письменно, ни словесно слабых и простых людей».

Владыка же и в отдаленной ссылке оставался честным и простодушным. Он не только не прекратил «возмутительных речей», но и «совратил» монастырскую братию, среди которой очень быстро стал пользоваться почитанием. Естественно, что нашлись «доброхоты», оповестившие о том «венценосную особу», которая просто пылала огнем неугасимой ненависти. Арсений был снова судим и лишен монашеского чина. В 1767 году он был под охраной перевезен из Архангельской губернии в Ревель. Там полуживого Арсения поместили в крепостном каземате, запретив с ним всякие разговоры.

Но и на этом Екатерина не успокоилась. Она лично написала коменданту, чтобы, когда арестант будет умирать, «попа при смертном часе до него допустить с потребою, взяв с попа подписку под смертной казнью, что не скажет о нем никому». Повелительница объяснила и причину: «Народ его очень почитает, исстари и привык его считать святым». В конце концов, камеру просто замуровали, оставив лишь маленькое оконце для передачи пищи. Да и ту давали от случая к случаю, истязая страдальца и голодом. Заживо погребенный Арсений прожил еще некоторое время и преставился 28 февраля 1772 года, и в тот же день он был тайно погребен. Фактически Екатерина II убила престарелого Владыку, а его «дело» навсегда осталось темным пятном её царствования. Конечно, почитатели «Екатерины Великой» в своих восторженных описаниях это злодеяние обходят стороной...

Цесаревич и Цесаревна оказались в трудном положении. Разговоров «о пользе путешествий» в присутствии Императрицы больше не

возникало. Время шло, и надо было что-то делать. За советом было решено обратиться к мудрому Никите Панину. Мария Фёдоровна написала «проект условий», которые «нужно соблюсти, чтобы привести в исполнение планы о путешествии». Рука Марии выводила на бумаге планы, которые формулировал ей Цесаревич. По вполне понятным причинам, он не рискнул сам в этом щекотливом случае корреспондировать сановнику, находившемуся в полуопале. Речь ведь шла, по сути дела, о том, как обыграть Императрицу и заставить её согласиться на то, что не соответствовало её намерениям. В том же, что такого желания у Самодержицы не имелось, не приходилось сомневаться.

Указанный план действий Никита Панин внимательно прочитал и сделал важные дополнения и пояснения. Он-то хорошо знал «Фике», знал, что этой тщеславной особе нельзя ничего навязать, её нельзя ни в чём убедить; она будет намертво стоять на своём, и никакие аргументы тут не сработают. Исключение составляли лишь фавориты, которые могли и капризами и лестью заставлять Самодержицу изменять свои решения и принимать то, что буквально ещё вчера отвергалось. Для всех же остальных подобный путь был навсегда закрыт. Императрицу можно лишь тонко привести к принятию необходимого решения, но так, чтобы это решение вроде бы ей самой и пришло в голову. Здесь нужны были ненавязчивые, но целеустремленные приемы; это была «высшая придворная дипломатия», приемами которой Панин и поделился с Павлом и Марией.

В первом пункте «записки» Марии Фёдоровны значилось, как затевать беседу о желании совершить заграничное путешествие: ссылаться на пример других монархов, в первую очередь Императора Иосифа. Начинать же подобный разговор надо «в подходящее время». Этот пункт Никита Панин прокомментировал следующим образом:

«Даже не это, а путём разговора и рассуждений по поводу устанавливающегося обычая, что молодые принцы путешествуют для приобретения познаний. Здесь было бы недурно вставить похвалу пользе, извлечённой Императором. При сем следует заметить, что всё это не должно быть высказано разом и, не выжидая ответа или возражения, которые могут сделать на каждую отдельную мысль, а следует вести разговор таким образом, что не идти дальше прежнего, чем предшествовавшая мысль не будет вполне закончена».

Еще были пункты о формировании свиты, в состав которой надо просить Императрицу «как о милости» включить тех людей, кото-

рых они хотели бы иметь с собой рядом в путешествии. Панин тут сделал приписку: «Конечно, как о милости, но крайне осторожно и не настаивая сразу».

Пункт пятый гласил: «Дети. Нужно сказать, что нельзя было бы доверить их в лучшие руки, чем в руки их бабушки; что таким образом мы вверяем ей наше драгоценнейшее достояние, будучи вполне бесспорно уверены, что они не могли бы быть под лучшей охраной; одним словом, на эту тему следует говорить ей самые дружественные и самые нежные вещи». Оценка Панина данной позиции была: «Очень хорошо».

Далее в плане значилось: «Сначала нужно сказать, что мы начнём с Вены; при этом случае можно наговорить ей лестных вещей для неё и для Императора». Панин полностью одобрил этот тактический приём. «Очень хорошо» написал он на полях.

Затем следовали размышления о сроках, о конкретном маршруте поездки и о странах, которые следует посетить. Панин считал, что не надо добиваться здесь никакой конкретизации. «В случае, если бы пожелала сократить время путешествия, по-видимому, можно возразить, что хотели бы увидеть поболее стран и не ограничиваться каким-либо одним государством... Не нужно торопиться указывать страны, которые именно хочется видеть, так как не нужно восставать против воли, которую выскажут во время рассуждений с вами, так как после того, как уже уедете, можно будет с большей легкостью избрать одну дорогу вместо другой».

Старый царедворец понимал, о чём шла речь. Будучи сам поклонником Короля Фридриха, он знал, что и Цесаревич его чрезвычайно почитает, но Императрица придерживалась совсем иной точки зрения. Визит же Павла Петровича в Берлин в 1776 году и царские почести, ему там оказанные, привели Екатерину в гневное состояние. Он боялся, что она вычеркнет из плана поездки Пруссию, и он не ошибся: единственной страной, посещение которой было запрещено Цесаревичу и Цесаревне, являлась именно Пруссия. Как доносил в Лондон английский посол Джеймс Гаррис, стоило только Цесаревне заикнуться о визите в Берлин, как она «получила гневный отказ».

Екатерина II после первого разговора о «пользе путешествий» еще несколько недель «думала». Она не говорила ни «да», ни «нет», явно этим подчёркивая, что данная «экспедиция» ей не симпатична. Помощь Павлу и Марии неожиданно пришла с той стороны, откуда они никогда и не ожидали: фаворит Екатерины II, её «последняя

страсть» генерал-адъютант А.Д. Ланской (1758—1784), стал просить «благодетельницу» отпустить сына и невестку в Европу. Императрица и сама понимала, что поездку следует разрешить, да и отказать «милому Саше» (Ланскому) у неё не было сил.

В начале июля 1781 года Екатерина II «соизволила» дать согласие на поездку. О том она собственноручным письмом уведомила Императора Иосифа II и, как всегда, о важном умолчала, а многое извратила. По её словам выходило, что Великий князь «заявил мне о своем желании посетить иностранные земли и, в особенности, Италию. Я могла только согласиться на такое желание, столь благоприятное для увеличения его познаний. Осмеливаюсь просить Ваше Императорское Величество разрешить проезд его через Ваши владения и позволить ему и его супруге представиться Вам этой зимою в Вене».

Императрица решила, что поездка Великокняжеской четы будет предпринята «инкогнито» под именем «графа Северного с супругой». Это соответствовало желаниям Павла и Марии: таким путём можно было избежать утомительных династических церемоний и обязательных визитов. Екатерине же этот вариант нравился по той причине, что Павла не будут принимать и чествовать по высшему разряду. Императрица отпускала «дорогих детей» за границу на долгий срок с легким сердцем ещё и потому, что они, особенно Мария, ей смертельно надоели. Эти вечные слёзы в глазах, эта печаль на лице по поводу своих сыновей, как будто она их отдала в рекрутский набор! Может быть, за это долгое отсутствие дети родителей забудут и исчезнут потом трагические позы и взгляды.

Павел Петрович до конца не верил, что мать разрешит ему с женой уехать на многие месяцы за границу. Когда же решение состоялось, то его охватили мрачные предчувствия. Нет, неспроста «матушка» отпустила. Не иначе как что-то замышляет в их отсутствие. Первое, что пришло на ум Павлу (и не только ему), так это то, что Екатерина может воспользоваться моментом и провозгласить наследником Престола внука Александра. Она на всё способна, в особенности — на дело тёмное.

Опасениями Павел поделился со своими конфиденентами Репниным и Паниным. Репнин письменно откликнулся увещеваниями «изгнать недобрые мысли», а Никита Панин лично прибыл в Петербург и имел встречи с Цесаревичем. О чём они говорили неизвестно, но вряд ли, как утверждал Шильдер, Панин хотел «отклонить Цесаревича от заграничной поездки». Данное утверждение ни на чём не основано.

Панин не мог не понимать, что в той фазе всего этого дела переиграть его не имелось никакой возможности. Маршрут, свита, деньги — все было обговорено и приготовлено, русским представителям при иностранных дворах были посланы уведомительные депеши, и вдруг всё отменяется. Для такого шага должно было произойти экстраординарное событие, но такового в наличии не имелось.

«Конфиденции» Павла и Панина не остались незамеченными: Екатерина II об этом узнала и, в качестве наказания, отстранила графа от всех дел по дипломатическому ведомству.

Уезжали Павел и Мария 19 сентября, накануне дня рождения Павла Петровича. Екатерина II не желала принимать участие в чествовании годовщины рождения сына; она даже в таких мелочах оставалась сама собой, злобно-непримиримой...

«Графа и графиню Северных» сопровождала свита примерно из двадцати человек. В день отъезда случился неожиданный конфуз: Мария Фёдоровна при прощании с детьми три раза теряла сознание: и это на публике, перед сотнями глаз. Её на руках внесли в карету. Вся эта сцена выглядела не как радостное и долгожданное событие, а как отправка в ссылку. Екатерина II негодовала и готова была вообще отменить поездку, но в последний момент сдержалась. Она сама никогда не падала в обморок и вообще считала, что это — удел молодых барышень, но не взрослых («зрелых») женщин. Свое возмущение она излила в письме, отправленном через два дня вдогонку.

«Если бы я могла представить, что при отъезде она три раза упадёт в обморок, и что её под руки отведут в карету, то уже одна мысль о том, что её здоровье придётся подвергнуть таким тяжелым испытаниям, помешала бы мне согласиться на это путешествие... Спросивши свое сердце и ум, я прихожу к заключению, что вам, если вы не находите никакого удовольствия продолжать путь, следует решиться тотчас же возвратиться назад, под предлогом, что я написала вам вернуться ко мне».

О возвращении не могло быть и речи. Мария Фёдоровна быстро оправилась от потрясения, а Павел Петрович готов был нестись во весь опор куда угодно, лишь бы подальше от постылого и постыдного Двора матери. Он впервые в жизни вырвался на свободу, и, хотя в свите находились агенты и клеветы Императрицы — Н.И. Салтыков, подполковник Х.И. Бенкендорф, князь Н.Б. Юсупов, он всё равно получал свободу, которой за двадцать семь лет своей жизни не имел. Он отсутствовал в России четырнадцать месяцев. Маршрут Великокняжеской четы пролегал через Польшу, Австрию, Италию,

Францию, Бельгию, Нидерланды, некоторые германские княжества, Швейцарию и обратно через Вену в Россию. Павел Петрович многое узнал, увидел и заново осознал.

В Вену путешественники прибыли 10 ноября в сопровождении Императора Иосифа, встретившего их ещё задолго до столицы. В столице Австрии произошла встреча Марии Фёдоровны с родителями и сестрой Елизаветой. Павел же целыми днями был занят поездками и ознакомлениями с незнакомой страной и системой её управления. Своему доброму знакомому барону К.И. Остен-Сакену писал: «Скажу Вам насчёт моего здесь пребывания, что мы живём как нельзя лучше, осыпанные любезностями Императора и пользуясь вниманием со стороны прочих; вообще это прелестное место, в особенности, когда находишься в кругу своего семейства. Я желал бы удвоиться или утроиться, чтобы проявить нашу признательность. Но зато у нас почти нет минуты покоя как для того, чтобы выполнять обязанности, налагаемые на нас оказываемыми нам вниманием и вежливостью, так и для того, чтобы не упустить чего-либо замечательного по части интересных предметов; а правду сказать, государственная машина здесь слишком хороша и велика, чтобы на каждом шагу не представлять чего-либо интересного, в особенности же, в виду большой аналогии её в общем с нашей. Начиная с главы (Императора. — А. Б.), есть что изучать для моего ремесла».

В конце ноября — начале декабря 1781 года в Вене происходили пышные торжества, связанные с помолвкой принца Франца (1768—1835) и принцессы Елизаветы-Вильгельмины Вюртембергской (1767—1790), на которых Павел и Мария были дорогими гостями. Благодаря этому браку, Дом Романовых породнился с Домом Габсбургов. Цесаревич Павел становился свояком австрийского Кронпринца.

Павел Петрович немало узнал и увидел, благодаря любезности и расположению высшего общества и лично Императора Иосифа II. Последний проникся такой симпатией, что даже ознакомил Павла с секретным австро-русским союзным договором. Когда об этом узнала Екатерина II, то весть её обескуражила. Получалось, что иностранный правитель доверял Наследнику больше, чем его собственная мать. Так оно и было.

Самодержица отправила Императору письмо, в котором высказала свою досаду. «Смею думать, что сын мой, в силу данного им обещания, сохранит всё это в самой строгой тайне, исполняя тем желания Вашего Императорского Величества, хотя его юные годы

мало обеспечивают его от происков людей, которые делают своим промыслом выведывание подобных тайн».

Два месяца Великокняжеская чета провела в Вене, а затем отправилась в Италию, где провела зиму и весну 1782 года. В Тосканском герцогстве задержались подольше: во Флоренции правил муж сестры Марии Фёдоровны эрцгерцог Франц (герцогство Тоскана входило в состав Священной Римской Империи), с которым у Павла сложились самые доверительные отношения. Цесаревич изучал архитектурные и художественные достопримечательности Флоренции, а несколько вечеров провёл в дружеских беседах со своим свяжком, Великим герцогом. Атмосфера бесед располагала к откровенности, и Павел Петрович себе это позволил, и скоро убедился, что он не имеет на неё право. Франц передал содержание разговоров своему дяде Императору Иосифу, а тот — Екатерине II.

В общеполитической оценке «граф Северный» не сказал ничего такого, что не было бы известно матери. Его мировоззренческое кредо оставалось неизменным с 1773 года, когда им было составлено известное «Рассуждение». Россия не должна расширять свои пределы, войны истощают государственный организм и надо заниматься внутренним обустройством, а не внешними захватами.

Однако Цесаревич на этом не остановился и пошёл дальше, дав самую негативную оценку ближайшим сотрудникам Императрицы, некоторые из которых, по его мнению, были подкуплены венским двором. «Я их знаю, я Вам их назову: это князь Потёмкин, секретарь Императрицы Безбородко, Бакунин, графы Семён и Александр Воронцовы и граф Морков, который теперь посланником в Голландии. Я Вам называю их, потому что я очень рад, если узнают, что мне известно, кто они такие и лишь только я буду иметь власть, я их высеку, разжалую и выгоню». Это был эмоциональный срыв, понятный по человеческим меркам, но не допустимый в том положении, в котором находился Цесаревич.

Здесь самое время оттенить момент, чрезвычайно важный в понимании психологического строя личности Павла Петровича. Его эмоция далеко не всегда переходила в политическое действие. Будучи человеком отходчивым и незлопамятным, он не помнил долго плохое и переступал, не спотыкаясь, через свои, так сказать, «эмоциональные пороги». Примечательно, что даже в минуту страстного возбуждения Павел Петрович не позволил себе выпадов лично против Императрицы; всё зло и нестроения в России происходили от «окружения».

Что же касается «окружения», то уместно сказать о следующем. Каких-либо фактов о «подкупе» до сего дня добыто не было, да и трудно предположить, что, например, Потёмкина — одного из самых богатых людей той эпохи — можно было «подкупить». У иностранных правительств и денег для подобной операции не нашлось бы. Здесь важно другое.

Когда Павел Петрович стал Императором в 1796 году, то указанных лиц не настигла не только «порка», но даже сколько-нибудь серьезная кара. Правда, к тому времени первый враг Г.А. Потёмкин уже умер (1791). Ещё раньше (1787) скончался и член Иностранной коллегии П.В. Бакунин. Остальные же здравствовали.

Князь А.А. Безбородко (1747—1799), по воле Павла I, занимался разбором бумаг Екатерины II и снискал полное доверие Императора. Семён Романович Воронцов (1744—1832) с 1785 года исполнял обязанности посла России в Лондоне и был отставлен от должности в самые последние дни царствования Павла, но ему было дозволено оставаться в Лондоне (решение было отменено Александром Павловичем сразу же после воцарения). Александр Романович Воронцов (1741—1805) при Екатерине II был сенатором и президентом Коммерц-коллегии и опале не подвергался. Не потерял своего положения и граф А.И. Морков (1747—1827), составивший себе карьеру в качестве посла в Стокгольме, а потом в Париже...

Помимо Флоренции, Великокняжеская чета посетила в Италии Венецию, Падую, Болонью, Анкону, Ливорно, Парму, Милан, Турин, Рим и Неаполь. Три с половиной месяца они путешествовали, изучали и восхищались. Из Рима Павел писал архиепископу Платону: «Здесьнее пребывание наше приятно со стороны древностей, художеств и самой летней погоды». После осмотра величественного собора Святого Петра в Риме высказал Платону свою мечту, чтобы тот в такой же церкви «служил в Москве».

В Неаполе случился неприятный инцидент: встреча с графом Андреем Разумовским, отправлявшим тут уже пять лет должность посланника при Короле Неаполитанском. В Павле Петровиче давняя история с первой женой Натальей опять вдруг ожила, опять резануло душу. Рассказывали, что, увидев Разумовского, Цесаревич, схватившись на оружие, воскликнул: «Шпагу из ножен, господин граф!» Свитские стеной встали между Цесаревичем и графом, и до непоправимого дело не успело дойти.

В Неаполе, где «графа Северного» радушно принимали Король Фердинанд и Королева Мария-Каролина, русским гостям стало из-

вестно, что предатель и соблазнитель, ненавистный граф Разумовский, не потерял вкуса к громким любовным приключениям: теперь он числился «любовником Королевы». Королева Каролина-Мария (1752—1814), урожденная австрийская принцесса, славилась на всю Европу ненавистью к революциям и своими эпатажными любовными связями. Позже её «интимной подругой» станет известная авантюристка и любовница адмирала Горацио Нельсона (1758—1805) пресловутая «леди Гамильтон» (?—1815)...

В Риме у Цесаревича состоялось несколько встреч с Папой (1775—1799) Пием VI. Подробности этих бесед неизвестны, но не исключено, что речь могла идти о необходимости «воссоединения церквей» перед напором вольнодумства и атеизма. Сама эта идея всегда была близка Павлу Петровичу; он был уверен, что раскол Христианства ослабляет веру и способствует распространению суеверий и антицерковных настроений. Будучи сторонником стройной монархической системы, Павел Петрович прекрасно понимал, что только сакральный ареол власти делает её по-настоящему легитимной.

Павел Петрович или не знал, или не принимал к сведению тот очевидный факт, что все предшественники Пия VI, папы Бенедикт XIII (1724—1730), Климент XII (1730—1740), Бенедикт XIV (1740—1758), Климент XIII (1758—1769), Климент XIV (1769—1774), — являлись яркими противниками Православия. Они фактически поощряли чудовищные гонения на православных на польских территориях и в пределах Габсбургской монархии, вплоть до обрезания носов и ушей у «схизматиков» («диссидентов»), — приверженцев греко-православного обряда. В этих условиях ни о каком «объединении» не могло быть и речи. Павел же Петрович считал, что оно «в принципе» возможно. Это была его романтическая монархическая грёза — единение мира, порядка и законности под скипетром Русского Царя и духовным водительством Римского Папы. Он видел идеальное, желал его, но порой не замечал реального. Так было и в данном случае.

Здесь уместна интерлюдия более общего порядка. Когда Павел Петрович стал Императором, то проявил великую снисходительность к Католицизму и к латинской пропаганде. 29 ноября 1798 года Самодержец торжественно возложил на себя корону магистра Мальтийского ордена. Он вел свое родословие от «Иерусалимского Ордена Святого Иоанна», основанного рыцарями-монахами в XI веке, во время начала крестовых походов. К концу XVIII века, лишённые своих владений в разных частях Европы, мальтийские рыцари были

изгнаны из своего главного бастиона в Средиземном море — острова Мальта.

При Павле I резиденция Ордена была перенесена в Петербург. Через папского нунция в Санкт-Петербурге Ю. Литта (1763—1839) Императору были переданы святыни Ордена: Крест Животворящего Древа Господня, чудотворная икона Богородицы и рука Иоанна Крестителя, помещенные в дворцовую церковь Гатчины. Павел Петрович начал исполнять обязанности духовника Ордена. Как сообщал очевидец, «Командор Литта публично покался в своих грехах, и великий магистр принял это покаяние со слезами умиления».

Ордену были переданы доходы от обширных земельных угодий, ранее принадлежавших мальтийцам, но отошедших к России после раздела Польши. Сам же Литта получил графский титул и уже при Александре I стал членом Государственного Совета. Мало того. В угоду политическим «потребностям момента», Россия де-факто оказалась ревнительницей прав Папского престола. В 1800 году при помощи русских войск в Рим вступил Папа Пий VII (1800—1823), утвержденный во владениях согласно Люневильскому мирному договору, заключенному между наполеоновской Францией и антифранцузской коалицией, в которой Россия играла ведущую роль. Победы Суворова и его легендарных «чудо-богатырей» способствовали восстановлению светской власти римских пап!

Встав на защиту гонимого папства, Император руководствовался убеждением, что встает за защиту веры и порядка, против атеизма и революции. Он воспринимал всех врагов Католичества как врагов Христианства, милостиво относясь даже к иезуитам. Среди Русского Двора возникли даже слухи о соединении православной и римской церквей. При этом утверждалось, что Павел Петрович относился к этой мысли «сочувственно».

По утверждению «генерала ордена иезуитов» патера Г. Грубера (1740—1805), в одной из бесед Император якобы заявил ему, что он «католик сердцем». Свои письма к Пию VII Павел Петрович подписывал: «искренний друг Вашего Святейшества». Папа же признавал Русского Царя не только протектором Мальтийского ордена, но и всей Римско-католической церкви. Это был единственный в истории случай, когда папы отдали себя под покровительство православного правителя.

В последние месяцы царствования Павла Петровича иезуиты были чрезвычайно деятельными. Им казалось вполне возможным волей Императора осуществить давнюю католическую мечту — унию

Православия с Римом. Тем более что сам повелитель России, обураваемый рыцарскими теократическими мечтаниями, давал к тому повод: он не раз говорил о необходимости объединения церквей. Потому паписты так и опечалились, когда Павла не стало. «Погиб великий покровитель римской церкви и общества Иисуса», — сообщал в Рим паптер Грубер.

Вряд ли можно серьезно говорить о возможности униональной капитуляции Православия. Павел I был слишком импульсивной натурой, способной самозабвенно увлекаться и столь же скоро охлаждать к различным начинаниям. Настроение самого Монарха, при всей безбрежности его властных прерогатив, не могло бы заставить Церковь, не иерархию, а именно Церковь, как совокупность всех физических, институциональных, канонических и догматических своих частей, принять то, что Она много веков безоговорочно отвергала. Изменить церковный климат, церковную практику и церковную психологию, отказаться от великого мессианского предназначения Православия, во имя торжества, по личной прихоти, каких-то скоротечных политических интересов и текущих государственных целей — подобный «проект» был не способен осуществить никакой правитель...

В конце апреля 1782 года «граф Северный» покинул Италию и 7 мая был уже в «столице мира» — Париже. Большой шумный город, не спящий ни днём ни ночью, каскад лиц, круговорот вещей и событий на первых порах сбивали с толку. Так как ничего подобного раньше наблюдать не доводилось, то предыдущий опыт не играл никакого значения. Надо было сообразовываться с обстоятельствами в новых, необычных условиях. Барону Остен-Сакену Цесаревич писал 14 мая 1782 года: «Вы видите, откуда я Вам пишу, — из настоящего водоворота людей, вещей и событий; молю Бога, чтобы Он даровал мне силы справиться со всем. Друг мой, я вижу здесь совершенно иное, чем то, что мне известно было доселе. Я ещё не знаю, что я буду делать, я едва помню, что со мной было; вот какой я веду образ жизни в данный момент, но когда немного заботишься о своей репутации, то труды и бдения не кажутся страшными. Сеешь для того, чтобы собирать жатву, и тогда чувствуешь себя вознагражденным за всё».

Король Людовик XVI (1754—1792, Король с 1774 года) и Королева Мария-Антуанетта (1755—1793) стремились произвести на русских гостей наилучшее впечатление. Прием в Версале затмил всё, что ранее приходилось видеть Павлу в Петербурге, Берлине и Вене. Оперный

спектакль в великолепном Версальском театре, а затем роскошный бал во дворце «Малый Трианон» потрясали изысканностью и роскошью. По словам очевидца, Мария Фёдоровна «имела на голове маленькую птичку из драгоценных камней, на которую едва можно было смотреть, так она блистала. Она качалась на пружине и хлопала крыльями по розовому цветку». Великая княгиня произвела впечатление: ничего подобного присутствовавшие никогда не видели.

В честь гостей были и другие королевские балы, в том числе в Зеркальной галерее Версаля, расписанной знаменитым французским живописцем Шарлем Лебреном (1619—1690). Русские гости смогли поразить воображение пресыщенной версальской публики. Павел, свободно владевший французским языком, сыпал остротами, которые потом передавались из уст в уста.

Родственники Короля тоже желали отличиться: Людовик-Жозеф Бурбон принц Конде (1736—1818) в своем замке в Шантильи устроил трёхдневный праздник в честь русских гостей, — праздник, по своему великолепию превзошедший блеск Версаля. Здесь после спектакля «граф Северный» с супругой ужинали на «Острове Любви», а на следующий день была охота на оленей...

Были не только балы и спектакли. Уже в первый день пребывания в Париже, 7 мая 1782 года, Павел инкогнито посетил католическую мессу, а потом наблюдал процессию «кавалеров Святого Духа». Затем были смотры войск, осмотры казарм, больниц, приютов, библиотек; он интересовался всем. Бомарше читал ему ненапечатанную ещё «Свадьбу Фигаро», а на обратной дороге из Шантильи Великокняжеская чета посетила могилу писателя и мыслителя Жан-Жака Руссо (1712—1778) в Эрменонвиле, совершенно не подозревая, что они находятся во Франции накануне крушения. Страшная революции через несколько лет сметёт монархию, а «отцом» этой революции по праву назовут ненавистника существующих устоев — Руссо. 21 января 1793 года в центре Парижа под улюлюканье толпы Людовику XVI отрубят голову; 16 октября того же года революционные маньяки так же поступят и с Марией-Антуанеттой.

Некоторые из утончённых аристократов, блиставших при Дворе Людовика XVI, спасшиеся чудом и обезумевшие от революционного ужаса, будут скитаться по всей Европе в поисках приюта и пропитания. Среди них будут и те, которые когда-то в своих великолепных дворцах принимали у себя «графа Северного» — Принц Конде, граф д'Артуа, граф Прованский. Они получают покровительство и субсидии от Императора Павла...

Но все это случится через годы. В 1782 году подобное и вообразить было невозможно. Гримм не без восхищения сообщал Екатерине: «В Версале Великий князь производил впечатление, что знает французский двор, как свой собственный. В мастерских наших художников (в особенности, он осмотрел с величайшим вниманием мастерские Грёза и Гудона) он обнаружил такое знание искусства, которое могло только сделать его похвалу более ценною для художников. В наших лицах, академиях своими похвалами и вопросами он доказывал, что не было ни одного рода таланта и работ, который не возбуждал бы его внимания... Его беседы и все его слова, которые остались в памяти, обнаружили не только весьма проникательный, весьма образованный ум, но и утончённое понимание всех оттенков наших обычаев и всех тонкостей нашего языка».

Неизвестно, какое впечатление подобные донесения производили на Екатерину II, но вряд ли она испытывала особую радость. С одной стороны, она могла гордиться, что Цесаревич так блестяще себя показывает в Европе. Но с другой, чувство личной неприязни не давало возможности забыть, что Павел — угроза, Павел — враг и его подлинное место совсем не в золотых залах Версаля. И она испортила пребывание Павла Петровича во Франции.

Цесаревич получил письмо матери, из которого следовало, что в Петербурге раскрыт «заговор» против Самодержицы и главными «преступниками» явились добрые знакомые Павла Петровича: флигель-адъютант Павел Бибииков и находившийся в свите Цесаревича князь Александр Куракин. Как писала Императрица, она приказала арестовать Бибиикова «по причине предрозстных его поступков, кои суть пример необузданности, развращающей все обязательства».

В основе «заговора», как справедливо утверждали, лежала «копеечная история». Была перехвачена переписка между Бибииковым и Куракиным, в которой молодые люди без стеснения критиковали нравы при Дворе и особенно главного фигуранта — Г.А. Потёмкина, или «кривого»¹, который подыскивал для повелительницы «ночные грелки» по своему усмотрению из числа темпераментных офицеров и придворных. Эти, как позже выразилась Екатерина, «бабы сплетни»

¹ Григорий Александрович Потёмкин (1739—1791) был слеп на один глаз и носил на лице повязку. Происхождение слепоты было связано не с военными сражениями, а с неудачными медицинскими манипуляциями. В 1763 году один лекарь взялся лечить заболевший глаз и в результате — Потёмкин «окривел».

произвели на «вольнолюбивую» Императрицу просто оглушительное впечатление. Она устроила публичную историю на основании нескольких фраз из частной переписки. Да, видно уроки её общения с Вольтером на темы «свободы», «прав личности» и всеобщей «справедливости» для Екатерины прошли даром...

Поразительно, но многочисленные симпатизанты Екатерины никогда не видели в позиции Императрицы ничего предосудительного. Наоборот. Они традиционно метали стрелы критики по адресу Цесаревича, обвиняя его в том, что он вращался в «непозволительной умственной атмосфере». Но ведь о произволе Г.А. Потёмкина, о его самодурстве и грубости говорили тогда многие, или, как выразился Куракин в ответном письме Бибикову, «все честные люди».

Екатерина II, которая всегда старалась быть выше «бабьих сплетен», в данном случае показала себя именно мелкой и склочной бабой. Вся данная история была раздута исключительно для того, чтобы устроить публичную выволочку, нет, ни Бибикову или Куракину — эти молодые люди её мало интересовали. Она желала нанести оскорбление Цесаревичу, которому переслала письмо Бибикова и своё собственное описание «его покаяния». Павел должен был знать, что она — «Великая Государыня» — видит и знает всё, и одним мановением руки может уничтожить любого, кто вздумает умалять её величие. Павел Петрович тут не являлся исключением; он первый верноподданный, он холоп, и она может обращаться с ним так, как ей заблагорассудится.

И ещё одно, что должен был усвоить Павел. Он не имеет права на дружбу, на душевную привязанность; у него не может быть никакого «своего мира», не устроенного по «милостивому» разрешению Самодержицы. Так случилось и в данном случае. Павел Петрович переживал, что вскорости последует отзыв из его свиты князя Александра Куракина — единственного человека, которому он доверял полностью. Князю пришлось писать покаянное письмо Императрице и уверять её, что он никогда не имел никаких «тайных мыслей» и не разделяет мнений своего друга Бибикова. Князь Куракин¹ отозван не был, но как только вернулся в Россию, был немедленно выслан из Петербурга в свое имение под Саратовом без права возвращаться «без особого разрешения». Ещё раньше в Астрахань был сослан Бибиков.

¹Ещё одна из причин его изгнания — обвинение, что через него Павел Петрович вёл тайную переписку с прусским посланником в Петербурге.

Не сохранилось свидетельств того, как Павел Петрович переживал библиковскую историю. Однако трудно усомниться в том, что он тяжело её переживал. Ужасное ощущение не иметь права на дружбу, невозможность никогда быть самим собой — напрягали нервы выше всякой меры. Цесаревич держался, но однажды высказал то, что было на душе. На одном из вечеров в Версале, во время дружеской беседы в узком кругу, Людовик XVI спросил «графа Северного», имеются ли в его свите люди, которым он полностью доверяет. Павел Петрович дал ответ, который мог смутить Короля: «Я был бы очень недоволен, если бы возле меня находился какой-нибудь привязанный ко мне пудель: прежде, чем мы оставили бы Париж, мать моя велела бы бросить его в Сену с камнем на шее».

Поклонники Екатерины всегда усматривали в этом высказывании «оскорбление Императрицы». Конечно, это была метафора, но, по сути, в ней выражено истинное положение вещей. И чему тут двести лет возмущаться? Тому ли, что Павел Петрович позволил сказать правду? Что он выразил не какие-то «нервные импульсии», а ясное представление о беспрестанном произволе своей матери? Может быть, такие высокопоставленные персоны, как Король и Королева, не должны были сие слышать? Но почему? О недоброжелательном отношении Екатерины к сыну знали при всех европейских дворах; тут не было никакой ни «династической», ни «государственной» тайны.

Почти три месяца «граф и графиня Северные» провели во Франции, затем была поездка в Нидерланды, в Германию, Швейцарию, откуда вернулись в Вену, а оттуда 7 октября 1782 года отбыли в Россию. Иосиф II заметил некоторую перемену в своих высоких гостях и в письме брату Леопольду (1747—1792, Император с 1790 года) предсказал, что, «по всей вероятности, Великий князь после возвращения встретит, быть может, более неприятностей, чем он испытывал ранее, до своего путешествия». Предположение оказалось пророческим...

Павел и Мария вернулись в Россию, где им мало кто был рад. Первая встреча с Самодержицей длилась всего несколько минут, и Екатерина дала ясно понять, что она недовольна и возмущена. Английский посол в Петербурге сообщал в Лондон, что «Их Высочества так же недовольны приёмом, им оказанным, как Императрица сожалеет об их возвращении, и что взаимное неудовольствие, преобладающее с обеих сторон, вызовет неприятные сцены».

Иногда Императрица на публике расточала дежурные любезности, но было ясно, что Павел опять оказался в той же роли, в которой пребывал и до поездки — в роли изгоя. Детей, как и раньше, им лишь

разрешалось видеть и всё. И всякий раз с позволения правительницы. Незадолго до прибытия в Россию, в дороге, Мария Фёдоровна получила письмо от Екатерины, в котором предписывалось при возвращении «быть сдержанной» и не пугать детей своими обмороками. Мария Фёдоровна сдержалась, обмороков не было, но была горечь в душе и слёзы на глазах...

Посвященный в мир придворных интриг той поры князь Ф.Н. Голицын в своих «Записках» позже написал: «Согласие и любовь Их Императорских Высочеств заслужили им приверженность петербургской публики, но возбудили некоторым образом какую-то беспокойную зависть у Большого Двора». Распущенные нравы екатерининской камарильи резко диссонировали с образом добропорядочной Великокняжеской семьи. И началась интрига, направленная на то, чтобы разрушить семейный союз Павла и Марии, посеять между ними рознь и недоверие. Трудно удержаться от предположения, что «дирижировала» этой самой «интригой» Екатерина, которая всегда любила подобные «штучки»...

Усилия интриганов не прошли даром. Разуверившемуся в людях Павлу, недоверчивому, ждущему ежеминутно со всех сторон предательства и подлости, удалось внушить, что Мария Фёдоровна служит орудием известных людей и намеревается подчинить его своей воле. В числе этих «поводырей» Марии Фёдоровны якобы выступали: её фрейлина, привезенная из Германии Анна-Юлиана Шиллинг фон Канштадт (1759—1797), вышедшая в 1782 году замуж за полковника Х.И. Бенкендорфа (1749—1823)¹, библиотекарь и бывший педагог Павла Петровича Франц-Герман Лафермьер (1737—1796) и некоторые другие лица из окружения Цесаревича.

Среди главных нащёптывателей назывались имена барона К.И. Остен-Сакена (1733—1808), к которому Павел Петрович имел расположение ещё с детства, и князя Николая Алексеевича Голицына (1751—1809). Так оно было, или нет не ясно, но очевидно одно: отношения Павла и Марии стали постепенно терять былой характер доверительности и откровенности. Павел Петрович сердечную дружбу, искреннюю человеческую привязанность ставил выше любви. Не раз и не два он убеждался, что Мария не всё ему рассказывала, что

¹ Родители известного графа Александра Христофоровича Бенкендорфа (1783—1844) — командующего Императорской главной квартирой и начальника Третьего отделения Собственной Его Императорской канцелярии в эпоху Императора Николая I.

у нее появлялись темы и события, которые она изымала из круга совместных бесед. Это вызывало сначала удивление, затем — тревогу, а потом и опасение.

По этому поводу князь Ф.Н. Голицын заметил: «Его (Павла. — А. Б.) самолюбие, уже и без того стесненное обыкновенным его положением, будучи встревожено наущениями, привело его не токмо в неудовольствие и не токмо разорвало сей драгоценный союз, но первая возродившаяся в нём мысль и желание были, чтобы доказать Великой княгине, что она никакого влияния над ним иметь не может». Князь знал, что писал, он в эти годы служил при Цесаревиче...

В 80-е годы при Дворе и в петербургском высшем свете сначала неясно, а потом всё увереннее стали говорить, что у Павла Петровича возникла «любовная связь», появилась «метресса». Имя её — Екатерина Ивановна Нелидова (1758—1839). О том, что Нелидова была «любовницей» Павла Петровича, начали говорить сразу же, как только выяснилось, что Цесаревич дарит ей повышенные знаки внимания. Ну а как же иначе? Иного, кроме альковного, развития отношений между мужчиной и женщиной в эпоху Екатерины II и представить не могли. Самое поразительное, что этот «вердикт» красуется и на страницах некоторых исторических сочинений, хотя никакого основания для него не существует.

Екатерина Нелидова происходила из небогатой дворянской семьи Смоленской губернии и в шестилетнем возрасте была отдана на воспитание и обучение в только что организованный Институт благородных девиц в Петербурге. Институт, который чаще называли «Смольным» — по названию расположенного рядом Смольного женского монастыря, основан был в 1765 году Екатериной II по образу Сен-Сирского института мадам де Ментенон (фаворитки, а затем жены Людовика XIV, 1635—1719)¹. Он предназначался для представительниц русских дворянских фамилий. Курс был рассчитан на двенадцать лет, причём родители при определении в Институт давали подписку, что не заберут воспитанниц до окончания срока.

Начальницей Института Императрица определила «русскую француженку» Софью Ивановну Делафон (де Лафон, 1717—1797). Почти за двадцать лет то того овдовевшая гугенотка-протестантка

¹ Урождённая д'Обиньи получила в 1675 году титул «маркизы де Ментенон». В 1684 году тайно обвенчалась с Людовиком XIV, в 1686 году основала Сен-Сирский институт для дочерей бедных дворян. После смерти Людовика удалилась в Сен-Сир, где и умерла.

де Лафон с двумя детьми на руках бежала из католической Франции и после многих мытарств и лишений обрела свой второй дом в России. Здесь она стала статс-дамой¹, получила крест ордена Святой Екатерины.

Институт должен был готовить «благопристойных барышень», способных бегло говорить по-французски, вести непринуждённую светскую беседу и стать по-европейски образованной женой и матерью. Воспитанниц учили иностранным языкам, русскому письму и чтению, в самой общей форме — арифметике, истории, географии, физике, а также рисованию, рукоделию, музыке, танцам.

К четырнадцати годам смолянки считались уже взрослыми девушками. В это время по воскресным и праздничным дням им дозволялось устраивать спектакли и концерты, на которые приглашались «дамы» и «кавалеры» по строгому выбору, с которыми институтки могли совершенствовать свое мастерство светского общения. Иногда давались балы, на которые приглашались кадеты из Шляхетского корпуса.

Екатерина Ивановна закончила Институт в первом выпуске в 1776 году, причём она вызвала симпатию Екатерины II своим умом, изяществом манер и природной грацией. Она назвала Нелидову «феноменом», подарила на выпускном акте бриллиантовый перстень и приказала художнику Дмитрию Левицкому (1735—1822) написать с неё портрет, где она изображена танцующей менуэт. Этот портрет так и остался единственным изображением Нелидовой...

Екатерина Ивановна сразу же в 1776 году была определена фрейлиной к первой супруге Цесаревича Великой княгине Наталье Алексеевне. После смерти Натальи и женитьбе Павла Петровича на Марии Фёдоровне Нелидова стала и её фрейлиной. Павел Петрович не питал расположения к фрейлинам. Он считал их пустыми созданиями, занятыми только туалетами и сплетнями. К тому же все они назначались матерью, а значит — её наущницы. Мария Фёдоровна приняла этот взгляд, и первые годы держала фрейлин на известном расстоянии. Сближение началось во время заграничной поездки Великокняжеской четы, в которой, среди прочих, их сопровождала и Нелидова.

Именно там Павел Петрович сделал приятное открытие: оказывается, и среди фрейлин встречаются интересные особы, интересные не в смысле внешней привлекательности, тут Екатерина Ивановна уступала чуть ли не всем прочим, а в смысле душевных и умственных качеств. Она была содержательным человеком, умевшим не только

¹ Старшая придворная дама в Императорской Свите.

чётко сформулировать вопрос и дать вразумительный, логический ответ, но и остроумно оценивать людей и события. К тому же она всегда в разговоре смотрела прямо в глаза, что свидетельствовало о прямоте и честности. Павел Петрович сам всегда прямо глядел в глаза собеседнику и редко кто выдерживал этот пронзительный взгляд. Нелидова выдерживала и никогда не прятала глаз.

После возвращения из-за границы регулярное общение с Нелидовой постепенно становится потребностью Цесаревича. Мария Фёдоровна на первых порах не придавала отношениям мужа и фрейлины особого значения: мысль о возможной измене мужа ей не приходила в голову, так как Нелидова явно не блистала женскими прелестями. Зато в окружении Императрицы история эта вызывала повышенный интерес. Вот он, этот записной «праведник», тоже не устоял и связался, надо же подумать, с самой некрасивой из всех возможных! «Два уroda» — достойная пара! Появился повод в очередной раз позлословить насчёт Павла.

Здесь самое время обратиться к свидетельству информированного очевидца: мемуарам графини Варвары Николаевны Головиной (1766—1819), о которой ранее уже говорилось. С 1783 года она стала служить при Дворе в качестве фрейлины и оставалась в этой должности более двух десятков лет. Её воспоминания интересны не только тем, что Головина многое знала, многих видела и со многими заметными людьми общалась. Она входила в небольшой кружок доверенных Екатерины II, а её преклонение перед Императрицей носило форму какого-то религиозного культа. Она являлась фанатичной почитательницей Екатерины, которую воспринимала чуть ли не земным богом. В свою очередь, и Екатерина доверяла клеветке кое-что из того, что лежало на сердце. Потому воспоминания Головиной если не прямое выражение взглядов Императрицы, то несомненное отражение их. К этим взглядам теперь и обратимся.

«Это была особа небольшого роста и совершенно некрасивая, — писала Головина о Нелидовой, — смуглый цвет лица, маленькие узкие глаза, рот до ушей, длинная талия и короткие кривые, так у таксы, ноги, — вот это в общем составляло фигуру, мало привлекательную. Но она была очень умна, обладала талантами и, между прочим, хорошо играла на сцене. Великий князь Павел часто смеялся над нею, но увидя её в роли Зины в «Сумасшествии от любви»¹, увлёкся ею».

¹ Полное название: «Нина, или От любви сумасшедшая», музыка Дж. Паизиелло, текст Дж.Б. Лоренци.

Головина изложила подноготную отношений Павла и Нелидовой: основу её составляла «интрига». Якобы по наущению Николая Голицына, убеждавшего Павла, что Мария Фёдоровна хочет сделать его «орудием своих интересов», Цесаревич сблизился с Нелидовой, которая «стала предметом его особенного внимания». Далее произошло то, что и должно было произойти в соперничестве между женщинами за мужчину: между ними началась вражда. Цесаревна в отчаянии обратилась за помощью к Императрице, и та «помогла»: «госпожа Бенкендорф была отослана». Мемуаристке не казалось парадоксальным, что в итоге жалобы пострадало близкое к Марии Фёдоровне третье лицо, а отнюдь не Нелидова. Очевидно, Екатерина II совсем была не против стороннего увлечения Павла, но об этой «интриге» своего кумира строгая моралистка Головина умолчала.

Вслед за этим пассажем графиня скороговоркой запечатлела абрис дальнейших отношений между Павлом и Нелидовой, которые не отличались ровностью. В один момент между ними наступил разрыв, так как Павел «занялся другой фрейлиной», а Нелидова покинула Двор и поселилась в Смольном институте. «Ренессанс» отношений наступил после восшествия на Престол Павла Петровича; Нелидова опять появилась при Дворе и получила звание «фрейлины с портретом»¹, что являлось редчайшим отличием. К этому времени Марию Фёдоровну и Нелидову связывали дружеские отношения, так как Императрица Мария без помощи фрейлины часто не могла «влиять» на супруга. Такова общая картина, запечатлённая «альтер эго» Императрицы Екатерины.

В описании Головиной Нелидова — хитрая и злобная интриганка, озабоченная только тем, как сохранить своё влияние на Павла, а потому ненавидящая и презирающая всех прочих, особенно особ женского пола, кто мог вызвать хоть малейшую симпатию Цесаревича, а затем Императора Павла.

Общеизвестно, что любые мемуары всегда субъективны. Впечатления и представления последующего времени неизбежно влияют на описание предшествующего, неизбежно ретушируют его. Но многие мемуаристы все-таки стремятся придать правдоподобность ушедшему, демонстрируют нарочитую объективность. Графиня Головина была не из числа таковых. Она фиксировала свои реминисценции на закате жизни, когда главных действующих лиц уже не было в живых. Однако графиня к тому времени, став католичкой и порвав фактиче-

¹ Осыпанное бриллиантами изображение Императрицы, носимое на груди.

ски все связи с Россией, не нашла в себе сил подняться над страстями и пристрастиями давно минувших лет. Она ни разу не упомянула о позиции Екатерины II по отношению к Павлу, не привела ни одного её высказывания по адресу сына, однако пересыпала свои воспоминания множеством эпизодов-анекдотов, рисующих Павла Петровича и всех близких к нему лиц в самом непривлекательном свете.

В потоке её тенденциозных измышлений порой встречаются и неожиданные откровения: «Великого князя Павла Петровича было легче обмануть, чем кого-нибудь другого. Его характер, всё более и более недоверчивый, оказался очень удобен для тех, кто хотел погубить его». И здесь графиня на первое место ставила... жену — Марию Фёдоровну. Супругу Павла, обладавшую различными достоинствами и явными недостатками, можно обвинять в чём угодно, но только не в коварных намерениях. Она всегда, невзирая на все перепады супружеских отношений, любила Павла и оставалась верна его светлой памяти многие годы и после убийства.

Головина, отмечая недоверчивость Павла, не объяснила причину этого качества, а она — на поверхности. Всю свою жизнь, начиная с первых сознательных лет, он встречал и видел вокруг только принуждение, ложь и предательство, и главным лицом этого мира насилия и лицемерия, его инспиратором была мать — Императрица Екатерина II. И кто бы в таких условиях мог сохранить доверчивость и открытость? Никто.

Отношения с Екатериной Нелидовой у Павла Петровича никогда не носили плотского характера. Это была преданная и чистая дружба, дружба высокая, а со стороны Павла — рыцарская. Он так ей дорожил, что летом 1788 года, отправляясь на войну со Швецией, адресовал Нелидовой записку на клочке бумаги: «Знайте, что умирая, я буду думать о Вас».

К чести Павла Петровича следует добавить, что при всем своем душевном увлечении Нелидовой, он никогда не позволил себе как-то унижать или третировать супругу: его отношение всегда оставалось уважительным, и он высоко оценивал женские добродетели Марии Фёдоровны. Но её мир тихого, «немецкого» благополучия, ее растворённость в повседневных вещах и заботах надолго не занимали Павла. Она была настолько покорна мужу, что даже беседы никакой не получалось; она не умела спорить, выдвигать и отстаивать собственные взгляды и идеи. Нелидова же могла; с ней было интересно.

В своих «Записках» командир эскадрона Конного полка Николай Александрович Саблуков (1776—1848)¹, проведший немало лет по долгу службы рядом с Павлом Петровичем, отметил одну важную черту личности Императора: «В характере Павла было истинное благородство и великодушие, и хотя он был ревнив к власти, но презирал те лица, которые слишком подчинялись его воле в ущерб истине и справедливости, а уважал тех, которые, для того чтобы защитить невинного, бесстрашно противились вспышкам его гнева». К числу таковых людей относилась и Екатерина Ивановна Нелидова.

В начале 1790 года, когда Павел Петрович вернулся из Финляндии, с полей военных баталий со Швецией, он тяжело простудился и его здоровье висело на воске. Он сам уже думал, что наступил его последний земной час, и в этот час он решил вступить за честь Нелидовой, которую в высшем свете Петербурга третировали как его «любовницу». Павел обратился с мольбой к Императрице; это одно из самых проникновенных посланий Павла Петровича, свидетельствующее о высоте его душевных устремлений.

«Мне надлежит совершить пред Вами, Государыня, торжественный акт, как пред Царицею моею и матерью, акт, предписываемый моею совестью пред Богом и людьми; мне надлежит оправдать невинное лицо, которое могло бы пострадать, хотя бы негласно, из-за меня. Я видел, как злоба выставляла себя судьею и хотела дать ложные толкования связи, исключительно дружеской, возникшей между мадемуазель Нелидовой и мною. Относительно этой связи клянусь тем Судилищем, пред Которым мы все должны явиться, что мы предстанем пред Ним с совестью, свободной от всякого упрека, как за себя, так и за других. Зачем я не могу засвидетельствовать этого ценою моей крови? Свидетельствую о том, прощаясь с жизнью. Клянусь ещё раз всем, что есть священного. Клянусь торжественно и свидетельствую, что нас соединяла дружба священная и нежная, но невинная и чистая. Свидетель тому Бог».

История не сохранила данных о том, как Екатерина II отнеслась к этой исповеди сына. Если бы она хотела, то скажи хоть единое слово в поддержку этой дружбы, злобная сплетня, если бы и не умерла, но приутихла. Однако мать такого слова не сказала, и мемуары её клеветки Головиной это вполне удостоверяют.

¹ Его отцом был Александр Александрович Саблуков (1749—1828), занимавший при Екатерине II должность вице-президента Мануфактур-коллегии и которого Павел Петрович назначил сенатором.

В какой-то момент Марию Фёдоровну начали озабочивать систематические и долгие общения супруга с фрейлиной; он проводил с ней по несколько часов тет-а-тет; в вечерних беседах в своём кабинете, на дневных прогулках. Какая бы супруга могла спокойно взирать на подобное? Мария начала подозревать Нелидову в далеко идущих замыслах. Перед ней вставал зловещий образ мадам де Ментенон, портреты и бюсты которой она видела в Версале.

В начале 1782 года в письме Сергею Ивановичу Плещееву (1752—1802), с которым Мария поддерживала теплые дружеские отношения со времени своего прибытия в Россию, она излила горести сердца.

«Вы будете смеяться над моей мыслью, но мне кажется, что при каждых моих родах¹ Нелидова, зная, как они бывают у меня трудны и что они могут быть для меня губельны, всякий раз надеется, что она сделается вслед за тем второй мадам де Ментенон. Поэтому, друг мой, приготовьтесь почтительно целовать у ней руку, и особенно займитесь Вашей физиономией: чтобы она не нашла в этом почтении насмешки или злобы».

Конечно, в Марии Фёдоровне говорило уязвленное женское самолюбие, лишь обострившееся состоянием беременности. Никаких властных амбиций Нелидова не проявляла, что, впрочем, не помешало Цесаревне напрямую обратиться за помощью к Императрице. Этот свой шаг она не согласовала с Павлом, что не прибавило к ней его расположения.

Екатерина могла торжествовать. Наконец-то она добилась роли арбитра во внутрисемейной жизни Павла: это единственная сфера, куда ранее ей доступ был закрыт. Цесаревна умоляла Императрицу удалить Нелидову и получила урок «царской мудрости». Она подвела невестку к зеркалу и изрекла: «Посмотри, какая ты красавица, а соперница твоя мелкий монстр; перестань кручиниться и будь уверена в своих прелестях». Нелидова осталась фрейлиной при Малом Дворе ещё на несколько месяцев.

Павел Петрович в силу своего бурного темперамента не мог долго выносить укоры и сетования жены, но особенно её конспирации с

¹ Мария Фёдоровна 7 июля 1792 года родила дочь Ольгу (1792—1795). Это был седьмой ребенок и пятая дочь. До неё были рождены: Александра Павловна (1783—1801), Елена Павловна (1784—1803), Мария Павловна (1786—1859) и Екатерина Павловна (1788—1818). В январе 1795 года появилась на свет Анна Павловна (1795—1865), вышедшая в 1816 году замуж за нидерландского принца Вильгельма (1792—1849), ставшего Королем Нидерландов Виллемом II в 1840-м, а Анна — Королевой.

матерью. Весной 1792 года он имел бурное объяснение с Марией Фёдоровной, а затем покинул Петербург и уехал в Гатчину. Это была первая серьезная размолвка в их семейной жизни. Теперь уже у Нелидовой не оставалось никакого выбора; она должна была удалиться, так как почти все бросали ей упреки в разрушении счастливого семейного союза. Через две недели после рождения у Марии Фёдоровны дочери Ольги, 25 июня, Екатерина Нелидова подала Императрице прошение об отставке и дозволении поселиться на жительство в Смольном монастыре. Павел Петрович воспринял поступок своего друга как страшное огорчение и умолил Нелидову взять прошение обратно. В свою очередь Мария Фёдоровна увидела в этом поступке только «комедию».

Сохранилось письмо Александра Куракина, которое он отправил Павлу Петровичу из своей саратовской ссылки после получения известия об уходе Нелидовой. «Новость, которую Вы изволили сообщить мне, мой дорогой повелитель, — писал князь, — озадачила меня. Возможно ли, чтобы наша приятельница, после стольких опытов нашей дружбы и Вашей доверенности, дозволила себе возыметь намерение Вас покинуть? И как она могла при этом решиться на представление письма Императрице, без Вашего ведома? Мне знакомы её ум и чувствительность, а чем более я думаю, тем понятней для меня причины, столь внезапно побудившие её к тому. Во всяком случае я рад, что дело не состоялось и что Вы не испытали неудовольствия лишиться общества, к которому привыкли».

Нелидова всей душой была предана Павлу Петровичу. Он был единственный человек на свете, ради которого она готова была пожертвовать жизнью. Но таковая жертва не требовалась. Требовалось же совсем иное: присутствовать на каждодневном испытании чувств, ума и самообладания. Нелидова имела развитое чувство собственного достоинства, а это заведомо делало её персоной малоприспособленной для придворной жизни.

Павел Петрович ей доверял. Это была единственная причина, удерживавшая Екатерину Ивановну на фрейлинской службе. Но с некоторых пор она стала замечать, что её дорогой друг начинал с ней спорить по пустякам, не хотел слушать никаких суждений, не совпадавших с его собственными. Нелидова была снисходительной; она слишком хорошо знала, в атмосфере какого невероятного напряжения ему приходилось существовать каждодневно многие годы. Она сама это видела и понимала всю глубину человеческой трагедии, которую олицетворял её «дорогой друг».

Однако любая снисходительность имеет свои пределы. Нелидова совершенно не хотела превращаться в придворную «куклу для битья». Она прекрасно знала клеветы, которыми окружили её имя в Петербурге. Она не придавала им значения; сердце её не было замутнено неправдой, ум — интригами. Самое же главное: ей доверял тот, кого она чтит беспредельно, тот, чей образ для неё навсегда запечатлелся в портрете благородного рыцаря. Она тяжело переживала, когда нарушилось многолетнее взаимное молчаливое взаимопонимание. Князю Куракину в начале 1793 года признавалась в письме: «Различные сцены, которые происходят у меня пред глазами, для меня так непонятны, что я вижу, что сердце этого человека — лабиринт для меня. Я не сделаю ничего, чем бы я боялась скомпрометировать своих друзей, но я решилась, и даю в том клятву пред Богом, сделать вторую попытку удалиться от Двора».

Клятва перед Богом — самая высшая и неизменяемая клятва из всех возможных. Для Нелидовой, которая принадлежала Вере Христовой всем сердцем и всем помышлением, выбор был уже окончательным. Она поняла, что Павлу её душевная привязанность не требуется, а Мария Фёдоровна вообще воспринимала её с холодной отстраненностью. А при таких условиях находиться каждый день в кругу семьи, где ты не чувствуешь к себе расположения, было непереносимо.

В сентябре 1793 года Нелидова подала просьбу об отставке, которая была принята Императрицей. Ей было выплачено значительное денежное вознаграждение, назначена пожизненная пенсия и она получила право жить при Смольном институте, где прошли годы детства и юности.

Павел Петрович вначале был категорически против отставки, но поняв, что решение бесповоротно и уже санкционировано Императрицей, смирился. Нелидова сообщала Куракину: «Друг наш (Павел), я не могу отрицать этого, был чрезвычайно взволнован и огорчен моим поступком и особенно его успехом в более сильной степени, чем я желала бы видеть это... (но) теперь он несравненно спокойней». Цесаревич выдвинул два условия-просьбы, которые Нелидова приняла: во-первых, часто бывать у него в Петербурге и, во-вторых, гостить у него летом в Гатчине и Павловске.

Поступок Нелидовой открыл глаза и Марии Фёдоровне; она резко изменила свои былые представления, начав воспринимать бывшую свою фрейлину не как хитроумную «мадам де Ментенон», а как преданного друга семьи, которых у них с Павлом было совсем

немного. В конце концов от удаления Нелидовой выиграли третьи лица, а совсем не Мария Фёдоровна. Именно в этот период входит при Павле в особую силу Иван Павлович Кутайсов (1759—1834); он становится не только самым приближенным к Цесаревичу лицом, но и наиболее доверенным. Это была удивительная фигура, навсегда оставшаяся в исторической летописи благодаря расположению Павла Петровича.

Турок, родившийся в Кутаиси (Кутае), он маленьким мальчиком попал в плен к русским войскам под Бендерами и доставлен ко Двору Екатерины в качестве служки. Императрица же «передарила» его Цесаревичу. Павел Петрович крестил его и отправил в Берлин и Париж для овладения парикмахерским искусством и фельдшерским делом. Вернувшись в Россию, Кутайсов был назначен камердинером Павла Петровича, одновременно исполняя обязанность и его цирюльника («брадобрея»). Услужливый и преданный «турок» быстро вошёл в доверие к Цесаревичу и занял при нём исключительное положение. Даже Мария Фёдоровна порой, чтобы донести какие-то свои просьбы и пожелания, должна была делать это через «Ивана», иначе Кутайсова и не называли.

Только ему Цесаревич доверял себя брить. Приближаться с острым лезвием бритвы к своей шее он бы никому иному не позволял. Павлу Петровичу нередко снились ужасные сны: то он видел себя падающего в какие-то бездонные ямы, то — с веревкой на шее, то — с острым кинжалом в груди. Но никогда не привиделось ему, чтобы рука злодея была рукой Кутайсова, который и возносясь по иерархической лестнице, так до конца и остался единственным царским брадобреем.

После воцарения Павла Петровича на Кутайсова посыпались высочайшие милости, изумлявшие многих. 8 ноября 1796 года Кутайсов был произведен в гардеробмейстеры, в 1798 году — в обергардеробмейстеры с пожалованием ордена Анны I степени. 22 февраля 1799 года «брадобрей» был возведён в бароны Российской Империи и назначен егермейстером, а 5 мая 1799 года ему было пожаловано графское достоинство. На этом взлёт карьеры не завершился. 21 июня 1799 года Кутайсов был награждён орденом Святого Александра Невского, в 1800 году стал шталмейстером и получил высший орден России — Святого апостола Андрея Первозванного.

Павел Петрович, отличая Кутайсова, как бы заявлял всему миру, что происхождение, родовая генеалогия — не главное. Главное же — преданность ему, Самодержцу Всероссийскому; таким же образом

поступал когда-то его прадед — Император Пётр I. После убийства Павла I Кутайсов был низвергнут и удалился за границу, где провёл много лет. Вернулся он в Россию на исходе жизни всеми забытый и тихо скончался в своём имении...

Отношения между Павлом Петровичем и Нелидовой не завершились после её удаления в Смольный. Лето 1794 года она провела с Великокняжеской четой в Павловске. Мария Фёдоровна приняла теперь её с большим расположением, хотя её всё время волновала мысль, как это воспримут при Большом Дворе. Она вообще считала, что по отношению в Императрице следует придерживаться только одной линии поведения: покорность, покорность и ещё раз покорность.

Павел Петрович так не считал и не находил нужным безропотно сносить укоры и притеснения. Его в этом целиком поддерживала и Екатерина Нелидова, уверенная, что Цесаревич имеет право на собственное мнение, имеет право иметь особую точку зрения. Здесь Мария Фёдоровна и усматривала теперь главную опасность. Как писала она Плещееву в 1794 году: «Настоящее жестоко, но будущее внушает мне ужас, потому что, если мужа моего постигнет несчастье, то не он один подвергнется ему, но и я вместе с ним». Однако Мария Фёдоровна не могла не признать, что Нелидова умеет умиротворяюще влиять на Павла в минуты его гнева.

Отношения между двумя женщинами ещё более укрепились после восшествия на Престол Павла Петровича. Император не забыл своего друга и пригласил её на жительство в Зимний Дворец, где специально для нее были оборудованы апартаменты, много лет потом носившие название «Нелидовских». Екатерина Ивановна уклонилась от переезда, оставшись жить в своем Смольном убежище. Но теперь она оказалась в центре интереса столичной публики. О ней стали говорить как о «всемогущей фаворитке», к которой навевается «сам Император»! В начале декабря 1796 года Император впервые вместе со свитой посетил старого друга. Ещё раньше, 12 ноября, Мария Фёдоровна была назначена «начальствовать воспитательным обществом благородных девиц» и помощником ей стала Нелидова. Они превратились в верных подруг, и уже навсегда.

Придворный врач Джон-Самуэль (Иван Самойлович) Роджерсон (1741—1823)¹ сообщал русскому послу в Лондоне графу С.М. Во-

¹ Приехавший в Россию в 1766 году уроженец Шотландии Роджерсон состоял придворным врачом при Екатерине II, Павле I и Александре I; вернулся в Шотландию в 1816 году, где и умер.

ронцову в середине декабря 1796 года: «Вам приятно будет узнать, что мир и согласие царствуют в Императорском семействе. Императрица, которая, без сомнения, есть самая добродетельная женщина в мире, пользуется влиянием, но не злоупотребляет им. Она занята тем, что делает добро. Она часто ездит в Смольный монастырь, который вверен её попечениям. Она прилагает все старания, чтобы побудить мадам-азель Нелидову возвратиться ко Двору, но та до настоящего времени остаётся непоколебимою в этом отношении. Девушка эта ведёт себя таким образом, что возбуждает всеобщее удивление и почтение: она изредка появляется на придворные обеды, но не хочет ни во что вмешиваться, хотя ей ни в чём не было бы отказа».

Нелидова ничего для себя не просила, не искала никаких выгод и привилегий. Она даже несколько раз возвращала дорогие подарки Императора, благодарила только за то, что он считал её своим другом. За прочих лиц она просила неоднократно: ходатайствовала за подвергшихся опале людей и рекомендовала некоторых знакомых, представлявшихся ей благонамеренными и преданными Государю.

Павел Петрович верил советам Нелидовой, зная, что она честная, прямая и верная. В мире придворной лжи и двурушничества такой человек был на вес золота. Потому он слушал её и нередко повиновался. В «Записках» А.С. Шишкова (1754—1841), состоявшего при особе Императора и ставшего впоследствии адмиралом, Министром народного просвещения и президентом Российской Академии Наук, приведён один яркий эпизод.

«Мне случилось однажды на балу, в день бывшего празднества, видеть, что Государь чрезвычайно рассердился на гофмаршала¹ и приказал позвать его к себе; без сомнения с тем, чтобы сделать ему великую неприятность. Катерина Ивановна стояла в это время подле него, а я — за ними. Она, не говоря ни слова, и даже не смотря на него, заложила руку свою за спину и дернула его за платье. Он тотчас почувствовал, что это значило, и ответил ей отрывисто: «Нельзя воздержаться!». Она опять его дернула. Между тем гофмаршал приходит, и хотя Павел изъявил ему свое негодование, но гораздо кротчайшим образом, нежели как по первому гневному виду его ожидать надлежало». Шишков закончил описание восклицанием:

¹ Возможно, речь идёт о графе Н.П. Шереметеве (1751—1809), друге детства Павла Петровича, которого Павел сразу же после воцарения произвел в обер-гофмаршалы. В 1797 году он вызвал неудовольствие Императора и был отставлен от Двора, но ненадолго. В 1798 году получил придворное звание обер-камергера.

«О, если бы при царях, и особливо строптивых и пылких, все были Катерины Ивановны!»

Нелидова часто не одобряла крутых мер наказания, к которым прибегал Павел I за различные проступки, порой казавшиеся совсем незначительными. Она писала Павлу Петровичу письма с просьбами о снисхождении и прощении. Эти своего рода «прошения о помиловании» иногда имели действие, иногда и нет. Летом 1797 года Император откликнулся собственноручным письмом, хотя, став Императором, письма писал редко, уверенный, что у государственного человека не может быть времени на переписку. Для «друга Кати» он делал исключение.

«Вы вправе сердиться на меня, Катя. Всё это правда, но правда также и то, что с течением времени, со дня на день, делаешься слабее и снисходительнее. Вспомните Людовика XVI: он снисходил и дошёл до того, что должен был уступить. Всего было слишком мало и, между тем, достаточно для того, чтобы в конце концов его повели на эшафот».

Мария Фёдоровна нуждалась в обществе Нелидовой. С ней было спокойно; она умела влиять на Павла и гасить и смягчать порой излишние резкости и нетерпимость его. Летом 1797 года Двор переехал в Гатчину, но Нелидова осталась в Смольном. Любимая мадам Делафон, «гранд мамá» всех смолянок, была совсем плоха и Екатерина Ивановна неотлучно при ней находилась. Бедная старушка тем летом умерла, и Екатерина Ивановна так переживала утрату, что и сама занемогла.

В Гатчине же её ждали, Мария Фёдоровна прислала приглашение в самых нежных тонах, на полях которого Павел I сделал приписку: «Если я утратил право уговаривать Вас, то я не мог найти лучшего ходатая, чем та, которая пишет к Вам. Наше пребывание здесь началось при столь счастливых предзнаменованиях, и их нарушает лишь Ваше отсутствие. Недостаёт лишь Вас для моего счастья в этом месте, где Господь Бог дозволил мне предначертать то, что теперь исполняю. Приезжайте, Вас ждут — не нарушайте предзнаменований. Я Вас жду».

Смирный, незлобивый нрав Нелидовой заставлял её вступаться за людей, которые её терпеть не могли и всеми средствами старались расстроить дружеское единение между ней и Павлом Петровичем. Здесь особую роль играл пресловутый «Иван» — Кутайсов. Один раз Павел Петрович так прогневался на него, что выгнал из дворца и

собирался изгнать его вообще из Петербурга. На счастье Кутайсова, рядом оказалась Нелидова, которая вмешалась, умирала гневное настроение Императора, и «Иван» был прощен. Потом он пришел к ней, валялся у неё в ногах, старался облобызать руки и ноги в знак своей благодарности, клялся в вечной преданности. Эта сцена, происходившая в присутствии Императрицы, произвела на двух женщин тяжелое впечатление.

На самом деле Кутайсов давно озадачивался необходимостью разрушить дружескую привязанность Павла Петровича к бывшей фрейлине. Конечно, хитрый, но не очень умный Кутайсов осуществить подобный замысел в одиночку никак не мог. Рядом с ним находилась небольшая, но влиятельная группа сановников и придворных, помогавших «брадобрею» советами и наставлениями. Но главным поводом для охлаждения Павла и Нелидовой стали не интриги сами по себе, а его сердечное, страстное увлечение юной красавицей Анной Петровной Лопухиной (в замужестве (1800) княгиня Гагарина, 1777—1805). Подробнее об этом речь пойдет дальше.

Пока же можно только подчеркнуть, что увлечение Императора привело к заметному охлаждению отношений между Павлом и Марией Фёдоровной и в этом противостоянии Екатерина Нелидова целиком приняла сторону Императрицы. В 1798 году более чем двадцатилетняя дружба закончилась. Павел Петрович погрузился в мир сладостных любовных грёз, а Нелидова осталась в своем Смольном убежище: занималась воспитанием смолянок, ухаживала за немощными, читала книги, играла на своей любимой арфе и подолгу ежедневно молилась.

Не сохранилось прямых сведений о том, как Нелидова пережила убийство Павла Петровича. Известно только, что традиционное смирение её оставило; она требовала расследования и жесточайшего наказания всех негодяев-убийц. В те страшные дни марта 1801 года она разом поседела и постарела; люди, которым приходилось её видеть потом, были потрясены происшедшей переменой.

Она прожила после того марта тридцать восемь лет и не изменила образу жизни, ставшему для неё привычным ещё при Павле Петровиче. Её изредка навещали дети Павла — Императоры Александр I и Николай I. Но до последних дней своей жизни¹ постоянно была рядом «вдовствующая Императрица» Мария Фёдоровна. Императрица и её бывшая фрейлина часто будут видеться. Иногда вечерами

¹ Мария Фёдоровна умерла 24 октября (5 ноября) 1828 года.

будут сидеть вдвоем в полумраке, разговаривать и плакать. И в этих задумчивых беседах двух немолодых уже женщин незримо будет присутствовать Павел Петрович, образ которого для обеих являлся незабвенным.

Умерла Екатерина Ивановна Нелидова в возрасте 82 лет 2 января 1839 года. Покойную отпели в церкви Общества благородных девиц, где в давние годы она слушала первые проповеди и наставления в Законе Божиим. Похоронили Нелидову скромно на кладбище Большой Охты — как раз напротив Смольного института, на другом берегу Невы. На это кладбище выходили комнаты Нелидовой, и она полвека почти каждый день взирала на это тихое последнее людское пристанище на земле...

В качестве своеобразного послесловия к рассказу о Екатерине Ивановне Нелидовой уместно присовокупить одну ассоциативную историю. У сына Павла Петровича Императора Николая I (1796—1855, Император с 1825 года) в 30-е годы XIX века возникли дружеские отношения с племянницей Екатерины Ивановны фрейлиной Варварой Аркадьевной Нелидовой (1814—1897) — дочерью младшего брата Екатерины, генерал-адъютанта Аркадия Ивановича Нелидова (1773—1834).

Варвару Нелидову, как ранее и её тетку, тоже клеймили в свете «наложницей», хотя отношения между ней и Императором являлись исключительно платоническими. Варвара Нелидова после смерти в феврале 1855 года Императора Николая I также удалилась от Двора и провела многие годы в стороне от большого света, сохраняя до последних дней жизни преданность и любовь к человеку, который удостаивал её своей искренней дружбой — Императору Николаю Павловичу...¹

Глава 4. ГАТЧИНСКИЙ ИЗГОЙ

Живописный пригород Петербурга — Гатчина (Гатчино) — навсегда связан с именем Императора Павла I. Здесь, в своем обширном поместье, превращенном в идеальный дворцово-парковый ансамбль, он провел тринадцать лет; здесь были сформулированы основные идеи по управлению Империей, здесь он начал создавать свою об-

¹ Подробнее об этом см.: *Боханов А.Н. Император Николай I. М., 2008.*

разцовую армию; отсюда холодным ноябрьским днём 1796 года он поехал в Петербург принимать бразды правления в Империи. Так как Павловск был в свое время подарен Марии Фёдоровне, то Гатчина стала единственным личным поместьем Цесаревича. Одним из первых указов Император Павел изменил административный статус Гатчины: в ноябре 1796 года Гатчина получила статус города...

Появление этого спасительного для Павла прибежища связано то ли с прихотью, то ли с тонким расчётом Екатерины II. Вскоре после рождения в семье Цесаревича в июле 1783 года третьего ребёнка — дочери Александры (1783—1801), Императрица подарила ненавистному сыну мызу «Гатчино»¹ со всеми «мебелями», «мраморными вещами» и двадцатью принадлежавшими мызе деревнями. О мотивах этого щедрого дара, последней милости «великой Государыни» по отношению к Павлу, можно только догадываться. Екатерина желала занять третьего внука; появление внучки её не особенно обрадовало. Как она с игривой непосредственностью признавалась в письме Гримму, «по правде сказать, я несравненно более люблю мальчиков, чем девочек».

Сама мыза незадолго до того была выкуплена Екатериной у наследников Григория Орлова, некогда её возлюбленного, который в апреле 1783 года скончался в Москве в состоянии глубокой меланхолии². Рассказывали даже, что перед смертью отставленный фаворит сошел с ума...

Павел Петрович был рад подарку; связь Гатчины с именем ненавистного временщика его никак не смущала. Он с самого начала знал, что там ничего не останется от Орлова; всё будет построено заново или перестроено до основания. Своему духовному наставнику Платону сообщал, что «место само собой весьма приятно, а милость сама по себе особенно дорога!». Главный дворец, который с 1766 года возводился в Гатчине по проекту придворного архитектора Антонио Ринальди (1710—1794), ещё не был до конца завершён, но Павел Петрович не внес в проект существенных изменений. Дворец напоминал английский замок и чрезвычайно понравился новому хозяину своей монументальностью и архитектурной выдержанностью.

¹ Мызой назывался отдельный загородный барский дом с хозяйственными службами.

² Григорий Григорьевич Орлов в 1771 году женился на своей двоюродной сестре (кузине) Екатерине Николаевне Зиновьевой, умершей в 1782 году. Брак оказался бездетным.

Гатчина располагалась в отдалении от Петербурга: почти шестьдесят верст, что по меркам той поры считалось дальним захолустьем. Поездка в Гатчину была сопряжена с большими затратами времени; из центра Петербурга в экипаже надо было добираться несколько часов. Было ясно, что это станет препятствием для визита гостей. С другой стороны, уединенное место позволяло находиться вдали от ушей и взоров Большого Двора; а это — желанная приятность.

Единственно, что постоянно печалило Павла и Марию, так это разлука с детьми. Они их и так видели от случая к случаю, а теперь встречи станут совсем редкими. Екатерина полностью отстранила родителей от ухода и воспитания своих детей. Александр, Константин, а затем Александра были размещены в апартаментах бабушки в Зимнем Дворце, и она, и только она, решала все вопросы, их касающиеся. Воспитатели и наставники к детям подбирались исключительно по желанию Императрицы; с родителями такие темы даже не обсуждались. Когда в 1784 году воспитателем к Великому князю Александру Павловичу был определён швейцарец Фредерик-Сезар Лагарп (1754—1838), то родители узнали об этом от третьих лиц. Возмущало и оскорбляло не только то, что адвокат из Швейцарии имел стойкую репутацию республиканца, но и то, что с родителями не консультировались и даже пристойно не уведомили об этом.

Бабушка всеми силами старалась ограничить частоту и продолжительность встреч родителей с детьми. О том, насколько Екатерина была бесчеловечна в отношениях с сыном и невесткой, красноречиво свидетельствует история, имевшая место в 1787 году. В тот год Императрица совершила шестимесячное путешествие на Юг России. Она хотела лично ознакомиться с новоприобретенными территориями и, главное, — увидеть «южную жемчужину» — Крым. Поездку организовывал «повелитель Юга России» — Г.А. Потёмкин. Вопрос был в центре внимания всего петербургского бомонда фактически всю вторую половину 1786 года. Замысел экспедиции и её нюансы с Цесаревичем Екатерина не обсуждала. Но Павел и Мария были потрясены, когда узнали, что Екатерина берёт с собой в шестимесячное путешествие их сыновей: Александра и Константина, чтобы, как она заявляла, «ознакомить их с Россией». При этом Александру только исполнилось девять лет, а Константину — семь.

Весть об этом вызвала необычную до того реакцию: Павел и Мария написали совместное послание Императрице. Оно было составлено в самых раболепных тонах; Цесаревич с Цесаревной нижайше умоляли оставить детей с ними в Петербурге. «Осмеливаемся Госуда-

рыня, представить Вам картину наших страданий, наших опасений, наших беспокойств по поводу путешествия детей наших; страдания наши легко представить взорам Вашим, Государыня, если вспомните состояние, в котором мы находились в минуту нашего отъезда за границу». Зная, что решение уже принято и прекрасно понимая, что Екатерина никогда (почти никогда) не пересматривает свои решения, Павел и Мария надеялись на чудо. Но его не произошло. Екатерина прислала ответ, весь пронизанный фальшивыми словами «о любви» и заканчивавшийся «обниманием» от «всего сердца».

«Дорогие дети мои. Мать, видящая, что дети её огорчены, может только советовать им умерить свою печаль, не питать чёрных мыслей, могущих вызвать печаль, не поддаваться скорби под влиянием расстроенного воображения, а прибегать к доводам, могущим умерить подобного рода огорчения и успокоить тревоги».

Павел и Мария надеялись на «материнское чувство» Екатерины, но она демонстрировала совсем иное. Её позиция была логически беспощадной. «Дети Ваши принадлежат Вам, но в то же время они принадлежат и мне, принадлежат и государству». В России, где она восседает на монаршем Престоле, ей всё подвластно и все ей принадлежат, а потому она и может вести себя только по своему разумению. Ни стоны, ни мольбы, ни обмороки не производили на неё никакого впечатления, если только они не отвечали её личным видам и «выгодам государства», что для Екатерины являлось синонимами.

Павел и Мария обратились с новым посланием к Екатерине, благодаря её за милостивый ответ, и предложили взять и их с собой в путешествие, чтобы быть «при Вас и наших детях». Однако в планы Императрицы подобная комбинация никак не вписывалась, а потому она была похоронена, не успев стать даже темой для разговора. Отповедь была жесткой: «Чистосердечно я должна вам сказать, — письменно заявила Императрица, — что новое ваше предложение есть такого рода, что оно причинило бы всем величайшее расстройство...»

Замысел Екатерины II расстроился самым неожиданным образом: накануне отъезда из Петербурга, в начале января 1787 года, Великий князь Константин заболел корью; возникли опасения и за здоровье Александра, и Императрица оставила внуков в столице, что её чрезвычайно огорчило. Повелительница России не любила изменять намеченные планы...

Здесь уместна краткая смысловая интерлюдия. Очень часто Императора Павла обвиняли (и обвиняют) в «жестокостях» и «деспотизме», приводя в качестве аргументов примеры отрешения от долж-

ностей разнообразных гражданских и военных лиц, некоторые из которых изгонялись не только со службы, но «даже из Петербурга». В таких случаях моральные вердикты звучат непререкаемо. Но почему же подобный ранжир моральной нетерпимости не применяется по отношению Екатерины II? Невозможно спорить с тем, что заточить в темницу и уморить голодом иерарха Церкви (Мацеевича), или разлучить детей и родителей — преступления против морали и нравственности куда в большей степени, чем лишение чинов и должностей. Но так уж уродливо «устроена» наша историография ещё со времени Н.М. Карамзина: двойная мораль, двойной стандарт. Екатерина — «великая», Павел — «тиран» и «деспот»...

Павел Петрович все жестокие удары со стороны матери выдерживал со стоическим мужеством, но грустные мысли неизбежно навевала безрадостность не только настоящего, но и прошедшего, и будущего. К своим тридцати годам ему нечем было гордиться и не о чём было вспоминать. Радость от исполнения большого дела отсутствовала в минувшем; не предполагалась она и в дальнейшем. «Я уже тридцать лет без всякого дела», — сетовал Цесаревич в письме графу Н.П. Румянцеву в июне 1784 года.

Его прадед Пётр I в такие же годы прославился военными баталиями, делами государственного устройства. Другой же кумир, Король Фридрих II Прусский, вступив на Престол в 1740 году, имея от роду двадцать восемь лет, сразу же начал войну за интересы Пруссии и за несколько лет добился превращения Королевства в первостатейную европейскую державу. А он кто? А он что?

Несмотря на пустую никчемность бытия, сотворенного по воле «Матушки-Императрицы», Павел Петрович, как истинный монархист, не позволял себе выпадов против Самодержицы. Примечательны в этом отношении размышления Цесаревича, которые зафиксировал в своих донесениях в Берлин представитель Прусского Короля Фридриха барон Келлер. Эти приватные беседы с доверенным Королем состоялись в январе 1787 года, и Павел Петрович, конечно же, прекрасно понимал, что Король Фридрих будет ознакомлен с их содержанием. Знал он и то, что любую информацию надо передать только с надёжной оказией, из рук в руки. «Прошу Вас, — призывал русский Престолонаследник, — не сообщайте по почте ничего, о чём мы говорим — нет надобности, чтобы кто-нибудь знал о сообщениях, сделанных мною Вам».

Павел Петрович коснулся в этих беседах разных тем, в том числе и такой запретной и щекотливой, как переворот 1762 года.

«Не мне судить, насколько было справедливо, сделанное двадцать четыре года тому назад. Весь народ присягнул тогда Государыне, которая ныне царствует над нами; была ли эта присяга искренняя или нет — не знаю, но я был свидетелем общей покорности. Это дело лежит на совести людей, действовавших в то время; что же касается меня, то я хочу жить в ладах с моей совестью. Я всегда советуюсь с нею, ничего не делаю противного ей, и это счастье я предпочитаю той более блестящей роли, которая может предостать мне в истории... Я не знаю ещё, насколько народ желает меня; я в этом отношении не делаю себе никаких иллюзий! Многие ловят рыбу в мутной воде и пользуются беспорядками и в нынешней администрации, принципы которой, как многим, без сомнения известно, совершенно расходятся с моими».

Цесаревич не скрывал, что его во многом не устраивает течение дел в государстве, но при этом он даже и мысли не держал о том, чтобы бросить вызов существующему порядку вещей. Всегда находились люди, желавшие подтолкнуть Цесаревича к активным действиям; сделать его центром противоправительственных интриг или даже заговора. Этому опасалась и Екатерина, болезненно реагирующая на малейшие подобные признаки: Бибиловская история яркое тому подтверждение. Толпы агентов и осведомителей каждодневно подслушивали и подглядывали за всем, что происходило в окружении Цесаревича, а потом доносили «по принадлежности». Но ничего государственно-преступного не выяснялось. Да, велись разговоры на политические темы, да, звучала критика, но критика исключительно по адресу отдельных лиц и мероприятий. Имя же Императрицы в этих критических разговорах не затрагивалось никогда.

Один характерный пример. Николай Иванович Салтыков (1736—1816)¹, которого Екатерина в 1773 году сделала управляющим двором Цесаревича («гофмаршалом») и потом состоявший в этой должности десять лет, первоначально настроен был весьма критически по отношению к Павлу. За годы же близкого общения он категорически переменил взгляды. Ум, такт, политическая корректность очаровали Салтыкова; он превратился в симпатизанта Павла Петровича, который в свою очередь начал считать гофмаршала другом. Естественно, Екатерина не могла оставить без внимания новую дружескую привязанность сына; никаких «друзей» в его окружении не должно быть.

¹ В 1790 году Н.И. Салтыков получил графский титул, а в 1814 году — княжеский.

Потому в 1783 году Салтыков получил назначение стать воспитателем Великих князей Александра и Константина и переехать на жительство в Зимний Дворец...

Позиция неприкасаемости престижа Императрицы прозвучала в разговоре Павла Петровича и с представителем Короля Фридриха. «Я — подданный российский и сын Императрицы Российской, что между мной и ею происходит, того знать не подобает ни жене моей, ни родственникам, ниже кому другому».

Лишенный общества детей, да и простого дружеского круга общения, Павел Петрович большую часть своего времени уделял двум вещам: чтению и занятиям со своими гвардейцами — «гатчинцами».

В 80-е годы XVIII века Цесаревич необычайно много читал, занимался духовным самообразованием. Об этой стороне жизни будущего Императора сохранилось немного подробных сведений. Известно, что в этот период он чрезвычайно внимательно изучал Ветхий Завет, обнаружив там немало интересного и значимого и для жизни текущей. История Царей Израильских казалась особенно правдоподобной.

Господь Бог был Царем народа Израильского, волю Которого доносили и исполняли вожди, пророки, судии и священники. Враги Богоизбранного народа являлись и врагами Всевышнего. В определенный момент истории, в XI веке до Рождества Христова, народ возжелал, по образу других племен, иметь и у себя видимого царя. Господь был недоволен этим, но явив Свою великодушную милость, подарил народу Израиля монархическую форму правления и указал через пророка Самуила имя первого Царя. Им стал Саул, сын Киса из колена Вениаминова. Самуил помазал молодого Саула, сказав: «Господь помазывает тебя в правителя наследия Своего. Ты будешь царствовать над народом Господним и спасешь их от руки врагов их» (Первая Книга Царств. 10).

Сорок лет правил Саул. Безусловно исполнявший волю Божию в начале царствования, постепенно, обуреваемый гордыней, он уже не считал себя обязанным следовать сакральным предуказаниям. Произошел разрыв, и пророк Самуил предсказал Царю, что «теперь не устоять царствованию твоему; Господь найдет Себе мужа по сердцу Своему, и повелит ему Господь быть вождем народа Своего, так как ты не исполнил того, что было повелено тебе Господом» (Первая Книга Царств. 13:13).

Самуил сдержал обещание и, исполняя волю Божию, тайно помазал на царство пастуха-героя Давида, что привело Саула в состояние

почти неменяемое. Совершив еще множество неправедных и жестоких дел, Саул погиб от собственного меча после жестокой битвы с филистимлянами при Гелвуде¹.

Царскую власть наследовал Давид сын Иессея из Вифлеема, из колена Иудина, принявший помазание в 19 лет и названный в Библии «светильником Израиля». Давид не сразу вступил на престол, а был сначала оруженосцем у Саула и прославился своей победой над гигантом филистимлянином Голиафом. Эта победа поставила Давида в исключительное положение при дворе Саула, а с сыном Царя Ионафаном они стали душевными друзьями.

Саул же стал завидовать славе Давида и вознамерился его погубить, хотя Давид являлся зятем Саула, так как был женат на его дочери Мелхоло. После новых военных побед над врагами Давид чудесным образом избежал преследований Саула, сумев при этом объединить отдельные израильские племена (колена). Саул несколько раз был в руках у Давида, но тот не поднял руку на Саула, как Помазанника Господня.

После гибели Саула, Давид по Божественному указанию удалился в Хеврон, куда «пришли мужи иудины, и помазали там Давида на царство над домом Иудиным»². Семь с половиной лет Давид правил коленом Иудиным, а затем был торжественно помазан царем над всеми коленами Израилевыми. Давиду тогда было тридцать лет и правил он еще сорок лет.

Давид овладел Иерусалимом и сделал город столицей Израиля. Ковчег Завета, не имевший до того определенного местопребывания, был перенесен в Иерусалим, в новую Скинию³. С этого времени Иерусалим сделался не только резиденцией Богоизбранного Царя, но — «градом Божиим». Давид захотел соорудить величественный храм для поклонения Господу, вместо Скинии, переносимой с места на место. Но Бог возвестил ему через пророка Нафана, что этот храм построит его сын Соломон⁴. Давид положил начало Царской Династии.

¹ Жизнь и смерть Царя Саула описаны в Ветхозаветной Первой Книге Царств.

² Вторая Книга Царств. 2:4.

³ Скиния — храм молений, место нахождения Скрижалей Закона — откровений Господа, которых удостоился Моисей на горе Синайской и ниспосланных израильскому народу. Скиния являлась сердцем израильского народа, Святая Святых — сердцем Скинии, а Ковчег Завета — сердцем Святой Святых.

⁴ Вторая Книга Царств. 7.

Павел, не сомневавшийся в том, что истинным водителем и судьей мира является Господь, много размышлял над указанными библейскими примерами. Миропомазанный Царь — правитель, удостоенный благорасположения Всевышнего. Однако эта милость не даётся навсегда; её надо добиваться снова и снова, днём и ночью — всю свою жизнь. Иначе может случиться то, что произошло с Саулом, от которого отвернулся Бог, а на смену недостойному пришёл новый избранник — Давид.

Библейская призма заставляла острее и выше ощущать настоящее. Конечно, Екатерина мало походила на Богоизбранника Саула — тут и говорить не о чём. Но, с другой стороны, когда мать пришла к власти незаконным путём, то земля не разверзлась, а небо не обвалилось. Она короновалась и являлась Государыней миропомазанной; физически крепка, по-человечески бодрa и кара её не настигла. В этом должен быть какой-то смысл, но какой? Не у кого спросить совета и разъяснения! Единственный, кто бы мог помочь, так это любезный Платон, но он исполняет церковную службу и видется с ним нет никакой возможности. А в письме разве о таком напишешь?

У Павла невольно возникала аналогия собственной миссии с Давидом; но ведь того благовестил об избранничестве пророк Самуил! А где ныне такие пророки? Павел Петрович делился своими мыслями и сомнениями с женой, и Мария Фёдоровна с немецкой логичностью и педантичностью рассеивала русскую мечтательную беспочвенность. Сохранилось показательное в этом отношении письмо, относящееся к 1783 году.

«Давид не был естественным наследником, — обоснованно заключала Цесаревна, — тогда как Вы, дорогой друг, не только естественный наследник, но и наследник желанный, к стопам которого народ падёт толпами в момент, когда небо призовет Вас на Престол Ваших предков. Давид, так сказать, должен был завоевать свой Престол, тогда как Ваш — выпадет Вам по праву и потому, что Бог предназначил Вас для него с самого Вашего рождения». Павел Петрович всё это знал, но он также знал, что на пути этого торжества справедливости стоит непреодолимая преграда — «Государыня Императрица»...

Каждодневным гатчинским времяпрепровождением для Павла Петровича были занятия с гвардейцами. Свой маленький воинский контингент он начал собирать еще до Гатчины; первые 60 человек были взяты из флотских экипажей в 1782 году. Из них было состав-

лено две команды по 30 человек каждая для несения караулов во дворце на Каменном острове и в Павловске. После появления Гатчины команды были увеличены до 80 человек каждая, а командование над ними было поручено капитану Швейнверу — приверженцу прусской школы военного дела.

В 1788 году общая численность «Павловской армии» была доведена до пяти рот, и этому делу Цесаревич уделял много времени. Сам чрезвычайно пунктуальный в требованиях к себе, он всегда того же требовал и от других. В пять часов утра Павел был уже на ногах и сразу же начинал инспектировать караулы и вахту, где всё было скроено по прусскому образцу. Павел Петрович, восхищенный совершенством прусской военной организации, желал создать столько же совершенный по исполнительности военный организм. Павловские гвардейцы были обмундированы на прусский манер и представляли совершенно отдельное подразделение, никак не связанное с Русской армией, делами которой заправлял Г.А. Потёмкин. Впервые у генерал-адмирала¹ — Павла Петровича — появилось под началом военное соединение, подчиненное лично ему.

Павел не только устраивал смотры на плацу со своими гвардейцами. Он внимательно и постоянно контролировал весь уклад жизни воинства: от кухни и бани до набивки спальных матрасов. Кормили в «Павловской армии» куда лучше, чем в русской армии; здесь впервые был создан санитарный контроль и регулярная медицинская помощь. Подобная внимательная придирчивость у Павла не ограничивалась только военным контингентом; он входил в нужды и крестьянского населения деревень, оказавшихся в пределах его «Гатчинского царства».

Всегда оставался открытым вопрос: почему Екатерина II, придирчиво следившая за занятиями и увлечениями Павла и неизменно стремившаяся пресечь любые формы проявления его общественной самостоятельности, столь снисходительно относилась к «Павловской армии», насчитывавшей почти две тысячи человек? Убедительного ответа нет до сих пор. Не исключено, что, наблюдая за военными упражнениями Павла, Императрица смотрела на всё это как на «безделицу», не несущую в себе никакой угрозы ей лично. Ну, ведь была когда-то у Петра III подобная «игрушечная армия», его гольштинцы.

¹ Генерал-адмирал — высший военно-морской чин, соответствующий чину генерал-фельдмаршала в сухопутных войсках; учреждён Петром I в 1708 году.

Ничего они не решили и самому несчастному их командиру помощи не оказали. Правда, те по преимуществу были чужаками в России — родом все почти немцы. У Павла же — большей частью православные, из русских и малороссов. Рядовые набирались по вербовке, а офицеры рекрутировались из отставных.

Не исключено, что, смотря сквозь пальцы на «Павловскую армию», Екатерина II надеялась, что нелюбимый сын попытается как-то использовать её в своих властолюбивых планах. И когда подобное намерение проявится хоть в зародыше, можно будет одним ударом уничтожить и эти потешные войска, и их предводителя. Не получилось, не дождалась «Екатерина Великая» ожидаемого «заговора»...

В биографии Павла Петровича имеется один давний сюжет, чрезвычайно замутнённый и, можно смело сказать, словесно замуколенный. Речь идёт о его принадлежности к масонству. Согласно популярной версии, в 1784 году Цесаревич вступил в одну из масонских лож, членами которой якобы являлись близкие ему лица: братья Куракины, Н.И. Панин, князь Н.В. Репнин, Ф.В. Ростопчин. Принимал же его «брат высокого посвящения» сенатор и гофмейстер И.П. Елагин (1725—1796).

Здесь невозможно сколько-нибудь подробно говорить о таком сложном явлении, как масонство. Отметим главное: масоны, или «вольные каменщики», объединяли весьма разношёрстную публику и преследовали цель — сплотить людей под знаком «любви и добра». Себя «вольные каменщики» называли «друзьями добра»; их философия — причудливый сплав христианских заповедей, этического романтизма и социального эгалитаризма. Масоны отрицали общественную иерархию, церковную традицию, православные нравственные установления и, невзирая на соблазнительную «сострадательную» идеологию, по сути своей являлись врагами и Церкви, и монархической власти.

Для того чтобы понять, насколько подобная фразеология могла стать соблазнительной для романтической и впечатлительной натуры Павла Петровича, достаточно привести отрывок из масонской клятвы, которую давал каждый неопит при вступлении в ложу¹.

«Я клянусь пред Всемогущим строителем вселенной и пред сим высокопочтенным собранием, чтобы всеми моими силами стремиться к тому, чтобы сохранить себя в неколебимой верности к Богу, закону, правительству, отечеству и к сему высокопочтенному братству; чтобы

¹ Цит. по: Российской архив. Вып. V. М., 1994. С. 100.

любить их всем сердцем и помогать ближним моим всеми силами, я обещаю, чтобы по всем силам моим стараться быть во всех моих деяниях предусмотрительным и мудрым; в действиях моих осторожным, в словах моих умеренным, в должностях моих праведным, в предприятиях моих честным, в моем суждении честным, в образе моего обхождения человеколюбивым, благородным, добросердечным преисполненным любви ко всем человекам, а наипаче к моим братьям; я обещаюсь быть послушным начальникам моим во всем том, что для блага и преуспeyания Ордена, которому я обязан во всю жизнь сохранять верность...»

Из текста определенно следует, что масонская организация строилась на принципах закрытой средневековой касты, которой каждый член обязан был сохранять преданность до конца дней и хранить всю деятельность в строжайшей тайне; за её разглашение полагалась смерть.

Можно только догадываться о том, что именно привлекало Павла Петровича в масонстве; возможно — декларативное «человеколюбие» являлось побудительным мотивом. Сохранилось стихотворение, датированное 1784 годом, и посвященное как раз знаменитому событию в истории русского масонства: то ли вступлению в ложу наследника Престола, то ли только надежде на подобное вступление. Автором его значится представитель старинного московского дворянского рода Иван Владимирович Лопухин (1756—1816)¹. Он состоял председателем Московской уголовной палаты и одновременно — «великим мастером» одной из масонских лож. Когда в 1792 году Екатерина II запретила масонские ложи и началось гонение на масонов («мартинистов»), И.В. Лопухин подвергся домашнему аресту, но никаких более серьезных последствий эта кампания для него не имела. Вот несколько строк из указанного стихотворного произведения, принадлежащего перу одного из самых известных русских масонов XVIII века.

Залог любви небесной
В тебе мы, Павел, зрим:
В чете твоей прелестной
Зрак ангела мы чтим,
Украшенный венцом,

¹ Цит. по: Милославский Ю. Странноприимцы. Православная ветвь Державного Ордена рыцарей-госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского. СПб., 2001. С. 110.

Ты будешь нам отцом!
 Судьба благоволила
 Петров возвысить дом
 И нас всех одарила,
 Даря тебя плодом...

Этот довольно поэтически беспомощный «творческий продукт», который с полным правом можно назвать просто виршами, в данном случае интересен как бы косвенным признанием факта причастности Павла Петровича к деятельности масонского братства. Степень же этого участия так никогда и не была установлена. Если даже и допустить, что подобная причастность и существовала в действительности, то она носила весьма скоротечный характер и её можно объяснить естественной любознательностью молодого человека. Ведь тогда о масонах в светском обществе так много говорили; это была чрезвычайно «модная» тема.

Ясно только одно: будучи человеком глубоко православным, Павел Петрович не мог долго солидаризироваться с теми, для кого личные отношения находились выше и значимее государственно-православной природы России. Революция 1789 года во Франции, которую масоны приветствовали — идеи «равенства», «братства» и «свободы» были из арсенала их лозунгов, приведшая очень скоро к кровавой оргии, многих отрезвила и просветила. Масоны перестали восприниматься «невинными мечтателями», озабоченными приращением на земле «доброты».

Связь Цесаревича с масонами, если она и существовала ранее, то была полностью прекращена уже к концу 1791 года; отныне он даже слышать более ничего не хотел о масонах. Сохранился диалог, относящийся к этому времени, Павла Петровича с известным архитектором В.И. Баженовым (1737—1799), который завел речь о достоинстве масонства. Цесаревич прервал речь собеседника, заявив ясно и окончательно: «Я тебя люблю и принимаю, как художника, а не как мартиниста: о них я слышать не хочу, и ты рта не разевай о них...»

Вскоре после возвращения Екатерины II из крымского турне, в 1887 году, возникла реальная угроза новой войны с Турцией, второй в её царствование (первая — завершилась в 1774 году). Турция не могла смириться с потерей Крыма, в Стамбуле господствовали реваншистские настроения. Подстрекаемое Англией и Францией правительство султана в августе 1787 года предъявило России ульт-

тиматум: вернуть Крым, признать Грузию вассальной территорией султана и согласиться на досмотр русских судов, идущих через проливы Босфор и Дарданеллы. Естественно, что русское правительство отвергло подобные требования, и тогда 13 (24) августа 1787 года Турция объявила войну России. В свою очередь, 9 сентября появился Высочайший Манифест, о войне с Оттоманской Портой.

Война продолжалась более четырех лет и завершилась подписанием 29 декабря 1791 года Ясского мирного договора. Турция признавала военное и стратегическое поражение. К России отходили земли между Южным Бугом и Днестром, на Кавказе устанавливалась граница по реке Кубань, и Турция обязывалась не нападать на грузинские и кубанские земли.

Когда 9 сентября 1787 года появился Манифест о войне, то уже на следующий день Императрица получила письмо от Цесаревича, в котором он просил отправить его на войну «волонтёром», т.е. разрешить идти на войну не в качестве командира, а рядового добровольца. Екатерина совсем не собиралась отправлять сына на войну ни в каком качестве. Там главные военные операции находились в руках Г.А. Потемкина, а потому столкновение между Павлом и Потёмкиным представлялось неизбежным. Но это было не самым главным аргументом: Екатерина совершенно не хотела, чтобы Цесаревич предстал перед войсками, чтобы он играл публичную роль, да ещё на полях сражений!

Следом к Императрице поступило нижайшее прошение и от Цесаревны Марии Фёдоровны, которая просила разрешить ей следовать за мужем и поселиться где-нибудь поближе к армии. Тут уж «великая государыня» не выдержала и написала невесте письмо-отповедь, не оставляя у просителей никаких иллюзий и в будущем.

«Отдавая полную справедливость Вашим чувствам, прошу позволения сказать Вам, что мужу Вашему нет никакой необходимости, ни обязанности ехать в армию, что он сам добровольно заявил о своём желании отправиться в качестве волонтёра, на что я согласилась, хотя в том не предстоит никакой надобности или обязанности, но единственно из снисходительности, и если бы он не ехал, или же не выражал своего желания ехать, то поступил бы так, как поступают тысячи лиц одинакового с ним происхождения...»

Императрица проговорилась о самом сокровенном, что лежало на сердце: Павел не может рассчитывать на особое отношение, он ничем не отличается от «тысяч лиц», имевших якобы такое же «происхождение». Однако дело было в том, что в России не имелось ни одного

человека, который мог бы сравниться по общественному статусу с Павлом Петровичем. Сын Императора, сын Императрицы, правнук Петра I. Что же, Екатерина об этом забыла? Конечно же, нет. Дело было совсем не в плохой памяти. Она просто очень хотела низвести Павла на уровень обычного подданного, чтобы раз и навсегда закрыть ему дорогу к Трону. Потому она и писала Потёмкину, что Павел не являлся сыном Петра III, зная, что «верный Григорий» быстро сделает это «тайное признание» известным всему свету.

Екатерина несколько месяцев чинила различного рода препятствия для поездки Цесаревича в армию, о чем он её просил письменно и устно многократно, а в начале 1788 года окончательно закрыла тему. Мария Фёдоровна готовилась снова стать матерью¹ и Императрица предписала Павлу находиться при ней. Удостоив надоедливому отпрыска собственноручным письмом, Екатерина обрушилась на него с гневным обличением за то, что ей «дорогие дети» ничего не сказали о беременности Марии. «Полагаю, что имею множество прав на то, чтобы узнавать о беременности Великой княгини не из распросов, не из городских слухов и не после всех».

Павел и Мария ничего не говорили Екатерине не из суеверного родительского страха; просто для них грядущее событие виделось радостью со слезами на глазах. Ведь появление ребёнка означало скорую и неизбежную разлуку с ним...

В этот период Екатерина уже серьезно готовилась к официальному отрешению Павла Петровича от всех видов на власть, для чего начала знакомиться с историческими прецедентами. В дневнике статс-секретаря Екатерины II А.В. Храповицкого (1749—1801) точно указана дата, когда она увлеклась этой темой: 20 августа 1787 года. Её, конечно, особо занимала история сына Петра I Цесаревича Алексея Петровича. Несчастный сын неистового преобразователя пал жертвой и собственных ошибок, и злой воли отца, усмотревшего в нём угрозу своим преобразованиям.

Пётр поверил совершенно абсурдным слухам о том, что Алексей намеревался свергнуть его с Престола при помощи группы заговорщиков и австрийских войск! Алексей Петрович под жесточайшими пытками «признал» наличие подобного замысла! Несмотря на то, что Алексей каялся, рыдал, выдал всех и вся, умолял о снисхождении,

¹10 мая 1788 года в Царском Селе Мария Фёдоровна разрешилась от бремени дочерью Екатериной (1788—1818), в замужестве (1809) за принцем Георгом Ольденбургским (1784—1812).

Петр был неумолим: царского сына лишили звания «Цесаревич», хотя это было родовым признаком, предали суду и казнили 26 июня 1718 года в Трубечком бастионе Петропавловской крепости. На следующий же день как ни в чём ни бывало «Пётр Великий» пировал на банкете по случаю годовщины Полтавского сражения...

Изучив всю эту жуткую историю, Екатерина, естественно, полностью одобрила действия Петра Первого. Она находилась в состоянии такого восторженного возбуждения, что даже оставила потомкам особую «записку» с изложением собственных умозаключений.

«Признаться должно, что несчастный этот родитель (Петр I. — А. Б.), который себя видит принуждённым для спасения общего дела отрешить своё отродье. Тут уже совокупляется или совокуплена есть власть самодержавная и родительская. И так, я почитаю, что премудрый Пётр I, несомненно, величайшие имел причины отрешить своего неблагодарного, непослушного и неспособного сына. Сей наполнен был против него ненавистью, злобою, ехидной завистью; изыскивал в отцовских делах и поступках в корзине добра пылинки худого, слушал ласкателей, отдалял от ушей своих истину, и ничем не можно было так угодить, как понося и говоря худо о преславном его родителе. Он же сам был лентяй, малодушен, двояк, нетвёрд, суров, робок, пьян, горяч, упрям, ханжа, невежда, весьма посредственного ума и слабого здоровья».

Екатерина использовала все возможные уничижительные эпитеты, чтобы показать, что поступок Петра I не подлежит спору. Правда, она прямо не сказала, что Алексей достоин был смерти, но из контекста вышеприведённого обличения это вытекает с неумолимой неизбежностью. Согласно данной логике, Пётр и как Самодержец, и как родитель имел полное право отрешить сына от наследования Трона, а значит и она, на основании той же властной прерогативы, может смело идти вослед за «премудрым».

Екатерина II «во имя общего дела» уже уничтожила двух Императоров — Петра III и Иоанна Антоновича, и у неё не дрогнет рука расправиться и с Павлом. Самое поразительное во всей этой истории, что Екатерина II так и не осуществила подобного намерения. Её восторженные почитатели не могли этого объяснить, и с тайной грустью всегда намекали, что это было бы великое благодеяние.

Но не случилось, не получилось. Тут так и хочется сослаться на Провидение, или волю Божию. Подобная трактовка напрямую замыкается на истолкование Божьего Замысла, однако подобные

произвольные силлогизмы в светской литературе совершенно недопустимы.

Думается, что Екатерину, всегда руководствовавшуюся прагматическими земными расчётами, именно здесь и поджидала самая большая трудность, которую она преодолеть не сумела. Чтобы сделать Павла из избранника простым смертным, надо было предать всему делу публичный характер. Одно дело задушить кого-то в скрытой от глаз комнате (Пётр III) или убивать шпагой в каземате (Иоанн Антонович), а потом пускать в публику желаемые версии. Совсем другое — вершить дела на свету, перед лицом всего мира.

Павла Петровича надо было в чём-то обвинять, надлежало доказать его или умственную неполноценность, или причастность к государственному заговору. Петру I в этом смысле «повезло»: его сын Алексей бежал из страны и почти два года обретался в Европе, ведя переговоры с тайными и явными врагами и недоброжелателями России.

Павел Петрович такого «подарка» Екатерине не сделал. Мало того: он вел себя по отношению к ней безукоризненно; толпы соглядатаев так ничего преступного зафиксировать и не смогли. Ну не за критику же Потёмкина и некоторых других её любимцев лишать сына прав на Престол! Объявить же Павла «сумасшедшим» тоже не представлялось возможным. Его знало множество людей и в России, и за границей, которые такой диагноз за подлинный никогда бы не приняли.

Отрешение Павла от престолонаследия создавало проблему неразрешимую. Что с ним потом делать? Запереть в одной из резиденций? Заточить в монастырь? Но как когда-то пронцательно заметил Пётр I на просьбы сына Алексея отправить его в монастырь: «Клубок гвоздями к голове не пришьёшь». Всегда найдутся люди, которые будут пытаться вернуть опального на главную арену политических событий. Манифесты и клятвы ничего изменить не могут, раз нарушенным законом можно пренебрегать снова и снова.

Тайно же покончить с Павлом не имелось никакой возможности. Екатерина слишком хорошо знала, сколько язвительных стрел было выпущено в Европе по её адресу в связи с «геморроидальной коликой», от которой якобы скончался Петр III в 1762 году. Вроде бы теперь злобные сарказмы поутихли: четверть века прошло. Снова же вызывать вал критики и сатиры она совсем не собиралась. Потому она так долго и тянула, думая, что как-нибудь все решится само собой, но так до самой её смерти и не решилось...

По странному стечению обстоятельств, когда Екатерина размышляла о будущей судьбе Павла, сам он занимался составлением завещания. Он как будто предчувствовал, что дни его жизни могут оборваться в любую минуту. Потому, помимо собственно завещания, составил духовные наставления для детей и супруги. Именно в конце 1787— начале 1788 года у Павла Петровича сложились те идеи, которые потом нашли законченное выражение в его знаменитом Законе о престолонаследии, который он огласил в день своей коронации в апреле 1797 года.

Основная его идея — установление ясного порядка наследования Трона по праву старшинства и первородства. «Дабы государство не было без наследника. Дабы наследник был назначен всегда законом самим. Дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать. Дабы сохранить право родов в наследствии, не нарушая права естественного, и избегать затруднения при переходе из рода в род».

Закон должен был быть непеременимым, и впервые в русской законодательной практике писаная норма ставилась выше воли Самодержца. Всё это в полном виде будет подробно сформулировано позднее. Пока же он попросил Марию Фёдоровну дать письменное обязательство, чтобы после его смерти не она, а его сын стал восприемником власти. Павел Петрович слишком хорошо знал историю XVIII века, издержки и безобразия всех этих «бабьих царств», начиная от воцарения в 1725 году Екатерины I до утверждения в 1762 году у власти его матери, Екатерины II.

Мария Фёдоровна подобное обязательство дала. Потом циркулировал слух, что после гибели в 1801 году супруга Мария Фёдоровна якобы хотела взять бразды правления в свои руки. Но всё это так и осталось в области исторической мифологии; каких-либо убедительных фактов на сей счёт в наличии не имеется.

Завещательное обращение Цесаревича к супруге пронизано такой нежностью, содержит столько интересных деталей, раскрывающих мировоззрение Павла Петровича, что из него уместно привести обширную выдержку.

«Тебе самой известно, сколь я тебя любил и привязан был. Твоя чистая душа перед Богом и человеками стоила не только сего, но почтения от меня и от всех. Ты мне была первою отрадою и подавала лучшие советы. Сим признанием должен заявить пред всем светом о твоём благоразумии. Привязанность к детям залогом привязанности и любви ко мне была. Одним словом, не могу довольно тебе благодарности за всё сие сказать, равномерно и за терпение твоё, с которым

сносила состояние своё, ради меня и по человечеству случающиеся в жизни нашей скуки и прискорбия, о которых прошу у тебя прощения, и за всё сие обязан тебе следующими советами.

Будь тверда в Законе (Божием. — А. Б.), который ты восприняла, и старайся о соблюдении непорочности Его в государстве. Не беспокой совести ни чьей. Государство почитает тебя своею, ты сие заслуживаешь, и ты его почитай Отечеством. Люби его и споспешествуй благу его. Я преподаю тебе средства к тому. Ты прочти мои бумаги и в них найдёшь то, чего я от тебя желаю и от детей своих, и по тому исполняй... Благоразумие твоё тебя наставит на путь правый, и Бог благословит твои добрые намерения. Старайся о благе прямом всех и каждого. Детей воспитай в страхе Божиим, как начале премудрости, в добронравии, как основании всех добродетелей. Старайся о учении их наукам, потребным к их знанию, как о том, что, преподавая знания, открываешь рассудок...»

Павлу Петровичу не суждено было попасть на театр Русско-турецкой войны, но летом 1788 года случились обстоятельства, перевернувшие устоявшийся ход вещей. Шведский Король Густав III (1746—1792), вступивший на Престол в 1771 году, на следующий год совершил государственный переворот: распустил парламент и возродил авторитарное правление. Густав начал проводить широкие преобразования, взяв за образец прусские государственные порядки. Для него, как и для Павла Петровича, Фридрих II являлся кумиром. После нескольких лет ускоренной преобразовательной деятельности Густав не сделал из Швеции Пруссию, но зато вызвал широкое общественное недовольство.

Чтобы погасить внутреннее брожение и повысить свой пошатнувшийся престиж, Король прибег к старому и проверенному средству: начал войну. Война с Россией представлялась скорой и триумфальной и была начата Швецией в июне 1788 года без всякого видимого повода. Основные русские силы были завязаны на войне с Турцией, и Густаву казалось, что он без труда вернет под свою Корону Восточную Финляндию и все побережье Финского залива с Кронштадтом и Петербургом включительно! Густав грезил завершить «дело Карла XII», разгромленного под Полтавой в 1709 году. «Новому Карлу» виделись лавры победителя; он даже пригласил придворных на приём, который намеревался устроить в Петергофе!

Забегая вперед, уместно сказать, что война продолжалась два года, стоила больших жертв, но ни к чему не привела. Россия и Шве-

ция в августе 1790 года заключили мирный договор, подтверждавший нерушимость прежних границ. Сам Король не мог успокоиться и начал вынашивать план европейской военной коалиции против республиканской Франции. В конце концов неугомонный Густав III на придворном маскараде был убит кинжалом шведским дворянином...

Для защиты прибалтийских территорий и самой столицы пришлось срочно собирать силы, какие оказывались в наличии. Всего из состава гвардии и других воинских подразделений удалось набрать армию в 19 тысяч, которую возглавил граф В.П. Мусин-Пушкин (1735—1804). В этот состав были включены и гатчинцы: батальон Цесаревича из пяти рот. Свой батальон Павел Петрович хотел представить Императрице в Царском Селе, но та отказалась на него смотреть. В то же время смотр гвардейского Кирасирского полка под командованием Цесаревича она удостоила вниманием и высоко оценила его готовность.

Павел Петрович получил разрешение следовать на борьбу со шведами и 31 июня прощался с Екатериной в Зимнем Дворце, причём, как записал статс-секретарь Императрицы А.В. Храповицкий, «оба плакали». На следующий день, 1 июля 1788 года, Павел Петрович находился уже в Выборге. Покидая Петербург, он отправил прощальную записку Марии Фёдоровне. «Моё дорогое сердце, мой друг, я ничего не могу сказать Вам, Вы видели моё горе, мои слёзы, всю мою жизнь я такой в отношении к тебе. Пока я жив, я не забуду того, чем обязан Вам. Во имя Бога, отдайтесь Тому, Кто хранит нас; пусть Он будет Вашим утешением, вашим защитником во всём. Прощайте!»

Военная кампания 1788 года велась вяло и нерешительно и со стороны Швеции, и со стороны России. Тем не менее русские добились заметных успехов. 6 июля русская эскадра под командованием адмирала С.К. Грейга разгромила шведский флот у острова Гогланд, в центре Финского залива, и шведский замысел по захвату Кронштадта, а затем десанта в Петербург был сорван. Попытка завладеть крепостью Фридрихсгам шведам не удалась, и потомок Карла II вместе со своим воинством бесславно ретировались. Больше на суше существенных баталий не было: военные столкновения в разных местах не принесли шведам ни одного клочка территории, хотя они и имели значительное численное преимущество: численность шведской армии достигала почти 40 тысяч человек.

Павел Петрович, как только прибыл в расположение штаба графа Мусина-Пушкина, сразу нашёл массу неполадок и немедленно

сделал замечание главнокомандующему, что сразу же обострило отношения между ними. Цесаревич даже отказался размещаться на ночлег в предусмотренном помещении и переехал на жительство в какую-то избушку. Негоже ведь было во время войны ублажать свою плоть! Сон его там охранял верный «Иван» (Кутайсов), который, чтобы предохранить своего хозяина от ночных нападений и нежеланных визитеров, спал на пороге той самой избушки! После отступления шведов от Фридрихстама Павел Петрович настаивал на преследовании и уничтожении неприятеля, но Мусин-Пушкин отказался следовать такой позиции и придерживался тактики выжидания, правда, неизвестно чего. (Екатерина в одном из писем Потёмкину назвала Мусина-Пушкина «мешком нерешимым».)

Сам Павел Петрович только единожды оказался под неприятельским огнем — 22 августа во время рекогносцировки под местечком Гекфорсе. С середины осени военная кампания затихала, и ясно было, что армии предстоит перебраться на тёплые квартиры. Но прежде чем вернуться в Петербург, куда он прибыл 18 сентября, к нему дважды письменно обращался брат Короля герцог Зюдерманландский Карл, прося о личной встрече. Павел Петрович и в мыслях не держал встречаться с врагом во время войны и переслал эти эпистолы Екатерине II.

Весной следующего, 1789-го года война со шведами возобновилась, но Цесаревичу было отказано в праве отправиться на войну. Екатерина прислала в апреле письмо, из которого следовало, что ему лучше остаться «с дорогой семьей», т.е. с Марией Фёдоровной. Это было оскорбительно и унижительно, и Павлу, казалось бы, следовало давно привыкнуть к подобной манере поведения. Однако привыкнуть он так и не смог.

В 90-е годы XVIII века Россия вступила отягощенная грузом мировых проблем, важнейшие из которых стали результатом глобальной мегамании, которой страдала Екатерина II. Она выражала её уже без всяких прикрас: «Ежели бы я прожила 200 лет, то бы конечно вся Европа подвержена была бы Российскому скипетру. Я не умру без того, пока не выгоню турков из Европы, не усмирю гордость Китая и с Индией не осною торговлю».

При Екатерине II возник так называемый «Греческий проект», предусматривавший ликвидацию правления султана в Европе и восстановление православной власти в Константинополе. Русские победы над турками в 70—80-годы XVIII века вызвали в православном

мире восторженный прилив радужных надежд; ширилось убеждение, что дни беспощадного исламского ига подходят к концу. Идея сокрушить власть османов, серьезно занимавшая воображение Императрицы Екатерины, казалось бы, отвечала этим вековым православным чаяниям.

Титулом «Императрица Греков» российскую повелительницу наградила ее симпатизант, немецкий публицист и дипломат барон Фридрих Гримм (1723—1807), которому она писала после рождения своего второго внука Константина (1779—1831): «Этот важнее старшего, и едва на него пахнёт холодным воздухом, прячет носик в пеленки; он любит тепло, да мы знаем с вами то, что мы знаем!»

Новорожденного Великого князя Императрица прочила на роль обладателя «греческого скипетра». Кормилицей к нему была представлена гречанка по имени Елена; Константина Павловича обучали не только классическому, но и новому греческому языку, чего при Императорском Дворе никогда ранее не делалось. В 1781 году была выбита медаль, на которой Константин был изображен вместе с христианскими добродетелями — Верой, Надеждой и Любовью — на берегах Босфора.

Осенью 1782 года Екатерина сообщала «своему другу и брату» Австрийскому Императору (1765—1790) Иосифу II о желании, совместно с Австрией, изгнать мусульманскую власть из Константинополя и усилиями двух стран «восстановить монархию Греческую». При этом она брала на себя обязательство сохранять новое государство в полной независимости от России. Монархом там она видела «младшего внука моего, Великого князя Константина», который должен был дать обязательство «не иметь никаких претензий на Престол Российский».

«Греческий проект» являлся лишь частью амбиционных мировых мечтаний Екатерины II. Хотя она и говорила, что намеревается изгнать из Европы «врагов имени Христианского», но никакой собственно православной интенции в ее устремлениях не просматривалось. Примечательно, что свой план по ликвидации власти султана в Константинополе (Стамбуле) она обсуждала с Австрийским Императором. Именно с ним, личным конфидендом и политическим союзником, она намеревалась изгнать «врагов Христа», как будто не ведая, что ее адресат — католик. Православная правительница находилась в состоянии такого имперского ослепления, что совершенно не замечала очевидное и непреложное: никакой «проект», связанный

с Православием, никогда не встретит не только открытой поддержки, но и молчаливого сочувствия у пап в Риме, а следовательно — и у всех верных «сынов» и «дочерей» кафедры Святого Петра.

После смерти Императора Иосифа II 20 февраля 1790 года Россия потеряла единственного союзника в Европе. Хотя Екатерина II и считала, что «её Империи» никакие «друзья-карлики» из Европы не нужны, но именно в Европе возникало множество проблем, которые требовали коллективных решений.

Польша, перманентно находившаяся в состоянии брожения, доставляла немало хлопот соседям: Германии, Австрии и России. В 1795 году с самостоятельной Польшей было покончено; её территория была разделена на три части и интегрирована в состав трёх сопредельных государств.

Всеевропейской проблемой стала революция 1789 года во Франции, свергшая монархию и утвердившая республиканский строй. Теперь Франция — источник постоянной угрозы всем монархическим домам Европы, которые пытались выработать единый коллективный ответ. Однако Екатерина II, возмущенная революционными злодеяниями, не собиралась принимать прямого участия в контрреволюционном подходе. Она считала, что революция России не угрожает, довольствуясь моральным осуждением и помощью французским эмигрантам-роялистам.

Павел Петрович считал иначе. Он был уверен, что угроза существует для всех, и что революционную заразу надо выжигать огнём и мечом. Однако он ничего не решал, а с его мнением никто не считался. Последние годы царствования Екатерины II он превратился почти в изгоя, общения с которым избегали кто как мог. Эту «философию неуважения» замечательно сформулировала в своих записках княгиня Е.Р. Дашкова.

Великий князь и Великая княгиня неоднократно приглашали княгиню в гости в Гатчину, но там она никогда не была, ссылаясь то на занятость, то на удалённость Гатчины от Петербурга. Главная же причина, как поведала княгиня, состояла в том, что она «не хотела вставать между матерью и сыном». Выходило, что как только она переступила бы пределы Гатчины, то её тут же стали бы вербовать в «партию» противников Императрицы. Конечно, это были глупости, и княгиня о том знала. Однако ей надо было доказать, что, несмотря на её «корректное» и «уважительное» отношение, потом Павел Петрович «мучил и преследовал» её совершенно безосновательно. Неужели

Дашкова не понимала прописную истину светского этикета: если ты не принимаешь приглашение, тем более многократно повторенное, то это — явный признак или неуважения, или презрения? В данном случае это — хамство в самом явном виде, совершенно никак не спровоцированное.

Дашкова ведь отказалась принимать приглашения не от какого-то нежеланного «соседа по имению», а от Наследника Престола. Притом, что ни Павел, ни Мария ни одного дурного слова о Дашковой никогда не сказали. Если поверить мемуарам Дашковой, то её жизнь — путь невинной праведницы и смиренной страдальницы. На самом деле всё было совсем не так. Когда Павел Петрович изгонял Дашкову из столиц в её дальнее имение, то имел на это полное право и как Самодержец, и как человек. Княгиня была деятельной участницей переворота 1762 года, а потом оскорбляла Цесаревича своим пренебрежением многие годы. Она — враг, и в этом Павел Петрович не ошибался...

В 1789 году Екатерине II исполнилось шестьдесят лет, и в последующие годы она начала дряхлеть на глазах. Как иронически и метафорически выразился граф П.В. Завадовский (1739—1812) в январе 1792 года в письме графу С.Р. Воронцову в Лондон: «Солнце на закате: не тот свет имеет, которым действует на Востоке и во время полдня». Завадовский знал, о чём писал: он два года числился в фаворитах «солнца» и четырнадцать лет назад «получил отставку»...

Чрезмерная тучность вела к сердечным болезням и физической немощи Царицы; последние годы она даже стоять более нескольких минут не могла. Мировые проблемы и внутренние заботы Империи её занимали всё меньше и меньше, а рычаги управления по факту переходили в руки близких ей лиц, но особенно одного, последней страсти старой женщины — Платона Зубова. Связь с Зубовым у Екатерины началась в год её шестидесятилетия. Он молодой, двадцатидвухлетний офицер Лейб-гвардии Конного полка, стоявший в карауле в Зимнем Дворце, попал в объект внимания Императрицы, которая только недавно рассталась со своим последним «ночным бутоном» — графом А.М. Дмитриевым-Мамоновым (1868—1803). Конногвардеец «утешил одинокое сердце» и быстро вошёл в фавор, да такой, которого когда-то даже всемогущий фаворит Г.А. Потёмкин не имел.

Существует весьма красочное описание нравов, царивших при Дворе в последние годы царствования Екатерины. Оно принадлежит перу польского князя Адама Чарторыйского (Чарторижского, 1770—1861), который оставил заметный след и в истории России:

интимный друг Императора Александра I, министр иностранных дел России в 1804—1806 годах. Князь Адам вместе с братом Константином (1773—1860) прибыл в Петербург в мае 1795 года, чтобы уладить семейные имущественные дела. Их отец, Адам-Казимир Чарторыйский (1734—1823), как участник противороссийского движения, потерял все свои имения, а попытка вернуть их и привела его детей в Петербург.

У молодых Чарторыйских в столице Империи имелись достаточно высокопоставленные покровители, которые и посоветовали обратиться к Платону Зубову и добиться его благорасположения; без этого дожидаться нужного решения невозможно. И князь Адам неоднократно ездил на поклон к фавориту, а потом описал, как эти приемы происходили. На этом «важном государственном действии» считал обязанным присутствовать чуть ли не весь сановный Петербург.

«Приёмы у князя Платона происходили ежедневно в 11 часов утра... Вся улица¹ была полна каретами и экипажами самого разнообразного вида... В начале 12-го часа двери кабинета широко растворились, Зубов входил в комнату небрежной походкой и, сделав общее приветствие легким кивком головы, садился к туалетному столу. Он был в лёгком халате, из-под которого видно было бельё. Парикмахер и лакеи приносили парик и пудру, а все присутствующие старалась уловить его взгляд и обратить на себя внимание всесильного фаворита. Все почтительно стояли, и никто не смел проронить ни слова, пока князь сам не заговорит. Нередко он всё время молчал, и я не припомню, чтобы он когда-нибудь предложил кому-либо стул... В то время пока причёсывали князя², его секретарь Грибовский³ приносил бумаги для подписи. Окончив причёску и подписав несколько бумаг, Зубов одевал мундир или камзол и удалялся во внутренние комнаты, давая знать лёгким поклоном, что аудиенция окончена. Все кланялись и спешили к своим каретам».

Так делались дела и вершились судьбы на излете Екатерининского царствования. Столичный молодой щёголь (в 1795 году ему исполнилось двадцать восемь лет) восседал на вершине властной пирамиды

¹ Приёмы эти происходил в Таврическом дворце.

² Платон Зубов получил графский титул в 1793 году, а княжеский в 1796 году, так что в указанное время (1795) Зубов был графом, а не князем.

³ Грибовский Адриан Моисеевич (1725—1811), статс-секретарь Императрицы.

и принимал решения, почти все из которых его коронованная обожательница одобряла!

Князь Адам зафиксировал одну отличительную черту настроений столичного общества, где господствовали весьма раскрепощенные нравы; всё и все подвергались обсуждению и осмеиванию. «В обществе этом, — констатировал Чарторыйский, — никого не щадили, не исключая и Цесаревича Павла; но едва произносилось имя Императрицы — все лица делались серьезными, шутки и двусмысленности тотчас смолкали». Все прекрасно знали, что Екатерина не забывает и не прощает никакой критики или даже острот по своему адресу. А Цесаревич? Он — далеко, он — безвластен, а мать его терпеть не может. Поэтому он — желанная мишень...

Павел Петрович был осведомлен о настроениях столичного света, о нравах, утвердившихся в управлении. Ведь куда ни глянь, везде беспорядки, нераспорядительность, лень, безделье, воровство и разврат. Дошло то того, что офицеры гвардейских полков являлись на полковые смотры в шубах и даже в муфтах! А разговоры какие в салонах велись: оторопь брала. Когда в 1793 году пришло известие, сначала о казни Людовика XVI, а в конце года, о казни Марии-Антуанетты, то находились в Петербурге разгоряченные головы, которые, не стесняясь, ёрничали на сей счёт. Обсуждали, чуть ли не смехом, как выглядела и в какую корзину скатилась из-под гильотины голова Короля, в каком «неопрятном» туалете взошла на эшафот несчастная Королева!

Распущенные придворные нравы рождали «дам и кавалеров», у которых ничего святого в душе, которые не ведают Страха Божия. Это всё безбожие, это всё коварные якобинцы, некоторые из которых пробрались на самый верх. Один из них — невыносимый Лагарп — воспитатель и наставник сына Александра, его ближайший друг! Однажды Павел не выдержал и задал сыну убийственный вопрос: «Этот грязный якобинец всё ещё при Вас?» У Александра от неожиданности подкосились ноги; в обморок он, правда, в этот раз не упал, но потом долго не мог прийти в себя.

Екатерина злословия и острословия по адресу коронованных особ не поощряла; о судьбе Короля и Королевы в её кругу говорить не дозволялось вообще. В других же домах Императрица «свободе мнений» не препятствовала. Её куда больше, чем история Бурбонов, занимала история Дома Романовых, и в первую очередь проблема престолонаследия. Шли годы, но от своей заветной идеи — отрешить

Павла от видов на Престол — она не отказывалась, до самой смерти. Она вела себя так, как будто Павла не существовало вообще; ну жил там где-то в Гатчине несмышленный младенец, какой с него спрос. Ни один вопрос государственной важности с ним не обсуждала и ни к каким делам государственным не допускала. Пусть там марширует со своими гвардейцами, и того с него довольно!

Самолично Екатерина II решала и вопрос о женитьбе своих внуков Александра и Константина; мать и отец к этому делу никак причастны не были. Для Александра Императрица подобрала «пристойную» партию в Германии, в Доме Баденском. Ей приглянулась тринадцатилетняя принцесса Луиза (Луиза-Мария-Августа, 1779—1826), которая в октябре 1792 года, в сопровождении небольшой свиты и своей младшей сестры, прибыла из Карлсруэ в Петербург. Жениху в тот момент едва минуло пятнадцать лет, но всемогущая бабушка не считала столь юный возраст препятствием для брака. Принцесса всем при Дворе понравилась, но больше всех Императрице. Когда они стояли рядом, Александр и Луиза, то Екатерине казалось, что перед нею Амур и Психея.

Отца и мать познакомили с будущей невестой сына через три дня по прибытии Луизы в Петербург. Павел был отменно любезен, а Мария Фёдоровна осыпала принцессу ласковыми словами, вела себя с ней, как с дочерью. Однако Елизавета дочерью не стала, и Мария Фёдоровна в том совсем не виновата.

В мае 1793 года «Психея» перешла в Православие и стала Великой княжной Елизаветой Алексеевной. В сентябре 1793 года справили пышную свадьбу. Венчание состоялось в церкви Зимнего Дворца; его описала графиня В.Н. Головина в своих «Записках». «После свершения обряда венчания Великий князь и княгиня спустились, держась за руки. Великий князь Александр преклонил колено перед Императрицей, чтобы поблагодарить её, но она подняла его, обняла и поцеловала со слезами. Такую же нежность Государыня выказала и по отношению к Елизавете. Потом они подошли к Великому князю-отцу и Великой княгине-матери и поцеловали их... Великий князь Павел был глубоко растроган, что очень удивило всех».

Удивление было вполне обоснованным: до последнего момента было неясно, будут ли присутствовать на брачной церемонии родители жениха. Павел Петрович был возмущен и оскорблен до глубины души тем пренебрежением, которым его удостоили: все переговоры о браке велись за его спиной, и он только отрывками и от случайных

лиц узнавал подробности предстоящих событий. Он уехал в Гатчину и не собирался возвращаться в Петербург. Мария Фёдоровна была в отчаянии. Она продолжала придерживаться старой тактики: отступать, уступать и даже переступить через собственное достоинство, лишь бы не вызывать гнева той, которая может сделать с ними всё, что пожелает. На помощь была привлечена Екатерина Нелидова, и только тогда удалось уговорить Павла переменить решение. Железная логика Екатерины Ивановны была неотразима. Цесаревич присутствовал на свадьбе и вёл себя безукоризненно.

Павел Петрович и далее сохранял трогательное и внимательное отношение к Елизавете, хотя она приходилась племянницей его первой жене Наталье Алексеевне. Граф Ф.Г. Головкин (1766—1823) — камер-юнкер при Дворе Екатерины, которого одно время прочили даже на роль «фаворита», был посвящен во многие закулисные истории, а потом написал книгу «Двор и Царствование Павла I. Портреты, воспоминания и анекдоты». Ничего существенного в своём труде он потомкам не рассказал; в основном это — пересказ придворных слухов и сплетен, известных со слов и других современников.

По поводу отношения свекра к невестке Головкин написал: «Император Павел I, под предлогом, что она ему напоминает его первую жену, питал к ней (Елизавете. — А. Б.) более чем отеческие чувства и в минуты досады на сына высказывал ему слишком ясно, что он недостоин столь совершенной жены». То, что подобные мысли Павел Петрович высказывал и такие чувства демонстрировал, — правда, но не вся. Это отношение со временем принципиально изменилось, и отнюдь не по причине «необузданности» характера Самодержца.

Павел Петрович ничего не забывал, но умел прощать. Он ни в чём предосудительном не подозревал Луизу-Елизавету. Маленькая девочка, такая одинокая и беспомощная, вызывала сочувствие, и рыцарской натуре Павла хотелось её охранять и защищать от всех напастей. Ореол романтического рыцарства, характеризующий отношение Павла к Елизавете, через несколько лет улетучился без следа. Павел увидел в ней скрытную и порочную особу, ну почти ту же картину, которую когда-то явила недоброй памяти первая жена — Наталья Алексеевна...

Итак, брак, волею Императрицы и скроенный по её замыслу, состоялся, однако семьи не возникло. Здесь Екатерину ждал грандиозный и полный провал, хотя она рассчитывала совершенно на иное. В августе 1792 года, имея в виду грядущую женитьбу внука

Александра, Екатерина писала Гримму: «Всему есть время, по словам Соломона. Сперва мой Александр женится, а там, со временем, и будет коронован со всевозможными церемониями, торжествами и народными празднествами. О, как он сам будет счастлив, и как с ним будут счастливы другие!»

Императрица женила юного Александра на пятнадцатилетней Елизавете потому, что «так было надо», потому, что это отвечало её видам, тешило её тщеславие. Брак Александра являлся важнейшим элементом её замысла по отстранению Павла от престолонаследия. Александр должен быть вполне самостоятельным, иметь семью и детей, и тогда наступит тот час, когда Екатерина публично, Манифестом, оповестит Россию и мир о том, что её старший внук примет бразды правления в Империи. Но всё пошло с самого начала не по задуманному.

Екатерина женила ведь еще почти детей! Уместно напомнить, что речь идёт о XVIII веке, когда никакой «акселерации» не существовало в помине, а сами новобрачные были ещё несовершеннолетними людьми. Императрица самоуверенно полагала, что может повелевать не только судьбами и жизнями людей, но и их чувствами. Эта мания величия дорого обошлась Александру и Елизавете и стоила многих переживаний Павлу Петровичу и Марии Фёдоровне.

В день приезда Баденского семейства в Петербург, 31 октября 1792 года, Императрица писала своему confidentу Гримму: «Сегодня вечером ждём двух Баденских принцесс, одну 13-ти, другую 11-летнюю. Вы, конечно, знаете, что у нас не женят так рано, и это сделано про запас для будущего, а покамест они привыкнут к нам и познакомятся с нашими обычаями. Наш же малый (Александр. — А. Б.) об этом не помышляет, обретаясь в невинности сердечной, а я поступаю с ним по-дьявольски, потому что ввожу его во искушение».

Циничное игривое признание не являлось только словесным оборотом, «шуткой во французском вкусе», которые Екатерина так любила и которыми пересыпаны ее письма Вольтеру и Гримму. Она искушала юные натуры сознательно, беззастенчиво играла судьбами и жизнями даже близких людей; это было своего рода человеческое жертвоприношение на языческий алтарь, имя которому — «Екатерина Великая».

Исходя из личного опыта она должна была прекрасно понимать, что династические браки, «равноправные брачные союзы», сплошь и рядом разрушают счастье и жизнь тех, кто стал заложником своего

высокого происхождения. Екатерина сама была выдана замуж в шестнадцать лет за семнадцатилетнего Великого князя Петра Фёдоровича, которого не знала и которого не только не полюбила, но возненавидела. Потом она писала о себе, что была в то время «наивна и глупа». Тогда почему же её еще более юный внук был способен стать мужем и отцом семейства, при том, что он жениться не хотел, о женитьбе не помышлял, а свою «суженую» первоначально воспринял как девочку-чужестранку? Ответа нет, — Императрица его нам не оставила.

Известно только, что мать Александра Великая княгиня Мария Фёдоровна умоляла Екатерину повременить с браком, уверяла, что в столь юном возрасте брак не может стать счастливым. Императрица и слышать ничего не хотела, что не соответствовало ее видам. В конечном итоге, увы!, Мария Фёдоровна оказалась пророчицей...

После свадьбы юные Александр и Елизавета вели себя так же, как и до свадьбы. Гуляли вместе, музицировали, вели беседы в узком дружеском кругу. И всё. Не складывалось ни душевной, ни физической близости. Свадьба состоялась 28 сентября 1793 года, и уже с конца зимы 1793/94 года многие при Дворе начали пристально вглядываться в облик юной Великой княгини Елизаветы Алексеевны, надеясь отыскать хоть малейшие признаки изменений в очертании девичьего стана, свидетельствующие о грядущем материнстве. Но ничего не происходило; к лету 1794 года стало очевидным, что Елизавета в обозримом будущем матерью становиться не собирается. Екатерина была раздосадована: она рассчитывала на иной ход событий.

И тут вдруг у юной княгини появляется не скрывающий на публике своих чувств пылкий поклонник, и некоторые влиятельные придворные начинают ему усиленно содействовать. Этим «Ромео» оказался.... Платон Зубов! Сразу же возникли разговоры, что «страсть» фаворита Императрицы была, так сказать, санкционирована Екатериной, без соизволения которой «Платоша» и пальцем шевельнуть не мог. Екатерина любила Зубова и остро переживала приступы его «невнимательности». Она ревновала его даже к своим горничным! Любой девушке или даме, на которую «Платоша» смотрел более мгновения, грозила участь «вылететь со свистом» из придворного круга, что называется, без выходного пособия. А тут почему-то Екатерина многие месяцы ничего не замечала...

«Штурм крепости» не удался. Елизавета была в ужасе от домогательств графа, в ужасе был и Александр. Вся эта любовная интермедия разом прекратилась по воле Императрицы. Так и осталось неясным, почему до конца 1794 года Екатерина не пресекала много-

месячных ухаживаний фаворита; предположить, что она «была не в курсе», совершенно невозможно.

В этот период у Елизаветы Алексеевны сложились самые доверительные отношения с графиней В.Н. Головиной, которая, будучи старше на тринадцать лет (Головина, урождённая княжна Голицына, родилась в 1766 году, а Елизавета — в 1779 году), прекрасно разбиралась в запутанных придворных лабиринтах, или, как тогда говорили, в тонкостях «придворной политики». Она пользовалась расположением Императрицы и стала играть роль своего рода ментора при юной Великой княгине. Елизавета Алексеевна не раз раскрывала графине свое сердце; некоторые из этих исповедальных признаний Головина потом воспроизвела в своих «Записках».

Говоря об отношениях Александра и Елизаветы, Головина заключала: «Великий князь любил свою жену любовью брата, но она чувствовала потребность быть любимой так же, как она бы любила его, если бы он сумел её понять. Разочарование в любви очень тягостно, особенно во время первого её пробуждения».

Любви не было, была только дружба. Екатерину II это чрезвычайно заботило; всё шло совсем не так, как она намечала. Думала, что молодые привяжутся друг к другу, или, как говаривали на Руси, «слюбятся, стерпятся». В данном случае этого не наблюдалось. Шли месяцы, а Александр и Елизавета так и оставались братом и сестрой. Однажды Екатерина, которая получала сведения обо всех и обо всем с разных сторон, решила расспросить свою почитательницу Головину о состоянии дел. Она была постоянно в кругу Александра и Елизаветы, а последняя, как точно знала Екатерина, имеет с Головиной самые тесные отношения.

Вопрос Императрицы был поставлен в самой общей форме: «Скажите мне, Вы их видите постоянно, действительно ли они любят друг друга и довольны друг другом?» Согласно светскому этикету дальше этого идти было нельзя, хотя Екатерину интересовало только одно: живет ли внук со своей женой полноценной семейной жизнью. Трудно предположить, чтобы Головина не поняла этого сокровенного смысла, но сделала вид, что не поняла. Она стала говорить о том, что это — замечательная пара, что отношения их наполнены нежностью и другие подобные обиходные глупости. Екатерина прервала пустой монолог своей почитательницы; ей всё это было неинтересно. «Я знаю, графиня, — заключила Императрица, — что не в Вашем характере ссорить супругов. Я вижу всё, знаю больше, чем об этом думают».

Она действительно знала и видела всё (или почти всё), что происходило при Дворе. Реагировала же она только на некоторые вещи, которые касались её лично. Брак Александра являлся историей именно такого рода.

Великая княгиня Елизавета, принимая роскошь и комфорт Двора Императрицы Екатерины II, смотрела на окружающую жизнь глазами стороннего наблюдателя. Она трепетала перед Императрицей, а к свекру и свекрови относилась без всяких родственных чувств. Она их не любила, она вообще почти никого за свою жизнь по-настоящему не любила. Этим она очень напоминала супруга, который тоже оказался законченным эгоцентриком. По словам фрейлины Елизаветы Алексеевны графини Р.С. Эдлинг (урождённой Стурдза, 1786—1844), много лет наблюдавшей свою госпожу, «воображение у неё было пылкое и страстное, а сердце холодное и неспособное к настоящей привязанности. В этих немногих словах вся история её». Не всё было так просто, как казалось со стороны; Елизавета была способна не столько даже на любовь, сколько на необузданные порывы страсти.

Елизавета с упоением читала роман Жан-Жака Руссо «Новая Элоиза», где поэтизировались «свободные» женские чувства, которым надлежало следовать без оглядки. Всё же, что мешает движениям и порывам «нежного сердца», называлось «предрассудками». Екатерина II эту книгу осудила как «порочную», но при Дворе её читали, а некоторые читали с жадным интересом. Хотя такого понятия, как «эмансипация», ещё в обращении тогда не существовало, но «свободные нравы» при Дворе рождали уже «эмансипе», к числу каковых можно отнести и Елизавету Алексеевну, ставшую в 1801 году Российской Императрицей.

У Елизаветы Алексеевны «Элоиза» оказалась стараниям фрейлины графини А.А. Шуваловой (1775—1847), которая была в числе тех, кто стремился «разжечь страсть» в душе Елизаветы применительно к Платону Зубову. Замысел не удался, но трактат Руссо ей очень понравился. Это так соответствовало общим умонастроениям и мужа, который, под воздействием проповедей Лагарпа, сделался «либералом», «республиканцем» и сторонником «свободы».

Его «сестра-жена» тоже превратилась в «республиканку», у которой вызывали «возмущение» «произвол» и «тирания», царившие вокруг. Естественно, что «республиканцы» свои мысли вслух не выражали; только в узком кругу, за закрытыми дверями. При Екатерине оглашение подобных настроений было опасно по причине морального осуждения со стороны повелительницы; при Павле же

Петровиче — по причине неизбежной гневной реакции и непредсказуемых последствий.

В момент «цветения свободных чувств» на горизонте появился молодой красивый аристократ, который первоначально не вызывал никаких особых предпочтений у Елизаветы. Это был Адам Чарторыйский, который с лета 1795 года обретался в высшем свете Петербурга, имел придворный чин камер-юнкера и вместе со своим младшим братом Константином пользовался вниманием Двора. Великий князь Александр быстро и близко сошёлся с князем Адамом, называл его «другом» и вел с ним многочасовые задушевные беседы.

Отношения между Александром и Чарторыйским стали совершенно интимными летом 1796 года, когда Двор переехал в Царское Село. В июне того года Александр разместился со своим малым двором в специально построенном для него по проекту архитектора Дж. Кваренги Александровском Дворце, расположенном в некотором удалении от помпезного Екатерининского Дворца. Уместно заметить, что именно Александровский Дворец явился любимым домом Семьи Последнего Русского Царя Николая II (1868—1918), а после Февральской революции 1917 года Семья Царственных Страстотерпцев пребывала здесь под арестом пять месяцев...

К этому времени князь Чарторыйский стал адъютантом Велико-го князя Александра и по должности общался с ним ежедневно. Но помимо должности, существовала тесная дружеская привязанность, и после окончания дневных занятий, вечерами, Александр приводил князя в свои апартаменты, где за ужином, в приятной беседе они проводили еще несколько часов. Ужины были совершенно интимного свойства; стол накрывали на три персоны, причём состав ужинающих никогда не менялся: Александр, Елизавета и князь Адам.

Елизавету первоначально «фраппировали»¹ подобные посиделки, тем более что Александр нередко, извинившись, ложился спать, заставляя жену «продолжать беседу» с князем. Она и продолжала. Неизвестно, что являлось предметами этих бесед; наверное, молодая княгиня и молодой князь беседовали не только о торжестве «свободы» в мире, или о восстановлении Польши, тема, волновавшая сердца всех «поляков-патриотов», к числу которых относился и Чарторыйский.

Имея в виду 1796 год, графиня В.Н. Головина написала, что Елизавета Алексеевна тяжело страдала от ухаживаний старшего из Чарто-

¹ От французского слова «frapper» — поражать, удивлять.

рийских. Особенно её тяготила «перемена в своём муже; каждый вечер она была вынуждена терпеть в своем семейном кругу присутствие человека, явно влюбленного в неё, со всеми внешними признаками страсти, которую, как казалось, Великий князь поощрял».

Графиня описала эпизод, свидетелем которого являлась. Как фрейлина Елизаветы Алексеевны, Головина проживала в Александровском Дворце на втором этаже, а Великокняжеская чета — на первом. Однажды вечером Головина увидела в проёме окна одинокую фигуру Елизаветы и подошла к ней и поинтересовалась, почему она сидит в одиночестве, при том, что Александр недавно вернулся вместе с Чарторыйским. «Я предпочитаю быть одной, — ответила Великая княгиня, — чем ужинать наедине с князем Чарторыйским. Великий князь заснул у себя на диване, а я убежала к себе и вот предаюсь своим далеко не веселым мыслям».

Елизавета боролась, как могла: убегала, рыдала, закрывалась в своем будуаре, но Александр Павлович был неумолим и навязывал жене общество князя Адама снова и снова, и постоянно пользовался одним и тем же приемом: при удобном случае ускользнуть, чтобы оставить жену и Чарторыйского наедине. Пошли разговоры; при Дворе не могло это остаться незамеченным. Все же, кто хоть намёком давал понять Александру, что в его доме творится «непонятное» и «неподобающее», тут же становился врагом.

Неизвестно, насколько в эту историю была посвящена Екатерина и была ли она ей известна вообще. Последние месяцы своей жизни она мало во что вмешивалась, но невозможно предположить, чтобы она осталась в стороне от столь скандального «брака втроем». В конце её царствования при Дворе уже шушукались, что Александр — «неспособный мужчина» и это было тяжело слышать. Она его так любила, так им гордилась, и вот на тебе: полный конфуз. Но настоящий конфуз наступил позже, когда Екатерины II уже давно не было в живых.

Почти через пять лет после замужества, 18 мая 1799 года, в Павловске Елизавета Алексеевна разрешилась от бремени девочкой, которую в честь Марии Фёдоровны окрестили Марией. Через несколько недель после появления на свет малютки слухи о связи Елизаветы с Чарторыйским вдруг получили, так сказать, визуальное подтверждение. Император Павел и Императрица Мария Фёдоровны были смущены одним обстоятельством: у белокурых родителей родился темноволосый ребёнок. Сохранилось свидетельство, что Импера-

тор обратился с вопросом к статс-даме графине Шарlotte Ливен (1743—1828): «Мадам, верите ли Вы, что у блондинки жены и блондина мужа может родиться ребёнок брюнет?» Ливен прекрасно тут же всё поняла и дала «исчерпывающий» ответ: «Государь, Бог всемогущ!» Эту истину Император знал и без госпожи Ливен, но факт оставался фактом необъяснимым; давние смутные и грязные слухи, которым Павел ни мгновения не верил, вдруг начали приобретать правдоподобный характер. Князь же Адам Чарторыйский являлся гучим брюнетом...

В Царской Семье разыгралась драма. Император Павел всегда считал, что устои брака священны и уж тем более в том случае, если супруги — члены Императорской Фамилии. Случай с Екатериной II являлся нонсенсом, который имел объяснение, но не имел оправдания. И тут вдруг возникает предположение, что внучка Императора — незаконнорождённое дитя! Императрица Мария Фёдоровна была вообще категорически нетерпимой ко всему, что нарушало придворный этикет или хоть как-то умаляло престиж верховной власти. Слух о неверности Елизаветы её больно ранил, и именно Императрица «раскрыла глаза» Павлу на сомнительность происхождения внучки. Она занялась тщательным «расследованием».

В Павловске в августе 1799 года трёхмесячный ребенок был доставлен к бабушке, которая затем отнесла его в кабинет к Императору. Когда она вышла, то Павел Петрович находился в состоянии сильного возбуждения, что перепугало даже Ивана Кутайсова. Император приказал немедленно призвать вице-канцлера графа Ф.В. Ростопчина (1763—1826), и «Иван», исполняя приказание, сказал Ростопчину: «Боже мой, зачем эта несчастная женщина (Мария Фёдоровна. — А. Б.) пришла расстраивать его своими сплетнями!» Сплетни были слишком серьезными, чтобы на них не реагировать. Как передает графиня В.Н. Головина, Ростопчин услышал следующий монолог Самодержца: «Идите, сударь, и напишите как можно скорее приказ о ссылке Чарторыйского в Сибирский полк. Моя жена сейчас вызвала у меня сомнения относительно мнимого ребёнка моего сына. Толстой знает это так же, как и она». Ссылка на то, что гофмаршал граф Н.А. Толстой (1765—1816) «знает», свидетельствовала о том, что при Дворе уже все осведомлены.

Ростопчину удалось убедить Государя, что столь резкое и открытое изгнание князя в дислоцированный в Сибири полк станет публичным признанием скандала. Потому лучше отправить Чарто-

рийского менее эпатажно в тихую и пристойную ссылку. Ход был найден: Чарторыйский получал назначение представителя при Сардинском Короле. Он должен был в течение нескольких дней покинуть Петербург и отбыть в Турин, где в то время пребывал Сардинский Король.

Известие потрясло не только Чарторыйского, но и Великого князя Александра Павловича, который тем не менее не счёл возможным вступить за своего друга.

Как написал князь Чарторыйский в своих «Записках»: «Это неожиданное назначение, которое застало меня совершенно врасплох, сильно меня огорчило. Естественно, мне было особенно тяжело расставаться, быть может на долгое время, с Великим князем, к которому я был искренне привязан, и с теми немногими друзьями, дружба с которыми была для меня большим утешением на чужбине». Ничего больше князь не написал, «грязную сплетню» не опровергал, а имя Елизаветы Алексеевны вообще обошел стороной. Одним словом: «джентльмен»...

Порочащие Елизавету слухи, как казалось, совершенно не затрагивали и не интересовали только одного человека — Александра Павловича. Граф Головкин и через годы с удивлением писал, что «Великий князь в этом случае проявлял удивительное и крайне неуместное равнодушие». Кстати сказать, когда Мария скончалась 27 июля 1800 года, Александр явил всё то же равнодушие.

Павел Петрович же был не из разряда людей, способных делать вид, что ничего не происходит, когда на самом деле что-то случалось. Поведение Елизаветы его лично оскорбило; он ей так доверял, так был нежен и снисходителен, а получил в «подарок» нехорошую историю. После принятия решения о высылке Чарторыйского Император Павел отправился в апартаменты Елизаветы Алексеевны, подвёл её к окну и стал на неё в упор смотреть. Он так делал часто, когда хотел добиться правды от своего визави. Невестка отвела глаза, но ничего не сказала и ни в чём не повинилась. Павел Петрович понял, что подозрения не беспочвенны, и прекратил всякое общение с Елизаветой.

Елизавета же вела себя так, как будто ничего не происходило. Она разорвала всякие общения с В.Н. Головиной, с которой ранее была неразлучна, подозревая графиню в низкой интриге: она ведь была против князя Чарторыйского, а следовательно, могла порассказать о нем нечто. У графини было много недостатков, она всегда отличалась резкой нетерпимостью, но в данном случае Головина была совершенно ни при чём. При этом Елизавета начала демонстративно

пренебрегать правилами придворного этикета, за соблюдением которого зорко следила Императрица Мария Фёдоровна. Приходила не тогда, когда требовалось, уходила без разрешения, одевалась не так, как подобало, и т.д. Это был вызов установленному регламенту. Император не мог оставить такое поведение без последствий: к дверям комнат Елизаветы был поставлен часовой, чтобы она не смела отлучаться без разрешения и не могла принимать кого вздумается. Страж стоял на своём посту несколько месяцев.

К мужу Александру Елизавета относилась с холодной учтивостью, никак не стараясь сломать стену отчуждения между ними, к чему её постоянно призывала в письмах мать — маркграфиня Баденская Амалия (1754—1832). Нежность к мужу у неё проснётся через десятилетия: она будет находиться рядом и переживать за него в последние дни жизни Александра I в Таганроге.

До этого всё было неизменно: у неё своя жизнь, у него своя. Александр был «так учтив», что рассказывал ей перипетии своих отношений с единственной в его жизни возлюбленной — красивой полькой Марией Антоновной Нарышкиной, урождённой княжной Святополк-Четвертинской (1779—1854). Об этой связи Императора тогда знал не только её законный супруг Дмитрий Львович Нарышкин (1758—1838), но и, что называется, весь Петербург.

Елизавета прекрасно была осведомлена о негласной любовной связи мужа и не выражала по этому поводу никаких чувств. Её только возмутило поведение Нарышкиной, когда она на одном из балов подошла к Елизавете и сообщила, что беременна. Было ясно, кто отец ребёнка, и скрытницу Елизавету шокировала исключительно публичная форма «уведомления». Когда Нарышкина в 1807 году родила от Императора дочь Софью, то об этом жене поведал сам Александр и потом постоянно рассказывал, какой это чудесный ребёнок. Софья умерла в 1824 году, накануне своей свадьбы с графом А.П. Шуваловым (1802—1873), и горе Императора Александра было неподдельным...

Елизавета, как уже упоминалось, считала себя «республиканкой», но одновременно она являлась ещё и записной ханжой. Своих свекра и свекровь она «терпеть не могла», но, естественно, общественно своих сокровенных чувств не демонстрировала. Она выплескивала их на страницы посланий матери; там можно найти немало критических пассажей и моральных обвинений, особенно по адресу Павла Петровича.

После смерти Екатерины II Елизавета отправила Амалии обширное письмо-отчёт, где сообщила немало деталей происшедшего и

излила свою скорбь. Она была возмущена, что новый Император не проявлял «должных чувств». «Меня оскорбило то, — сообщала Елизавета, — что Государь не выражал скорби по кончине матери, ибо он говорил только об отце, украшал свои комнаты его портретами, про мать не говорил ни слова... Конечно, он поступил хорошо, засвидетельствовав своё почтение отцу всеми способами, какие только возможно себе представить, но, ведь как бы худо ни поступала его мать, всё же она остаётся матерью; между тем можно было думать, что скончалась только Государыня».

Какие высокие моральные принципы демонстрировала бывшая Баденская принцесса! Но эти «принципы» не являлись универсальными, о них она вспоминала лишь от случая к случаю. В основном она руководствовалась своим личным, «дамским убеждением», не стесняясь, распространяя по Европе заведомую клевету. Вот, скажем, её пассаж, касающийся Императора, Императрицы и Нелидовой. «Конечно, она добрая, прекрасная, неспособная сделать кому-либо зло (имеется в виду Мария Фёдоровна. — А. Б.), но чего я не могу в ней переносить, это её заискивания у Нелидовой, у предмета мерзкой страстишки (!!! — А. Б.) Императора».

Елизавета была убеждена, что «Россия — страна рабов», что «вся Россия» изнывает под ярмом «тирании», находясь в руках «деспота» — Императора Павла. Правда, никакой России она не знала, русским языком не владела — несколько слов и отдельных нечленораздельно произносимых фраз в расчёт можно не принимать. Россию она только и видела в образах горничных, камердинеров и лакеев, да и то не всех; немало было приглашенных из других стран. Что же касается аристократии, то многие её представители только по фамилии и были русскими; кругом — французская и немецкая речь, мысли, настроения, привычки, моды и интересы — исключительно «из Европы».

Елизавета всё время правления Павла «изнемогала от тирании» и в своей ненависти к Императору дошла до того, что фактически одобрила его свержение. Её смущали только методы, которые использовались при свержении «тирана». «Честно говоря, я рада», — таково резюме невестки убиенного...

Елизавета Алексеевна после восшествия Александра Павловича на Престол в марте 1801 года стала Императрицей. Её тщеславие было вознаграждено: столь нелюбимая свекровь теперь только «Вдовствующая Императрица». С Марией Фёдоровной она общалась только на торжественных церемониях. У Елизаветы не нашлось ни

человеческой потребности, ни светской деликатности утешать свекровь в период тяжелейших переживаний, которые обрушились на неё после гибели Павла. Формально она находилась рядом, но сердце её горю не принадлежало.

Вдове Павла I Императрице Марии Фёдоровне довелось дожить до страшного позора, который принесла в Императорскую Семью её невестка — Императрица Елизавета Алексеевна. Обвиняя многих в «моральном непотребстве», Елизавета явила пример морального падения, став жертвой той самой «мерзкой страстишки», в которой она когда-то облыжно обвиняла Императора Павла Петровича.

Жена и Императрица стала возлюбленной молодого красивого кавалергарда Алексея Яковлевича Охотникова (1780—1807). Потом будут написаны статьи и книги, в которых эта связь будет поэтизироваться, а поведение Елизаветы будет оправдываться ссылками на её «несчастную женскую судьбу». С обычной обывательской позиции такое поведение женщины, наверное, можно понять и оправдать, но данный случай был совсем не рядовой. Елизавета Алексеевна являлась Императрицей; на неё были устремлены миллионы глаз, она дала клятву перед Лицом Божиим хранить верность своему мужу, а потому, нравится это или не нравится, обязана была являть пример добродетельности и моральной незапятнанности. Произошло же совершенно обратное.

Молодой кавалергард не только стал её возлюбленным, который проникал к ней в спальню ночью, через окно, но он стал и отцом её ребёнка: 3 ноября 1806 года Императрица родила дочь Елизавету, которая скончалась в апреле 1808 года. Здесь не место описывать сколько-нибудь подробно эту тайную историю; желающих узнать её детали можно отослать к специальному исследованию¹. Отметим только несколько важных событийных моментов.

Во-первых, Александр Павлович знал, что его жена произвела на свет незаконнорождённое дитя, получившее его отчество; в силу «братских супружеских отношений», он просто об этом не мог не знать. Во-вторых, Охотников погиб — был смертельно ранен кинжалом при выходе из театра². Елизавета тяжело переживала за воз-

¹ *Исмаил-заде Деяра*. Императрица Елизавета Алексеевна. М., 2001.

² История этого покушения так и не раскрыта. Подозрение в его организации падало на разных лиц, но особенно подозревался брат Императора Александра I Великий князь Константин Павлович, стремившийся положить конец адюльтеру, порочащему Императора.

любленного и даже посещала умирающего на дому, а потом выделила деньги для сооружения надгробия на его могиле. (Могила Охотникова и надгробие¹ на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры сохранились до настоящего времени.) И, в-третьих, Елизавета настолько дорожила памятью о возлюбленном, что сохранила переписку с ним.

Елизавета Алексеевна умерла 4 мая 1826 года по дороге из Таганрога в Петербург, в городе Белёве. После смерти её дневники и вся корреспонденция оказались в распоряжении Императора Николая I, который настолько был шокирован открытием, что приказал уничтожить все документальные и вещественные доказательства порочной связи покойной. Но перед уничтожением он показал некоторые документы жене — Императрице Александре Фёдоровне (1798—1860) и матери — Императрице Марии Фёдоровне.

Для вдовы Императора Павла подобное не стало шокирующим открытием. Она давно подозревала невестку в предосудительном поведении; и вот теперь эти подозрения — и о связи с Чарторыйским, и о другой связи — получили документальное подтверждение. Сохранились дневниковые записи статс-секретаря Г.И. Вилламова (1773—1842), которого Императрица Мария Фёдоровна знала многие годы и с которым нередко делилась сокровенными мыслями. Как явствует из этих записей, для неё в личной жизни невестки не было никаких тайн задолго до её смерти. Вот запись от 26 сентября 1810 года.

Императрица «призналась, несмотря на моё сопротивление и нежелание слышать ничего плохого об Императрице Елизавете, что двое детей Императрицы были не от Императора; что касается первого (Марии. — А. Б.), были ещё сомнения, и она не хотела этому верить, несмотря на чёрные волосы девочки, привлекшие внимание покойного Императора, однако, что касается второго, она полностью ошиблась, она приняла его за ребёнка Императора, хотя последний признался, что не был близок с Императрицей... После смерти малышки (Елизаветы. — А. Б.) она узнала из беседы с ним (Александром Павловичем. — А. Б.), что это был результат второй измены Императрицы».

Для супруги же Николая I, Императрицы Александры Фёдоровны, не прошедшей «школу фривольных нравов» Двора Екатерины II, от-

¹ Памятник изображает скалу со сломяным дубом, а у подножия скалы — коленопреклоненная женская фигура, держащая в руках погребальную урну. Беломраморное изваяние было установлено через шесть месяцев после смерти Охотникова, последовавшей 30 января 1807 года.

крытие подробностей интимной жизни Елизаветы Алексеевны стало настоящим морально-психологическим потрясением, которое и отразили её дневниковые записи.

«Боже мой! И эту женщину вся Россия и Европа почитали за свякую и безупречную, за невинную страдалицу и жертву!.. Дважды согрешить и скомпрометировать себя, будучи супругой столь молодого, любезного человека, имея перед глазами пример Императрицы-Матери, сумевшей сохранить такую чистоту в развратное и безнравственное царствование Екатерины, — вот почему её труднее простить, чем других...» (15 мая 1826 года).

«Если бы я сама не читала это, возможно, у меня остались бы какие-то сомнения. Но вчера ночью я прочитала эти письма, написанные Охотниковым, офицером-кавалергардом, своей возлюбленной, Императрице Елизавете, в которых он называет её “моя женушка”, “мой друг, моя жена, мой Бог, моя Элиза, я обожаю тебя” и т.д. Из них видно, что каждую ночь, когда не светила луна, он взбирался в окно на Каменном острове или же в Таврическом Дворце, и они проводили вместе 2—3 часа... Мне кровь бросилась в голову от стыда, что подобное могло происходить в нашей семье...» (4 июня 1826 года).

«Матримониальная деятельность» Императрицы Екатерины II только в одном случае оказалась плодотворной. Брак Павла и Марии Фёдоровны, хоть и нельзя назвать идеальным, но, во всяком случае, он был полноценным, и многие годы дарил радость супругам. Все же другие брачные проекты и комбинации Екатерины оканчивались печально и плачевно.

В феврале 1796 года Екатерина женила своего второго внука, семнадцатилетнего Константина Павловича, на пятнадцатилетней принцессе Саксен-Заалфельд-Кобургской Юлиане-Генриетте-Ульрике, принявшей Православие под именем Анны Фёдоровны (1781—1860). Как и в случае с Александром, родители совершенно были отстранены от выбора невесты; их только «уведомляли».

Константин, женившись, не оказался примерным мужем. Юная принцесса пошла под венец с человеком, который не имел буквально ни одной добродетельной черты. Константин начал издеваться над своей избранницей еще до свадьбы: вламывался к ней в спальню под грохот барабана еще затемно, заставлял «держатъ караул» у постели, заламывал ей руки, кусал, в общем — истязал, как мог.

Венчание ничего в поведении Великого князя не изменило. Он требовал, чтобы жена непременно бывала на «учениях» в манеже, где любимым «аттракционом» для супруга была стрельба из пушек

живыми крысами! Анна Фёдоровна от этого зрелища падала в обморок, что необычайно веселило Великого князя.

Несчастливая Великая княгиня проводила дни и ночи в рыданиях, но самое худшее ждало ее впереди. Будучи по своей натуре балбесом-фельдфебелем, Константин Павлович в личной жизни вел себя соответственно. Он не чурался связями со шлюхами самого низкого пошиба, и все закончилось тем, чем и должно было закончиться: Константин Павлович наградил жену венерической болезнью.

Княгиня готова была умереть от стыда и позора; она терпеть не могла своего мужа-садиста, но запуганная и сломленная, боялась пожаловаться свекру — Императору Павлу Петровичу. Лишь только Александр Павлович и его жена Елизавета Алексеевна знали перипетии этой трагической «семейной жизни», сочувствовали, но ничем помочь не могли. Анна Фёдоровна мечтала о разводе, но боялась о том даже заикнуться! Перелом наступил после смерти Павла I. За восемь дней до его убийства в Михайловском замке Анна Фёдоровна родила мертвого ребенка. Передавали, что эта смерть очень опечалила Императора Павла, якобы даже намеревавшегося посадить Константина под арест!

Когда на Престол взошел Александр Павлович, то очень быстро Константин Павлович пустился, что называется, во все тяжкие. Он все больше и больше отдалялся от жены и со временем совсем перестал с ней видеться. Хотя он числился Наследником Престола и носил титул «Цесаревича», но совершенно не интересовался такой перспективой. Он, занимая пост командующего польской армией, находился большую часть времени в Польше, где чувствовал себя вполне спокойно. Там Великий князь увлекся молодой польской красавицей Иоанной (Жаннет) Грудзинской (1795—1831), дочерью польского графа Антона Грудзинского.

Константин пренебрег всеми своими династическими обязанностями, родовым долгом и добился от Брата-Императора согласия на развод с Анной Фёдоровной, который и был оформлен Царским манифестом 12 мая 1820 года. Через некоторое время Великий князь женился на Жаннет, получившей титул «княгини Лович».

А как же реагировала Анна Фёдоровна? Никак. Она еще в 1801 году вырвалась из «семейного ада» и навсегда покинула Россию. Александр I позаботился о ее имущественном положении, и материальных неудобств Великая княгиня не испытывала ни до формального развода с Константином в 1820 году, ни после. Большую часть своей

оставшейся жизни она провела в Швейцарии, на вилле «Буассьер», около Женевы...

Третий «брачный проект» Екатерины II окончился европейским скандалом ещё до того, как новобрачные дошли до алтаря.

Очередной матримониальный замысел Екатерины был связан с внучкой Александрой Павловной (1783—1801), которую она вознамерилась выдать замуж за молодого Шведского Короля Густава IV Адольфа (1778—1837)¹. Он только в начале 1796 года вступил на Престол, а в августе вместе со своим дядей-регентом, герцогом Карлом Зюдерманладским, прибыл в Петербург просить руки внучки Царицы, Великой княжны Александры Павловны. Бабушку совершенно не смущало, что её внучке в июле 1796 года исполнилось только тринадцать лет!

Эта партия была желанна Екатерине II; она фактически являлась ее инициатором. Она видела в брачном союзе определенный политический смысл: женитьба Короля на русской Великой княжне должна была способствовать складыванию союзнических отношений между Россией и Швецией. После смерти Австрийского Императора Иосифа II у Екатерины не осталось больше в Европе «друзей-союзников».

Густава принимали с необычайным радушием; на внимание и затраты не скупились. Однако получилось все совсем не так, как предполагала Императрица. В последний момент Король Густав отказался принять условие брачного контракта, позволявшего жене сохранять верность Православию². Случился этот «конфуз» 11 сентября 1793 года в Тронном зале Зимнего Дворца, где все ожидали выхода Короля и объявления помолвки. Шло время, Король не появлялся и, наконец, появился, бледный как полотно. Платон Зубов и сообщил на ухо Императрице, что «всё кончено», «Король уезжает». Впервые за многие годы самообладание изменило Екатерине. Она объявила собравшимся в Тронном зале сановникам и дипломатам, что «Король не здоров» и помолвка откладывается. Ударив тростью приставленного к Королю графа А.И. Моркова (1747—1827), «Екатерина Великая» сорвала мантию и разгневанная удалилась в свои покои.

¹ В 1809 году Густав-Адольф был свергнут с Престола, изгнан из страны, закончив свои дни в Швейцарии.

² Позже он женился на принцессе Фредерике-Доротее Баденской (1778—1837), которая в 1812 году развелась с развенчанным Королем Густавом-Адольфом, носившим теперь лишь звание «полковника Густавсона».

Это был её личный скандальный провал, списать его на кого-нибудь другого не было никакой возможности; ведь все предварительные переговоры проходили под контролем Платона Зубова, её любимого «Платоши». Ей, «Екатерине Великой», отказали, ей нанёс оскорбление какой-то мальчишка! После этого случая в Петербурге возникли предположения, что Императрица «это так не оставит», что война со Швецией «неизбежна».

Екатерина намерения бряцать оружием не проявляла, но настроение у неё в последние недели жизни было самое безрадостное. Преданная ей графиня В.Н. Головина описала вид Императрицы на одном из балов, который давал в Зимнем Дворце вскоре после размолвки с Королем Великий князь Александр Павлович.

«Государыня тоже присутствовала на празднестве, она тоже была вся в черном, что я в первый раз видела¹. Она носила всегда полу-траур, кроме совершенно исключительных случаев. Ее Величество села рядом со мной; она показалась мне бледной и осунувшейся... Не находите ли Вы, — спросила она меня, — что этот бал похож не столько на праздник, сколько на немецкие похороны? Черные платья и белые перчатки производят на меня такое впечатление».

История не сохранила свидетельства, находились ли Цесаревич и Цесаревна в Тронном зале в момент провала помолвки их старшей дочери; если они даже там и находились, то, как и во всех предыдущих случаях, им уготована была только роль сторонних наблюдателей. Их мнением Екатерина не интересовалась, и ни в какой форме с ними не советовалась. Уместно добавить, что Александра Павловна была выдана замуж уже в эпоху царствования Павла I. В октябре 1799 года она стала женой эрцгерцога Австрийского, палатина Венгерского, сына Императора Леопольда II (1747—1792) Иосифа-Антоня (1776—1847). Александра Павловна скончалась от послеродовой горячки в марте 1801 года в Будапеште...

Помимо устройства брачных дел, Екатерину II в последние месяцы жизни чрезвычайно занимала и старая тема — отлучение Павла Петровича от видов на Престол. Она решила наконец-то придать всему этому проекту «законный» вид. Екатерина ознакомила ближайших сановников с намерением назначить наследником Александра, но, к её удивлению, даже среди них нашлись несогласные. Главным оппонентом оказался Александр Андреевич Безбородко (1747—1799).

¹ Траур был объявлен при Дворе по случаю смерти Португальской Королевы.

Выпускник Киевской духовной академии, хитрый и умный малоросс сделал блестящую карьеру при Екатерине II. В 1775 году, по рекомендации фельдмаршала и графа П.А. Румянцева (1725—1796), Безбородко был назначен к Императрице секретарём по принятию прошений на Высочайшее имя. В 1780 году Екатерина привлекла Безбородко к обсуждению вопросов внешней политики. Он был причислен к Коллегии иностранных дел и фактически сменил Никиту Ивановича Панина на этом посту, хотя формально главой внешнеполитического ведомства состоял граф И.А. Остерман (1725—1811); Безбородко же числился только вторым членом Коллегии. В 1786 году Безбородко был введен в состав «Совета при Её Императорском Величестве» и стал одним из самых доверенных лиц.

Уместно заметить, что после смерти Екатерины именно Безбородко передал Императору Павлу бумаги, касающиеся деятельности по отстранению его от Престола, чем и завоевал расположение. Безбородко получил должность государственного канцлера, был возведён в княжеское достоинство и щедро награждён поместьями.

Так вот, на собрании Совета, имевшем место через несколько месяцев после женитьбы Александра Павловича, Безбородко произнёс монолог, который мог стоить карьеры; все ведь знали о желании Императрицы. Он заявил о возможных «худых последствиях» для Отечества подобного решения, так как «вся Россия привыкла почитать Наследником сына Её Величества». Екатерина быстро закрыла дискуссию; единогласия не было, а возражения она слушать не хотела.

Конечно, отдельные голоса несогласных Екатерину никогда бы не остановили; её смущало другое: позиция самого Александра, о чём звучали вопросительные голоса в Совете. В ответ сказать было нечего; ясной определённости не существовало. Она знала, что Александр не раз высказывался критически против «гатчинских порядков», но при этом постоянно бывал в Гатчине, и, как ей не раз передавали, маршировал со всеми прочими на плацу с видимым усердием. Бабушка приписывала эту двойственность «юному характеру» и вознамерилась воздействовать на внука с той стороны, с которой он был воздействием восприимчив. Она обратилась к Лагарпу, «демократические» и «анти-тиранические» настроения которого были хорошо известны.

Позже Лагарп изложил в своих воспоминаниях эту драматическую коллизию, которая стоила ему многих переживаний и закончилась отбытием из России. Как явствует из воспоминаний швейцарца, Екатерина 18 октября 1793 года имела с ним весьма обстоятельную

беседу, продолжавшуюся около двух часов. Во время этого разговора вещи своими именами не назывались. Императрица рассуждала как бы на отвлеченную тему о «благе государства», а Лагарп, прекрасно понимавший подноготную, изо всех сил изображал, что он не понимает самого главного, что так заботило повелительницу России. Он не питал никакого расположения к Павлу, знал и о том, что Павел его ненавидит, но все-таки человеческая порядочность не позволила Лагарпу втянуть себя в это грязное дело. В подготовке государственного переворота он не хотел участвовать, хотя и называл Павла Петровича «новым Тиберием»¹.

Екатерина была разочарована. В 1794 году Лагарпу было объявлено, что его роль наставника Александра Павловича и Константина Павловича закончена и он — свободен. 31 января 1795 года появился рескрипт Императрицы, оповещавший, что Лагарп произведён в полковники, уволен со службы, награждён пенсией и на проезд из России в Швейцарию ему выдавалась солидная сумма. Лагарп же не спешил покинуть пределы страны, в которой он провел одиннадцать лет, но которую так и не полюбил. У него оставались моральные обязательства перед некоторыми людьми, которыми он не мог пренебречь.

«Я был возмущен до глубины души, — писал Лагарп, — предстоящей насильственной мерой и ломал себе голову, каким образом предостеречь Павла, постоянно окружённого шпионами и злонамеренными друзьями. Одно неосторожное слово, вырвавшееся у него, могло бы повлечь за собой самые губительные последствия».

Лагарп, конечно же, не знал, насколько Павел Петрович был осведомлен о злокозненных намерениях матери. С Цесаревичем он никогда не разговаривал; их отношения ограничивались случайными встречами на некоторых придворных церемониях, причём Павел Петрович уже несколько лет при встречах демонстративно отворачивался. Потому Лагарп принял смелое и опасное решение: с одной стороны, настраивать Александра против согласия на насильственные меры, а с другой — встретиться с Павлом и объяснить ему сложившуюся ситуацию. И республиканцу Лагарпу удалось осуществить оба намерения.

Самое трудное — войти в сношения с Павлом Петровичем. Несколько недель он пытался получить доступ к Цесаревичу и, наконец,

¹ Тиберий Клавдий Нерон, Император Римской Империи в 14—37 годах от Рождества Христова. Прославился своими авторитарными методами управления и гонениями на римскую аристократию и должностных лиц всех рангов.

на 27 апреля 1795 года приглашение последовало. Лагарп прибыл в Гатчину рано утром, что уже само по себе произвело на Цесаревича благоприятное впечатление. Это был день рождения Великого князя Константина Павловича; ему исполнилось шестнадцать лет. По этому поводу в Гатчине на вечер был назначен бал.

Павел принял Лагарпа в своём кабинете почти тотчас, как только оказался в приёмной, что являлось свидетельством расположения. Беседа продолжалась около двух часов, подробности её не известны, но общий ход разговора, как это следует из воспоминаний Лагарпа, касался необходимости установить добрые отношения между отцом и сыновьями. Бывший наставник уверял Павла, что дети питают к нему самые возвышенные чувства и для достижения полной гармонии отношений необходимо более сердечное, открытое отношение и со стороны отца.

Естественно, Лагарп ничего не сказал о позиции Екатерины, о её происках, да этого и не требовалось. Павел весьма благосклонно выслушал наставления швейцарца, обнял его и пригласил на бал. Вечером произошёл забавный эпизод: Мария Фёдоровна пожелала, чтобы Лагарп был её кавалером в полонезе, но у того не оказалось необходимых в таком случае перчаток. Павел Петрович тут же снял и подарил свои, и их Лагарп потом хранил до самой смерти...

В своих «Записках» графиня В.Н. Головина рассказала одну историю, чрезвычайно показательную для оценки той атмосферы предательства, наущничества и лжи, в которой существовал Павел Петрович в последние годы своего гатчинского затворничества.

Некоторое время особым расположением Павла пользовался граф Никита Петрович Панин (1771—1837) — племянник его высокочтимого воспитателя графа Никиты Ивановича Панина (1718—1783), сын его брата графа Петра Ивановича Панина (1721—1789). В 1793 году Никита Петрович получил придворное звание камергера и именно в этот период он становится частым гостем и в Павловске, и в Гатчине. Воодушевляемый намерением «окончательно рассорить» Павла с матерью, молодой Панин задумал коварную интригу. В один из дней он добился конфиденциальной встречи с Павлом и сообщил, что ему стало известно о «заговоре», составленном против него Императрицей.

Великий князь встретил сообщение спокойно и спросил: известны ли графу имена участников? Получив утвердительный ответ, Павел Петрович попросил Панина написать имена «заговорщиков» на листе бумаги. Панин написал несколько фамилий, после чего Цесаревич

попросил графа подписать сей документ. Дальнейшее совершенно не соответствовало видам графа. Павел Петрович взял бумагу и произнес фразу-приговор: «Убирайтесь отсюда, предатель, и не показывайтесь никогда мне на глаза!» Цесаревич заслуженно расценил акцию графа как провокацию; для того чтобы «убрать» сына, Екатерине совершенно не требовалось составлять какой-то «заговор».

Чтобы довести всю историю до конца, Павел отправился с панинской бумагой к Императрице, которая «была также возмущена». Головина не указала время этой истории, но, возможно, это был 1794 год, так как в начале 1795 года Панин совершенно неожиданно был вынужден покинуть Петербург, получив назначение на место губернатора в Гродно. Почётная ссылка длилась недолго; уже в 1796 году Панин — член Коллегии иностранных дел...

25 июня 1796 года в Царской Семье произошло радостное событие: на свет появился новый царицын внук, которого при благодарственной молитве нарекли Николаем — будущий Император Николай I. Бабушка была чрезвычайно рада и, как и раньше, взяла новорождённого сразу же под своё покровительство. Павел Петрович так и не смог смириться с очередным актом насилия и сразу же после крестин, через неделю после родов, уехал в Павловск.

Цесаревна же Мария Фёдоровна осталась в Царском Селе ещё на несколько дней. И в этот момент Императрица Екатерина решила нанести «решительный удар», который почитатели Екатерины II расценивали потом как «неудачный», хотя его с полным правом можно назвать если уж и не безумным, то глупым — наверняка. Она потребовала от невестки дать письменное обязательство не претендовать на Престол и добиться от Цесаревича согласия на передачу прав Александру Павловичу!

Мария Фёдоровна, хоть и не оправилась ещё полностью от родов, проявила неожиданно такую волю, которая потрясла Екатерину: супруга Павла категорически отказалась подписывать подобную бумагу и наговорила Императрице «дерзостей». Очевидно, Императрица настолько пренебрежительно относилась к невестке, что ей и в голову не могло прийти, что та способна на отпор. Вряд ли бы в другое время для Марии Фёдоровны подобное «своеволие» прошло бы без последствий; но Екатерина доживала свои последние недели и времени для «мести» уже не оставалось. Однако одно неприятное последствие Мария Фёдоровна все-таки получила.

Неизвестно почему, но она не рассказала об этой истории Павлу: возможно, просто побоялась, чтобы не травмировать. После же

восшествия на Престол у него в руках оказалась та самая «отреченная» бумага, раскрывшая коварный замысел покойной матери. Павел Петрович, любивший во всем ясную определённую, не терпевший в своём кругу лицемерия и инспираций, заподозрил супругу в неискренности; её объяснения и слёзы не могли снять все подозрения. Так или иначе, но эта история способствовала охлаждению супружеских симпатий.

Не меньшее разочарование ждало Екатерину и тогда, когда она вознамерилась обсудить ситуацию с Александром Павловичем, которому и собиралась переадресовать Корону. Есть основания считать, что беседа имела место 16 сентября 1796 года, т.е. через несколько дней после скандала со Шведским Королем. Александр не хотел ни принимать участия в дворцовом перевороте, ни возлагать на себя ношу власти вообще; желание бабушки не вызывало у него никакого энтузиазма. По своей давней привычке он не сказал ни «да», ни «нет», просил время на «размышление».

Екатерине II ясно стало, что при столь вопиющей нерешительности внука, которую она заметила в нём давным-давно, нечего было и помышлять о дворцовом перевороте. Тут требовался железный характер, а его-то у любимого «Амура» как раз и не оказалось.

Сохранить в тайне эту историю не было никакой возможности, хотя в подробности её были посвящены только отдельные лица. По Петербургу начали курсировать зловещие слухи: якобы готовится Манифест, который будет опубликован то ли 24 ноября — день тезоименитства Императрицы, то ли 1 января 1797 года, в котором наследником Престола будет объявлен Александр. Утверждали, что участь Павла Петровича уже предрешена: он, отрешённый от всех видов на власть, будет сослан под арест в замок «Лоде» в Эстляндии.

Трудно сказать, в какой степени указанные слухи имели подлинное основание, но одно несомненно: Императрица никогда не отступала от намеченной программы, и невозможно предположить, чтобы в таком стратегическом вопросе она бы пошла на попятную. Существует легенда, что Екатерина составила особую «духовную грамоту», завещание, в котором называла восприемником власти Великого князя Александра. Если таковая бумага и существовала, то, как и некоторые другие документы по этому делу «о государственном перевороте», исчезла без следа.

Достоверно известно то, что в последние недели жизни матери Павел Петрович ждал возможного ареста не только каждодневно, но и буквально ежеминутно. Когда к нему в середине дня 5 ноября

прискакал на взмыленной лошади брат фаворита Николай Александрович Зубов (1763—1805) с известием, что «Государыня при смерти», то первоначально Цесаревича обожгла мысль о том, что обер-штаалмейстер Двора Екатерины приехал его арестовывать.

«Минерва» не успела осуществить свой коварный замысел; земной срок её подходил к концу. Последний свой Указ — Об устройстве почты в Виленской и Слонимской губерниях — она подписала 29 октября; последний же раз на публике Императрица появилась в воскресенье 2 ноября 1796 года. Был обычный дворцовый прием с ужином, но Императрица за стол не садилась. Давно уже, борясь с тучностью, Екатерина II отказалась от вечерних трапез в Тронном зале. Так было и на сей раз, но многие заметили бледность и грустное выражение на её лице. Верная графиня В.Н. Головина потом написала: «Она ушла после того, как положила мне на плечо руку, которую я поцеловала в последний раз с непреодолимым чувством печали и тревоги. Я проводила её взглядом до двери и, когда я перестала её видеть, моё сердце так сильно забилося, как будто оно хотело вырваться из груди. Я вернулась домой и не могла спать».

5 ноября Екатерина II встала довольно рано, не было ещё и девяти часов, пребывала в хорошем расположении духа. Затем прошла в уборную и долго из неё не выходила. Верный камердинер Захар¹ начал беспокоиться, но долго не решался потревожить Государыню. Наконец, набрался храбрости и приоткрыл дверь. Зрелище было ужасным: Екатерина лежала на полу и, увидев слугу, с выражением сильного страдания поднесла руку к сердцу. Это был единственный признак сознания, который явила Екатерина; затем она потеряла сознание и в последующие 36 часов больше его не являла. С ней случился «удар» — кровоизлияние в мозг, и она уже ничего не видела, не чувствовала и не осознавала. Фактически с утра 5 ноября она находилась в состоянии клинической смерти.

Весть об апоплексическом ударе у Императрицы с быстротой молнии распространилась по Зимнему Дворцу и за его пределами. Во Дворец начали прибывать придворные и высшие сановники Империи, но в апартаменты Императрицы никого не пускали. Все распоряжения делал фельдмаршал и глава Военной коллегии граф Н.И. Салтыков, который советовался только с Платоном Зубовым, состояние которого было ужасным. Всклоченные волосы, безумные глаза, мерт-

¹ Зотов Захар Константинович (1755—1802), любимый камердинер Императрицы, умер в чине статского советника.

вещкая бледность лица — вот его портрет в те часы. Он то удалялся к себе, где жег какие-то бумаги, то возвращался в опочивальню к своей благодетельнице, которую с превеликим трудом вытащили из уборной и положили на матрасе в спальне; поднять на кровать грузное тело Самодержицы у горничных и лакеев не хватило сил. Так Екатерина и лежала все последующие часы. Были призваны придворные медики, они суетились около умирающей, но никаких обнадеживающих слов не произносили.

Граф Салтыков с самого начала занял твердую позицию. У дверей личных покоев был поставлен караул с целью никого не допускать, особо наблюдая за тем, чтобы никто не проник в личный кабинет Императрицы, а то проникнет, вынесет на свет некую бумагу и далее — брожение. Даже Александра Павловича несколько часов не подпускали к телу бабушки. Граф Николай Иванович Салтыков знал одно: наследник — Павел Петрович. Эту мысль принял и Платон Зубов, который попросил своего старшего брата Николая отправиться в Гатчину и уведомить Цесаревича.

Около шести вечера, 5 ноября, Александра вместе с женой Елизаветой пустили в спальню: было полутемно, на матрасе около кровати лежала Екатерина II, у ног которой стояли фрейлины Протасова и Алексева, рыдающие навзрыд. Только эти рыдания и хрипы, доносившие время от времени из горла умирающей, нарушали тишину в золочёной спальне, походившей теперь на жуткий склеп.

Павел Петрович узнал о предсмертной агонии матери в середине того дня, около трёх часов пополудни, и испытал потрясение; на глаза навернулись слёзы. Верный Кутайсов даже начал переживать за его здоровье и очень горился, что не уговорил дозволить врачу пустить кровь. Накануне Павлу приснился сон, о котором он рассказал перед обедом обществу, находившемуся в Гатчине. Здесь были: граф Ю.М. Виельгорский, вице-адмирал С.И. Плещеев, Г.Г. Кушелев и камергер П.А. Бибиков. Павлу приснилось, что неведомая сила возносила его к небу: что сие значило, было не ясно. Павел и Мария всё утро терялись в догадках; сновидение казалось вещим, тем более что и Мария Фёдоровна проснулась, увидя нечто подобное.

Когда прискакал Зубов, то Павла не было во дворце; он находился на прогулке в парке. Немедленно гатчинский гусар был послан с оповещением. Сохранился живописный рассказ о краткой беседе, состоявшейся между гусаром, почти все из которых происходили из малороссов, и Цесаревичем. «Шо там так?» — спросил Цесаревич, завидя гусара. — «Зубов приехал, Ваше Высочество». — «А богацько

(много) их?» — был следующий вопрос. — «Один, як пёс, Ваше Высочество». — «Ну, с одним можно справиться», — резюмировал Павел Петрович, снял шляпу и перекрестился. Через несколько минут он был уже в кабинете, где и узнал подробности происшедшего.

Было немедленно отдано распоряжение: готовиться к отъезду. Сборы были недолгими; не прошло и часа после сообщения Зубова, как Павел Петрович вместе с Марией Фёдоровной в карете отбыли из Гатчины. Только отъехали несколько верст, начали попадаться курьеры с посланиями от разных лиц и ведомств. На полпути встретился Ф.В. Ростопчин, который оставил описание дальнейшего.

«Не было ни одной души из тех, кои, действительно или мнительно, имея какие-либо сношения с окружающими Наследника, не отправили бы нарочного в Гатчину с известием: между прочим, один из придворных поваров и рыбный подрядчик наняли курьера и послали. Проехав Чесменский Дворец, Наследник вышел из кареты. Я привлёк его внимание на красоту ночи. Она была самая тихая и светлая: холода было не более 3 градусов, луна то показывалась из-за облаков, то опять скрывалась... Говоря о погоде, я увидел, что Наследник устремил взгляд свой на луну, и, при полном её сиянии, мог я заметить, что глаза его наполнились слезами, и даже текли слёзы по лицу».

Около девяти часов вечера, 5 ноября, Павел и Мария прибыли в Зимний Дворец. Когда сын увидел почти бездыханное тело матери, то расплакался, не стесняясь окружающих. За многие годы это был первый случай, когда Павел плакал на людях. Во Дворце была масса народу; сыновья Александр и Константин встречали родителя в гатчинских мундирах, которых в Зимнем Дворце никогда не носили. И все прочие пытались выразить свое раболепие. Хотя Екатерина ещё дышала, но все чувствовали и понимали, что её время закончилось, наступает новая эпоха.

Павел Петрович прошел в кабинет Екатерины, который стал на ближайшие часы мозговым центром Империи. Он желал знать закулисную сторону жизни государства, к чему его никогда не допускали, он хотел иметь ясное представление и о той судьбе, которую ему готовила умирающая за стеной мать. Столько было слухов, сплетен, предположений. Настало время во всем разобраться.

В ту ночь, с 5 на 6 ноября 1796 года, Павел Петрович практически не ложился спать. Было не до того. Его советчиком, его «чичероне» по тайным политическим лабиринтам в тот момент стал самый све-

дущий в государственном управлении сановник — А.А. Безбородко. Пришел и Платон Зубов, был тих и смиренен, и показал тайный ящик в секретере, где хранились самые сокровенные бумаги Екатерины, касающиеся лишения Павла прав на Престол. Когда пакет оказался в его руках, то Безбородко глазами показал на горящий камин. Мельком просмотрев некоторые бумаги, будущий Император предал их огню.

В 6 часов утра Павел Петрович имел беседу с докторами, в один голос заявившими, что надежды на выздоровление нет никакой. Пока ещё Цесаревич Павел вызвал из Гатчины Алексея Андреевича Аракчеева (1769—1834), самого верного и надёжного офицера из его «гатчинского войска». С этого момента на авансцене общественной жизни появляется эта фигура, о которой сказано столько всего неправдоподобного и пристрастного.

Аракчеев отнюдь не был примитивным и жестоким офицером, как его часто изображают, он был преданным, беспредельно преданным Императорам: сначала Павлу, а затем Александру. У него не было никаких дружеских и родственных привязанностей, влиявших на его общественное поведение и служебное рвение. Потому его и «не любили» и в офицерской среде, и в столичном обществе: он не признавал никаких приоритетов, кроме воли Монарха. Да, он был «фанатиком» из породы тех, кто выигрывает сражения и охраняет устои Империи...

Выходец из семьи мелкопоместного дворянина Бежецкого уезда Тверской губернии, Аракчеев обучался в Петербургском артиллерийском и инженерном корпусе, где проявил невиданное рвение и в учении, и в службе. В 1787 году получил свой первый офицерский чин. Когда граф Н.И. Салтыков обратился с просьбой к начальнику Корпуса рекомендовать толкового и знающего человека для преподавания сыновьям основ артиллерийского дела, то было названо имя Аракчеева. Через некоторое время Салтыков рекомендовал расторопного и знающего офицера Павлу Петровичу. Аракчеев перешёл под начало Цесаревича в Гатчину и очень скоро завоевал его симпатию.

Павел увидел в нём качества, особо ценимые у людей военных: самоотречённую исполнительность, абсолютную аккуратность, точное знание норматива и его неукоснительное исполнение, невзирая ни какие желания, настроения и хотения. Это был офицер, которым бы и Фридрих Великий мог гордиться. Ему не надо было ничего повторять, и не надо было контролировать: исполнит всё в срок, как

положено. Если же что неясно, то спросит, узнает, а дальше уж, что называется, во весь опор. Поставь на любой пост; будет стоять, хоть до скончания века, и не уйдёт, пока старший его не снимет. Аракчеев стал комендантом Гатчины и возглавил «гатчинское войско».

Аракчеев по приказу Павла примчался в Зимний Дворец в ночь с 5 на 6 ноября 1796 года и предстал перед будущим Императором весь в дорожной грязи; вместе с ним прибыл и отряд гатчинцев. Павел Петрович понимал, что переход власти может быть сопряжен с трудностями; столичные гвардейские части не представлялись надёжными. Павел сделал напутствие Аракчееву, которое тот помнил всю жизнь: «Смотри, Алексей Андреевич, служи мне верно, как и прежде». Тут же был призван Великий князь Александр Павлович, и Павел Петрович, сложив их руки, произнёс: «Будьте друзьями и помогайте мне». Уже 7 ноября 1796 года Аракчеев назначается Петербургским комендантом, а 8 ноября производится в генерал-майоры...

В ту ночь случилось одно маленькое событие, памятью о котором до самой смерти так дорожил Аракчеев. Павлом верному служаке была подарена чистая рубашка — своя была вся в грязи — которая потом много лет хранилась Аракчеевым в особом сафьяновом футляре в имени Аракчеева «Грузино». В ней граф и генерал, согласно предсмертной его воле, был и похоронен через тридцать восемь лет...

Когда стало окончательно ясно, что Екатерина не поправится и часы её жизни сочтены, т.е. с утра 6 ноября, Павел Петрович начал отдавать первые распоряжения. Боль и горечь, копившиеся в душе десятилетиями, и которым он не давал выхода, теперь начали проявляться. Первым это почувствовал князь Фёдор Сергеевич Барятинской (1742—1814), бывший некогда адъютантом Императора Петра III, ставший в июле 1762 года его убийцей. При Екатерине Барятинский процветал: пожалования и награды сыпались на него как из рога изобилия. В 1796 году это был обер-гофмаршал, распорядившийся укладом Императорского Двора.

Украшенный орденами, в золочёном маршальском камзоле с бриллиантовыми пуговицами, он обретался во Дворце умирающей благодетельницы, где его и встретил Павел Петрович. Приказ нового повелителя был ясным и окончательным: немедленно убраться из Дворца и из Петербурга и никогда больше в столице не появляться. Это был первый акт «жестокости» и «тирании» Павла Петровича, которым его втихомолку начнут отныне укорять при жизни и громко инкриминировать после смерти. Если учитывать, что аристо-

кратические фамилии были тесно переплетены родственными узами между собой, то можно сказать, что первые признаки «оппозиции» как раз и проявились уже 6 ноября 1796 года.

Барятинские находились в родстве с князьями Хованскими, графами Головкиными, графами Головиными, князьями Долгорукими, князьями Голицыными. Это был мощный аристократический клан. Если же прибавить к этим «оскорбленным» и клан Орловых — ведь графа Алексея Григорьевича Орлова (1736—1807) «унизили», принудив участвовать в перезахоронении Петра III, в убийстве которого он принимал деятельное участие, — то контингент «возмущённых» дворянских родов будет еще представительней: Ртищевы, Зиновьевы, Лопухины, Безобразовы...

Среди первых назначений Павла было назначение Фёдора Васильевича Ростопчина (1763—1826) генерал-адъютантом и затем провозводство его в генерал-майоры. Сообщая о своей милости, Павел Петрович произнёс наставление, которое можно воспринимать как форму новой философии власти, которая будет доминировать отныне в высших имперских коридорах: «Знай, что я назначаю тебя генерал-адъютантом, но не таким, что гулять только по Дворцу с тростью, а для того, чтобы правил военную частью». Иными словами, только беззаветная служба Царю и Отечеству будет иметь значение, а не расшаркивание на дворцовых паркетах.

Екатерина II испустила свой последний вздох около десяти вечера 6 ноября 1796 года, и, как вспоминал очевидец Ф.В. Ростопчин, «слезы и рыдания не простирались далее той комнаты, в которой лежало тело Государыни». За дверями спальни возобладали совсем иные настроения. Когда генерал-прокурор и казначей граф А.Н. Самойлов (1744—1814) вышел из спальни Екатерины в прилегающие комнаты, где ожидала новостей целая толпа царедворцев, и объявил: «Милостивые государи! Императрица Екатерина скончалась, а Государь Павел Петрович изволил взойти на всероссийский Престол», то толпа взорвалась ликованием. Графа чуть не задушили в радостных объятиях. Здесь невольно приходит на ум старое римское изречение: «Sic transit gloria mundi» (так проходит мирская слава). Екатерину искренне оплакивали только несколько фрейлин и верных слуг, все остальные думали уже совсем о другом.

Менее чем через час после кончины «Екатерины Великой» в Большой церкви Зимнего Дворца началась присяга новому Императору. Одним из первых её принёс Платон Зубов...

Глава 5. ЖИТЬ — ЗНАЧИТ СЛУЖИТЬ

Павел Петрович стал Императором на сорок третьем году жизни. Он так долго этого ждал, так много пережил волнений, оскорблений и унижений, что можно только диву даваться, как он выдержал весь этот бесконечный психологический прессинг. Потом «психиатры от истории» будут бесщётное количество раз называть его «сумасшедшим», «параноиком» и даже «идиотом». Всё это — тенденциозные измышления, говорящие не о Павле I, а о тех, кто эти бредни рождает и популяризировал. Злобные мифы давно в арсенале многих сочинителей, пишущих и размышляющих на темы Русской истории. Это отдельная тема, напрямую связанная с социально-психологической патологией, имя которой — русофобия; о ней здесь размышлять не место.

Ранее уже упоминалось о том, что первые уничижительные вердикты появились в кругу тех, кто замышлял и желал убийства Императора, кто непосредственно участвовал в нём, и тех, кто этому злодеянию рукоплескал. В значительной части российского дворянства ненависть к Павлу Петровичу не знала, что называется, срока давности. В эпоху Павла дворянство, особенно его высший слой — аристократия, действительно пережила «страх и ужас», который передавался потомкам на генетическом уровне. Даже те, кто родился через многие десятилетия после гибели Императора, все ещё продолжали твердить о «тиране», о его «жестокостях» и «психической ущербности». Один показательный пример.

Правнук одного из убийц Монарха, графа Николая Александровича Зубова (1783—1805), умерший в эмиграции в Париже «доктор философии» граф Валентин Платонович Зубов (1884—1969), издал в 1963 году на немецком языке сочинение «Император Павел I: человек и судьба», переведённое на русский язык и напечатанное в Петербурге в 2007 году. Оно наполнено многими уничижительными пассажами относительно убиенного Императора и его окружения. Вот только пара примеров. «Многое говорит за то, — изрекал парижский граф, — что Павел не был сыном супруга Екатерины». Данный исходный тезис, что называется, висит в воздухе. У графа не то что «многое», но и «малое» невозможно отыскать. Автор ограничился пересказом давних салонных сплетен, утверждая — вопреки очевидному, общеизвестному и зримому, — что Пётр III и Павел I «внешне не были похожи»!

Или, скажем, вот что говорится об А.А. Аракчееве: «Только собачья преданность Павлу и Александру была единственной положительной чертой этого монстра». Монстр, и никто другой! Это типичный образчик «тонкого исторического анализа», столь характерный для отечественной историографии коммунистической поры, когда идеологический ярлык не требовал никакого документального обоснования.

В сочинении нет ни слова раскаяния или хотя бы человеческого сожаления по поводу злодеяния предков, убивших Помазанника Божия. Ведь именно его прадед нанёс смертельный удар в висок Императору пресловутой золотой табакеркой — подарком «Матушки Екатерины». Потом эта табакерка хранилась в семье Зубовых как бесценная реликвия¹. Но обо всём этом — ни звука. Может возникнуть недоумённый вопрос: зачем надо было в Германии и во Франции тиражировать клеветы и инсинуации, которые преспокойно бытовали на просторах исторического сознания и в эпоху существования Российской Империи? Ответ напрашивается только один: родовая ненависть к Павлу Петровичу.

Обратимся к оценкам известного биографа Императора Павла генерала и историка Н.К. Шильдера, умершего в 1902 году. Предваряя рассказ о правлении Павла Петровича, биограф многозначительно заявляет: «Наступил краткий, но незабвенный по жестокости период четырехлетнего царствования Императора Павла». «Незабвенный по жестокости» — сильно сказано; это не вступительная ремарка, а скорее — мрачная эпитафия. А как же Пётр II Он ведь тоже «незабвенный по жестокости», причём его «жестокости» во сто крат превышали всё, что происходило в России до самого падения монархии в 1917 году!

Пётр I — «великий», он «созидал Империю», «модернизировал страну». Всё это, конечно, так. Но ведь тем же самым занимался и Павел Петрович. Хотя его достижения здесь и не столь эпохальны, но ведь Пётр правил несколько десятилетий, а его правнук — чуть более четырёх лет. При Императоре Павле не существовало ничего напоминающего «массовые репрессии», при нём не было ни одной казни. Даже из числа явных недоброжелателей и врагов никто не был лишён жизни.

Да, Павел Петрович являлся импульсивной натурой, да, в его действиях наблюдалось немало эмоционального, непродуманного,

¹ Ныне эта табакерка хранится в золотой коллекции Эрмитажа.

скороспелого. Помыслы же его всегда были чисты и возвышенны; он всегда оставался благородным рыцарем и был способен на великодушие, которое присуще далеко не всем, кого величают «великими». Способен был прощать других и не стеснялся просить прощения у людей, им обиженных ненароком. Он умел признавать собственные ошибки, и, исходя из этого, пересматривать скреплённые монаршей подписью решения, что характерно только для по-настоящему крупных государственных личностей.

Характерный в этом смысле случай приведён в воспоминаниях генерала Н.А. Саблукова (1776—1848). Его отец, А.А. Саблуков (1749—1828), занимал пост вице-президента Мануфактур-коллегии, ведавшей делами текстильной промышленности. Павел Петрович ввел в армии мундиры синеного цвета, но, заметив разнооттеночность в расцветке мундиров, тут же повелел Мануфактур-коллегии: впредь изготавливать фабрикам сукно строго единого окраса. Президент коллегии князь Н.Б. Юсупов (1751—1831) делами ведомства не занимался, и вся ответственность пала на Саблукова. Будучи специалистом своего дела, вице-президент составил отчёт, из которого следовало, что быстро добиться единого цветного оттенка невозможно в силу технологических особенностей: при окрашивании в качестве ингредиента использовался котловой осадок, а потому было трудно сразу получить большое количество сукна единого окраса.

Государь же этого отчёта не получил, а вице-президент Военной коллегии генерал-лейтенант И.В. Ламб лишь уведомил его, что, по мнению Саблукова, распоряжение Императора «выполнить невозможно». Кара последовала незамедлительно: уволить строптивного чиновника со службы и выслать из Петербурга. Воля Императора была исполнена, хотя опальный чиновник был болен. Когда Павлу стали известны подробности всего этого дела, то он немедленно послал к Саблукову генерал-прокурора со своими извинениями, а затем ласково принял «ссыльного» в Гатчине и, как написал его сын, «моему отцу, разумеется, была возвращена его прежняя должность».

Замечательно точно о личности Павла Петровича высказалась в своих «Записках» княгиня Д.Х. Ливен (1785—1857), урождённая Бенкендорф¹. «В основе его характера лежало величие и благородство — великодушный враг, чудный друг, он умел прощать с величием, а свою вину или несправедливость исправлял с большою искренностью».

¹ Она лично знала Императора Павла, не раз с ним встречалась и общалась и во время обучения в Смольном институте, и потом, когда она в 1799 году, по протекции Е.И. Нелидовой, была назначена фрейлиной.

Государственная деятельность Павла I, в отличие от того, что часто говорят, совсем не была бесцельной и хаотичной. Он имел ясное представление о национально-имперских задачах, главная из которых — создание цельного, регулярного государства, одушевляемого Промыслом Божиим, выразителем воли Которого на земле являлся Самодержец.

Государственная система Павла I преследовала несколько социальных целей: ослабление значения дворянского сословия, ограничение его беспредельных экономических и сословных преимуществ; облегчение тягостей крестьянства, водворения в России законности и порядка на основе строгой нормативной регламентации. Ещё в молодости, штудиря сочинение Максимилиана Сюдли о Генрихе IV, Павел Петрович навсегда запомнил высказанную там мысль: «Высший закон для Монарха — следование всем законам». Эту формулу Павел I воспринял как непреложную истину, сам всегда первым стараясь соблюдать писанные или неписанные нормативы, вне зависимости от того, насколько они были удобны и приемлемы для него лично. Поэтому он никогда бы не стал участником какого-то заговора против матери, но отнюдь не по малодушию, а от осознания того, что немисливо нарушать канонический порядок вещей.

Сразу же по вступлении на Престол, Павел Петрович проявил невиданную ранее заботу о крестьянах, составлявших подавляющую массу населения России. Во-первых, они теперь приводились к присяге на верность. Во-вторых, уже 10 ноября 1796 года был отменён чрезвычайный рекрутский набор по 10 человек с тысячи душ, объявленный Екатериной. В-третьих, 27 ноября, «людям ищущим вольности», предоставлено право апеллировать на решения судебных инстанций. И, в-четвёртых, 10 декабря последовал Указ, отменявший разорительную для крестьян хлебную повинность, взамен которой устанавливался особый сбор по 15 копеек за четверик (четверть десятины).

Основу общественного мировоззрения Павла Петровича составлял традиционный христианско-государственный постулат: авторитарный монархизм является наилучшей формой общественной организации, так как он соединял силу закона с быстротой действия. Монарх должен не только властвовать, но и эффективно управлять, а эффективность управления определяется результативностью в достижении поставленной цели. Самодержец — центр власти, вершина власти, творец (демиург) права и его первый охранитель.

Сановники и институты государства существуют только для того, чтобы помогать Государю, их функциональные обязанности следует чётко расписать; никто и ничто не должно уклоняться от исполнения вышестоящих предписаний. Павел I смотрел на государственный аппарат именно как на аппарат по исполнению воли Монарха. При этом он считал, что необходима обратная связь: воля должна быть не только оглашена и расписана по исполнителям, но и каждый исполнитель обязан знать свою роль и докладывать о результатах.

Созданный при Императоре «Совет Его Величества» рассматривал только те вопросы, которые ставил Монарх, а Сенат потерял былое значение «коллективной говорильни»; под главенством генерал-прокурора он обсуждал и решал проблемы и вопросы, соответствующие воле Самодержца.

Вводился принцип персональной ответственности всех должностных лиц; «коллегиальность», введенная некогда Петром I и подразумевавшая, что «коллективный разум» продуктивнее единоличного, отходила в прошлое. Время показало, что в такой огромной и разнообразной стране, как Россия, «коллегиальность» на деле означала безответственность, что губительно сказывалось на жизнедеятельности государства. Об этом Павлу Петровичу не надо было читать специальных донесений и научных трудов; он воочию в этом многократно убеждался за многие годы правления матери.

Авторитарность на высшем уровне подразумевала и авторитарность на нижестоящих этажах иерархической лестницы. Император был, что называется, «в пяти минутах» от учреждения министерств, но «министерства» пришли на смену «коллегиям» уже при Александре I, хотя идея эта принадлежала именно Павлу Петровичу.

Император намеревался создать и издать единый Свод законов, определявший правовые условия жизни и деятельности в Российской Империи. На смену бесконтрольной власти чиновника и управителя должен был прийти бесстрашный и безличный «закон», способный водворить право и стабильность в государстве. Эта была идея Монтескье, которую Павел Петрович усвоил ещё в молодости и потом не расставался с ней никогда. Однако, в силу ограниченности времени властвования, эта мысль, как и многие другие, не была в полной мере реализована.

Уже 16 декабря 1796 года появился Указ: «О собрании в Уложенной Комиссии и во всех архивных изданиях донныне узаконений и о составлении из оных трёх книг законов Российской Империи:

Уголовных, Гражданских и Казенных дел». Предполагалось, что кодификация законодательства создаст «прямую черту закона, на которой судья утвердительно основаться должен».

Лучшей государственной организацией, самой монолитной и дееспособной представлялась армейская структура, и Павел Петрович хотел распространить эти принципы на все ступени управления, на все элементы аппарата, на всю гражданскую службу. Только таким путём можно искоренить нерадивость и коррупцию, а потому и править следует «железной рукой». Как на поле сражения нельзя допускать никаких проволочек, уклонений и затягиваний, так должно быть и во всех сферах государственного управления.

Император не терпел никаких отсрочек; его можно было убедить — он воспринимал аргументы, если они были логичными и предметными. Однако его нельзя было перехитрить умолчанием, нельзя было волю Самодержца «спустить на тормозах», похоронить в «согласованиях». Отданный приказ требовал скорого ответного доклада, рапорта об исполнении. Как написал позже князь Ф.Н. Голицын (1751—1827), «Государь был умён, с большими сведениями, не мстителен, но горяч в первом движении до иступления». Именно неисполнение, рассматриваемое как своеволие, и было главной причиной «горячности в первом движении».

В этом смысле замечательная по показательности история связана с духовным наставником ещё Цесаревича Павла Петровича Московским Митрополитом Платоном (Левшиным). Уже 7 ноября 1796 года Император отправил в Москву Платону дружественное послание: «Вам первому сим извещаю, что матери моей не стало вчера ввечеру. Приезжайте ко мне, распорядясь по епархии своей. Всегда верный друг и благосклонный Павел».

Платон же не спешил в Петербург; дел по Московской епархии было множество, да и не хотел пастырь оказаться в гуще событий, которые до него не касаются. К тому же скоро вышел Указ о награждении лиц духовного звания светскими наградами, что просто обескуражило владыку. Когда Московский Митрополит Платон получил известие о его награждении Орденом Андрея Первозванного, то отправил Императору письмо, умоляя этого не делать и позволить «умереть архиереем, а не кавалером».

Павел Петрович, ничего не забывавший, был уязвлен и оскорблён поведением Платона. Во-первых, не приехал по зову Самодержца, а, во-вторых, отказался принять Царскую милость. Всё это можно было

трактовать как своеволие, столь всегда Монархом неприемлемое. 30 ноября Император отправил Платону новое послание, выдержанное в жёстких тонах.

«С удивлением вижу я отлагательство и медленность приезда Вашего в здешнюю столицу, а ещё с большим неудовольствием непристойный отзыв Ваш, в последнем ко мне письме сделанный. Признаюсь, что сколь по долгу верноподданного, столь наиболее по дружбе моей к Вам, ожидал я, что Вы волю мою исполнить поспешите; но когда усматриваю противное тому, и когда Вы, в самых первых днях царствования моего позволяете себе шаг и непристойный, и высокомерный, то я убеждаюсь стать противу Вас на другой же ноге, приличный достоинству Государя Вашего».

Размолвка с Платоном продолжалась несколько месяцев и, хотя Император был возмущен, но никаких мер против своего духовного наставника не предпринимал, хотя имел на то полное право. Когда же Павел I прибыл 15 марта 1797 года в Москву на Коронацию, то за Тверской заставой, у Петровского путевого дворца, его встречал Митрополит Платон и произнес напутственное слово. Лёд растаял. Император был восхищён, и в его душе возродились самые дружественные чувства былых времен. Платону он написал:

«Ваше преосвященство обыкновенным своим образом тронули сердце моё. Вы ему помешали было отдаться чувству его. От Вас зависит самих, приехав завтра ко мне, кончить то, чем благодарность показать Вам могу, чем пред собою и светом должен». Теперь Платон не смог уже «медлить», он посетил Императора, между ними произошла сердечная беседа, и Платон вышел из дворца «кавалером»...

Вторым ярчайшим примером, раскрывающим, с одной стороны, переменчивость настроений Императора Павла, а с другой — его отходчивость, служат отношения с выдающимся полководцем Александром Васильевичем Суворовым (1729—1800). Павел вступил на Престол тогда, когда имя Суворова уже было легендарным: его полководческое мастерство в различных военных кампаниях снискало ему немеркнущую славу. За что и удостоивался высочайших наград: «граф Рымникский», «генерал-аншеф»¹.

Суворову с самого начала не нравились воинские порядки «прусской ориентации», которые стали вводиться в армии вскоре после воцарения Павла Петровича. Особенно ему претило новое обмунди-

¹ По воинскому уставу 1716 года — звание главнокомандующего, равное фельдмаршалу.

рование, и он без оглядки на последствия произнес фразу, ставшую крылатой: «Пудра не порох, букли не пушки, коса не тесак, я не немец — природный русак». Естественно, нашлись наушники, выпады Суворова довели до сведения Самодержца. Реакция была гневной и быстрой: 6 февраля 1797 года вышел приказ, гласивший, что «так как войны нет и ему делать нечего», отставить Суворова от службы. Ему было предписано отправиться в свою родовую вотчину, село Кончанское Боровицкого уезда Новгородской губернии.

Прошло два года, и в начале 1799 года, когда возникла угроза вторжения французских войск в Австрию, России необходимо было вмешаться. Император вызвал Суворова, милостиво принял, попросил не обижаться на прошлое и поручил возглавить шестидесятитысячный русский военный корпус в Европе против французов. Суворов был награжден орденом Иоанна Иерусалимского. Растроганный старый полководец, упав на колени, произнес: «Боже, спаси Царя!» В ответ услышал: «Да спасёт тебя Бог для спасения царей!»

Суворов получил, что называется, полный карт-бланш; в военные операции Самодержец не вмешивался, дав лишь одно напутствие: «воюй как знаешь». В письме Суворову в Вену напоминал только цели кампании: «Мы молим Господа Бога нашего, да благословит ополчение наше, даруя победы над врагами веры христианской и власти, от Всевышнего поставленной, и да придут воины российские словом, делом и помышлением, истинными сынами Отечества и нам верноподданными».

Под водительством Суворова Русская армия в Северной Италии добилась замечательных побед над до того «непобедимым» французским воинством. 17 апреля 1797 года одержана победа в сражении при реке Адде, после которой, через день, армия заняла Милан, а через три недели — Турин. Далее следовали блестящие успехи: 7—9 июня 1799 года при реке Требби, а 4 августа — при городе Нови. Далее произошло невероятное событие, которое не укладывалось в головах современников и до сих пор является уникальным подвигом в истории мирового военного дела. В сентябре 1799 года, когда австрийцы за спиной русских пошли на сделку с французами, Русская армия оказалась в западне. Капитуляция представлялась неизбежной. Однако вопреки прогнозам стратегов всех стран Суворов совершил невозможное: вывел войска из Италии через Альпы, через немыслимые горные вершины и бездонные ущелья.

Суворова в России принимали как национального героя. Сам Император встречал его в Петербурге, являя небывалые знаки внимания.

Суворов получил уникальное воинское звание «генералиссимуса» и титул «светлейшего князя Италийского». Как заявлял Император в именном рескрипте, награда сия дана «За великие дела верноподданного, которыми прославляется царствование Наше».

Старый же полководец оставался самим собой. Он не умел и не хотел играть по придворным правилам; его высказывания были резкими и часто нелюбезными. Последовала новая опала, и смерть генералиссимуса князь Италийский, граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский встретил в своём имени...

Главная беда Павла Петровича состояла в том, что у него не было когорты не просто широкомыслящих людей, но именно дееспособных исполнителей, способных искренне понять, принять и претворять идеи Павловской государственной доктрины. Несколько выдающихся сановных деятелей общей безысходной картины не меняло. Придворно-чиновный контингент по преимуществу — беспринципные лакеи, лицемерные лизоблюды, низкие интриганы, но отнюдь не люди государственного склада ума. Долгое правление Екатерины II таких наплодило во множестве.

Павел же Петрович полагал, что волей верховной власти, приказами и предписаниями можно переломить старую чиновную психологию, базовый элемент которой отражала формула: иметь максимальные права и минимальные обязанности, а лучше не иметь обязанностей вовсе. Самодержец обрушил на эту среду, пребывавшую в сладостно-беззаботной неге, шквал волевых решений.

Уже в первые месяцы нового царствования стало очевидным, что былые чиновные привычки надо менять, или покидать насиженные места. 23 декабря 1796 года появился Именной Указ Сенату, в котором строго предписывалось изменить сроки «зимних вакаций». Раньше государственные чиновники отдыхали зимой «от трудов праведных» две недели: с Рождества (25 декабря) до самого Крещения (7 января). Теперь же, как говорилось в Указе, они имели право «иметь от заседаний свободу, только в первые дни праздников 25, 26 и 27 декабря»; в прочие же дни обязаны быть в присутственных местах.

«Ущемление прав» касалось всех рангов служилого люда, в том числе и чиновной элиты: сенаторов и генералитета. Указом от 26 декабря 1796 года предписывалось «Сенату Нашему, Коллегиям и другим судебным местам» в летнее время иметь в наличии на менее половины состава, чтобы обеспечивать бесперебойную работу государственного аппарата. Раньше можно было числиться на должности, а чувствовать себя ранье: получать жалованье и жить в соответствии со

своим надобностями и желаниями. Теперь же время «благоденствия» для служилого люда миновало.

Это касалось и генералитета. 6 января 1797 года вышел Указ, в соответствии с которым генералам запрещалось «отлучаться от своей команды без особого повеления». В качестве назидательного примера генерал-от-инфантерии князь И.П. Прозоровский был уволен со службы и отправлен «в свои деревни».

В чиновных канцеляриях воцарилась паника; раньше можно было месяцами, а то и годами тянуть; теперь требовались какие-нибудь дни, а то и часы, чтобы предстать «перед инквизицией» с отчётом. Монарх мог сам, без всякого предупреждения, рано утром прибыть в какое-нибудь присутственное место, и горе было тому и тем, которые не исполняли службу по расписанию! При Павле Петровиче все государственные учреждения, вся служебная рать находились «в полной боевой готовности» с раннего утра. Нововведения были столь обширны, разнообразны и неожиданны, что приводило порой к анекдотическим ситуациям. Об одной из них рассказал князь Ф.Н. Голицын в своих «Записках».

«При начале царствования его (Павла I. — А. Б.) поставлены были во дворце в передних комнатах внутренние бекеты (посты) и переименовано слово, вместо как прежде командовали «к ружью», велено кричать «вон!»¹. В одно утро генерал-прокурор граф А.Н. Самойлов², проходя с делами к Государю мимо бекета, и караульный офицер, желая отдать ему честь, закричал «вон», граф, не поняв, что сие значит, вздумал, что всех из комнат выгоняют, поверотся уехал домой».

Законодательно-правовая деятельность Императора по формированию нормативной среды в государстве являлась беспрецедентной. Абсолютно точное количество его распорядительных актов установить невозможно: в литературе бытуют разные показатели: «более трёх тысяч», «около десяти», «более 12 тысяч». Имеются в виду распорядительные акты различного рода: манифесты, императорские указы, рескрипты (именные повеления), изустные приказы, касавшиеся всех сторон жизни Империи³.

¹ Команда звучала: «Караул, вон!»

² Самойлов Александр Николаевич (1744—1814) — граф, действительный тайный советник, генерал-прокурор.

³ До сего дня существует только одна работа, специально посвящённая анализу законотворческого наследия Павла Петровича. См.: *Ключков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I.* СПб., 1916.

В 45-томном «*Полном своде законов Российской Империи*», изданном в 1830 году, включавшем законоположения с 1649 года по конец 1825 года, и насчитывавшем 30 600 актов, Павловские составляют два с половиной объёмных тома: 24-й, 25-й и половина 26-го.

Первый акт датируется днём восшествия на Престол — 6 ноября 1796 года, а последний днём гибели — 11 марта 1801 года. Это был Указ «О дозволении Киргизскому народу кочевать между Уралом и Волгою, и заводить по удобности в лесных местах селения».

Всего в Своде помещено 2248 документов Павловского периода. Это только те распоряжения, которые имели письменную фиксацию; приказы же, передаваемые в устной форме, нередко на бумаге не запечатлевались, а потому и не вошли в Полное собрание законов. Если принять к сведению, что Павел I царствовал 1582 дня, то при любом подсчёте нельзя не признать, что законотворческая деятельность Императора являлась необычайно интенсивной.

Вершиной законотворческой деятельности Павла Петровича стало введение династической конституции. Её олицетворяли два закона: «О престолонаследии» и «Учреждение об Императорской Фамилии», которые, по сути, являлись одним законодательным актом. Этим законам до сего дня не отводится того значения, которое они на самом деле имели: начиная с Петра I это было первое ограничение властной прерогативы Монарха в России.

В день Коронации в Успенском соборе Московского Кремля, 5 апреля 1797 года, после совершения чина Коронования, Император лично огласил в храме фамильный акт о Престолонаследии. По окончании чтения Павел I вошел в алтарь и положил документ на Святом престоле в специально устроенный серебряный ковчег и «повелел хранить его там на все будущие времена». В этот же день увидели свет три царских узаконения: об Императорской Фамилии, о российских орденах и Манифест о трехдневной работе крепостных крестьян и о запрещении помещикам принуждать их работать в воскресенье.

Закон Павла о Престолонаследии и «Учреждение об Императорской Фамилии» — важнейшие акты в деле правового обеспечения верховной власти. Император установил незыблемое правило, которое не могло ни при каких обстоятельствах нарушаться: наследование Трона в мужском колене по старшинству. Этим фактически восстанавливался тот древний династический принцип властипреемства Московского царства, который так безоглядно был разрушен Петром I. Но только этой реставрацией наследственного родового права дело не ограничилось.

Отныне все династические права и обязанности были строго иерархически расписаны и регламентированы. Родственники монарха обеспечивались собственным имуществом и финансовыми средствами, отдельными от государственных, делами которых управляло специальное ведомство — Главное управление уделов. Посредством «Учреждения об Императорской Фамилии» правящая династия получила правовой статус особой государственной корпорации, действующей на основе подробного и неперемняемого устава. С некоторыми неприципиальными добавлениями и уточнениями закон вторично был утвержден уже при Александре III в 1886 году, и в таком виде просуществовал до марта 1917 года.

В главных чертах «династическая конституция» выглядела следующим образом. Корона могла переходить лишь от отца к сыну, а затем к его потомству, при этом совершеннолетие тронопреемника определялось в шестнадцать лет. Закон очерчивал и права регента, которым мог быть лишь следующий по праву старшинства член династии, при котором образовывался опекунский совет (шесть особ высших классов по Табели о рангах), наделенный совещательной функцией. Корону могли воспринять и лица женского пола, но только при пресечении мужского царскородного поколения.

Устанавливались титулы членов династии, исходя из степени родственной близости с монархом: «Наследник, Цесаревич, Великий князь и Императорское Высочество» — для наследника Престола, и «Великий князь» и «Великая княгиня» с добавлением «Императорского Высочества» — для остальных потомков. Чтобы избавить Россию от возможных притязаний прочих династий, закон исключал всякие права на Престол для неправославных, как и вообще для представителей тех ветвей рода, которые могли возникнуть после брака русских Великих княжон с иностранными принцами, подробно регулируя все матримониальные дела.

Павловские акты включали несколько принципиальных законодательных положений, напрямую касавшихся отношений Царя и Православия — частично заимствованные из Духовного регламента Петра I, а частью заново сформулированные.

«Первенствующая и господствующая в Российской Империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания». «Император, Престолом Всероссийским обладающий, не может исповедовать никакой иной веры, кроме Православной». Для понимания взаимосвязи между Царем и Церковью очень важна была

другая статья, появившаяся при Петре I и воспринятая последующим законодательством: «В управлении Церковном Самодержавная Власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учрежденного».

Закон определенно устанавливал два положения. Во-первых, что Царь есть верховный земной покровитель Православия, а, во-вторых, что в делах земного церковного управления ему принадлежит главенствующая роль. И все. Никакого приоритета монарха в догматических и канонических делах Церкви закон не вводил: не было этого и в повседневной практике. Компетенция Царя не распространялась на традицию Веры, всецело замыкаясь на делах земного управления. Если когда-то в своей мелочной регламентации Петр I доходил до того, что даже предписывал, в каком облачении изображать святых (Александра Невского), то при Павле Петровиче ничего подобного не наблюдалось.

«Учреждение об Императорской Фамилии» Императора Павла I стало первым в русской истории писанным нормативом, очерчивающим не только права Самодержца, но его обязанности в важнейшей сфере государственного устройства. Так как любая писаная норма в той или форме есть ограничение, то не будет преувеличением считать, что формальное ограничение земных прерогатив неограниченного Самодержца началось именно с появления «Учреждения».

В государственно-монархическую практику впервые вводился норматив, который Царь был не в силах отменить. Это положение было специально подтверждено в Манифесте о восшествии на престол Императора Николая I в декабре 1825 года, где Закон о престолонаследии прямо объявлялся стоящим выше воли Государя. «По кончине Императора, Наследник Его вступает на престол силою самого закона о наследии, присвояющего Ему сие право». Такого в русской законодательной практике ещё не было: земной закон приобретал сакральный характер...

Говоря о правлении Павла Петровича, нельзя забывать, что пресловутая «незабвенная жестокость» касалась не поголовно всех подданных в Империи. Она распространялась главным образом на высший слой, на чиновно-родовую элиту, составлявшую микроскопическую долю процента в составе населения России. Примерно двести родов, переплетенных тесными брачно-семейными узами и поставивших своих представителей на высшие гражданские и военные посты в Империи, в первую очередь ощущали на себе нелицеприятную волю Самодержца.

Как громом поразило дворянство «дело подпоручика Ивана Федосеева», решение по которому Императором было оглашено 31 января 1797 года. Указанный подпоручик по дороге к месту службы в Оренбурге «разглашал» в различных селениях «преступные мысли» о том, что вскоре крестьяне получат вольную от своих господ и все станут «государевыми». Выдавать личные измышления за волю Монарха считалось тягчайшим преступлением. За это Федосеев был уволен со службы, лишен чинов и дворянского достоинства.

Самым же страшным потрясением для дворянского мира оказался не сам по себе данный факт, а одно сопутствующее обстоятельство. Федосеев был подвергнут телесному наказанию — бит кнутом, хотя в Жалованной грамоте дворянству от 1785 года Екатерина II провозгласила: «Телесное наказание да не коснется до благородного». Это положение распространялось и на те случаи, когда дворянин по суду лишался сословного звания. Павел же Петрович закономерно считал, что раз неким лицом утеряно сословное достоинство, то и привилегий он уже никаких не имеет. Это специально было подчеркнуто в Указе от 13 апреля 1797 года, в котором говорилось, «как скоро снято дворянство, то уже и привилегия до него не касается».

Применение унижительного и жестокого телесного наказания не рассматривалось как универсальная мера. 9 декабря 1796 года Император утвердил доклад Синода, в котором говорилось, что священники и дьяконы за уголовные преступления не должны подвергаться наказанию «телесно». Это объяснялось тем, что «чинимое им наказание в виду самых тех прихожан, кои получали от них спасительные Тайны, располагает народные мысли к презрению Священнического сана». На этом докладе Император наложил резолюцию: «быть по сему».

Дворянско-чиновная элита за десятилетия правления «Екатерины Великой» почти полностью утратила приверженность к службе, тягу к исполнению долга. Получив безнаказанность как «вольную» от своих прямых обязательств, «господа» из числа «светлостей», «сиятельств», «высокопревосходительств» и «высокоблагородий» или не служили вовсе, отираясь по большей части в залах и коридорах императорских резиденций, или же служили исключительно во имя личного тщеславия, карьеры, денежных субсидий. Многие аристократические недоросли записывались в гвардейские полки сразу же после рождения и к моменту совершеннолетия «выходили в большие чины», не неся никакой службы.

Да и те, которые «исправляли должность» в петербургских ведомствах, привыкли рассматривать службу как некоторое необременительное приложение к приятному каждодневному времяпрепровождению. В центральных канцеляриях редко можно было встретить высокого начальника ранее двенадцати часов дня, а с наступлением первых осенне-зимних сумерек, к трем-четырем часам пополудни, редко кто оставался на служебном месте. Мелкие чиновники корпели над бумагами от зари до зари, но начальники ведомств и их близкие подчинённые не утруждали себя служебным рвением. У них были дела поважнее государственной службы. Надо было спешить вкушать обед, отдохнуть, переодеться и готовиться к визитёрам, или самим наносить визиты, а вечерами — званые приемы, балы, театры, карты, сплетни.

Особо удачливых ждали вечера у Императрицы, где в Бриллиантовом зале Зимнего Дворца, или Концертном Зале Екатерининского Дворца в Царском Селе, или ином каком-нибудь зале происходили важные «ассамблеи»: карточные игры под звуки арфы или флейты. А затем ужины в присутствии Государыни, продолжавшиеся порой до двух-трёх часов ночи. И так почти каждый день, из года в год, десятилетиями.

Где-то там далеко-далеко от золоченых столичных залов располагалась огромная и тёмная страна, которая называлась Россией. Миллионы «грязных» и «необразованных» людей сеяли и убирала урожай, растили скот, рожали детей, гнили на шахтах и рудниках, погибали в чаду заводов и фабрик, мёрзли на постах и в холодных казармах, но «настоящая жизнь» была именно в столичных дворцовых гостиных. Здесь, и только здесь, делалась «высокая политика», здесь, и только здесь, господствовал «высокий имперский штиль», европейский изыск и настоящий «политес».

Важно было улавливать все нюансы придворных рокировок: кого Императрица пригласила в свои партнёры за карточный столик, с кем она разговаривала, на кого смотрела, кого по плечу ударила веером и, главное, — что сказала, каким тоном и о чём был разговор. Во имя интересов карьеры необходимо было обязательно знать и благорасположение очередного фаворита; к кому он подошёл, кого позвал, с кем разговаривал. Все надо было зафиксировать в мельчайших деталях, а потом обсуждать и анализировать до следующего случая.

Какие уж тут «дела департамента», «нужды ведомства», интересы страны. Об этом в высшем обществе и говорить-то было не при-

нято. Разложение — самое точное слово, передающее состояние административно-управленческой среды в последние годы правления Екатерины. Причём разложение, граничившее с деградацией, затронуло в первую очередь высший бюрократический слой, что в свою очередь не могло не отразиться на всей системе управления.

Нетрудно понять, какие «землетрясения», «тайфуны» и «наводнения» испытал столичный бомонд с приходом к власти Павла Петровича. Екатерина II когда-то в шутку предупреждала приближенных, что если Павел станет Монархом, то «вы намучаетесь». Это замечание Императрицы стало выглядеть пророчеством уже в первые дни и недели после воцарения Павла I. Куда делись изысканные парики, расшитые камзолы, бриллиантовые пуговицы и туфли с золотыми и алмазными пряжками! Вмиг всё улетучилось без следа вместе с ночными ужинами, карточными играми до рассвета, музыкальными вечерами и дворцовыми «амурами». На смену томной неги, которая витала при Екатерине в дворцовых лабиринтах, пришла почти армейская простота. Не было больше свободного «цветения чувств», а только служба, служба и опять служба.

Это так шокировало, возмущало, потрясало; в высшем свете все четыре года правления Павла только и разговоров было о «золотом веке Екатерины», о том, как тогда «всем было хорошо», и какая тогда была приятная и радостная жизнь! А теперь что?

Подумать только, Император Всероссийский, как какая-нибудь «необразованная деревенщина», в пять часов утра (!!!) уже на ногах, уже инспектирует караулы, принимает рапорты, требует к себе должностных лиц с докладами, и это — ни свет ни заря! Все должны теперь быть на своём месте, ещё когда и солнце не встало! И доклад должен быть как военный рапорт: краткий, ясный, без всяких «лишних слов». Да сановники так и говорить-то не умели! И ничего не забывает, требует исполнения от того, кому поручил. И поди же, не угоди, тут же можешь распрощаться с должностью, потеряешь место.

Раньше-то как хорошо было: не хочешь идти на прием с докладом, перепоручи нижестоящему, или сошлись на болезнь, дома посиди. «Матушка Екатерина» была «сердечная», всех прощала. Теперь же настали «ужасные», просто «каиновы времена». Император болезням на слово не верит, сам всё норовит проверить, гонцов посылает к болящим!

Замечательно эту новую атмосферу жизни петербургского служилого люда передал в своих воспоминаниях тогда прапорщик, а

позже сенатор Ф.П. Лубяновский (1777—1869). «Мир живет примем Государя. В канцеляриях, в департаментах, в коллегиях, везде в столице свечи горели с пяти часов утра; с той же поры и в вице-канцелярском доме, что был против Зимнего Дворца, все люстры и все каминны пылали. Сенаторы с восьми утра сидели за красным столом. Возрождение по военной части было ещё явственней — с головы началось. Седые с георгиевскими звездами военачальники учились маршировать, равняться, салютовать...».

И ещё страшная мода быстро завелась: если Император узнает, что кто-то «берёт», даже если берёт, так пустяки, «по мелочи», жди грозы. Чуть ли не самое страшное преступление теперь. А как жить, на что жить? Доходы от имения — вещь ненадёжная. То поздний мороз урожай побьет, то мор на скотину нападёт, то ещё какая-нибудь напасть и вместо прибытка — одни убытки. Самый верный источник — казна; не убудет ведь, если «на пропитание» чего-то позаимствовать. В последние годы Екатерины II казнокрадство, или, если выразаться современным языком, коррупция достигла таких размеров, которых никогда в России не наблюдалось.

Посланник Прусского Короля в Петербурге граф Брюль через несколько месяцев после воцарения Павла доносил в Берлин, что среди офицерства зреет недовольство. «Отнимая у полковых командиров возможность грабить, — писал граф, — им не дают средства к жизни, потому что у них остаётся не более 800 рублей жалования...» Действительно, как же прожить на жалование! Надо учиться экономить, надо отказывать себе во многом; теперь и перчатки лайковые каждый день не сменишь — «нищета». Получить же «приварок» к жалованью по-тихому теперь невозможно...

А дамы? Какие ущемления начали терпеть! Раньше, бывало, на балу чуть не все «прелести» можно было всему свету показать. Некоторые до того оголялись, что чуть ли полуголыми являлись: снизу ещё прикрывались, а сверху — немного редких кружев и страусиных перьев, вот и весь наряд. Екатерина не поощряла, когда девицы фривольности вытворяли, а к «зрелым дамам» была снисходительна. Некоторые из них так напомаживались и обнажались, носили такие вырезы (декольте), что чуть ли не выскакивали из платья, почти как в бане. И без стеснения демонстрировали давно увядшие прелести, что всегда служило излюбленной темой для иронических замечаний Екатерины. Она по себе знала, что никакими помадами и перьями старость не одолеешь.

Ныне же ввели в моду «русские платья», глухие, закрытые со всех сторон, даже драгоценности на них не играли, как следует. Теперь Императорский Двор, как злословили в салонах, стал походить на смесь казармы и монастыря! Как начались балы при новом царствовании, так все и оторопели. Куда ушла лёгкость, «воздушность» бывшего времени. Балы стали походить на вахтпарады; всё по строгому «расписанию», все подчинено церемониальной «принадлежности» и никакой «свободы». Император Павел, считавшийся одним из лучших танцоров, сам теперь не танцевал; исполнял только первый тур, и всё. Далее ходил в сопровождении дежурного флигель-адъютанта среди приглашенных, следя за порядком, и тут же реагировал, если замечал какую-нибудь неисправность в одежде кавалеров. Танцевали же вышедшие из моды гавот и менуэт, как танцы благопристойные.

У «веселящихся» ноги подкашивались, когда Император оказывался рядом; все только и мечтали, чтобы повелитель не удостоил вниманием. Порой случалось, что бальная зала превращалась в аудиенц-залу, когда Императору заблагорассудится вызвать кого-то для беседы, которая могла окончиться и отличием, награждением, а порой и публичным изгнанием не только с бала, но и с должности.

Некогда было теперь на балах посплетничать, а о «французских анекдотах», которыми ранее блистали записные острословы, даже страшно было вспоминать. Да и эти самые столичные «острословы» теперь все вмиг присмирели, онемели. Заканчивались же балы теперь тогда, когда раньше только начинались: в одиннадцать, а то и в десять часов вечера!

По словам А.С. Шишкова (1754—1841), наблюдавшего новые веяния на приёмах в Зимнем Дворце, «знаменитейшие особы, первостепенные чиновники, управляющие государственными делами, стояли, как бы лишённые уже должностей своих и званий, с поникнутою головою, неприметны в толпе народной. Люди малых чинов, о которых день тому назад никто не помышлял, никто почти не знал, — бежали, повелевали, учреждали».

При Павле Петровиче не чин, не именитое родословие начали служить мерилом заслуг и правом на должность, а — исполнительность, аккуратность, полная преданность делу. Ордена и чины, полученные в былые времена, прав на благополучное существование в настоящем и будущем не гарантировали.

Замечательно эту философию власти выразил сам Император. В ответ на замечание шведского посланника барона Стединга, что

обер-камергер Нарышкин¹ является «важным лицом», Павел Петрович изрёк: «Господин посол, знайте, в России важным лицом является только тот, с кем я говорю, и до тех пор, пока я с ним говорю».

По справедливому замечанию прусского посланника графа Брюля, «недовольство знати нельзя выразить словами. Беспрестанные нововведения, неуверенность, что можно сохранить занимаемое место на завтрашний день, доводят всех до отчаяния. Императора любят только низшие классы городского населения и крестьяне».

«Ненависть» аристократии знаток столичных салонных настроений граф Брюль уверенно констатировал уже через полгода после воцарения Павла I. К этому времени мало у кого оставалось сомнений, что Император не жалует дворянское сословие, что относится к нему чуть ли не враждебно. Об этом постоянно говорили в дворянской среде, приводя различные случаи. Законотворческая практика постоянно будоражила дворянские умы.

4 мая 1797 года появился Указ «не принимать прошений, многими подписанных», т.е. отменявший право дворян обращаться с ходатайствами на Высочайшее Имя». 15 ноября 1797 года подписан Указ, запрещающий участвовать в дворянских выборах лицам, уволенным с воинской службы, а 15 января 1798 года последовал Указ, запрещающий уволенных с воинской службы дворян принимать и на гражданскую службу.

В среде «благородного сословия» распространялись панические настроения; шепотом передавали друг другу, как верное известие, что Государь намеревается низвести благородное сословие на уровень мужицкий...

Одним словом, с приходом к власти Павла I рухнул знакомый, тепло-рутинный чиновно-аристократический мир. Но люди этого мира остались, они никуда не делись; жить по-другому они не хотели, да и не умели. Они сохранили психологию, привычки, комплексы времени минувшего. Они мечтали о прошлом, грезили о реванше и, в конце концов, они добились его: в ночь на 12 марта 1801 года Император Павел был убит. Но до этого «торжества справедливости» был долгий путь приспособления, недовольства, клеветы, заговоров и

¹Нарышкин Александр Львович (1760—1826). С 1798 года — обер-гофмаршал, с 1801 года — обер-камергер. В молодости одно время пользовался благосклонностью Екатерины II, но потерял её из-за дружбы с Павлом Петровичем. Его отца, Нарышкина Льва Александровича (1733—1799), столичные сплетники называли «одним из претендентов» на роль отца Павла Петровича.

животного страха. И начался этот «ужасный маршрут» для чиновно-аристократической элиты 6 ноября 1796 года.

Императору досталось тяжелое наследство. Семь войн, которые вела Россия при Екатерине — три с Польшей, две с Турцией, по одной с Персией и Швецией, — истощили финансовые ресурсы государства; государственный долг достигал астрономической суммы в 200 миллионов рублей. Административный аппарат пребывал в параличе, дела не рассматривались годами и даже десятилетиями. Только в Сенате таковых накопилось около одиннадцати тысяч!

На рубежах Империи росло напряжение; революционная чума выплескивалась за границы Франции, росла угроза престолом в близких к России государствах. Покорённая и разорённая Польша, значительная часть которой была присоединена к России, стала для Петербурга постоянной головной болью.

Начинать же Павлу Петровичу пришлось в атмосфере уныния, и начинать надо было с самого неотложного. Как только ему сообщили, что Екатерина преставилась, то сразу же был вызван Митрополит Петербургский Гавриил (Петров, 1730—1801), получивший распоряжение готовиться в церкви к принесению присяги. Мария Фёдоровна взяла на себя все обязанности, связанные с приуготовлением усопшей. В спальне была проведена уборка, тело Екатерины обмыли, переодели и положили на кровать. Затем в присутствии лиц Императорской Фамилии здесь была отслужена первая панихида, закончившаяся прощальными поцелуями с покойницей.

Потом все отправились в церковь, где генерал-прокурор граф А.Н. Самойлов зачитал Манифест — первый документ, подписанный Павлом Петровичем после восшествия на Престол. Он был составлен самим Павлом и был выдержан в соответствующих моменту тонах.

«Объявляем всем верным Нашим подданным, что по воле Всевышнего, наша Любезная Государыня, Родительница, Императрица и Самодержица Всероссийская Екатерина Вторая, по 34-х летнем Царствовании, в 6 день Ноября, к крайнему прискорбию Нашему и всего Императорского Дома Нашего, от сей временной жизни в вечную представилась. Вступая ныне на Наш Прародительский, наследственный, Императорский, Всероссийский Престол, и повелевая верным Нашим подданным учинить Нам в верности присягу, Бога Всемогущего призываем, да поможет Нам благодатию Своею Святою, бремя, от Него на Нас возложенное, подъяти на пользу Империи и ко благоденствию верноподданных наших». Наследником Цесаревичем при присяге был объявлен Великий князь Александр Павлович.

После чтения Манифеста началась присяга и первой её принесла Мария Фёдоровна. Поцеловав Крест и Евангелие, она, как сказано было в камер-фурьерском журнале, «пришла на свое Императорское место, нежно обняв вселюбнейшего своего супруга и Государя, облобызав его три раза, целуя в уста и очи; потом чинили оную по порядку Государь Наследник с его супругою, великий князь Константин Павлович с его супругою, Великие княжны Александра Павловна, Елена Павловна, Мария Павловна и Екатерина Павловна; от присяги к Государю Императору подходили Их Высочества с коленопреклонением и лобызали десницу вселюбнейшего своего родителя; потом преосвященный Гавриил и всё духовенство и все предстоящие знатные особы, находившиеся в то время в церкви, чинили присягу».

Процедура завершилась около двух часов ночи, а затем Император и Императрица отправились к телу покойной Императрицы, где Митрополитом Гавриилом была отслужена панихида. На этом первая царская ночь Павла Петровича не завершилась. Перед отходом ко сну он вызвал к себе Ф.В. Ростопчина и отдал распоряжение: «Ты устал, и мне совестно; но потрудись, пожалуйста, съезди с Архаровым¹ к графу Орлову и приведи его к присяге. Его не было во Дворце, а я не хочу, чтобы он забывал 28-е июня. Завтра скажи, как у вас дело делается».

Давно известна старая истина: старость есть возмездие или воздаяние. Для графа А.Г. Орлова-Чесменского, переступившего порог шестидесятилетия, что по тем временам считалось возрастом весьма преклонным, наступило время возмездия. Принадлежа к богатейшим людям России и занимая выдающиеся посты при Екатерине II, Алексей Григорьевич воспитывал единственную дочь — графиню Анну Алексеевну (1785—1848)², крестницу Императрицы, ставшую в XIX веке известной благотворительницей. Граф Алексей Орлов

¹ Архаров Николай Петрович (1742—1814). Начал службу в шестнадцать лет нижним чином в Преображенском полку, произведён в офицеры в 1761 году. Природная сообразительность, служебное усердие и аккуратность способствовали карьере. В 1771 году — полковник, назначен Московским обер-полицмейстером (главой полиции), в 1777 году — генерал-майор, в 1782 году — губернатор Москвы, в 1783 году — генерал-поручик. 9 ноября 1796 года по повелению Императора Павла произведен в генералы-от-инфантерии (пехоты) и награждён орденом Андрея Первозванного, причём Император снял с себя Андреевскую ленту и возложил её на Архарова. В тот же день Архаров был назначен вторым, после Цесаревича, генерал-губернатором Петербурга.

² Алексей Григорьевич Орлов был женат на Евдокии Николаевне Лопухиной, умершей 20 августа 1786 года.

была так обласкана властью, столько видел благодеяний от «матушки-императрицы», что мог рассчитывать на тихую старость. Но не довелось. Не случилось.

Наступили другие времена, и ему пришлось вспомнить, что в молодости он состоял адъютантом при Императоре Петре III, затем по приказу Екатерины его охранял и принял участие в страшном преступлении — цареубийстве, а потом написал ту самую пресловутую полуграмотную записку к повелительнице-узурпаторше, которая ранее уже воспроизводилась. Этот клочок бумаги Екатерина тщательно оберегала: она считала, что «документ» послужит ей индульгенцией от «суда потомков».

Когда уже почти поутру 7 ноября 1796 года в огромный особняк графа на Васильевском острове нагрянули важные визитёры, требуя отворить двери от имени Государя, с Орловым случился чуть ли не столбняк. Он многие годы ненавидел Павла, изощрялся в злобных островах на его счёт и понял — теперь наступила расплата. Кандалы, казематы, пытки на дыбе, — все грядущие ужасы моментально пронеслись в сознании старого, измученного подагрой царедворца. Граф был болен с 5 ноября, у него был «жар», он не вылезал из постели. Когда же узнал, что его пришли не арестовывать, а только привести к присяге на верность Государю, то сразу же воспрял настолько, что и жар пропал. Дальнейшее описано в «Записках» Ф.В. Ростопчина.

Первоначально граф, узнав о смерти Екатерины, в полуобморочном состоянии произнес вслед умершей: «Господи! Помяни её в царствии Твоём», и залился горячими слезами. Но слезы немедленно высохли, когда визитёры поинтересовались причиной отсутствия сановника на присяге. Орлов стал уверять, что он «огорчён» тем, что Государь мог усомниться в его верности! Граф немедленно выскочил из постели и тут же, прямо в одном халате, намеревался следовать в церковь, чтобы присягать. Архаров поддержал инициативу, а Ростопчин считал, что всё можно сделать проще. Он сказал, что текст присяги при нём, и «рукоприкладства достаточно будет». Граф был неумолим и явил настойчивость и резвость не по годам.

«Нет, милостивый государь, — восклицал Орлов, — я буду и хочу присягать Государю пред образом Божиим». Снял образ со стены, держа зажжённую свечу в руке, «читал твёрдым голосом присягу и, по окончании, приложил к ней руку», т.е. расписался. Затем, как заметил Ростопчин, «мы оба вышли вон». И далее мемуарист присоветовал резюмировать: «Несмотря на трудное положение графа Орлова, я не заметил в нём ни малейшего движения трусости или подлости».

Возможно, что в тот момент граф и «не явил движения подлости», но самую главную в своей жизни он уже свершил: в молодости он уже один раз присягал «перед Лицом Божиим» на верность Государю Петру III, а потом без колебаний предал его. И от той клятвы на верность его никто не освобождал...

Тусклое петербургское осеннее утро 7 ноября 1796 года ознаменовало появление нового облика власти и невероятного изменения жизни. Уже в начале девятого утра (и это после почти бессонной ночи!) Император Павел в сопровождении небольшой свиты и Цесаревича Александра Павловича выехал из Зимнего Дворца в первую монаршую инспекционную поездку по городу. А в десять часов принял вахтпарад (развод караула) перед Зимним Дворцом; с этого момента подобное начало происходить ежедневно и стало делом незаменимым.

В первый день царствования Павла Петровича стали вырисовываться новые ориентиры и приоритеты верховной власти. Появились указы, касающиеся организации военного дела и наведения порядка в военной среде. Во-первых, Император принял на себя «звания Шефа и Полковника всех Гвардии полков». Во-вторых, вышел Указ «О запрещении Генералам носить другие мундиры, кроме того корпуса, которому принадлежат, а Офицерам другого одеяния, кроме мундиров». О шубах, муфтах и лакированных туфлях офицерам теперь нужно было забыть.

Следующий указ касался еще одной стороны, затронутой разложением. Подлинный состав частей, их штатная численность совсем не соответствовали наличному составу. Нередко выяснялось, что реально могло встать в строй не более трети от штатной численности, остальные кто где: кто только в «записи», кто в «отпуску», кто в болезни, кто ещё где-то. Получалось, что армия существовала только на бумаге. Отныне — все должны были встать в строй, а кто не в строю, должны быть исключены из штатных списков.

И ещё одна напасть, которую Павел Петрович решил истребить в самом начале правления: использование нижних чинов произвольно, по прихоти командиров. При Екатерине II солдат воспринимали как рабов. Командир мог ими бесконтрольно распоряжаться; мог отдать их по просьбе «хорошего человека» в «услужение». Нижние чины трудились в поте лица в барских имениях, и на такую дармовую силу был высокий спрос. Рекрутов, по сути дела, превращали в рабов и таковых, «расташенных», по признанию А.А. Безбородко, в 1795 году

насчитывалось до 50 тысяч, при том, что состав армии составлял около 400 тысяч человек!

Солдат должен обучаться военному делу, знать его, а не горбатиться на строительстве оранжереи или рытье котлована для пруда в поместье какого-нибудь важного господина. Дело это было недопустимое, а потому уже 22 ноября 1796 года появился Указ «О неупотреблении нижних воинских чинов в партикулярные (гражданские. — А. Б.) работы», категорически запрещающий подобную практику.

Павел I бесповоротно покончил с этим рабством, и эта мера немалому числу сановных особ пришлось не по душе; ведь их «обобрали», «обделили», «оскорбили». Правда, потом эти самые особы, когда составляли «каталог вин» Императора, то о вышесказанном умолчали. Все-таки неудобно было оправдывать убийство Императора «во имя России» ссылками на свои материальные убытки от потери рабского труда.

В первые же дни нового царствования начались назначения и пожалования. Люди, которым Павел доверял, которые в старые «лихие годы» не боялись выказывать ему свое расположение, или проявили себя достойно на службе в «гатчинском войске», волею Самодержца начали возноситься наверх. Адьютантами в Императорскую Свиту назначены: генерал-майор С.И. Плещеев, генерал-майор П.А. Шувалов, бригадир Ф.В. Ростопчин, полковник Г.Г. Кушелев, майор Н.О. Котлубицкий, камер-паж А.И. Нелидов, который был произведен в майоры¹.

Одновременно граф Н.А. Салтыков и князь Н.В. Репнин — пожалованы в фельдмаршалы, граф И.Г. Чернышёв получил генерал-фельдмаршала, полковники А.А. Аракчеев, Н.Х. Обольянинов, Г.Г. Кушелев стали генерал-майорами, подполковник Д.М. Кологривов — полковником. Было немало и других пожалований.

Рассматривая пожалования и назначения Императора Павла Петровича, как первого периода, так и последующих лет, нельзя установить некоей строго-системной «кадровой политики». Все основывалось на личной симпатии Императора, на его восприятии людей и их поступков в том виде, как они открывались монаршему взору. Два качества — личная преданность и аккуратность в исполнении службы — являлись главными при назначениях и при отличиях тех или иных лиц. Собственно, так было всегда: преданность Монарху

¹ В 1799 году Г.Г. Кушелев и Ф.В. Ростопчин были возведены Павлом I в графское достоинство.

являлась важнейшим побудительным мотивом при назначениях на государственные посты и ранше.

При Императоре Павле I в эту традицию был добавлен один важный, эмоциональный, нюанс. Человек впечатлительный, романтический он, как уже упоминалось, с ранних пор был склонен «влюбляться» в людей. Это касалось как героев давних исторических эпох, так и тех, с кем ему приходилось встречаться лично. Эту черту в своё время очень точно подметил его воспитатель С.А. Порошин. Павел Петрович порой настолько очаровывался, что мысленно возносил человека на пьедестал, начинал считать его эталоном. Годы и опыт охладил юношеский пыл, но не убили склонности к восторженным увлечениям.

Постепенно восторженные эмоциональные всплески проходили, человек предстал во многих своих несовершенствах, и тогда происходило свержение кумира с пьедестала. Особенно Павел Петрович был непримирим в тех случаях, когда возникало подозрение в неискренности, в двурушничестве. Бесконечные предательства породили постоянную настороженность в злокозненных намерениях. Гнев Императора вызывали и всякие самовольные действия, как и желание утаить неполадки в подведомственном учреждении. Павел Петрович не только в таких случаях прерывал личные отношения, но и лишал бывшего любимца должностного кресла.

Почти все фавориты Императора Павла Петровича первой поры потеряли расположение и подверглись различным опалам. Услужливый обер-полицмейстер генерал Н.П. Архаров в июне 1797 года был отрешен от должности и отправлен в свое тамбовское имение. Верный Аракчеев, получивший в 1799 году графский титул и ставший инспектором артиллерии, за неурядки в деятельности Арсенала был отставлен от всех должностей и сослан в имение.

Друзья юности Павла князья братья Куракины — Александр и Алексей — стали влиятельными фигурами. Первый получил должность вице-канцлера, а второй — генерал-прокурора Сената и управляющего уделов. В 1798 году оба впали в немилость и лишились постов. Фёдор Ростопчин, получивший в 1799 году графский титул, сделал стремительную карьеру: генерал Свиты, член Иностранной коллегии, действительный тайный советник, генеральный директор почт и первоприсутствующий в Иностранной коллегии (фактически — министр иностранных дел) в начале 1801 года лишается всех должностей и высылается из Петербурга. И так далее и тому подобное.

Некоторые, правда, не испытывали подобной резкой перемены симпатий. Скажем, граф Николай Салтыков, бывший гофмейстер двора Цесаревича, ставший ещё при Екатерине II управляющим Военной коллегией, т.е. военным министром, сохранил своё положение и после воцарения Павла Петровича.

Боле ста лет назад историк Е.С. Шумигорский написал: «Насколько любили Павла Петровича низшие классы населения, настолько же трепетали классы высшие, дворянство и чиновничество, а между тем они-то и окружали особу Монарха, наполняя собою Двор, гвардию и столицу. Прямого противодействия Государю не могло быть, но существовало глухое недовольство правительственной системой, стремление унизить её, сделать смешной».

Особо ретивые «слути Императора» порой творили от имени Монарха дела совершенно невообразимые, а насмешки и стрелы критики летели исключительно по адресу Императора. Один из них — Николай Петрович Архаров (1742—1814), сникавший ещё при Екатерине II негласное звание «мастера полицейского сыска». В русском языке даже долго бытовало прилагательное «архаровцы», обозначающее бесцеремонное и наглое притеснение. Когда пришел к власти Павел Петрович, то Архаров решил, что «пробил его час». Историк Е.С. Шумигорский очень точно написал об Архарове, что он, с одной стороны, был «пронирым», но в то же время цели и намерения его являлись «загадочными».

Его деятельность «по наведению порядка» и раскрытию «заговоров якобинцев» была шумной, активной, а по сути своей — вредоносной. Она дискредитировала власть вообще, но особенно Императора, так как все несуразности осуществлялись от имени Императора. Архаров стремился «угодить» Монарху, играя на врожденном чувстве опасности перед недоброжелателями и заговорщиками, с юности присущем Павлу Петровичу.

Архаров совсем не был глупым, а потому его чрезмерное рвение невольно наводит на мысль, что он не столько «был», сколько казался преданным и верным. Являясь «вторым» генерал-губернатором Петербурга (первым числился Цесаревич Александр Павлович), он фактически шесть месяцев осуществлял власть в столице Империи от лица Монарха. И эта власть в лице Архарова и его полицмейстеров явила свой уродливый лик уже на следующий день после смерти Екатерины.

После воцарения Павел I выразил своё недовольство «якобинским духом», который царствует в столице и который нельзя было

не заметить; распространение круглых шляп и фраков служило тому зримым подтверждением. Ведь эта «мода» пришла из революционной Франции, где властвовало «эгалитэ» (равенство). Отказ от мундиров, пышных головных уборов и служебных камзолов как раз и символизировал «равенство всех граждан»; этот принцип отрицал служебную и общественную субординацию. Императору такое нарочитое преклонение перед богомерзким увлечением казалось недопустимым.

И Архаров решил «навести порядок», хотя никакого письменного указа на сей счёт не последовало. Уже 7 ноября деятельные полицейстеры начали срывать с головы прохожих круглые шляпы. В Петербурге имело место несколько подобных случаев, хотя точное число их и не известно. Столичная же молва рисовала ужасающую картину: прохожих на улицах арестовывали и чуть ли не раздевали донага только за то, что они были одеты несоответствующим образом. «Архаровцы» начали творить своё чёрное дело: первое «обвинение» Императору Павлу уже было добыто. Потом было много других мелочных придирок и полицейских «регламентаций», ставших поводами для насмешек и издевательств над Императором в аристократической среде.

Павел Петрович же о подобном безумном рвении долго не подозревал. Ему не сообщали подробностей. Одни приближенные боялись вмешиваться в отношения между Императором и его «любимцем»; другие же с наслаждением наблюдали за дискредитацией образа Монарха. Архаров был низвергнут со своего служебного пьедестала совместными усилиями Императрицы Марии Фёдоровны и «царского друга» Е.И. Нелидовой. Поводом послужила очередная «проделка» ретивого генерал-губернатора.

Когда в марте 1797 года Императорская Семья и Двор отбыли из Петербурга на Коронацию в Москву, то временно исполнять обязанности генерал-губернатора столицы было доверено генерал-поручику Ф.Ф. Буксгевдену (1750—1811)¹. Архаров вернулся в Петербург раньше всех и решил подготовить «подарок» Государю, приказав всем домовладельцам выкрасить заборы и ворота в цвета постовых будок: полосами чёрной, белой, оранжевой красок. Но тут не выдержала Императрица, до которой дошла весть о подобном безумном распоряжении. 20 мая 1797 года она писала Е.И. Нелидовой.

«Я узнала о новой подлости Архарова. Говорят, что он принуждает всех окрасить двери своих домов ромбами в чёрные и жёлтые цвета,

¹ После Коронации Ф.Ф. Буксгевдену было пожаловано графское достоинство.

и что хозяин одного из лучших домов, где двери украшены резной работой, также принуждён обезобразить их таким образом. Архаров простирает свою подлость так далеко, что приказал объявить хозяевам, которые отказываются исполнить его требование, что он пришлёт к ним маляров, и что они разрисуют им двери за их счёт. Всё это падает на нашего доброго Императора, который, несомненно, и не думал отдавать подобного приказа, существующего, как я знаю, по отношению к заборам, мостам и солдатским будкам, но отнюдь не для частных домов. Архаров — негодай».

После Коронации Павел I несколько недель совершал поездку по России и вернулся в Петербург в июне. Тут и случился акт возмездия и воздания: Павел Петрович уволил Архарова от должности и изгнал из Петербурга, а Ф.Ф. Буксгевдена наградил графским титулом.

С послекоронационной поездкой Императора по России связан один эпизод, который показал, насколько Павел Петрович был непреклонен и неумолим в тех случаях, когда речь шла о нарушении закона. Маршрут поездки охватывал обширные районы и пролегал через Смоленск, Оршу, Могилёв, Минск, Вильно, Гродно, Ковно, Митаву, Ригу и Нарву. В общем поездка прошла гладко, Император был доволен. Единственный инцидент случился во время проезда по Смоленской губернии.

Проезжая через слободу Пневу, Павел Петрович обратил внимание на вновь построенный мост и на толпу крестьян, занятых строительными работами, хотя он предписал чиновникам на местах не творить никаких работ на пути его следования, чтобы не менять исконной картины. Монарх вышел из кареты и побеседовал с крестьянами, которые открыли ему неприглядные вещи. Их помещик Храповицкий послал их на строительство моста, где они трудились три недели, днём и ночью, да и вообще их барин притесняет их, не даёт жизни.

На Павла Петровича эти рассказы подействовали угнетающе. Мало того что барин не блюдёт главную свою обязанность: печься о крестьянах, которые даны ему не для издевательств, а для управления, так ещё и волю царскую ни во что не ставит. Нарушил несколько законов, в том числе и об ограничении отработок тремя днями. Не может никто больше по своему усмотрению крестьян использовать, тем более теперь, в мае, в страдную пору, когда они должны хлебопашеством заниматься! Павел распорядился: выплатить крестьянам 2500 рублей, распустить их по домам и расследовать: кто именно приказал провести указанные работы. На этот счёт смоленскому

военному губернатору генералу М.М. Философову 5 мая 1797 года было послано особое предписание...

Импульсивное, эмоциональное отношение Павла I к людям вообще и к сановникам в особенности таило огромную опасность: возвысить недостойного и низвергнуть верного. В душу людскую не заглянешь. Тут одного пронзительного взгляда в глаза было недостаточно; читать по лицам, как по сокровенной книге, можно лишь тогда, когда имеешь дело с простодушными людьми. В придворном же мире всегда находились экстра-класса мастера лицемерия. Они и взгляды пронзительные выдерживали, и слова нужные произносили, а когда надо, то и молчать, как истуканы, умели. И главное — обладали способностью предвосхищать желания повелителя, чем умиротворяли его эмоциональные взрывы и порывы. В душе же оставались циничными и злокозненными.

Самая колоритная, роковая фигура в этом ряду — последнее «увлечение» Императора Павла — барон, а затем граф Пётр Алексеевич фон дер Пален (1745—1826). Он происходил из шведской дворянской семьи, осевшей в Эстляндии. С 1760 года Пален служил в конной гвардии, участвовал в русско-турецких войнах. Его заметная карьера началась при Екатерине.

С 1792 года Пален — правитель Рижского наместничества, с 1795 года — Курляндский генерал-губернатор. При Павле Петровиче в 1798 году получил генерала-от-кавалерии, а в 1799 году удостоен титула графа. В 1798 году Пален назначается Петербургским военным губернатором, т.е. становится после Императора следующей властной фигурой в пределах столицы Империи.

Ум, служебное рвение, умение попасть в тон настроениям Павла Петровича сделали из Палена одного из любимцев Императора. Это была роковая ошибка. Самодержец слишком доверял человеку, насквозь лживому и аморальному, оказавшемуся в конце концов организатором и душой заговора, закончившегося убийством Помазанника Божия. Вряд ли это безмерное и опрометчивое доверие имело бы место, если бы на стороне Палена не оказался другой выдающийся интриган — пресловутый Кутайсов, монарший крестник, его «верный Иван». Так или иначе, но факт остаётся фактом: Пален — самый страшный «кадровый провал» Императора Павла Петровича...

В конце 1796 года до роковых канунов было ещё слишком далеко. Императору Павлу приходилось решать множество текущих дел, определять позицию по стратегическим вопросам внутри и вне России. Его потом обвиняли, что он одержим был «маниакальной

Император Петр III.
Художник Л. Пфандцельг.
Около 1761 г.

Императрица Екатерина II.
Художник И.П. Аргунов. 1762 г.

Летний дворец императрицы Елизаветы Петровны,
где родился великий князь Петр Петрович.
Художник А.А. Греков. 1753 г.

Медаль на рождение Великого князя Павла Петровича,
20 сентября 1754 г.

Предполагаемый портрет великого князя Павла Петровича в младенчестве, 1750-е гг.

Портрет великого князя Павла Петровича в детстве.
Художник Ф.С. Рокотов, 1761 г.

Портрет великого князя Павла Петровича. 1770-е гг.

Великая княгиня Наталья Алексеевна в ожидании ребенка. Художник А. Рослин. 1770-е гг.

Настольная медаль Свадьба Великого князя Павла Петровича с принцессой Натальей Алексеевной. 29 сентября (10 октября) 1773 г.

Граф и графиня Северные
(великий князь Павел Петрович и великая княгиня Мария Федоровна).
Художник Б. Патони. 1782 г.

Дамский концерт в честь графов Северных.
Художник Ф. Гварди. Около 1782 г.

Великий князь Павел Петрович и Мария Федоровна в парке с детьми Александром и Константином. Силуэт И.Ф. Антинга. 1790 г.

Вид на Гатчинский дворец с Длинного острова.
Художник С.Ф. Щедрин. 1796 г.

Великий князь Павел Петрович и Мария Федоровна. Медальон.
Последняя четверть XVIII в.

Коронация Павла I и Марии Федоровны 5 (16) апреля 1797 г. Деталь.
Художник М.Ф. Квадаль, 1790-е гг.

Портрет императора Павла I.
Художник С. Щукин. 1797 г.

Белый зал в парадной половине Павла I в Гатчине.
Акварель Э.П. Гау. 1877 г.

Овальный кабинет Павла I в Гатчине.
Акварель Э.П. Гау. 1877 г.

Портрет П.В. Лопухина.
Около 1801 г.

Портрет П.Х. Обольянинова.
Художник В.Л. Боровиковский.
1757—1825 гг.

Портрет И.П. Кутайсова.
Конец XVIII начало XIX в.

Портрет А.А. Аракчеева. 1800-е гг.

Парад в Гатчине (Строевые учения русской армии в Гатчине при Павле I).
Художник Г. Шварц. 1847 г.

Вручение новых знамен лейб-гвардии Преображенскому полку
2 января 1798 года. Акварель М.М. Иванова

Вид на Большой дворец в Павловске со стороны парка. Акварель 1808 г.

Павел I с семьей на фоне Павловского парка.
Художник Ф. фон Кюгельген. 1800 г.

Посвящение Павла I в гроссмейстеры Мальтийского ордена. Эскиз медали

Мальтийская корона

Государственный орёл с Мальтийской короной и Мальтийским крестом, включёнными в состав герба указом Павла I от 10 августа 1799 г.

Павел I в одеянии гроссмейстера Мальтийского ордена.
Художник С. Тончи. 1798—1800 гг.

Портрет П.А. фон дер Палена.
XIX в.

Портрет М.О. де Рибаса.
Художник И.Б. Лампи-старший.
Конец XVIII в.

Портрет П.А. Зубова.
Художник И.Б. Лампи-старший.
Конец XVIII в.

Портрет О.А. Жеребцовой.
Художник Ж.Л. Вуаль. 1780 гг.

Портрет Н.А. Панина.
Художник Ж.Л. Вуаль. 1792 г.

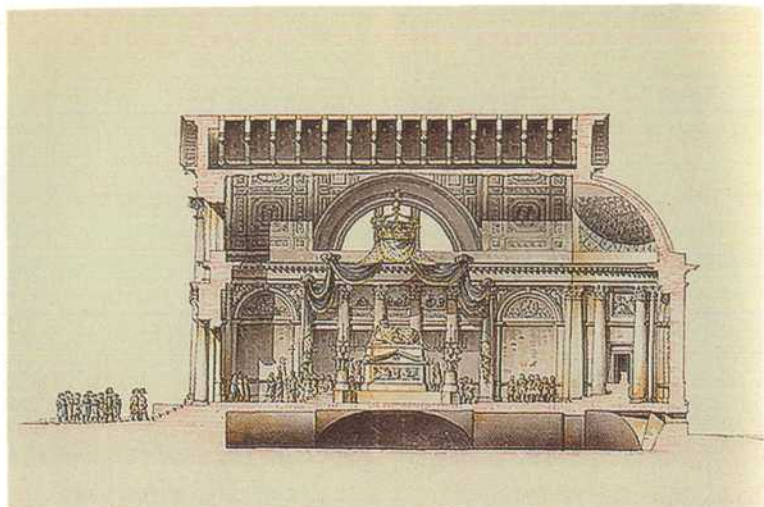

Портрет Л.Л. Беннигсена.
1814—1818 гг.

Михайловский (Инженерный) замок.
Акварель Дж. Кваренги. 1801 г.

Мальтийская капелла в Санкт-Петербурге. Продольный разрез по главной оси с изображением катаfalка императора Павла I. Рисунок Дж. Кваренги. Между 1798—1800 гг.

Император Павел I на смертном одре. Гравюра 1801 г.

идеи» скорее «похоронить», «предать забвению» царствование Екатерины II. Подобной специальной сверхустановки в его деятельности обнаружить невозможно. Он хотел навести порядок в управлении, стремился подчинить жизнь в Империи регламенту, уставу, заставить всех исполнять предписания добросовестно, с полной отдачей сил. Естественно, что это противоречило всему строю управления при Екатерине II, всему духу её царствования.

Всем стало ясно, что Екатерининское время ушло безвозвратно уже через три дня после кончины Екатерины II. 9 ноября был опубликован Указ о создании «Печальной (похоронной) комиссии» для «перенесения в Соборную Петропавловскую крепость тела Государя Императора Петра Фёдоровича, и для погребения тела Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны». Сановно-аристократический Петербург был потрясён: мало того что из небытия выплыла личность убиенного Петра III, «давно сгнившего в гробу», о котором уже мало кто и помнил. Так и имя «матушки-императрицы», «благодетельницы» было поставлено на второе место, как какое-то «приложение»!

Павел же Петрович обладал отличной памятью и точно знал, что достойно перезахоронить отца его долг не только перед памятью умершего, но и перед Богом! Потому он ни минуты не колебался; он давно надеялся непременно осуществить подобное, если Провидению будет угодно наделить его властью. Теперь и настало такое время...

Верная «до гроба» умершей Императрице графиня В.Н. Головина в своих «Записках», вынужденная признать великодушие Императора Павла, категорически не приняла, как и почти весь столичный бомонд, всего похоронного церемониала.

«Вступая на Престол, — писала графиня, — Император Павел совершил много справедливых и милостивых поступков. Казалось, что он не желал ничего дурного, кроме счастья своего государства; ... старался уничтожить злоупотребления, допущенные в последние годы царствования Екатерины. Он проявил благородные и великодушные чувства, но он разрушил (!!! — А. Б.) всё это, пытаясь бросить тень на добрую память Императрицы. Своей матери. Первым делом он приказал совершить заупокойную службу в Александро-Невском монастыре, близ могилы своего отца, присутствовал на ней со всей семьей и Двором и пожелал, чтобы в его присутствии открыли гроб; там оказался только прах от костей (?! — А. Б.), которым он и приказал воздать поклонение. Затем он распорядился устроить великолепные похороны Петру III со всеми церковными и военными cere-

мониями, перенёс гроб во Дворец, следовал за шествием пешком и приказал участвовать в церемонии Алексею Орлову».

Погребение Петра III и Екатерины II состоялось в Петропавловском соборе 18 декабря 1796 года. Смерть соединила супругов; их бранные останки до сего дня покоятся рядом, перед правым клиросом собора...

Одной из первых и важнейших мер Павла Петровича стало полное прощение всех польских участников войны 1794—1795 годов. Он был всегда против присоединения польских территорий к России, видя в том не просто бессмыслицу, но — национальную беду. Переиграть назад историю было уже нельзя; восточные районы некогда независимой Польши теперь — часть Империи, факт, признанный международным правом. Потому Император сделал то, что мог сделать: явил акт великодушия к поверженному врагу. Некоторые в том увидели лишь желание «перечеркнуть правление Екатерины II». На самом деле это была попытка милосердием заживить старые раны. Польские участники борьбы с Россией были прощены. Вот что по этому поводу написал «записной польский патриот» князь Адам Чарторыйский.

«Павел I отправился освобождать Костюшко¹ и его товарищей по заключению. Император особенно милостиво отнесся к польскому патриоту и сказал ему, что будь он, Павел, на Престоле, то никогда бы не дал согласия на раздел Польши; что он считал этот акт несправедливым, но теперь, раз он уже совершился и имеет международное значение, он принужден считаться с существующим фактом». Случилось это событие 16 ноября, через десять дней после воцарения.

Только милостивыми словами дело не ограничилось. Все польские арестанты получили свободу. Император лишь просил, чтобы они дали слово не воевать больше с Россией. Слово они это дали, но вырвавшись на свободу, не чувствовали себя связанными моральными обязательствами. Тот же Костюшко, когда Павлу стало известно, что он намеревается уехать в Америку, получил от Императора огромную сумму денег — 60 тысяч рублей, карету, и роскошную соболью шубу. Эти щедрые подарки, как элегически заметил Чарторыйский, он «вынужден был принять», но они его «угнетали». Оказавшись же

¹ Костюшко Тадеуш (1746—1817), польский политический деятель, руководитель борьбы с Русской армией в 1794 году. Был ранен в октябре того года, взят в плен и заключён в нижнем этаже Мраморного дворца, бывшей резиденции князя Г.Г. Орлова на Дворцовой набережной Петербурга. После освобождения в 1796 году Костюшко уехал в США, в 1798 году вернулся в Европу и до конца жизни выступал за независимую Польшу.

в Северной Америке, Костюшко прислал Императору грубое письмо, уведомляя, что «возвращает» подаренные деньги.

Были амнистированы и русские подданные, находившиеся в заточении по воле Екатерины II. Самыми известными среди них были: А.Н. Радищев (1749—1802) и Н.И. Новиков (1744—1818). Первый был сослан в 1790 году в далекий Илимск за свою книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», а второй — осужден в 1792 году на заточение в Шлиссельбургскую крепость за издание литературы «масонского направления».

Были освобождены и другие лица, в том числе и И.В. Лопухин (1756—1816) — известный масон, член масонского «Дружеского общества» и, как «сообщник» Новикова, арестованный и высланный из столицы в 1792 году. 4 декабря Лопухин был принят Императором, и об этой встрече Лопухин написал, что Император «имел такой дар приласкать, что ни с кем всю мою жизнь не был я так свободен при первом свидании, как с сим грозным Императором». Опальный масон был сделан адъютантом Императора, но вскоре он перессорился со всем окружением Павла Петровича, который, сделав его сенатором, исключил из круга близкого общения.

В числе прочих помилованных был выпущен из Петропавловской крепости и известный монах-прорицатель Авель (Васильев, 1755—1841). Крестьянин Тульской губернии, он обладал чудозримым даром; все его мысли и чувства с детства были устремлены на божественное и судьбы Божии. Странствовал по России, потом принял послушание в Валаамском монастыре, затем подвизался в других обителях. Когда пребывал в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии, то написал книгу, в которой предсказал год и день кончины Екатерины II. По тем временам это было неслыханное «надругательство», о котором стало известно в Петербурге и дошло до самой Императрицы. Авеля в кандалах препроводили в столицу; здесь он был заключён в тюрьму, где просидел более года. Павел Петрович освободил Авеля и имел с ним беседу, которая воспроизводится в нескольких редакциях, весьма разнящихся друг от друга.

Затем Авель нашел приют в келье Александро-Невской лавры, куда к нему начали стекаться богомольцы всех званий и чинов. Не обретя желанного уединения, Авель отбыл обратно на Валаам, там написал новую книгу, предсказал насильственную смерть Императору Павлу. В кратком изложении пророчество, обращенное к Императору, звучало следующим образом: «Царства твоего будет всё равно, что ничего: ни ты не будешь рад, ни тебе рады не будут,

и помрешь ты не своей смертью»¹. За год до убийства Императора пророчествующий монах был снова доставлен в Петербург и заточён в Петропавловскую крепость...

Несмотря на многообразные ритуальные, церемониальные и прочие обязанности, законотворческая деятельность Императора не прерывалась ни на один день. Причём особое внимание было уделено тому, чтобы все распоряжения, не только письменные, но и устные, считались законодательными нормами, подлежащими обязательному исполнению. По этому поводу 13 ноября появился Указ, гласивший: «Государь Император указать соизволил, чтобы отдаваемые в Высочайшем Его присутствии приказы при пароле (на вахтпарадах, при разводе караулов. — А. Б.) как о производствах, так и о прочем, считались Именными указами».

Павловская распорядительная машина работала без устали; новые нормы и положения касались порой, как казалось, мельчайших деталей быта вообще и офицерского в особенности. Например, 13 ноября появился именной Указ, предписывавший не носить «перьев никому, кроме генералов, командующих гусарскими войсками».

Или, скажем, указ от 20 ноября, повелевавший именовать Летний Дворец, где когда-то родился Павел Петрович, Михайловским. Однако это решение не являлось законотворческой «мелочью». Здесь заключена мистическая история, напрямую связанная с судьбой Павла Петровича. После воцарения Императора солдату, стоявшему на посту в Летнем Дворце, явился вождь небесного воинства в борьбе с темными силами — Архангел Михаил и повелел построить на этом месте храм. Произошло то событие 8 ноября, в день празднования Архангела. Солдат был потрясен, рассказал сослуживцам, затем командиру и далее весть дошла до Самодержца. Будучи необычайно чутким ко всяким знамениям, Император лично допросил солдата и удостоверился в подлинности происшедшего. После этого и последовал упомянутый Указ. Однако переименованием Дворца дело не ограничилось.

Император распорядился на месте старого начать проектирование нового дворца, который должен был получить название Михайловского, с обязательным устройством в нём большой дворцовой церкви. Он должен был стать главной Императорской резиденцией взамен

¹ Эти слова, как и другие вещи предсказания, воспроизводятся в различных изданиях по-разному, как и форма их оглашения. В одних случаях ссылаются на прямую речь при беседе Царя и монаха, в других — на некий письменный текст книги, оригинал которой до наших дней не сохранился.

Зимнего Дворца. Закладной мраморный камень в основание нового сооружения был положен Императором 26 февраля 1797 года, а надпись на нём гласила: «В лето от Рождества Христова 1797 года, месяца февраля в 26-й день, в начале царствования Государя Императора всея Руси Самодержца Павла Первого, положено основание сему зданию Михайловского замка его Императорским Величеством и супругою его Государыней Императрицей Марией Фёдоровной».

Переезд Императорской Фамилии в здание Михайловского замка состоялся в начале 1801 года. Существует предание, что именно тогда Павел Петрович произнёс вещие слова: «На этом месте я родился, здесь хочу и умереть». Это пожелание Императора трагически исполнилось; именно в Михайловском замке ему пришлось встретить свою смерть...

В ряду законодательных мер Павла Петровича начального периода царствования преобладали значимые распоряжения. 16 ноября вышел Указ о всеобщей амнистии всем нижним чинам, находившимся под судом или под следствием, а 19 ноября появился Указ, восстанавливающий главные центральные органы управления народным хозяйством: Берг-коллегию, Мануфактур-коллегию и Коммерц-коллегию.

Коллегии, как центральные учреждения, ведавшие различными отраслями государственного управления, появились при Петре I. Первая — Коммерц-коллегия возникла в 1715 году. Коллегии возглавлялись президентами. Они имели свой штат, бюджет и подчинялись Императору и Сенату. В связи с губернской реформой 1775 года некоторые коллегии были упразднены и их функции перешли к местным губернским учреждениям. Это лишало данные органы значения общегосударственных и привело к измельчанию и раздроблению их задач и функций. Павел Петрович, отстаивавший строго вертикально-иерархическую систему управления, восстановил бывшие центральные органы. Об этом со всей определённостью говорилось в законе.

«Свступлением Нашим на Прародительский наследственный Престол Всероссийской Империи, восприняли Мы на Себя Священнейший долг пещись о благе наших верных подданных. В сем уважении взирая на обширную связь существующего ныне правления, усматриваемым на первый случай крайнюю неудобность на раздроблении важных отделений Государственной экономии, каковы суть произведения горные, мануфактурные и коммерция, на сколько частей разных, сколько находится губерний».

Как уже упоминалось, основой Павловской системы власти, центральным пунктом его управленческой философии была идея исполнения и послушания. Она сквозит во многих распоряжениях всех лет правления Павла Петровича, и решения, из неё вытекающие, распространялись на все слои и группы населения. Как только возникала некая общественная коллизия, так тут же появлялся Указ или Манифест с разъяснением. Так произошло с известным решением Павла о приведении к присяге на верность крестьянского сословия.

Крестьяне, присягая на верность Императору, невольно начинали смотреть на Монарха как на своего повелителя. Большинство крестьянства той поры принадлежало помещикам (более половины всего числа), а остальные считались казенными, т.е. государственными. Теперь же и те и другие как бы по факту уравнивались в своей юридической принадлежности. Неизбежно пошли разговоры о том, что мы «не за помещиком», теперь «мы Государевы». Эти настроения рождали предположения о скорой отмене крепостной зависимости вообще. В некоторых местах дело дошло до открытого крестьянского «возмущения» и Павел I немедленно отреагировал. 29 января 1797 года появился Высочайший Манифест «О должном послушании крестьян своим помещикам во всех повинностях, и об обязательности в отношении сего губернских начальств и приходских священников».

Уместно подчеркнуть, что многие основные законодательные акты Павловского царствования составлялись самим Монархом; в тех же случаях, когда они исходил от должностных лиц или структур, то все они, прежде чем получить одобрение, внимательнейшим образом, что называется, до последней запятой им прочитывались. Павел I не признавал в государственном управлении «мелочей»; всё здесь представлялось значимым. Потому юридические акты Павловского царствования напрямую отражали мировоззрение Самодержца. Манифесты же, как форма всенародного объявления монаршей воли, составлялись самим повелителем России.

В этом документе, который надлежало зачитывать во всех церквях по всей России, нет резких обличений и грозных предупреждений. Как было сказано, «мы предварительно всяким усиленным мерам по укрощению буйства подобного, влекущим обыкновенно за собой самые бедственные и разорительные для непокорных последствия, (намерены) употребить средства кроткие и человеколюбивые». В Манифесте разъяснялась неизбежность существующих общественных отношений и осуждалось то, что некоторые «выходят из должного

им послушания, возмечтав, будто бы они имеют учиниться свободными».

Царь как бы обращался с пастырским увещанием к подопечным, напоминая исходный христианский канон о послушании. «Взываем всех, и каждого, да обратятся к законам и власти повиновению, ведая, что закон Божий поучает повиноваться властям предержавшим, из коих нет ни единой, которая не от Бога поставлена была». Ответственность за сохранение порядка и стабильности в Империи возлагалась не только на административные власти, обязанные возмутителей спокойствия «подвергать законному осуждению и наказанию», но и на священнослужителей. Им предписывалось утверждать в народе «благонравие», «послушание» и напоминалось, «что небрежение их о словесном стаде, им вверенном, как в мире сём взыщется начальством их, так и в будущем веке должны будут дать ответ перед Страшным Судом».

Особое место в ряду Павловских актов имело введение в действие воинских уставов: двух о конной и одного — о пехотной службе; распоряжение о том последовало 29 ноября 1796 года. Впервые был утвержден универсальный стандарт воинской службы, охватывающий всю совокупность военной организации. Павел Петрович многие годы трудился над созданием таких уставов, совершенствуя отдельные положения за годы создания и выпестовывания своего «гатчинского войска».

Отныне законодательно утверждалась структура подразделений, их штатная численность, соотношение должностных чинов и подразделений отдельных воинских частей. Служебные обязанности всех и каждого были детально расписаны, причём эта детализация касалась всех фаз и форм службы, начиная с самых ранних. В Уставе о полевой пехотной службе отдельно и подробно говорилось о подготовке рекрутов. Только несколько выписок.

«Рекрута заставлять маршировать без ружья до тех пор, пока не получит настоящую позитуру солдатскую; учить его как держать голову; сказать ему, чтоб голову не опускал, вниз не глядел, а будучи под ружьём, подняв голову прямо, глядеть направо, и маршировал глядя на ту особу, мимо которой марширует».

«Маршировать вытянувши колено, носки вон, ногу опускать не на каблук, не загибая оной, а на носок, корпус держать прямо, а не назад, и не высывая брюха, но вытянув грудь и спину; и если рекрут не так, как выше предписано, стоит под ружьём, то такого поправлять, показав ему неудобство»...

Может показаться странным, что Император занимался подобной «ерундой», но ещё более странно то, что ранее ничего подобного в армии не существовало, а ведь дееспособность армии начинается с подготовки каждого солдата, его умений и навыков. Подобными «мелкими» вопросами ни Екатерина II, ни её окружение себя не утруждали. Некогда было. Каждый командир руководствовался своим «разумением»; готовил и обучал солдат, кто во что горазд. Потому торжественным маршем только и могли пройти некоторые гвардейские полки. Остальные же и собрать полностью нельзя было, и страшно было показать публике: какая-то базарная ватага, а не слаженный военный организм. Именно при Павле Петровиче армия и по содержанию, и по форме стала походить на армию.

Так как Русская армия комплектовалась только из православных, преимущественно из великороссов и малороссов, то особо в уставе говорилось об исполнении православного обряда. Отдельный раздел назывался: «О отправлении службы Божией». Он включал четыре пространные статьи, чрезвычайно показательные в том смысле, что отражают заботу Императора о духовном развитии подопечного народа.

«Каждый день, — предписывал Павел, — если армия на месте будет стоять, пета будет обедня тотчас после развода. Церкви же стоять позади штабных палаток, перед унтер-офицерскими... Всякий день в 5 часов петь вечерню, а вместе с утреннюю зорёю — заутреню... Людей водить к обедне, по крайней мере, дважды в неделю, по воскресеньям и средам, а когда праздники случатся, то и чаще; к вечерне же и заутрене тех, которым служба помешает обедню в тот же день слушать, располагая таким образом, чтоб каждый человек побывал на одной из трёх служб в назначенный день».

Раздел заканчивался категорическим требованием: «Смотреть накрепко, чтобы как офицеры, так и унтер-офицеры и рядовые побывали каждый год на Исповеди и у Причастия».

Павел Петрович был чрезвычайно религиозным; он молился, постился, исповедовался и причащался, как подобает любому православному. Но его ответственность была куда значимее, чем ответственность обычного прихожанина. Он должен был быть образцом для подчиненных, но в его соблюдении обряда не было ничего показного, «служебного». Он верил в Бога, потому что не мог не верить, потому что без Бога нет ни подлинного смысла жизни, ни настоящего пути.

Каждый день он начинал с ранней молитвы и, стоявшие на карауле у дверей царской опочивальни, постоянно слышали его вздохи и восклицания. Он постоянно читал Писание, знал многие места, притчи и пророчества наизусть и этим разительно отличался от своего старшего сына Александра, который многие годы демонстрировал полный религиозный индифферентизм. Первый раз Новый Завет Александр I прочитал только в 1812 году, в возрасте тридцати пяти лет, а до этого ему «хватало знаний», полученных на уроках Закона Божьего и на службах. Так, в «свободном духе» воспитывался он, будущий Православный Царь, под крылом «опекунши-благодетельницы» Екатерины II...

Полноту религиозного сознания Императора отражает собственноручно составленный Манифест от 18 декабря 1796 года о Коронации. Прошло полтора месяца после восшествия на Престол, и Павел Петрович, стремясь не повторить ошибку отца, объявляет о намерении в апреле следующего года принять святое Царское миропомазание. Вот полный текст Манифеста.

«Объявляем Нашим верным подданным духовного, военного, гражданского и прочих чинов. По вступлении Нашем на Прародительский Наш Императорский Престол, Мы первым долгом почитаем принести жертву благодарения Вседержителю, владеющему царствами человеческими, и последуя с достодолжным благоговением примерам древних Царей Израильских, потом Православных Греческих Императоров, также благочестивых Предков наших Самодержцев Всероссийских и других Христианских Государей, воспринять залог благодати Господней, возложением на себя Короны и Священнейшим Миропомазанием, предлагая, по образцу тех же Греческих Православных и других Христианских владетелей, удостоить Коронования и Нашу Любезнейшую Супругу Императрицу Марию Фёдоровну, что с Божией помощью в первопрестольном Нашем граде Москве в апреле наступающего 1797 года совершиться имеет. Возвещаем о сем верным нашим подданным, отечески их приглашая, да соединят с нами усердные и горячие мольбы к Начальнику и Подателю всех благ и ниспослании Нам сил ко прехождению верховного Ему служения, на нас возложенного, во славу имени Его пресвятого, во утверждение всеобщего покоя и в распространение благоденствия Империи Нашей».

Все исходные ориентиры, контуры и смыслы Царского служения обозначены в Манифесте. Исходный тезис — преемственность благодатной властной прерогативы, дарованной людям на земле

Всевышним. От ветхозаветных Царей Израильских, через Константинопольских (Цареградских) Императоров к русским Самодержцам, воспринявшим царское служение как бесценный сакральный дар, ставший для носителя земным послушанием.

Верующему при миропомазании святым миро передаются дары Святого Духа, укрепляющие в жизни духовной, — это особая благодать, которой прочие смертные лишены. По словам Митрополита Петербургского Иоанна (Снычева), «над каждым верующим это таинство совершается лишь единожды — при крещении. Начиная с Иоанна IV (Грозного), Русский Царь был единственным человеком на земле, над кем Святая Церковь совершала это таинство дважды — свидетельствуя о благодатном даровании ему способностей, необходимых для нелегкого царского служения»¹.

Известный богослов и деятель Русской Православной Церкви за границей, архиепископ Серафим (Соболев)² написал: «Таинство святого миропомазания делает личность Царя священной, сообщает благодать Святого Духа для несения подвига царствования, возвышает его авторитет в глазах всего народа, как нации, возводит Царя на степень верховного покровителя Православной Церкви в защите от еретиков и всех ее врагов, почему святой Иоанн Златоуст и учил, что Царская Власть, разумеется христианская, есть начало, которое удерживает пришествие антихриста»³.

Именно так и воспринимал свою земную миссию Павел I. Первым Царём в Русской истории стал в 1547 году Иоанн IV Васильевич (Грозный). 16 января 1547 года в Успенском соборе Московского Кремля Великий князь Московский Иоанн IV, по «древнему цареградскому чиноположению», был венчан на Царство. Павел же Петрович оказался первым миропомазанным монархом, убиенным своими подданными. Вторым стал в 1881 году его внук Александр II, убитый бомбой террориста. Третий миропомазанный Самодержец — Император Николай II — был умерщвлён вместе с Семей революционерами-изуверами в июле 1918 года. С того момента распалась связь времен, история обвалилась, дар Всевышнего — Царство — был отринут, а потому и народ начал испытывать немыслимые мучения, как в свое время то случилось и с евреями, и с греками...

¹ Иоанн, Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа. СПб., 1994. С. 144.

² Епископ Лубенский, в эмиграции — управляющий русскими приходами в Болгарии.

³ Архиепископ Серафим (Соболев). Русская идеология. СПб., 1994. С. 9.

Коронация Павла I по сравнению с процедурой при Екатерине II потребовала меньших расходов: на сей счет было отдано специальное распоряжение о «возможной бережливости» государственных средств. Государь и Государыня прибыли в окрестности Москвы 15 марта 1797 года и разместились за Тверской заставой, в путевом Петровском дворце. Торжественный въезд в Москву происходил в Вербное воскресенье, 28 марта. Павел ехал верхом, а Императрица следовала в карете. На всем пути следования шпалерами стояли войска, а многие тысячи зрителей, для которых были построены специальные крытые галереи, созерцали торжественную процессию. У Иверской часовни Павел и Мария слушали стихи, написанные по сему случаю семинаристами, а затем проследовали в Кремлёвские соборы, где помолились и приложились к образам. Затем они отбыли в Немецкую слободу, где и разместились в огромном дворце графа А.А. Безбородко, специально по этому случаю перестроенного.

В Великую субботу, накануне Коронавания, Император и Императрица переехали в Кремль. В Светлое Христово Воскресенье, 5 апреля 1797 года, в Успенском соборе Кремля состоялась Коронация. Павел Петрович был первым из русских царей и императоров, который короновался вместе с супругой. Участница церемонии графиня В.Н. Головина вспоминала:

«Посреди церкви, напротив алтаря, было устроено возвышение, на котором стоял Трон Императора; Трон для Императрицы был рядом на некотором расстоянии. Направо и налево были места для Императорской Фамилии, а кругом были устроены места для публики. Император Павел сам возложил на себя Корону, потом он короновал Императрицу, сняв с себя венец и дотронувшись им до головы супруги, на которую минуту спустя была надета малая корона. После обедни, причастия, миропомазания и благодарственного молебна Император приказал прочесть громким голосом у подножия возвышения, где стоял его Трон, Акт о престолонаследии...»

Затем состоялся парадный обед в царских палатах, а вечером в городе был устроен фейерверк, и в тот же день щедро раздавалась милостыня. Тем днем состоялись и обильные царские пожертвования монархическому истеблишменту. В общей сложности 600 лиц получили ордена и медали, а 109 лицам были пожалованы имения и 82 000 крепостных. В таком размере царская щедрость никогда более не проявлялась.

Крупнейшие пожалования получили в первую очередь не «гатчинские любимцы», а известные сановники и военачальники вре-

мён Екатерининского царствования. Князь Н.В. Репнин получил 6000 душ, граф Н.В. Салтыков — крест и звезду Святого Апостола Андрея Первозванного, «алмазами украшенные»; то же самое — граф и канцлер И.А. Остерман. Генерал-от-кавалерии граф А.В. Мусин-Пушкин получил генерал-фельдмаршала и 4000 душ, генерал-от-инфантерии М.Ф. Каменский — генерал-фельдмаршала и графское достоинство, обер-егермейстер князь Д.А. Голицын — 2000 душ, адмирал И.А. Голенищев-Кутузов — 1300 душ, генерал-от-инфантерии М.В. Каховский — графское достоинство и 2000 душ, генерал-от-инфантерии И.В. Гудович — графское достоинство, граф П.В. Завадовский — Орден Андрея Первозванного, генерал-аншеф В.Х. Дерфельден — орден Андрея Первозванного и т.д.

Среди этого круга награжденных находилась одна известная «статс-дама» — Ш.К. Ливен (1743—1828), состоявшая по распоряжению Екатерины II ранее «при детях Павла Петровича» и получившая в подарок от Павла Петровича 1500 душ. Она, в силу своей преданности, пользовалась исключительным расположением всех монархов, начиная с Екатерины II, наградившей её званием статс-дамы и орденом Святой Екатерины¹. Павел в 1799 году возвел её «с потомством» в графское достоинство, Александр I пожаловал ей свой усыпанный бриллиантами портрет, а Николай I в 1826 году пожаловал ей и её потомству княжеское достоинство...

Не были забыты и «новые люди», приближенные Павлом после воцарения. Генералу-от-инфантерии Н.П. Архарову было пожаловано 2000 душ, генерал-майору А.А. Аракчееву — орден Александра Невского и баронский титул, генерал-майору М.Н. Донаурову — орден Александра Невского и 30 000 рублей, генерал-майору Г.Г. Кушелеву — 15 000 десятин земли и 30 000 рублей, генерал-майору С.И. Плещееву — орден Александра Невского и 30 000 рублей, генерал-майору П.Х. Оболянинову — орден Александра Невского, генерал-лейтенанту И.В. Ламбу — орден Анны и 750 душ.

¹ Родом из Германии, Шарлотта Карловна Ливен, урождённая Поссе, была женой генерал-майора Отто-Генриха (Андрея Романовича) Ливена (1726—1781), после смерти которого она, по воле Екатерины II, стала воспитательницей сыновей и дочерей Павла Петровича. Её потомки играли заметную роль в политической и общественной жизни России. Старший сын — Карл Андреевич, являлся куратором Дерптского учебного округа и министром народного просвещения в 1828—1833 годах. Второй сын — Христофор Андреевич (1777—1838), с 1809 года — посол в Берлине, в 1812—1834 годах — в Лондоне.

Щедрые пожалования адресовались известным «друзьям Гатчины» — братьям Александру и Алексею Куракиным, получившим по ордену Андрея Первозванного. В совместное владение князьям была передана обширная вотчина умершего фаворита Екатерины графа А.Д. Ланского (1754—1784) в Псковской губернии и 20 000 тысяч десятин в Тамбовской губернии. Кроме того, Александр Куракин получил 2863 души в Псковской губернии, а Алексей Куракин 1437 душ в Петербургской губернии.

Самое же грандиозное пожалование предназначалось графу А.А. Безбородко, которого Павел I высоко ценил и за то, что в старые времена он никогда не позволял «непочтительности» по отношению к нему, и за то, что в часы агонии Екатерины он открыл ему секретные намерения Императрицы, запечатленные на бумаге, уничтожение которых позволило без всяких общественных потрясений занять Трон. Безбородко получил орден Андрея Первозванного, княжеское достоинство, поместье в Орловской губернии, 30 000 тысяч десятин в Воронежской губернии и более десяти тысяч крепостных.

Коронационные торжества в Москве продолжались неделю; каждый день приемы, поздравления от всех депутатий, трапезы, представления театральных трупп. На этом «празднике жизни» многие недавние «этуали» Екатерининских времён чувствовали себя неудобно; они изнемогали «от скуки», их угнетала продолжительность и «бесцельность» церемоний. Лучшее настроение этих недовольных передала графиня В.Н. Головина. Хотя свои «Записки» она писала через многие годы после тех событий, но «жар ненависти» в душе всё ещё не остыл. Об исторической торжественности момента Коронации, о глубоком сакральном смысле всего происходившего, — это же было великое мистическое таинство венчания Царя и России, которое в любой христианской душе должно было вызывать восхищение и умиление, о том графиня не проронила ни звука.

Она была уверена, что «наступило время террора», правда, так и осталось неясным, что графиня имела в виду. Увольнение нескольких десятков лиц? А, может быть, свою придворную не востребованность? Она теперь не была желанной при Дворе и, хотя носила звание фрейлины, но в близкое царское окружение уже не допускалась. Конечно, это был «террор», и на этот «вызов» она ответила истинным «благородством» светской дамы: она начала инсинуировать по адресу Царской четы.

В этом промысле она не была одинока; кругом достаточно было и других «обиженных». Говоря о Коронации, графиня заявляла: «Ни-

когда так не смеялись, никогда так удачно не подмечали смешные стороны, преувеличивая их». Но при этом надо быть всё время насто-роже: не дай Бог, узнает Монарх, заметит, сразу же и вылететь можно не только из дворцовых апартаментов, а то и вообще из Петербурга. Острили и насмеялись над происходившим только тогда, «когда находились вдали от Их Императорских Величеств».

Особо желанной «мишенью» являлась Императрица. Головина и её знакомые ещё с подачи Екатерины II приняли как безусловный постулат утверждение, что «Мария Фёдоровна глупа». Потому всё, что делала Императрица, рассматривалось через подобные кривые очки. Всё ей вменялось в вину, а когда фактов не было, то их сочиняли. Только один эпизод, красноречиво обнажающий придворную фабрику сплетен.

Когда начались представления депутатий с поздравлениями, то якобы «Императору казалось, что приходило слишком мало народу. Императрица Мария Фёдоровна постоянно повторяла, что она слышала от Императрицы Екатерины, будто во время её Коронации толпа, целовавшая руку, была так велика, что рука у неё распухла, и жаловалась, что у неё рука не распухает. Обер-церемониймейстер Валуев, чтобы доставить удовольствие Их Величествам, заставлял по несколько раз появляться одних и тех же лиц под разными наименованиями и в разных должностях. Если случалось, что какое-нибудь лицо занимало не одну должность, то Валуев заставлял появляться его в один и тот же день то как сенатора, то как депутата от дворянства, то как члена суда».

Головина не раскрыла, кому Мария Фёдоровна говорила нечто подобное и каким тоном; если эта фраза и звучала, то, возможно, она носила шуточный характер. Ясно одно: Головиной Императрица ничего в этой связи не говорила. Здесь важно другое. Император Павел обладал прекрасной памятью, и ухищрения, вроде вышешприведённого, он не мог не заметить. Валуев¹, даже если очень хотел угодить, никогда не пошёл бы на подобный подлог. Что же касается депутатий, то ничего необычного в том не было. Лицо, занимающее различные должности, имело право и обязано было являться в депутатиях от разных ведомств. Ничего предосудительно в том не было; так было раньше, так происходило и в 1797 году.

¹ Валуев Петр Степанович (1743—1814), обер-церемониймейстер, при Екатерине II — Главноначальствующий над кремлёвскими экспедициями и Оружейной палатой Московского Кремля.

С Коронацией Павла Петровича связана одна историческая коллизия, которая вызывала толки и тогда, и потом.

В Законе о престолонаследии было сказано, что Императоры в России являются «главою Церкви». Это была традиция, восходящая ещё к Петру I, но юридически она была зафиксирована именно при Павле I. Собственно, специально данное положение не оговаривалось. Фраза шла в контексте рассуждений о невозможности быть тронопремником в России представителю того поколения, которое «царствует уже на каком другом престоле». Формулировка звучала следующим образом: «если отрицания от веры не будет, то наследовать оному лицу, которое ближе по порядку». Это объяснялось именно тем, что «Государи Российские суть главою Церкви» являются.

Фактически это явилось перенятием протестантского отношения к христианству; в Западной Европе давно уже короли решениями различных собраний объявлялись «главами церкви». В Православии ничего подобного не существовало: у Церкви мог быть только один глава — Иисус Христос.

Здесь нет возможности анализировать природу столь многогранного христианского понятия, как «Церковь», но один аспект подчеркнуть необходимо. «Церковь» открывается людям, миру, проявляется в истории в двух главных ипостасях. Во-первых, как предмет веры, как вероучение, как «Храм Господень», главой которого является Иисус Христос. В этом высшем значении понятие «Церковь» раскрывает её абсолютное духовное предназначение. В Русской Православной Церкви, как и в других поместных православных церквях, Вселенская Церковь понимается и признается, согласно символическому учению, как «Богом установленное общество людей, соединенных православной верой, законом Божиим, священноначалием и таинствами».

Второе, этимологическое, толкование понятия «Церковь» сводится лишь к учреждению, к церковной организации в тех формах и видах, как она себя являла на протяжении веков. По большей части именно это людское установление, «учреждение общественного богослужения» (по Канту) и имеется в виду, когда употребляют слово «церковь» люди, не признающие ни в какой степени богословское учение. Подобное вторичное восприятие и стало утверждаться в сознании европейцев, особенно после торжества Реформации.

Определение, что Царь является «главой церкви», было явно неудачным. При подготовке к изданию в 1830 году Свода законов эта формулировка была уточнена, получив следующее выражение: «Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник

и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния». Причем к этой статье было сделано отдельное разъяснение, гласившее, что только «в сём смысле Император, в акте о наследии престола именуется Главою Церкви».

Объявив при Коронации себя «главою Церкви», Павел I вознамерился отправлять в качестве священника литургию и возжелал стать духовником своей семьи. Это было покушением на непрерываемую традицию. Члены Синода с трудом отговорили его от подобных поползновений, приводя беспорный контраргумент: канон Православной Церкви запрещает совершать святые Таинства священнику, женившемуся во второй раз.

Несмотря на указанные явно поспешные и неудачные решения и определения, Павел Петрович за четыре года правления успел проявить немало заботы о церковном благоустройении.

Почти в два раза были повышены оклады от казны духовенству, увеличены вдвое земельные наделы приходским священникам, установлено призрение вдов и сирот священников. В 1797 году духовное сословие было освобождено от сборов на содержание полиции, вдвое увеличены субсидии на содержание архиерейских домов, а также дополнительно им выделялись мельницы, рыбные и прочие угодья. За четыре года расходы из казны на содержание епархий возросли более чем вдвое: с 463 тысяч до 982 тысяч рублей.

Павел Петрович провозгласил веротерпимость к «раскольникам». Была разрешена свободная деятельность старообрядческой общины, старообрядцам вернули отобранные у них книги и богослужебные предметы. Однако наказание «за соращение в раскол» было законом запрещено. В 1799 году общины старообрядцев-поповцев открыли свои церкви в Москве и Петербурге.

Перелом государственной политики наступил при Павле I и по отношению к монастырям. Проведённая Екатериной II секуляризация — изъятие земельной собственности, состоящей главным образом из дарений и пожертвований православных мирян, нанесло страшный моральный урон православным чаяниям.

Обычно суть проблемы секуляризации сводится к имущественной стороне дела. В светской историографии стало ритуальным выносить разоблачительные вердикты по адресу Церкви, во владении которой находилось около трети сельскохозяйственного земельного фонда. Все эти земельные угодья и около миллиона крестьян (почти 14 % сельского населения) при Екатерине II сделались собственностью го-

сударства. Духовенство отныне становилось на штатные должности, содержание которых определялось государственной властью.

Непоправимый удар был нанесен монашеству и монастырям, исстари являвшимся центрами призрения больных и немощных, а наиболее крупные из них — центрами христианского просвещения. К началу XIX века в России имелось 452 монастыря, притом что несколькими десятилетиями раньше их насчитывалось 1072.

Фактически секуляризация не столько история «перераспределения ресурсов», сколько — трагедия русского церковно-православного мировоззрения. При сложившейся исторически на Руси высокой степени сакрализации жизни речь шла совсем не об «имуществе», «праве собственности», «хозяйственно-экономических нуждах». Секуляризация, или государственное ограбление Церкви, принципиально противоречила устоявшейся системе миропонимания.

«Церковное имущество» по большей части — дарения и вклады верующих Церкви, и власть от Бога покусилась на Божественное право, соблюдение которого было абсолютно обязательным. Ведь то, что находится в Церкви, то, что принадлежит монастырю, то — у Бога и принадлежит Ему Одному. Со времени Апостолов церковное имущество воспринималось как принадлежащее Всевышнему, назначение его — служить угодным Богу целям, в соответствии с задачами деятельности, основанной в мире Христом Спасителем Церкви. Оно призвано обеспечивать не личные нужды клириков сами по себе, а только в их связи с общими задачами Церкви, т.е. богоугодно. Отнять церковное имущество — значит поставить человеческое выше Божеского. Это и было сделано «Екатериной Великой».

Общее число монашествующих в России резко сократилось: если в 1764 году таковых насчитывалось 12 392 человека, то к началу 1796 года их осталось только 5861. В результате секуляризации монастыри настолько обеднели, что многие влачили жалкое существование и закрывались один за другим. Когда в 1796 году Митрополит Платон вознамерился вернуть к жизни некогда достославную обитель — Оптину пустынь, то там оказалось только три престарелых монаха и полуразрушенные постройки.

Дело принимало порой просто скандальный характер. В 1788 году правительство закрыло в Москве древний Симонов монастырь, передав его здания под казармы. В Москве началось общественное брожение, верующие молились и слезно просили вернуть им обитель благочестия. Дейтельными ходатаями стали Митрополит Платон и

Московский генерал-губернатор П.Д. Еропкин. В 1789 году Екатерина II «милостиво разрешила» монастырь восстановить...

При Павле впервые за несколько десятилетий наметился процесс восстановления монастырей и монашества: за годы его правления в России возникло 20 новых монастырей, а в 29 обителях, из числа ранее упразднённых, возобновилось монастырское подвижническое служение. Все они получили земельные угодья, что позволяло монастырям иметь хоть какую-то экономическую самостоятельность. По Указу Императора от 18 декабря 1797 года на каждый монастырь было отведено не менее 30 десятин выгонной земли, им было предоставлено право устраивать мельницы и заводить рыбные пруды.

Император Павел во главе всего армейского и флотского духовенства поставил в 1797 году обер-священника Павла Яковлевича Озерецковского (1857—1807), предоставив ему, минуя Синод, право личного доклада. Пользуясь расположением Самодержца, Озерецковский создал отдельную корпорацию армейского священничества, а для подготовки кадров учредил особую семинарию.

Самодержец стремился поставить священство вне зависимости от прихоти местных должностных лиц и крупных землевладельцев, ранее часто ставивших на священнические должности «удобных» им лиц. В 1797 году Император отменил право приходов избирать священников, сделав священнические должности наследственными. Должность наследовал старший сын священника, окончивший семинарский курс. Остальные сыновья, получившие духовное образование, становились кандидатами на вакантные места в иных приходах, или довольствовались должностями дьяконов в приходе отца, а иногда исполняли обязанности причётника.

Заметные сдвиги произошли в области развития системы духовного образования. В 1797 году Петербургская главная семинария и семинария в Казани были преобразованы в духовные академии. Было открыто восемь новых семинарий: в Каменце-Подольском и Вифанская семинария в Троице-Сергиевой Лавре (1797); в Остроге на Волыни и в Калуге (1799), в Перми, Пензе, Оренбурге и военная семинария (1800). В царском Указе от 31 октября 1798 года задачи семинарий получили точное определение. «Доставить Церкви хороших слов Божий проповедников, которые бы без дальнейших приуготовлений могли учить народ ясно, порядочно, убедительно и с приятностью». Епархиальным архиереям вменялось в обязанность регулярно докладывать Святейшему Синоду о состоянии преподавания и научной квалификации учителей. В последний год царствования Павла I Синод

издава постановление об открытии в епархиях «русских начальных школ» для подготовки псаломщиков, ставших прообразами народных духовных училищ, получивших распространение уже в XIX веке. Субсидии на казенные духовно-учебные заведения за 1797—1800 выросли в три раза, достигнув к 1801 году почти 200 тысяч рублей.

Павел Петрович не мог отбросить государственную политику ущемления Церкви, которая проводилась в России со времени Петра I, преследовавшая утилитарную цель — «ввести Церковь в государственный оборот». Он даже и подобной сверхцели не ставил. Однако он смягчил многие аспекты имперского патернализма, пытаясь выдвинуть духовную жизнь на надлежащий православному царству уровень. В его деятельности явно различимы признаки десекуляризации, во всяком случае, хоть и робкое, но последовательное возвращение земельных владений Церкви началось именно при нём, а после его гибели этот процесс завершился.

Выше упоминалось, что авторы биографических сочинений об Императоре Павле Петровиче нередко выступают в роли «психиатров», навешивая ему ярлык «душевнобольного», причём этот «диагноз» озвучивается на первых же страницах сочинения. Вполне понятно, что подобная установка сразу задает тон всему последующему изложению. Живая историческая фактура препарируется в заданном русле, а так как сколько-нибудь надежных подобного рода фактов в наличии не имеется, то их выдумывают без всякого стеснения. Случаи с круглыми шляпами и полосатыми заборами, о чем можно прочесть, как об отражении «душевного нездоровья» повелителя Империи, — ярчайшее подтверждение подобной мифологизированной методологии. Об этом уже речь шла ранее.

Однако только «сумасшествия» некоторым авторам мало. В своем ненавистном угаре они пытаются доказать, что Павел к тому же был ещё и глубоко аморальным человеком. Ныне историю отношений Императора с Нелидовой не рискуют выставлять в качестве «факта» подобной аморальности. В свое время ещё историк Е.С. Шумигорский с документами в руках опроверг нечистоплотные измышления на сей счёт¹.

Зато имя другой женщины спрягают без устали до настоящего времени. Это — княгиня Анна Петровна Гагарина, урожденная Лопу-

¹ Книга Е.С. Шумигорского «Екатерина Ивановна Нелидова» первый раз была издана в 1902 году в Петербурге. В 2008 году она была переиздана в Москве.

хина (1777—1805). Она — дочь сенатора Петра Васильевича Лопухина (1744—1827), получившего при Павле I княжеский титул, и Прасковьи Ивановны, урождённой Левшиной. В феврале 1800 года девица Лопухина вышла замуж за генерал-майора князя Павла Гавриловича Гагарина (1777—1850).

О том, что Лопухина-Гагарина являлась «любовницей» Императора, уверенно повествуется во многих сочинениях. Одним из первых этот сюжет «раскрутил» уроженец Германии, сделавший себе имя в России в качестве историка, Александр Густавович Брикнер (1834—1896)¹. В своих сочинениях он совершенно беззастенчиво шельмовал Императора Павла как «душевнобольного». Однако этим историк не ограничился. Он прямо называл Анну Лопухину-Гагаринову «любовницей», изменявшей мужу без всякого стыда. «Из достоверного источника мы знаем, — изрекал учёный муж, — что Лопухина, выйдя замуж за Гагарина, покинула своего мужа, чтобы всецело принадлежать Государю».

Подобное утверждение должно было на чём-то основываться. Неужели Брикнеру удалось получить какие-то свидетельства самого интимного свойства, которые обосновывали столь безапелляционное заключение? Ничуть не бывало. В качестве «достоверного источника» он ссылался на книжку некоего Фр. Бинемана — «Из времён Императора Павла», изданную в Лейпциге в 1886 году и целиком построенную на пересказе исторических анекдотов и сплетен. Никаких доказательств любовной связи Павла и Анны Лопухиной-Гагариной никто не привёл. До сего дня данный сюжет всё ещё и воспроизводится по методике Брикнера...

Павел Петрович не просто был увлечён, но именно влюблён в Анну Лопухину — тому действительно есть немало подтверждений, в том числе и со стороны самого Императора. Однако его влюблённость являлась в чистом виде рыцарским увлечением, совсем не подразумевавшим обязательное плотское наслаждение. «Любить» и «обладать» — в русском языке понятия отнюдь не тавтологические...

Некоторые считают, что история возникновения отношений между Императором и Лопухиной — продукт «интриги», во главе которой стоял пресловутый Кутайсов, намеревавшийся свести на нет влияние на Павла Императрицы и Нелидовой. В качестве менторов

¹ Его главные работы, неоднократно издававшиеся, были посвящены Петру I, Екатерине II и Павлу I. Книга «История Павла I» вышла в последний раз в Москве в 2004 году.

при «верном Иване» назывались такие имена, как Ростопчин и Безбородко. Ясное дело, что тут трудно отделить «зерна от плевел», но подобная точка зрения была широко распространена. Её принимали на веру такие лица, как Императрица Мария Фёдоровна и Е.И. Нелидова. В этом смысле существует весьма показательный документ — «Записки» барона К.А. Гейкинга (1752—1809).

Барон Гейкинг происходил из курляндских дворян и до 1796 года был председателем суда в Митаве. Удивительное служебное возвышение началось с приходом к власти Императора Павла. Барон становится сенатором, тайным советником и президентом Юстиц-коллегии по делам Лифляндии и Эстляндии. В 1898 году барон впал в немилость и был выслан в свое курляндское имение. Взлет карьеры Гейкинга был связан с тем, что он был женат на баронессе Ангелике — дочери мадам де Лафон (Делафон), директрисы Смольного института, с которой в теснейших дружеских отношениях находилась Е.И. Нелидова. Естественно, что Гейкинг входил в «партию Императрицы и Нелидовой» с самого начала своего пребывания в Петербурге и прекрасно был осведомлен о настроениях, царивших на «женский половине» Двора. Вот как барон излагает начало конца «влияния» Марии Фёдоровны и Нелидовой. Дело происходило в Москве, куда Император прибыл 11 мая 1798 года для проведения военных учений.

«Императора встретили в Москве, — пишет Гейкинг, — восторженно...Преисполненный радостью, он сказал Кутайсову в тот же вечер: “Как отрадно было сегодня моему сердцу! Московский народ любит меня гораздо более, чем петербургский; мне кажется, что там меня гораздо более боятся, чем любят”. “Это меня не удивляет”, — заметил хитрый Кутайсов. “Почему же?” — удивился Император. “Не смею выразиться яснее”. — “Я приказываю”».

И далее, как повествует Гейкинг, Кутайсов «открыл глаза Государю» на причину столь разного восприятия. «Обещайте мне, Государь, не передавать этого ни Императрице, ни фрейлине Нелидовой». После получения подобного заверения Кутайсов продолжал: «Государь, дело в том, что здесь Вас видят таковым, каковы Вы в действительности — добрым, великодушным и чувствительным, между тем как в Петербурге, если Вы оказываете какую-либо милость, то говорят, что у Вас её выпросили или Императрица, или фрейлина Нелидова, или же Куракины. Таким образом оказывается, что, когда Вы делаете добро, то его делают они, если же Вы караете, то это исходит от Вас».

Услышав подобные откровения, Павел Петрович необычайно разволновался; ему не давала покоя сама мысль о том, что им управляют

женщины. Реакция его оказалась соответствующей. «Ну, мои дамы, я покажу вам, как мною управляют!» В изложении Гейкинга, Император намеревался тут же написать некое распоряжение, но «Кутайсов бросился к его ногам и умолил действовать с притворством по отношению к упомянутым особам». Всё! Завершилась одна история, началась друга. Наступало «время Лопухиной».

Упомянутый диалог вполне мог иметь место. Но в равной степени его могло и не быть. Никто не знает, и уже никогда не узнает, каким образом разговор Монарха с его слугой сделался общественным достоянием; вариации на эту тему можно встретить и в других воспоминаниях. Возможно, что Кутайсов сам раструбил, передавая «по секрету» содержание беседы, которая, несомненно, повышала его общественное значение. В конечном счёте всё это не самое главное. Главное же состояло в том, что именно весной 1798 года стали ясно различимы признаки сердечного увлечения Императора московской красавицей Анной Лопухиной, которую он первый раз увидел за год до того, во время Коронации.

Теперь самое время обратиться к зарисовкам графини Н.Н. Головиной, которая, как записная «вольнодумка», самым тщательным образом фиксировала всё, что хоть как-то могло дискредитировать Императора Павла. Естественно, Анна Лопухина оказалась в центре её внимания. Портрет, запечатленный графиней Головиной, конечно же, написан в самых невзрачных тонах.

«У Лопухиной была красивая головка, но она была невысокого роста, дурно сложена, с впалой грудью и без всякой грации в манерах. У неё были красивые глаза, чёрные брови и такого же цвета волосы. Наиболее прелестными у неё были прекрасные зубы и приятный рот. У неё был маленький вздернутый нос, но он не придавал изящества её физиономии». Графиня признавала, что «выражение лица была мягкое и доброе», но тут же добавляла, что «она была недалёкого ума и не получила должного воспитания».

Головина на этих выпадах не остановилась и пошла в своем страстно-негативном повествовании ещё дальше. Объектом нападок стала мачеха Анны Лопухиной — Екатерина Николаевна Лопухина, урождённая Шетнева (1763—1839), награждённая в 1798 году орденом Святой Екатерины и получившая звание статс-дамы. Так вот, оказывается, она не только была «незнатного происхождения, а манеры её обнаруживали полное отсутствие воспитания, но, кроме того, она была известна своим далеко не безукоризненным поведением». Ины-

ми словами, мачеха была развратна, что, согласно подобной логике, не могло не сказаться и на поведении падчерицы.

У князя Петра Васильевича Лопухина было от первого брака три дочери: старшая Анна, затем шли — Екатерина и Прасковья. Екатерина вышла замуж за гофмейстера графа Петра Львовича Демидова (1780—1832), а Прасковья стала женой сына Ивана Кутайсова — графа Павла Ивановича Кутайсова (1780—1840). Понятно, что по представлениям графини Головиной Анна была «полностью развратна», но ей не уступала в «разврате» и сестра — Екатерина Демидова. Она якобы «бегала» за Великим князем Александром и этот порыв, не страсти, а расчёта поддерживал... Император Павел Много и иной нелепицы можно встретить не только на страницах мемуаров В.Н. Головиной. Оставим в стороне салонные злопыхательства и видения и обратимся к подлинным событиям.

Существует версия, что после встречи Павла Петровича с Анной Лопухиной на балу в мае 1798 года Император отправил своего доверенного Кутайсова уговорить семью П.В. Лопухина переехать из Москвы в Петербург. Так или иначе, но в августе семейство переехало в первую столицу, где их ждали царские дары.

Отец семейства сенатор П.В. Лопухин уже 1 августа 1798 года был приглашён на обед у Его Величества, а 8 августа последовало назначение его генерал-прокурором вместо Алексея Борисовича Куракина, отставленного от должности¹. 20 августа 1798 года сенатору Лопухину был подарен дом на Дворцовой набережной, 23 августа ему было велено присутствовать в Совете при Императоре, а 6 сентября Лопухин произведён был в действительные тайные советники: чин II класса в Табели о рангах, соответствующий в армии званию генерала, а во флоте — адмирала.

23 августа жена Лопухина Екатерина Николаевна пожалована была в статс-дамы — получила звание старшей придворной дамы в свите Императрицы. В тот же день Анна Лопухина получила звание камер-фрейлины. Иными словами, в окружении Императрицы Марии Фёдоровны, помимо её воли, оказывались дамы, которые ей были неприятны и которых она вообще не знала. Однако воля Самодержца — закон, и Мария Фёдоровна утешилась слезами и молитвами.

¹ Ему вменялось в вину, и не без основания, слишком «свободное» распоряжение государственными средствами. Кстати сказать, П.В. Лопухин в этом отношении проявил себя безукоризненно; даже его враги не могли его ни в чём предосудительном обвинить.

За несколько недель до этого она вместе с верной Е.И. Нелидовой пыталась бороться с новыми веяниями, которые окружили Императора после его майской московской поездки. Существует даже утверждение, что Мария Фёдоровна написала резкое письмо Анне Лопухиной, в котором дошла якобы до личных угроз. Письма этого из мемуаристов никто не видел, но упоминание о нём встречается не раз. Далее якобы произошло следующее: Анна, «вся в слезах», показала эту грозную эпистола Императору, и Павел Петрович разгневался не на шутку. Он окончательно решил сбросить с себя «женское иго».

Павел Петрович, воспитанный с детства в атмосфере унижений, имел необычайно ранимое чувство собственного достоинства. Став Императором, он порой видел знаки неуважения к себе даже в тех случаях, когда попыток умалить его престиж в наличии и не имелось. Мария Фёдоровна была из породы таких же натур; она готова была идти на эшафот, но не уронить достоинство сана. Она прекрасно осознавала, что её и Императора сковывает одна цепь исторической судьбы и предназначения. Она беспощадно боролась за соблюдение этикета, не потому, что страстно обожала придворный протокол; она видела в этом необходимое условие почитания особы Государя. Она пыталась окружать его «верными» людьми, понимая, как Павлу тяжело, как он обременён и как мало вокруг людей, по-настоящему преданных и толковых. Но эта её борьба «за благо» порой оборачивалась мелочной опекой и придирками, которые раздражали Императора.

В присутствии Марии Фёдоровны и Е.И. Нелидовой Павел Петрович не чувствовал себя спокойно и независимо; почти всегда, каждый день, следовали какие-то упреки, просьбы, возражения. И ещё одно, «дамское средство», которое Павла угнетало особенно сильно: слезы. Как чуткая и ранимая натура, он не мог на них не реагировать, но с некоторых пор он начал сомневаться в душевной искренности их проявления. Ему начинало казаться, и не без основания, что слезы жены — уловка, это — игра, в которой он только статист.

В январе 1798 года Мария Фёдоровна родила сына, нареченного в честь небесного покровителя Императора Архангела Михаила — Михаилом (1798—1848). Роды проходили трудно; какое-то время Мария находилась между жизнью и смертью, но всё обошлось. Ребёнок был здоровым и жизнерадостным. Павел Петрович испытывал настоящую отцовскую гордость и обоснованную династическую радость. У него четыре сына! Это великая милость Всевышнего: ведь ни у кого из его

предков столь щедрого потомства в мужском колене не имелось. Единственное, что расстраивало — болезненное состояние Марии. Она несколько месяцев себя так плохо чувствовала, что не вставала с постели.

Муж был внимателен, готов был исполнять любые желания и капризы жены, но постепенно стал утверждаться в мысли, что это затянувшееся «недомогание» — актёрский трюк. Ему передавали, что Мария постоянно принимает посетителей, обсуждает все новости и сплетни, бывает при этом жива, весела и имеет отменный аппетит. Стоило же только ему приблизиться к её опочивальне, так сразу же всё менялось: показная немощь, стоны, но при том почти всегда непременные просьбы, которые он не мог не исполнить. Последней каплей, переполнившей чашу терпения, стал отказ Марии «по недомоганию» от поездки в Москву в мае 1798 года.

Если в действиях Императрицы действительно наличествовал элемент дамской игры, то можно смело сказать, что весной 1798 года она явно переиграла. Она пошла дальше возможного, не учтя одной, но неизменной черты характера Императора: когда он чувствовал фальшь в отношении к себе, признаки лицемерия, то охладевал к человеку. Иногда это приводило к полному разрыву отношений, иногда нет, но результат был всегда один и тот же: больше никакой сердечности в отношениях быть не могло.

Императрица летом 1798 года почувствовала охлаждение со стороны супруга, что выплескивалось даже на публике; несколько ледяных слов и нарочитых знаков невнимания не оставляли сомнений: между Венценосцами наступила размолвка. Это не могло не сказаться на всей придворной «диспозиции» настроений. Мария пыталась объяснить и 13 июля 1798 года отправила Самодержцу письмо, в котором излила наболевшее.

«Осуждайте моё поведение, подвергните его суду всякого, кого Вам будет угодно; будучи выше всякого порицания и подозрения, всякого упрёка, я не чувствительна к оценке моих действий, но не могу быть такою по характеру публичного обращения со мною, и это не ради себя как отдельной личности, но ради Вас как Императора, который должен требовать уважения к той, которая носит Ваше имя».

Конечно, Мария Фёдоровна любила Императора; Павел в том не сомневался, но эта любовь порой превращалась в тяжелые оковы, нести которые не хватало сил.

Барон Гейкинг описал день тезоименитства Императрицы, приходившийся на 22 июля. Обычно это было радостное торжество, но в 1798 году картина была уже совершенно иной. «22 июля Двор находился в Петергофе. Так как то было день Императрицы, то и я был принуждён туда отправиться. Государь был в явно дурном настроении: со мною обошелся холодно и не сказал мне ни слова. Фрейлина Нелидова казалась мне погружённою в глубокую печаль, которую она напрасно старалась скрыть. Бал этот был похож на похороны, и все предсказывали новую грозу».

Павел I восстал, решив покончить с женской опекой. Этот «мятеж» не только радостно был приветствуем придворными интриганами, но он в значительной степени был ими подготовлен. Анна Лопухина стала орудием грязной комбинации, «инструментом» борьбы против Императрицы, но не за Монарха, а как раз против него. Павел Петрович не разглядел здесь потаенного смысла...

Никто доподлинно не узнал, любила ли в полном смысле этого слова Лопухина Императора. На публике она изображала кроткое создание, со слезами умиления смотревшее на повелителя. Она в его присутствии краснела, млела, трепетала, но так и осталось неясным, что являлось причиной приступов чуть ли не «лихорадки», охватывавшей Анну. То ли действительно неизъяснимое пленительное чувство, то ли экзотическое обывательское осознание приобщённости её, тихой и довольно забытой московской барышни, к «центру вселенной» — Императору Всероссийскому.

Император же, когда видел Лопухину, то испытывал доселе незнакомое чувство восторга; он становился каким-то беззаботным и радостным юнцом, который смотрит на мир широко раскрытыми и беззаботными глазами, не ведая ещё, какие испытания и потрясения он ему готовит. Павел Петрович влюбился, и это переполнявшее его чувство побороло даже инстинкт страха, который был привит ему почти с рождения.

Современников и потомков всегда живо интересовала тема: являлась ли Анна Лопухина-Гагарина любовницей Императора, его «наложницей». Многие уверенно говорили «да», приводя в качестве «бесспорного доказательства» многочисленные «факты любви». Анна Лопухина стала одной из двух лиц женского пола, не принадлежавших к Императорской Фамилии, удостоенных ордена Святого Иоанна Иерусалимского¹. Имя Анна, в буквальном переводе с древне-

¹ Второй являлась графиня Екатерина Васильевна Литта, урождённая графиня Скарвонская.

еврейского — «милостивая», «благодатная», он воспринял как знак сакрального благорасположения, что стало девизом Государя. Слово «благодать» было помещено на штандарте Конногвардейского полка. «Благодать» — так был назван 130 пушечный фрегат, спущенный со стапелей в 1798 году. Малиновый цвет, любимый Лопухиной, сделался излюбленным цветом Императора.

По желанию Лопухиной Император устраивал балы и разрешил танцевать вальс, запрещенный ранее как танец «безнравственный». Анне же этот танец чрезвычайно нравился. Любовь Самодержца сломала запрет, как и запрет на строгие танцевальные костюмы; теперь барышни и дамы могли его выбирать по своему усмотрению. Приводились и иные подобного рода примеры «любовного закабаления». Но все они ничего не подтверждали, кроме того, что Павел Петрович был влюблен, чего он и сам никогда не скрывал.

Передавали, что Монарх чуть ли не ежедневно посещал дом Лопухиных на Дворцовой набережной, куда приезжал «инкогнито» в карете, запряженной парой лошадей, в сопровождении только одного лакея. Там он оставался на несколько часов. И всё. Из всего вышесказанного совершенно не следует, что между Монархом и Лопухиной существовала альковно-интимная связь. В русском языке слова «любовница» и «возлюбленная» имеют разное смысловое наполнение. Даже такая ненавистница Императора Павла, как княгиня В.Н. Головина, вынуждена была признать, что он «придавал своей страсти и всем её проявлениям рыцарский характер, почти облагородивший её». Словечко «почти» сути не меняет и лишь показывает, что у врагов Самодержца не существовало бесспорных «улик» адюльтера. Смело можно утверждать только одно: Анна Лопухина являлась возлюбленной Императора.

Имея рыцарский характер, Павел Петрович и Анну воспринимал в категориях рыцарства. Она предстала перед ним в образе чистой, светлой девы, которую надо защищать и которой надлежит поклоняться именно как «гению чистой красоты». Он впервые, как ему показалось, за свою жизнь встретил создание, которое боготворило его не как Цесаревича или Императора, а именно как человека и мужчину. Он принял это как подарок судьбы, как дар Небес и не освободился от этого чувства до самой кончины.

«Дама сердца» на первых порах ничего у коронованного почитателя не просила, и это бескорыстие только увеличивало расположение, а потому он, как истинный рыцарь, стремился предвосхитить её же-

лания и делать то, что ей должно было быть радостным и приятным. Когда она «ненароком» проговорилась, что давно любит князя Павла Гавриловича Гагарина (1777—1850), который в тот момент находился в армии А.В. Суворова, то он немедленно послал гонца с приказанием вернуть князя в столицу, где в феврале 1800 года по воле Самодержца была устроена пышная свадьба.

Постепенно Анна Петровна стала всё-таки кое о чём просить повелителя и самая главная просьба: не встречаться больше с Е.И. Нелидовой. И такое обещание Павел Петрович дал и его сдержал: последние полтора года жизни он ни разу не виделся с человеком, которого многие годы считал своим ближайшим другом...

Борьба против «женского ига» началась в июле 1798 года, а так как Павел Петрович не терпел долгих процедур и проволочек, то эта «кампания» скоро завершилась полной победой. Первой жертвой нового курса стал военный губернатор Санкт-Петербурга Фёдор Федорович Буксгевден (1750—1811), которому в 1807 году Павел присвоил титул графа. Собственно повод к удалению от власти подал не сам граф, а его супруга — графиня Наталья Алексеевна, урождённая Алексеева (1758—1808), имевшая чрезвычайно «длинный и острый язык». На призывы быть осторожной в разговорах графиня повторяла, как заклинание: «Я — женщина и говорю, что думаю».

Утверждали, что хотя она официально числилась дочерью полковника Алексеева, но «на самом деле» являлась внебрачным ребёнком Григория Орлова от его связи с Екатериной II. Так или нет было на самом деле точно не известно, но известно, что графиня Буксгевден на все лады спрягала «негодяев», стремившихся подчинить Императора своему влиянию после майской поездки в Москву в 1798 году. Естественно, что о подобном «непотребстве» донесли Императору, расписав и, как водится, приумножив и насочиняв небывшее. Кара была неизбежна и она последовала.

Самое важное было то, что графиня Буксгевден являлась близкой подругой Екатерины Нелидовой, и, естественно, вместе со своим супругом принадлежала к «партии Императрицы». Всем было хорошо известно, что именно Мария Фёдоровна и Нелидова добились назначения Ф.Ф. Буксгевдена на важнейший пост в Империи годом ранее. 25 июля 1798 года Буксгевден был отрешён от должности, а 5 сентября его участь была окончательно решена: ему было приказано выехать из Петербурга. Граф с графиней отправились в своё имение в Эстляндии, в тот самый замок Лоде, куда некогда собиралась заточить Павла Екатерина II. Этот замок Павел подарил Буксгевдену, а теперь

он становился местом ссылки и для семейства графа Ф.Ф. Буксгевдена, и для... Нелидовой¹.

«Милая Катенька» не могла смириться с несправедливостью, она прекрасно знала имена «мерзавцев», нанесших руками Императора свой подлый удар. Она не могла больше оставаться в Петербурге, видя, как началось ниспровержение всех друзей и добрых знакомых. Пал Буксгевден, пали братья Куракины и Плещеев, удалён барон Гейкинг, изгнан статс-секретарь Государя князь Ю.А. Нелединский-Мелецкий (1752—1828).

Повод к удалению последнего развеял окончательно сомнения. Стало ясно: Император удаляет всех высших сановников, преданных лично Марии Фёдоровне. Нелединский, находящийся в родстве с Куракиными, которому покровительствовала Императрица, сам рассказал историю своего служебного падения. 21 июля 1798 года Нелединский поздно вечером возвращался из покоев Марии Фёдоровны, где вообще-то по протоколу находиться без соизволения Монарха в поздний час он не имел права. В коридоре Петергофского дворца Нелединский натолкнулся на Императора с его тенью — Кутайсовым. Последний при встрече радостно возопил: «Вот кто следит за Вами днём и ночью и всё передаёт Императрице». Видно было, что эта мысль давно уже муссировалась в окружении Самодержца, который воскликнул: «Вот как, значит всё это — правда». Не прошло и нескольких дней, как Нелединский исчез из императорского окружения навсегда.

Нелидова после изгнания семьи Буксгевден понимала, что теперь уже новые люди будут задавать тон при Дворе. Чтобы избежать унижений и ухмылок придворных, решила последовать за Буксгевденами в изгнание. В семье графа она была давно «своей», а с графиней Натальей они — задушевные подруги.

Это был, конечно же, демарш, и, возможно, Екатерина Ивановна надеялась, что Император не допустит отъезда старого друга и продемонстрирует свое благорасположение. Она написала ему письмо, где объяснила причину своего решения. «Я не искала ни почестей, ни блеска, — напротив, я оставляю их с радостью», — восклицала Нелидова. Она отметала все подозрения в отношении нелояльности

¹ По горькой иронии судьбы в церкви при замке был похоронен мёртвый ребёнок Цесаревны Натальи Алексеевны от её связи с графом А.К. Разумовским. Об этой могиле мало кто знал — Екатерина II приказала всю эту историю держать в секрете.

графа и графини Буксгевден и высказывала уверенность, что это — результат интриги таких людей, как Кутайсов.

Письмо было не столько резким, сколько сухим и прощальным навсегда. Павел Петрович решению Нелидовой препятствовать не стал; пусть едет, если хочет, но написал ответное послание, которое никак «прощальным» назвать нельзя. Он не готов был расстаться с «милой Катенькой» навеки. Это очень важный документ, раскрывающий мироощущение Самодержца в сентябре 1798 года.

«Если письмо Ваше, — писал Павел I, — должно было доставить мне удовольствие, то лишь потому, что в нём видна сердечность Ваша, к которой я и обращаюсь. Всё, что Вы говорите о своём сердце, есть убедительное доказательство моих чувств к Вам. Я не понимаю, причём тут Кутайсов или кто-либо другой в деле, о котором идёт речь. Он или кто другой, кто позволил бы внушить мне или что-либо делать противное правилам моей чести и совести, навлёк бы на себя то же, что постигло теперь многих других. Вы лучше, чем, кто-либо, знаете, как я чувствителен и щекотлив по отношению к некоторым пунктам, злоупотребления которыми, вы это знаете, я не в силах выносить. Вспомните факты, обстоятельства. Теперь обстоятельства и я сам — точь-в-точь такие же.

Я очень мало подчиняюсь влиянию того или другого человека, Вы это знаете. Никто не знает лучше моего сердца и не понимает моих слов, как Вы. И я благодарю Вас за то, что Вы дали мне случай поговорить с Вами откровенно. Впрочем, никто не увидит ни моего настоящего письма, ни Вашего, которое я даже возвращаю при сём, если Вы хотите этого. Клянусь пред Богом в истине всего, что я говорю Вам, и совесть моя пред Ним чиста, как желал бы я быть чистым в свой смертный час. Вы можете увидеть отсюда, что я не боюсь быть недостойным Вашей дружбы. Павел».

5 сентября 1798 года Нелидова покинула Петербург и Павла Петровича она уже больше не видела.

К власти призывались те, кто был явным или тайным, но непременно — врагом Императрицы. Новые люди плели новые интриги, и только некоторые из них имели далеко идущие цели. Чаще всего в качестве главного инспиратора «переворота» 1798 года называют Ивана Кутайсова. Это верно, но только до известной степени. Кутайсов чаще и больше всех общался с Павлом Петровичем, он мог передавать ему слухи и сплетни, интерпретируя их в нужном ракурсе. Но при всём том Кутайсов был скорее марионеткой, но отнюдь не режиссёром очередной придворной диспозиции. И в силу своего умственного

развития, и по причине природной простоватости он не мог парить высоко, там, где парили интриганы экстра-класса.

Однако Кутайсов обладал одним качеством, которым очень ловко пользовались более умные и опытные фигуры. Он был необычайно тщеславен. То ли низкое происхождение, то ли ущербный статус при Дворе сделали его необычайно восприимчивым к знакам внимания, отличиям, наградам и... к лести. Он обожал всё это и постепенно, по мере того, как росли его служебные звания, увеличивалось и его патологическое самомнение. Став обер-гардеробмейстером, он начал себя считать чуть ли не обер-гофмаршалом.

Между тем и Императрица, и Нелидова воспринимали его как слугу; он навсегда оставался для них «Иваном», к которому можно относиться снисходительно, как и к любому лакею. Чувствуя эту свою ущербность, Кутайсов ненавидел Марию Фёдоровну и Нелидову так, как только может ненавидеть раб, претендующий на положение рабовладельца. Почва была готова. Нужен был поводырь для Кутайсова, и он нашёлся.

Первым из таковых стал умница и прожженный интриган граф и князь Александр Андреевич Безбородко (1747—1799). Один из самых (если и не самый) богатых магнатов, он имел почестей, наград и отличий выше всякой меры. При Екатерине II он занимал ключевое место в государственном управлении; при Павле I сохранил свое положение: канцлер, действительный тайный советник I класса. По степени своей значимости с ним никто из сановников не мог сравниться.

Его антипавловские настроения диктовались совсем не тем, что он был обойден при раздаче царских милостей; его тщеславию, казалось бы, не могло страдать. Однако Безбородко оставался человеком Екатерининской эпохи; царедворцем «политеса» и «куртуазы»¹, мастером дворцовых комбинаций и интриг. С воцарением Павла I жизнь начала принимать совсем иную окраску, иной стиль, другой характер и ритм. Теперь нельзя было быть уверенным ни в чём. Прошлые отличия отнюдь не обеспечивали спокойное и беззаботное существование.

Безбородко же хотелось жить не по установлению сверху, а по своему хотению. Он собирал картины, произведения искусства, и ему совершенно не нравилось вставать ни свет ни заря и отправляться на дворцовые разводы и слушать распоряжения Императора, передаваемые через каких-то безродных вестовых. Он считал, что имеет полное право на особое положение в Империи, делу процветания

¹ От французского *courtois* — любезный, изысканно-вежливый.

которой он положил так много лет и сил. Кроме того, его угнетало, что братья Куракины фактически отстранили его от управления внешней политикой, хотя формально он оставался общепризнанным «главным знатоком» международных дел.

Не существует никаких надёжных подтверждений того, что Безбородко намеревался организовать некий заговор по свержению Павла I. Для такой безрассудной авантюры он был слишком мудрым и слишком старым. Внести же разлад в Императорскую Семью было его сокровенным желанием. Там, где разлад, где противоречия, где нестроения — там его стезя, там он может принять на себя роль рефери, которая ему всегда была так мила. Недалёкий Кутайсов тут оказывался весьма кстати. Стоило провести с ним несколько умных бесед, намекая на то, что он «неоценен», что его третируют и затирают «известные особы», как этот «турецкий дурачок» начинал смотреть на тебя влюбленными глазами и готов был делать для тебя всё, что угодно. А ничего особенного делать и не требовалось. Надо было только регулярно, раз за разом, намекать Монарху на «противодействие» его воле, ненароком расхваливать людей, явно нерасположенных к Императрице и её компаньонке Нелидовой.

Закулисная «менторская» деятельность Безбородко начала приносить плоды, что стало очевидным уже в конце июля 1798 года, после отставок Буксгевдена, Нелединского и Плещеева. Но, наверное, самое сладостное мгновение Безбородко ощутил в августе того года, когда получил письмо от Императрицы, в котором она взывала к нему за защитой и поддержкой. Никакой «поддержки» старый интриган оказывать не собирался, но сам факт подобного «падения» гордой Марии к его ногам доставил ему истинное наслаждение. Однако в пылу закулисной борьбы по свержению «женской партии» канцлер не разглядел, что с его помощью был выпущен из бутылки страшный джин, имя которому — барон П.А. Пален.

Именно Пален сменил Безбородко в роли ментора Кутайсова и стал главным действующим лицом в интриге по свержению Павла Петровича после смерти канцлера Безбородко 6 апреля 1799 года. Потом о Палене говорили, что его душа «черна, как бездна ада». Но это всё вскрылось позже, когда он уже сыграл свою преступную партию. В июле же 1798 года, когда Пален вознёсся на самый верх иерархической пирамиды, его скорее рассматривали как «второго Аракчеева», но совсем не как фатальную фигуру.

В начале царствования Павла I, несмотря на свое феноменальное чутьё, Пален — тогда правитель Рижского наместничества — со-

вершил невероятную ошибку. Когда в феврале 1797 года проездом в Риге оказался Платон Зубов, отправлявшийся в Европу для лечения из-за «расстроенных нервов», правитель Наместничества устроил ему пышную встречу и потом лично отправился его сопровождать до границы. Павел Петрович воспринял это как вызов и отреагировал незамедлительно: «за учиненные подлости» Пален был уволен в отставку. Потом несколько месяцев он обращался к разным лицам, слезно просил о помиловании, клялся в верности до гроба Императору.

Его стенания возымели действие: 20 сентября 1797 года Пален был возвращен на службу. Он командует Лейб-гвардии Конным полком, 31 марта 1798 года производится в генерала-от-кавалерии и награждается орденом Андрея Первозванного. Час же служебного триумфа наступил в июле 1798 года, когда Пален сменил Буксгевдена по посту военного губернатора Петербурга. Наконец, 22 февраля 1799 года Пален получает графский титул.

Вопрос о том, кто способствовал возвышению Палена, до сих пор остаётся открытым. В качестве ходатаев чаще всего называются имена Кутайсова и воспитательницы Царских детей и «главы немецкой партии в Петербурге» Шарлотты-Карловны Ливен, урождённой фон Поссе (1743—1828), ставшей в 1796 году графиней. Представляется маловероятным, чтобы Павел Петрович руководствовался в своей кадровой политике мнением Кутайсова и Ливен. Первого он так до конца и продолжал считать «брадобреем», а госпожу Ливен, при всех несомненных воспитательных способностях и преданности делу, он не мог воспринимать человеком государственного склада ума.

Более обоснованным выглядит предположение, что мнение таких людей, как Ф.В. Ростопчин — в 1798 году генерал-адъютант и генерал-лейтенант, но особенно князь А.А. Безбородко, сыграли важную роль. Были какие-то и другие восхвалители, но их имена не столь значимы. Атмосфера придворного «восхищения» не могла не повлиять на настроения Императора, которые передал в своих воспоминаниях барон К.А. Гейкинг.

«Однажды Павел, находившийся в небольшом кружке приближённых, выразился так: “Странно! Никогда я не слышал, чтобы о ком-либо говорили так много хорошего, как о Палене. Я, значит, довольно ложно судил о нём и должен эту несправедливость поправить”».

Дорога к власти для Палена была открыта; он смог обаять Императора своим усердием, исполнительностью, беспрекословным послушанием. Но вместе с тем он сумел использовать в своих видах то качество, которое так всегда высоко оценивал Павел Петрович:

прямоту суждений и критические самооценки. Конечно, как показало дальнейшее, всё это была тонко рассчитанная и талантливая игра. Павел клялся собственной жизнью служить Императору до последнего земного вздоха, но многие месяцы не просто грезил, но деятельно готовил его убийство...

В какой степени Лопухины, и в первую очередь Анна Петровна, были вовлечены в антипавловскую деятельность? Была ли возлюбленная Императора рупором его врагов и была ли она осведомлена о подготовке заговора? Совершенно точно известно, что сенатор, а затем обер-прокурор Сената князь Пётр Васильевич в подобной деятельности не участвовал и вообще сторонился придворных интриг. В 1799 году он попросился в отставку, её получил и отбыл на жительство в Москву. Что же касается его дочери, то здесь столь однозначный ответ дать невозможно.

Доподлинно известно, что Анна Гагарина, сохраняя звание камерфрейлины, имела свои апартаменты в Михайловском замке, куда из покоев Императора вела потайная дверь. Все последние недели жизни Павла Петровича, связанные с Михайловским замком, Анна Петровна провела в непосредственной близости от Императора. Ежедневно, после окончания вечерних трапез в замке ровно в 10 часов вечера, Император проводил у Гагариной ровно час и в 11 часов отправлялся спать. Известно также, что сразу же после убийства, на следующий день, т.е. 12 марта 1801 года, княгиня Гагарина выехала из Михайловского замка и вскоре отбыла за границу. Больше в России она не бывала и умерла в Вене в возрасте 28 лет, в 1805 году, от послеродовой горячки¹.

Существует одно свидетельство, косвенно подтверждающее, если и не прямое участие Анны Лопухиной-Гагариной в заговоре, то определённо — её осведомлённость о его наличии. Оно принадлежит принцу Евгению Вюртембергскому (1788—1858) — племяннику Императрицы Марии Фёдоровны. По приглашению Императора Павла тринадцатилетний принц Евгений 6 февраля 1801 года прибыл в Петербург, где Император оказал ему самые сердечные знаки внимания. Пошли даже разговоры о том, что Павел Петрович хочет «усыновить» Евгения, а остальных членов Семьи «заточить в темницу». О природе подобных слухов речь пойдет отдельно. Пока же следует только констатировать, что Евгений оказался в эпицентре событий в последние дни царствования Павла I.

¹ Похоронена она была в Александро-Невской лавре, в церкви Святого Лазаря.

В шестнадцать лет, в 1804 году, Евгений Бюртембергской написал воспоминания на французском языке, в переводе звучащие следующим образом: «Правдивый рассказ о моих приключениях в 1801 году, написанный в 1804 году и представленный господину д'Оржелету, моему учителю французского языка в Эрлангере, Евгением, принцем Бюртембергским».

Принц повествует, что 7 февраля его принял Император, рсточал любезности. Но это в данном случае не самое главное. Наиболее интересное случилось в последующие дни. Наносся необходимые визиты, он в одном из домов познакомился «с очень красивой особой... про которую утверждали, что ей покровительствует Император». Нет сомнения, что имелась в виду именно Анна Лопухина-Гагарина.

В последующие дни события начали принимать необычный и для юного принца прямо загадочный характер. На одном из придворных приемов упомянутая красавица попросила Евгения сесть рядом и завела разговор, который совершенно не укладывался в обычное русло светской беседы. Она предложила ему не просто «дружбу», но именно защиту, и при этом произнесла мрачно-таинственные слова: «Мы живём в такое тяжелое время, когда самые блестящие надежды бывают обманчивы и самые ревностные наши покровители становятся опасны».

Что под этим имелось в виду, не совсем понятно. Ясно только одно: единственным покровителем и Анны Гагариной, и принца Бюртембергского в тот момент являлся Император Павел. Подобное предсказание принцу показалось непонятным, необъяснимым. На этом роковая красавица не успокоилась.

В один из дней в придворной церкви она затеяла разговор совершенно неуместный. Она напомнила Евгению судьбу английских принцев, «которых Ричард III велел бросить в подвалы Тауэра», и с жаром начала расхваливать Великого князя Александра, на которого призывала смотреть как на спасителя. Беседа завершилась многозначительной фразой: «Если когда-либо Вам понадобится приют, то Вы найдёте его у меня».

Всё это выглядело как-то странно; Евгений не был посвящён в атмосферу придворной жизни, где многие знали и желали гибели Императору Павлу. Однако он чувствовал, что «вокруг нарастает напряжение и общее беспокойство». Встречи с русской покровительницей у принца на том не закончились.

За день до убийства, 10 марта 1801 года, в Михайловском замке давался концерт, на котором они опять встретились, при этом таинственная дама, «на глазах которой блеснули слёзы», успела шепнуть юноше, чтобы он после ужина пришел к ней на встречу, определив и место. Встреча в описании принца выглядела следующим образом: «Я нашёл мою молодую приятельницу при выходе из столовой в одном из скудно освещенных коридоров... Она крепко схватила меня за руки, поцеловав в лоб, а затем довольно пылко заключила меня в объятия и воскликнула: “О Вас позаботятся, Господь не оставит нас, не забывайте меня”. Это были последние слова, больше я её никогда не видел».

Думается, что принцу Евгению не было надобности сочинять подобную историю. Он готовил свои заметки не для печати — они были опубликованы только после его смерти. Из них следует, что Лопухина-Гагарина была осведомлена о готовящемся злодеянии и имела некоторое соглашение с руководителями заговора, очевидно с самым главным из них — графом Паленом.

Павел Петрович, как истинный рыцарь, вознес избранницу сердца на пьедестал, но он в ней, как в целом ряде других лиц, ошибся. Не было там ни простоты, ни искренности. Осыпанная вместе с родственниками дарами и знаками внимания со стороны Самодержца выше всякой меры, которые она принимала с упоением, княгиня Гагарина вольно или невольно, но оказалась в числе сочувствующих заговорщикам, думая только о себе и своём благополучии. Судьба «верного рыцаря» её совершенно не интересовала.

Павел I ошибся в нравственном совершенстве своей последней любви: вместо невинной, сентиментальной и романтической девицы, Лопухина-Гагарина оказалась мелкой и лицемерной особой, при этом почему-то полагая, что, соучаствуя в страшном грехопадении — Цареубийстве, — она может рассчитывать на милость Господа. Она бежала из Михайловского замка 12 марта 1801 года с первыми лучами солнца и не была ни на панихидах, ни на похоронах.

Она предала любовь, она всё предала, чем наградила её судьба, но ничего не получила взамен. Она вырвалась за границу, не имея никого и ничего. Муж был к ней равнодушен, родственники смотрели на неё, как на изгоя, а единственная дочь Александра Павловна Гагарина скончалась вскоре после родов. Сама княгиня умирала на чужбине долго и тяжело от чахотки, никому не нужная и всеми позабытая...

Глава 6. КОРОНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Российская Империя в XVIII веке являлась крупнейшим в мире геополитическим образованием. Империя — везде и всегда это мировое устремление, некая вселенская миссия. Если нет подобного глобального устремления, то нет и Империи, вне зависимости от размера государства и его исторического самообозначения.

Среди разнообразия имперских исторических форм можно вычлени́ть две основополагающие исходные мировые модели: Перворимскую и Второримскую или Константинопольскую. Перворимский вариант — мировая трансляция имперской мощи, организационной силы, цивилизационного устройства. Константинопольская альтернатива — в первую очередь трансляция веры; это христианский призыв ко всему человечеству, это «ковчег спасения» для всего «народа христианского». Сущностно никакой третьей модели не существует, но наличествует множество симбиотических композиций, сочетающих в различных пропорциях признаки Перворимской (секулярной) и Второримской (сакральной) моделей.

В светской, антихристианской публицистике, историософии и историографии давно утвердился взгляд на Империю как на совокупность трех земных составляющих: обширность территории, полиэтничность и авторитарная (монархическая) форма правления. Потому в своё время Карл Маркс называл Древнерусское Государство «Империей Рюриковичей», хотя «Империей» Древняя Русь не являлась и являться не могла. В Христоцентричном мире тогда существовала мировая «Империя ромеев» — наследница, преемница и продолжательница «Империи Августа» — единственной мировой Империи. В ней родился Иисус Христос, а потому эта Империя и была бессмертна.

Секулярный, материалистический взгляд на историю, рожденный книжно-формульным «позитивным» мировоззрением, обедняет представления о прошлом, ведёт к подлогам, подменам и упрощениям в тех случаях, когда встречается с духовными феноменами, необъяснимыми с точки зрения рационализма и прагматизма. Христианская Империя и относится к числу подобных феноменов.

Русь являлась государством-церковью; это было в первую очередь явление духовного порядка, это было государство, где понятия «народ русский» и «народ христианский» являлись синонимами.

Духовное родство признавалось первее и куда значимее, чем кровно-племенные узы. Только на Руси утвердилось христологическое определение человека «хрестьянином», позже трансформировавшееся в «крестьянина».

Русская имперско-царская комбинация вызревала, формировалась и развивалась под сенью константинопольского прообраза, в русле теократической теории о государстве-церкви. Признаки христианской империи в России можно разглядеть ещё применительно к XV веку, но фактом исторической действительности она становится только в середине XVI века, с момента венчания на Царство Иоанна IV Грозного в 1547 году. После падения в 1453 году Константинополя Русь осталась единственным в мире православным государством. На ее долю выпало предназначение сохранить свет Православия, что можно было осуществить только при восприятии Ромейской (Римской) всемирной духовной миссии, трансформируясь по своей сути в мировую Империю-Царство.

Москва стала Третьим Римом потому, что не могла им не стать. Как заявлял один из творцов Третьеримской теории старец Филофей Псковский: «Ромейское царство нерушимо, яко Господь в римскую власть записался». «Ромейское царство» неразрывно связано с величайшим мировым событием — рождением Христа, а потому это царство исчезнуть не может, ибо оно освящено фактом земного явления Спасителя. Первый Рим пал от языческой ереси, второй — разрушен и закабален безбожными турками, а ему на смену пришёл Рим Третий — Московское Царство. Третий Рим — это христололюбивая земля, это обитель истинного благочестия, в которой только и есть надежда и спасение для всего христианского мира.

Подобные космогонические представления полностью разделял ещё Иоанн IV Грозный, когда говорил о своем родстве с Императором Августом. В письме шведскому Королю Юхану (Иоганну) III в 1573 году Первый Царь заявлял: «Мы ведём род от Августа-кесаря, а ты судишь о нас вопреки воле Бога, — что нам Бог дал, то ты отнимаешь у нас; мало тебе нас укорять, ты и на Бога раскрыл уста». Тут не подразумевалась прямая кровнородственная связь. Имелась в виду преемственность властной прерогативы, которую Царь Московский получил по Божией милости из Ромейского царства.

Взращённое под сенью Креста, в лоне Православия (Правoverия) Московское Царство выполняло свою духовную миссию — служить свечой Православия, нести миру и людям Завет Спасителя, готовить род человеческий ко Второму Пришествию Христа. Этот идеал «Свя-

той Руси», сформировавшийся в первой половине XVI века, одушевлял всю историю Московского Царства, являлся главным духовным смыслом русского исторического бытия вплоть до первой четверти XVIII века. Когда же правителем Руси-России стал неистовый преобразователь Петр I Алексеевич, то началась переориентация духовного строя страны с Рима Второго, христианского, на Рим Первый, языческий. В 1721 году верховный правитель провозгласил Россию «Империей», не вкладывая в это понятие никакого сакрального содержания. Идеал «Великой Империи» выдвинулся на политическую авансцену, заслонив идеал «Святой Руси».

С Петра I началась дихотомия (расщепление) русского исторического существования, возник тот, всё время расширяющийся, разлом некогда единого национально-государственного организма, который в конечном итоге и стал главным фактором падения Монархии в 1917 году. По своему облику и внешним задачам светская Империя не творила больше дело Церкви, управление которой было низведено до уровня государственного департамента.

Однако старое мироощущение об особом предназначении Руси не исчезло, и исчезнуть не могло, так как это всегда оставалось чаением православной души. Оно существовало в тиши монастырских обителей, в сердцах всех благочестивых пастырей и мирян. Полностью преодолеть и отбросить исконную православную природу Руси не удалось ни такому сильному правителю, как Пётр Алексеевич, ни православно индифферентным последователям Первого Императора, таким, как Анна Иоанновна, Екатерина II или Александр I.

Несмотря на разломы, противоречия и антагонизмы, Россия сохраняла все признаки государства-церкви вплоть до самого 1917 года. Она оставалась единственным в мире христианским государством, с максимально возможной степенью воцерковления социума, где последний коронованный правитель — Царь Николай II Александрович — был причислен к лику святых в чине Страстотерпца, т.е. правителя и человека, совершившего великий подвиг Христапреданности. Ничего подобного страны, которые традиционно обозначаются «христианскими», где со времени Ренессанса и Реформации Вера Христова стала трактоваться как частное дело отдельного лица, миру не явили, и явить не могли.

Вышеуказанные ремарки необходимы для понимания того «христианского идеализма», который был присущ Императору Павлу I и направлению внешней политики Империи периода его царствования. Он-то как раз прекрасно понимал, что «Дело Империи» и «Дело

Церкви» сосуществуют в неразрывном единстве, что его роль тем и неповторима, что он водитель «Православного Царства». Конечно, это не было неким законченным и совершенным богословским миро-воззрением; это скорее интуиция, порыв, но которые явно наличествуют во многих деяниях Павловской эпохи.

Никто не знает, было ли это результатом духовного просветительства такого замечательного пастыря, как Митрополит Платон, или это — некое собственное личное наитие, но факт остаётся фактом: Павел Петрович был христианином с рождения и до последнего дня своей жизни. Его молитвенное усердие поражало окружающих. Как писал Н.А. Саблуков через сорок лет после убийства Павла I, в Гатчине «до настоящего времени показывают места, на которых Павел имел обыкновение стоять на коленях, погруженный в молитву и часто обливаясь слезами. Паркет положительно протерт в этих местах».

Потому и мир воспринимал Павел Петрович не только как «правитель Империи», но именно как «правитель Христианской Империи», что являлось синонимом поводыря христианского рода человеческого.

Именно христианское миропредставление Павла Петровича родило идею о потребном единстве христианского мира. Революция воспринималась им как совершенное зло, как козни антихриста, как вызов Богу, чему надо бескомпромиссно противостоять всеми силами души, всеми мыслями и делами. Революция — опасная и заразная болезнь, требующая сильной ответной реакции. Свержение монархии во Франции в 1792 году показало всему миру, что пал не только трон, но и алтарь, а иного и быть не могло. Бесовская вакханалия не могла ограничиться только свержением и убийством правителя «милостью Божией». Гонение на Церковь стало всеобщим и беспощадным; священники и монахи преследовались повсюду и истреблялись с непередаваемой жестокостью.

Хорошо известно о том, что Цесаревич Павел крайне резко и эмоционально воспринимал революционные безумства во Франции, где, по его словам, «развратные правила и буйное воспаление рассудка» попирали Закон Божий и традиционное мироустройство. Трудно удержаться от предположения, что если бы в начале 90-х годов XVIII века власть находилась у него в руках, то он ответил бы прямым ответным ударом. Екатерина же считала, что России не надо вмешиваться, что морального осуждения вполне будет достаточно. Действительно, ведь это же не война за Иран и Тибет, которая в середине 90-х годов так занимала Императрицу. 18 апреля 1796 года русские войска под

командованием графа Валериана Александровича Зубова (1771—1804) — младшего брата последнего фаворита Императрицы — начали военную кампанию против персов, захватив Дербент (10 мая) и Баку (15 июня). Их продвижение вглубь персидской территории было прекращено только со смертью Екатерины II в ноябре 1796 года.

Придя к власти, Павел Петрович не считал необходимым вмешиваться в дела сопредельных стран и территорий. Он всё ещё придерживался своего старого убеждения: Россия должна заниматься самоустроением государства, а иностранные военные кампании истощают и без того скудные государственные ресурсы.

Однако обстоятельства международного порядка вынудили Императора изменить исходные миролюбивые представления. Французская республика времен Директории не только успешно отражала натиск монархической Европы, но добилась вполне ощутимых территориальных приобретений, начала демонстрировать свои всеевропейские экспансионистские устремления. В результате поражений, нанесенных Пруссии, Испании, Сардинии, Австрии, французы установили свой контроль над Бельгией, Голландией, Ломбардией, утвердили влияние в Южной Италии и Неаполе, заявили свои претензии на Рейнские области, Швейцарию, Геную и Ближний Восток.

Как мировая держава Россия не могла оставаться в стороне от разрушения установленного миропорядка. Это был побудительный мотив, так сказать, геополитического свойства.

Другой импульс, не менее важный, носил мировоззренческий характер: дать отпор противохристианскому нашествию. Он особо рельефно проявился в так называемом Мальтийском вопросе. Император-рыцарь выступил на защиту «братьев во Христе», которых в тот период олицетворял католический Мальтийский орден, а в широком смысле — весь католический мир, испытывавший страшный натиск со стороны безбожной революции. Без этого побудительного религиозного мотива невозможно объяснить многие аспекты политики Павла I, и её в таком случае можно представлять и «экстравагантной», и «глупой», и «безумной», и какой угодно ещё, но только — не подлинной.

Наставник Цесаревича Павла Петровича А.С. Порошин записал в дневнике 28 февраля 1765 года. «Читал я Его Высочеству Вертову¹ историю об Ордене мальтийских кавалеров. Изволил он потом забав-

¹Верто д'Обеф (1655—1735) — аббат, историк, член Ордена Капуцинов, член Парижской академии изящных искусств, автор трудов по истории Церкви.

ляться и, привязав к кавалерии свой флаг адмиральский, представлял себя кавалером Мальтийским». Через несколько дней, 4 марта, тема была продолжена: «Представлял себя послом Мальтийским и говорил перед маленьким князем Куракиным речь». Павлу Петровичу только десять лет, а история одного из подразделений европейского духовного рыцарства уже произвела на него сильное впечатление.

Невозможно предположить, чтобы Павел Первый в свои зрелые лета не знал долгую и печальную историю догматического и канонического противостояния между Православием и Католицизмом, насчитывавшую к концу XVIII века почти тысячу лет. Но по-человечески ему, как и многим другим православным и католикам, было непонятно и неприятно столь острое отчуждение двух основных ветвей Христианства, ставших, по сути дела, разными конфессиями. Самодержец мечтал изыскать политико-нравственный механизм, позволивший бы преодолеть раскол и объединить всех, кто поклоняется Иисусу Христу, славит Его как Царя Света, почитает Его Начальником жизни.

Это было чрезвычайно необходимо перед варварским натиском революции, истребляющей всё и всех, символизирующих Веру Христову. 17 ноября 1800 года, принимая посланника Короля Неаполитанского Фердинанда IV герцога Антонио Серрикаприола (Серра Каприола), исполнявшего должность посла в Петербурге с 1782 года, Император Павел заявил: «Учитывая опасность фальшивой философии, приобретающей всё более широкое распространение, и против набирающего силу атеизма следует бороться, объединив усилия всех сил добра. Союз религий есть самая сильная преграда на пути распространения вселенского зла».

В новых исторических условиях старые религиозные споры и противоречия должны отойти на дальний план. Одним из средств консолидации Христианства Павлу I виделся Мальтийский орден. В 1798 году Император принял под своё покровительство орден Святого Иоанна Иерусалимского. Звание Магистра этого ордена было добавлено в титул Императора, а мальтийская символика включена в государственный герб. Полная императорская титулатура звучала после того следующим образом.

«Божиею поспешествующею милостью Мы, Павел Первый, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Государь Псковский и Великий князь Смоленский, Литовский, Волынский и Подольский, князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Самигальский,

Самогитский, Корельский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский, и иных Государь и Великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея Северные страны Повелитель и Государь Иверские земли, Карталинских и Грузинских Царей и Кабардинские земли, Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель, Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Гольштинский, Стормаринский, Дитмарсенский и Ольденбургский и Государь Еверский и Великий Магистр державного Ордена святого Иоанна Иерусалимского, и прочая, и прочая, и прочая».

Идея рыцарского и христианского братства, лежащая в основе этого древнейшего Ордена, была близка и понятна Павлу Петровичу. Хотя Орден считался католическим, но во второй половине XVIII века находился вне юрисдикции пап.

Триединое же предназначение членов братства: духовное окормление, помощь больным и нуждающимся (дела страннолюбия и милосердия) и защита Христианского мира от нападения со стороны врагов — не могли не вызвать отклика в рыцарской душе Императора Павла. Здесь он воочию узрел то, чего не могли предложить никакие конспиративные масонские ложи: живую практику, реальную благочестивую деятельность, засвидетельствованную многовековым опытом истории Ордена.

Монашеский орден Святого Иоанна Иерусалимского был учреждён крестоносцами на Святой Земле в XI веке. Монахов Ордена ещё называли госпитальерами¹ от основанного ими в 1070 году в Иерусалиме, рядом с Храмом Гроба Господня, госпиталя Святого Иоанна для помощи паломникам. Члены Ордена имели отличительную внешнюю атрибутику: носили красные накидки с белым «осьмиконечным» крестом посередине.

После изгнания крестоносцев с Ближнего Востока Орден в 1291 году перебрался на Кипр, откуда ему пришлось под натиском турок переехать на остров Родос в Эгейском море. Наконец, в 1530 году госпитальеры обосновались на острове Мальта и с этого времени получили второе свое название: Мальтийский орден. Мальта стала своего рода монашеским государством, главой которого считался Великий Магистр².

¹ От латинского *hospitalarius* — странноприимный.

² Среди немалого числа работ, посвященных рыцарям-мальтийцам и появившихся в последние годы, стоит выделить небольшую, но весьма содержательную монографию Ю. Милославского: «Странноприимцы. Православная ветвь

Остров Мальта, занимавший центральное положение в акватории Средиземного моря, оказался в фокусе интереса различных стран, втянутых в борьбу за преобладание в этом беспокойном регионе. Отношения между Россией и Мальтой, именно как отношения двух субъектов международного права, начались при Петре I. Летом 1697 года Мальту посетил «царев стольник» П.А. Толстой, который составил обстоятельное описание истории и положения Мальты. Затем были другие визиты и контакты.

Петербург интересовался Мальтой ввиду исключительного стратегического положения острова; борьба с Турцией и укрепление влияния в районах теплых морей требовали постоянного присутствия России в этом регионе. При Екатерине II в Европе даже распространился слух, что Императрица намеревается «купить» Мальту, но это был всего лишь слух. Со своей стороны, правители Мальты всё время вынуждены были лавировать в сложной политической игре различных государств в Средиземноморском бассейне.

После присоединения Восточной Польши к России возникло так называемое «Острожское дело», способствовавшее складыванию постоянных — формальных и неформальных — отношений между Россией и Мальтой. Речь шла об огромных земельных владениях, которые были завещаны Ордену. В 1774 году они были объединены в форме имущественной корпорации, получившей название «Великого Приорства Польского», которую благословил папа Пий VI в 1777 году.

Доходы от этих владений были значительными, но для Ордена не судьбоносными. Когда же свершилась Французская революция 1789 года, а затем начались в Европе бесконечные войны и конфликты, то владения и имущество Ордена во многих странах были потеряны. Приорат, оказавшийся с 1794 года в сфере русской имперской юрисдикции, стал чуть ли не единственным источником доходов для Ордена. Великий Магистр Ордена де Роган отправил для переговоров в Россию, по поводу возвращения Ордену доходов от Острожского Приорства на Волыни, «кавалера Мальтийского ордена Большого Креста», графа Джулио Ренато (Юлий-Рене) Литта-Висконти-Арезе (1763—1839).

Державного Ордена рыцарей-госпитальеров Св. Иоанна Иерусалимского», изданную в Санкт-Петербурге в 2001 году. Автор с максимальной тщательностью собрал все данные о деятельности Ордена в России и в русском зарубежье вплоть до последнего времени.

Позже Литта, получивший в России имя Юлий Помпеевич, оказался весьма влиятельной фигурой. Он женился в 1798 году на племяннице Григория Потёмкина, урождённой Энгельгардт, по первому мужу графине Е.В. Скавронской (1761—1829). Екатерина Энгельгардт-Скавронская являлась одной из «пленительных красавиц» Петербурга и принадлежала к самому высокому кругу аристократии¹.

После убийства Императора Павла Первого, которое Литта в последний момент пытался предотвратить, граф остался в России и впоследствии сделал замечательную государственную карьеру: обер-шенк, обер-гофмейстер (1810), член Государственного Совета (1811), кавалер Ордена Святого Андрея Первозванного. От дел Ордена Литта после гибели Павла I совершенно отстранился, и, как замечает исследователь, не существует никаких документальных свидетельств, способных «приблизить нас» к ответу на этот вопрос².

Павел Петрович не только возвратил Ордену доходы, но и увеличил их до 300 тысяч польских злотых, что равнялось примерно 50 000 рублей. Он утвердил существование Ордена в России и учредил «Великое Приорство Российское», состоявшее из 10 командорств, одно из которых было пожаловано Литте, получившему от Императора в 1798 году и титул графа. Когда Император Павел I в 1798 году принял на себя звание «Магистра Мальтийского Ордена», то Литта сделался его наместником (заместителем).

Мальтийские рыцари вызывали активную и стойкую неприязнь в тех кругах различных стран Европы в XVIII веке, где утверждались или по факту государственной доктрины, или пока только в общественном сознании соблазнительные и искусовые принципы «эгалита» (равенство) и «либерта» (свобода). Католическая Церковь и все её составляющие элементы — главнейшая мишень практически для всех «либеральных», «демократических» и «освободительных» течений в Западной Европе, начиная с Эпохи Реформации, т.е. с XVI века. В веке XVIII «антицерковность» — обязательный атрибут «прогрессивного» мировоззрения, для которого Мальтийский Орден являлся бельмом на глазу.

Одним из первых решений революционных властей Франции стала ликвидация Ордена и конфискация всей его собственности. Орден

¹ Её первым мужем был камергер и посланник в Неаполе Павел Мартынович Скавронский (1757—1793) — внук брата Императрицы Екатерины I, Карла Самойловича Скавронского.

² Милославский Ю. Указ. соч. С. 126.

считался «прибежищем клерикальной реакции», «средневековым пережитком». Когда в июне 1798 года французский флот под командованием «гражданина Бонапарта» захватил Мальту, то первым делом французы объявили о «ликвидации» Ордена, одновременно разграбив всё его достояние.

15 августа 1798 года собрание «кавалеров сановников» Ордена, состоявшееся в Петербурге, единогласно постановило: просить Императора Павла принять на себя звание Великого Магистра Ордена. 29 ноября того же года Император Всероссийский принял на себя это звание, став 75-м носителем этого звания.

Весь мир был извещён о том особым Манифестом «Об установлении в пользу Российского дворянства Ордена Святого Иоанна Иерусалимского». Начинаясь он словами: «Божиею милостью Мы Павел Первый, Император и Самодержец Всероссийский, Великий Магистр ордена Святого Иоанна Иерусалимского и проч., и проч., и проч.». В Манифесте было сказано об исторических заслугах Ордена, который «от самого своего начала благоразумными и достохвальными учреждениями своими споспешествовал как общей всего Христианства пользе, так и частной таковой же каждого Государства, Мы всегда отдавали справедливость заслугам сего знаменитого Ордена...».

Ещё в конце 1797 года, когда Павел I принял на себя обязанности Протектора (Покровителя) Мальтийского ордена (11 ноября 1797 года), Мальта находилась в зоне пристального интереса «Самодержца всея Руси». При этом благоразумие повелителю России не изменяло, и, после занятия Мальты французами, Павел Петрович не отдал приказ начать военно-морскую экспедицию для освобождения Мальты от «грязных якобинцев». Даже когда в 1799 году русская эскадра под командованием адмирала Ф.Ф. Ушакова (1744—1817) одержала в Средиземном море блестящие победы над французским флотом, освободила Ионические острова в Эгейском море и остров Корфу (20 февраля 1799 года), то и тогда военных посягательств на остров Мальту Россия не проявила.

К этому времени Мальта была захвачена англичанами, а Англия являлась союзником России по большой антифранцузской коалиции, включавшей Англию, Россию, Австрию, Турцию и Неаполитанское королевство. Дипломатические переговоры о будущем Мальты велись представителями ведущих стран. Русская «союзница» Англия, напуганная перспективой перехода Мальты к России, даже предлагала передать остров под юрисдикцию Неаполитанского королевства,

прекрасно понимая, что лишённая флота страна не сможет реально управлять Мальтой. Данный «проект» был безоговорочно отвергнут Императором Павлом I.

При этом англичане старались демонстрировать внешнюю учти-вость. 31 октября 1799 года командующий британским флотом адмирал Нельсон даже обратился к Павлу I, как «Великому Магистру Ордена Святого Иоанна Иерусалимского», со специальным посланием, в котором уверял, что капитан английской эскадры Александр Бэлл будет «в качестве временного коменданта» удерживать Мальту, «пока Ваше Величество... не назначит кого-либо на сей пост». Мало того. В этом же послании Нельсон обращался к Императору с просьбой присвоить Бэлу звание «командора» Ордена, а своей возлюбленной, скандальной «леди Гамильтон», — звание «канонессы».

Насколько известно, леди Гамильтон членом орденового братства не стала, но в декабре 1799 года комендантом (губернатором) Мальты был назначен генерал-от-кавалерии князь Г.С. Волконский (1742—1824), который уже находился на острове Корфу. Однако англичане совершенно не собирались выполнять свои обещания и допускать русских на ключевой стратегический форпост в Средиземном море. Волконский на Мальту так и не прибыл. Вскоре началось резкое обострение англо-русских отношений, и тема Мальты отошла на дальний план русской политики.

Павел Петрович отделял будущее Ордена госпитальеров от судьбы собственно Мальты, и нет никаких доказательств того, что он серьёзно рассматривал вопрос о возвращении острова Ордену. Однако «французское насилие», а затем «английский произвол» не могли не оскорбить нравственные чувства Царя-Рыцаря.

В 1799 году, 12 октября, Императору Павлу I в Гатчине были торжественно переданы святыни Мальтийского Ордена: часть Животворящего Креста Господня, чудотворная икона Божией Матери Филермской, писаная, по преданию, Евангелистом Лукой, и «десница руки мощей Иоанна Крестителя», той самой, которой Иоанн Предтеча крестил в Иордане Самого Спасителя. Все эти святыни были помещены в 1800 году в церкви Спаса Нерукотворного образа в Зимнем Дворце¹.

¹ После прихода к власти большевиков в 1917 году святыни удалось вывезти из России. Образ Богородицы ныне хранится в монастыре в Черногории. Что же касается прочих святынь — части Животворящего Креста и десной руки Иоанна Крестителя, — то следы их затерялись во время Второй мировой войны.

В этот период Россия была фактически единственной страной, для которой христианские идеалы оставались значимыми во внешнеполитической деятельности. Они не всегда сами по себе преобладали, но их невозможно было не заметить и не учитывать. Католичество, Папский Престол в Риме, по сути дела, могли искать защиту и покровительство только в Петербурге. Даже их старый и, как казалось, надежный союзник в лице Императора Священной Римской Империи германской нации Франц II теперь думал только о самоспасении.

Римские папы Пий VI (1775—1799) и Пий VII (1800—1823), оказавшиеся во главе Католической Церкви в бурные годы европейских потрясений, теперь могли рассчитывать за защиту только России, тем более что Император Всероссийский носил теперь титул Великого Магистра Мальтийского. Папа Пий VI, которому исполнилось 80 лет, был в 1798 году французскими войсками свергнут с «Престола Апостола Петра», ограблен до нитки, увезён во Францию, где и умер. Никто из европейских монархов «милостью Божией» не встал на защиту Римского Первосвященника.

Его преемник Пий VII вообще избирался на Римскую Кафедру не в Риме, а в Венеции, и вернулся в Рим только благодаря победам русских, освободивших Рим в 1799 году, но затем вновь захваченный французами. Его положение было непрочным, и помощи ждать было неоткуда, разве только из России. Агент папы иезуит патер Гавриил Грубер (1740—1805) 21 декабря 1800 года писал секретарю папы монсеньору Маротти: «Что касается состояния души нашего доброго Императора, я добавлю, что ещё несколько дней назад во время аудиенции он сказал мне: “Если папа ищет надёжного убежища, я приму его как отца и защищу его всей моей властью”».

Сохранилась депеша, присланная в Петербург из Рима от русского посланника Лизакевича от 24 января 1801 года. Он сообщал, что только недавно избранный папа Пий VII пригласил его на аудиенцию, чтобы специально выразить «чувства признательности Государю Императору Павлу I» и «полную готовность служить ему всеми силами». Папа добавил, что ему «весьма приятно видеть Императора Великим Магистром Мальтийского Ордена», что он «готов, в случае гонений со стороны французов», поселиться на Мальте, когда остров будет возвращен Ордену. Там он намерен «жить спокойно под защитой Великого Магистра — Русского Императора». Папа далее присовокупил, что он мечтает о воссоединении церквей и ради обсуждения столь важного предмета готов «приехать в Петербург и изустно трактовать с Государем, коего характер основан на истине,

правосудии и верности». В беседе с посланником Пий VII называл Императора Павла I «другом человечества и бескорыстным защитником и покровителем гонимых и угнетённых». Никогда — ни до, ни после — правители России не удостоивались подобных восторженных похвал со стороны главы Римско-Католической Церкви...

В 1799 году Россия вступила в борьбу с французской экспансией на территории Италии и в районе Средиземного моря. Блестящие победы русских над французами в Северной Италии и замечательная экспедиция адмирала Ф.Ф. Ушакова — высадка в июне в Неаполе и освобождение 16 сентября 1799 года Рима — знаменовали крах французского господства в Италии. Папа (1775—1799) Пий VI прислал Императору Павлу в связи с этим восторженное благодарственное послание. Но вскоре ситуация изменилась. В Европе, среди «государей милостью Божией», усиливались капитулянтские настроения. «Здравый смысл» и «трезвый расчёт» заставляли правительства искать компромисса с «богопротивной» французской республиканской властью.

Позицию «нейтралитета» объявила Пруссия — важнейшая часть Священной Римской Империи германской нации, которую издавна возглавляли представители австрийского Дома Габсбургов. В 1792 году Императором стал «свойк» Императора Павла — Франц Габсбург, получивший титул Императора Франца II. Он был женат на сестре Марии Фёдоровны принцессе Елизавете-Вильгельмине Вюртембергской. К тому времени, когда Павел Петрович вступил на Престол, Вильгельмина уже умерла, а Франц имел другую супругу — Марию-Терезию, урождённую принцессу Неаполитанскую (1772—1807).

Здесь самое время обратиться к одной проблеме, о которой или не говорят вовсе, или интерпретируют самым примитивным образом. Речь идёт о побудительных мотивах отправки русских войск в 1799 году в Западную Европу — Голландию и Италию — для борьбы с французами-республиканцами. Западная историография эти военные кампании обходит практически полным молчанием и понятно почему. Как же признать изумительные военные победы русских, которые воевали не за свои интересы и никакой «прибыли» от своих побед не заимели. В российской же историографии об этом говорится, но вывод почти всегда один и тот же: войны эти — результат «неуравновешенной психики» Императора Павла.

Сам же Павел I руководствовался вовсе не «нервными импульсиями», а глубоким убеждением, что его долг как Православного

Монарха выступать «восстановителем тронов и осквернённых алтарей». Он не мог бесстрастно взирать на то, как французы разрушали не просто установленный миропорядок, но именно тот миропорядок, где властвует Бог и Государь. Все разговоры о «власти народа», о «власти закона» представлялись ему не просто глупостью, но и подлостью, своей соблазнительностью опьяняющей сердца некоторых, кричавших от имени всех.

В данном мировоззренческом контексте имело совсем не перво-степенное значение то, что Священная Римская Империя изначально была католической, а среди конгломерата государственных образований, входивших в её состав, целый ряд давно порвал духовные связи с Римом, провозгласив себя приверженцами «протестантского» закона. Здесь самыми заметными были Пруссия и Голландия, однако формально и они входили в состав Империи. Потому когда французы вторглись в пределы Священной Империи, сея кругом безбожие, то Павел I не мог остаться равнодушным наблюдателем.

Он отправил армию воевать совсем не «за Мальту», как иногда безосновательно утверждает. Мальта вообще не фигурировала в планах военных кампаний. Он боролся за принцип христианского мироустройства, нарушенный и разрушенный Французской революцией. Потому семнадцатитысячный русский контингент оказался в Голландии, где должен был помочь англичанам одолеть французов, а несколько десятков тысяч русских воинов оказались в Италии, где и сокрушили власть «антихристову». Для России это была религиозная война, и именно так её и воспринимал Император Павел I. Потому Россия и не искала никаких выгод, и со стороны казалось, что это — только «авантюра». Но так казалось только со стороны.

Здесь уместна одна историческая ремарка, касающаяся другой героической русской военной кампании и реакции на неё западоцентричного сознания. В 1812 году Россия отразила нашествие армии Наполеона, сокрушив его «непобедимую армию», а затем продолжила войну в Европе до полного разгрома Наполеона. Когда же Русская армия вошла в Париж, то русские ничего для себя не потребовали. В России французы сожгли и разграбили сотни городов и деревень, ограбили и сквернили сотни храмов и монастырей, но на Францию даже не была наложена контрибуция. В Париже и других городах не был разорён ни один дом; не было даже разбито ни одного окна.

Император Александр I явил невиданное в мире великодушие: он «наказал французов добротой». Ну, и каков результат? Самый непотребный. Почти двести лет западные историки и публицисты,

да и некоторые наши, доморожденные «западолюбители», без устали инсинуируют по адресу России, по поводу «тёмного царства», а о зверствах французов — ни слова. Они ведь якобы представляли «страну прогресса»...

Император Павел, как человек полнокровного христианского чувства и бескомпромиссного рыцарского долга, был убеждён, что перед лицом «революционной чумы» все правители объединятся, отбросят все бывшие противоречия и несогласия. Беда должна всех сплотить. Однако реальность очень быстро охладила христианский романтический пыл Самодержца. Выяснилось, что «союзники» руководствуются в своей деятельности не высокими интересами и общими целями, а только корыстью и расчётом. Русские им нужны были как таран, как «пушечное мясо», чтобы за их спиной обделять свои делишки: добиваться территориальных приращений, выгод в торговых операциях, нужных династических комбинаций. И всё. Так вели себя англичане в Голландии, когда под шумок военных действий присвоили голландский флот, но что ещё более отвратительно — так же повел себя и «бывший свояк» Император Франц.

Русские войска в Италии в 1799 году были отданы под верховное командование Императора Франца; ведь они пришли на помощь Империи. Австрийские военачальники относились к русским как к людям «второго сорта», третировали и унижали, когда представлялся случай. Русский командующий А.В. Суворов, как человек с развитым чувством национального достоинства, терпеть подобное не мог. Случались стычки и конфликты. Самое отвратительное случилось потом. Австрийцы, вступив в тайные переговоры с французами, фактически заблокировали русских на севере Италии, в Ломбардии, перекрыв подвоз продовольствия и боеприпасов и закрыв русским возможность отхода.

В Париже потирали руки: капитуляция этих «ужасных русских» представлялась неизбежной. И тогда Суворов совершил невозможное, потрясая врагов, и вызвав восхищение на Родине: он вывел армию из Ломбардии через Альпы в Германию, а затем она вернулась в Россию. Уход русских тут же сказался на положении дел. Весной 1800 года Наполеон нанес сокрушительное поражение австрийцам при Моренго и вернул под свой контроль Италию.

Император Павел I терпеть не мог предательства. Вена и Лондон предали Россию, предали великую идею очищения Европы от «революционной заразы», а потому всякое дальнейшее союзничество с ними становилось невозможным. Фактически рухнула «вели-

кая коалиция», включавшая Англию, Австрию, Россию, Турцию и Неаполитанское королевство. Обычно ее «окончательный распад» датируют Люневильским мирным договором, заключенным Австрией и Францией 9 февраля 1801 года в местечке Люневиль во Франции, который стал первым (но не последним) актом капитуляции носителя титула Императора Священной Римской Империи перед «безбожными французами». Фактически же коалиция уже не существовала к началу 1800 года, когда Император Павел принял бесповоротное решение больше не оказывать поддержки «союзникам».

Без России антифранцузская коалиция превращалась в ничто. Пруссия, Швеция и Дания уклонялись от участия в борьбе с Наполеоном, Англия, любившая «таскать каштаны из огня» чужими руками, ничем не могла повлиять на ход дел на континенте. Турция являлась слабой и малодетельной. Разрушенное Неаполитанское королевство под главенством династии Бурбонов не имело ни сил, ни средств, ни армии.

В результате Австрия, которую однажды Император Павел назвал «слепой курицей», оказалась фактически один на один с Наполеоном. И плата за предательство оказалась высокой. Император Франц II испил «чашу Иуды» до дна. «Священная Империя» лежала в руинах. Император вынужден был в 1806 году сложить полномочия и корону Империи, отказавшись от участия в делах германских государств. Отныне это — только Австрийский Император Франц I. Но на этом унижения не закончились. В 1808 году французы вступили в Вену и обезумевшим от ужаса представителям Дома Габсбургов во главе с Императором пришлось бежать из столицы, теряя по дороге не только коронные драгоценности, но и личные вещи.

Самый же большой позор Габсбургов¹ настиг позже. 2 апреля 1810 года в Париже, во дворце Лувр, состоялось бракосочетание дочери Императора Франца принцессы Марии-Луизы (1791—1847) и «Императора французов» Наполеона Бонапарта. Наполеон очень хотел породниться с древней династией «Римских Императоров». А чего же желал Франц? Он хотел любой ценой только мира и покоя.

¹ Точнее говоря, это был Габсбургско-Лотарингский Дом. После смерти Императрицы Марии-Терезии в 1780 году прямая австрийская линия Габсбургов прервалась и наследниками стали потомки Марии-Терезии со стороны супруга, принадлежавшие к династии герцогов Лотарингских (известный в истории Франции род герцогов Гизов). Муж Марии-Терезии Император Священной Римской Империи Франц I (1708—1765) носил титул герцога Лотарингского. Франц II приходился ему внуком.

Его девиз: «мы вынуждены уступать под давлением обстоятельств» — отражал политическую беспринципность и конформизм. Потому он отдал свою старшую дочь замуж за человека, которого многие годы в Вене иначе как «чудовищем» не называли и при упоминании имени которого мать Марии-Луизы, урождённая принцесса Бурбон-Неаполитанская Мария-Терезия (1772—1807), чуть ли не теряла сознание. Ведь её дочь — внучатая племянница казненной в 1793 году Французской Королевы Марии-Антуанетты!¹

Ничего этого Императору Павлу увидеть не довелось. Однако он задолго до морального краха Габсбургов пришел к убеждению, что в Вене не руководствуются великим принципами; там, как и в Англии, правит бал только сиюминутная выгода и жалкий расчёт мелких купчиков. А потому и большого дела с ними никогда не стоит затевать. Предадут, обведут, или, как говорят в народе о недобросовестных лавочниках, обязательно «обвешают», «обсчитают» и «обмеряют».

В 1800 году явно обозначился новый внешнеполитический курс Императора России, курс, вызвавший панику в Вене, но особенно в Лондоне, курс, который в конце концов стал поводом, причиной и самым «сильным аргументом» в деле убийства Павла Петровича. Тенденциозные авторы традиционно объясняли принципиальное изменение внешнеполитической ориентации России «сумасбродством» Самодержца, его «болезненным» самолюбием. На самом деле все выглядело совершенно по-иному: на смену политике идеалов пришла политика интересов; ведь, как стало очевидным, по-иному с европейцами вести себя было невозможно. Они просто не понимают «иного».

Россия, с одной стороны, начала серию дипломатических консультаций с Пруссией, Швецией и Данией для создания совместного «Северного союза», который должен был положить конец морскому господству Англии, по крайней мере в акваториях северных морей Европы. Во-вторых, явно обозначились признаки возможного сближения России с Францией. Ход событий во Франции показывал, что революция там завершилась, что в будущем эта мятежная страна, взбудораженная хаосом и отравленная революционным ядом, вер-

¹ Императрица французская Мария-Луиза родила в 1811 году от Наполеона сына Жозефа-Шарля (1811—1832), носившего титул «Короля Римского». После падения Наполеона в 1814 году Мария-Луиза вместе с сыном, получившим титул «герцога Пармского», вернулась в Австрию. Когда же в 1815 году Наполеон снова утвердился у власти — знаменитые «сто дней», то она отказалась возвращаться к супругу, хотя Наполеон её постоянно звал в Париж.

нётся к традиционной форме государственностроения. К тому имелись веские поводы.

В ноябре 1799 года Бонапарт совершил государственный переворот, установив в звании «первого консула» единоличную диктатуру. Вскоре он разогнал революционные ассамблеи — «Совет пятисот» и «Совет старейшин», став фактически пожизненным правителем Франции. К этому времени были прекращены гонения на церковь; во Франции впервые за последние десять лет начали восстанавливаться приходы. Всё это говорило о том, что революция преодолена, побеждена, а потому и Францию теперь следует воспринимать по-другому.

В Наполеоне Бонапарт Императора Павла I подкупало то, что ему всегда нравилось в людях: смелость, решительность, настойчивость в достижении цели. Эти качества свидетельствовали о силе личности, а сильные личности достойны, по крайней мере, уважения. Именно они творят историю. Это не какой-то безвольный Император Франц, который умел писать многостраничные послания, наполненные пустой словесной чепухой, но не был способен выполнить ни одного обещания. С ним можно и нужно поддерживать благопристойные династические отношения, но не более того.

10 октября 1799 года в Гатчине состоялась торжественная церемония бракосочетания старшей дочери Императора Павла Великой княжны Александры Павловны (1783—1801) и брата Императора Франца эрцгерцога Иосифа-Антоня (1776—1847), Палатина Венгерского (Наместника Австрийского). Ещё раньше, когда Александре только исполнилось тринадцать лет, в 1796 году, выдать внучку замуж вознамерилась Екатерина II. Её выбор пал на Шведского Короля Густава IV. Но тогда всё закончилось грандиозным скандалом; восемнадцатилетний Король выдвинул неприемлемые условия, помолвка не состоялась, и это, как уже упоминалось, стало сильнейшим потрясением для Императрицы Екатерины, ускорившим её кончину.

Теперь всё выглядело иначе. Молодые были счастливы, счастливы были и родители невесты. Император Павел и Императрица Мария питали к зятю откровенно отеческие чувства. Это был видный, образованный и учтивый молодой человек, ведший себя в России безукоризненно. Он был сыном Императора (1790—1792) Священной Римской Империи Леопольда II, а по матери — урожденной принцессы Марии-Людовики Бурбон (1745—1792), состоял в родстве с французскими, испанскими и неаполитанскими Бурбонами. Его тётей (сестрой отца) являлась несчастная Французская Королева Мария-Антуанетта, обезглавленная в Париже в октябре 1793 года.

Хотя братом Иосифа являлся Император Франц II, но никакого влияния на политику России это обстоятельно не оказало. Павел Петрович твёрдо разграничивал «династическое дело» и «государственное дело» и никоим образом не допустил бы вмешательства зятя в свои нераздельные прерогативы. Да Иосиф и не пытался как-то влиять, тем более что с братом Францем у него сложились весьма прохладные отношения; в его советах и наставлениях он не нуждался. Он безропотно согласился, чтобы его жена сохраняла принадлежность к Православию. Вернувшись же в Империю, он поселился с супругой в своих венгерских владениях и в Вене практически не бывал.

Этот брак создал вторую матримониальную связь между Домом Романовых и Домом Габсбургов; первой было замужество сестры Марии Фёдоровны принцессы Елизаветы-Вильгельмины Бюртембергской с тогда эрцгерцогом Францем. Но, как и в первый раз, вторая связь оказалась недолговечной. Александра Павловна умерла при родах в Будапеште 4 марта 1801 года; всего за несколько дней до убийства Отца — Императора Павла. Больше, до самого 1917 года сколько-нибудь близких династических матримониальных связей между Романовыми и Габсбургами не возникало...

Единственным лидером в Европе, с кем Император Павел готов был вести дело, становился Наполеон. Россия выказала заинтересованность в сближении. В Париже тут же уловили новые веяния в Петербурге. Наполеон прекрасно понимал, что единственного и самого страшного врага и его, и Франции — Англию, можно сокрушить только в союзе с такой великой державой как Россия. В январе 1800 года Наполеон публично произнес многообещающие слова: «Франция может иметь союзницей только Россию!» За словами последовали и дела.

Наполеон считал, что Пруссия, которая была нейтральной и поддерживала близкие отношения с Россией, может сыграть в новой стратегической диспозиции важную роль. В письме министру иностранных дел Талейрану (1754—1838) «первый консул» высказался на сей счёт вполне определённо: «Мы не требуем от Прусского Короля¹ ни армии, ни союза, мы просим его оказать лишь одну услугу — помирить нас с Россией».

В этот момент Павел I уже не сомневался, что Наполеон — мотыльщик революции и будущий Король. Свои взгляды на ход событий Самодержец изложил в 1800 году в беседе с датским посланником

¹ Имелся в виду Король (1797—1840) Фридрих-Вильгельм III.

бароном Нильсом Розенкранцем (1757—1824)¹. Эту беседу посланник подробно описал в донесении в Копенгаген.

«Государь сказал, что политика его остаётся неизменною и связана со справедливостью там, где Его Величество полагает видеть справедливость; долгое время он был того мнения, что она находится на стороне противников Франции, правительство которой угрожало всем державам; теперь же в этой стране в скором времени водворится Король, если не по имени, то, по крайней мере, по существу, что изменяет положение дел². Он сбросил сторонников этой партии, партии австрийской, когда обнаружилось, что справедливость не на её стороне; то же самое он испытал относительно англичан: он склоняется единственно в сторону справедливости, а не к тому или другому правительству, к той или другой нации, и те, которые иначе судят о его политике, положительно ошибаются».

Павел Петрович был готов к принципиальной внешнеполитической переориентации. На донесении от 28 января 1800 года русского посла в Берлине барона А.И. Крюденера о французском зондаже Император сделал приписку: «Что касается до сближения с Францией, то я бы ничего лучшего не желал, как видеть её прибегающей ко мне, в особенности».

Со стороны Наполеона последовал красивый жест. Во Франции находилось около шести тысяч военнопленных, попавших туда в 1799 году во время сражений русской армии в Швейцарии под командованием генерала-от-инфантерии А.М. Римского-Корсакова (1753—1840). Тогда французский генерал Массена нанёс русской армии поражение под Цюрихом и в плен попали тысячи русских — большей частью раненые и больные. Они были отправлены во Францию, где с ними обращались подчеркнуто любезно: их хорошо кормили, они имели почти свободный режим, а офицерам позволялось даже носить оружие.

Теперь Наполеону представилась возможность показать «рыцарю Павлу» свой рыцарский характер. По его заданию министр

¹ 16 декабря 1800 года Розенкранца, с которым ранее Самодержец поддерживал доверительные отношения, выдворили из России. Благодаря похищенному шифру властям в Петербурге стали известны подробности дипломатической переписки, в которой датский посланник позволял себе весьма оскорбительно отзываться о Павле I.

² 18 мая 1804 года Наполеон в присутствии папы Пия VII короновался в Соборе Парижский Богоматери, провозгласив себя «Императором француз».

Талейран отправил в июле 1800 года письмо руководителю русского внешнеполитического ведомства Н.П. Панину, в котором уведомляя, что «первый консул уже сделал распоряжение», чтобы все русские, «которые находятся в плену во Франции, возвращены были в Россию, без обмена и со всеми воинскими почестями. С этой целью они будут заново обмундированы, вооружены и получают обратно свои знамена». Кроме того, было сообщено, что Наполеон считает себя в «мире с Россией» и «отдал приказ французским эскадрам защищать русские суда от нападения английских кораблей».

Великодушный жест Наполеона произвел на Императора Павла самое благоприятное впечатление. Для принятия пленных в Париж был отправлен генерал Спренгпортен, а в качестве ответного политического жеста в январе 1801 года Павел Петрович распорядился выслать из Митавы претендента на французский престол Людовика XVIII и прекратить выплату ему пенсии (200 тыс. рублей в год).

В конце 1800 — начале 1801 года дело явно шло к установлению союзных отношений между Россией и Францией. «Первый консул республики» 9 (21) декабря 1800 года отправил Самодержцу личное письмо, в котором прямо обозначил своё отношение, свои интересы и устремления.

«Я имею великое удовольствие, — заявляя Наполеон, — видеть вчера г. Спренгпортена. Я поручил ему передать Вашему Императорскому Величеству, что столько же вследствие политических соображений, сколько из уважения к Вам, я желаю видеть скорый и неизменный союз двух могущественнейших наций в мире. Я тщетно пытался в течение года восстановить мир и спокойствие в Европе: мне удалось это; ещё продолжают драться без причины и, как кажется, единственно благодаря подстрекательству английской политики».

Далее Наполеон предлагал конкретные меры и шаги. «Но стоит Вашему Императорскому Величеству снабдить какое-нибудь лицо, пользующееся Вашим доверием и знающее Ваши желания, особенными неограниченными полномочиями, — и через двадцать четыре часа спокойствие водворится на материке и в морях. Ибо, когда Англия, немецкий Император и все другие державы убедятся, что как желания, так и руки наших двух великих наций соединяются в стремлении к одной цели, оружие выпадет у них из рук, и современное поколение будет благословлять Ваше Императорское Величество, избавившее его от ужасов войны и раздоров партий».

Подобные мысли и намерения были созвучны настроениям и представлениям Императора Павла, который не замедлил с отве-

том. 18 (30) декабря повелитель России отправил послание, начинавшееся словами: «Господин Первый Консул. Те, кому Бог вручил власть управлять народами, должны думать и заботиться об их благе». И далее продолжал: «Я не говорю и не хочу пререкаться ни о правах человека, ни о принципах различных правительств, установленных в каждой стране. Постараемся возвратить миру спокойствие и тишину, в которых он так нуждается». Письмо заканчивалось на дружеской ноте. «Теперь я готов Вас слушать и беседовать».

Старые противоречия, недовольства и конфликты предавались забвению. Новые времена требовали свежих идей и подходов, которые Император Павел так явно и демонстрировал. Через две недели, 2 января 1801 года, Павел Петрович отправил второе послание Наполеону, где крайне критически отозвался о мировой роли Англии и закончил послание призывом к солидарности в борьбе с алчной и безудержной английской политикой. «Несомненно, — заканчивал послание Самодержец, — что две великие державы, установив между собой согласие, окажут положительное влияние на остальную Европу. Я готов это сделать».

Наполеон тут же отреагировал; вырисовывалась перспектива создания мощной коалиции, способной сокрушить ненавистное английское мировое господство. Наполеон, как и Павел, человек быстрых и решительных действий, предложил план совместного удара по Британии. Объектом удара должна была стать, как выразился Наполеон, «жемчужина Британской Империи» — Индия. Неистовый корсиканец предложил и конкретный план совместных действий. Два контингента, французский и русский, общей численностью в семьдесят тысяч, начинают наступление с двух сторон. Россия движется на юг, чтобы атаковать англичан с Севера, а французы следуют на судах по Дунаю, Черному морю и высаживаются в районе Таганрога, откуда далее следуют через Царицын и Астрахань на судах по Каспию до Астрабада, который станет «главной квартирой союзной армии». Затем совместная армия следует через Герат, Ферех и Кандагар (территории современного Афганистана) и выходят на берега реки Инд.

Наполеон особо подчеркивал, что союзники не будут воевать с другими народами и их правителями, и что надо ко всем обратиться с особым воззванием, уведомляя всех, что их враги — англичане. Руководителям племён, через чьи территории будет следовать воинский контингент, предполагалось выплатить деньги. «Единственная цель этой экспедиции, — заявлял Наполеон, — состоит в изгнании из

Индостана англичан». Этот проект вызвал сочувствие и понимание Императора Павла. Спокойной жизни и благоразумного политического равновесия на Европейском континенте можно было добиться только через обуздание Англии.

У Англии же нет никакой высокой политики; её международную деятельность всегда и везде определяли только корысть, барыш, купеческий расчёт. Если нет барыша, «приварка» и он не предвидится, то англичан такие проблемы никогда не интересовали. Они готовы идти на сделку с кем угодно, хоть с дьяволом, лгать и изменять всем принципам и декларациям, лишь бы получить финансовую выгоду. Потому они всегда будут ненавидеть Наполеона, он — угроза их капиталам; потому они всегда будут бороться и с Россией, для которой моральный приоритет выше всего иного. России с Англией никак не сойтись.

Император Павел I не руководствовался в международной деятельности некими эмоциональными порывами, сиюминутными настроениями. Он хотел убедиться в правоте своей позиции, выслушать и другие мнения, но от людей, не запятанных пристрастиями или продажностью. В этом отношении глава внешнеполитического ведомства Никита Петрович Панин (1771—1837), племянник незабвенного Никиты Ивановича, совсем не подходил. Да, он знающий, да, он сведущий во многих делах; на посту полномочного представителя в Берлине проявил себя достойно. Павел Петрович предал забвению давнюю историю, восходившую к 1791 году, когда молодой Панин путём интриги хотел обострить отношения Павла с матерью. Но тогда весь придворный мир был одной сплошной интригой; многие тогда замарались. Не подходил Панин по другой причине.

Хотя он не был открыто замешан в сношениях с Англией и англичанами, но работал в их пользу и не от скудости ума, а от своей давней приверженности к французским эмигрантам-роялистам, для которых сближение с республиканской Францией, и особенно с Наполеоном, было смерти подобно. Теперь нужен другой человек, и 17 ноября 1800 года Панин был уволен. Существует утверждение, что граф Никита Петрович Панин и Чарльз Уитворт являлись «братьями», так как входили в число масонов одной из лож. Масонские связи вообще-то очень плохо документированы, получить какие-то бесспорные доказательства тут практически невозможно. Но если это было именно так, то Панина можно рассматривать уж если и не как агента английского посла, то как его доверенное лицо. Однако нет никаких указаний на то, что Павел I знал о подобной закулисной

стороне биографии вице-канцлера, и увольнение Панина никак этим обстоятельством не мотивировалось.

Все внешние дела перешли в фактическое распоряжение графа Фёдора Васильевича Ростопчина (1763—1826), которого Император именным указом ещё 22 февраля 1799 года возвел в графское достоинство.

Ростопчин, происходивший из небогатого дворянского рода, выдвинулся в войне с турками и со шведами, и в 1791 году принимал участие в мирных переговорах со Швецией, к которым его привлёк А.А. Безбородко. В 1792 году становится дежурным офицером при Цесаревиче Павле, постепенно завоевывает его доверие. После восшествия на Престол Павла Петровича Ростопчин быстро делает карьеру: в 1798 году он уже генерал-лейтенант и генерал-адъютант. После недолгой опалы он становится членом Иностранной коллегии и действительным тайным советником. В 1799 году он — вице-канцлер и генеральный директор почт.

Ростопчин относился к разряду умных, знающих и чрезвычайно «пронирыливых» царедворцев; не зря же его наставником являлся А.А. Безбородко. Ростопчин обладал острым языком; ему далеко не всё нравилось в правлении Павла. Он многих, а точнее говоря — почти всех сановников, без оглядки на последствия, критиковал; «каналья» было далеко не самым обидным эпитетом, которым награждал чиновных «сиятельных особ» и главных «этуалей» столичного бомонда. Его главные враги — граф Никита Петрович Панин и граф Пётр Александрович фон дер Пален. Так уж сложилось, что эти же персоны являлись и главными врагами Императора, организаторами заговора на жизнь Самодержца.

Граф Ростопчин прославился своей экстравагантностью; его нередко называли «чудаком». Во время войны 1812 года он являлся Московским губернатором и руководил эвакуацией города и организацией сопротивления. Он лично рисовал карикатуры на Наполеона и на французов, а одним своим действием привлёк особое внимание Наполеона. Когда по пути к Москве французы заняли поместье «Вороново», принадлежавшее Ростопчину, то нашли его опустевшим и сторевшим, а на столбе висела составленная на прекрасном французском языке афиша, гласившая: «В течение восьми лет я украшал эту древнюю землю, жил здесь счастливо в лоне семьи. Жители этой деревни 1720 душ, покидают её при вашем приближении, а я поджигаю мой дом, дабы он не был запятнан вашим присутствием. Французы,

я оставил вам два моих дома в Москве с обстановкой стоимостью в полмиллиона рублей, здесь вы найдёте только пепел».

«Император французов» чрезвычайно развеселился, когда ему принесли эту афишу. Уму непостижимо: хозяину самому уничтожать собственное имущество! На такое способны только эти русские, имеющие извращенные представления обо всём. В качестве образца «русской дикости» Наполеон распорядился отправить афишу в Париж для всеобщего обозрения. Как вспоминал приближённый к Наполеону генерал и дипломат Арман де Коленкур (1773—1827), эффект получился обратный ожидаемому. «Афиша произвела глубокое впечатление на всех мыслящих людей... она встретила больше одобрения, чем критики»...

Ростопчин обладал двумя качествами, чрезвычайно ценными Павлом Первым. Во-первых, он никогда «не брал» ни из казенного кармана, ни тем более — из иностранного. Во-вторых, он был сторонником твёрдой линии во внешней политике, нацеленной на поддержание престижа Империи не путём уступок со стороны России, а только в её интересах, невзирая на слова и заверения, исходившие из разных зарубежных столиц. Он никогда не верил напыщенным словам, как вообще он мало кому доверял в делах или в жизни. Он придерживался твёрдого убеждения, что иметь дело с такими странами, как Австрия или Англия, нельзя, что единственной реальной силой в Европе является Наполеон; с ним одним только и можно по-настоящему договариваться.

В январе 1801 году Ростопчин составил особую записку, содержащую анализ политической ситуации в Европе, которую Император внимательно изучил, сопроводив её своими замечаниями и комментариями. Ростопчин считал, что с Францией следует устанавливать союзные отношения, для укрепления международных позиций России. Он предполагал, что рано или поздно состоится распад Турции и Россия должна иметь сильного союзника, чтобы наследство османов не попало в сторонние руки, в первую очередь англичан. Этим путём можно нанести сильнейший удар Англии — заклятого врага Франции и врага России.

Об Англии было сказано, что она «своею завистью, пронырством и богатством была, есть и пребудет не соперница, но злодей Франции». Около этого места Император сделал заметку: «Мастерски писано!» Далее Ростопчин заключал, что Англия «вооружила попеременно угрозами, хитростью и деньгами все державы против Франции». Тут Павел I счёл уместным прибавить: «И нас грешных».

Ростопчин видел впереди воссияние Креста Господня над поруганным и поверженным Константинополем, носившим теперь басурманское наименование Стамбул (Истамбул). Его записка заканчивалась патетическим пассажем: «Если Творец мира, с давних времен хранивший под покровом Своим Царство Российское и славу его, благословит и предприятие сие, тогда Россия и XIX век достойно возгордятся царствованием Вашего Императорского Величества, соединившего воедино престолы Петра и Константина, двух великих Государей, основателей знатнейших Империй света». Эта имперская экспансионистская грёза графа Ростопчина никак не отвечала планам Павла I, но была понятна любой православной душе. В этом месте Император сделал пометку: «А меня всё-таки бранить станут».

Антианглийский курс Императора Павла явно обозначился уже весной 1800 года. Первым ясным знаком новой политической диспозиции стало изгнание из Петербурга в мае английского посла Чарльза Уитворта (Витворта, 1752—1825), занимавшего этот пост с 1788 года. Он был влиятельной фигурой британского истеблишмента: в 1800 году получил баронский титул, был послом в Париже, в 1813 году Король (1760—1820) Георг III возвёл его в лорды, затем сделал пэром Англии и виконтом Эдбастоном, графом Уитвортом Эдбастоном.

Причины изгнания Уитворта до конца не ясны. В качестве главного повода всегда выставлялась Мальта; Англия не собиралась возвращать остров мальтийским рыцарям, которым он принадлежал без малого четырёхсот лет. Наверное, так оно и было, но думается, что сыграла свою роль и деятельность будущего лорда в Петербурге, которая далеко не отвечала нормам дипломатического политеса. Посол порой вел себя в столице огромной Империи, как какой-то наместник в завоеванной стране. В здании посольства открылся своего рода клуб, куда приглашались различные сиятельные особы и светские дамы, где велись разговоры в самом фривольном духе и где можно было получать английские газеты и журналы с самыми невозможными с точки зрения моральной благопристойности и политической благонадёжности статьями и карикатурами, ввоз которых в Россию был запрещён.

Кроме того, посол заимел в столице любовные связи, служившие темами пересудов в Петербурге. Самой известной его возлюбленной стала Ольга Александровна Жеребцова, урожденная Зубова (1766—1849). Она была сестрой братьев Зубовых, состояла в браке с камергером А.А. Жеребцовым (1764—1807), который, впрочем, ничего не мог поделать с неукротимым нравом своей супруги.

Второй возлюбленной посла являлась графиня Анна Ивановна Толстая, урождённая княжна Бярятинская (1777—1825). Она была супругой камергера двора Цесаревича Александра графа Н.А. Толстого (1765—1816), но её сердце «принадлежало сэру Чарльзу». Обе дамы «стогрели от любви», но если графиня Толстая изливала свои чувства в письмах, рыданиях и приступах меланхолии, то Ольга Жеребцова была куда более деятельной.

Она сделалась глазами, ушами и, образно говоря, руками английского посла и стоявшего за ним правительства «Его Величества» во главе с Уильямом Питтом (1759—1806). Салон Ольги Жеребцовой стал не только англофильским центром Петербурга, но и центром антипавловских инсинуаций и интриг. Именно здесь собирались люди, которые не просто ненавидели Государя, но стали вынашивать план его свержения. Жеребцова-Зубова, которую граф Валентин Зубов заслуженно назвал «авантюристкой широкого размаха», принимала в этой деятельности самое заинтересованное участие. Ходили слухи, что после блестящих приемов в своем родовом гнезде Ольга Жеребцова передевалась в платье нищенки и в таком виде приникала к генерал-губернатору графу Палену, где обсуждала секретные планы по свержению Императора Павла. Конечно, это романтическое сказание, на которые XIX век был так богат...

Существуют предположения, что через Ольгу Жеребцову из Лондона переводились деньги для заговорщиков — то ли 2 миллиона рублей, то ли 40 тысяч фунтов стерлингов. Точная сумма не известна, и никаких надежных документов до сих пор не найдено; имеются в наличии только глухие эпистолярные намеки и устные рассказы. Подробные финансовые документы вряд ли когда и обнаружатся. Для английских правящих кругов устройство переворотов и убийств неудобных политических лидеров в других странах всегда являлось «обычной» практикой внешнеполитической деятельности. И они прекрасно умели скрывать тайные нити подобных операций. Сам же факт поддержки со стороны Лондона антипавловского движения в Петербурге не может подлежать спору.

Здесь уместна, так сказать, общ историческая аллюзия. Английские историки и политические деятели различных направлений всегда, как только заходила речь о России, принимали (и принимают) позу моральной добродетели, обвиняя Россию чуть ли не во всех смертных грехах. Так давно повелось, и тенденция не исчезла до настоящего времени. Но никогда они не признают, хоть ворох документальных свидетельств покажи, преступления Англии в других странах. В луч-

шем случае скороговоркой обмолвятся о том, что «такие были времена», что это — «давно ушедшее», что «мировые условия» оправдывали акты преступлений. И всё; иного от них никто не добьется.

А уж чтобы написать и опубликовать исследование, где бы разоблачалась преступная деятельность английского правительства в России, — об этом не может быть и речи. Ведь Россия — «страна дикарей», страна «варваров», а если Англия что туда и приносила, то только «цивилизацию». Россия никогда не вмешивалась во внутренние дела Британии, и трудно даже вообразить, что если бы существовал хоть один подобный случай, то сколько бы гневных слов было произнесено потом, сколько бы трактатов и негодующих разоблачительных исследований бы написали...

В любом случае, вне зависимости от размера английской субсидии, сами участники заговора, если что и получили, то крохи. Основную часть субсидий присвоила Ольга Жеребцова, которая незадолго до Цареубийства, в конце февраля 1801 года, отбыла в Англию. В «стране тирании» ей никто препятствий не чинил, хотя подобная поездка должна была быть одобрена самим Самодержцем. Жеребцова летела в Лондон «на крыльях любви». Мечта тридцатипятилетней дамочки была близка к осуществлению: наконец, они соединят свои жизни навсегда, до гробового входа. Правда, Жеребцова оставалась замужней женщиной; брак же, заключенный по православному обряду, расторгнуть было невероятно сложно. Для этого требовались экстраординарные обстоятельства. Любовь к постороннему мужчине в такой разряд никак не попадала. Но это не имело никакого значения.

Ольга Александровна не собиралась возвращаться в Россию, и она ехала в «свободную» страну, а предмет её вожденной страсти был холостым. Она узнала об убийстве Императора Павла в Пруссии и первое время скрывала свое соучастие, но постепенно осмелела, начала бравировать, что вызвало возмущение при дворе Короля Фридриха-Вильгельма II.

Русскую матрону и аферистку настигло горькое разочарование. Чарльз Уитворт совершенно не собирался жениться на какой-то русской. Да, она была ему нужна, когда он исполнял важную государственную миссию в России, да, такие дамы, как Жеребцова, были очень удобны для осуществления тайных операций, но когда он вернулся в Англию, а потом пришло известие об убийстве Императора Павла, Жеребцова стала ему ненужной, превратилась в обузу. Он прервал с ней все отношения именно в марте 1801 года; теперь это был «отработанный материал».

Уитворт осуществил удачную брачную комбинацию, которая сразу же вознесла его в круг высшей британской аристократии: 27 апреля 1801 года он женился на леди Арабелле Диане Коуп, овдовевшей герцогине Дорсет. Отвергнутая русская любовница не могла стерпеть предательства и всем и каждому рассказывала, что «сэр Чарльз» ей должен деньги, что он её «обворовал».

В завершение всей этой неллицеприятной истории уместно добавить, что Жеребцова в Англии вела жизнь богатой иностранки, к которым англичане всегда относились с предубеждением. «Русская» — синоним чего-то чужого и второсортного; это почти ведь как какая-нибудь «папуаска». Двери особняков всех сколько-нибудь престижных фамилий для таких были закрыты раз и навсегда. Богатство в данном случае не имело первостепенного значения; важно было иметь «высокое родословие». А какое «родословие» у русских? Они ведь «варвары» и предки у них могли быть только «дикарями».

Несчастливая авантюристка была безутешна; ситуацию совсем не скрашивало и прибытие к ней постылого мужа — Александра Александровича Жеребцова; заменить сэра Чарльза ей никто не мог. Существует предание, что Ольга Жеребцова в Англии умудрилась «упасть в объятия» будущего Короля (1820—1830) Георга IV и якобы родила от тогда герцога Уэльского и «принца-регента» сына, получившего имя Георга, а фамилию Норд, которого и привезла в Россию. Король Георг IV с молодых лет слыл пьяницей и ловеласом. Дотошные английские биографы установили «18 дамских привязанностей» принца Уэльского, а затем Короля, некоторые из них рожали ему детей. Однако имя Ольги Жеребцовой в этом «любовном списке» не значилось. Может быть, она, выражаясь современным языком, «проскочила без документов и вне очереди»?

В списках гвардейских полков числился некий Георгий Егорович Норд (1806—1844), с 1827 года — капитан Лейб-гвардии Гусарского полка, с 1841 года — полковник, женатый на княжне Н.Н. Щербатовой. Но являлся ли он сыном английского Монарха — не известно. Известно другое: умерла Жеребцова дряхлой и желчной старухой в полном одиночестве в 1849 году...

К числу английских шпионов («агентес») молва относила и блиставшую с 1798 года на сцене французского театра Петербурга и в гостиных аристократических особняков певицу и актрису мадам Шевалье-Пекам, урождённую Пуаре. Некоторые утверждали, что она — «шпионка Наполеона». О ней мало что было достоверно известно. Передавали, что родилась она в Лионе в 1774 году, а потом

«бежала от революции», вояжировала по Европе и, наконец, обосновалась в столице Российской Империи. Здесь её ждал успех, щедрые гонорары и группа великосветских поклонников. Она замечена была и на раутах у английского посла Уитворта, с которым, как передавали, её связывали «более чем дружеские» отношения. Кстати сказать, вскоре после убийства Императора мадам Шевалье отбыла из Петербурга и больше в России не бывала.

Хорошо было известно — тут уже ссылались не на салонную молву, а на очевидное, что мадам Шевалье «завоевала сердце» влиятельного Ивана Кутайсова — с 5 мая 1799 года графа Российской Империи. Князь Адам Чарторыйский писал о ней, что мадам была «чрезвычайно красивой женщиной, которой увлекался господин Биньон¹, французский посланник в Касселе. Но расчётливая французенка покинула его, предпочитая его любви щедрость царского бладобреля». Кутайсов стал её любовником и в конце 1800 — начале 1801 года посещал «мадам» поздними вечерами, чуть ли не ежедневно, а иногда даже и днём. Сразу же возникли слухи, их специально распускали, что прелестями мадам пользуется и Император Павел; «Иван», хоть и титул заимел, но ведь, по сути, «денщик» и ничего без согласия повелителя не делает. Все разговоры о связи Императора с Шевалье являлись злонамеренными и пустопорожными; подлинных оснований тут не имелось.

Император Павел знал о «похождениях» Уитворта в Петербурге, но долго относился к ним снисходительно. Это же не вина англичанина, что «русские дуры» все приличия позабыли. Ольга Жеребцова вообще не скрывала свою связь. Но что поделаешь, ведь весь род Зубовых порочный; так они воспитаны и так всегда в грехе и жили.

Другая «пассия» посла, графиня Анна Толстая, хоть адюльтером и не бравировала, но долго таиться не смогла. Разве при Дворе надолго что-то скроешь. Её бледность, слёзы, нервные припадки и даже обмороки вначале объясняли «малокровием», но вскоре установилась и подлинная причина: «любовная горячка». К тому же в доме Толстых случались такие «сцены», что оторопь брала. Граф Николай Александрович ужасно гневался на супругу и один раз погнался за ней с ножом. Та еле увернулась, выскочила на улицу чуть

¹ Луи-Пьер-Эдуард Биньон (1777—1841) сделал заметную политическую карьеру уже после расставания с мадам Шевалье. Из мелкого дипломата он превратился во влиятельную фигуру. При Наполеоне занимал различные дипломатические посты, в 1830 году стал министром иностранных дел и членом Совета министров. В 1837 году получил титул пара Франции.

не в дезабилье. И это в столице Империи, в доме гофмаршала Двора Наследника-Цесаревича, на глазах у простолюдинов!

Павел Петрович долго относился к Уитворту с подобающим почтением. В 1797 году при его содействии удалость заключить торговый договор между Англией и Россией и Император даже обратился к английскому правительству с ходатайством о присвоении послу титула пэра. Но в начале 1800 года положение изменилось. Симпатии и к Англии, и к её послу остались в прошлом. Политика английского правительства и поведение Чарльза Уитворта в равной степени вызвали неприятие. К тому же выяснилось, что посол позволяет себе неподобающие высказывание об особе Императора и его близких. Это стало последней каплей, Уитворт был выслан.

Осенью последовали административно-финансовые акции, направленные против Англии. Было наложено эмбарго на английские суда и товары. 22 ноября 1800 года появился Указ Коммерц-коллегии, гласивший: «Состоявшие на российских судах долги англичан повелеваем впредь до расчёта платежей остановить; а имеющиеся в лавках и магазинах английские товары в продаже запретить и описать».

Иными словами, между Англией и Россией началась экономическая война, которую уже вела Франция. Однако для нанесения серьезного удара Англии этого было мало. В начале 1801 года Россия предприняла меру, которая вызвала шок в Британии, невиданный приступ истерии, и до сих порждающую разного рода спекуляции и тенденциозные измышления. Речь идёт о так называемом индийском походе русских войск.

Выше упоминалось, что идея франко-русской экспедиции в Индию принадлежала Наполеону, который и предложил детальный план. Цель всей операции состояла в том, чтобы, как писал Первый консул, «изгнать безвозвратно англичан из Индостана, освободить эти прекрасные и богатые страны от британского ига». Осуществление данного грандиозного международного проекта способно было в корне изменить расстановку международных сил, сведя роль Британии на уровень заурядной державы. Замысел был эпохальный, но и риски были весьма высоки.

Неизвестно, насколько серьёзно относился к этой идее сам Наполеон; до самого убийства Императора Павла каких-либо сведений о реальной подготовке французских войск для отправки в Индию не имеется. Все переговоры о подготовке похода в Индию между Парижем и Петербургом обставлены были большой тайной и каких-либо подлинных документов в распоряжении немного.

Самодержец же отнёсся к проекту с подобающей ему основательностью, воспринимая его в контексте качественного изменения характера русско-французских отношений. С этой целью в январе 1801 года в Париж был специально командирован доверенный представитель Императора тайный советник Степан Алексеевич Кольчев (1746—1805). Этот был известный дипломат, занимавший посты посла в Гааге, Берлине и Вене, и везде проявил завидное мастерство искусного переговорщика. Каковы же были результаты его бесед с Наполеоном — не известно. Возможно, обсуждались сроки, технические меры и политические результаты операции, но всё это из области предположений. Вскоре Павла I убили, и вся индийская эпопея тут же была предана забвению.

Известно только, что, согласно декларации Ростопчина, для установления между Россией и Францией союзнического договора французская сторона должна была признать передачу Мальты Ордену Иоанна Иерусалимского, возратить владения Сардинскому Королю, гарантировать неприкосновенность владений Баварского курфюрста и герцога Вюртембергского. Это была европейская программа России, предложенная вниманию повелителя Франции. Что же касается Индийского похода, то здесь всё менее определённо.

План индийской операции держался в большом секрете, но слухи всё-таки просочились в петербургские гостиные. При Дворе что знают хотя бы двое — уже не тайна. Тем более если самые влиятельные фигуры во власти, такие, как Петербургский генерал-губернатор Пален — первый враг Императора, готовы были в любой момент запустить в салоны, как бы теперь сказали, «информационную дезу», порочащую Самодержца. Надо было постоянно нагнетать страсти, подтверждать гнусную мыслешку о том, что Павел Петрович — «сумасшедший». Индийской поход и являлся дискредитирующей информацией именно такого рода.

Казалось совершенно необъяснимым, почему России надо было воевать за Индию. Да и где эта самая Индия? Никто даже не знал, как туда можно было добраться по суше. В столичных салонах возникла «волна возмущения». Странное дело: прошло всего пять лет, а петербургские салонные «аналитики» напрочь забыли, что когда в голове Екатерины II и её ненаглядного «Платоши» возникла идея завоевания Персии и покорения Тибета, то тогда никто не обсуждал и уж тем более не осуждал сей по всем признакам сумасбродный план. Попробовали бы...

В высшем свете было полно англоманов, да и просто англичан, занимавших видные должности. Один из них — придворный врач Джон-Самуэль Роджерсон (по-русски Иван Самойлович, 1741—1823), служивший со времён Екатерины. Хотя «Иван Роджерсон» являлся урождённым шотландцем, но преданность его Британии носила фанатический характер. Он был придворным лекарем, прекрасно был осведомлен об истинном положении дел, но в своих частных письмах не раз говорил о «ненормальности» Императора.

Письма эти он отправлял своему «доброму другу», русскому послу в Лондоне с 1785 года, влиятельному графу Семёну Романовичу Воронцову (1744—1832). Клан Воронцовых слыл при Павле «оппозиционным», и эти «важные сведения» врача приходились весьма кстати. Идея о свержении Императора получала теперь как бы и важную «медицинскую» санкцию. Правда, никому не приходило в голову вести разговоры о «свержении» Английского Короля Георга III, который находился на Престоле Британии шестьдесят лет (1760—1820) и последние двадцать — явно не в своём уме. Причём признаки идиотии у Георга были, так сказать, на лице, и придворные и родственники боялись даже выводить его на публику...

Уже первые отечественные биографы Павла I, в соответствии с расхожей точкой зрения, интерпретировали индийскую экспедицию как «авантюру», как появление «нервной импульсии» Самодержца всея Руси. Это была не историческая, а сугубо идеологическая точка зрения, которая наглядно представлена у такого автора, как Н.К. Шильдер. О последующих историках можно и не говорить; «матрица» сюжета была задана сочинением именно этого автора.

Для Шильдера это — «нелепая» экспедиция, плохо подготовленная, во время которой люди терпели напрасные лишения и невероятные страдания ещё во время движения по территории Российской Империи. В доказательство Шильдер приводит выдержку из донесения командующего В.П. Орлова в Петербург, в котором тот говорит, что не хватает продовольствия, фуража и денег. Но, во-первых, комплектованием припасов занимался сам Орлов, а, во-вторых, если бы Павел Петрович узнал о нехватках, то немедленно бы (как он всегда делал) распорядился доставить всё необходимое. Но Император такого распоряжения не отдал, потому его к этому времени уже не было в живых: донесение Орлова помечено 18 марта.

Теперь о «жертвах». Пристрастный, но преданный документу Шильдер привел список потерь за время почти трехнедельного следования казачьих войск по бездорожью, в мороз и в снежные бури:

«выбыло из строя 886 лошадей, из коих 564 усталыми и 322 забранными за негодностью». И всё. Если учесть, что казацки войска сопровождало 41 424 лошади, то подобный аргумент выглядит просто смешотворно. Но ведь других нет, и никто из многочисленных разоблачителей Павла Петровича после Шильдера так ничего «свеженького» и «убойненького» не отыскал...

Никакого «безумия» в деятельности Павла Петровича отыскать невозможно; это напрямую касается и индийской акции. Да, это было необычное предприятие, но технически оно не являлось заведомо нереальным. Наполеон, когда обосновывал экспедицию в Индию, то ссылался на пример Надир-шаха и Тамасс Кули-хана, которые выступили в 1740 и 1759 годах из Дели и, пройдя через пустыни и горы Афганистана, достигли Астрабада на берегу Каспийского моря. Конечно, существовал и из далекой древности пример Александра Македонского, осуществившего прославленный в истории Индийский поход. Но это было давно, а указанные правители осуществили переход полвека тому назад. Как заключал Первый консул, «что сделала в 1740 и 1759 годах армия вполне азиатская... то, без сомнения, могут теперь исполнить армия русская и французская!».

Современный исследователь вполне обоснованно заключил, что «Павел I, предпринимая поход в Индию, продумал до мельчайших подробностей многие детали плана Наполеона, дополнив его своими»¹. Конечно, это не была «безумная прихоть тирана». Это был именно план «наказания» Англии, этой «наглой державы», по словам Императора Павла. Имея «математический склад ума», Павел Петрович продумал не только стратегическую концепцию, но даже нюансы военной кампании.

В экспедиции должны были участвовать не только сухопутные подразделения войск, главным образом казацки части — самые мобильные и жизнестойкие подразделения Русской армии. Предполагалась и отправка трех вооруженных кораблей из Петропавловска-Камчатского для того, чтобы подавлять деятельность английских кораблей в прибрежных водах Индии.

Не забыл Самодержец и о возможных английских атаках на территорию России. Так как Балтика для англичан была закрыта — Дания и Швеция никогда бы не пропустили английские корабли, то самым уязвимым представлялось северное направление. Потому Импера-

¹ Захаров В.А. Индийский поход Павла I // Павловский гобелен. М., 2001. С. 77.

тор отдал распоряжение об укреплении форпоста России на Белом море — Соловецкого монастыря.

Существует точка зрения, что Наполеон «перехитрил» Павла Петровича; его задача якобы состояла только в том, чтобы втянуть Россию в войну против Англии, при этом оставаясь в стороне. Думается, что это заведомо упрощённый взгляд. Наполеон не мог не осознавать, что на карту поставлено очень многое, что война с Англией будет трудной, долгой и кровопролитной, не на жизнь, а — на смерть. В таких условиях «обманывать» Русского Императора мог только человек безответственный, какой-нибудь мелкий политикан, озабоченный только получением сиюминутных выгод. Наполеон таковым не был, он мыслил масштабно. Будущий Император Франции не мог не понимать, что Россия нужна не только для каких-то периферийных операций; она необходима для главной битвы за Европу, где и решалась судьба мира.

О том, что план похода в Индию был отнюдь не химерой, засвидетельствовал через шестнадцать лет сам Наполеон. В 1817 году, находясь в заточении на острове Святой Елены, несостоявшийся «повелитель мира» в беседе с английским врачом Барри Эдвардом О'Меара (1786—1836) сделал признание, которое доктор записал в дневнике.

«Когда Павел был так сильно раздражен вами (т.е. англичанами. — А. Б.), он попросил меня составить план вторжения в Индию. Я послал ему план с подробными инструкциями... Расстояние не имеет большого значения, просто провиант транспортируется на верблюдах, а казаки его всегда будут добывать достаточно. Деньги они найдут по прибытии; надежда на завоевание в один момент подняла бы множество калмыков и казаков без всяких расходов на это». И вывод поверженного Императора звучал непререкаемо: «Если бы Павел остался жив, вы бы уже потеряли Индию».

Если некоторые высказывания Наполеона и не очень убедительны, например о том, что он по просьбе Павла Петровича подготовил план вторжения в Индию, то в общем и целом нельзя не признать, что сама идея экспедиции в Индию воспринималась серьёзно и в Париже, но особенно в Петербурге.

Когда же Наполеон узнал, что русские в одиночку решили начать поход, то тут же отправил Императору письмо, в котором уведомлял, что готовит атаку на берега Англии. И приготовления для высадки в Англии действительно велись. Письмо датировано 27 февраля 1801 года; Императору Павлу оставалась жить всего две недели.

Царь напрямую не связывал наступление на Индию с помощью Франции. Достаточно и того, что России в тот момент была обеспечена безопасность западных границ. Пруссия, Швеция и Дания — союзники, Австрия, разгромленная и «измятая», ни на что не способна, а Франция теперь партнер, и если формально ещё не союзник, то скоро непременно им станет. В этих условиях 12 января 1801 года появился секретный рескрипт на имя атамана Войска Донского генерала-от-кавалерии Василия Петровича Орлова (1744—1801). Это чрезвычайно важный документ во всей «индийской истории», а потому он и достоин полного воспроизведения.

«Англичане приготовляются сделать нападение флотом и войском на меня и на союзников моих — шведов и датчан (приготовления для атаки Дании и Швеции в Англии велись. — А. Б.). Я и готов их принять, но нужно их самих атаковать и там, где удар им может быть чувствителен, и где меньше всего ожидают. Заведения их в Индии — самое лучшее место. От нас ходу до Индии, от Оренбурга, месяца три, да от вас туда месяц, а всего четыре месяца. Поручаю всю сию экспедицию Вам и войску Вашему, Василий Петрович.

Соберите Вы со оным и вступите в поход к Оренбургу, откуда любую из трёх дорог или и всеми пойдите, и с артиллерию, прямо через Бухарию и Хиву на реке Индус (Инд. — А. Б.) и на заведения английские, по ней лежащие. Войска того края их такого же рода, как Ваши, и так, имея артиллерию, Вы имеете полный авантаж. Приготовьте всё к походу. Пошлите своих лазутчиков приготовить или осмотреть дороги; всё богатство Индии будет Вам за сию экспедицию наградою.

Соберите войско к задним станицам и тогда уведомьте меня, ожидайте повеления идти к Оренбургу, куда пришёл, ожидайте другого — идти далее. Такое предприятие увенчает вас всех славою, заслужит, по мере заслуги, моё особое благоволение, приобретёт богатства и торговлю и поразит неприятеля в его сердце. Здесь прилагаю карты, сколько их у меня есть. Бог Вас благослови. Есть к Вам благосклонный Павел».

Далее следовала приписка. «Карты мои идут только до Хивы и до Амударьи реки, а далее Ваше уже дело достать сведения до заведений английских, и до народов индийских, им подвластных. П.».

В тот же день был составлен и ещё один рескрипт, в котором Император Павел писал: «Индия, куда Вы назначаетесь, управляется одним главным владельцем и многими малыми. Англичане имеют у них свои заведения торговые, приобретенные или деньгами, или оружием, то

и цель сия разорить и угнетённых владельцев освободить и ласкою привести России в ту зависимость, в каковой они у англичан, и торг обратить к нам».

Из указанных текстов со всей очевидностью следует несколько выводов. Во-первых, Павел Петрович обдумывал план нанесения удара по «вероломной державе» — Англии уже какое-то время. Можно предположить, что предложение Наполеона только укрепило его в этом намерении, но не породило его. Во-вторых, цель операции — изгнание англичан и сокрушение их господства, но отнюдь не завоевание Индии, как о том до сих пор пишут и говорят, и не только тенденциозные западные историки, но и наши, «доморощенные знатоки».

Примечателен один тезис из рескрипта Павла I: Россия должна утверждать свое влияние «ласкою», что в русском языке часто являлось синонимом другого слова: «любовь». Это типично христианская внешнеполитическая установка, совершенно немыслимая для политиков других стран, называвших себя «христианскими».

Мысль о сугубо антианглийской направленности операции чётко была выражена в третьем рескрипте Орлову от 13 января: «Помните, что Вам дело до англичан только и мир со всеми теми, кто не будет им помогать; и так, проходя их, уверяйте о дружбе России и идите от Инда на Ганг, и так на англичан».

К концу XVIII века Индия была в значительной своей части подчинена британскому владычеству. Играя на противоречиях отдельных индийских царьков и правителей, англичане устанавливали своё экономическое и военное господство на обширном пространстве Индостанского полуострова, имея минимальные издержки и максимальные прибыли. По разным подсчётам в конце XVIII века Англия ежегодно получала из Индии прямых поступлений на несколько миллионов фунтов стерлингов. Фактически весь бюджет Британии строился на этих доходах, без которых Англия превратилась бы очень скоро в банкрота. Но в Индии оставались ещё зоны, свободные от британского владычества, да и среди индийской родовой элиты существовали сильные антибританские настроения.

Обо всем этом Павел Петрович знал и понимал, что даже при незначительном ударе извне английское владычество может обратиться в прах. Английские гарнизоны там наперечёт, а войска из представителей местных племен, подвластные англичанам, в любой момент могут обратить оружие против незваных английских пришельцев. К тому же никакими межгосударственными трактатами и соглашениями владычество Англии в Индии не было закреплено, и с

позиции международного права являлось нелегитимным. Англия руководствовалась только правом силы, тем «универсальным правом», которым когда-то руководствовались и римские цезари. Но в таком случае любая иная «сила» с таким же успехом могла претендовать на владычество.

В Лондоне прекрасно осознавали подобную грозную перспективу. В отличие от салонного петербургского «общественного мнения», где по поводу индийского похода только злословили и ёрничали, английский истеблишмент к перспективе появления русских в Индии отнесся не просто серьёзно, но — архисерьёзно.

С военно-стратегической точки зрения индийская экспедиция была сложным, но совершенно не безнадежным делом. Русские в XVIII веке уже имели опыт дальних военных кампаний против Турции, но особенно против Персии, когда им приходилось продвигаться по безжизненным степям, преодолевая сложную, пересеченную горами местность. Русские пограничные отряды, борясь с набегами степных кочевников, достигали пределов Бухары и даже Хивы; так что пустынная местность северного Приаралья была в общем-то известна.

Кстати сказать, одной из целей экспедиции являлось освобождение русских пленных-рабов, которых только в Хиве насчитывались тысячи. В рескрипте В.П. Орлову от 13 января 1801 года об этом говорится прямо: «В Хиве высвободите сколько-то тысяч наших пленных и поданных».

На подготовку экспедиции у Орлова ушло примерно пять недель. Павел I всё время держал её в поле своего внимания, посылал командиру постоянно депеши и в форме рескриптов (именных повелений), и в форме конфиденциальных писем. Все имеющиеся в распоряжении Самодержца карты были отправлены, в том числе «подробная и новая карта всей Индии». Орлов получил и карту с маршрутом передвижения войска, но при этом повелитель России добавил, что «сим маршрутом я Вам рук не связываю». Командующий мог действовать по своему усмотрению. Это же касалось и подбора конкретных людей, требуемых войсковых частей и видов вооружений; тут Орлову предоставлялась полная свобода в принятии решений.

Помощником, «правой рукой» к Орлову был назначен Матвей Иванович Платов (1751—1818) — известный казачий офицер, прославившийся в различных кампаниях. В конце 1797 года за «нарушение устава» был уволен со службы, сослан в Кострому, а позже заключен в Петропавловскую крепость как опасный преступник. Теперь он

был полностью прощён и отправлен на Дон, помогать Орлову. Имя Матвея Платова, с 1801 года — атамана Войска Донского, прогремело в Отечественную войну 1812 года. Тогда, благодаря Платову, казачьи полки стали «бичом Божиим» для наполеоновской армии и ускорили победу России над врагом.

К концу февраля 1801 года всё было готово к выступлению на Индию. Орлов собрал 41 полк, две роты конной артиллерии при двенадцати пушках, 500 человек сопровождающих калмыков и ещё «команда на укомплектование». Были задействованы и верблюды для движения по пескам пустыни; пока только двенадцать голов, но, очевидно, большее их число должно было поступить позднее. Все войска были разделены на четыре эшелона, а первым командовал М.И. Платов.

Общая численность боевого контингента составила 22 507 человек. Движение с Дона в направлении Оренбурга началось 27 и 28 февраля, а 1 марта Орлов отправил Императору депешу, в которой докладывал, что выступление началось, и он намерен совершать «марши от 30 до 40 вёрст в сутки». Накануне, 28 февраля, поступил очередной рескрипт, в котором Император сообщал о своём благоволении к войску за готовность к выступлению и желал «счастливого похода и успеха, с Богом!». Павел Петрович предполагал, что хода до Оренбурга «один месяц», и Орлов рассчитывал прибыть в этот пункт ещё ранее установленного срока.

26 февраля 1801 года дано было неопровержимое доказательство, что Россия готовится нанести Англии удар. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» появилась статья, где почти открыто о том говорилось. Так как газета являлась официозом власти, то ни у кого не могло быть сомнения, что это точка зрения Императора, без соизволения которого подобный материал никогда бы не увидел свет. В статье высказывалась мысль, что Англия должна быть наказана «за вероломство». Был назван и путь возмездия. «Индия — сия древняя и плодоносная земля непрестанно возобновляет свои сокровища, она-то и служит обильной пищей гордости и роскоши надменных властителей над морями». Вывод был однозначным: «Рано или поздно надлежит их поразить в самом средоточии их богатств и их истинного могущества, но время, в которое нанесён будет решительный удар английскому могуществу в Индии, ещё далеко».

Последние слова никого в высшем свете не могли ввести в заблуждение. Многие знали и уже обсуждали подготовку казаков на Дону, а теперь слухи приобретали вполне достоверный характер.

Конечно, трудно с документами в руках утверждать, что все англоманы и агенты Британии перед угрозой русского вторжения в Индию активизировали свою деятельность по свержению и убийству Павла Петровича. Однако отсутствие прямых «подлинных документов» не может служить отрицанием самого факта. Очень многие события в истории не имеют прямого документального подтверждения. Так было и в данном случае. Но при этом невозможно отрицать, что с начала марта 1801 года все враги Императора необычайно оживились; переворот должен был случиться со дня на день. И катастрофа произошла.

В ночь с 11 на 12 марта 1801 года Павел Петрович был убит. Давно известно, если хочешь понять закулисную сторону исторических событий, то ищи ответ на вопрос: кому выгодно? Кроме кучки столичных авантюристов и аристократов, в выигрыше оказалась... Англия. Причём выигрыш она получила, условно говоря, ещё когда тело Убиенного Венценосца не остыло. Как только известие достигло берегов Англии, пресловутый Уитворт отправил «доброму другу» графу С.Р. Воронцову восторженное послание. «Примите мои искренние поздравления! — восклицал дипломат-интриган. — Как мне выразить Вам, что я чувствую при мысли об этом ударе, нанесённом Провидением? Чем больше я думаю, тем более благодарю небо». Естественно, что в письме о британских секретных субсидиях участникам Цареубийства Уитворт не упоминал; Британии, видите ли, «небо» помогло...

Граф Х.А. Ливен (1767—1838), с 1798 года — начальник военно-походной канцелярии, что равнялось должности военного министра, вспоминал, что в середине ночи 12 марта 1801 года к нему прибыл фельдъегерь Императора Александра I с приказом: немедленно прибыть к нему в Зимний Дворец — Александр переехал туда из Михайловского замка примерно в 2 часа ночи. Когда Ливен прибыл — можно считать, что было примерно 3 часа, то Александр бросился ему на шею с рыданиями: «Мой отец, мой бедный отец!» Однако рыдания прекратились очень быстро, и без всяких околичностей Александр Павлович спросил: «Где казаки?» Ливен один из немногих был в курсе индийской экспедиции, весь ход которой держался в большой тайне. Даже вездесущий военный губернатор Петербурга Пален практически ничего не знал. Ливен вкратце рассказал, и тотчас последовало повеление: подготовить приказ об отозвании казаков. Потрясающая оперативность!

Всего через несколько часов после цареубийства появился рескрипт нового Императора Александра I на имя генерала В.П. Орлова, гласивший: «По получении сего повелеваю Вам со всеми казачьими полками, следующими ныне с Вами по секретной экспедиции, возвратиться на Дон и распустить их по домам».

В этом моменте поражает одно обстоятельство, мимо которого всегда как-то легко проскакивало историческое «око». Каким образом Александр Павлович, среди груза проблем, обрушившихся на него, человек, находившийся первые сутки то в обморочном, то в полуобморочном состоянии, ещё не видевший ни мёртвого отца, ни живой матери, нашёл необходимым составлять данный рескрипт. Кто ему суфлировал? Кто наставлял спешно заняться этим делом ещё тогда, когда, кроме некоторых гвардейских частей, ему никто не присягал, да большинство должностных лиц ещё и не ведало о перемене правления? Ответ может быть только один: участники заговора. Было два человека, имевших в те часы постоянный допуск «к телу» нового Самодержца: граф П.А. Пален и его сообщник генерал А.А. Беннигсен.

О первом говорили, что он «брал» деньги у англичан; возможно так оно и было, и теперь Пален мог отчитаться за кредиты. Второй главный участник Цареубийства, генерал-от-кавалерии Левин-Август-Теофил, по-русски Леонтий Леонтьевич Беннигсен (1745—1826), вообще не был русским подданным. Он был родом из Ганновера и на русскую службу поступил в 1773 году. В ту эпоху немало случайных иностранцев появлялось в армии; эти ландскнехты (наемники) искали выгодные места. Неважно, за кого и за что воевать; главное, чтобы платили. В России платили щедро, а потому тут таковые «ловцы удачи» и обретались.

Уместно заметить, что, «выйдя на тропу войны» с Англией, Павел I отнюдь не стал неким англофобом и даже мысли не имел изгонять англичан из своего окружения. Он намеревался бороться не с англичанами, а с английской политикой и к знакомым англичанам сохранял личное расположение. Одним из них был придворный врач Джеймс Гриве, с которым Император имел шуточный разговор в последний день своей жизни. Он спросил у Гриве: «Мой дорогой, Вас не мучает совесть, что Вы лечите врага своих соотечественников?» На это врач ответил, «что каждый человек моей профессии не имеет никакой другой цели, кроме лучшего выполнения долга человечности». Павлу Петровичу ответ понравился, и он заключил: «Я не сомневаюсь в этом, и не сомневался никогда».

С Беннигсеном же была история совсем другого рода. Он давал клятву личной преданности и о «долге человечности» даже и не помышлял. Оставляя в стороне нюансы биографии Беннигсена, отметим главное: Беннигсен был ганноверцем, т.е. фактически являлся подданным Британии, так как Ганновер с начала XVIII века, с воцарения Короля Георга I (1714—1727), являлся родовым владением британских монархов. Да и сама правящая династия в Англии весь XVIII век и часть XIX века носила название «Ганноверской». Конечно, само по себе ганноверское происхождение не есть прямое доказательство участия в антироссийских инспирациях Лондона, но это обстоятельство нельзя оставлять без внимания. Беннигсен прослужил в России почти полвека и сделал здесь блестящую карьеру. Он, единственный из числа главных участников Цареубийства, неизменно относился к числу «любимцев» Александра I и в 1813 году получил графский титул. После же выхода в отставку генерал и граф, так и не научившийся сносно изъясняться по-русски, уехал в Ганновер, где и умер.

Но независимо от того, кто составлял рескрипт от 12 марта 1801 года, кто водил рукой «полуобморочного» Императора, не подлежат сомнению два обстоятельства. Во-первых, его подписал Александр I, а значит, это соответствовало его видам. И, во-вторых, произошла резкая переориентация внешней политики России, что стало сразу очевидным для Наполеона, как только до него дошла весть об убийстве Императора Павла I. Начались переговоры между Россией и Англией, которые уже через три месяца, 17 июня 1801 года, привели к заключению англо-русской морской конвенции.

Руками кучки русских придворных прохвостов Англия добилась для себя таких преимуществ, которых не принесла бы никакая военная кампания...

Глава 7. ЦАРЕУБИЙСТВО

Россия в XVIII веке имела печальный опыт монархических переворотов. В 1741 году группой гвардейских офицеров был свергнут с Престола внучатый племянник Императрицы (1730—1740) Анны Иоанновны Император Иоанн Антонович (1740—1764), которого Императором, согласно правовой норме, введённой Петром I, определила в своём завещании Анна Иоанновна.

В 1762 году, опять с помощью гвардейцев, был свергнут и вскоре убит внук Петра I Император Пётр III, которого своим преемником назначила Императрица Елизавета Петровна.

В XIX век Россия вступила под сенью страшного злодеяния: в ночь с 11 на 12 марта 1801 года был убит Император Павел I.

Между тремя указанными актами существует известная схожесть. Во-первых, во всех случаях — движущей силой переворота выступали офицеры гвардейских полков. Во-вторых, фигуры обреченных правителей вначале какое-то время шельмовались в салонах, в кругах столичной аристократии, где и создавалось требуемое «общественное мнение». И, в-третьих, имена свергнутых и убиенных или предавались забвению, как это было в случае с Иоанном Антоновичем, или поношению. Причём салонная молва, в значительной части своей живая, была принята на веру многими историками и стала неким «краеугольным камнем» исторических повествований. Злодеяния объяснялись «неизбежными» и «объективными» обстоятельствами, деяниями, совершенными «во имя России».

В указанном ряду переворотов история с Павлом I стоит всё-таки обособленно; слишком многое её отделяет от предыдущих случаев. Ни Иоанн, ни Петр III не являлись детьми Императора. Павел же Петрович и по отцу, и по матери выступал прямым наследником Короны Российской Империи. Важно и другое: Павлу I впервые в имперской истории присягали на верность не только должностные гражданские и военные лица, но и вся масса населения, которая обычно именуется «народом».

Самое же главное и принципиальное отличие: в 1801 году представители дворянских фамилий свергали и убивали не только Императора, но и Помазанника Божия. Ни Петр III, ни уж тем более Иоанн Антонович не были коронованы; им не были ниспосланы дары Духа Святого через таинство Миропомазания. Павел же Петрович был не только по родовому отличию правителем законным, но и — Царём Миропомазанным. Его убийство — это уже не какая-то «политика» или пресловутые «исторические обстоятельства»; это — святотатство, это — богоотступничество в самой явной форме.

В этой связи невольно приходит на память известный библейский сюжет о гибели израильского Царя Саула и о реакции на это известие Царя Давида. Хотя Саул оступался и отступил от Божией Воли, но он был правителем Богоизбранным, и не дело смертных было карать его. Некий отрок принес Давиду весть о разгроме израильтян филистимлянами при горе Гелвуй и сообщил, что он лично, по просьбе Саула,

убил его, чтобы тот не попал в руки врагов. Тогда, как сказано во Второй книге Царств, «схватил Давид одежды свои, и разорвал их, также и все люди, бывшие с ним. И рыдали и плакали, и молились до вечера о Сауле, и о сыне его Ионафане, и о народе Господнем, и о доме Израилевом, что пали они от меча». Отрок-вестовой по приказу Давида был казнен, а перед его казнью Давид воскликнул: «Как не побоялся ты убить помазанника Господня?»¹

В Петербурге в марте 1801 года во дворцах столичной знати никто не рвал одежду, не посыпал голову пеплом и не молил Всевышнего о прощении. Многие ликовали и праздновали, некоторые грустили, но в целом преобладало праздничное настроение. Так бывало в Риме цезарей, когда свергали и убивали очередного «богоподобного» тирана. Но то был древний языческий Рим, а Петербург являлся столицей Христианской Империи, и тем не менее высшие круги обуяло ликование при известии об убийстве Богопомазанника! Все говорили только о смерти «тирана» и грехи не замалывали; да и не ощущали греховности ни участники злодеяния, ни их потомки. Определение «духовная деградация» — самое уместное для обозначения падения нравственного облика русской аристократии.

Уместно ещё раз особо подчеркнуть один принципиальный момент: семя заговора зародилось и вызревало исключительно в элитарной среде русского общества, испытывавшего постоянное беспокойство за свое статусное положение, за личное благополучие. Кары и опалы настигали главным образом представителей аристократии и верхи чиновничества. За четыре года правления Павла I около 400 человек ощутило на себе крутой нрав Императора: отрешено было от должностей, лишено высших званий, подвергнуто краткосрочному аресту, выслано из столицы. Люди, не принадлежавшие к этому узкому кругу, в массе своей не испытывали беспокойства и не дрожали от страха при имени Самодержца. Даже в частях гвардии антипавловские настроения были распространены только в среде высшего командного состава. Очень точно это расслоение симпатий отразил в своих «Записках» князь Адам Чарторыйский.

«Гневные выходки и строгости Императора Павла, — писал Чарторыйский, — обыкновенно обрушивались на сановников и высших чинов военного сословия. Чем выше было служебное положение лица, тем более подвергалось оно опасности вызвать гнев Государя; солдаты же редко бывали в ответе. Напротив, положение их было гораздо

¹ Вторая книга Царств. 1. 2—15.

лучше, и нижние чины после вахтпарадов и смотров получали удвоенную пищу, порцию водки и денежные награды. Особенно в гвардии, среди которой было немало женатых, солдаты жили в известном довольстве и в большинстве были преданы Императору».

Почти сто лет плотная завеса молчания покрывала события роковой ночи с 11 на 12 марта 1801 года в Михайловском замке, в центре Санкт-Петербурга. О Павле Петровиче можно было писать, но о Цареубийстве старались говорить вскользь. Как уже упоминалось выше, так поступил Шильдер в своем первом подробном биографическом описании Павла I. Или вот ещё один характерный пример. В замечательном энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона в статье Император Павел — том на букву «П» появился в 1897 году — говорится, что в ночь с 11 на 12 марта 1801 года Император «скоропостижно скончался в выстроенном им Михайловском дворце (нынешнее Инженерное училище)».

Постепенно история заговора и убийства Императора Павла начала проясняться. Со ссылками на свидетельства современников и признания непосредственных участников акта Цареубийства был составлен довольно подробный отчёт о злодеянии 11 марта 1801 года. Историки А.Г. Брикнер и Е.С. Шумигорский, работы которых появились в начале XX века, привели интересные свидетельства как российских подданных-современников, так и иностранцев, раскрывающие детали тех давних, но не проясненных событий. В 1907 году в Санкт-Петербурге был издан отдельный документальный сборник «Цареубийство 11 марта 1801 года», который предваряет обширное предисловие анонимного автора, где впервые четко и ясно заявлено, что правление Император Павла — ключ к пониманию истории России XIX века.

Затем увидели свет другие публикации, исследовательские работы, а далее как прорвало: появилось большое количество сочинений самых разных жанров. Сам антураж события — величественные и полутёмные покои Михайловского замка, в центре которого затаился «тиран», толпа возбужденных гвардейцев, крики, вопли, стоны, кровь... Чем не живая сценография для «душещипательного» романа или очевидного «киношедевра» в стиле «истори экшн». На этот сюжет писали и снимали, все кому не лень. Думается, что все-таки лучшим беллетристическим произведением на тему Цареубийства остаётся роман Марка Алданова (Ландау, 1886—1957) «Заговор», увидевший свет в Париже в 1927 году. Его можно назвать лучшим потому, что Марк Алданов являлся не только исторически сведущим

писателем, но и человеком высокого вкуса, не переходившим грань, отделяющую историческое событие от бытовой пошлости...

Однако при множестве исторических работ и разнохарактерных околоисторических «инсталляций» ряд принципиальных вопросов не только не пояснен, но в отдельных случаях и специально затуманен многочисленными пассажами, утверждениями и «откровениями» стороннего свойства. Можно назвать несколько особо значимых.

Во-первых, степень участия Императора Александра I в убийстве. Хотя о этом поводе сказано и написано немало, но конкретных данных всё ещё слишком мало. Стандартные объяснения, что он «не хотел» убийства, что его чуть ли не насильно «втянули» в заговор Панин и Пален, — выглядят мало-убедительно применительно к человеку, который несколько месяцев входил в число заговорщиков.

Во-вторых, не проясненным является роль «английского следа», как и всей закулисной деятельности не только английских, но и международных антимонархических кругов, в первую очередь из числа тех организаций и лиц, кого обычно причисляют к масонам.

В-третьих, далеко не ясными представляются поведенческие мотивы главных фигурантов в деле о Цареубийстве. Почему такие деятели, как Н.П. Панин, А.А. Беннигсен и П.А. Пален, друг к другу относившиеся без всякого расположения, стали тайными соратниками по заговору? Что их объединяло, кроме желания покончить с Императором? В случае с Паленом ситуация вообще труднообъяснима, учитывая, что граф относился к числу «любимцев» Императора Павла Петровича. Как заговорщики видели своё будущее после Павла I и почему они его так именно видели?

Говорить о том, как это часто делается, что злоумышленниками двигал исключительно «инстинкт страха», вряд ли уместно. Конечно, инстинкт самосохранения может явиться побудительным импульсом одномоментной акции, но он вряд ли надолго может стать руководством к действию. Цареубийству же 11 марта 1801 года предшествовала долговременная и целенаправленная деятельность по дискредитации особы Монарха, продолжавшаяся несколько лет!

Можно поставить и ещё один важный вопрос из круга непрояснённых. Почему, когда о готовившемся свержении Павла I знал чуть ли не «весь Петербург», сам Император долго о том ничего не ведал; узнал только в последний момент и неизвестно от кого? Тезис о том, что Пален, как военный генерал-губернатор, держал под контролем полицию, а как директор почт — и всю переписку, мало что объясняет.

Ведь зимой 1800/01 года в редком петербургском особняке не велись разговоры о готовящемся заговоре.

Павел же Петрович получил какие-то неясные сведения перед самым концом, и если, как иногда утверждается, ему их доставил Иван Кутайсов, то почему не были названы имена? Если же имена были названы, то почему Павел I, не терпевший долгих процедур, не начал немедленного расследования?

Вопросы, вопросы, вопросы — без числа. Найти же на них вразумительные ответы в литературе практически невозможно.

Сохранился рассказ главного инспиратора Цареубийства П.А. Палена, запечатленный в воспоминаниях гвардейского офицера Александра Николаевича Вельяминова-Зернова, о беседе генерал-губернатора с Самодержцем, состоявшейся накануне Цареубийства, 7 марта 1801 года. «Знаете ли, что было в 1762 году?» — вопрошал Монарх. «Знаю, Государь», — отвечал организатор заговора. «А знаете ли Вы, что теперь делается?» — «Знаю». — «А что Вы, сударь, ничего не предпринимаете по званию военного губернатора? Знаете ли, кто против меня в заговоре?» — «Знаю, Ваше Величество. Вот список заговорщиков, и я сам в нём». — «Как, сударь?» — опешил Павел Петрович. Далее из уст Палена прозвучала «по-иезуитски» изощренная ложь.

«Иначе как бы я мог узнать их всех и их замыслы? Я умышленно вступил в число заговорщиков, чтобы подробнее узнать все их намерения». Реакция Самодержца оказалась моментальной: «Сейчас же схватить их всех, заковать в цепи, посадить в крепость, в казематы, разослать в Сибирь, на каторгу!»

Пален не торопился исполнять приказание. «Ваше Величество, — промолвил он, — извольте прочесть этот список: тут Ваша супруга, оба сына, обе невестки — как можно взять их без особого повеления Вашего Величества? Я не найду исполнителей и не в силах буду этого сделать. Взять всё семейство Вашего Величества под стражу и в заточение без явных улик и доказательств — это столь опасно и ненадёжно, что может взволновать всю Россию и не иметь чрез то ещё верного средства спасти особу Вашу. Я прошу Ваше Величество верить мне и дать мне собственный указ, по которому я мог исполнить всё то, что Вы теперь приказываете; но исполнить тогда, когда наступит удобное время, то есть когда я уличу в злоумышлении кого-либо из Вашей Фамилии, а остальных заговорщиков я уже тогда схвачу без затруднения».

Павел Петрович поверил Палену и «написал указ», повелевавший Императрицу и обеих Великих княгинь развести по монастырям, а наследника Престола и брата его Константина заключить в крепость; прочим же заговорщикам произвести строжайшее наказание. Далее сообщается, что с помощью этого указа Пален обратился к Цесаревичу и «исторг у Александра согласие низвергнуть с Престола отца его».

В этом месте уместно ещё раз подчеркнуть одно существенное обстоятельство. Вся история Цареубийства описывается и восстанавливается исключительно на признаниях участников злодеяния, сделанных ими в разное время и разным людям, но исключительно с одной целью — самооправдаться. Все они, а Пален первый среди них, являлись клятвопреступниками — на верность Монарху они клялись на Кресте, на Евангелии, перед Образом Божиим. И если эта клятва для них ровным счетом ничего не значила, то что же говорить о мнении обычных людей, которым они могли лгать без зазрения совести.

Потому мемуары заговорщиков и убийц — источник весьма сомнительный и заведомо тенденциозный. Но других в распоряжении практически нет, и появления их не предвидится. Заговоры в редчайших случаях могут оставить сколько-нибудь надежные документальные отпечатки в архивах. Случай же с Павлом Петровичем не из разряда таковых.

Вышеприведенный диалог Императора — существует несколько вариантов данного повествования — и его «первого слуги» вызывает целый ряд вопросов. Допустим, что подобная беседа имела место в действительности. Можно допустить, что при этом речь зашла о предполагаемом заговоре. Но какие звучали слова, утверждения и распоряжения — об этом можно только строить догадки. Палену доверять следует с большой осторожностью.

С одной стороны, из приведённого эпизода следует вывод, что Император знал о нависшей угрозе. Кто ему о том сообщил, и в какой форме — не известно. С другой стороны, неизбежно возникает и вопрос о том, куда же подевался тот самый «указ», составленный якобы Императором собственноручно и в котором приказывалось чуть ли не всех родственников схватить и заточить по разным местам? Указа этого никто не видел. Если бы он существовал в действительности, то его надо было бы беречь как зеницу ока: ведь это «документальное» подтверждение «ненормальности» Павла I. Данный же тезис — индульгенция всем участникам заговора и цареу-

бийцам. Но ничего не сохранили, и до потомков не донесли такую бесценную реликвию!

Что в этом пункте самое важное — строй личности Императора Павла Петровича. Он никогда бы заглазно не подверг наказанию близких ему людей, не потребовав объяснения, без беседы с глазу на глаз. Можно сколько угодно мусолить тему о «ненормальности», но прежде чем судить о поведении какого-то исторического лица, надо хотя бы представлять нравственно-психологический облик данного человека. Между тем тезис о несуществующем «указе» красуется на страницах исторических сочинений, что свидетельствует только об историческом бесчувствии авторов.

Есть все основания утверждать, что пресловутого «указа» не существовало. Вместе с тем не подлежит сомнению, что слухи о грядущих карах для членов Императорской Фамилии широко циркулировали «в узких аристократических кругах». И инспирировал их как раз Пален, «по секрету», один на один, повествовавший некоторым лицам, что Император готовит, по сути дела, разгром Династии. На эту версию работал и другой слушок, завладевший умами великосветского Петербурга накануне Цареубийства. Якобы Император намеревался женить племянника Марии Фёдоровны принца Евгения Вюртембергского на одной из дочерей¹, а ещё и того больше — усыновить четырнадцатилетнего принца и провозгласить его наследником. Казалось бы, полный абсурд; ведь существовал закон — «Учреждение об Императорской Фамилии», которым такое развитие событий совершенно исключалось. Но кто из числа «благородных» думал о каком-то «законе»!

Злобным слухам многие поверили и потому, что их распространяли такие «видные люди», как Панин, но особенно Пален, и потому, что в салонах так долго нагнетали страсти по поводу «сумасшествия» повелителя России, что просто разучились отличать правду от вымысла.

Рассказ Палена о беседе с Павлом I фигурирует и на страницах «Записок» графа А.Ф. Ланжерона (1763—1831), который в заговоре

¹ У Павла Петровича и Марии Фёдоровны родилось шесть дочерей. К началу 1801 года одна из них, Ольга (1792—1795), умерла, а дочери Александра (1783—1801) и Елена (1784—1803) были уже замужем. Первая с 1799 года за Иосифом-Антоном, эрцгерцогом Австрийским, Палатином Венгерским; Елена же в том же году вышла замуж за принца Фридриха-Людвига Мекленбург-Шверинского. Следующие по старшинству: Мария (1786—1859), Екатерина (1788—1819), Анна (1795—1865). Чаще всего в супруги Евгению Вюртембергскому прочили Великую княжну Екатерину, которой едва минуло тринадцать лет.

не участвовал, но знал близко всех главных деятелей его. Это был француз-эмигрант, поступивший на русскую службу ещё в 1790 году. По воле Павла Петровича в 1799 году он получил звания генерала и графа, а уже в XIX веке прославился участием в войне против Наполеона.

Пален рассказал Ланжерону о беседе, имевшей место, по его словам, 7 марта в семь часов утра, когда военный губернатор прибыл с ежедневным докладом к Государю. В рассказе добавлены некоторые новые детали разговора, касавшиеся событий 1762 года, но ни о каком «указе» речи уже не идёт. Последствия разговора оказались иными. Пален сам написал Великому князю Александру, «убеждая его завтра же нанести задуманный удар: он заставил меня отстрочить его до 11-го, дня, когда дежурным будет 3-й батальон Семеновского полка, в котором он был уверен более, чем в других».

Здесь уже Пален откровенно старается разделить вину с Александром I, пытаясь дистанцировать себя от самого акта убийства. «Император погиб, — восклицал Пален, — но должен был погибнуть; я не был очевидцем, ни действующим лицом при его смерти. Я предвидел её, но не хотел в ней участвовать, так как дал слово Великому князю». Этот пассаж Ланжерон сопроводил недоуменным комментарием: «Странный поворот! Он не способствовал смерти Павла! Но, несомненно, это он приказал Зубовым и Беннигсену совершить убийство».

Палена не было среди убийц; это действительно так. Он в то время находился рядом с будущим Императором Александром, держа ситуацию под контролем, чтобы малодушный и нервный претендент на Престол не дрогнул в последний момент. Что же касается «слова», данного Паленом Александру, то оно равным счётом ничего не стоило. Когда Пален делал свои признания генералу Ланжерону, то он имел все основания не любить теперь и Императора Александра Павловича. Он надеялся на вознаграждение, он хотел быть по крайней мере премьер-министром, а лучше — регентом при слабовольном повелителе Империи, но его постигло горькое разочарование: 17 июня 1801 года он был уволен со всех должностей и выслан из Петербурга. Его «величие» продолжалось три месяца и шесть дней. После 17 июня 1801 года и до самой смерти Палена при Дворе не приняли ни разу, да и въезд в столицу ему был воспрещён.

Пален умер в начале 1826 года и до самой смерти полагал, что не виновен перед Богом, считая убийство Павла Петровича своей великой заслугой. Совесть же не давала покоя. Старый и больной

он мучился от одиночества, страдал приступами неврастения. По словам княгини Доротеи (Дарьи) Христофоровны Ливен (урождённая Бенкендорф, 1785—1857)¹, видевшей разжалованного графа в его поместье в Курляндии, он с самого своего изгнания и до самой смерти «не выносил одиночества в своих комнатах, а в годовщину 11 марта регулярно напивался к 10 часам вечера мертвецки пьяным, чтобы опаматоваться не раньше следующего дня»...

Заговор против Императора Павла имел свою предысторию. Недовольство аристократии и высшего чиновничества политикой Самодержца, постоянные разговоры об его «ужасных делах» невольно создавали почву, на которой рано или поздно, но должен был возникнуть замысел злодеяния. Об этих настроениях становилось известно при иностранных дворах, вызывало там тревогу. Россия была слишком могучей державой, чтобы можно было безразлично относиться к тому, кто вершит её судьбу.

В конце 1797 года шведский посланник барон Курт Стедингк (1746—1837) доносил Королю Густаву IV в Стокгольм: «Слухи о якобы готовящемся здесь заговоре не заслуживают веры. Революция в России может ставить себе целью только перемену личности... Хотя Император своею строгостью и внезапностью своих наказаний создал недовольных, зато он привлёк к себе сердца многих подданных своей щедростью и любовью к порядку и справедливости. Внушая всем страх, он тем самым защищает народ от несправедливостей, под бременем которых он изнывал раньше».

Шведский посланник находился на своем посту в Петербурге с 1790 года, хорошо знал высший свет, а потому уверенно, со знанием дела, писал о положении дел в столице Российской Империи. Ему были известны настроения в высших столичных сферах, но он не видел за критическими разговорами возможности определённого политического действия. Между тем в сознании некоторых высокопоставленных лиц в этот период вызревал план «регентства», и

¹ В 1799 году Дарья Бенкендорф стала фрейлиной, а в 1800 году вышла замуж за графа Христиана Александровича фон Ливена (1774—1838), занимавшего должность начальника военно-походной канцелярии и сына воспитательницы детей Императора Павла графини Ш.К. Ливен (1743—1828). Дарья Ливен получила европейскую известность в годы, когда её супруг занимал пост посла России, сначала в Берлине, но особенно в Лондоне (1818—1834). Там Дарья-Доротея устроила известный аристократический салон, очаровывая гостей своим природным умом, образованностью и оригинальностью суждений. Умерла она в Париже.

инициатором этой идеи, по всей видимости, оказался «мудрый» граф и канцлер А.А. Безбородко. Старый царедворец «изнывал» под «бременем» нового царствования и в письме графу Воронцову в Лондон сетовал на своё «оскорбленное нравственное чувство», с умилением вспоминая «добрые времена» Екатерины II. Он прекрасно знал Великого князя Александра, чтобы не понимать, что сын не унаследует крутой нрав отца. Значит, можно будет, как бывало встарь, вершить важные дела, не покидая своего семейного гнезда, а то и вообще не сходя с пуховых перин в своей опочивальне...

Безбородко был слишком умным, хитрым и осторожным, чтобы лично участвовать в каком-то заговоре. Он только «ронял идею», давал понять окружающим, что «бывали такие случаи», когда в силу тех или иных причин, но, главное, — в силу «умственной недостаточности» монарха лишали властных прерогатив, учреждали «регентство». Вот всем известный и недавний случай.

Когда в 1766 году Королём Дании стал девятнадцатилетний Кристиан VII (Христиан, 1749—1808), то быстро стало для всех ясно, что Король — слабоумный. У группы влиятельных придворных во главе с Королевой-матерью Юлианой-Марией, урождённой принцессой Брауншвейгской (1729—1796), созрел план: отстранить от власти Кристиана. Однако достойной кандидатуры долго не было и приходилось терпеть. Наконец, когда подрос кронпринц Фредерик (1768—1839, Король с 1808 года), то план привели в действие. В апреле 1784 года шестнадцатилетний Фредерик стал соправителем, то есть фактически — регентом. Всё прошло мирно, «по-тихому», и не пролилось ни единой капли крови. Чем не образец для подражания!

«Мирный проект» имел один существенный изъян: Дания не Россия, а Император Павел I ничем не напоминал слабоумного и бездеятельного Короля Кристиана. Однако об этом не говорили, старались не думать об «особых условиях» ни при возникновении «первого заговора» в 1797 году, ни при возникновении «второго» — в 1800 году.

Среди деятельных участников и первого, и второго заговора находился много раз упоминавшийся граф Никита Петрович Панин. Ненавистник Императора Павла I, «русский историк немецкого происхождения» А.Г. Брикнер, в своём труде о Павловском царствовании возносил Панина до небес. По его словам, «этот государственный человек, которым Россия может гордиться как одним из лучших своих патриотов, не принимал участия в кровавом деле, совершенном в марте 1801 года». Панин действительно не принимал участия по той

только причине, что был выслан из Петербурга и в момент «кровавого дела» находился в Москве. Но он это злодеяние готовил несколько лет и, будучи прожженным интриганом, просто по складу характера, не мог находиться вне интриг.

Передавали за верное, что именно Панин высказал впервые мысль «о полном и насильственном устранении» Павла Петровича, мысль, которая так пришлась по душе его сообщникам ещё в 1797 году. Точный состав первой группы заговорщиков не известен, но среди главных фигурантов значились: Панин, пресловутый Пален и адмирал Рибас.

О первых двух уже выше не раз говорилось; пора представить и третьего злодея.

Джузеппе (Хосе) де Рибас, по происхождению испанец, родился в Неаполе в 1749 году. Знатностью рода не отличался; его отец — Мигель Руобона — являлся простым портовым рабочим в Неаполе. Рибас начал службу в неаполитанской армии, но больших чинов не достиг, затем бродяжничал по Италии, но неожиданно подвернулся удачный случай. В Ливорно прибыла русская эскадра под командованием А.Г. Орлова-Чесменского, имевшего важную и секретную миссию Екатерины II: захватить и вывезти в Россию якобы дочь Императрицы Елизаветы «княжну Елизавету Тараканову». Задание было выполнено: Орлов очаровал княжну-самозванку, пригласил на корабль, а там она была арестована и привезена в Россию, где и скончалась в тюрьме в 1775 году от чахотки¹.

Рибас в этом тёмном деле оказал какие-то важные услуги Орлову, и тот пригласил сына грузчика на службу в Россию. Начал он с волонтёра (добровольца) на Черноморском флоте, участвовал в русско-турецких войнах 1768—1774 и 1787—1791 годов. Теперь его величали Осип Михайлович де Рибас. В 1775 году он женился на любимой камеристке Екатерины II Анастасии Ивановне Соколовой, что повысило его значение в придворных кругах. Ему протезировал «сам» Г.А. Потёмкин, что позволяло двигаться по карьерной лестнице чинов и орденов. В 1793 году Рибас возводится в чин вице-адмирала и становится командующим Черноморским флотом. В 1793 году он составил план города Хаджибей (Одесса) и стал первым строителем Одессы в 1794—1797 годах. Главная улица города в его честь была названа Дерibasовской.

¹ Она была тайно похоронена в Петропавловской крепости. На могиле был поставлен обычный чугунный крест, но имя погребённой было запрещено упоминать.

Несмотря на близость к Потёмкину, приход к власти Павла I не привел к крушению карьеры. Рибас — член Адмиралтейств-коллегии, генерал-кригскомиссар, управляющий Лесным департаментом. Человек хитрый, изворотливый, он питал патологическую страсть к деньгам и это стало притчей во языцех. А.В. Суворов, который знал его по службе под своим началом, имея в виду какого-то махинатора, однажды бросил крылатую фразу: «Его не смог бы обмануть сам Рибас!»

Жадность, ведшая к беззастенчивому разворовыванию казенных средств, должна была закончиться крахом, и он наступил в 1799 году, когда вскрылись огромные суммы хищений. Граф Ф.В. Ростопчин говорил, что Рибас разворовывал в год по полмиллиона рублей. Если даже указанную цифру сократить вдвое, то всё равно получается астрономическая по тем временам сумма. Рибас был уволен со всех постов, его ждало суровое наказание. Однако вскоре Самодержец явил милость, жулик был прощён. Многие вокруг — Панин, Пален, Кутайсов, а возможно и Анна Лопухина-Гагарина — уверяли Монарха, что Рибаса «оклеветали».

Итак, Рибас как «оскорблённый аферист» являлся готовым кандидатом в заговорщики, и он им стал. Потом передавали, что именно он первым выступил за убийство Императора и брался даже якобы осуществить это злодеяние или с помощью яда, или кинжала¹. Однако хитрость и жадность Рибаса всё время внушали опасения другим сообщникам; они боялись, что он их «продаст» в последний момент. Но до этого дело не дошло; Рибас умер в декабре 1800 года...

Место регулярных собраний заговорщиков — салон Ольги Жеребцовой-Зубовой на Английской набережной, где и вызрел «второй заговор». Круг приобщенных оказался куда шире, чем в первом случае. Теперь в число «посвященных», помимо вышеупомянутых трёх лиц, входили: братья Жеребцовой Валериан (1771—1804), Николай (1763—1805), Платон (1767—1822) Зубовы, командир Лейб-гвардии Кавалергардского полка Ф.П. Уваров (1773—1824), генерал А.А. Бенниг-

¹ Графиня В.Н. Головина писала о Рибасе: «Он получил дозволение путешествовать и доехал до Неаполя в поисках волшебного стилета, чтобы возить его в грудь своего Монарха. Когда он возвратился, адмирал Кушелёв заболел и Рибас должен был ходить вместо него с докладами к Государю. Заговорщики решили, что он воспользуется одним из тех моментов, когда Рибас будет вдвоём с Императором, чтобы совершить преступление, но в тот же день Рибас захворал и умер несколько дней спустя. В предсмертном бреду он только и говорил об этих ужасных намерениях и об испытываемых им угрызениях совести».

сен, действительный тайный советник А.З. Хитрово (1776—1854), «светлейший князь» П.М. Волконский (1776—1852), генерал-от-инфантерии князь П.П. Долгорукий (1744—1815), командир Лейб-гвардии Семёновского полка А.И. Депрерардович (1766—1844), генерал-лейтенант и командир Преображенского полка П.А. Талызин (1767—1801), бывший секретарь Екатерины II и креатура А.А. Безбородко сенатор Д.П. Трошинский (1754—1829). Приглашались и некоторые другие лица, но они, если и были посвящены в тайные намерения, то заметной роли в подготовке заговора не играли.

Все указанные деятели были осыпаны милостями Императора Павла, получали чины, должности, ордена. Даже братья Зубовы были полностью прощены. Платон Зубов назначен был начальником Первого кадетского корпуса, а Валериан и Николай получили места в Сенате. Им всем было дозволено появляться при Дворе. Но эти «сиятельные» и «благородные» были неспособны на истинное благородство и, образно говоря, готовы были не только кусать руку кормящую, но уничтожить и самого кормильца...

Над всеми этими сборищами у Зубовых маячила фигура английского посла Чарльза Уитворта. Нет, сам он не принимал участия в интимных посиделках, но знал о намерениях и поощрял их. Некоторые из конспираторов бывали и в английском посольстве, но там явных предосудительных разговоров не велось, опасно было. Кто-то сторонний мог услышать, донести. Так, обмолвка, намёк, колкость по адресу Государя и того было достаточно, чтобы понять, кто — свой, а кто — чужой. Когда в конце мая 1800 года английская миссия вынуждена была покинуть Петербург — вместе с послом выдворялись и все сотрудники посольства, то над заговорщиками витала уже тень «сэра Чарльза».

Он, покинув Россию, не спешил перебраться на берега туманного Альбиона, а обосновался в Пруссии, поближе к арене событий. Контакт со своими агентами и английскими симпатизантами не прекратил. Неутомимая Жеребцова разными способами посылала к своему возлюбленному нарочных, и бывший посол передавал свои наставления и благословения. Насколько можно судить, все собрания заговорщиков происходили при непременно рефрене: Англия нас поддержит. Тут невольно вспоминается совсем другое время и фраза афериста Остапа Бендера из сатирического романа «Двенадцать стульев»: «заграница нам поможет». В случае же с Императором Павлом помогала же ведь...

Сохранился рассказ генерала Н.С. Свечина (1758—1850), исполнявшего обязанности военного губернатора Санкт-Петербурга с 12 августа по 21 октября 1800 года. Так вот, вскоре после его назначения на должность к нему прибыл граф Никита Петрович Панин для «секретной беседы». Панин начал прямо, без затей. Он сообщил генералу, что существует заговор против Императора, во главе которого «стою я». Далее последовал патетический пассаж: «Помня о славном положении России в момент смерти Императрицы и, видя её сегодня униженной, отделившейся от Европы, не имеющей союзников, группа наиболее уважаемых людей нации, поддерживаемая Англией, поставила себе целью свергнуть жестокое и позорное правительство и возвести на Престол наследника, Великого князя Александра, который пробуждает все возможные надежды, гарантированные его возрастом и чувствами».

Потом ещё были другие выпренные слова и фразы, но главное уже прозвучало. «Лучшие люди нации» с помощью иностранного государства намереваются совершить государственный переворот. Предполагалось, что это случится в Михайловском замке, куда должна проникнуть группа заговорщиков, чтобы потребовать от Императора «отречения в пользу сына». Тут наблюдается какое-то временное несоответствие. Заговорщики осенью 1800 года планировали свергнуть Самодержца и наметали провести эту акцию в Михайловском замке, хотя Император там ещё не жил. Но это несущественная «мелочь», которую можно объяснить аберрацией памяти. Куда более значимо совсем другое.

Невольно напрашивался вопрос, который до самого последнего момента заговорщиками не озвучивался: а если Император откажется подписывать отречение, что будет тогда? Подобный ход событий не обсуждался, но все прекрасно понимали, что далее следовало только физическое устранение Монарха. Но об этом не говорили. Ведь то была «группа уважаемых людей нации», стремящаяся не только «облагодетельствовать» Отечество, но и особенно — сохранить моральную чистоту своих заговорщицких риз.

Свечин не задал данного вопроса, но самое удивительное даже не в этом. Он слыя «лояльным» к Императору и по должности обязан был немедленно предпринять меры, чтобы защитить государственную безопасность и спасти особу Монарха. Или, по крайней мере, донести Самодержцу об открывшемся злоумышлении. Но ничего этого генерал не сделал. Мало того: он «дал слово» Панину, что сохранит весь разговор в тайне, «будто его вообще не было».

На этом «обработка» генерал-губернатора не завершилась. Через некоторое время Свечина посетил адмирал Рибас. Беседа имела несколько иной характер и завершилась просто пафосной сценой «единения верноподанных». В отличие от Панина Рибас был менее многословен и спросил генерала: «Что бы Вы сделали, если бы разразился бунт (хотя в данный момент я не считаю, что он возможен) и Вы должны были решиться поддержать его или выступить против?» Ответ соответствовал и уставу, и долгу верноподанного: «Я последовал бы требованию чести и остался бы верен своей присяге». После этих слов с Рибасом случился нервный приступ восторга. «Адмирал бросился мне на шею, дружески обнял меня и посоветовал всегда оставаться верным своему долгу».

Заговорщики убедились, что со Свечиным договориться невозможно; если он и не выдаст, то и не поможет, а помощь генерал-губернатора была чрезвычайно важна и необходима. Был запущен «механизм интриги» и, как заключил Свечин, «спустя два дня, я утром был назначен сенатором, а вечером отставлен от службы». Пост генерал-губернатора опять перешёл к главному заговорщику — Палену...

Потом люди, подобные Свечину, объясняли свое молчание опасениями массовых расправ, которые неминуемо последовали бы, если бы Императору Павлу стало известно о заговоре и открылись бы имена заговорщиков. Потому и молчали, становясь не только немymi свидетелями грядущей трагедии, но и её невольными соучастниками...

К началу 1801 года план заговора был готов окончательно; заговорщики бесчисленное множество раз его обсудили. Кругом были «свои» люди — или соучастники, или надёжные молчуны. Оставалась фактически одна фигура, которая мешала злоумышленникам: граф Фёдор Васильевич Ростопчин. Он был слишком крупным деятелем, сосредоточившим в своих руках внешнюю политику, дела Сената и почтового ведомства. Он совсем не был «молчуном». Панина и Палена ненавидел, Кутайсова презирал, а прочей «мелочи» даже и внимания не уделял. Для заговорщиков Ростопчин был невыносим еще и потому, что был сторонником сближения с Францией и относился к числу англофобов.

Император испытывал к Ростопчину смешанные чувства. С одной стороны, ценил и уважал его знания и опыт, его смелые высказывания при обсуждении государственных дел, которые другим бы и в голову не пришло оглашать. К тому же Ростопчин никогда не прятал глаз,

не отводил взгляда и даже, позволяя себе порой спорить с Самодержцем, смотрел всегда прямо. Но, с другой стороны, Ростопчин вел себя нередко вызывающе, чуть ли не последними словами поносил разных должностных лиц.

Все заговорщики сходились в едином мнении: Ростопчина «надо ваалить». И добились они этого путем мастерской по подлости интриги. Как главе почтового ведомства, в январе 1801 года Ростопчину было доставлено анонимное письмо, в котором содержались весьма резкие высказывания об Императоре. Ростопчину было одного взгляда достаточно, чтобы понять, что это дело рук «негодяя Панина». Он слишком хорошо знал и почерк, и натуру этого «слизняка» и немедленно, без всяких дополнительных проверок, решил доложить о «преступном письме» Императору.

Однако, как оказалось, «совершенно неожиданно» обнаружился «истинный автор письма», о чём и было сообщено Императору. Павел Петрович, не терпевший клеветы, усмотрел в действиях Ростопчина подлую интригу, попытку его руками свести счеты с Паниным. Передавали, что Самодержец воскликнул: «Он — чудовище, он хочет сделать из меня инструмент своей личной мести, я должен избавиться от него». 18 февраля 1801 года главным директором почт был назначен П.А. Пален, а через два дня Ростопчин был снят со всех должностей и получил приказ удалиться в своё подмосковное имение.

Существует и несколько иная вариация подноготной свержения Ростопчина. У Шильдера говорится, что «перехвачено было письмо из Москвы», написанное чиновником Коллегии иностранных дел П.И. Приклонским к И.М. Муравьеву-Апостолу, в котором содержались слова: «Я был также у нашего Цинцината в его имении». Слова эти якобы показались Ростопчину «странными», и он «вообразил себе, что письмо это писано графом Паниным, и что под именем Цинцината следует разуметь фельдмаршала князя Репнина¹, бывшего в то время в немилости. Тогда, заменив произвольно одно имя другим, Ростопчин понёс письмо к Императору и внушил ему, что над ним издеваются».

Дело происходило в конце января и далее случилось следующее. 29 января Павел I отправил письмо Московскому военному губернатору графу Н.И. Салтыкову, в котором потребовал, чтобы тот воз-

¹ Репнин Николай Васильевич (1734—1801). Князь, генерал-фельдмаршал (1796), дипломат. Приближенный Г.А. Потёмкина и один из сподвижников Екатерины II. В 1797 году «за невозможные речи» был отправлен в отставку.

действовал на князя Н.В. Репнина и «он впредь ни языком, ни пером не врал. Прочтите ему сие и исполните всё». Салтыков начал расследование и выяснилось, что письмо Панин не писал, а подлинный автор «поспешил на курьерских в Петербург», отправился к графу Кутайсову и объявил, что письмо писал он, а не Панин.

Данный рассказ вызывает немало вопросов и не кажется убедительным. Речи о почерке уже вообще нет, а говорится только о том, что заменено было одно имя другим, т.е. Ростопчин подделал текст. Не менее странно и то, что никаких выпадов в адрес особы Императора письмо не содержало, а сравнение Репнина или Панина с Цинциннатом¹ вряд ли могло вызвать столь бурную реакцию Самодержца. К тому же кажется удивительным, что какой-то мелкий чиновник по прибытии в Петербург тут же попал к Кутайсову, жившему тогда в Михайловском замке, куда вход посторонним был запрещён. Может быть, ему содействовал Пален, или он имел некое «рекомендательное письмо»? Странно, что эти простые, «детские» вопросы не возникли у Шильдера. Его версия ещё в большей степени, чем первая, вызывает предположение, что то была искусная интрига графа Панина, который упомянутого Приклонского наверняка хорошо знал по службе в Коллегии иностранных дел.

В любом случае цель была достигнута: Ростопчин на радость заговорщиков был повержен. Однако Павел I слишком хорошо знал и ценил Ростопчина, чтобы уволить его, как удаляют лакея, не угодившего барину. Монарх написал ему записку и предложил явиться для объяснения. Ростопчин немедленно ответил как верноподданный, поблагодарил. Однако письмо Ростопчина не дошло до Императора; ему его не передали и даже более того: уведомили, что «граф отвечать не желает». Дальнейшее описала в своих «Записках» В.Н. Головина.

«Ростопчин, не зная ничего про эту подлую клевету и думая, что на основании письма Императора он имеет право пойти проститься с ним, велел сказать обер-гофмейстеру Нарышкину², чтобы его записали в список представляющихся Государю. Нарышкин, достойный сообщник Палена, не записал его. Ростопчин, приехав во Дворец (это было в воскресенье, 24 февраля. — А. Б.), не смог увидеть Императора и думал, что на то была его воля». Через несколько часов Ростопчин

¹ Правильно — Цинциннат. Римский патриций и консул, живший в V в. до новой эры, имя которого служило синонимом скромности, доблести и верности долгу.

² Нарышкин Александр Львович (1760—1826), с 1798 года обер-гофмаршал Высочайшего Двора.

был уже на пути в Москву; до смерти Императора оставалось менее трех недель.

Граф Ростопчин оставался самим собой и в последние дни февраля написал письмо своему доброму знакомому князю В.П. Кочубею (1768—1834), где всё выложил начистоту, показав, что был прекрасно осведомлён о закулисной стороне дела. Именно поэтому он являлся смертельным врагом для заговорщиков. «Составилось общество великих интриганов, — писал Ростопчин, — во главе с Паленом, которые прежде всего желают разделить между собой мои должности, как ризы Христовы, и имеют в виду остаться в огромных барышах, устроив английские дела».

Должность первоприсутствующего в Коллегии иностранных дел была передана Панину, который с ноября 1800 года находился «в изгнании» в своем родовом имении под Москвой. Враг Ростопчина торжествовал и готов был немедленно вернуться в Петербург, но роды жены задержали его в Москве и потому граф Панин не обогрился своих рук кровью Помазанника Божия...

В исторической литературе, с подачи А.Г. Брикнера, бытует точка зрения, что заговорщики делились как бы на две группы: «идеалистов» и «реалистов». Среди инспираторов заговора самая трудная задача выявить «идеалистов». С «реалистами» или «прагматиками» куда проще. Никаких идеалов и высоких устремлений — только расчёт, выгода, шкурный интерес.

Какие «идеалы» могли быть у шалопаев братьев Зубовых, думавших только об удобствах и удовольствиях, об угождении мелкому тщеславию. Или у их сестры — пресловутой любвеобильной Ольги Жеребцовой, которую в современных понятиях можно было бы назвать «сексуально озабоченной» и у которой наличествовало только два «идеала»: деньги и Чарльз Уитворт.

Примечательная деталь: дети Ольги Жеребцовой оказались под стать матери, такие же пустые и никчёмные. Сын Александр Александрович (1780—1835), дослужившись до чина генерал-майора, стал одним из виднейших русских масонов, т.е. оказался ненавистником власти и церкви.

Дочь же, Елизавета Александровна (1791—1845), вообще вся «пошла в матушку»: деньги и любовные утехы только и интересовали. Выйдя в 1808 году замуж за генерала-от-кавалерии Н.М. Бороздина (1777—1830), родив ему несколько дочерей, Бороздина-Жеребцова не утруждала себя материнскими заботами. Она пила и гуляла, как какая-нибудь дочь кухарки из «дома второй руки». Известная свет-

ская львица времён царствования Николая I А.О. Смирнова-Россет в своих мемуарах рассказала, что генерал Бороздин умирал в 1830 году в Петербурге в чужом доме, а «его жена, урождённая Жеребцова, кутила где-то за границей, где прижила сына».

Молодые же дочери Бороздиных после смерти отца оказались сиротами, и их взял на попечение Император Николай Павлович. Но это ещё не вся история вырождения потомков дворянского рода Зубовых. Елизавета Бороздина-Жеребцова, «нагулявшись» в Европе, вернулась в Россию и сделалась «наложницей» «светлейшего князя» П.М. Волконского (1776—1852) — знатного и богатого, занимавшего пост министра Императорского Двора...

К числу активистов заговорщицкого движения в 1800—1801 годах относился и Фёдор Петрович Уваров (1773—1824) — один из самых шумных ненавистников Императора Павла. Глупый, но «весьма фактурный», любитель женского пола, он, благодаря своему физическому экстерьеру, сделался весьма заметным в высшем свете. Когда этот безвестный дворянин, простой офицер Лейб-гвардии Кирасирского полка, стал в 1798 году любовником мачехи Анны Лопухиной-Гагариной — княгини и «статс-дамы» Екатерины Николаевны (1763—1839), то быстро и вознесся. Получил флигель-адъютантство, а затем должность командира Лейб-гвардии Кавалергардского полка — личной охраны Императора. Примечательная деталь: когда Уваров умер в 1824 году, то за его гробом шел Император Александр I. Язвительный А.А. Аракчеев по этому поводу прилюдно заметил: «Один Царь здесь его провожает, каково-то другой там его встретит?»

Такого же «поля ягодой» являлся и генерал-от-кавалерии, флигель-адъютант и командир Лейб-гвардии Семеновского полка Леонтий Иванович Депрерадович (1766—1844). Его дед, родом серб, Райко Де-Прерадович (Родион Степанович) перешел из Австрии на русскую военную службу в 1752 году; скончался в чине генерал-майора. Внук отличался храбростью, воинской удалей, проявленными в войнах с турками и поляками, а уже при Александре I — в войнах с французами. Рубака и бретёр, он не сделал такой же «ослепительной карьеры», как его соплеменник, «крестьянский сын» Семён Зорич, ставший в 1776 году «ночным утешителем» Екатерины II и получивший огромные поместья и колоссальные по стоимости подарки и подношения. Однако карьера Л.И. Депрерадовича развивалась вполне успешно и без допущения в царские альковы.

Генерал-от-кавалерии, он с 1799 года — командир элитного Лейб-гвардии Семеновского полка. Ему грех было жаловаться на невнима-

ние Монарха, но жажда острых ощущений, пьянящее чувство опасности толкнули его на путь преступления. К тому же Депрерадович знал, что шеф полка — Великий князь Александр Павлович — тоже в «деле», что придавало уверенности. В доме генерала устраивались веселые вечеринки и под их прикрытием происходили встречи заговорщиков.

Если уж искать «идеалистов» среди заговорщиков, то тут на самое приметное место можно выдвинуть одного из представителей высшего гвардейского командного состава — генерал-лейтенанта и командира Лейб-гвардии Преображенского полка Петра Александровича Талызина (1767—1801). Род Талызиных был татарского происхождения и вёл свое родословие от татарского мурзы и первоначально именовался Тагай-Елдызиними. В XVIII веке Талызины давно обрусели, обросли поместьями и родовыми дворянскими связями.

Пётр Талызин начал службу в Лейб-гвардии Измайловском полку и первое звание — прапорщика — получил в 1784 году. Взлёт его карьеры начался при Императоре Павле. В тридцать лет, в 1797 году, он получает звание генерал-майора, затем генерал-лейтенанта, а в апреле 1799 года назначается командиром Лейб-гвардии Преображенского полка.

Ничего не известно о том, когда и кто именно вовлёк Талызина на путь противогосударственного заговора. Возможно, этим «искусителем» оказался Пален. Можно только констатировать, что в начале 1801 года Талызин — деятельный участник готовящегося злодеяния, и его особняк на Невском проспекте — не только один из центров сбора участников заговора, но и место вербовки новых членов. В своих воспоминаниях Н.А. Саблуков описывает, как он, оказавшись на вечере у Талызина, сразу же понял, что находится в центре конспиративной деятельности.

Талызин не имел расположения к салонной демагогии в стиле Панина; как рьяный службист и бравый офицер, он, склонный к «мистическим увлечениям», хотел живой, «освежавшей» душу и сердце деятельности. Неизвестно, получал ли Талызин субсидии, как точно неизвестно и то, принадлежал ли он к какому-нибудь масонскому кружку.

Зато известно хорошо другое: ровно через два месяца после Царубийства, 11 мая 1801 года, пышущий здоровьем Талызин «скоропостижно умер». Утверждали, что он отравился. Сразу же возникли слухи о самоубийстве, которые совсем не кажутся безосновательными. Накануне смерти он составил подробное завещание, расписав своё

имущество членам талызинского клана; собственной семьи у него не было. Если это действительно самоубийство, то можно говорить о том, что это — единственный случай, когда соучастник преступления, мучимый угрызениями совести, свёл счёты с жизнью. Если это так, то только его одного и можно причислить к «идеалистам».

К числу «идеалистов» уж никак нельзя отнести беспардонного Рибаса, а уж тем более полностью циничного графа П.А. Палена. Именно последний был «душой и мотором» всего заговора, а после изгнания из Петербурга в ноябре 1800 года графа Н.П. Панина и смерти в декабре того же года де Рибаса сделался главным кукловодом. Он был слишком умён, слишком расчётливо-хладнокровен, чтобы затеряться в толпе заговорщиков, занять место всего лишь одного из них. Он должен был стать лидером, и он им стал. Выразительную зарисовку мастерского поведения этого «чёрного гения» оставил в своих «Записках» барон К.А. Гейкинг.

Пален «никогда прямо не говорил ничего злого о ком-либо, но и никогда не защищал оклеветанного честного человека, а хранил умное молчание или же бросал умное слово, которое только казалось забавным, а на деле было намного опаснее, так как при Дворе смехотворность и чудачество было менее извинительно, чем порок, окутанный в оболыстительную видимость. Так он завоевал всех, становился очень популярным в придворной толпе, не казался опасным честным людям и незаметно прокладывал себе путь, который приводил его к тому, что его осыпали милостями и испытывали к нему безграничное доверие».

Барон знал о том не понаслышке. Принадлежа к «партии Императрицы», Гейкингу было известно, что среди тех, кто симпатизировал Палену, находился не один Император Павел, но и Императрица Мария Фёдоровна, и высоко им чтимая Е.И. Нелидова. И у той, и у другой все добрые чувства улетучились без следа только в марте 1801 года...

Пален, в отличие от своих подельников, не скрывал главную цель переворота: Императора Павла «должно было не быть». Ему претили все эти разговоры о «регентстве» и «добровольном отречении». Он знал твёрдо одно — Император должен быть убит. В беседе с генералом А.Ф. Ланжероном он высказался о том с солдатской прямоотой.

«Я должен признаться, что Великий князь Александр не соглашался ни на что, пока я не предложил дать ему честное слово, что никто не посягнёт на жизнь его отца. Я дал ему это обещание. Я не был так безрассуден, чтобы ручаться за то, что было невозможно:

но нужно было успокоить угрызения совести моего будущего Государя; я наружно соглашался с его намерениями, хотя был убеждён, что они невыполнимы. Я знал слишком хорошо, что революций или совсем не надо начинать, или надо доводить их до конца, и что если Павел останется в живых, то для Александра скоро откроются двери темницы...»

Пален выболтал то, что было на уме не только у него одного. Но, если такие люди, как Панин, прикрывали планы Цареубийства разглагольствованиями о «величии России» и об «оскорбленном достоинстве», то Пален рубил с плеча. Сам же он рук кровью пачкать не стал, перепоручив убийство братьям Зубовым и Беннигсену. Его главная задача в ночь Цареубийства сводилась к тому, чтобы «опекать» будущего Императора Александра и не позволить Императрице Марии Фёдоровне каким-то образом вмешаться в события.

Пален был мастером лицедейства высшего класса; он сумел обыграть такого впечатлительного и подозрительного человека, как Павел Петрович. Он втянул в сети свою жену графиню Юлию Ивановну, урождённую Шеппинг (1753—1814), которая исполняла должность гофмейстерины при Великой княгине Елизавете Алексеевне, т.е. была как бы приставлена ко двору Цесаревича. Ничего не известно о том, были ли вовлечены в заговор его три сына — Павел (1775—1834), Пётр (1778—1864) и Фёдор (1780—1863) — офицеры гвардейских полков. Да в общем-то этого Палену и не требовалось. Негодяи отыскивались и среди прочих офицеров.

Вместе с тем один эпизод, случившийся с его сыном (каким — неизвестно), очень способствовал укреплению доверия Императора к главе заговора, хотя он особого расположения к Палену не имел, а последние дни явно был настроен вскорости сменить этого человека. Так вот, после одного из вахтпарадов Пален-младший за нарушение «фронта» — не явился на развод — был посажен Императором на гауптвахту. Пришедший с докладом к Императору военный губернатор и шеф столичной полиции по этому поводу не проронил ни звука. Павел Петрович, ощущавший, очевидно, свою горячность, объяснил Палену происшедшее: «Я рассержен, что Ваш сын отсутствовал на параде». В ответ услышал то, чего совсем не ожидал: «Ваше Величество, — бесстрастно изрёк Пален, — наказав его, Вы совершили акт справедливости, который научит молодого человека быть внимательнее». Подобная точка зрения была понятна и близка Павлу Петровичу, который до конца своих дней оставался «рыцарем справедливости»...

К числу «идеалистов» относят часто видного персонажа из чёрного списка заговорщиков: графа Н.П. Панина. Брикнер особенно возмечивал его, второго после Палена главного инспиратора заговора, приписывая ему множество добродетелей, которыми тот никогда не обладал. Вся его жизнь — сплошная интрига и политическая махинация. В 1790 году Панин женился на Софье Владимировне, урождённой Орловой — дочери графа Владимира Орлова. Это сразу вознесло его в ближний круг Екатерины II, которая чтит всех Орловых. Несмотря на еще весьма молодой возраст, он сразу же вышел на линию противостояния двух дворов и пытался спровоцировать Павла Петровича на какие-то действия против матери. Тут его ожидало полное фиаско, но Панин не угомонился. Его излюбленным занятием в Петербурге было кочевать из гостиной в гостиную и распространять часто им самим же порождённые слухи и сплетни.

На поприще интриганства Никита Петрович Панин порой добивался немалых успехов; именно он вовлек в сети заговора Великого князя Александра, первым озвучив возможность насильственного деяния, что обеспечило успех всей заговорщицкой операции. Панин же являлся и главным «идеологом» переворота. Он не был родоначальником тезиса о «сумасшествии» Царя, но именно Панин, прекрасно образованный, остроумный, настоящий «грандсеньор», настойчиво популяризировал в высшем свете идею о необходимости сначала только «заменить» Императора.

Очень важный нюанс: Панин порвал все связи с Православием и принадлежал к числу масонов «со стажем». Для подобных деятелей свержение и убийство Помазанника Божия не было страшным актом богоотступничества, а только — «политическим мероприятием». Потому он так много речей произносил, где постоянно фигурировали такие громкие слова, как «свобода», «справедливость», «человечность», потому в соответствии с масонской фразеологией он называл своих сообщников «друзьями добра».

Именно Папин усиленно муссировал слухи о том, что без переворота «грядёт народный бунт», а после выставлял царевичем «спасителями» России. Этот тезис очень приглянулся лицам, задействованным в преступлении, хотя опасаться «народного бунта» не было ни малейшего основания. Для Панина убийство Павла I стало праздником. Своего сына, родившегося как раз в марте 1801 года, он назвал «Виктором», что символизировало «победу над драконом».

После воцарения Александра I Панин был осыпан благодеяниями. Он был возвращён к руководству Коллегией иностранных дел, сумев

на какое-то время даже обмануть Вдовствующую Императрицу Марию Фёдоровну. Она прямо спросила его: «Может ли он дать честное слово, что не принимал участие в катастрофе?». И «честный идеалист» тут же ответил: «Ваше Величество, вероятно, будет достаточно, если я скажу, что меня в это время в Петербурге не было».

Вернув себе общественный статус, Панин, в силу прирожденной склонности к интригам, не мог успокоиться. Теперь он начал подкапываться под Палена, который возомнил, что может играть роль «кардинала Ришелье» при Монархе и вмешивался во все дела, в том числе и внешнеполитические. Недавний сообщник Пален вмиг оказался в оценках Панина «неумным», «самодовольным», «который соображает в наших делах не больше, чем в сапожном ремесле».

Когда Пален был удален, то «идеалист» Панин не успокоился. Теперь объектом его нападок стал... Император Александр I. Интригану открылось, что новый Император — слишком «молод», «малоопытен», «бесхарактерен», что его «интересуют только моды», «танцы» и «успех у женщин», и что Панин от нового правления «не ждёт ничего хорошего». Эти поношения стали известны Александру I, и 3 октября 1801 года Панин неожиданно для всех был выслан «в отпуск за границу» сроком на три года. Когда же граф в 1804 году вернулся в Петербург, то тут же последовало новое распоряжение Самодержца: немедленно покинуть столицу «навсегда» и жить в своём имении в Смоленской губернии.

Панина настигла кара, которая превышала всё то, что он имел ранее от «тирана» — Императора Павла. Но на этом дело не завершилось. В распоряжении Императора Александра находилось письмо (откуда оно к нему попало — не ясно), написанное Паниным и адресованное послу Уитворту, т.е. составленное не позже конца мая 1800 года. В нём тогда просто «баловень судьбы», двадцатидевятилетний граф уже прямо писал, что Император «не в своём уме» и его надо «убирать». Александр I показал письмо матери. После этого известия Мария Фёдоровна возненавидела Панина так, как только и может ненавидеть убийцу вдова убиенного. Когда в 1825 году на Престол вступил её третий сын, Николай Павлович, то она взяла с него слово не прощать Панина, и он прощения не получил¹. Да и не

¹ На родственниках Панина это нерасположение никак не сказалось. Сын Панина, граф Виктор Никитич (1801—1874), занимал видные посты: в 1841—1861 годах был министром внутренних дел, затем членом Государственного Совета.

заслужил он монаршего великодушия; граф ведь до самой смерти в 1837 году так ни в чём и не раскаялся...

Особняком во всем деле Цареубийства стоит фигура царского брাদобрея — графа Ивана Павловича Кутайсова. Нет никаких свидетельств, что он входил в число заговорщиков, но он так плотно был окружён ими, что оказался фактически важным инструментом злодеяния. Невозможно предположить, чтобы Кутайсов желал смерти своего благодетеля — Императора Павла. Несмотря на свои явно не выдающиеся умственные способности, хитрый турок не мог не понимать, что в случае гибели Павла Петровича он потеряет если и не всё, то очень многое. А терять он ничего не хотел; у него настолько развилось самомнение, что застигало ему глаза на происходящее.

Лидеры заговора играли на этой тщеславной струне временщика «как по нотам». Безбородко, Панин, Пален да и некоторые другие использовали «верного Ивана» по своему усмотрению. Ходили слухи, что Кутайсов брал деньги; Ольга Жеребцова даже называла цифру — 200 тысяч дукатов, астрономическую по тем временам сумму. Не понятно, правда, за что ему платили, если он и без денег, руководимый только чувством плебейской гордости, готов был способствовать падениям и возвышениям важных персон, на которых ранее, во времена молодости, смотрел как на небожителей. Теперь же, как ему казалось, он получил власть над ними! Это упоительное чувство собственной значимости бывшего раба невозможно было измерить никакими дукатами.

Можно согласиться с утверждением, что пламенная страсть к мадам Шевалье сыграла с Кутайсовым злую шутку. Мадам готова была «брать» (и «брала») от кого угодно и за что угодно, в том числе и за «протекцию». Лежавший у её ног обожатель, Кутайсов, готов был выполнить любую просьбу несравненной повелительницы своего сердца.

Главным поводырям заговора протекции госпожи Шевалье не требовались. Они имели свои приёмы, оставляя Кутайсова в дураках, но всё ближе и ближе приближаясь к реализации злодейского плана. Когда Палену понадобилось вернуть графов Зубовых в столицу, то был придуман замечательный ход. Граф Кутайсов получил письмо от Платона Зубова, от «самого Платона Александровича!», что он просит руки его дочери. С цирюльником случился приступ радостной истерии. Богатый, знатный, недавно первый среди всех, будет его зятем! От такой перспективы у Кутайсова дух захватило.

Но прежде Зубова надо вернуть из изгнания в столицу. Зная вспыльчивый, но отходчивый, добродушный нрав Государя, его

привычки, настроения, Кутайсов в удобный момент, благо он имел общение с Императором ежедневно, в разное время суток, сообщил ему о сделанном предложении; со слезами на глазах показал письмо Платона. Император давно уже думал, что пора помиловать не одних только Зубовых, а и других лиц, высланных из столицы за неисполнение службы и за иные провинности. Слезы Кутайсова и слова Палена о «желанном великодушии» привели к прощению не только братьев Зубовых.

Никакого «указа» о помиловании Зубовых, о чем нередко пишут, не существовало в природе. Самодержец мыслил шире. 1 ноября 1800 года появилось два именных указа. Первый — «О дозволении всем выбывшим из воинской службы в отставку или исключенным, вступать вновь в оную». Второй — «О распространении силы указа о выбывших из воинской службы и на статских чиновников». В них говорилось о том, что Император «являя милосердие» дозволяет всем выбывшим и высланным вернуться в столицу «для личного представления Нам». Фактически 1 ноября 1800 года была объявлена всеобщая амнистия для всех служилых лиц, не распространявшаяся только на осуждённых военным судом.

В категорию прощённых попадали и Зубовы, но они прибыли в Петербург ещё более озлоблёнными, чем раньше. Они горели желанием «отомстить» Монарху и тут же оказались в эпицентре готовящегося заговора. Как написал в этой связи генерал А.Ф. Ланжерон (1763—1831), знавший Зубовых лично, они, кроме Валериана, были, собственно, и не нужны для конкретного «дела». По его словам, «Николай был бык, который мог быть отважным в пьяном виде, но не иначе, а Платон Зубов был самым трусливым и низким из людей». Если в качестве исполнителей самого акта Зубовы и не подходили, то их связи, их положение в обществе были чрезвычайно важными: они принимали участие в формировании «мнения света», а это дорогого стоит.

Уместно заметить, что жениться на Кутайсовой Платон Зубов совсем не собирался и, как только оказался в столице, сразу же забыл о своем брачном предложении. Он женился только в пятьдесят четыре года, в 1821 году, за год до смерти, на неизвестной польской дворянке Фёкле Игнатьевне Валентинович (1802—1873). Остаток жизни Платона Зубова — какой-то непередаваемый ужас. Зубов последние месяцы перед смертью сошел с ума, в своём великолепном замке Рунсдаль в Курляндии ползал на четвереньках и выл по-собачьи. Сохранились ужасающие по своей омерзительности физиологические подробности

распада личности некогда «ненаглядного Платоши», но их не стоит и приводить. Можно лишь заметить, что молодая жена относилась к родовитому мужу как к грязному животному...

Возмездие настигло и «важную персону» — Ивана Кутайсова. В ночь Цареубийства, услышав критики в Михайловском замке, что «Императора убивают», он не бросился на помощь к своему благодетелю. Несчастный помчался совсем в другую сторону. Выскочив на улицу в халате и ночном колпаке, он, потеряв по дороге тапочки, обезумевший от страха бежал босиком в морозную ночь куда глаза глядят. Взмыленный, растерзанный, потрясенный, посиневший от холода и полуголый граф Кутайсов добежал до особняка гофмаршала С.С. Ланского (1760—1813) на Литейном проспекте. Там поверженного временщика приютили, обогрели, напоили, но он целые сутки трясся от страха, пока не пришло уведомление от новой власти, что граф Кутайсов может не беспокоиться за свою безопасность. Теперь он был никому не нужен и ни для кого не представлял ни малейшего интереса.

Вскоре Кутайсову предписано было покинуть столицу и отправиться за границу. Проведя несколько лет там, он вернулся в Россию, но теперь не имел уже не только положения, но и круга знакомых. Все, буквально все отвернулись от него. Граф уехал в свое тамбовское имение, подаренное некогда брадобрею Императором Павлом Петровичем, где «занимался земледелием». Годы шли, он прозябал в безвестности, и только один человек — Императрица Мария Фёдоровна помнила о нём. Она приглашала его иногда к себе, и граф в составе Свиты Императрицы несколько раз ещё появлялся на публике. Кутайсов прожил долго; его жизнь завершилась в 1834 году. После же кончины Вдовствующей Императрицы Марии Фёдоровны в 1828 году о некогда всеильном временщике все забыли уже окончательно...

Можно ещё довольно долго приводить биографические подробности прочих членов заговорщицкой шайки, общее число которых составляло примерно 70 человек, из которой все, или сами, или их потомки, умерли до срока, или явили образец полной и бесспорной физической и умственной деградации.

Так, один из тех, кто 11 марта 1801 года ворвался в спальню Императора, тогда штабс-капитан Лейб-гвардии Измайловского полка Я.Ф. Скарятин (1780—1850), награжденный Павлом I знаком высокого отличия — орденом Святого Иоанна Иерусалимского, прожил тихую и безвестную жизнь. Он навсегда прославился только тем, что именно его шарфом душили уже бездыханное тело Императора

Павла. Когда однажды, уже в начале 1830-х годов, В.А. Жуковский (1783—1852) спросил у него, как на самом деле погиб Император, то Скарятин без всяких эмоций сообщил: «Я дал свой шарф, и его задушили».

После Цареубийства Скарятин ненадолго был выслан из Петербурга, окончательно отправлен в отставку в чине полковника в 1807 году и умер в 1850 году. Его же сын, В.Я. Скарятин (1812—1870), сделал блестящую придворную карьеру и в звании егермейстера «случайно» погиб на охоте в 1870 году. Происшествие это вызвало много шума и служило темой пересудов в высшем свете. Передавали, что якобы это — умышленное убийство. Хотя непосредственным убийцей был назван дряхлый обер-егермейстер граф П.К. Ферзен (1800—1884), но многие были уверены, что пуля для Скарятина была выпущена из ружья внука Павла I — Императора Александра II...

Об одном же из участников злодеяния 11 марта 1801 года стоит говорить особо. Без него не было бы возможно злодеяние в принципе, без него никакие бы Палены-Панины-Зубовы не смогли поднять руку на Самодержца. Он являлся знаменем, символом, смыслом готовящегося переворота. Имя его — Император Александр I, которого разномастные клеветы величали «Благословенным». В истории Цареубийства Великий князь Александр Павлович — фигура ключевая. Он переступил через окровавленный труп отца своего и отправился, как ему казалось, «творить добро».

Великий князь Николай Михайлович (1859—1919), правнук Императора Павла I и единственный из Династии Романовых, составивший себе имя в качестве историка, в своем труде «Император Александр I» с полным правом мог заключить: «Наследник Престола (Александр. — А. Б.) знал все подробности заговора, ничего не сделал, чтобы предотвратить его, а напротив того, дал своё обдуманное согласие на действия злоумышленников, как бы закрывая глаза на несомненную вероятность плачевного исхода, т.е. насильственную смерть отца».

Да, Александр тяжело переживал смерть отца и не пил шампанского; он рыдал, не раз падал в обморок, что свидетельствовало не столько «о нежности сердца», о «нравственной невинности», сколько о бесхарактерности, об отсутствии мужского начала в его натуре. Когда он вместе с Императрицей Марией Фёдоровной впервые оказался в спальне Павла Первого, перед телом своего отца с изуродованным лицом, то услышал из уст окаменевшей матери только одну фразу: «Поздравляю, теперь Вы Император!» Слова звучали как при-

говор немезиды-судьбы. Естественно, что новый повелитель России опять «сделался без чувств».

Можно смело утверждать, что вся последующая жизнь Александра I, его физические немощи, невроты и психозы, его личное одиночество — кара за двойное тяжчайшее преступление: отцецареубийство. Николай Михайлович справедливо заметил, что соучастие в убийстве отца испортило Александру Павловичу «всю последующую жизнь на земле». Князь Адам Чарторыйский привел в «Записках» фразу, которую слышал из уст своего «интимного друга» — Александра I при попытке убедить того предать забвению мартовскую историю 1801 года. «Нет, всё, что Вы говорите, для меня невозможно, ибо я должен страдать, ибо ничто не в силах утешать мои душевные муки». Он беспрестанно «страдал», а вместе с ним мучилась и вся Россия. И так продолжалось почти четверть века!

Нет смысла спорить с утверждением — об этом написаны целые трактаты: Александр Павлович «не желал смерти отцу». Не существует ни одного письменного документа или устного свидетельства, которые подтверждали бы обратное. Конечно, он такого исхода не желал и никогда подобное не обсуждал. Здесь и дискуссии быть не может. Вместе с тем неоспоримо и то, что он о заговоре не только знал, но и конспирировал с заговорщиками: тайно встречался, обсуждал подробности и сроки переворота, обменивался по этому поводу записочками с Паниным и Паленом.

Чего же он желал, как он видел грядущую акцию? Видел он всё в розово-нежных тонах: батюшку принудят сойти с Престола, и он, как благородный и великодушный сын, обеспечит ему спокойное существование и полное довольствие. Эту умильную сказочную идиллию он рисовал своему другу князю Адаму Чарторыйскому, когда тот вернулся в Петербург.

«Во время неоднократных бесед наших о событиях 11 марта, — вспоминал Чарторыйский, — Александр не раз говорил мне о своём желании облегчить, насколько возможно, участь отца после его отречения. Он хотел предоставить ему в полное распоряжение его любимый Михайловский дворец, в котором низверженный Монарх мог бы найти спокойное убежище и пользоваться комфортом и покоем. В его распоряжение хотел отдать обширный парк для прогулок и верховой езды, хотел выстроить для него манеж и театр — словом, доставить ему всё, что могло бы скрасить и облегчить его существование». Весь этот план князь Адам назвал «фантазией» и был совершенно прав.

При всех своих недостатках, при очевидной беспринципности и моральной ущербности, Александр Павлович совсем не был идиотом. Он прекрасно знал натуру своего отца и обязан был понимать, что никогда, ни при каких обстоятельствах Павел Петрович не покинет Престол. У него-то как раз был твёрдый характер, что так всегда и пугало «нежного» Александра Павловича. Если же и принудят, и свергнут, то будущий Император обязан был понимать сакральный смысл властной прерогативы, которой был наделён отец. Ведь он был коронован, он получил царское миропомазание, он — Богом венчанный «Царь всяя Руси».

Миропомазание же, как великое церковное таинство, не отменяется и не упраздняется, если миропомазанник не совершил акта богоотступничества. Но Павла I ни в чём подобном обвинить было невозможно, а потому, пока Павел Петрович жив, он — Царь. Александр же принимал участие в коронационном священнодействии в Успенском соборе Московского Кремля в апреле 1797 года! Исходя из этого, Александр Павлович не мог не учитывать трагического развития событий, когда прольётся кровь отца и Царя, кровь, которая навеки замазает всех участников, и его самого, в неискупляемом смертном грехе.

Но он старался об этом не размышлять, ведь ему «дал слово» Пален! Всю свою жизнь Александр Павлович старался не думать о «плохом»; он и в данном случае убаюкивал себя и всех прочих мечтами и разговорами о какой-то грядущей идиллии. Верил ли он на самом деле в эту романтическую грёзу, так и осталось неизвестным.

Пален рассказывал Ланжерону, как он привлёк к участию Александра Павловича. Он льстил и «пугал его насчёт собственной будущности, предоставляя ему на выбор — или Престол, или же темницу, и даже смерть, что мне, наконец, удалось пошатнуть его сыновнюю привязанность». Что же так страшило Александра? Если у него было чистое сердце и ясные помыслы, то почему его так пугала перспектива «темницы» и «даже смерти»? Ведь никто по приказу отца казнён не был, а если кого-то ссылали или даже заключали под стражу, то всегда за какие-то конкретные дела, за нарушения положений, уставов или иные проступки.

Павел Петрович и Александр Павлович не питали друг к другу близких родственных чувств. Отец заслуженно считал, что старших сыновей — Александра и Константина — у него «украли», что они выросли под крылом Екатерины II, сделавшей всё для того, чтобы у них родственных чувств к нему, особенно у Александра, вовсе не

существовало. Александр, конечно же, знал, что у него есть и отец и мать, но он годами видел их от случая к случаю и не ощущал никаких сыновних обязательств. Нежный и двуличный, выросший в атмосфере томной придворной неги, он всегда пугался и съёживался, как только перед ним предстал отец. Он его боялся, боялся его нелицеприятного слова, боялся его пронзительного взгляда. Он изображал верность и покорность, но то была порой талантливая, но только игра.

Павел Петрович знал, что сын Александр — чужой человек; это были его постоянная боль и горе. Когда он взошел на Престол, то эти ощущения только усилились. Александр же и по-человеческому, и по Божескому закону — восприемник Царского Дела; он будет продолжателем. А что он может продолжать, и как он может продолжать, если у него, вполне взрослого человека, нет собственного мнения, если он всегда готов присоединиться и поддакивать тому, кто наделен сильным характером и властными полномочиями, и кто в данный момент в фаворе у Императора? Павел Петрович знал, что Александр скрытный и уже в этом видел потенциальную угрозу. Однако он все-таки не догадывался о степени скрытности сына и о масштабах угрозы.

Сохранились признания Александра Павловича, которые он делал своим друзьям-единомышленникам: Чарторыйскому и Лагарпу. Особо примечательно письмо Цесаревича Александра Лагарпу от 27 сентября 1797 года, отправленное с надёжной оказией из Гатчины в Швейцарию. Основные мысли и пассажи этого послания со всей очевидностью свидетельствуют: уже в это время Александр был молчаливым, но безусловным противником отца. И если он ещё не стал участником заговора, то мысленно уже был готов к перевороту, причём сокрушительному.

Александр воспринимал правление отца, как «несчастье для России». «Невозможно перечесть, — восклицал будущий Император, — все те безрассудства, которые были совершены; прибавьте к этому строгость, лишённую малейшей справедливости, большую долю пристрастия и полнейшую неопытность в делах. Выбор исполнителей основан на фаворитизме; достоинства здесь ни при чём. Одним словом, моё несчастное Отечество находится в положении, не поддающемся описанию».

Итак, уже в сентябре 1797 года Александр Павлович являлся носителем идей и умозаключений, ставших потом оправданием Цареубийства. По сути дела, это — первый письменно зафиксированный приговор Павлу I.

Особо умилительны перлы о «неопытности в делах», произносимые человеком, который, взойдя на Престол, показал абсолютную неосведомленность и неопытность, ставшие причинами многих несчастий России. И «фаворитизм», так страстно ненавидимый, расцвел пышным цветом именно в Александровское царствование. Вообще можно смело констатировать, что процитированные инвективы как раз больше всего и подходят к правлению Александра I.

Как же прекраснодушный мечтатель видел будущее и своё, и России? Исключительно в восторженно-пасторальных тонах, наподобие видений Жан-Жака Руссо о «естественной», «справедливой», «счастливой» жизни человека, освобождённого от пут моральных «условностей», «гнёта» религии и «оков» государства. «Вам давно известны мои мысли, — элегически размышлял сын Царя, — клонящиеся к тому, чтобы покинуть свою Родину». Однако он не просто мечтал переселиться куда-нибудь подальше, например на берега Рейна, и там, вдалеке, под пение птичек и шум дубрав предаваться радостным грёзам и сладостным настроениям.

Нет, план его был куда более масштабным, местами просто апокалиптическим. Став правителем, «когда придёт мой черед», Александр Павлович намеревался «даровать стране свободу и тем не допустить её сделаться в будущем игрушкой каких-либо безумцев». За этой фразой трудно не разглядеть скрытого намёка на правление отца, который «в настоящем» и представлялся «безумным». И это писал сын и «первый верноподданный»!

Как же «голубоглазый Амур», как его назвала бабушка Екатерина II, видел эту самую «свободу», о которой столько восторженных слов было произнесено в кругу друзей, воспламенённых сочинениями Руссо, Вольтера и Дидро? В образе сказочной феи, приносящей всем «радость» и «счастье». Имя этой «феи» — конституция!

«Когда же придёт и мой черед (царствовать), — умозаключал «Амур», — тогда нужно будет... образовать народное представительство, которое, должным образом руководимое (все-таки некоторое «руководство» подразумевалось. — А. Б.), составило бы свободную конституцию, после чего моя власть совершенно прекратилась бы, и я удалился бы в какой-нибудь уголок и жил бы там счастливый и довольный, видя процветание моего Отечества, наслаждаясь им».

Фактически Александр Павлович мечтал о разрушении Государства Российского, сцементированного единством Власти и Православия. О Православии он вообще не упоминал. Он полагал, как и многие иные «птенцы гнезда Екатерины», что это только некий «об-

ряд», за пределами храма ни к чему и никого не обязывающий. Но что можно было ждать от человека, впервые взявшего в руки Новый Завет в 1812 году, когда ему минуло тридцать пять лет, когда он уже одиннадцать лет носил титул «Царя Православного»!

Александр Павлович не только выказывал полное невежество в истории России, которую он намеревался «осчастливить» благоглупостями, но и показал себя совершенно невосприимчивым к окружающей действительности. Ведь торжество «демократии» и «конституции» привело во Франции к ужасающим кровавым последствиям. Почему же Александр мнил, что в России-то всё будет по-иному? Очевидно, от «нежности сердца»...

Павел I не ведал о подобных, просто преступных, душеизлияниях наследника Престола. Но он хорошо знал: Александр никогда не смотрел в глаза и всегда отводил взгляд, когда отец начинал на него пристально смотреть, а уже одно это свидетельствовало о неискренности. Павел Петрович долго был уверен, что годы и опыт переломят эти фальшивые настроения, угнездившиеся в душе сына. Но желанного не достиг. Натура Александра сформировалась, и он не ощущал потребности меняться. Сын только ещё больше замыкался, закрывался маской подобострастия и верности, хотя в душе не имел ни того, ни другого. Он последние месяцы жизни Павла Петровича вообще старался не показываться отцу на глаза. Сохранились свидетельства, что он не раз просто «убегал как заяц», заслышав только о скором появлении отца! По доброй воле, без вызова, Цесаревич на глаза Самодержцу не показывался!

Уместно заметить, что и сам Александр Павлович, и его «почитатели» как из числа современников, так и потомков всегда воспринимали царствование Александра Павловича как контртезу правлению Павла Петровича. Была — «тирания», наступила — «свобода»! В обоснование этой «очевидности» не гнушались даже фальсификациями. Н.К. Шильдер, оправдывая Александра I, писал, что сразу же после воцарения «несколько сот человек увидели свет Божий и были возвращены обществу». Историк назвал этот акт «великим подвигом Монарха» — Александра I. Но ведь историк наверняка знал, при его пиететном отношении к документу он не мог этого не знать, что данное утверждение — подтасовка.

15 марта 1801 года появился именной указ «о прощении людей», проходивших по делам Тайной экспедиции. Было опубликовано четыре списка помилованных: заключённых в крепостях и лишенных дворянского достоинства; заключённых и сосланных без отнятия

чинов и дворянства, содержащихся в крепостях и посланных на поселение и о разосланных по городам и деревням под наблюдение местных властей.

Всего же было освобождено из заключения, ссылки и избавлено от административного контроля 158 человек. И это число жертв «тирании» по всей Империи, при населении примерно в 38 миллионов человек! При этом значительную часть заключенных, около 50-ти человек, составляли «польские шляхтичи», уличённые в противогосударственном движении.

Среди тех, кто «увидел свет Божий», были люди разных чинов, званий и состояний. Все они имели по преимуществу невысокий общественный статус. В их числе: «крестьянин Поздняков», «крестьянин помещика Подоржинского Винниченко», «придворные служители Николаев и Александров», «отставной сержант Патрушев», «сержантская жена Филиппова», «отставной кадет Карякин», «канцелярист Иконников», «солдат Алашев», «бывший рядовой Малахов», «вдова, солдатская жена Анисья Александрова», «аптекарский помощник Фуск», «отставной солдат Панченко», «бывший при Дворе камердинер Секретарёв с женою».

Было несколько лиц и более высокого положения: княгиня Анна Голицына, урождённая Зотова, и грузинский князь Амилахоров. В числе состоявших под надзором местных властей значились: подполковники Ермолов и Нарышкин, полковники — Гарновский, Грибовский, Рахманов, Чаплиц; «ober кригс-комиссар Трегубов», майор Чириков, штабс-ротмистр Раевский. В эту же категорию, высланных из Петербурга «жертв тирании», входили ещё: прапорщики Болховкин, Симонов, Егоров, коллежский асессор Раевский, шведский дворянин барон Флемминг, титулярный советник Киселёв, шведский пастор Ганандер и статский советник Шарпинский.

Неясно, в каких конкретных проступках и прегрешениях виновны указанные поднадзорные лица. Не подлежит сомнению одно: за редчайшим исключением, никто из них не принадлежал к тому самому «обществу», которое пило шампанское 12 марта 1801 года. О прочих же и говорить не приходится; подавляющее большинство из них вообще вряд ли и ведало, что такое шампанское...

Известно, что примерно в половине первого ночи с 11 на 12 марта 1801 года граф Пален принёс Александру Павловичу весть о смерти отца и о его воцарении. Александр ждал сообщения; они вместе с Паленом согласовывали дату и время «акции». В ночь Цареубийства Великий князь лично отдал распоряжение камер-фрау П.И. Гесслер,

состоявшей при его жене: «Я прошу тебя остаться в эту ночь в прихожей до прихода графа Палена; когда он явится, ты выйдешь к нам и разбудишь меня, если я буду спать».

Когда же всё страшное случилось, то теперь уже Император Александр Павлович, вернувшись из полубморочного состояния при попукивании Палена и Зубовых, вышел из своих апартаментов и обратился к караульным из Семёновского полка и несколькими перепуганным придворным с незабываемыми словами: «Батюшка скончался апоплексическим ударом. Всё при мне будет, как при бабушке».

Принципы нового царствования прозвучали: восстановление дворянской вольницы, с одной стороны, и полное лицемерие — с другой. Агать перед людьми, которые все были в «курсе дела», лицемерить, выгораживая себя, — «политическое кредо» нового царствования. Участник заговора, любимый ученик и протеже умершего А.А. Безбородко сенатор Д.П. Трошинский уже сочинил Манифест о восшествии на Престол нового Самодержца, который как будто был списан с аналогичного Манифеста, появившегося в июне 1762 года, когда Екатерина II захватила власть. Александр I этот «творческий продукт» Трошинского полностью одобрил и подписал без колебаний. Уже 12 марта 1801 года он увидел свет.

В нём говорилось, что «Судьбам Вышнего угодно было прекратить жизнь любезного Родителя Нашего Государя Императора Павла Петровича, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с 11 на 12 число сего месяца». Ложь и ложь, и при этом на волю Всевышнего ссылались! Политическая «необходимость», историческая «целесообразность» служили потом оправданием для Александра Павловича. Но кого он хотел обмануть: себя или современников? Ведь «весь Петербург» уже знал о подлинном ходе событий! Может быть, потомков? Но в итоге ведь никого не обманул...

Павел Петрович окончательно переехал на жительство в Михайловский замок 1 февраля 1801 года. На главном фасаде замка красовалось несколько измененное изречение из Псалтыри: «Дому твоему подобаешь святыня Господня въ долготу дней». Эта, сделанная из бронзы, надпись воспринималась потом как пророчество: 47 букв соответствовали годам жизни Императора Павла I. Указанное число букв насчитывал и оригинал: «Дому Твоему, Господи, принадлежит святость на долгие дни» (Псалтырь. 92.5).

Насколько Павел Петрович ощущал конец земного бытия? При его впечатлительности и природной чуткости он не мог не воспринимать сгущающуюся атмосферу вокруг. Переселяясь на жительство в

Михайловский замок, построенный на месте старого Летнего Дворца, Император обронил фразу: «На этом месте я родился, здесь хочу и умереть!» Его желание исполнилось. Бренные останки Павла I покоятся в Петропавловском соборе Петропавловской крепости, у левого клироса, рядом с могилами жены — Императрицы Марии Фёдоровны и сына, Императора Николая I. Однако Михайловский замок до сего дня остаётся дворцом-пантеоном Императора Павла I.

Сохранились отрывочные свидетельства предчувствий Павла Петровича, касавшиеся как его исхода жизни вообще, так и времени пребывания в Михайловском замке в особенности. Широко известна притча, зафиксированная в воспоминаниях близкой подруги Марии Фёдоровны баронессы Генриетты-Луизы Оберкирх (1754—1808), самым подробным образом воспроизведённая уже Шильдером. К этой истории и потом часто обращались различные авторы, ища здесь подтверждения «ненормальности» будущего Императора, «почти за полтора десятка лет до восшествия на Престол». Между тем указанное повествование подобный «диагноз» совсем не подтверждает.

Дело происходило в Брюсселе 29 июня 1782 года, во время заграничного путешествия Павла Петровича. Вечером того дня у князя Карла-Иосифа де Линя (1735—1814) состоялся небольшой приём в самом узком кругу. Помимо Павла Петровича, на нём присутствовали: Александр Куракин, баронесса Оберкирх и несколько иных лиц, имена которых остались неизвестными. Тон беседы задавал князь Линь, рассказывавший вещи сны и пророческие предчувствия, сопровождавшие жизнь многих выдающихся людей.

Подобный интерес не был необычным. На дворе стоял XVIII век, «эпоха Просвещения», время гонения на Христианство, когда «лучшие умы Европы» издевались и третировали духовные ценности, являвшиеся путеводной звездой человечества более полутора тысяч лет. В этой атмосфере отвержения истинного началось повальное увлечение мнимым: оккультизмом, спиритизмом, масонством и тому подобными эрзацами. Постигание «мистики жизни и смерти», расшифровка «таинственных знаков и символов» бытия приобретали характер страстного увлечения. Потому и проблематика брюссельского вечера не выходила за рамки общепринятого в высшем свете.

Стараясь «вывести на разговор» русского Наследника, князь Линь обратился к нему с вопросом: неужели в России нет ничего чудесного? И Павел Петрович рассказал историю, которую никогда и никому больше не излагал, беря себе в свидетели князя Куракина,

который, впрочем, так ничего и не удостоверял, называя всё рассказанное «игрой воображения». Павел Петрович почему-то попросил баронессу Оберкирх «ничего не рассказывать моей жене», хотя в тот период у него от Марии Фёдоровны не было никаких секретов. Суть «таинственной истории» состояла в следующем.

Однажды весной, поздно вечером, «при лунном свете», вместе с князем Куракиным и двумя слугами Павел Петрович прогуливался по безлюдному Петербургу. На одной из улиц Цесаревич заметил «высокого и худого человека, завернутого в плащ». Лицо разглядеть было невозможно и «только шаги его по тротуару издавали странный звук, как будто камень ударялся о камень». Наследник Престола сначала был «изумлён», а затем ощутил «охлаждение в левом боку», к которому «прикасался незнакомец». Павел Петрович тут же обратил внимание Куракина на присутствие нового спутника, шедшего слева от него. Однако князь ничего не видел и не ощущал.

Павел Петрович начал рассматривать спутника «внимательно» и разглядел взгляд, «какого не видел ни прежде, ни потом». Будущего Императора охватила дрожь, но «не от страха, а от холода». Вдруг незнакомец произнес «Павел!». Это обращение повергло в шок и ужас, но Куракин так ничего и не слышал, и не видел, шествуя, не обременённый тяжелыми мыслями и видениями. Вдруг таинственный спутник остановился и произнес: «Павел, бедный Павел, бедный князь!»

Цесаревич затрепетал и, «сделав отчаянное усилие», спросил у незнакомца: кто он и чего он хочет? В ответ прозвучал монолог, уже двести лет служащий предметом пересудов: «Бедный Павел! Кто я? Я тот, кто принимает в тебе участие. Чего я желаю? Я желаю, чтобы ты не особенно привязывался к этому миру, потому что ты не останешься в нём долго. Живи как следует, ежели желаешь умереть спокойно, и не презирай укоров совести: это величайшая мука для великой души».

Незнакомец замолк, и Павел Петрович не мог больше у него ничего спросить, молча следовал за ним, пока не вышли к Неве около здания Сената. Там таинственный спутник подошел «к одному месту» в центре площади и обратился к Престолонаследнику с прощальным напутствием: «Павел, прощай, ты меня снова увидишь здесь и ещё в другом месте». И только тут стали открываться черты незнакомца, и Павел Петрович явственно разглядел лицо своего прадеда — Петра Первого. Затем образ исчез, и Павел Петрович остался стоять пораженный. Его удивление со временем только «усилилось», когда

он узнал, что Екатерина II именно на этом месте повелела поставить памятник Петру Первому...

Можно ко всей этой истории относиться серьезно? Скорее «нет», чем «да». Начнём с конца. Павел Петрович прекрасно знал, что в Петербурге уже много лет идёт подготовка к открытию памятника Петру Первому, над которым французский скульптор Этьен Морис Фальконе работал с 1766 года. Было определено и место на берегу Невы: площадь между зданием Адмиралтейства и Сената. Отлитые в бронзе части монумента выставлялись для обозрения публики, начиная с 1770 года. Была доставлена из окрестностей Петербурга и огромная гранитная скала — будущий постамент. Открытие памятника состоялось в день столетия восшествия на Престол Петра Первого — 7 августа 1782 года, когда Павел Петрович с Марией Фёдоровной находились в Германии. Но о грядущем событии Цесаревич был прекрасно осведомлён. Никакого «пророческого предзнаменования» тут не существовало¹.

Что касается предсказания «о смерти до срока», то с этой мыслью Павел рос и мужал многие годы. Она фактически никогда его не покидала, и вся окружающая действительность снова и снова подтверждала подобные опасения. Выражение «бедный Павел» использовал ещё Никита Панин, и Цесаревич его не раз слышал за своей спиной. Являлся ли Пётр I правнуку наяву или рассказ об этом — только салонная мистификация? На эти вопросы никто убедительно ответить не сможет.

Но предположение о мистификаций кажется более правдоподобным, учитывая, что рассказ завершился улыбками и ухмылками не только присутствующей публики, но и самого рассказчика. Больше всех была потрясена баронесса Оберкирх, которая восприняла всё

¹ Здесь уместна одна историческая ремарка. После триумфальной победы над шведами при Полтаве в 1709 году Пётр I решил соорудить себе памятник, но при жизни это намерение осуществить не удалось. Пятиметровую конную статую по проекту скульптора Б.К. Растрелли отлили в бронзе только в 1745—1747 годах. Петр I изображен на коне в одеянии римского императора, с мечом на боку и с жезлом в правой руке. Первоначально Екатерина II намеревалась именно эту скульптуру поставить на Сенатской площади, но при ближайшем осмотре она ей не понравилась, и тогда обратились к Фальконе. Памятник Растрелли был забыт и долго пребывал в небрежении. Так продолжалось до воцарения Павла I. О скульптуре вспомнили, для неё был сооружён шестиметровый постамент, и она была установлена перед Михайловским замком. На постаменте значилось: «Прадеду — правнук. 1800». На этом месте памятник находится до настоящего времени.

сказанное серьезно. Когда же Павел Петрович через два месяца читал вслух письмо из России об открытии памятника Петру, то, улыбаясь на лице, приложил палец к губам, показывая баронессе, что здесь сокрыта их тайна. Оберкирх при этом вдруг заметила, что он «побледнел». Была ли это игра света или игра воображения — теперь уже не узнать. Ясно только одно: будучи совершенно православным человеком, Павел Петрович никогда бы не мог серьезно относиться к каким-то «видениям», если бы даже они и имели место...

Император Павел искренне радовался строительству величественного замка в центре Петербурга, грандиозного строения, ещё невиданного в России. Это была последняя в его жизни радость. Теперь и у него есть своя резиденция, отвечающая духу Царя-рыцаря. Снаружи сооружение действительно походило на средневековый рыцарский замок, а внутри было отделано с роскошью необычайной. Архитектор Винченцо Бренна (1750—1814), родом итальянец, приглашенный в Россию ещё Екатериной II в 1780 году, выполнил волю Императора — создать нечто небывалое.

Сегодня трудно судить о той, поистине имперской, роскоши, отличавшей Михайловский замок в год окончания строительства. Мебель, мрамор для отделки, бронза, люстры, картины, гобелены привозились из Европы, главным образом из Италии; многие предметы и всё оформление были сделаны русскими мастерами. Павел Петрович, Мария Фёдоровна и их сын Константин с супругой занимали комнаты на втором этаже замка, «в бельэтаже», а Великий князь Александр и большая часть придворного штата размещались на первом. Младшие дети и обслуживавший персонал поселены были на последнем, третьем, этаже.

Ныне от первоначального облика сохранился только внешний контур и некоторые детали декора. После гибели Императора здание было тотчас покинуто всеми обитателями и переоборудовано в военно-инженерное училище. Внутри всё было перестроено, а художественные коллекции вывезены и рассредоточены по разным местам; многое за два века было утеряно, продано за границу или просто погибло естественным путём.

Сохранилось подробное описание Михайловского замка и всех его сокровищ, сделанное немецким писателем и мыслителем Августом-Фридрихом-Фердинандом Коцебу (1761—1819), составленное по поручению Императора Павла. Коцебу испытывал к Павлу Петровичу стойкое чувство симпатии, не оставившее его и после убийства Само-

держа¹. Так как Коцебу принадлежал к числу лиц, практически ежедневно общавшихся с Императором в последние недели его жизни, то данные свидетельства имеют особую ценность.

По поводу чувства, которое вызывало у Павла Петровича его архитектурное детище, Коцебу написал: «Ему доставляло удовольствие самому водить своих гостей и показывать им сокровища из мрамора и бронзы, выписанные из Рима и Парижа. Льющаяся через край похвала, с которой превозносилась до небес малейшая безделушка, и постоянное повторение восклицаний, что подобного нет нигде в мире, вызвали, наконец, у него мысль сделать описание этого восьмого чуда света. В самых лестных выражениях он возложил эту работу на меня».

Коцебу начал описывать Михайловский замок, стал зарисовывать наиболее примечательные особенности отделки, предметы интерьера и убранства. Павел Петрович всё время интересовался ходом работ и призывал писателя «ничего не описывать поверхностно, а везде и во всем входил в большие подробности». В результате — появился подробнейший путеводитель-каталог по залам Михайловского замка. Остановимся на описании кабинета-спальни, где Павел Петрович встретил свою смерть.

«Множество ландшафтов, — свидетельствовал Коцебу, — по большей части, Верне, некоторые из них Вувермана и Вандермейлера и ван дер Мейлена, висели по стенам, обложенным деревом, окрашенным в белый цвет. По середине стояла маленькая походная кровать, без занавесок, за простыми ширмами; над кроватью висел ангел работы Гвидо Рени. В одном углу комнаты помещался портрет рыцаря-знаменосца, работы Жана ле Дюка, которым очень дорожил Император². Плохой портрет Фридриха II и плохая гипсовая статуя, изображающая этого же Короля верхом, помещённая на мраморном пьедестале, составляли странную противоположность с этими великолепными картинами».

«Письменный стол Императора был замечателен во многих отношениях. Он покоился на ионических колоннах из слоновой кости, с бронзовыми цоколями и капителями; решетка из слоновой кости

¹ Август Коцебу прославился в Европе своей резкой критикой революционизма и либерализма, слыл «реакционером» и был в собственном доме, в городе Мангейме, убит кинжалом психически неуравновешенным студентом Карлом-Людвигом Зандом.

² Ныне портрет находится в Голландии, во дворце Маурицхейс в Гааге, и значится как произведение Томаса де Кейзера.

самой тонкой работы, украшенная маленькими вазами тоже из слоновой кости, окружала его¹. Ещё на одной из стен висела картина, изображающая все формы обмундирования русской армии».

На полу красовался великолепный ковер, и комната имела двое дверей, «скрытых занавесью». Одна из них «вела в чуланчик, имеющий известное назначение», иначе говоря — туалет, а другой «запирался шкаф, в котором складывались шпаги арестованных офицеров». Двойные двери, «которые из комнаты Императора вели в апартамент Императрицы, не были открыты, а заперты ключом и задвижкой».

В спальню-кабинет обычно попадали из библиотеки и этот проход «так же состоял из двух дверей, и, благодаря чрезвычайной толщине стен, между этими двумя дверями оставалось пространство, достаточное для того, чтобы могли устроить направо и налево две другие, потайные, двери. Тут они, действительно были: дверь направо (если выйти из спальни) служила для помещения знамён; дверь налево открывалась на потайную лестницу, которая вела в комнаты на первом этаже замка». На первом этаже имелись также апартаменты Императора и там пребывали придворные, а не только Кутайсов и княгиня Гагарина, как иногда пишут.

Переселившись в Михайловский замок, Павел Петрович начал страдать бессонницей; он и раньше плохо спал, теперь — это постоянное мучение. Камер-фрау Императрицы Марии Фёдоровны англичанка «мисс Кеннеди», которую в России звали «Сарой Ивановной», потом рассказывала, что Император почти каждую ночь приходил к Императрице и читал ей монологи из Расина и Вольтера, или приглашал прогуляться по замку. Мария Фёдоровна с трудом реагировала, сон одолевал её, но она, превозмогая себя, слушала и бродила по полутемным залам, при удивленных взглядах караульных. Потом, вернувшись к себе, она «падала почти без чувств». Мисс Кеннеди решила положить конец нарушениям спокойствия своей госпожи. Так как она спала в одной комнате с Марией Фёдоровной, то сделать это было несложно. На стук Императора верная распорядку англичанка реагировала возгласом: «мы спим», после чего Император, добродушно изрекая, — «спящие красавицы», удалялся.

¹ После гибели Павла I стол хранился у Марии Фёдоровны, в Павловске. Существовала легенда, что одна из колонок стола была отломана, когда Император боролся с заговорщиками. Она так отдельно и хранилась до тех пор, пока в 1828 году Павловск не перешёл по наследству к Великому князю Константину, при котором он был «восстановлен» в первоначальном виде.

В последние дни жизни Императора ночные прогулки прекратились, но Император несколько раз подшучивал над другой камерфрау, Фридерикой Ключель, в ночные обязанности которой входило хранить личные драгоценности, «бриллианты», Императрицы. Она спала в примыкающей к опочивальне Марии Фёдоровны комнате, а бриллианты держала под своей кроватью и, из предосторожности, ночью не гасила свечей. Павел Петрович несколько раз стучал ей в дверь и кричал: «бриллианты украдены» или «пожар». Ключель, как боевой прусский солдат, молниеносно выскакивала из постели и бросалась проверять и спасать сокровища. Днём все эти ночные происшествия служили темой веселых рассказов.

Павел I явно предчувствовал надвигающуюся грозу. Приведённый выше разговор с Паленом накануне Цареубийства свидетельствовал: Самодержец уже слышал о заговоре. Поэтому заговорщики и заторопились. Первоначально план покушения на особу Монарха предусматривал выступление после Пасхи, которая в тот год приходилась на 24 марта. Затем оно было Паленом перенесено на 15 марта, но этот день почему-то не устроил Великого князя Александра, и в итоге — было избрано 11 марта. Эта дата представлялась наиболее удобной, так как в тот день в замке дежурил батальон Семёновского полка, шефом которого состоял Цесаревич.

Накануне катастрофы Император предпринял некоторые шаги, свидетельствовавшие о том, что он подозревал о её возможности. 10 марта тайно был послан нарочный к Аракчееву, пребывавшему в своём имении «Грузино» в Новгородской губернии. 11 марта верный служака был уже в пути и вечером прибыл в окрестности Петербурга, но военный губернатор Пален, предупрежденный Кутайсовым, дал приказ задерживать генерала на заставе до утра. И когда убивали Императора, то его верный слуга пребывал в караульном помещении, где его и настигла весть о злодеянии. Позже в своём имении он воздвиг памятник Императору Павлу с надписью: «Сердцем чист и дух прав перед тобой».

Был вызван пребывавший в опале в Калуге верный гатчинец Ф.И. Линдерер, но у него не было никакого шанса успеть до срока. Повеление прибыть в Петербург из своего имения под Москвой получил и граф Ф.В. Ростопчин. Он доехал только до Москвы и там услышал о Цареубийстве, после чего отправился обратно. Позже Ростопчин не раз говорил, что если бы он находился в столице, то не допустил бы преступления. Думается, что если бы кто-то из трёх вышеназванных лиц успел бы прибыть в Михайловский замок, то ход событий был бы совершенно иной. Но никто не успел...

Мрачные предчувствия одолевали Павла Петровича в последние дни жизни. Сохранился рассказ обер-штальмейстера С.И. Муханова (1762—1842) о прогулке верхом, состоявшейся за четыре или пять дней до Цареубийства. Стояла грязная петербургская оттепель: туман, серый, безрадостный день. Вдруг Император обратился к Муханову с восклицанием: «Мне показалось, что я задыхаюсь, и у меня не хватает воздуха, чтобы дышать. Я чувствовал, что я умираю». Далее последовал вопрос: «Разве они хотят задушить меня?» Придворный опешил и ответил банальностью: «Государь, это, вероятно, действие оттепели». Важно подчеркнуть, что это не рассказ, возникший впоследствии, а появившийся до Цареубийства, в котором Муханов не принимал никакого участия. Этот факт удостоверял в своих «Записках» Н.А. Саблуков — родственник Муханова, услышавший об этом странном случае в тот же день от Муханова.

Данный эпизод свидетельствует, что Павел Петрович уже за несколько дней до гибели знал, что существуют некие враждебные «они». Никто точно не установил: было ли это результатом инстинктивного предчувствия, или, как иногда утверждается, Император получил некую бумагу, с сообщением о заговоре и перечислением имен заговорщиков. Второе предположение кажется более обоснованным; его подтверждает и приведённый ранее диалог Царя с Паленом, имевший место примерно в то же время, что и разговор с Мухановым. Что это был за список и кто его предоставил, установлено не было.

Доподлинно известно другое: после смерти Самодержца бумаги в личном кабинете привлекли особое внимание Беннигсена и Палена. Последний в ночь с 11 на 12 марта 1801 года фактически несколько часов был управителем государства, так как Александр Павлович почти всё время находился то в обморочном, то в полуобморочном состоянии.

Беннигсен же, пока пьяная ватага заговорщиков избивала и душила уже мёртвого Монарха, рылся в личных бумагах Убиенного. Потом, когда непосредственные убийцы разбежались, Беннигсен никуда не убежал, он продолжал рыться в документах Павла Петровича и скоро к нему присоединился Пален. Какие документы эти два высокопоставленных выродка нашли, изъяли и уничтожили — навсегда осталось тайной.

Накануне Цареубийства, 10 марта, в воскресенье, в Михайловском замке состоялся музыкальный вечер, на котором пела «несравненная» мадам Шевалье. Атмосфера царила совсем нерадостная и, по словам Евгения Вюртембергского, «Государь смотрел сердито и рас-

строено, и меня удивляло, что в таком настроении он не отказался от концерта». После концерта случилась одна странная дворцовая «диспозиция», зафиксированная в воспоминаниях принца Вюртембергского.

Император «подошёл к близь стоявшей справа Императрице, остановился перед ней, насмешливо улыбаясь, скрестивши руки, и, по своему обыкновению, тяжело дыша, что служило признаком сильного недовольства. Затем он повторил те же самые угрожающие приёмы перед обоими Великими князьями. В заключение он подошёл к графу Палену, со зловещим видом шепнул ему на ухо несколько слов и поспешил к столу... На мой вопрос графине Ливен: «Что это значит?», она ответила кротко: «Это не касается ни Вас, ни меня!»». По незнанию графиня Шарлотта Карловна ошибалась; через несколько часов события в Михайловском замке коснутся всех.

В описанной сцене особо выделяется секретное общение Царя с Паленом, общение публичное, что явно свидетельствовало о том, что оба являются хранителем некоей тайны. Причём остальные должны были быть осведомлены об этом. Возможно, что речь шла о «списке заговорщиков», состряпанном Паленом, куда занесены были имена Марии Фёдоровны и старших сыновей Императора. В последние дни Павел I высказывал явные признаки неблаговоления и по отношению Императрицы, и по отношению сыновей. И если Александр Павлович действительно был замешан и виновен, то Мария Фёдоровна и Константин Павлович находились совершенно в стороне от всех антицарских инспираций.

Пален показал себя истинным гением зла. Его план был дьявольски изощрённым: оклеветать всех близких и верных Императору лиц, в том числе и ближайших родственников, и добиться, чтобы на их головы посыпались кары и опалы. А этот факт можно будет уже открыто использовать как «окончательный факт» признания Павла Петровича душевнобольным. Но эта комбинация требовала ещё некоторого времени, которого у руководителя заговора не имелось.

Секретными повелениями в Петербург были вызваны Аракчеев, Линдерер и, особо ненавидимый Паленом, граф Ростопчин. Палену о царском секрете сообщил, по всей видимости, его «друг» Кутайсов. Если бы прибыли данные лица, особенно Ростопчин, то всё быстро бы прояснилось и Палену пришлось бы окончить свои дни в каземате или на плахе. Он же этого, конечно же, не желал, а потому была запущена в ход «ускоренная процедура» переворота.

Важно подчеркнуть один момент: «список заговорщиков», составленный Паленом, исчез без следа; вероятно, он был изъят в ночь Цареубийства или самим автором, или «верным подданным Британской Короны» Беннигсеном. Потом ни тот, ни другой, вспоминая «незабвенную ночь», ни полусловом не обмолвились о том, какие они бумаги искали и изъяли в царском кабинете...

В воспоминаниях Н.А. Саблукова приведён странный разговор с Александром Павловичем и шефом своего полка Великим князем Константином, происшедший днём 11 марта. Тогда Александр Павлович сказал, что «Мы оба (с братом. — А. Б.) под арестом... Нас обоих водил в церковь Оболянинов присягать в верности». Выходило, что накануне Цареубийства Александр и Константин вынуждены были принести вторичную присягу на верность. Это какая-то странная, маловероятная история. Сам Саблуков воспринял сказанное как розыгрыш.

Что вообще означала «вторичная присяга», если уже была принесена клятва в верности на Кресте именем Божиим? Что, прежняя была отменена и потеряла силу? Почему? Свидетельств о том, что Константин Павлович примыкал к заговорщикам, не существует. Если же братья клялись, что не принимали участие в злоумышлении, то тогда Александр Павлович оказывался дважды клятвопреступником. Если же они принесли вторичную присягу, то почему они «под арестом», и при этом Александр свободно разгуливал по Михайловскому замку! Почему именно Оболянинов водил их к присяге, а не «глава Церкви» — Император?

Думается, что Александр Павлович рассказывал всю эту нелепицу удивлённому дежурному офицеру только для того, чтобы создать требуемое «общественное мнение» о «жестокостях» Императора. Однако подлинного ответа, увы!, получить уже невозможно. Вполне вероятно, что разговоры «об аресте» и «второй присяге» — легенда, пущенная в обращение из кругов заговорщиков.

Не исключено, что какие-то сведения о заговоре были доставлены Павлу Петровичу упоминавшимся Оболяниновым, ставшим жертвой «торжества свободы», наступившей якобы после воцарения Александра I. Генерал-лейтенант Пётр Хрисанфович Оболянинов (1751—1841) являлся видной фигурой Павловского царствования, человеком, чья преданность Императору Павлу не подлежала сомнению, и которого не удалось «свалить» заговорщикам. Со 2 марта 1800 года он исполнял обязанности генерал-прокурора Сената, т.е. следил за сохранением порядка и закона во всей Империи, и одно-

временно возглавлял Тайную экспедицию при Сенате, ведавшую розыскными и следственными делами.

Вполне вероятно, что именно Оболянинову стали известны какие-то подробности заговора, нежелательные Палену и его присным, и он сообщил об этом Императору. В пользу такого предположения говорит то, что ненависть к нему заговорщиков была по степени накала сравнима только с ненавистью к Ростопчину. Но, если Ростопчин в момент переворота был «не у дел», то Оболянинов 12 марта был арестован и с него «снимали дознание»¹. В пользу указанной версии говорит и то, что Оболянинова всю жизнь ненавидел Император Александр Павлович и, возможно, именно потому, что он знал о его подлинной роли. Генерал-лейтенанта изгнали с его поста сразу же после переворота, и ему не было предоставлено никакой иной должности. Единственное монаршее «благоденствие» верному слуге отца состояло в том, что, когда в 1819 году Оболянинова избрали предводителем дворянства Московской губернии, то Александр I «не возражал»...

Вечером в понедельник, 11 марта 1801 года, в Михайловском замке состоялся парадный ужин, на который, по обыкновению, кроме членов Императорской Фамилии, приглашались лица «по выбору Императора». Всего за столом находилось 19 персон. Император, Императрица, оба Великих князя с супругами, Великая княжна Мария Павловна. Среди прочих значились: статс-дама графиня Ю.И. Пален, фрейлина графиня Ю.П. Пален, фрейлина Е.П. Протасова, фрейлина А.М. Голенищева-Кутузова, генерал-от-инфантерии М.И. Голенищев-Кутузов, обер-камергер граф А.С. Строганов, обер-гофмаршал А.А. Нарышкин, обер-камергер граф Н.П. Шереметев, шталмейстер С.И. Муханов, сенатор Н.Б. Юсупов, статс-дама М.А. Ренне, статс-дама графиня Д.Х. Ливен.

С уверенностью можно сказать, что из всех присутствовавших только один человек — Великий князь Александр Павлович — знал, что через несколько часов произойдет выступление заговорщиков. Он сохранял удивительное для него хладнокровие и перед Павлом Петровичем в тот раз не проявлял ни малейшего признака беспокойства. Как свидетельствовал князь Адам Чарторыйский, Александр Павлович уверял друга, что «сердце его разрывалось от горя и отчаяния».

¹ В ночь Цареубийства Оболянинов не стал единственным арестованным. Были взяты под стражу и некоторые другие, верные Императору Павлу и воинской присяге лица. В их числе: комендант Михайловского замка генерал-адъютант Н.О. Котлубицкий, генерал-лейтенант и командир Лейб-гвардии Измайловского полка П.Ф. Малютин, генерал-лейтенант и командир Лейб-гвардии Кирасирского полка А.С. Кологривов.

Внешне то никак не проявлялось, кроме как разве в том, что «затрашний Царь» сидел с отрешенным видом. Это не могло укрыться от внимания отца. «Сударь, что с Вами сегодня», — спросил повелитель Империи. «Государь, я чувствую себя не совсем хорошо», — последовал ответ сына-заговорщика. «В таком случае обратитесь к врачу и почитесь. Нужно пресекать недомогание вначале, чтоб не допустить серьёзной болезни». Великий князь ничего не ответил, потупил глаза и вскоре чихнул. И тут Император поднял бокал вина и, обращаясь к старшему сыну, произнес тост-пожелание: «За исполнение всех Ваших желаний, сударь». Это были последние слова, которые услышал по своему адресу Александр Павлович от обречённого отца.

Ужин продолжался около двух часов и закончился в 10 часов вечера. Это была странная трапеза, больше напоминавшая поминальную тризну. Ощущалась какая-то гнетущая, предгрозовая атмосфера. В наиболее приподнятом настроении пребывал только Император Павел; он беззаботно беседовал с окружающими, сыпал остротами. Ещё в 1784 году в письме Н.И. Салтыкову Павел Петрович признался, что заметил одну особенность: когда его одолевает беззаботная весёлость, то всегда так бывает «перед печалью». Может быть, и в данном случае это являлось проявлением неосознанного предчувствия?

Возможно, радостное настроение Императора объяснялось и тем, что в тот вечер стол был сервирован новым сервизом, украшенным изображениями Михайловского замка. Павел I с восторгом разглядывал изображения и некоторые даже целовал. Существует утверждение, что он якобы назвал этот день «счастливейшим днём жизни», но за точность этого восклицания поручиться нельзя.

По окончании трапезы случился ещё один эпизод, в котором потом узрят вещей смысл. Император, встав из-за стола, остановился у огромного итальянского зеркала и, после краткого созерцания собственной фигуры, произнес: «Посмотрите, какое смешное зеркало; я вижу себя в нём с шеей на сторону». После Цареубийства в обществе циркулировало утверждение, что заговорщики «сломали Императору шею», т.е. шейные позвонки...

Ужин окончился около десяти вечера и, попрощавшись с сотрапезниками, Павел Петрович ещё имел беседу с лейб-медиком Гриве¹

¹ Именно Джеймсу Гриве 12 марта пришлось возглавить команду врачей и художников, которые пытались различными манипуляциями скрыть признаки насильственной смерти Императора Павла. Кто и в какой форме дал подобное поручение Гриве, не ясно.

о состоянии здоровья Х.А. Ливена (1774—1838), начальника военно-походной канцелярии — должность, соответствующая положению военного министра. Он уже более двух недель не исполнял дел, ссылаясь на недомогание. Павел I подозревал симуляцию, но врач, по поручению Монарха посетивший Ливена, заверил, что тот действительно болен. Однако история не осталась без последствий: около 11 вечера Император отправил к Ливену нарочного с запиской, где предлагалось тому сдать все дела генерал-адъютанту князю П.Г. Гагарину (мужу фаворитки А.П. Гагариной). Это было последнее повеление Императора Павла, которое уже не могло быть исполнено.

Около половины одиннадцатого вечера Павел Петрович удалился в свой кабинет-опочивальню, у дверей которой на страже стояли два гусара. Рядом, в чулане, размещался на ночь камердинер. Император спал раздевшись, в кальсонах и льняной ночной рубашке с длинными рукавами.

В это время в сторону Михайловского замка направлялось две колонны заговорщиков. Одну возглавлял Пален — она передвигалась по Невскому, а вторую — Беннигсен; она шла по набережной Невы от Летнего сада. Весь вечер заговорщики пировали у Талызина и у Зубовых, а для храбрости приняли немало спиртного, да так усердно, что некоторые, выйдя «на дело», были, что называется, пьяными в стельку. Но вожаки — Пален и Беннигсен — были абсолютно трезвы. Сколько точно человек насчитывала каждая группа — неизвестно, но Беннигсен потом рассказывал, что под его началом находилось около 60 человек.

Михайловский замок представлял прекрасно выстроенный для обороны объект. Толстые стены, закрывавшиеся решетками ворота, рвы с водой и подъемные мосты — всё это создавало непреодолимую преграду для неприятеля. Если к этому добавить военные караулы и пикеты по всему периметру замка и внутри его, то картина будет представляться угрожающей для любого, кто рискнул бы покуситься на царское убежище. Но давно известно: неприступные стены, грозные башни, кольца вооруженной охраны не спасают правителя, когда на жизнь покушаются «свои», изнутри. Самые же страшные предательства совершают только близкие, именно потому, что они — «свои».

Так случилось и в данном случае. Врагами Павла Петровича оказались те, кто словом и делом обязан был стоять на страже его благополучия и жизни, кто осыпан был благодеяниями Монарха, порой, как в случае с Паленом и Беннигсеном, выше всякой меры. Как мог предотвратить беду Павел Петрович, когда в сговоре со злодеями состоял его старший сын, наследник Престола!

Надо особо подчеркнуть, что, хотя вся история подготовки Цареубийства изобилует противоречиями и неясностями, но всё-таки самой затемнённой является история двух часов — от одиннадцати вечера 11 марта до часа ночи 12 марта, когда заговорщики подошли и, наконец, попали в Михайловский замок, где и осуществили страшное злодеяние. Сделанные потом признания — большей частью самооправдательные рассказы, в которых такие лица, как Пален и Беннигсен, постоянно путались. Сначала говорили и писали одно, потом «ретушировали», выщипывали новые детали и обстоятельства, которые противоречили ранее сказанному. Из этого потока словоблудия трудно выделить хронологически последовательные и непреложные факты. Сделать же это необходимо, хотя почти всегда перед такими утверждениями требуется ставить слово «якобы».

Ничего точно не известно о том, где пребывал Пален со своей ватагой до убийства Императора; он появился сразу же затем и уверял потом, что «заблудился». Существует не лишнее оснований предположение, что Пален находился рядом с покоями Александра Павловича, чтобы контролировать ситуацию вокруг претендента на Престол.

Беннигсен же со своей группой около полуночи попал в Михайловский замок из парка через Рождественские ворота, находившиеся с левой стороны от главного фасада, рядом с церковью. Поводырём здесь являлся дежурный адъютант Лейб-гвардии Преображенского полка и плац-майор Михайловского замка А.В. Аргамаков (1776—1833)¹, прекрасно осведомленный о расположении территории, внутренних помещений и караулах. От нижнего этажа в покои Императора в бельэтаже вела винтовая лестница, по которой заговорщики и поднялись, и перед дверьми опочивальни, как утверждал Беннигсен, «оказалось 12 человек». Остальные «запутали» в лабиринтах замка. Это утверждение кажется, по меньшей мере, странным, если учитывать, что лестница вела прямо к покоям Императора.

Затем началось непредвиденное. Два камер-гусара, стоявшие на посту вооруженными на площадке перед двойными дверьми опочивальни, категорически отказались пропускать дальше вооруженных людей. И Аргамаков, и Беннигсен, несмотря на свои должности и звания, ничего не могли поделать с верными стражами. Тогда один из гусаров по имени Пётр Кириллов получил удар саблей по голове и,

¹ Он приходился двоюродным братом декабристу М.А. Фонвизину (1787—1854).

обливаясь кровью, упал¹. Второй (имя его неизвестно) с криком «Императора убивают!» побежал по коридорам. С тем же криком бежал по коридорам Михайловского замка и перепуганный камердинер. Кто пытался убить Кириллова, осталось в точности не установленным; подобные «подвиги» участники злодеяния старались не расписывать. Подозрения в покушении на убийство безоружного человека падало на генерала и «светского жеребца» Ф.П. Уварова...

«Заминка» у первых дверей опочивальни привела к тому, что некоторые из заговорщиков, протрезвев, решили бежать и первым решил «испариться» Платон Зубов. Однако тут в дело вмешался генерал русской службы по должности, немец по происхождению и англичанин по подданству Левин-Август-Теофил (Леонтий Леонтьевич) Беннигсен. Он остановил «Платошу» зычным криком, и тот вернулся.

В опочивальню Царя ворвались Беннигсен, Николай и Платон Зубовы, полковник И.М. Татаринов, Я.М. Скарятин, Ф.П. Уваров, князь П.М. Волконский и ещё три молодых офицера, имена которых точно не установлены. Итак, десять человек оказались в личном апартаменте Императора. Надо думать, что толчея была страшная: спальня имела не более шести саженей в длину, т.е. около тринадцати метров.

Последующее действие, продолжавшееся по разным оценкам от пятнадцати до сорока минут, наполнено множеством противоречивых, взаимоисключающих утверждений. Здесь главные «показания» дал Беннигсен, бахвалившийся собственной омерзительной ролью не раз. В своих повествованиях Беннигсен постоянно стремился очернить Павла I, называл его «трусом», «человеком, потерявшим способность соображать». Негодяю мало было убийства; он и вослед Убиенному посылал свои инсинуации...

Самая распространённая версия, без всяких коррективов воспроизводимая по сию пору, сводится к следующему. Проснувшийся Монарх, «испугавшись шума и криков», решил бежать, но дверь в покои Марии Фёдоровны была «по его приказу заколочена», а потому он спрятался за каминной ширмой. Заговорщики, ворвавшись в спальню, увидели кровать пустой, и Николай Зубов прокричал: «Птичка улетела». Однако «проницательный» Беннигсен обнаружил спрятавшегося Императора за каминной ширмой и воскликнул: «Вот он!» Император стоял босой, в спальной рубашке и ночном колпаке.

¹ Гусар выздоровел и до конца своих дней находился на попечении Императрицы Марии Фёдоровны, проживая в Павловске.

В рассказе Беннигсена Ланжерону вся эта сцена наполнена похвалой и самолюбованием. «Подобно всем прочим, — повествовал Беннигсен, — я был в парадном мундире с лентой, в орденах, в шляпе со шпагой в руке». Генерал забыл упомянуть, что «ленту» и «ордена» он получил из рук Монарха, которого пришёл убивать.

Далее начиналось действие, похожее на плохую копию древнегреческой трагедии. Воспроизведём самый растиражированный вариант.

«Государь, Вы арестованы», — изрекает Беннигсен. Павел Петрович не достаивает Беннигсена ответом и обращается к Платону Zubову по-французски: «Что Вы делаете, Платон Александрович?» В ответ прозвучало: «Мы пришли от имени Отечества, чтобы умолять Ваше Величество отречься от Престола, потому, что Вы иногда страдаете помрачением рассудка. Ваша безопасность и подобающее содержание гарантируются Вашим сыном и государством». После окончания сего патетического монолога Zubов достал из кармана акт отречения и начал читать его. Однако читал он плохо, запинался и заикался и ему пришёл на выручку Беннигсен.

В это время в комнату ввалилась новая группа заговорщиков, уже из команды Палена, хотя самого предводителя всё ещё не было. Потом, как утверждал Беннигсен, Павел Петрович решил проложить себе дорогу «в покои Императрицы» (раньше Беннигсен же утверждал, что «двери были заколочены»), воскликнув по-русски: «Арестован! Что это значит — арестован?» Ему преградили путь, и началась «борьба». Последнее, что успел прокричать обречённый: «Что я вам сделал?» Но этот возглас не произвёл на присутствующих никакого впечатления.

В этот момент Беннигсен «покинул помещение», приказав молодому и дикому грузинскому князю полковнику В.М. Яшвилю (1764—1815) «сторожить Государя». Прошли какие-то мгновения, и всё было кончено. Императора убили. Смертельный удар в висок был нанесен графом Николаем Zubовым той самой золотой табакеркой — подарком «незабвенной матушки-Императрицы» Екатерины II. Если придерживаться мистических жизненных предопределений, то можно было бы заключить, что мать из преисподней послала свой смертельный удар ненавидимому сыну!

Увидевший покойного через пять дней после смерти Н.А. Саблуков вспоминал: «Я видел Государя на его парадной постели. Лицо его, хотя искусно накрашенное, было чёрное и синее; шляпа была

надета так, чтобы по возможности покрывать левый глаз и левый висок, которые были у него разбиты».

В существующих изложениях акта Цареубийства полно нарочитых неясностей и тенденциозных глупостей. Остановимся на некоторых деталях, имеющих принципиальное значение.

Откуда стало известно, что Император «решил бежать», тезис — безропотно принятый на веру многими историками? Это — утверждение Беннигсена. Понятно, что это домысел, причём весьма предвзятый. Не Император же ему о том поведал!

Такого же свойства и другой постулат: Павел Петрович «искал убежища» за каминной ширмой... В Петербурге циркулировал и другой рассказ, согласно которому Император встретил своих убийц, стоя у кровати, лицом к лицу. Но подобная мизансцена нарушала главный идеологический замысел цареубийц: изображать обречённого на смерть жалким, трусливым, никчёмным. «Лучшие люди нации» врываются в спальню «тирана», а тот, насмерть перепуганный, мечется по комнате шести аршинов в длину и ищет убежища, как какая-нибудь перепуганная салонная болонка. Так и только так надо было подавать публике данный сюжет. Так его часто по сию пору и «подают».

Возникает и недоумение, так сказать, чисто визуального свойства. Не известно, сохранилась ли та пресловутая каминная ширма из Михайловского замка, но многие другие сохранились. И любой желающий, посетив дворцы Царского Села, Павловска, Гатчины или Петербурга, легко может убедиться, что подобная деталь интерьера по своему размеру не может явиться «убежищем». Ребенок там еще может схорониться, да и то ненадолго, а взрослый человек, даже невысокого роста — никогда. Потому историю с каминной ширмой следует воспринимать как злонамеренный вымысел.

Такого же подозрительного свойства и история с «заколоченной дверью». Между личными покоями Императора и покоями Императрицы находился так называемый «полукруглый салон», куда и вела парадная дверь царской опочивальни. Вот что насочинял по этому поводу Беннигсен. Когда заговорщики вломились в спальню, то Император «мог бы пройти не через покои Императрицы, дверь в которые была заколочена по совету Палена, а через лестницу, которая вела в покои княгини Гагариной. Очевидно, он так испугался, что потерял способность соображать. Потому он спрятался за ширмой».

В спальне Императора находилась и вторая главная дверь, которая вела в библиотеку. Эта дверь выходила в широкий простенок, в кото-

ром имелось три выхода. Один вел собственно в библиотеку, другой, расположенный при выходе из спальни, направо, — в небольшое помещение для полковых знамён, а левый — на винтовую лестницу в нижний этаж Михайловского замка, где тоже находились апартаменты Императора. Эти выходы — в библиотеку и на первый этаж — пока заговорщики кричали и препирались в тамбуре с лейб-гусарами, были свободны. Если бы Император действительно собирался «бежать», то ему не составило бы труда воспользоваться именно данным путём, находившимся в двух шагах от кровати. Беннигсену это обстоятельство надо было как-то объяснить, и он придумал самое простое: Царь «потерял способность соображать».

Теперь ещё одна важная деталь трагической сцены убийства: история со второй, «заколоченной дверью». Пален утверждал, что он Императора одурачил искусственным нагнетанием страха: кругом опасные «якобинцы», которые рыщут ночами вокруг и около, чтобы совершить коварное нападение на Императора. Потому якобы Павел Петрович то ли за день, то ли за два до кончины повелел «заколотить дверь», ведущую в покои Императрицы. Этот «факт» подтвердил и Беннигсен. Но, как уже не раз говорилось, что подобные «свидетельства» давались людьми глубоко аморальными и полностью лживыми, то нет никаких оснований верить им на слово и в данном случае. Что же, Император ожидал «нападения» со стороны Марии Фёдоровны и её камеристок? Ведь другие же двери «заколочены» не были.

Если придерживаться взгляда, рождённого людьми вроде Панина, Палена и Беннигсена, что Император был «сумасшедшим», взгляда, который позже так легко был принят на веру такими биографами Павла Петровича, как А.Г. Брикнер, то тогда и сомнений не возникает. Ведь от «ненормального» можно ожидать любого сумасбродства. Если же опираться не на старые тенденциозные клише, а на реальные обстоятельства и аутентичные документы, никак не подтверждающие упомянутый «диагноз», то тогда все элементы растиражированной версии вызывают только недоверие.

Касательно пресловутой двери важно учитывать один психологический момент. Каждая деталь интерьера Михайловского замка внимательно обсуждалась и утверждалась лично Самодержцем. Двери, тем более главные, были важным элементом оформления помещений и варварски покуситься на красоту — «заколотить досками двери» — Император никогда бы не посмел. После убийства выяснилось, что злосчастная дверь в покои Марии Фёдоровны была всего лишь за-

крыта на ключ снаружи. Кем? Это уже другой вопрос, на который ответ теперь уже получить невозможно.

Вся история последних минут жизни Павла I навсегда окутана тайной. Рассказы, предложенные современникам и потомкам цареубийцами, наполнены таким количеством нелепостей и противоречий, что можно подумать, что все авторы повествований находились в бреду. Иногда просто диву можно даваться от богатства деталей и нюансов. Бытуют повествования, согласно которым у постели обречённого Монарха разгорелся настоящий «диспут», произошла какая-то «горячая дискуссия» с обличительными монологами, негодующими выкриками и чтением бумаг. Пересказывать все варианты этой «саги» нет никакого смысла. Ведь всё это иначе как попыткой самооправдать убийц назвать невозможно. Правду же боялись сказать, боялись потерять свой «общественный капитал», да муки совести, возможно, одолевали. Хотя последнее предположение вряд ли возможно отнести к таким людям, как Беннигсен или братья Зубовы, у которых её, совести, никогда и не было.

В реальности всё выглядело грязно и мерзко. Ворвалась ночью в покои Миропомазанника шайка, состоявшая из опьяневших от вина и одуревших от злобы людей, прокричала какие-то слова и совершила злодеяние. Конечно же, Император был потрясен. Наверное, из его уст прозвучали и восклицания. И всё. Затем Николай Зубов, этот «тупой бык», как назвал его генерал А.Ф. Ланжерон, проломил Самодержцу череп. Это и стало причиной смерти, того самого «апоплексического удара», как установили в тот же день придворные врачи. Манифест же о воцарении Александра I, составленный загодя Д.П. Троицким, без всяких медицинских «экспертиз» уже уверенно сообщает об «апоплексическом ударе».

Что происходило потом в спальне Императора, не поддаётся описанию. Это был какой-то сатанинский шабаш, в котором участвовали «освободители России от тирана», представители «лучших фамилий России», «благородные господа». Они измывались над телом Царя так, как не стал бы издеваться над телом жертвы никакой закоренелый каторжник, какой-нибудь «Ванька Крюк». Павла Петровича пинали, душили, избивали, волочили за волосы, били головой об пол. Ему сломали нос, шейные позвонки, ребра, выбили глаз...

Когда в комнату вернулся Беннигсен, предусмотрительно удалившийся на несколько минут «отдать приказания», то ему какой-то пьяный офицер отрапортовал: «Всё кончено!» Имя этого «верного Богу и Царю» служаки Беннигсен в своих рассказах не назвал, но

зато счёл необходимым сообщить, как он был «возмущён» и якобы произнёс перед пьяными подельниками назидательную речь: «Стойте, стойте!.. Господа, мы пришли сюда, чтобы спасти Отечество, а не для того, чтобы дать волю столь низкой мести». Наверное, этот монолог хорошо бы звучал со сцены, при постановке романтической трагедии, в обрамлении бутафорских средневековых декораций. В реальности же, перед окровавленным и изуродованным телом Самодержца, подобные слова, если они в действительности и прозвучали, выглядели кощунственно.

После «воспитательной» речи Беннигсена преступники стали один за другим «исчезать», и пока ещё все не разбежались, генерал приказал положить тело на кровать и позвать «художников и врачей», чтобы «привести его в порядок».

Уместно сказать, что кровать со следами крови на простынях, как и некоторые другие вещи той проклятой ночи — мундир и сапоги Императора Павла, снятые им в последний вечер, ширма, прикроватный коврик — потом Мария Фёдоровна перевезла к себе в Павловск. Личные вещи находились в моленной, где Вдовствующая Императрица проводила много часов, молясь за убитого супруга, Династию и Россию. После смерти в 1828 году Императрицы Марии кровать переместили в Гатчину, где эта мемориальная реликвия пребывала до самой революции 1917 года. При переоборудовании Михайловского замка под инженерное училище в спальне Павла I была устроена церковь, а на самом месте убийства воздвигли алтарь...

Заговорщиков, и первого среди них Палена, особо заботила одна тема: поведение членов Императорской Фамилии, и в первую очередь Императрицы Марии. Если Александр был бесхарактерным и излишне впечатлительным, мог сплеховать в последнюю минуту, но все-таки он — «свой», он «посвящён в дело». Мария же Фёдоровна совсем другая: у нее есть и воля и ум, и она может стать опасной конкуренткой при занятии Престола. Да и прецедент был: Екатерина в 1762 году стала же правительницей при живом сыне. Поэтому, когда Павла Петровича не стало, Пален, только на минутку забежал в спальню, а затем далее — к Александру, распорядившись, чтобы немедленно перед опочивальней Марии Фёдоровны был выставлен караул. Об этом же, чуть раньше, сделал распоряжение и Беннигсен.

Фактически в ту ночь Императрица Мария Фёдоровна была арестована, хотя приказ об этом отдал не новый Император, а такие люди, как Пален и Беннигсен, никаких прав на то не имевшие. Но, с

другой стороны, о каких «правах» вообще можно говорить, учитывая, что речь идёт о шайке негодяев.

Существует несколько версий того, как Марии Фёдоровне стало известно о гибели Павла Петровича и как она себя вела в первые часы после получения сокрушительного известия. Надежных документальных свидетельств тут мало, и некоторые возникли через многие годы после события. Великий князь Николай Михайлович, со ссылкой на признания Беннигсена, написал, что «после кончины мужа и первого порыва отчаяния Мария Фёдоровна явно хотела взять бразды правления». Однако ни сам Николай Михайлович, ни другие историки это самое «явное» доказательствами подтвердить и не смогли.

Спустя четверть века после катастрофы 11 марта 1801 года Великий князь Константин Павловича рассказал генералу А.Ф. Ланжерону следующее. Он в ту ночь мирно спал¹ и «через час после кончины отца» в «комнату вошел пьяный Платон Зубов». Он начал бесцеремонно стягивать с Великого князя одеяло и «дерзко» сказал: «Вставайте, идите к Императору Александру, он Вас ждёт!» Второй сын Императора Павла с трудом соображал и подумал, что всё это он видит во сне. Но то был не сон, а горькая явь. Наскоро одевшись, Константин отправился в апартаменты Александра Павловича. Там он увидел картину, достойную воспроизведения.

«Вхожу в переднюю моего брата, застаю там толпу офицеров, очень шумливых, сильно разгоряченных, и Уварова, пьяного, как и они, сидящего на мраморном столе, свесив ноги. В гостиной моего брата я нахожу его лежащим на диване в слезах, как и Императрица Елизавета. Только тогда я узнал об убийстве моего отца. Я был до такой степени поражён этим ударом, что сначала мне представилось, что это был заговор извне против всех нас. В эту минуту пришли доложить моему брату о претензиях моей матери. Он воскликнул: “Боже мой, ещё этого не хватало!” Он приказал Палену пойти убедить её и заставить отказаться от идей, по меньшей мере, странных и весьма неуместных в подобную минуту».

Из данного рассказа можно вывести два заключения. Во-первых, Пален находился рядом с Александром. Во-вторых, именно ему было поручено идти и «образумить» Марию Фёдоровну. Кто же принёс Александру Павловичу весть о претензиях Марии Фёдоровны?

¹ Комнаты Константина Павловича находились, как и покой Павла Петровича, в бельэтаже Михайловского замка, только с противоположной, восточной стороны.

Графиня В.Н. Головина, очевидно, со слов Беннигсена, с которым Головины «дружили домами», описала ход событий в опочивальне Императрицы. «Мария Фёдоровна проснулась и узнала про эту ужасную катастрофу. Она побежала в покои своего супруга, но Беннигсен не пустил её. “Как Вы смеете меня останавливать, — кричала она. — Вы забыли, что я коронована, и что это я должна царствовать”. Сцена выглядит странно: женщина, только узнавшая о кончине супруга, которого, безусловно, любила, озабочена только своими властными преимуществами.

Далее Головина привела монолог Беннигсена: «Ваш сын, Ваше Величество, объявлен Императором, и я действую по его приказу. Пройдите в помещение рядом; я извещу Вас, когда будет нужно». После этих слов значит: «Императрица была заперта Беннигсеном вместе с графиней Ливен в соседней комнате, где и находилась более часа. В это время гримировали лицо несчастного Императора, чтобы скрыть нанесённые ему раны».

Одно из двух: или Беннигсен действительно получил устный приказ Александра Павловича «изолировать» матушку, или действовал по своему усмотрению, без всякого повеления. Второе предположение представляется более реальным. Заговорщики боялись вторжения Марии Фёдоровны в ситуацию и арестовали её на то время, пока происходила присяга новому Императору войск и караула, находящихся в замке и вокруг него. А чтобы запугать Александра, придумали ход с «претензиями». Александр Павлович не только всю жизнь боялся отца, но и всегда внутренне трепетал в присутствии матери; она подавляла его силой характера и нравственной бескомпромиссностью. Он не захотел её видеть в самый трагический момент и её, и своей жизни.

Весть о смерти Павла Петровича Марии Фёдоровне принёс не старший сын, а по расхожей версии — графиня Ливен. Александр Павлович боялся встречи с матерью, и, если бы то было в его власти, вообще бы с ней никогда не встретился. Через два часа после Цареубийства, около двух часов ночи, Александр Павлович отбыл в Зимний Дворец. Новый Император фактически бежал из Михайловского замка, где находилось истерзанное тело отца, которое он не хотел видеть, и где пребывала убитая горем мать.

По словам обер-штальмейстера С.И. Муханова (1762—1842), находившегося 12 и 13 марта рядом с Марией Фёдоровной, она было «бледная, холодная, наподобие статуи». Её допустили к телу супруга только через восемь часов после кончины Павла Петровича! Она

с первого мгновения была уверена, что Павла Петровича убили и, когда увидела уродливо загримированное лицо супруга на кровати в спальне, то последние сомнения отпали. Её хотели обмануть, шептали слова об «апоплексическом ударе», но она воочию узрела, что это был за «удар».

По воспоминаниям Фридерики Клюгель, она спала в соседней комнате вместе с драгоценностями Марии Фёдоровны и, когда услышала шум и крики, подумала — пожар. Страх пожара владел воображением Императора Павла, и эти страхи передались и многим другим обитателям Михайловского замка. Первым делом Клюгель спрятала бриллианты в особый секретный шкаф, а затем выбежала в коридор и, увидев у служебной лестницы истопника, спросила: «Где огонь?» — «Какой огонь, — был ответ. — Меня разбудили криком, что Император выбросился в окно и убили!» Услышав такое, Клюгель решила, что истопник пьян. Тогда она посмотрела в комнату Марии Фёдоровны, которая оказалась пустой, и побежала по коридору в комнаты Императора.

Спальню Павла Петровича и Марии Фёдоровны разделяли три комнаты, но этот путь предназначался исключительно для Царствующих Особ. Пройти можно было и по коридору, но этот путь был значительно длиннее. Перед дверью царской опочивальни Клюгель натолкнулась на толпу «очень бледных» офицеров. (Беннигсен и Пален назначили тридцать человек для охраны подступов к спальне Павла Петровича!) Один из них сказал Клюгель: «Император скончался от апоплексического удара». И далее верная камер-фрау заметила: «Мысль о том, что его убили, нам не приходила в голову, все думали о пожаре».

В воспоминаниях А.О. Смирнова-Россет (1809—1882) запечатлён рассказ о событиях той злопамятной ночи камер-фрау Императрицы Марии Фёдоровны мисс Кеннеди. Верная «Сара Ивановна» спала в одной комнате с Императрицей, и, когда после полуночи в коридоре раздался шум, а затем сильный стук в дверь, то госпожа и её «комнатная девушка» проснулись и первоначально решили, что это — пожар. Накануне сон подобного рода приснился Императору Павлу, и разговоры о возможности пожара велись постоянно.

Далее по тексту: «Кеннеди подала пеньюар и обула её, Императрица сказала ей: “Надо предупредить Клюгель и пойти к Императору” и велела открыть дверь. Часовой остановил её, заградив дверь штыком, преградив ей путь и сказал: “Берегитесь, Ваше Величество”. Дюжина заговорщиков была перед дверью, и солдат думал, что они пришли убить Императрицу, ибо у них был такой возбуждённый вид. Один из них (Пален) сейчас же объявил ей, что Император мёртв, ей стало дурно,

один из офицеров (Яшвиль) бросился за водой, часовой встал между нею и заговорщиками. В тот момент, когда граф Пален подал стакан воды Кеннеди, поддерживавшую Императрицу, часовой отодвинул графа рукою, схватил и сам опустошил стакан и вскрикнул: «Вы убили нашего Императора, Вы способны умертвить и Императрицу!».

Бесхитростные рассказы камеристок Императрицы Клягель и Кеннеди, несмотря на неточности, вызванные давностью события (воспоминания записывались почти через три десятка лет), всё-таки внушают куда больше доверия именно в силу своей бесхитростности, чем красочные мелодраматические картины, оставленные потомкам цареубийцами или их симпатизантами. Примечательная деталь: сохранилось имя того гренадёра, который стоял на страже опочивальни Марии Фёдоровны, — Перекрестов. Потом Мария Фёдоровна взяла его к себе в Павловск, где впоследствии он доживал свои дни на пенсию от хозяйки Павловска. Он неизменно пользовался уважением вдовы Императора Павла, которая говорила окружающим, что «очень обязана этому человеку». Очевидно, Мария Фёдоровна считала, что этому простому солдату она обязана своей жизнью и что цареубийцы могли без колебаний расправиться и с ней...

Беннигсен и Пален, которых ненавидела Мария Фёдоровна, и которую, в свою очередь они так же страстно ненавидели, распространяли сплетни, касавшиеся поведения её в первые часы и дни после Цареубийства. Они оклеветали убитого Императора, а теперь старались всеми силами опорочить и Вдовствующую Императрицу. Потому пошли гулять по свету и запечатлевались на страницах разных сочинений всякие истории, где Мария Фёдоровна предстала истеричной и взбалмошной. Беннигсен, например, повествовал, как она кричала о своих правах, рвалась в спальню супруга, целовала колени охраняющих солдат и руки самого Беннигсена, умоляла его начать служить ей и прочее, прочее, прочее. Все эти «исторические реминисценции» стоят немногого.

Существует письмо невестки Марии Фёдоровны, с 12 марта 1801 года — Императрицы Елизаветы Алексеевны, которое она написала своей матери маркграфине Баденской. Оно датировано 13 марта, т.е. написано через день после Цареубийства. Это единственный непосредственно привязанный к событию документ, но документ весьма специфический. Невестка не любила свекровь, и это плохо скрываемое чувство, сквозит во всех её оценках и суждениях, касающихся Марии Фёдоровны. Из письма нельзя узнать о подлинном ходе событий — в основном это рассказ о личных чувствах и переживаниях.

Елизавета не сообщает, по какой причине она отправилась к свекрови вскоре после получения известия о кончине Императора Павла. В её изложении дело выглядело следующим образом.

Ей сообщил о гибели Павла Петровича супруг Александр Павлович, который вскоре отбыл в Зимний Дворец «в надежде увлечь за собой народ; он не знал, что делал, думал найти в этом облегчение». Затем Елизавета говорит, что она «поднялась к Императрице; она ещё спала, однако воспитательница её дочерей пошла подготовить её к ужасному известию»¹. Далее в тексте значатся следующие слова: «Императрица сошла ко мне с помутившимся разумом, и мы провели с нею всю ночь следующим образом: она — перед закрытой дверью, ведущей на потайную лестницу, разглагольствуя с солдатами, не пропуская к телу Государя, осыпая ругательствами офицеров, нас, прибежавшего доктора, словом всех, кто к ней подходил (она была как в бреду, и это понятно)».

Это какой-то путанный и местами просто несуразный текст. Куда Императрица «сошла», если они находились в соседнем с опочивальней Павла Петровича зале, что значит «разглагольствовала» и почему Елизавета «провела с ней всю ночь», хотя это — неправда? Вообще из этого письма «очевидца» напрашиваются два вывода. Во-первых, Елизавета Алексеевна имела явное нерасположение к свекрови. Во-вторых, она сама была достойна только сочувствия и сострадания, так как ей, такой романтической и возвышенной, явно через силу приходилось находиться в обществе человека «с помутившимся разумом».

Невозможно не сказать об одной оговорке, допущенной Елизаветой Алексеевной в самом начале послания. Сообщая о реакции Александра Павловича на известие о гибели Императора Павла, она написала, что он был «совершенно подавлен смертью своего отца», но тут же уточнила: не смертью как таковой, а именно сопутствующими «обстоятельствами».

Точно известно следующее: с первых минут царствования Александра Павловича и его самого, и ту камарилью, которая окружила молодого Императора, заботило одно: как добиться присяги Вдовствующей Императрицы. Она наотрез отказалась присягать и признать нового Императора, пока не увидит тело своего супруга. Это искреннее и понятное желание истолковывалось в том смысле, что Императрица Мария «надеялась» получить Корону. Инсинуаторы, конечно же, человеческие, нравственные и христианские принципы

¹ Тут имеется в виду графиня Шарлотта Ливен; по одной из версий, именно она стала для Марии Фёдоровны вестником трагедии.

и установки в расчёт не принимали. Они сами руководствовались исключительно злобой и корыстью и полагали, что и все остальные люди никаких иных жизненных установок не имеют.

Между семью и восьмью часами утра 12 марта Марии Фёдоровне было дозволено пройти к телу супруга. Вся эта сцена описывается со слов Беннигсена, который даже в деталях пытался умалить и опорочить поведение Вдовствующей Императрицы. Спальню Императора Павла и Марии Фёдоровны разделяло три зала, и во время прохода по ним Императрица села на стул и произнесла: «Боже, помоги мне!» В этом царевубийца Беннигсен увидел почему-то «театральную сцену»...

Вдову Императора Павла сопровождали дочери — пятнадцатилетняя Екатерина и тринадцатилетняя Мария, лейб-медик Роджерсон, графиня Ливен, две камер-фрау, лакей и пресловутый Беннигсен. Войдя в спальню и увидев облаченное в мундир Преображенского полка, лежащее на кровати тело Павла Петровича, Мария Фёдоровна громко вскрикнула, упала на колени, поцеловала руку Павла и произнесла: «Ах, друг мой!» Затем, всё ещё стоя на коленях, она потребовала ножницы и отрезала прядь волос с головы Императора. Поднявшись, обратилась к дочерям: «Проститесь с отцом!» Дочери, вслед за матерью, упали на колени, начали целовать руку отца, при этом обе чуть не лишились чувств.

Когда они поднялись и печальная процессия двинулась в обратный путь, то Мария Фёдоровна неожиданно для всех резко повернулась, упала на колени перед кроватью, обняла тело усопшего и произнесла: «Я хочу быть последней!» После этих слов показалось, что Мария Фёдоровна потеряла сознание. Роджерсон и Беннигсен с трудом оторвали несчастную вдову от покойного и сопроводили в её апартаменты. Там она облачилась в траур и больше его уже не снимала. Вскоре сообщили, что поданы кареты для следования в Зимний Дворец, где в 9 часов была назначена присяга новому Императору.

Мария Фёдоровна ещё не раз увидит тело своего «дорогого друга» — Павла; она будет приходить и одна, и вместе с детьми, в том числе и Императором Александром. 17 марта тело покойного было перенесено из опочивальни в большой парадный зал Михайловского замка, окна которого находились над главными воротами.

Мария Фёдоровна 12 марта не хотела никуда уезжать из Михайловского замка. Однако долг члена Династии не позволял руководствоваться личными чувствами и желаниями. В 10 часов утра кортеж придворных экипажей отъехал от дворца. В первой карете находилась Мария Фёдоровна — бледная, «как мрамор», величественная, но безутешная в своём горе, которое ей, как позже выразилась, навсегда «разбило сердце»...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

После гибели Павла I при Дворе был объявлен годичный траур и учреждена похоронная («печальная») комиссия во главе с тайным советником князем Н.Б. Юсуповым. Доступ в Михайловский замок был открыт всем желающим, и множество людей пришли проститься с Самодержцем, имя которого совсем недавно одним внушало трепет и ужас, а у других вызывало почитание и восхищение. Статистика прощальных дней оказалась для России неслыханной. В первый день там побывало более 11 тысяч человек, потом — 19 тысяч, потом — 21 тысяча. И это при трехсоттысячном населении Петербурга!

Погребение состоялось 23 марта 1801 года, на исходе дня. Похороны были обставлены со всей имперской пышностью. Император Александр шел пешком за гробом в длинной траурной мантии, в широкополой шляпе с черным обрамлением. За ним шествовала Императорская Фамилия, за исключением Императрицы Марии Фёдоровны, следовавшей в экипаже. Императрица Елизавета Алексеевна, сославшись на болезнь, на похоронах не присутствовала...

Офицер в правление Императора Павла, ставший при Александре I шефом тайной полиции, Я.И. де Санглен (1776—1864) в мемуарах, написанных на закате жизни, заключал: «Краткое царствование Павла Первого замечательно тем, что он сорвал маску со всего прежнего фантазмагорического мира, произвел на свет новые идеи и новые представления. С величайшими познаниями и строгою справедливостью Павел Петрович был рыцарем времён прошедших. Он научил нас и народ, что различие сословий ничтожно». Время и обстоятельства текущего времени меняли представления о прошедшем; де Санглен в молодости симпатизировал тем, кто умертвил «тирана», но в конце жизни пересмотрел свои наивные представления.

Преемник Павла I на Престоле Государства Российского постоянно ощущал свою вину за злодеяние, учиненное 11 марта 1801 года.

Александр I не мог избавиться от угрызений совести всю свою жизнь. Потому после его смерти пошли гулять по свету легендарные сказания о загадочном старце «Фёдоре Кузьмиче», в образе которого некоторым чудился «замаливающий грехи» и «ушедший в опрощение» Император Александр Павлович. Однако не существует ни малейших серьёзных оснований видеть в этом мифе хоть какие-то признаки подлинного хода событий.

В последние годы жизни Александр Павлович не раз сетовал на свою судьбу, совершал паломничества по святым обителям, часами молился. Когда же узнал, что среди офицеров гвардии зреет новый заговор, то произнес сакраментальное: «Не мне карать», — и своей бездеятельностью фактически проложил дорогу к мятежу на Сенатской площади в декабре 1825 года¹. Заговор, тогда переросший в публичное вооруженное выступление, направлен был уже не против отдельного владетельного лица, но — против всей Династии.

На пышных коронационных торжествах Александра I в Москве в сентябре 1801 года присутствовал весь цвет русского общества, как и те, которые являлись только «залётными птицами» этого мира. Одной из них была таинственная мадам Каролина де Боней, появившаяся в Петербурге в мае 1800 года. Происхождение её было туманно, — некоторые утверждали, что она — дочь парижского мусорщика, хотя имела манеры вполне светские. Мадам была умна, образованна и остроумна, а такие качества открывали двери аристократических дворцов. Став приятельницей мадам Шевалье, её начали принимать в «лучших домах» Петербурга. Заезжая парижская гастролёрша быстро добилась в столице Империи «блестящей партии», сделавшись любовницей всеильного в тот период графа Ф.В. Ростопчина. Истинная же роль её в петербургском свете до сего дня не ясна. Известно только, что её удостоил приёма Император Павел, хотя многие уверенно говорили, что она — шпионка Наполеона.

В данном случае всё эти подробности не имеют существенного значения; важно совсем другое. После коронации Александра I, очевидцем которой указанная особа являлась, она написала своему

---

¹ О заговоре сообщил 1 мая 1821 года командир Отдельного гвардейского корпуса князь И.В. Васильчиков (1776—1847), а начальник штаба Отдельного гвардейского корпуса А.Х. Бенкендорф (1783—1844) составил специальную «Записку» о заговоре, с перечислением имен всех заговорщиков. Эта записка преспокойно хранилась в письменном столе Императора Александра до самой его кончины.

«другу» министру полиции Наполеона Жозефу Фуше (1759—1820) слова, навсегда ставшие исторической эпитафией Императора Александра I: «Я видела его выходящим из Кремля. Впереди шагали убийцы его деда, рядом с ним — убийцы отца, а позади его — собственные убийцы!»

Мадам ошиблась только в одном: «убийцы Александра», которых олицетворяли будущие декабристы, тогда в большинстве своем ещё были слишком юными, в процессии не шествовали. Правда, там занимали места отцы некоторых из них. Повзрослевшие дети своих отцов начали вынашивать план нового царевубийства, который создавался по лекалам Палена — Беннигсена. Намечалось же выступление на 12 марта 1826 года — двадцатипятилетие вступления на Престол Александра «Благословенного»¹. Проведение было милостиво, избавив Царя и Россию от нового страшного злодеяния. Император Александр Павлович мирно почил в Таганроге 19 ноября 1825 года.

В дневнике А.С. Пушкина за 17 марта 1834 года записано, что «покойный Государь (Александр I. — А. Б.) окружён был убийцами его отца... Государь, ныне царствующий, первый у нас имел право и возможность казнить царевубийц...».

Платон Зубов сразу же за царевубийством публично провозгласил, что никто из участников «не будет наказан». Много написано и сказано о том, что Александр Павлович ненавидел убийц отца своего. Некоторые были изгнаны и навсегда удалены с глаз — Панин, Пален; другие продолжали сохранять чины, ордена и положение. Самый вопиющий случай — А.А. Беннигсен. Когда на встрече в Тильзите с Наполеоном летом 1807 года Русский Царь заметил, что «Император французов» оказывает знаки внимания генералу Беннигсену, то в сердцах произнёс уничижительный монолог: «Он гнусный негодяй, это человек, который убил моего отца; лишь политика заставляла и

¹ Интересная тема о преемственности в дворянских семьях традиции царевубийства применительно к декабристам совершенно не разработана. Даже поверхностное ознакомление с именами участников мятежа 1825 года сразу же обнаруживает прямую родовую связь с кругом царевубийц марта 1801 года. И там, и там фигурируют представители одних и тех же дворянских кланов: князей Белосельских-Белозерских, Волконских, Вяземских, Гагариных, Долгоруких, графов Зубовых и Толстых, Бибиковых, Мордвиновых, Полторацких и других. В некоторых случаях обнаруживаются самые тесные фамильные узы между поколениями. Так, сыновья активных участников заговора 1801 года А.И. Депрерадовича и Я.Ф. Скарятин имели отношение и к событиям декабря 1825 года...

заставляет меня использовать его, несмотря на то, что я предпочёл бы видеть его мертвым, и я имею намерение скоро послать в такое место, где смогу посмотреть, как он отправится на тот свет». Император, как часто бывало, лукавил.

«Негодий» Беннигсен не только не был отлучён от должностей, но и играл в военной кампании 1812 года влиятельную роль. Он был определён начальником штаба при Главнокомандующем М.И. Кутузове и регулярно писал доносы на своего начальника. В 1813 году Беннигсен «за особые заслуги» награждён был графским титулом, командовал Второй армией. Только в 1818 году активный участник царевубийства Беннигсен получил отставку...

Взойдя на Престол в декабре 1825 года, третий сын Павла Петровича, Николай Павлович, тоже не стал судить царевубийц. Во-первых, время минуло очень много — четверть века; кто-то из царевубийц был в могиле, кто-то стал дряхлым и больным. Но главное заключалось не в этом. Николай I прекрасно понимал, что любое судебное разбирательство, любое самое скрытое расследование неизбежно может поднять факты и документы, способные замарать и дискредитировать старшего брата — Александра Павловича. Делать же этого Монарх категорически не мог.

В то же время Николай I питал нежные чувства по отношению к отцу, хотя собственных воспоминаний почти не осталось: ему в марте 1801 года еще не исполнилось и пяти лет. Но кое-что цепкая детская память всё-таки сохранила. Существуют собственноручно написанные записки о детстве Императора Николая I, относящиеся к 30-м годам XIX века. В них немало места уделено отцу. Николай Павлович воссоздавал эпизоды и сцены, запечатлившиеся в памяти навсегда. Все эти описания пронизаны искренней теплотой и неподдельной любовью. В ряду этих реминисценций примечателен один случай, происшедший в Михайловском замке.

«Однажды вечером, — вспоминал Николай I, — был концерт в большой столовой; мы находились у матушки; мой отец уже ушел, и мы смотрели в замочную скважину, потом поднялись к себе и принялись за обычные игры. Михаил, которому было тогда три года, играл в углу один в стороне от нас; англичанки, удивленные тем, что он не принимал участие в наших играх, обратили внимание и задали ему вопрос: что он делает? Он, не колеблясь, ответил: «Я хороню своего отца!» Как ни малозначащими должны были казаться такие слова в устах ребёнка, они тем не менее испугали нянек. Ему, само собой

разумеется, запретили эту игру... На следующее утро моего отца не стало»¹. Подытоживая рассказ, Император заметил: «То, что я здесь говорю, есть действительный факт».

Николай Павлович не знал ни подробностей заговора и убийства своего отца, ни многих печальных страниц его жизни. Будучи джентльменом, он, исполняя волю матери, умершей в 1828 году, сжег, не читая, её подробные дневники. Надо думать, они заключали немало важных сведений, и все они были безвозвратно потеряны.

Через несколько лет после воцарения Николаю I совершенно случайно стали известны некоторые подробности первого брака отца, связь его супруги Наталии Алексеевны с графом А.К. Разумовским и рождением ею от графа мёртвого ребенка. Весь этот ужас произвел на Самодержца удручающее впечатление. Разумовского, которого знал лично, назвал «мерзавцем». Судьба же Павла I ничего, кроме сочувственного сострадания, вызвать не могла. «Бедный мой отец, ему нужно было всё испытать на этом свете!» — только и мог произнести Николай Павлович. Ему было больно за отца, стыдно и тяжело от сознания того, что подробности отцовской биографии являлись темой пересудов в свете. Невзирая на свои огромные властные полномочия, он, Самодержец Всероссийский, ничего с этим поделать не мог...

Павла I похоронили в Петропавловском соборе в Страстную Субботу. Этот факт произвел на православных сильное впечатление и утвердил представление: погибший Царь получил от Бога прославление. Ибо считалось, что «Христу сопогребённые — воскреснут с Христом». Началось почитание убиенного Самодержца тем более удивительное, что подробности его гибели были совершенно скрыты. Зато получило широкое распространение пророчество легендарного монаха Авеля, которое расходилось во множестве и изустно, и в письменных текстах. Вот один из вариантов предсказания, услышанного Императором Павлом из уст благочестивого монаха.

«Коротко будет царствование твое, и вижу я, грешный, лютый твой конец... Мученическую кончину приемишь, в опочивальне своей удушен будешь злодеями, коих греешь ты на Царственной груди своей... Они же, злодеи сии, стремясь оправдать свой великий грех цареубийства, возгласят тебя безумным, будут поносить добрую память твою. Но народ русский правдивой душой своей поймёт и

¹ Если быть хронологически совершенно точным, то уместно предположить, что описанная сцена имела место 10 марта, когда в Михайловском замке состоялась последний концерт.

оценит тебя, и к гробнице понесёт скорби свои, прося заступничества и умягчения сердец судей неправедных и жестоких».

Как свидетельствует изустное предание, Император был потрясён предсказанием, а военный губернатор граф Пален приказал заточить Авеля в Петропавловскую крепость «за возмущение душевного спокойствия Его Величества»...

Гробница Императора Павла в Петропавловском соборе постепенно стала местом молитвенного поклонения. Люди шли постоянно, зажигали свечи, молились, заказывали панихиды по Убиенному. Это паломничество беспокоило официальных лиц. По распоряжению Синода причту собора вменялось в обязанность записывать имена всех, кто заказывает службы по Павлу I. Однако подобная регистрация паломнический энтузиазм не остановила. Считалось, что молитва Павлу Петровичу о заступничестве избавляет от служебных неприятной и жизненных напастей.

С конца XIX века по благословию тогдашнего настоятеля собора отца Александра (Дернова) начали собирать свидетельства небесного заступничества «Царя-Мученика», о которых поведали богомольцы у могилы Императора. Набралось множество подобных доказательств. В 1916 году была издана брошюра «Венок на гробницу Императора Павла I», в которой говорилось о многих доказательствах помощи Божией людям «в разных тяжелых жизненных обстоятельствах, — особенно в делах тяжёлых и судебных, — при явно наносимых обидах со стороны сильных слабым»¹.

Товарищ (заместитель) обер-прокурора Синода в 1916—1917 годах князь Н.Д. Жевахов (1876—1938) написал потом: «Отношение Императора Павла I к Церкви было таково, что только революция 1917 года прервала работы по его канонизации, однако сознанием русского народа Император Павел давно уже причислен к лику святых. Дивные знамения благоволения Божия к Праведнику, творимые Промыслом Господним у его гробницы, в последние годы перед революцией не только привлекли толпы верующих в Петропавловский собор, но и побудили причт издать целую книгу знамений и чудес Божиих, изливаемых на верующих молитвами Благоверного Императора Павла I».

Революция прервала не только «работы по канонизации» Императора Павла; она разрушила весь уклад жизни России. Распалась

¹ Вишняков В. Венок на гробницу Императора Павла I. Пг., 1916. Репринт — СПб., 1991.

связь времён. Исчезло мерцание свечей из Петропавловского собора, который перестал быть храмом Божиим, превратившись в казенный «музей». Но русская память не оскудела, не исчезла. В эмиграции продолжалось молитвенное почитание Императора Павла. Широко распространена была следующая молитва, ныне доступная и всем гражданам современной России.

«Упокой, Господи, душу убиенного раба Твоего Императора Павла и его молитвами даруй нам в дни сии лукавые и страшные в делах мудрость, в страданиях кротость и душам нашим спасение Твое. Призри, Господи, на верного Твоего молитвенника, за сирых, убогих и обездоленных Императора Павла и, по молитвам его святым, подай, Господи, скорую и верную помощь просящим через него у Тебя, Боже наш. Аминь»...

ПРИЛОЖЕНИЕ

Воспоминания генерала Н.А. Саблукова

Предисловие

Генерал Н.А. Саблуков (1776—1848) — один из тех, кому довелось близко наблюдать жизнь Императора Павла Петровича. Он — сын Александра Александровича Саблукова (1749—1828) от брака с Екатериной Андреевой, урождённой Волковой. Записанный в гвардию с малолетства, Николай Александрович получил прекрасное образование, а служить начал на семнадцатом году жизни, в 1792 году в Лейб-гвардии Конногвардейском полку, в котором оставался все годы правления Императора Павла.

Не входя в число «гатчинцев» и не имея сколько-нибудь влиятельных связей при Дворе, Саблуков не только благополучно пережил все превратности Павловского царствования, но ему удалось сделать карьеру, которую можно назвать блестящей. В 1800 году он в звании полковника стал командиром эскадрона полка; позже получил звание генерал-майора.

О том, в какой степени он пользовался доверием в Царской Семье, свидетельствует эпизод, происшедший уже после убийства Павла I. Когда Императрица Мария Фёдоровна пожелала переехать на постоянное жительство в Павловск, то на вопрос, какое подразделение гвардии она бы желала при себе иметь, ответила, не задумываясь: «Только эскадрон Саблукова».

С большой долей вероятности можно предположить, что убийство Императора — Помазанника Божия — тяжело подействовало на Саблукова, который в конце 1801 года выходит в отставку и уезжает из России. В совершенстве владея несколькими языками — английским, французским и немецким, отставной конногвардеец путешествует по Европе. Там он влюбляется в мисс Юлиану Ангерштейн — дочь английского антикара и коллекционера Джона Юлиуса Ангерштей-

на, собрание которого из 38 полотен стало в 1824 году основой Национальной галереи в Лондоне. В 1803 году Саблуков женится на Юлиане и обосновывается в Англии.

В 1806 году Саблуков возвращается в Россию и поступает на службу в Адмиралтейств-коллегию. Через три года опять выходит в отставку, уезжает в Англию, но с началом войны с Наполеоном — он снова в России и принимает участие в военной кампании. Затем Саблуков снова уезжает в Англию и появляется на Родине только изредка, от случая к случаю. Умер он в Петербурге в 1848 году от холеры.

Записки Саблукова впервые вышли в свет на английском языке и напечатаны в 1865 году в журнале «Fraser's Magazine for Town and Country» (август — сентябрь) под заглавием. «Воспоминания о Дворе и временах Российского Императора Павла I до периода его кончины. Из бумаг умершего русского генерала». Краткое извлечение из труда Саблукова в 1866 году было сделано во французском журнале «Revue Moderne». В обоих случаях имя мемуариста названо не было.

На русском языке «Записки» эти появились в извлечении в московском журнале «Русский Архив» в 1869 году. Здесь уже впервые было обнародовано и имя автора: генерал-майор Николай Александрович Саблуков. Однако по цензурным соображениям история царевубийства была исключена из текста; официальная версия об «апоплексическом ударе» все ещё являлась неколебимой. Полный текст воспоминаний появился на русском языке в 1907 году в документальном сборнике «Царевубийство 11 марта 1801», выпущенном в свет издательством А.С. Суворина. Отдельным изданием сочинение Н.А. Саблукова вышло в 1911 году¹.

Воспоминания Н.А. Саблукова особо примечательны в двух отношениях. Во-первых, автор по долгу службы стоял близко к Самодержцу и имел возможность наблюдать его характер, его нрав, поведение в обыденных обстоятельствах. Им приведена серия зарисовок высказываний и поступков Павла I. Это особо ценная часть данного сочинения.

Во-вторых, Саблуков ни в какой форме не участвовал в заговоре на жизнь Государя и его категорически не принимал. Трудно удержаться от предположения, что если бы верный гвардеец оказался на пути преступной шайки, рвавшейся в опочивальню Царя с намерением лишить его жизни, то встал бы на пути, невзирая на угрозу собственной

¹ Последнее издание вышло под названием: «Записки генерала Н.А. Саблукова о временах Императора Павла I и о кончине этого Государя». М.: Фонд «Преображение», 2002.

жизни. Эта преданность, эта верность Богоустановленному миропорядку делает повествование Саблукова надежным источником, при том, что у него наличествуют критические соображения по поводу правления Павла Петровича.

Самая сильная и надёжная часть повествования генерала — описание последнего акта монархической драмы, развернувшейся в Михайловском замке в ночь с 11 на 12 марта 1801 года. Как написал автор, его главное желание — «сказать правду, одну только правду». Намерение своё он исполнил. Детали рокового события воспроизведены им с максимальной тщательностью, полностью удостоверяемой иными свидетельствами и документами.

В воспоминаниях Саблукова можно выделить как бы два сюжетно-тематических потока. Первый — личные наблюдения, эмпирические зарисовки и личностные характеристики. Это самая интересная и важная часть сочинения. Второй — это, так сказать, «пена» светских суждений и умозаключений, которым отдана щедрая дань в сочинении генерала. Однако, при всём том, автору здесь не изменяет чувство меры: он не опускается до «психопатологического диагноза», до всех тех параноидальных видений, которые властвовали над умами многих современников, а затем стали «азбучными истинами» на страницах различных сочинений. Павел Петрович в воспоминаниях Саблукова — импульсивный, порывистый, но — честный и благородный человек.

Исходной матрицей для всех русскоязычных публикаций книги А.Н. Саблукова является английский текст; рукописного авторского оригинала никто никогда не видел. В литературе существует неясное упоминание о том, что в эмиграции, в Париже, герцог А.Г. Лейхтенбергский (1881—1942) — внук Императора Николая I — рассказывал в узком кругу, что в молодости он видел в библиотеке Зимнего Дворца вариант воспоминаний Саблукова на французском языке. Если это соответствует действительности, то можно предположить, что Саблуков написал данный вариант своих воспоминаний специально для Императора Николая I, всегда чрезвычайно трепетно относившегося к истории своего рода и неизменно почитавшего убиенного отца — Императора Павла I. Но всё это из области отвлечённых гаданий, так как, насколько известно, французский вариант воспоминаний Саблукова по сей день не обнаружен.

Что же касается английского варианта воспоминаний, то их тоже никто не видел. Считается, что книгу Саблуков завершил за несколько

лет до своей смерти. Что было далее — от даты смерти в 1848 году до публикации в 1865 году — всё это покрыто мраком неизвестности. Кто хранил, кто передавал издателю, по какому принципу — неизвестно. И самое главное: насколько авторский вариант соответствовал опубликованному тексту. Нет нужды доказывать общеизвестное: рукопись и текст книги далеко не всегда и во всём идентичны даже при живом авторе. Что же говорить о том, когда сочинителя давно нет в живых. Тут возможны любые «коррективы» авторского замысла и «вивисекции» первичного материала.

Подобные манипуляции были вполне возможны, учитывая ту атмосферу русофобии, в которой английское общество пребывало ещё с 30-х годов XIX века, и принявшей откровенно болезненные формы в период Крымской войны (1853—1856) и в последующие годы. Россия — «монстр», «угроза цивилизации», «левиафан, стремящийся к мировому господству». Журнал «Fraser's Magazine» не принадлежал к числу специальных изданий; его читал английский обыватель, уверенный, что он живет в самой благополучной, наилучшей стране мира. Все же, кто угрожает этому благополучию — а тут Россия неизменно выдвигалась на первое место, — враги, варвары, чудовища во плоти. Потому и править там могут только жестокие, глупые, умалишённые деспоты. Вот тут-то книга Саблукова и могла прийти весьма кстати. Ведь это свидетельство не просто «русского», а — «русского генерала».

Конечно, ничего уверенно утверждать нельзя, но некоторые детали и штрихи в публикации подобные мысли невольно навевают. Если, так сказать, в общеисторической части встречаются пассажи самого критического свойства, то в её фактической части подобные умозаключения никак не подтверждаются. Это — явная несуразность. Вторая, ещё более нарочитая — истории с «английским следом» в подготовке заговора против Императора.

В мае 1800 года за антирусские инспирации английский посол в Петербурге Чарльз Витворт (Уитворт) был выдворен из России. Это стало первостатейной светской сенсацией; об этом тогда говорил «весь Петербург». У Саблукова же по этому поводу приведён какой-то туманный текст. Так и не ясно, сам ли он затемнил эту историю, или издатели журнала потом «причесали», чтобы не бросать тень на благопристойный образ Британии...

Если же оставить в стороне все вышеприведённые оговорки и замечания, то нельзя не признать, что воспоминания генерала

Н.А. Саблукова — один из лучших и достовернейших документов эпохи Императора Павла, позволяющий почувствовать её аромат, её неповторимую оригинальность во всех сложных перипетиях, надломах, разрывах и устремлениях. Потому данное произведение и стоит прочитать.

*Александр Боханов,
доктор исторических наук*

Глава I

Вступление. Двор Великого князя. Е.И. Нелидова. Путешествие графа и графини Северных. Гатчина. Кончина Екатерины. Первые дни нового царствования. Мероприятия Павла. Суд над Князем Сибирским. Новые Люди. Кутайсов. Оболянинов. Кологривов. Котлубицкий. Великие князья. Аракчеев. Его портрет. Ростопчин. Женский персонал Двора.

На днях мне пришлось перечитывать «Историю России» Левека¹, в которой говорится о разногласии в мнениях, существующих до настоящего времени относительно Ажедмитрия, причем меня особенно поразила скудость сведений об этой замечательной эпохе в смысле показаний современников и очевидцев. А между тем сам Левек утверждает, что такие показания имеют чрезвычайную важность для истории, так как одни только очевидцы могут засвидетельствовать правдивость тех или других исторических фактов.

Я сам был очевидцем главнейших событий, происходивших в царствование Императора Павла I. Во все это время я состоял при дворе этого Государя и имел полную возможность узнать всё, что там происходит, не говоря уж о том, что я лично был знаком с самим Императором и со всеми членами Императорского Дома, равно как и со всеми влиятельными личностями того времени. Все это вместе взятое и побудило меня записать всё то, что я помню о событиях этой знаменательной эпохи, в надежде, что таким образом, быть может, прольется новый свет на характер Павла I, человека, во всяком случае, незаурядного.

¹ Левек Пьер-Шарль (1737—1812) — французский историк, по рекомендации Дидро был приглашен Екатериной II преподавателем в кадетский корпус, где оставался до 1780 года. Его «История России», вышедшая в начале 80-х годов XVIII века в Париже, сделала его имя знаменитым.

Смею думать, что читатель не поставит мне в вину, если в течение этого повествования мне не раз придется говорить о себе лично, про многих из моих друзей и про полк, в котором я служил. Подробности эти я привожу лишь как доказательство правдивости моего повествования, которая только и может придать настоящий интерес этому рассказу.

В эпоху вступления на престол Императора Павла I мне было двадцать лет, и я был в чине подпоручика Конной гвардии, прослужив перед тем в том же полку два года унтер-офицером и четыре года в офицерском чине¹.

Перед тем я много путешествовал за границей и был представлен ко многим дворам как в Германии, так и в Италии, вследствие чего много вращался в высшем обществе как в России, так и в чужих краях. Отец мой держал открытый дом, в котором собирались запросто многие министры и дипломаты, вследствие чего, несмотря на мою молодость, я уже достаточно был подготовлен к пониманию текущих политических событий. К этому надо прибавить, что, будучи вообще хорошо знаком с несколькими иностранными языками, я живо интересовался политическими вопросами и с особенным вниманием читал газеты.

Теперь я сделаю небольшое отступление и буду говорить о времени, непосредственно предшествовавшем вступлению на престол Павла, так как сведения о том, что тогда происходило, послужат к объяснению многих последующих событий, которые иначе было бы трудно понять.

В качестве Великого князя Павел Петрович имел великолепные апартаменты в Зимнем Дворце, а также во дворце Царскосельском. Здесь происходили их выходы и приемы, и тут же они давали пышные обеды, вечера и балы, оказывая постоянно чрезвычайную любезность своим гостям. Все высшие чины их двора, равно как и прислуга, принадлежали к штату Императрицы, поочередно в течение недели дежурили в обоих дворцах, причем все издержки уплачивались из Кабинета Ее Величества. В этих приемах своего сына Императрица Екатерина обыкновенно весьма милостиво сама принимала участие и после первого выхода радушно присоединялась к обществу, не допуская обычного этикета, установленного при Ее собственном Дворе.

---

¹ Будучи унтер-офицером, я был ординарцем у фельдмаршала графа Салтыкова, дежурил у него через неделю и обязан был в это время всюду сопровождать его. Таким образом, мне приходилось часто бывать с его свитой в прихожей Императрицы Екатерины II. — *Примеч. автора.*

С внешней стороны Великий князь постоянно оказывал своей матери величайшее уважение, хотя все хорошо знали, что он не разделял тех чувств любви, благодарности и удивления, которые русский народ питал к этой монархине¹. Великая княгиня, его супруга, однако же любила Екатерину как нежная дочь, и привязанность эта была вполне взаимная. Дети Павла, юные Великие князья и Великие княжны, воспитывались под надзором их бабки-Императрицы, которая во всех случаях советовалась с их матерью².

Кроме названных апартаментов, у Великого князя был еще очень удобный дворец — Каменноостровский, расположенный на одном из островов на Неве. Здесь Великий князь и его супруга также давали избранному обществу весьма веселые празднества, на которых происходили так называемые *jeux d'esprit* (игры ума), театральные представления, словом, все то, что придумали остроумие и любезность старого французского двора. Сама Великая княгиня была чрезвычайно красивая женщина, весьма скромная в обращении, а по мнению некоторых, даже излишне степенная, даже до того, что казалась суровой и скучной, насколько могли ее сделать таковой добродетель и этикет. Павел, напротив, был полон жизни, остроумия и юмора и всегда особенно отличал своим вниманием тех, которые блистали теми же качествами.

Самой яркой звездой на придворном горизонте была молодая девушка, которую пожаловали фрейлиной в уважение превосходных дарований, выказанных ею во время ее воспитания в Смольном монастыре: ее звали Екатерина Нелидова. По наружности она представляла полную противоположность с Великой княгиней, которая была белокура, высокого роста, склонна к полноте и очень близорука. Нелидова же была маленькая, смуглая, с темными волосами, блестящими черными глазами, с лицом, исполненным выразительности. Она танцевала с необыкновенным изяществом и живостью, разговор ее при совершенной скромности отличался изумительным остроумием и блеском.

Павел недолго оставался равнодушным к стольким прелестям. Впрочем, надо заметить, что Великий князь отнюдь не был человеком безнравственным, напротив того, он был добродетелен как по

¹ Типичное дворянское миропредставление, отождествляющее свои корпоративные пристрастия с интересами «народа».

² Генералы Протасов и Сакен были воспитателями Великих князей, а баронесса Ливен — гувернанткой Великих княжон и доверенным другом их матери. — *Примеч. автора.*

убеждению, так и по намерениям. Он ненавидел распутство, был искренне привязан к своей прелестной супруге и не мог себе представить, чтобы какая-нибудь интриганка могла когда-либо увлечь его до того, чтобы влюбить в себя без памяти. Поэтому он свободно предался тому, что считал чисто платонической связью, и это было началом его странностей.

Императрица Екатерина, зная человеческое сердце несравненно лучше, чем ее сын, была глубоко огорчена за свою невестку. Она вскоре послала сына путешествовать вместе с супругой и отдала самые строгие приказания, дабы не щадить денег, чтобы сделать эту прогулку по Европе столь же блистательной, сколь интересной, как этого только можно достигнуть при помощи влияния на Дворы, которые им придется посетить. Путешествовали они инкогнито, под именем графа и графини Северных, и хорошо известно, что остроумие графа, красота графини и обходительность обоих оставили самое благоприятное впечатление в странах, которые они посетили.

Не следует думать, что раннее воспитание Великого князя Павла было небрежно; напротив того, Екатерина употребила все, что в человеческих силах, чтобы дать сыну воспитание, которое сделало бы его способным и достойным царствовать над обширной Российской Империей. Граф Н.И. Панин, один из знаменитейших государственных людей своего времени, пользовавшийся уважением как в России, так и за границей, за свою честность, высокую нравственность, искреннее благочестие и отличное образование, был воспитателем Павла.

Кроме того, Великий князь имел лучших наставников того времени, в числе которых были и иностранцы, пользовавшиеся почетной известностью в литературном мире. Особенное внимание было обращено на религиозное воспитание Великого князя, который до самой своей смерти отличался набожностью. Еще до настоящего времени показывают места, на которых Павел имел обыкновение стоять на коленях, погруженный в молитву и часто обливаясь слезами. Паркет положительно протерт в этих местах¹.

Граф Панин состоял членом нескольких масонских лож, и Великий князь был также введен в некоторые из них. Словом, было сделано все, что только возможно для физического, нравственного и умственного развития Великого князя. Павел был одним из лучших

¹ Офицерская караульная комната, в которой мне приходилось сидеть во время моих дежурств в Гатчине, находилась рядом с частным кабинетом Павла, и я часто слышал вздохи Императора во время его молитвы. — *Примеч. автора.*

наездников своего времени и с раннего возраста отличался на каруселях. Он знал в совершенстве языки славянский, русский, французский и немецкий, имел некоторые сведения в латинском, был хорошо знаком с историей, географией и математикой, говорил и писал весьма свободно и правильно на упомянутых языках.

В деле воспитания Великого князя два помощника главным образом содействовали графу Панину: капитан флота Сергей Плещеев и уроженец города Страсбурга барон Николаи. Плещеев прежде служил в английском флоте, был отличным офицером, человеком широко образованным и особенным знатоком русской литературы. Барон Николаи был вообще человек ученый, живший сначала в Страсбурге и написавший несколько научных трудов. Оба эти лица сопровождали Великого князя во время его путешествия за границу, и впоследствии Плещеев издал книгу под заглавием «*Les voyages du Comte et de la Comtesse du Nord*»¹. Оба остались близкими и влиятельными людьми при Императоре Павле до самой его кончины.

В Вене, Неаполе и Париже Павел проникся теми высоко аристократическими идеями и вкусами, которые, не будучи согласны с духом времени, довели его впоследствии до больших крайностей в его стремлении поддержать нравы и обычаи старого режима в такое время, когда Французская революция сметала все подобное с Европейского континента. Но как ни пагубны были эти влияния для чуткой и восприимчивой души Павла, вред, причиненный ими, ничто в сравнении с влиянием, которое произвели на него в Берлине прусская дисциплина, выправка, мундиры, шляпы, кивера и т.п., — словом, все, что имело какое-либо отношение к Фридриху Великому. Павел подражал Фридриху в одежде, в походке, в посадке на лошади. Потсдам, Сансуси, Берлин преследовали его подобно кошмару. К счастью для Павла и для России, он не заразился бездушной философией этого монарха и его упорным безбожием. Но этого Павел не мог переварить, и, хотя враг насеял много плевел, доброе семя все-таки удержалось.

Но чтобы вернуться к эпохе, которая непосредственно предшествовала восшествию Павла на престол, я должен упомянуть о том, что кроме дворца на Каменном Острове он имел еще великолепный дворец и имение в Гатчине, в 24 верстах от Царского Села. К Гатчине были приписаны обширные земли и несколько деревень. Супруга Великого князя имела такое же имение в Павловске с обширными парками и богатыми деревнями. Этот дворец находился всего в трех

¹ «Путешествие графа и графини дю Нор».

верстах от Царского Села. В этих двух имениях Великий князь и его супруга обыкновенно проводили большую часть года одни, имея лишь дежурного камергера и гофмаршала. Здесь Великий князь и Великая княгиня обыкновенно не принимали никого, исключая лиц особо приглашенных. Скоро, однако же, и здесь стала появляться Екатерина Ивановна Нелидова и вскоре сделалась приятельницей Великой княгини, оставаясь в то же время платоническим кумиром Павла. Как в Гатчине, так и в Павловске строго соблюдались костюм, этикет, обычаи французского двора.

Отец мой в то время был во главе Государственного казначейства и в его обязанности, между прочим, входило выдавать Их Высочествам их четвертное жалованье и лично принимать от них расписку в счетную книгу казначейства. Во время поездок, которые он совершал для этой цели в Гатчину и в Павловск, я иногда сопровождал его и живо помню то странное впечатление, которое производило на меня все то, что я здесь видел и слышал. Все было как бы в другом государстве, особенно в Гатчине, где был выстроен форштадт, напоминавший мелкие германские города. Эта слобода имела заставы, казармы, конюшни, и все строения были точь-в-точь такие, как в Пруссии. Что касается войск, здесь расположенных, то можно было побиться об заклад, что они только что пришли из Берлина.

Здесь я должен объяснить, каким образом Великий князь задумал сформировать в Гатчине эту курьезную маленькую армию. Когда Павел был еще очень молод, Императрица, пожелавшая дать ему громкий титул, не сопряженный, однако, с каким-либо трудом или ответственностью, пожаловала его генерал-адмиралом Российского флота; впоследствии он был назначен шефом превосходного Кирасирского полка, с которым прослужил одну кампанию против шведов, причем имел честь видеть, как над головой его пролетали пушечные ядра во время одной стычки с неприятелем. Поселившись в Гатчине в качестве генерал-адмирала, Великий князь потребовал себе батальон морских солдат с несколькими орудиями, а как шеф кирасиров — эскадрон этого полка, с тем чтобы образовать гарнизон города Гатчины.

Оба желания Великого князя были исполнены, и таким образом положено начало пресловутой «Гатчинской армии», впоследствии причинившей столько неудовольствий и вреда всей стране. В Гатчине, кроме того, на небольшом озере находилось несколько лодок, оснащенных и вооруженных наподобие военных кораблей, с офицерами

и матросами — и это учреждение впоследствии приобрело большое значение.

Батальон и эскадрон были разделены на мелкие отряды, из которых каждый изображал полк Императорской гвардии. Все они были одеты в темно-зеленые мундиры и во всех отношениях напоминали собой прусских солдат.

Русская пехота в это время носила светло-зеленые мундиры, кавалерия — синие, а артиллерия — красные. Покрой этих мундиров не походил на мундиры других европейских армий, но был прекрасно приспособлен к климату и обычаям России. Русские войска всех родов оружия покрыли себя славой в войнах против турок, шведов и поляков и справедливо гордились своими подвигами. Подобно всяким другим войскам они гордились и мундирами, в которых пожинали эти лавры, и это заставляло их смотреть с отвращением на гатчинское обмундирование.

Гатчинские моряки также носили темно-зеленое сукно, между тем как мундир всего Русского флота был белый, установленный еще самим Петром Великим, и это изменение также возбуждало неудовольствие. Во всех гатчинских войсках офицерские должности были заняты людьми низкого происхождения, так как ни один порядочный человек не хотел служить в этих полках, где господствовала грубая прусская дисциплина. Я уже упомянул выше, что двор Великого князя состоял отчасти из лиц, служивших при дворе Императрицы, так что все происходившее в Гатчине тотчас делалось известным при Большом Дворе и в публике, и будущая судьба России подвергалась свободному обсуждению и не совсем умеренной критике.

Но, с другой стороны, Великий князь был восходящим светилом, и, конечно, нашлось немало услужливых людей, которые передавали ему о невыгодном впечатлении, которое некоторые его распоряжения производили при Дворе Императрицы: распоряжения, которые, однако, он считал крайне важными. Ему доносили также и о многих злоупотреблениях, действительно существовавших в разных отраслях управления. С другой стороны, мягкость и материнский характер управления Екатерины ему изображали в самом невыгодном свете. Вспыльчивый по природе и горячий, Павел был крайне раздражен отстранением от престола, который, согласно обычаю посещенных им иностранных дворов, он считал принадлежащим ему по праву. Вскоре сделалось общеизвестным, что Великий князь с каждым днем все нетерпеливее и резче порицает правительственную систему своей матери.

Екатерина между тем становилась стара и немощна, и недавно у нее был легкий припадок паралича, после которого она не поправилась вполне. Она искренно любила Россию и пользовалась искренней любовью народа. Екатерина не могла думать без страха о том, что великое государство, столь быстро выдвинутое ею на путь благоденствия и славы, останется без всяких гарантий прочного существования, особенно в такое время, когда Франция распространяла революционную заразу и Комитет общественной безопасности заставлял дрожать на престолах почти всех монархов Европы и потрясал старинные учреждения в самых их основаниях.

Екатерина уже сделала многое для конституционного развития своей страны, и если бы ей удалось убедить Павла сделаться государем конституционным, то она умерла бы спокойно, не опасаясь за будущее России. Мнения, вкусы и привычки делали такие надежды совершенно тщетными, и достоверно известно, что в последние годы царствования Екатерины между ее ближайшими советниками было решено, что Павел будет устранен от престолонаследия, если он откажется присягнуть конституции уже начертанной, в каком-то строе был бы назначен наследником его сын, Александр, с условием, чтобы он соблюдал новую конституцию¹.

Слово «конституция», столь часто здесь упоминаемое, не должно быть понимаемо в обычном, слишком тесном, смысле парламентского представительства, еще менее в смысле демократической формы правления. Оно обозначает не более как великую хартию, благодаря которой верховная власть Императора перестала бы быть самодержавной.

Слухи о подобном намерении ходили беспрестанно, хотя еще не было известно ничего достоверного. Втихомолку, однако, говорили, что 1 января 1797 года должен быть обнародован весьма важный Манифест и в то же время было замечено, что Великий князь Павел стал реже появляться при Дворе, и то лишь в торжественные приемы, и что он все более оказывает пристрастия к своим опрусаченным войскам и ко всем своим гатчинским учреждениям.

Мы, офицеры, часто смеялись между собой над гатчинцами. В 1795—1796 годах я был за границей и, проведя несколько недель в Берлине, порядочно ознакомился с прусской выправкой. По возвращении моем домой мои товарищи часто заставляли меня подражать или, вернее, передразнивать прусских офицеров и солдат. В то время

¹ Разговоры о «конституции» никак не были подтверждены; это всего лишь столичные слухи, которых тогда циркулировало немало.

мы и не помышляли, что скоро все будем обречены на прусскую обмундировку, выправку и дисциплину. Впоследствии оказалось, что знание этих подробностей сослужило мне большую услугу.

Ознакомив вкратце читателя с положением дел в Петербурге и Гатчине, я буду продолжать свое повествование. По возвращении моем из заграничного путешествия в 1796 году я часто посещал дом некой г-жи Загряжской, светской дамы, чрезвычайно умной и любезной. Племянница ее, Васильчикова, была только что сговорена с графом Кочубеем и потому вечера ее стали интимнее и менее людны. Я был одним из немногих, которых, однако, продолжали приглашать в дом, куда мы собирались играть в лото-дофин и другие игры.

В четверг, 6 ноября 1796 года, я прибыл по обыкновению к Загряжским. К семи часам вечера на столе было приготовлено лото, и я предложил себя, чтобы первому вынимать номера. Г-жа Загряжская отвечала более холодным тоном, чем обыкновенно: «Хорошо», и я начал игру. Играющие, однако, думали, по-видимому, о чем-то другом, так что я даже слегка пожурил их за то, что они не отмечают номеров.

Между тем г-жа Загряжская вдруг отозвала меня в сторону и сказала:

— Вы необычный человек, Саблуков.

— В чем же, мадам?

— Стало быть, Вы ни о чем не знаете?

— А что надо знать?

— Как же, с Императрицей случился апоплексический удар, и считают, что она умерла...

Я чуть не свалился с ног и так побледнел, что г-жа Загряжская очень встревожилась за меня. Как только я пришел в себя, побежал с лестницы, бросился в мой экипаж и отправился в дом моего отца. Оказалось, что он уже уехал в Сенат, куда его вызвали. Катастрофа действительно совершилась, сомнений быть не могло. Екатерина скончалась.

Александр Муханов, капитан Конной гвардии, который на следующее утро должен был жениться на моей сестре Наталье, также уехал из дому и отправился в казармы нашего полка, куда поспешил и я.

По дороге мне попадались люди разного звания, которые шли пешком или ехали в санях и каретах и все куда-то спешили. Некоторые из них останавливали на улице своих знакомых и со слезами на глазах высказывали свое горе по поводу случившегося. Можно было думать, что у каждого русского умерла нежно любимая мать.

Князь Платон Зубов, последний любимец Екатерины и ее первый министр, немедленно отправил в Гатчину своего брата графа Николая Зубова, имевшего звание шталмейстера, с тем чтобы сообщить Великому князю Павлу о кончине его матери. Сенат и Синод были в сборе и все войска столицы под ружьем в ожидании Манифеста. Граф Безбородко в качестве старшего из статс-секретарей находился в кабинете покойной Императрицы, прочие же статс-секретари и высшие чины Двора собрались во дворце в ожидании прибытия Великого князя.

Вскоре вернулся граф Зубов с известием о скором прибытии Павла. Площадь перед дворцом была наполнена народом, и около полуночи прибыл Великий князь. В течение ночи был составлен Манифест, в котором оповещалось для всеобщего сведения о кончине Императрицы Екатерины и о вступлении на престол Императора Павла I. Акт этот был также прочитан в Сенате, и была принесена обычная присяга.

Нельзя выразить словами ту скорбь, которую испытывал каждый офицер и солдат Конной гвардии, когда в нашем полку прочтен был этот Манифест. Весь полк буквально был в слезах, многие рыдали, словно потеряли близкого родственника или лучшего друга. То же самое происходило и в других полках, и таким же образом выразилась и всеобщая печаль народа в приходских церквях.

Рано утром 7 ноября наш командир майор Васильчиков отдал приказ, чтобы на следующее утро все офицеры явились на парад перед Зимним дворцом; назначенный же туда караул от нашего полка был осмотрен нашим майором самым тщательным образом. Между тем в течение ночи выпал глубокий снег, а к утру настала оттепель и пошел мелкий дождь. И всем нам было крайне неприятно идти вслед за нашим конным отрядом от казарм до Дворца, около трех английских миль, в лучших наших мундирах, синих с золотом, в парадных шляпах с дорогим плюмажем, увязая в глубоком снегу, лежавшем по дороге.

Это не было хорошим предзнаменованием для нового царствования и нового порядка вещей. Едва мы дошли до дворцовой площади, как уже нам было сообщено множество новых распоряжений. Начать с того, что отныне ни один офицер ни под каким предлогом не имел права являться куда бы то ни было иначе как в мундире; а надо заметить, что наша форма была очень нарядна, дорога и неудобна для постоянного ношения. Далее нам сообщали, что офицерам вообще воспрещено ездить в закрытых экипажах, а дозволяется только

ездить верхом, или в санях, или в дрожках. Кроме того, был издан ряд полицейских распоряжений, предписывавших всем обывателям носить пудру, косичку или гарбейтель и запрещающих ношение круглых шляп, сапог с отворотами, длинных панталон, а также завязок на башмаках и чулках, вместо которых предписывалось носить пряжки. Волосы должны были зачесываться назад, а отнюдь не на лоб; экипажам и пешеходам велено было останавливаться при встрече с Высочайшими Особами, и те, кто сидел в экипажах, должны были выходить из оных, дабы отдать поклон Августейшим лицам. Утром 8 ноября 1796 года значительно ранее 9 часов утра усердная столичная полиция успела уже обнародовать все эти правила.

Мы также слышали о курьезных вещах, происшедших во Дворце с прибытием нового Императора. Говорили, что он вместе с графом Безбородко деятельно занимался жжением бумаг и документов в кабинете покойной Императрицы, что Павел имеет вид очень сумрачный и с нетерпением ожидает прибытия своих собственных войск из Гатчины. Естественно, все эти слухи не могли нам быть приятны, особенно после счастливого времени, проведенного нами при Екатерине, царствование которой отличалось милостивой снисходительностью ко всему, что только не носило характера преступления.

Но вот пробило, наконец, десять часов и началась ужасная сутолока. Появились новые лица, новые сановники. Но как они были одеты! Невзирая на всю нашу печаль по Императрице, мы едва могли удержаться от смеха, настолько все нами виденное напоминало шутовской маскарад. Великие Князья Александр и Константин Павловичи появились в своих гатчинских мундирах, напоминая собой старинные портреты прусских офицеров, выскочившие из своих рамок.

Ровно в 11 часов вышел сам Император в Преображенском мундире нового покроя. Он кланялся, отдувался и пыхтел, пока проходила мимо него гвардия, пожимая плечами и качая головой в знак неудовольствия. После этого он велел подать свою лошадь Помпону. В то же время ему доложили, что «Гатчинская армия» приближается к заставе, и Его Величество тотчас поскакал ей навстречу. Приблизительно через час Император вернулся во главе этих войск. Сам он ехал перед тем гатчинским отрядом, который ему угодно было называть преображенцами; Великие князья Александр и Константин также ехали во главе Семеновского и Измайловского полков. Император был в восторге от этих войск и выставлял их перед нами как образцы совершенства, которым мы должны были подражать слепо. Их знаменам была отдана честь обычным образом, после чего их отнесли

во Дворец, сами же Гатчинские войска в качестве представителей соответствующих гвардейских полков были включены в них и размещены по их казармам.

Так закончилось утро первого дня нового царствования Павла Первого.

Мы все вернулись домой, получив строгое приказание не оставлять своих казарм, и вскоре затем новые пришельцы из Гатчинского гарнизона были представлены нам. Но что это были за офицеры! Что за странные лица! Какие манеры! И как странно они говорили! Это были по большей части малороссы. Легко представить себе впечатление, которое произвели эти грубые бурбоны на общество, состоявшее из ста тридцати двух офицеров, принадлежавших к лучшим семьям русского дворянства. Все новые порядки и новые мундиры подверглись строгой критике и почти всеобщему осуждению. Вскоре, однако, мы убедились, что о каждом слове, произнесенном нами, доносилось куда следует. Какая грустная перемена для полка, который издавна славился своей порядочностью, товариществом и единодушием!

Мы получили приказание обмундироваться как можно скорее согласно новым предписаниям. Новый «походный» мундир был кирпичного цвета, а вицмундир — кирпичного цвета и квакерского покроя. Мне удалось достать этого сукна и сшить себе вицмундир, и на другое утро я явился в новой форме, передразнивая гатчинцев à *su méprendre*¹, вследствие чего майор немедленно назначил меня в этот день в караул. Будучи, как я уже упомянул, хорошо знаком с прусской выправкой, я усвоил себе с большой легкостью первые уроки наших гатчинских наставников, а в одиннадцать часов, во время парада, так отличился, что Император подъехал ко мне, чтобы меня похвалить, и, проходя несколько раз в течение дня мимо моего караула во Дворце, он всегда останавливался, чтобы заговорить со мной.

Никогда не забуду я этого дня и ночи, проведенных мной в карауле во Дворце. Что это была за суета, что за беготня вверх и вниз, взад и вперед! Какие странные костюмы! Какие противоречивые слухи! Императорское Семейство то входило в комнату, в которой лежало тело покойной Императрицы, то выходило из оной. Одни плакали и рыдали о понесенной потере, другие самонадеянно улыбались в ожидании получить хорошие места. Я должен, однако же, признаться, что число последних было невелико. Император, как говорят, еще

¹ На редкость похоже (*пер. с франц.*).

был занят разбором и уничтожением бумаг с графом Безбородко. Ходили также слухи, что за графом Алексеем Орловым был послан нарочный, что вслед за обнародованием церемониала о погребении Императрицы тело Петра III, находящееся в Невской Лавре, будет вынута из могилы, перенесено во Дворец и поставлено рядом с телом Екатерины.

Для того чтобы понять причины, побудившие Императора Павла сделать такое распоряжение, надо вспомнить, что Петр III, желая вступить в брак со своей любовницей графиней Воронцовой, намеревался объявить Императрицу Екатерину виновной в прелюбодеянии и сына ее Павла незаконным. С этой целью мать и сын должны были быть заключены в Шлиссельбургскую крепость на всю жизнь¹. Об этом уже был изготовлен Манифест и только накануне его обнародования и арестования матери и сына начался переворот. Следствием этого события было, как известно, провозглашение Екатерины царствующей Императрицей и публичное отречение Петра III от престола, о чем им был подписан формальный документ. После этого Петр III удалился в Ропшу, где и умер спустя шесть дней, по мнению одних, вследствие геморроидальных припадков, по мнению же других, он был задушен в кровати². Тело его было торжественно выставлено для публички в течение шести дней, но так как он ранее отрекся от престола и умер уже не царствующим Императором, то и был погребен в Невском монастыре, а не в Петропавловском соборе, который служит усыпальницей русских императоров, начиная от Петра Великого³.

Все эти события засвидетельствованы документами, хранящимися в архивах, и были хорошо известны многим лицам, в то время еще живым, которые были их очевидцами. Поэтому Император Павел считал полезным перенести прах отца из Невской Лавры в Петропавловский собор, желая этим положить предел слухам, которые ходили на его счет, а так как граф Алексей Орлов был одним из главных участников в перевороте, совершенном в пользу Екатерины, то ему повелено было прибыть в Петербург для участия в погребальном шествии.

¹ Сплетня, которую распространяли клеветы Екатерины II; никого «манифеста» не существовало в природе.

² По прошествии нескольких десятков лет Саблуков то ли не знал подробности убийства Петра III, что весьма удивительно, то ли не хотел их оглашать.

³ Расхожее столичное утверждение с целью обелить Екатерину и низвести свергнутого Императора на уровень обычного смертного, притом что он оставался мужем Екатерины II.

Многие уверяли, будто бы причина вызова Орлова заключалась в том, что он был предполагаемым убийцей Петра III: но это несправедливо. Если уже были виновники этого злодеяния, то это должны были быть Пассек¹ и князь Федор Барятинский, под охраной которых Петр III был оставлен в Ропше. Во всяком случае, это не был Орлов, так как его не было в комнате во время смерти Императора. По тому способу, которым Павел обошелся с Алексеем Орловым и говорил с ним несколько раз во время похоронной церемонии (чему я сам был очевидцем), я убежден, что Император не считал его лично виновником убийства, хотя он, конечно, смотрел на него как на одного из главных оставшихся в живых деятелей переворота, возведшего на престол Екатерину и спасшего ее и самого Павла от пожизненного заключения в Шлиссельбурге, где еще доньше можно видеть приготовленное для них помещение.

В эпоху кончины Екатерины и вступления на престол Павла Петербург был, несомненно, одной из красивейших столиц в Европе, исключая, быть может, Парижа и Лондона, которых я в то время не видел и потому не мог судить о них. Как по внешнему великолепию, так и по внутренней роскоши и изяществу вкуса ничто не могло сравниться с Петербургом в 1796 году: таково было, по крайней мере, мнение всех знаменитых иностранцев, посещавших в то время Россию, и которые проводили там многие месяцы, очарованные веселостью, радушием, гостеприимством и общительностью, которые Екатерина с особенным умением проявляла во всей империи.

Внезапная перемена, произошедшая с внешней стороны в этой столице в течение нескольких дней, просто невероятна. Так как полицейские мероприятия должны были исполняться со всевозможной поспешностью, то метаморфоза совершилась чрезвычайно быстро и Петербург перестал быть похожим на современную столицу, приняв скучный вид маленького немецкого города за два или за три столетия тому назад. К несчастью, перемена эта не ограничилась одной внешней стороной города: не только экипажи, платья, шляпы, сапоги и прическа подчинены были регламенту, самый дух жителей был подвержен угнетению. Это проявление деспотизма, выразившееся в самых повседневных, банальных обстоятельствах, сделалось особенно тягостным ввиду того, что оно явилось продолжением эпохи сравнительно широкой личной свободы.

---

¹ Пассек Пётр Богданович (1736—1804) — генерал-аншеф, Белорусский генерал-губернатор, один из активных участников переворота 1762 года.

Всеобщее неудовольствие стало высказываться отдельными лицами в разговорах, в семьях, среди друзей и знакомых и приняло характер злобы дня. Чем более, однако, оно высказывалось, тем энергичнее становилась деятельность тайной полиции. Офицеры нашего полка, который, как я уже упомянул, пользовался столь высокой репутацией порядочности и благородства, сделались предметом особого наблюдения, и малейшая ошибка во время парада наказывалась арестом. В царствование Екатерины арест, как мера наказания для офицера, применялся только в исключительных, серьезных случаях, так как он влек за собой военный суд (court-martial), и офицер, который был арестован за наказание, обыкновенно должен был выходить из полка. Таков был вопрос чести в Екатерининское время.

Не то было теперь, когда Павел всюду ввел гатчинскую дисциплину. Он смотрел на арест как на пустяк и применял его ко всем слоям общества, не исключая даже женщин. Малейшее нарушение полицейских распоряжений вызывало арест при одной из военных гауптвахт, вследствие чего последние иногда бывали совершенно переполнены.

Наши офицеры, однако же, не были расположены сносить подобное обращение, и в течение нескольких недель шестьдесят или семьдесят человек оставили полк. Обстоятельство это, естественно, чрезвычайно ускорило производство, а так как благодаря счастливой случайности я попал под арест всего один раз и то вместе с девятью другими полковниками после маневров 1799 года, то я не только остался в полку, но и даже вскоре значительно повысился.

Упомянув о предосудительной и смешной стороне тогдашней правительственной системы, необходимо, однако, указать и на некоторые похвальные меры, принятые для благоденствия народа. Спустя несколько дней после вступления Павла на престол во Дворце было устроено обширное окно, в которое всякий имел право опустить свое прошение на имя Императора. Оно помещалось в нижнем этаже Дворца под одним из коридоров, и Павел сам хранил у себя ключ от комнаты, в которой находилось это окно. Каждое утро в седьмом часу Император отправлялся туда, собирал прошения, собственноручно их помечал и затем прочитывал или заставлял одного из своих статс-секретарей прочитывать их себе вслух. Резолюции или ответы на эти прошения всегда были написаны им лично или скреплены его подписью и затем публиковались в газетах для объявления просителю. Все это делалось быстро и без замедления. Бывали случаи, что просителю предлагалось обратиться в какое-нибудь судебное место

или иное ведомство и затем известить Его Величество о результате этого обращения.

Этим путем обнаружались многие вопиющие несправедливости, и в таковых случаях Павел был непреклонен. Никакие личные или сословные соображения не могли спасти виновного от наказания, и остается только сожалеть, что Его Величество иногда действовал слишком стремительно и не предоставлял наказания самим законам, которые наказали бы виновного гораздо строже, чем это делал Император, а между тем он не подвергался бы зачастую тем нареканиям, которые влечет за собой личная расправа.

Не припомню теперь в точности, какое преступление совершил некто князь Сибирский, человек высокопоставленный, сенатор, пользовавшийся благосклонностью Императора. Если не ошибаюсь, это было лихоимство. Проступок его, каков бы он ни был, обнаружился через прошение, поданное Государю вышеописанным способом, и князь Сибирский¹ был предан уголовному суду, приговорен к разжалованию и к пожизненной ссылке в Сибирь. Император немедленно же утвердил этот приговор, который и был приведен в исполнение, причем князь Сибирский, как преступник, публично был вывезен из Петербурга через Москву, к великому ужасу тамошней знати, среди которой у него было много родственников. Этот публичный акт справедливости очень встревожил чиновников, но произвел весьма благоприятное впечатление на народную массу.

Будучи весьма строг относительно всего, что касалось государственной экономии, и стремясь облегчить тягости, лежащие на народе, Император Павел был, несмотря на это, весьма щедр при раздаче пенсий и наград за заслуги, причем в этих случаях отличался истинно царской милостью. Во время Коронации в Москве он роздал многие тысячи государственных крестьян важнейшим сановникам государства и всем лицам, служившим ему в Гатчине, так что многие из них сделались богачами. Павел не считал этого способа распоряжаться государственными землями и крестьянами предосудительным для общего блага, ибо он полагал, что крестьяне гораздо счастливее под управлением частных владельцев, чем тех лиц, которые обыкновенно назначаются для заведывания государственными имуществами. Несомненно и то, что сами крестьяне считали милостью и преимуществом

---

¹ Очевидно, имеется в виду генерал-от-инфантерии князь Василий Федорович Сибирский, потомок царевича Астраханского Муртазы, ставшего в XVI веке Сибирским царевичем.

переход в частное владение. Моему отцу пожаловано прекрасное имение с пятьюстами крестьянами в Тамбовской губернии, и я очень хорошо помню удовольствие, выраженное по этому поводу депутацией от крестьян этого имения.

Прежде чем продолжать мой рассказ, необходимо ознакомить читателя с главнейшими лицами, вывезенными Павлом из Гатчины, а также с некоторыми другими, которых он собрал вокруг себя в Петербурге и которые играли роль до самой его смерти.

Раньше всех следует упомянуть об Иване Павловиче Кутайсове, турчонке, взятом в плен в Кутайсе и которого Павел, будучи Великим князем, принял под свое покровительство, велел воспитать на свой счет и обучить бритью. Он впоследствии сделался императорским брадобреем и в качестве такового ежедневно имел в руках императорский подбородок и горло, что, разумеется, давало ему положение доверенного слуги. Это был чрезвычайно смысленный человек, обладавший особенной проницательностью в угадывании слабостей своего господина. Надо, однако, сознаться, что он по возможности всегда старался улаживать все к лучшему, предупреждая тех, которые являлись к Императору, о настроении духа своего господина. С течением времени он сделался доверенным лицом любовницы Павла, составил себе большое состояние и был сделан графом. Когда в 1798 году Павел получил титул гроссмейстера Мальтийского ордена, Кутайсов был возведен в звание обер-штаалмейстера ордена. Надо сказать, что граф всегда был готов всем помогать и никогда не делал никому зла. Графиня, его жена, была очень веселая и остроумная женщина и также обладала значительным состоянием. У них было два сына, из коих один, в звании сенатора¹, еще жив, а другой, отличный артиллерийский генерал, был убит под Бородином.

Сам граф Кутайсов был тоже любитель походов, и пока Павел как гроссмейстер Мальтийского ордена имел свои любовные похождения, его обер-штаалмейстер также не отставал от своего господина. Они обыкновенно отправлялись вдвоем на эти свидания, якобы со-

¹ Кутайсов Иван Павлович от брака с Анной Петровной Резвой имел двух сыновей. Младший, граф Александр Иванович (1784—1812), в чине генерал-майора был убит в сражении при Бородино 26 августа 1812 года. Старший, граф Кутайсов Павел Иванович (1780—1840), был членом Государственного Совета и в конце жизни исполнял должность обер-гофмейстера Двора Императора Николая I. Он был женат на сестре Анны Петровны Лопухиной-Гагариной княжне Прасковье Петровне Лопухиной.

храня инкогнито¹. Лакеи и кучер были одеты в красные ливреи (цвет ордена), и было строго приказано полицией не узнавать Государя.

Следующее за Кутайсовым место по старшинству среди гатчинцев занимал адмирал Кушелев, человек в высшей степени полезный, подерживавший расположение Императора к флоту.

Другой честный, услужливый, добрый и благочестивый человек был генерал-майор Оболянинов, сделанный генерал-адъютантом при восшествии на престол Павла. В течение своей жизни этот человек много сделал для того, чтобы смягчать последствия вспыльчивости и строгости Павла. В конце его царствования он был сделан генерал-прокурором Сената и в этой должности много старался о том, чтобы восстановить беспристрастие в судах. Павел любил и уважал его до такой степени, что никогда не заподозривал людей, близких с Оболяниновым, который и сам ни в ком не заподозривал никогда ничего дурного. Это всем известное обстоятельство сделало впоследствии его дом сборным пунктом всех тех, которые приняли участие в заговоре против Павла. Странно сказать, что я, будучи в большой милости у Оболянинова, ни разу не был ни на одном из его вечеров, хотя мой отец бывал тут почти каждый вечер, чтобы играть с ним в вист. Этот прекрасный человек пользовался таким всеобщим уважением, что когда после смерти Павла он удалился в Москву, то был избран там губернским предводителем дворянства и занимал эту почетную должность до конца своей жизни.

Я уже упомянул о бароне Николаи, который до самой смерти Павла оставался его статс-секретарем, библиотекарем и хранителем его кабинета. Мой дядя, Плещеев, также остался при Императоре, но умер от чахотки в Монпелье. Генерал Донауров также был незначительным гатчинским моряком, и то же самое можно сказать и о полковнике Кологривове, добродушном гусаре и порядочном фронтовике, главным образом замечательном потому, что у него была очень красивая жена, не слишком жестокая к своим многочисленным поклонникам. Она заставляла своего мужа держать для этих господ весьма оживленный и веселый дом.

Полковник Конной артиллерии Котлубицкий был также гатчинец и часто рисковал своим положением и милостью к себе Павла, спасая от наказаний молодых офицеров. Я знаю это из личного опыта.

Из числа новых действующих лиц, выступивших на сцену, следует также упомянуть о двух Великих князьях: Александре и Константине.

¹ Расхожая столичная сплетня, ничем и никем никогда не подтвержденная.

Александр был назначен шефом Семеновского, а Константин — Измайловского полка. Александр, кроме того, был назначен военным губернатором Петербурга. Ему были подчинены военный комендант города, комендант крепости и петербургский обер-полицмейстер. Каждое утро в семь часов и каждый вечер в восемь Великий князь подавал Императору рапорт. При этом необходимо было отдавать отчет о мельчайших подробностях, относящихся до гарнизона, до всех караулов города, до конных патрулей, разъезжавших в нем и в его окрестностях, и за малейшую ошибку давался строгий выговор. Великий князь Александр был еще молод и характер его был робок; кроме того, он был близорук и немного глух; из сказанного можно заключить, что эта должность не была синекурой и стоила Александру многих бессонных ночей.

Оба Великих князя смертельно боялись своего отца, и когда он смотрел сколько-нибудь сердито, они бледнели и дрожали как осиновый лист. При этом они всегда искали покровительства у других, вместо того чтобы иметь возможность самим его оказывать, как это можно было ожидать, судя по высокому их положению. Вот почему они внушали мало уважения и были непопулярны.

Два князя Чарторыйские, Адам и Константин, были назначены адъютантами к Великим князьям: первый — к Александру, второй — к Константину. Это возбудило много толков, которые кончились тем, что оба князя испросили себе увольнение от должности.

Как я уже сказал выше, много полковников, майоров и других офицеров были включены в состав гвардейских полков, и так как все они были лично известны Императору и имели связи с придворным штатом, то многие из них имели доступ к Императору, и заднее крыльцо Дворца было для них открыто. Благодаря этому мы, естественно, были сильно вооружены против этих господ, тем более что вскоре мы узнали, что они занимались доносами и передавали все до малейшего вырвавшегося слова.

Из всех этих лиц, имен которых не стоит и упоминать, особенного внимания, однако, заслуживает одна личность, игравшая впоследствии весьма важную роль. Это был полковник Гатчинской артиллерии Аракчеев, имя которого, как страшилища Павловской и особенно Александровской эпохи, несомненно, попадет в историю. По наружности Аракчеев походил на большую обезьяну в мундире. Он был высокого роста, худощав и мускулист, с виду сутуловат, с длинной тонкой шеей, на которой можно было бы изучить анатомию жил, мускулов и т.п. В довершение всего он как-то особенно сморщивал

подбородок, двигая им как бы в судорогах. Уши у него были большие, мясистые; толстая, безобразная голова, всегда несколько склоненная набок. Цвет лица у него был земляной, щеки впалые, нос широкий и угловатый, ноздри вздутые, большой рот и нависший лоб. Чтобы закончить его портрет, скажу, что глаза у него были впалые, серые и вся физиономия его представляла странную смесь ума и злости.

Будучи сыном мелкопоместного дворянина, он поступил кадетом в артиллерийское училище, где до того отличался способностями и прилежанием, что вскоре был произведен в офицеры и назначен преподавателем геометрии. Но в этой должности он проявил себя таким тираном и так жестоко обращался с кадетами, что его перевели в артиллерийский полк, часть которого вместе с Аракчеевым попала в Гатчину.

В Гатчине Аракчеев вскоре обратил на себя внимание Павла и благодаря своему уму, строгости и неутомимой деятельности сделался самым необходимым человеком в гарнизоне, страшилищем всех живущих в Гатчине и приобрел неограниченное доверие Велико-го князя. Надо сказать правду, что он был искренно предан Павлу, чрезвычайно усерден к службе и заботился о личной безопасности Императора. У него был большой организаторский талант, и во всякое дело он вводил строгий метод и порядок, которые старался поддерживать строгостью, доходившей до тиранства. Таков был Аракчеев. При вступлении на престол Императора Павла он был произведен в генерал-майоры, сделан шефом Преображенского полка и назначен петербургским комендантом. Так как он прежде служил в артиллерии, то сохранил большое влияние на этот род оружия и наконец был назначен начальником всей артиллерии, в каковой должности оказал большие услуги государству.

Характер его был настолько вспыльчив и деспотичен, что молодая особа, на которой он женился, находя невозможным жить с таким человеком, оставила его дом и вернулась к своей матери. Замечательно, что люди жестокие и мстительные обыкновенно трусы и боятся смерти. Аракчеев не был исключением из этого правила: он окружал себя стражей, редко спал две ночи кряду в одной и той же кровати, обед его готовился в особой кухне доверенной кухаркой (она же была его любовницей), и, когда он обедал дома, его доктор должен был про-бовать всякое кушанье и то же делалось за завтраком и ужином.

Этот жестокий и суровый человек был совершенно неспособен на нежную страсть, но в то же время вел жизнь крайне развратную.

Тем не менее у Аракчеева было два больших достоинства. Он был действительно беспристрастен в исполнении суда и крайне бережлив на казенные деньги. В царствование Павла Аракчеев был, несомненно, из тех людей, которые возбудили неудовольствие общественного мнения против правительства; но Император Павел, по природе человек великодушный, проницательный и умный, сдерживал строгости Аракчеева и наконец удалил его. Но когда после смерти Павла Император Александр снова призвал его на службу и дал его влиянию распространиться на все отрасли управления, причем он на деле сделался первым министром, тогда Аракчеев поистине стал бичом всего государства и довел Александра до того шаткого положения, в котором он находился в минуту своей смерти в Таганроге и которое разрешилось бунтом, вспыхнувшим при вступлении на престол Императора Николая, первой мерой которого для успокоения умов было увольнение и удаление графа Аракчеева.

Из остальных правительственных лиц этого царствования я упомяну еще о графе Ростопчине, бывшем в 1812 году московским генерал-губернатором, человеке весьма даровитом и энергичном, но при этом насмешливом и едком. Он был генерал-адъютантом и на короткое время министром иностранных дел. Ту же должность некоторое время занимал и граф Пален, человек также чрезвычайно талантливый и благородный, но холодный и крайне гордый. Адмирал Рибас, родом мальтиец, отличался в Турецких войнах при Екатерине вместе с Паленом и адмиралом Литтой. Это был человек чрезвычайно хитрый, предприимчивый и ловкий. Закончу этот список генералом Нелидовым, родственником вышеназванной Екатерины Ивановны Нелидовой, прекрасным молодым человеком, пользовавшимся большим влиянием на Императора, и который вместе со своей родственницей прилагал все свои старания, дабы смягчать невзгоды этого времени, обращать царскую милость на людей достойных и облегчать участь тех, которые подверглись опале.

А теперь перехожу к женскому персоналу Двора Императора Павла.

Я уже упоминал о том положении, которое занимала при дворе баронесса, впоследствии графиня и позже княгиня Ливен. Она была воспитательницей Великих княжон, другом и доверенным лицом Императрицы и обладала редкими душевными качествами и выдающимся умом. Ее прямота, твердость и благородство заставляли самого Императора уважать ее мнение. По ее рекомендации две ее приятельницы, графиня Пален и г-жа фон Ренне, получили долж-

ность статс-дам при Великих княгинях: Елизавете Алексеевне (супруге Александра) и Анне Фёдоровне (супруге Константина). Здесь, кстати, замечу, что муж первой из этих дам, граф Пален, был вызван в Петербург, назначен командиром Конной гвардии и инспектором тяжелой кавалерии. Впоследствии он был сделан военным губернатором Петербурга, управляющим иностранными делами и почтовым ведомством, вследствие чего в его руках находились ключи от всех государственных тайн, так что в столице никто не мог предпринять чего-либо без его ведома.

Так как читатель уже ознакомлен с необыкновенным характером этой эпохи, а также с большинством из главнейших деятелей тогдашнего времени, то я вернусь теперь к моему повествованию и буду излагать в хронологическом порядке события кратковременного царствования Императора Павла.

Глава II

Характеристика Императора Павла. Строгости к военным. А.А. Саблуков. Его опала и помилование. Жизнь в Гатчине. Менуэт с Нелидовой. Снисходительность Павла. Заслуги и достоинства этого Государя. Генеральша Лаврова, рожденная Демидова. Ее дело в Сенате. Анна Петровна Лопухина. La troupe dorée¹. Уваров и Чичагов. Черта Русских Государей.

В своем рассказе я изобразил Императора Павла человеком глубоко религиозным, исполненным истинного благочестия и страха Божия. И действительно, это был человек в душе вполне доброжелательный, великодушный, готовый прощать обиды, повиниться в своих ошибках. Он высоко ценил правду, ненавидел ложь и обман, заботился о правосудии и беспощадно преследовал всякие злоупотребления, в особенности же лихоимство и взяточничество. К несчастью, все эти похвальные и добрые качества оставались совершенно бесполезными как для него лично, так и для государства благодаря его несдержанности, чрезвычайной раздражительности, неразумной и нетерпеливой требовательности беспрекословного повиновения. Малейшее колебание при исполнении его приказаний, малейшая неисправность по службе влекли за собой жестокий выговор и даже наказание без всякого различия лиц.

¹ Златое войско (пер. с франц.).

На Павла нелегко было иметь влияние, так как, почитая себя всегда правым, он с особенным упорством держался своего мнения и ни за что не хотел от него отказаться. Он был чрезвычайно раздражителен и от малейшего противоречия приходил в такой гнев, что казался совершенно иступленным. А между тем он сам вполне сознавал это и впоследствии глубоко этим огорчался, сожалея собственную вспыльчивость; но, несмотря на это, все-таки не имел достаточной силы воли, чтобы победить себя.

Стремительный характер Павла и его чрезмерная придирчивость и строгость к военным делах эту службу весьма неприятной. Нередко за ничтожные недосмотры и ошибки в команде офицеры прямо с парада отсылались в другие полки и на весьма большие расстояния. Это случалось настолько часто, что у нас вошло в обычай, будучи в карауле, класть за пазуху несколько сот рублей ассигнациями, дабы не остаться без денег в случае внезапной ссылки. Мне лично пришлось три раза давать займы деньги своим товарищам, которые забыли принять эту предосторожность. Подобное обращение, естественно, держало офицеров в постоянном страхе и беспокойстве, благодаря чему многие совсем оставили службу и удалялись в свои поместья, другие же переходили в гражданскую службу.

Благодаря этому, как я уже говорил, производство шло у нас чрезвычайно быстро, особенно для тех, которые имели крепкие нервы. Я, например, подвигался очень скоро, так что из подпоручика Конной гвардии, каким я был в 1796 году, во время восшествия на престол Павла, в июне 1799 года уже был полковником, миновав все промежуточные ступени. Из числа ста тридцати двух офицеров, бывших в Конном полку в 1796 году, всего двое (я и еще один) остались в нем до кончины Павла Петровича. То же самое, если еще не хуже, было и в других полках, где тирания Аракчеева и других гатчинцев менее сдерживалась, чем у нас. Легко себе представить положение тех семейств, сыновья которых были офицерами в эту эпоху: они, естественно, находились в постоянном страхе и тревоге, опасаясь за своих близких, так что можно без преувеличения сказать, что Петербург, Москва и даже вся Россия были погружены в постоянное горе.

Несмотря на то, что аристократия тщательно скрывала свое недовольство, чувство это, однако, прорывалось иногда наружу, и во время коронации в Москве Император не мог этого не заметить. Зато низшие классы (миллионы) с таким восторгом приветствовали Государя, что Павел стал объяснять себе холодность и видимую недоброжелательность со стороны дворянства нравственной испорченностью

и якобинскими наклонностями. Что касается нравственной испорченности, то в этом случае он был отчасти прав, так как нередко многие из наиболее недовольных, когда он обращался к ним лично, отвечали ему льстивыми словами и с улыбкой на устах. Император благодаря честности и откровенности своего нрава никогда не подозревал в этом двоедушия, тем более он сам часто говорил, что, «будучи всегда готов и рад доставить законный суд и полное удовлетворение всякому, кто считал бы себя обойденным или обиженным, он не боится быть несправедливым».

Как пример странности характера Павла и его способа действий приведу следующий мне хорошо известный случай, бывший с моим отцом.

Выше я уже говорил, что в Екатерининское время Русская армия имела мундиры светло-зеленого сукна, а флот — белого и что Император Павел оба эти цвета заменил темно-зеленым, синеватого оттенка, желая сделать его более похожим на синий цвет прусских мундиров. Краска эта готовилась из особых минеральных веществ, которые оседали на дно котлов, вследствие чего было очень трудно сразу приготовить большое количество этого сукна одинакового оттенка.

Между тем в известный день войска должны были явиться в Гатчину на маневры, и оказалось необходимым приобрести значительное количество этого сукна в кусках. При этом произошла такая спешка, что комиссариатский департамент не имел времени подобрать для каждой бригады и дивизии сукно одного только оттенка, вследствие чего во многих полках оказалось некоторое различие в цвете мундиров.

Император немедленно заметил этот недостаток, чрезвычайно разгневался и тут же, приложив к одному из образцов сукна собственноручную печать, велел послать Мануфактур-коллегии рескрипт, в котором повелевалось, чтобы впредь все казенные фабрики изготовляли сукно точно такого цвета, как этот образчик. Мой отец был в это время вице-президентом Мануфактур-коллегии и в действительности заправлял всеми делами этого ведомства, так как президент ее, князь Юсупов, никогда ничего не делал. Зная моего отца, Император приказал президенту Военной коллегии генерал-лейтенанту Ламбу поручить это дело особому его вниманию. Ввиду этого отец мой немедленно же написал всем казенным фабрикам циркуляр, в котором сообщал волю Государя и требовал немедленного ответа.

Ответы были получены почти одновременно, и все единогласно подтверждали, что благодаря свойству самой краски крашеное сукно

в кусках невозможно изготовить совершенно однородного цвета. Об этом отец мой, со своей стороны, уведомил генерал-лейтенанта Ламба.

Надо сказать, что в это время в Петербурге свирепствовал грипп, который зачастую принимал опасную форму, и отец мой как раз захворал этой болезнью, и притом в такой степени, что у него появился сильный жар и расположение к бреду. Естественно, ему был предписан безусловный покой.

Между тем генерал Ламб отправился с обычным рапортом в Гатчину, где в то время жил Государь, и по приезде своем застал Его Величество верхом на коне, едущим на смотр. На вопрос Императора, нет ли чего-нибудь нового или важного, Ламб отвечал: «Ничего особенного, Государь, кроме письма вице-президента Мануфактур-коллегии Саблукова с ответом от фабрикантов, которые сообщают единогласно, что окрашивать сукно в кусках в совершенно однородный цвет решительно невозможно».

— Как невозможно? — вскричал Император. Затем, произнеся скороговоркой: «Очень хорошо!», не сказал больше ни слова, сошел с лошади, пошел во Дворец и тотчас же отправил нарочного фельдъегеря к военному губернатору Петербурга, графу Палену, со следующим приказанием:

«Выслать из города тайного советника Саблукова, уволенного от службы и немедленно отправить назад посланного с донесением об исполнении этого приказа».

(подписано) «Павел».

Я сидел над моим бедным отцом в комнате, соседней с его кабинетом, когда петербургский обер-полицмейстер, генерал-майор Лисаневич, близкий друг нашей семьи, вошел в комнату и быстро спросил меня: «Что делает ваш батюшка?»

— Лежит в соседней комнате, — отвечал я, — и я боюсь, не на смертном ли одре.

— Неужели! — воскликнул Лисаневич. — Тем не менее я необходимо должен его видеть, ибо имею сообщить ему немедленно приказание от Императора.

С этими словами он вошел в спальню, и я машинально последовал за ним.

Лицо несчастного моего отца было совершенно багровое, и он едва сознавал, что происходит вокруг него. Лисаневич два раза окликнул его: «Александр Александрович!» Отец, очнувшись немного, сказал: «Кто вы такой? Что вам нужно?» — «Я Лисаневич, обер-полицмейстер.

Узнаете Вы меня?» Отец мой отвечал: «Ах, Василий Иванович, это вы! Я очень болен: что вам нужно?» — «Вот вам приказ от Императора». Отец мой развернул бумагу, а я в это время поместился так, чтобы иметь возможность прочесть бумагу и в то же время следить за ее действием на лице моего отца. Он прочел бумагу, протер глаза и воскликнул: «Господи! Да что же я сделал!»

— Я ничего не знаю, — возразил Лисаневич, — кроме того, что я должен выслать вас из Петербурга.

— Но вы видите, любезный друг, в каком я положении.

— Этому горю я помочь не могу: я должен повиноваться. Я оставлю у вас в доме полицейского, чтобы засвидетельствовать ваш отъезд, а сам немедленно отправлюсь к графу Палену, чтобы донести ему о вашем положении; вам же совету отпрать к нему вашего сына.

Я возблагодарил Бога, заметив, что несчастный отец мой из багрового цвета постепенно перешел в бледный, ибо я, признаюсь, опасался, что с ним может приключиться апоплексический удар. Моя дорогая матушка, которая в такие тяжелые минуты была исполнена энергии и присутствия духа, зная, что Император сначала всегда бывает неумолим, немедленно послала на нашу дачу, находившуюся в двух милях от города, приказание, чтобы в комнате садовника, которая отапливалась печью, была приготовлена постель. Хотя это было зимой, но не было особенного мороза, и поэтому матушка немедленно велела приготовить карету и послать за доктором.

Я поехал тем временем к графу Палену, который был очень привязан к моему отцу и во многих случаях бывал очень добр и ко мне лично.

— Вот так история, — встретил он меня.

— Хотите стакан лафита? (Это была известная привычка у Палена предлагать стакан лафита всякому, кто попадал в беду.)

— Никакого мне лафита не нужно... — с нетерпением перебил я его. — Мне нужно только, чтобы вы оставили моего отца на месте!

...— Это невозможно. Скажите Вашему отцу, что он знает, насколько я его люблю, и что тут я ничего не могу поделать; и что, если кто-то из нас двоих должен отправиться куда подальше, так это придется сделать ему. Пусть во что бы то ни стало уезжает из города. Ну а после мы посмотрим, что можно будет для него сделать. Но, черт возьми, почему его высылают?

— Об этом мы ничего не знаем, ни я, ни мой отец.

Вернувшись домой, я нашел уже все приготовленным для отъезда моего отца. Добрая матушка была неумолима; она крепко закутала его

в меховую одежду, велела постлать постель в карете, в которую его внесли, сама села с ним, а доктор следовал рядом в другом экипаже. Через три часа после распоряжения Павла отец мой уже проехал городскую заставу. Полицейский чиновник, все время находившийся в нашем доме, тотчас донес об этом Палену, как военному губернатору, а последний отослал обратно государева фельдъегеря с рапортом, что приказание Его Величества исполнено в точности.

Вечером того же дня я поехал проведать отца. Матушка и доктор находились при нем, и врач сообщил мне утешительное известие, что никаких серьезных последствий опасаться не надо. Но, увы, с ним все-таки сделался легкий паралич, от которого он никогда уже не оправился.

Спустя два дня после этого происшествия получено было извещение, что Государь вместе со всем Двором на следующий день прибудет в Петербург. По обыкновению был назначен вахтпарад и очередь идти в караул как раз была моя. Из ста шести человек, составлявших мой эскадрон, девяносто шесть должны были явиться на парад верхами, что составляло весьма значительное число. Надо заметить, что если лицо, носившее известное имя, подвергалось какому-либо взысканию со стороны Императора, то обыкновенно эту немилость разделяли и другие члены этой семьи, находившиеся на службе. Вот почему мое появление на параде почти немедленно после отставки и изгнания из столицы моего отца было для меня делом довольно щекотливым. Но делать было нечего, и мне все-таки надо было явиться вовремя со всем моим эскадроном. Правда, я знал, что он хорошо обучен, но всегда могли произойти ошибки, и последствия их могли оказаться для меня весьма важными; и не только для меня, но и для моего эскадрона и даже для всего полка: так бывало не раз при подобных обстоятельствах.

Тогдашний наш полковой командир князь Голицын велел еще накануне вывести мой эскадрон, чтобы сделать репетицию парада, но офицеры и солдаты были так взволнованы, что все шло плохо, и генерал наш был в отчаянии. Я попросил его однако же успокоиться и не делать выговоров, обещая ему, что все пойдет хорошо. Я сам похвалил солдат, приказал им отправиться в баню, затем плотно поужинать и спокойно лечь спать. Что касается до офицеров, которые подвергались наибольшей опасности, то я попросил их не думать ни о чем и только внимательнее прислушиваться к команде. В казармах я отдал строгое приказание, чтобы солдат не будили, пока я не приеду сам.

В описываемое время все солдаты также носили букли и толстые косички со множеством пудры и помады, вследствие чего прическа

нижних чинов занимала очень долгое время, так как у нас полагалось всего два парикмахера на эскадрон, так что солдаты, когда они готовились к параду, принуждены были не спать всю ночь из-за завивки. Но этого я никак не мог допустить в моем опасном положении, в котором все зависело от состояния нервов моих солдат. Поэтому я велел собрать всех парикмахеров со всего полка, приказав им как можно скорее причесать мой эскадрон, благодаря чему солдаты могли освободиться раньше и выспаться как следует.

В пять часов утра я велел их разбудить, а к 9 часам люди и лошади были готовы, выстроены перед казармами и смотрели весело и бодро. Я сел на своего красивого гнедого мерина *Le Chevalier d'Eon*¹, поздоровался с людьми, дал им пароль, и мы отправились ко Дворцу.

Император вначале смотрел мрачно и имел вид недовольный, но я с удвоенной энергией дал пароль, офицеры же и солдаты исполнили свое дело превосходно. Его Величество, вероятно, к собственному своему удивлению, остался настолько доволен, что два раза подъезжал хвалить меня. Словом, все пошло хорошо и для меня, и для моего эскадрона, и для моего отца, да и вообще для всех, кому в этот день пришлось говорить с Его Величеством, ибо подобного рода гроза падала на всех, кто к нему приближался, без различия возраста и пола, не исключая даже и собственного его семейства.

Теперь я снова попрошу читателя последовать за мной в Гатчину и вернуться к тому времени, когда Император подписал приказ об увольнении от службы и удалении из столицы моего отца. Тем же почерком пера Павел тут же назначил на место моего отца сенатора Аршеневского² и особым рескриптом предписал ему немедленно исполнить его приказание относительно цвета сукна. Аршеневский был очень хороший и рассудительный человек, и все знали, что он был близким другом и почитателем моего отца. Обстоятельство это было известно и Императору, ибо в Сенате они неоднократно держались одного мнения, и Павел часто с ними соглашался. В назначении Аршеневского, таким образом, нельзя было усматривать гнева против моего отца.

Не теряя ни минуты времени, новый вице-президент Аршеневский занял свое место в Мануфактур-коллегии. Председатель князь Юсупов не мог объяснить того, что случилось, а также не мог посовето-

---

¹ Шевалье Д'Эон (Шарль де Бомон) — тайный агент Людовика XV, с поручением которого его отправили в Россию, а затем в Лондон.

² Аршеневский Илья Яковлевич (1757—1820) — сенатор, опекун Санкт-Петербургского воспитательного дома.

вать, что предпринять дальше. Тогда Аршеневский сам рассмотрел дело, затем лично поехал посоветоваться с моим отцом и, убедившись, наконец, что кроме того, что уже сделал мой отец, делать больше нечего, он, для того чтобы не подвергаться дальнейшей ответственности, подал Императору прошение об увольнении, приложив к нему письмо на имя Его Величества, объясняющее его поводы к этому поступку.

В то же время генерал-прокурор Сената Беклешов¹, который на деле был министром юстиции, посоветовал моему отцу написать к Императору краткое письмо, в котором он выражал свое горе по поводу того, что навлек на себя его гнев. Это письмо вместе с прошением Аршеневского Беклешов с намерением вручил Государю немедленно по возвращении его с парада, на котором я удостоился такой похвалы.

Император, который сам только что выздоровел от гриппа и еще не совсем чувствовал себя хорошо, услышав, как жестоко был исполнен его приговор над моим отцом, чрезвычайно взволновался. Он немедленно потребовал к себе генерал-прокурора и со слезами на глазах попросил его тотчас съездить к моему отцу, извиниться за него в его жестокой несправедливости и просить его прощения. После этой милостивой вести он ежедневно по два раза посылал узнавать о здоровье моего отца, и когда тот, наконец, был в силах выезжать и явиться к Государю, то между Монархом и его подданным произошла весьма трогательная сцена примирения в присутствии Беклешова, причем моему отцу, разумеется, была возвращена его прежняя должность.

Тем не менее случай этот очень повредил Павлу в общественном мнении, так как мои родители оба были весьма любимы и уважаемы. И действительно, трудно было найти в Петербурге людей, которые бы пользовались большим расположением и вниманием, которых они вполне заслуживали благодаря своей доброте и отзывчивости ко всем нуждающимся и несчастным. В течение немногих дней опалы моего отца и вскоре после его возвращения о нем беспрестанно навевались и с участием расспрашивали о его здоровье. Оказанная ему несправедливость вызвала сильное негодование, которое высказывалось открыто и резко как в частных разговорах, так и в письмах, которые получались из Москвы и из провинции. Может показаться невероятным, что в стране самодержавной и при Государе, гнев ко-

¹ Беклешов Александр Андреевич (1745—1808) — при Императоре Павле I: военный губернатор Каменец-Подольска, сенатор, генерал-прокурор, уволен от должности 2 февраля 1800 года.

тогого был неукротимым, могли так свободно порицать его действия. Но старинный русский дух был еще жив, и его не могли подавить ни строгость, ни полицейские меры.

Зная вспыльчивый, но склонный к великодушным порывам характер Императора Павла, видя зачастую его искреннее желание быть справедливым, граф Пален, несомненно, мог бы воспользоваться тяжелой болезнью моего отца и рапортом полицеймейстера, чтобы дать Государю время одуматься и хладнокровно обсудить неосновательность своего гнева. Но в планы графа Палена и тех, кто действовал с ним заодно, по-видимому, не входило вызывать этого Монарха к раскаянию: его судьба была предрешена, и он должен был погибнуть. Когда Палену приходилось иногда слышать не совсем умеренную критику действий Императора, он обыкновенно останавливал говоривших словами: «Господа! Дурак, кто болтает, молодец, кто действует».

Теперь вернемся снова в Гатчину, это ужасное место, откуда последовал указ об увольнении моего отца, и которое было колыбелью пресловутой Павловской армии с ее организацией, выправкой и дисциплиной. Гатчина было любимым местопребыванием Павла в осеннее время, и здесь происходили ежегодные маневры войск.

Как северная деревенская резиденция Гатчина великолепна: дворец, или, вернее, замок, представляет обширное здание, выстроенное из писаного камня и прекрасной архитектуры. При дворце — обширный парк, в котором множество великолепных старых дубов и других деревьев. Прозрачный ручей вьется вдоль парка и по садам, обращаясь в некоторых местах в обширные пруды, которые почти можно назвать озерами. Вода в них до того чиста и прозрачна, что на глубине 12—15 футов можно считать камушки и в ней плавают большие форели и стерляди.

Павел был весьма склонен к романтизму и любил все, что имело рыцарский характер. При этом он имел расположение к великолепию и роскоши, которыми восторгался во время пребывания в Париже и других городах Западной Европы.

Как я уже говорил, в Гатчине происходили большие маневры, во время которых давались и празднества. Балы, концерты, театральные представления беспрерывно следовали одни за другими, и можно было думать, что все увеселения Версаля и Трианона по волшебству перенесены были в Гатчину. К сожалению, эти празднества нередко омрачались разными строгостями, как, например, арестом офицеров или ссылкой их в отдаленные гарнизоны без всякого предупрежде-

ния¹. Случались и несчастья, какие бывают нередко во время больших кавалерийских маневров, что приводило Императора в сильное раздражение. Впрочем, несмотря на сильный гнев, вызываемый подобными случаями, он выказывал большое человеколюбие и участие, когда кто-нибудь был серьезно ранен.

Как-то раз, в то время когда я находился во внутреннем карауле, во дворце произошла забавная сцена. Выше я упоминал, что офицерская караульная комната находилась близ самого кабинета Государя, откуда я часто слышал его молитвы. Около офицерской комнаты была обширная прихожая, в которой находился караул, а из нее шел длинный узкий коридор, ведущий во внутренние апартаменты дворца. Здесь стоял часовой, который немедленно вызывал караул, когда Император показывался в коридоре.

Услышав внезапно окрик часового «караул вон!», я поспешно выбежал из офицерской комнаты. Солдаты едва успели схватить свои карабины и выстроиться, а я обнажить свою шпагу, как дверь коридора открылась настежь, и Император, в башмаках и шелковых чулках, при шляпе и шпаге, поспешно вошел в комнату и в ту же минуту дамский башмачок с очень высоким каблуком полетел через голову Его Величества, чуть-чуть ее не задевши.

Император через офицерскую комнату прошел в свой кабинет, а из коридора вышла Екатерина Ивановна Нелидова, спокойно подняла свой башмак и вернулась туда же, откуда пришла.

На другой день, когда я сменялся с караула, Его Величество подошел ко мне и шепнул: «Мой дорогой, вчера у нас случилась перебранка». — «Да, мой Государь», — отвечал я. Меня очень позабавил этот случай, и я никому не говорил о нем, ожидая, что за этим последует что-нибудь столь же забавное. Ожидания мои не обманулись: в тот же день вечером на балу Император подошел ко мне как к близкому приятелю и поверенному и сказал: «Мой дорогой, прикажите танцевать что-нибудь красивое».

Я сразу смекнул, что Государю угодно, чтобы я протанцевал с Екатериной Ивановной Нелидовой. Что можно было протанцевать красивого, кроме менуэта или гавота сороковых годов? Я обратился к дирижеру оркестра и спросил его, может ли он сыграть менуэт, и, получив утвердительный ответ, я просил его начать и сам пригласил Нелидову, которая, как известно, еще в Смольном отличалась своими

¹ В этом утверждении отдана дань традиционному салонно-столичному мнению. Документально оно не подтверждается и можно говорить о нескольких подобных случаях, но никак — как о системе.

танцами. Оркестр заиграл — и мы начали. Что за грацию выказала она, как прелестно выделявала па и повороты, какая плавность была во всех движениях прелестной крошки, несмотря на ее высокие каблуки — точь-в-точь знаменитая Лантини, бывшая ее учительница! Со своей стороны, и я не позабыл уроков моего учителя Канциани и при моем кафтане à la Frédéric le Grand¹, мы оба точь-в-точь имели вид двух старых портретов. Император был в полном восторге и, следя за нашими танцами во все время менуэта, поощрял нас восклицаниями: «Это очаровательно, это превосходно, это восхитительно!»

Когда этот первый танец благополучно был окончен, Государь просил меня устроить другой и пригласить вторую пару. Вопрос теперь заключался в том, кого выбрать и кто захочет себя выставить напоказ при такой смущающей обстановке. В нашем полку был офицер по имени Хитров. Я вспомнил, что когда-то, будучи 13-летним мальчиком, он вместе со мной брал уроки у Канциани и, так как он в то время всегда носил красные каблуки, я прозвал его камергером. Никто не мог мне быть более подходящим. Я подошел к нему и сообщил о желании Его Величества. Сначала Хитров колебался, хотя, видимо, был рад выставить себя напоказ и после некоторого размышления спросил меня, какую ему выбрать даму. «Возьмите старую девицу Валуеву», — посоветовал я ему, и он так и сделал.

Разумеется, я снова пригласил Нелидову, и танец был исполнен на славу к величайшему удовольствию Его Величества. За этот подвиг я был награжден лишь забавой, которую он мне доставил, но зато Алексею Хитрову этот менуэт оказал большую пользу. Будучи не особенно исправным офицером, он был сделан камергером, что ввело его в гражданскую службу, и, угождая разным влиятельным министрам, он, наконец, сам сделался министром, а в настоящее время (1847 год. — А. Б.) он весьма снисходительный государственный контролер и вообще очень добрый человек.

Об Императоре Павле принято обыкновенно говорить как о человеке, чуждом всяких любезных качеств, всегда мрачном, раздражительном и суровом. На деле же характер его вовсе был не таков. Остроумную шутку он понимал и ценил не хуже всякого другого, лишь бы только в ней не видно было недоброжелательства и злобы. В подтверждение этого мнения я приведу следующий анекдот.

В Гатчине насупротив окон офицерской караульной комнаты рос очень старый дуб, который, я думаю, и теперь еще стоит там. Это дерево, как сейчас помню, было покрыто странными наростами, из

¹ На манер Фридриха Великого (пер. с франц.).

которых выросло несколько веток. Один из этих наростов до того был похож на Павла с его косичкой, что я не мог удержаться, чтобы не срисовать его. Когда я вернулся в казармы, рисунок мой так всем понравился, что все захотели получить с него копию, и в день следующего парада я был осажден просьбами со стороны офицеров гвардейской пехоты. Воспроизвести его было нетрудно, и я роздал не менее тридцати или сорока копий. Несомненно, что при том согладательстве со стороны гатчинских офицеров, которому подвергались все наши действия, история с моим рисунком дошла до сведения Императора.

Будучи вскоре после этого еще раз в карауле, я от нечего делать занялся срисовыванием двух очень хороших бюстов, стоявших перед зеркалом в караульной комнате, из которых один изображал Генриха IV, а другой Сюлли. Окончив рисунок с Генриха IV, я был очень занят срисовыванием Сюлли, когда в комнату незаметно вошел Император, стал сзади меня и, ударив меня слегка по плечу, спросил:

— Что вы делаете?

— Рисую, Государь, — отвечал я.

— Прекрасно! Генрих IV очень похож, когда будет окончен. Я вижу, что вы можете сделать хороший портрет... Делали вы когда-нибудь мой?..

— Много раз, Ваше Величество.

Государь громко рассмеялся, взглянул на себя в зеркало и сказал: «Хорош для портрета!» Затем он дружески хлопнул меня по плечу и вернулся в свой кабинет, смеясь от души.

Думаю, нельзя было поступить снисходительнее с молодым человеком, который нарисовал его карикатуру, но в котором он не имел повода предполагать какого-либо дурного смысла.

Несомненно, что в основе характера Императора Павла лежало истинное великодушие и благородство, и, несмотря на то, что был ревнив к власти, он презирал тех, кто раболепно подчинялся его воле в ущерб правде и справедливости, и, наоборот, уважал людей, которые бесстрашно противились вспышкам его гнева, чтобы защитить невинного. Вот, между прочим, причина, по которой он до самой своей смерти оказывал величайшее уважение и внимание обер-шталмейстеру Сергею Ильичу Муханову¹.

Но довольно о Гатчине с ее маневрами, вахтпарадами, празднествами и танцами на гладком и скользком паркете дворца. Хотя

¹ Муханов Сергей Ильич (1762—1842) — обер-шталмейстер, президент Приворной конюшенной конторы.

вспыльчивый характер Павла и был причиной многих прискорбных случаев (многие из которых связаны с воспоминанием о Гатчине), но нельзя не высказать сожаления, что этот безусловно благородный, великодушный и честный Государь, столь нелицеприятный, искренно и горячо желавший добра и правды, не процарствовал долее и не очистил высшую чиновную аристократию, столь развращенную в России, от некоторых ее недостойных членов. Павел Первый всегда рад был слышать истину, для которой слух его всегда был открыт, а вместе с ней он готов был уважать и выслушать то лицо, от которого он её слышал.

Хотя раздача наград и милостей царских и зависела от личной благосклонности Императора к данному лицу, но милостями этими никогда не определялись повышения по службе, вследствие чего суд над начальниками и подчиненными был справедлив и нелицеприятен. Корнет мог свободно и безбоязненно требовать военного суда над своим полковым командиром, вполне рассчитывая на беспристрастное разбирательство дела.

Это обстоятельство было для меня тем щитом, которым я ограждался от Великого князя Константина Павловича во все время его командования (шефства) нашим полком и при помощи которого я мог с успехом бороться против его вспыльчивости и горячности. Одно только упоминание о военном суде приводило Его Высочество в настоящий ужас. Тем не менее я должен здесь упомянуть, что много лет спустя, а именно в декабре 1829 года, когда и свиделся с Константином Павловичем в Дрездене, он принял меня с распростертыми объятиями и в присутствии своего побочного сына г. Александра¹, вспоминая о происходивших между нами ссорах, чистосердечно сознался, что он был постоянно не прав, и с полным благородством признал совершенную правильность моих действий относительно него. Мне особенно приятно писать эти строки и засвидетельствовать здесь, на земле, что Великий князь, которого обыкновенно очень строго осуждали, не был лишен, как уверяли многие, добродетелей, и прежде всего смирения и доброжелательства.

Как доказательство того уважения, которое Император Павел питал к постановлениям военных судов, и его беспристрастия в деле правосудия можно привести следующий случай.

¹ Великий князь Константин Павлович от французской актрисы Жозефины Фридерикс имел сына Павла Александровича, носившего фамилию Александра (1808—1857).

В первый год его царствования генерал-прокурором Сената был граф Самойлов, родственник некоего генерала Лаврова, женатого на сестре известного богача Демидова¹. Лавров был человек распутный, большой игрок и обременен долгами. Жена его была особа довольно легких нравов, обладала большим состоянием и находилась в связи с тремя офицерами нашего полка. Оставшись чрезвычайно довольна усердием и вниманием своих обожателей, генеральша выдала каждому из них по векселю в 30 тысяч рублей. Супруг, взбешенный тем, что такая значительная сумма ускользнула из его рук, подал прошение в Сенат, заявляя, что жена его идиотка, неспособная даже прочесть сумму, вписанную в текст векселя, на котором первоначально стояло 3000 рублей и что лишний ноль на каждом из векселей был прибавлен ее любовниками, которых он, кстати, и обвинял в подлоге.

Сенат под влиянием генерал-прокурора Самойлова признал офицеров виновными в подлоге и приговорил к разжалованию. Приговор этот был представлен на утверждение Государя; но последний, вместо того чтобы утвердить постановление Сената, велел созвать в нашем полку военный суд.

В качестве младшего члена полкового суда мне пришлось подавать свой голос первым, и я прежде всего предложил спросить генеральшу Лаврову, считает ли она сама эти три векселя подложными? Г-жа Лаврова прислала письменное заявление, в котором сообщала, что подлога нет, что она любит этих трех офицеров и желает сделать им подарок, а что муж ее лжец. Тогда я подал голос за то, чтобы офицеры были оправданы в подлоге, но были уволены из полка за поведение, недостойное дворянина. Военный суд единогласно принял это решение, приговор был представлен Государю, который и утвердил его, отменив решение Сената и сделав сенаторам строгий выговор. Впоследствии эти три офицера неоднократно высказывали мне свою благодарность.

Император Павел, как я уже говорил, был искренним христианином, человеком глубоко религиозным, отличался с раннего детства богобоязненностью и благочестием. По взглядам своим это был совершенный джентльмен, который знал, как надо обращаться с истинно порядочными людьми, хотя бы они и не принадлежали к родовой или служебной аристократии. Я находился на службе в течение всего царствования этого Государя, не пропустил ни одного учения или вахтпарада и могу засвидетельствовать, что, хотя он

¹ Речь идёт о дочери статского советника Никиты Акинфиевича Демидова — Екатерине Никитичне.

часто сердился, но я никогда не слышал, чтобы из уст его исходила обидная брань¹.

Как доказательство его рыцарских, доходивших даже до крайности, воззрений может служить то, что он совершенно серьезно предложил Бонапарту дуэль в Гамбурге с целью положить этим поединком предел разорительным войнам, опустошавшим Европу. Свидетелями со стороны Императора должны были быть Пален и Кутайсов. Несмотря на всю причудливость и несовременность подобного вызова, большинство монархов, не исключая самого Наполеона, отдали полную справедливость высокогуманным побуждениям, руководившим русским Государем, сделавшим столь рыцарское предложение с полной искренностью и чистосердечием.

Кстати, о рыцарстве. Мне пришло на память несколько случаев, бывших в Павловске, летней резиденции Императорского Семейства. Их Величества находились в Павловске преимущественно весной и ранним летом, так как во время сильной июльской жары они предпочитали Петергоф на Финском заливе, где воздух был морской и более свежий. Павловск, принадлежавший лично Императрице Марии Фёдоровне, был устроен чрезвычайно изящно, и всякий клочок земли здесь носил отпечаток ее вкуса, наклонностей, воспоминаний о заграничных путешествиях и т.п. Здесь был павильон роз, напоминавший Трианонский; шалё, подобные тем, которые она видела в Швейцарии; мельница и несколько ферм наподобие Тиролевских; были сады, напоминавшие сады и террасы Италии. Театр и длинные аллеи были заимствованы из Фонтенбло, и там и сям виднелись искусственные развалины.

Каждый вечер устраивались сельские праздники, поездки, спектакли, импровизации, разные сюрпризы, балы и концерты, во время которых Императрица, ее прелестные дочери и невестки своей приветливостью придавали этим развлечениям восхитительный характер. Сам Павел предавался им с увлечением, и поклонение женской красоте зачастую заставляло его указать на какую-нибудь Дульцинею, что его услужливый Фигаро или Санчо-Панса (Кутайсов) немедленно и принимал к сведению, стараясь исполнить желание своего господина.

Однажды на одном из балов, данных в Москве по случаю его приезда в 1798 году, Император был совершенно очарован огненными черными глазами девицы Анны Лопухиной. Кутайсов, которому Па-

¹ Однажды, впрочем, на одном параде он так разгорячился, что ударил трех офицеров тростью и, увя, жестоко заплатил за это в последние минуты своей жизни. — *Примеч. автора.*

вел сообщил о произведенном на него впечатлении, немедленно же рассказал об этом отцу девицы, с которым и был заключен договор, имевший целью пленить сердце Его Величества.

«La troupe dorée» (золотое войско), как Император называл нас, офицеров Конной гвардии, ввиду нашей элегантности и цвета наших мундиров, ярко-красных «tirant sur l'orange»¹, в качестве постоянных кавалеров павловских увеселений, вскоре узнали об этой любовной интриге, о которой мы стали болтать довольно свободно. Это скоро дошло до сведения Государя, вследствие чего полк наш некоторое время был в немилости. Впрочем, она была непродолжительна, так как девица Лопухина сама к нам очень благоволила и притом же две ее сестры вскоре вышли замуж за офицеров нашего полка: одна за Демидова, другая — за графа Кутайсова, сына шталмейстера. Анна Петровна Лопухина вскоре была пожалована фрейлиной и приглашена жить в Павловске. Для нее было устроено особое помещение, нечто вроде дачи, в которую Павел мог легко пройти из «Розового павильона», не будучи никем замеченным. Он являлся туда каждый вечер, как он вначале сам воображал, с чисто платоническими чувствами восхищения; но брадобрей и Лопухин-отец лучше знали человеческую натуру и вернее смотрели на будущее. Им постепенно удалось разжечь чувства Павла к девушке путем упорного ее сопротивления желаниям Его Величества, что, впрочем, она и делала вполне искренно, так как, будучи еще в Москве, она испытывала довольно серьезную привязанность к одному князю Гагарину, служившему майором в армии и находившемуся теперь в Италии, в войсках Суворова.

Однажды в один из вечеров, когда Павел оказался более предприимчивым, чем обыкновенно, Лопухина неожиданно разрыдалась, прося оставить ее и призналась Государю в своей любви к Гагарину. Император был поражен, но его рыцарский характер и врожденное благородство тотчас проявили себя: он немедленно же решил отказаться от любви к девушке, сохранив за собой только чувства дружбы, и тут же захотел выдать ее замуж за человека, к которому она питала такую горячую любовь. Суворову немедленно посланы были приказания вернуть в Россию князя Гагарина. В это самое время последний только что отличился в каком-то сражении, и его поэтому отправили в Петербург с известием об одержанной победе. Я находился во Дворце, когда князь Гагарин прибыл ко Двору, и вынес о нем впечатление как об очень красивом, хотя и невысокого роста, человеке. Император тотчас же наградил его орденом, сам привел к

¹ Отливающих оранжевым (пер. с франц.).

его возлюбленной и в течение всего этого дня был искренно доволен и преисполнен гордости от сознания своего действительно геройского самопожертвования.

И вечером на «маленьком дворцовом балу» он имел положительно счастливый и довольный вид, с восторгом говорил о своем красивом и счастливом сопернике и представил его многим из нас с видом искреннего добродушия. Со своей стороны, я лично ни на минуту не сомневался в искренности Павла, благородная душа которого одержала победу над сердечным влечением. Не будь Кутайсова и Лопухина-отца, которые из личных выгод потакали дурным страстям Императора и привлекли в эту интригу даже самого Гагарина, не будь всего этого — нет никакого сомнения, что княгиня Анна Гагарина, рожденная Лопухина, никогда не была бы *maitresse en titre*¹ Павла в момент убийства этого злополучного Государя.

Одновременно с этими любовными интригами совершались крупные политические события: союз между Россией и Англией и всем континентом против революционной Франции был заключен. Суворов, вызванный из ссылки, назначен был генералиссимусом союзной Русско-австрийской армии, действовавшей в Италии в феврале 1799 года. Другая русская армия под начальством генерала Германа была отправлена в Голландию для совместных действий с армией герцога Йоркского, имевшей целью атаковать Францию с севера.

Наконец, и едва ли не важнейшим событием было избрание Императора гроссмейстером Мальтийского ордена, вследствие чего остров Мальта был взят под его покровительство. Павел был в восторге от этого титула, и это обстоятельство в связи с романтической любовью, овладевшей его чувствительным сердцем, привело его в совершенный экстаз. Щедрости его не было пределов: он велел купить три дома на набережной Невы и соединить их в один дворец, который подарил князю Гагарину, снисходительному супругу черноокой Дульцинеи. Лопухин-отец был сделан светлейшим князем и назначен генерал-прокурором Сената: должность чрезвычайно важная, напоминающая отчасти по значению своему должность первого лорда казначейства в Англии, нечто вроде первого министра. Кутайсов, исполнявший свою роль Фигаро при гроссмейстере Мальтийского ордена, продолжал служить для любовных поручений, вследствие чего он из брдобреев был пожалован в графы и сделан шталмейстером ордена. Он купил себе дом по соседству с дворцом княгини Гагариной и поселил в нем свою любовницу, французскую актрису Шевалье. Я не раз видел, как

¹ Признанная любовница (*пер. с франц.*).

Государь сам привозил его туда и затем заезжал за ним, возвращаясь от своей любовницы.

При этом *la troupe dorée* (золотое войско), т.е. офицеры Конной гвардии, обязаны были принимать участие в том, что происходило во дворце. Едва подписан был союзный трактат с Англией (о войне за Голландию. — А. Б.), я получил приказание отправиться в Петербург и изготовить себе мундир, точь-в-точь подобный тому, который носила английская Конная гвардия (*Horse Guards*) — красный с синими отворотами, вышитыми золотом. Это было нелегко, ибо кроме соответствующего сукна нужно было знать покрой английских мундиров. Но счастье и тут мне благоприятствовало, и вскоре я отыскал одного англичанина, по имени Дональдсон, который был когда-то портным принца Валлийского, и сообщил ему о своем желании. Он сделал мне мундир менее чем в два дня, и я тотчас вернулся в Павловск в новом мундире, которым восхищались все, и в особенности Великие княжны. Два или три других офицера нашего полка едва успели сшить себе такие мундиры, как вышло новое приказание: Конной гвардии иметь мундиры пурпурового цвета. Пурпур был цвет Мальтийских гротмейстеров, почему Конная гвардия и получила этот цвет. В течение четырехлетнего царствования Павла цвет и покрой наших мундиров были изменены не менее девяти раз.

Да не подумает, однако, читатель, что во все это время любовных переговоров, новых политических комбинаций, перемены форм, празднеств и увеселений, происходивших в Павловске, изменились или уничтожились те дисциплинарные строгости, которые были заведены в Гатчине и в Петербурге. Напротив того, их было столько же, если не больше, тем более что почти ежедневно делались смотры. Эти смотры делались не над корпусами, как во время маневров, а над небольшими частями, вследствие чего всякая малейшая ошибка делалась заметнее. Тут же, в Павловске, находилась так называемая цитадель, или форт, по имени Бип, куда сажали под арест провинившихся офицеров. Так, например, сюда попали два полковника из донских казаков, братья Залуевские, прославившиеся своими боевыми подвигами в Итальянскую кампанию 1799 года, которые были арестованы за остроумно-смелые ответы Павлу.

Капитан флота Чичагов также должен был отправиться под арест за резкий, почти дерзкий ответ Императору. Однако Чичагов воспротивился этому приказанию и не хотел идти под арест, ссылаясь на привилегии, связанные с Георгиевским крестом, кавалером которого он состоял. Взбешенный этим сопротивлением, Император велел со-

рвать с него Георгиевский крест, что и было исполнено без всякого колебания дежурным генерал-адъютантом Уваровым. При таком оскорблении возмущенный Чичагов сбросил с себя мундир и в одном жилете отправился в форт. Впрочем, под арестом его продержали всего несколько дней, и вскоре после этого он даже был произведен в контр-адмиралы и получил в командование эскадру¹.

Этот Уваров² был полковником одного из полков, квартировавших в Москве, в то время, когда Павел впервые увидел Лопухину и увлекся ее блестящими черными глазами. Будучи любовником матери Лопухиной, Уваров, естественно, принимал также участие во всех махинациях, имевших целью завлечь Императора в любовные сети. Вместе с Лопухиными прибыл он в Павловск, был переведен в Конную гвардию, вскоре же сделан генерал-адъютантом и все время повышался в милостях наравне с Лопухиными. Во время обеда, данного заговорщиками, именовавшими себя после убийства Павла «освободителями», Уваров припомнил Чичагову, что он сорвал с него Георгиевский крест. Чичагов отвечал: «Если Вы будете служить нынешнему Императору так же “верно”, как его предшественнику, то заслужите себе достойную награду». Уваров в качестве доверенного генерал-адъютанта Павла был дежурным в ночь с 11 на 12 марта и, как известно, был в то же время одним из главных деятелей заговора.

Во всем мире едва ли найдется страна, в которой целый ряд государей был бы одушевлен таким горячим чувством патриотизма, как Дом Романовых в России. Правда, многие сановники, министры и царедворцы нередко злоупотребляли личными слабостями и недостатками некоторых из Государей, да и сами они зачастую, благодаря чрезмерной самонадеянности, уклонялись с истинного пути; тем не менее, насколько я могу судить по личным моим наблюдениям, я вынес искреннее убеждение в том, что в основе всякого действия этих Государей всегда лежало чувство горячей любви к родине. Государя русские искони гордились величием этого обширнейшего в мире государства и нередко считали необходимым принимать меры, сообразные с этим величием, вследствие чего славолубие это часто

¹ Чичагов Павел Васильевич (1765—1849) — адмирал, министр морских сил, главнокомандующий Дунайской армией в 1812—1813 годах.

² Уваров Фёдор Петрович (1773—1824) — офицер Кирасирского полка, любовник мачехи Анны Лопухиной, благодаря протекции Лопухиных сделал стремительную карьеру: флигель-адъютант, командир Кавалергардского полка — личного конвоя Государя. Один из активных деятелей событий 11 марта 1801 года.

обращалось в личное тщеславие, а мудрая экономия — в расточительность.

Но помимо свойственной всякому человеку склонности к тщеславию Русские Государи имеют два повода, до известной степени извиняющие это стремление к похвалам. Начать с того, что большая часть как мужских, так и женских представителей этого Дома всегда отличалась замечательной красотой и физической силой.

Во-вторых, в силу исторических условий они сделались представителями военного сословия: с самых древнейших времен Россия находилась в постоянной войне со своими соседями и во главе ее армий всегда стояли ее монархи: сначала Цари Московские, а затем Императоры Всероссийские. Благодаря этому любовь к военной славе передавалась от отца к сыну и сделалась преобладающей страстью в этой семье. И действительно, не может не возбуждать самолюбия и тщеславия один вид многих тысяч людей, которые двигаются, стоят, поворачиваются и бегут по одному слову, одному знаку этого монарха. Один весьма остроумный, высокопоставленный и влиятельный при Дворе офицер, говоря о громадных средствах, расходуемых государством на содержание постоянного войска, весьма справедливо заметил: «Да впрочем оно так и должно быть, ибо до тех пор, пока у нас не будет царя-калеки, мы никогда не дождемся перемены во взглядах и привычках наших государей. “Toujours joli garçon, toujours saroral!”»¹.

Перехожу теперь к описанию событий, закончившихся убийством Павла.

Глава III

Переформирование Конной гвардии. Кавалергардский полк. Зловещие слухи. Возвращение Конной гвардии в Петербург. Собрания у заговорщиков. Предчувствия Павла. Расположение караулов в Михайловском замке. Последний разговор с Императором. Он удаляет караул Конной гвардии. Ночь с 11 на 12 марта 1801 года. Присяга конногвардейцев. Сцена убийства. Императрица Мария Фёдоровна. Прощание с телом Императора. Первые дни Александра. Пален и Зубов. Их высылка из Петербурга. Заключение.

Император Павел находился в Павловске, окруженный интригами и волнуемый попеременно чувствами любви, великодушия и ревно-

¹ По-прежнему красивый малый, по-прежнему капрал! (Пер. с франц.).

сти. В том же состоянии переехал он в Гатчину, а затем в Петербург. Многие из его приближенных сознавали, что их положение при Дворе чрезвычайно опасно и что в любую минуту, раскаиваясь в только что совершенном поступке, Государь может перенести свое расположение на новое лицо и уничтожить их всех. Великие князья также находились в постоянном страхе: оба они были командирами полков и в качестве таковых ежедневно во время парадов и учений получали выговоры за малейшие ошибки, причем в свою очередь подвергали солдат строгим наказаниям, а офицеров сажали под арест.

Конную гвардию щадили более других. В то время полк этот состоял из двух батальонов по пяти эскадронов в каждом, и дух полка (*esprit de corps*) был таков, что мы были в силах противиться всяким несправедливостям и напрасным на нас нападкам. Этот дух нашего полка постарались представить в глазах Государя как направление опасное, как дух крамольный, пагубно влияющий на другие полки. Гибель нашего полка могли удовлетворить два частных интереса. Великий князь Александр был инспектором всей пехоты; Константин Павлович, который ничего не смыслил в кавалерийском деле, хотел сделаться инспектором кавалерии и в качестве переходной ступени к этой должности добивался командования Конной гвардией. В то же время служивший в Конном полку Уваров хотел также получить отдельный полк. Таким образом, эти два желания могли быть удовлетворены одновременно, пожертвовав нашим полком.

Вот почему Конная гвардия была реорганизована, или, вернее, дезорганизована следующим образом: три эскадрона, состоявшие из лучших людей и лошадей, были выделены из полка и составили особый Кавалергардов полк, который был поручен Уварову и квартировал в Петербурге; остальная часть полка была разделена на пять эскадронов и отдана под начальство Великого Князя Константина. Полк наш был изгнан в Царское Село, где Цесаревич должен был посвящать нас в тайны гарнизонной службы.

Нельзя себе представить тех жестокостей, которым подвергал нас Константин и его Измайловские мирмидонцы. Тем не менее дух полка нелегко было сломить, и страх Константина при одном упоминании о военном суде неоднократно сдерживал его горячность и беспричинную жестокость. Своей неуступчивости и твердости в это тяжелое время обязан я тем влиянием в полку, которое сохранил до конца моей службы в Конной гвардии, и которое спасло этот благородный полк от всякого участия в низком заговоре, приведшем к убийству Павла.

В Царском Селе нас продержали около полутора лет. Начальников наших постоянно меняли, и нам было известно, что за всеми нами строго следят, так как считали нас якобинцами. Большинству из офицеров не особенно нравился наш образ жизни изгнанников, удаленных из столицы; но я лично не особенно грустил, так как, судя по слухам, доходившим до нас из Петербурга, там было, по-видимому, не совсем ладно, и поговаривали даже, что Император опасается за свою личную безопасность.

Его Величество со всем Августейшим Семейством оставил старый дворец и переехал в Михайловский, выстроенный наподобие укрепленного замка с подъемными мостами, рвами, потайными лестницами, подземными ходами, — словом, напоминал собой средневековую крепость à L'abris d'un coup de main¹.

Княгиня Гагарина оставила дом своего мужа и была помещена в новом дворце под самым кабинетом Императора, который сообщался посредством особой лестницы с ее комнатами, а также с помещением Кутайсова.

Графы Ростопчин и Аракчеев, два человека, которых Павел раньше считал самыми верными и исполнительными своими слугами, были высланы в свои поместья. До нас дошли слухи, что граф Пален получил пост министра иностранных дел и Главногоуправляющего почтовым ведомством, сохранив вместе с тем должность военного губернатора Петербурга и в качестве такового начальника гарнизона и всей полиции. Мы узнали, что все Зубовы, которые были высланы в свои деревни, вернулись в Петербург, а вместе с ними г-жа Жеребцова, рожденная Зубова, известная своей связью с лордом Уитвортом, что все они приняты ко Двору и сделались близкими, интимными друзьями в доме доброго и честного генерала Оболянинова, генерал-прокурора Сената. Мы слышали также, что у некоторых генералов — Талызина, двух Ушаковых, Десперадовича и других — бывают часто интимные сборища, устраиваются de petits soupers fins², которые длятся за полночь, и что бывший полковник Хитров, прекрасный и умный человек, но настоящий гоуб³, близкий к Константину, также устраивает маленькие рауты близ самого Михайловского дворца.

Все эти новости, которые раньше были запрещены, доказывали нам, что в Петербурге происходит что-то необыкновенное, тем более

¹ Защищающую от удара (пер. с франц.).

² Небольшие изысканные ужины (пер. с франц.).

³ Паут (пер. с франц.).

что патрули и рынды около Михайловского дворца постоянно были наготове.

Зимой 1800 года в дипломатических кругах Петербурга царило сильное беспокойство: Император Павел, недовольный поведением Австрии во время Итальянской кампании Суворова 1799 года и образом действий Англии к Голландии, внезапно выступил из коалиции и в качестве гроссмейстера Мальтийского ордена объявил Англии войну, которую собирался энергично начать весной 1801 года.

В феврале того же года полк наш возвращен из Царскосельской ссылки и помещен был в Петербурге, в доме Гарновского. Генерал-майор Кожин, который во время нашей ссылки был назначен к нам в качестве строгого службиста, переведен в армейский полк, а генерал-лейтенант Тормасов — превосходный офицер и достойнейший человек — сделан нашим полковым командиром, милость, которую мы просто не знали, чем себе объяснить.

По возвращении в Петербург я был самым радушным образом принят старыми друзьями и даже самим графом Паленом, генералом Талызиным и многими другими, а также Зубовыми и Оболяниновым. Меня стали приглашать на интимные обеды, причем меня всегда поражало одно обстоятельство: после этих обедов по вечерам никогда не завязывалось общего разговора, но всегда беседовали отдельными кружками, которые тотчас расходились, когда к ним подходило новое лицо. Я заметил, что генерал Талызин и другие подошли ко мне, как будто с намерением сообщить мне что-то по секрету, а затем остановились, сделали задумчивыми и замолкли. Вообще по всему видно было, что в этом обществе затевалось что-то необыкновенное.

Судя же по той вольности, с которой Императора порицали, высмеивали его странности и осуждали его строгости, я сразу догадался, что против него затевается заговор. Подозрения мои особенно усилились после одного обеда у Талызина (за которым нас было четверо), после «*petite soirée*»¹ у Хитровых и раута у Зубовых. Когда однажды за обедом у Палена я нарочно довольно резко выразился об Императоре, граф посмотрел мне пристально в глаза и сказал: «*J-f-qui parle et brave homme qui agit*»². Всего этого было достаточно, чтобы рассеять мои сомнения, и обстоятельство это глубоко меня расстроило. Я вспомнил свой дом, свою присягу на верность, помнил многие добрые качества Павла и в конце концов почувствовал себя очень несчастным.

¹ Небольшая вечеринка (пер. с франц.).

² Дурак, кто болтает, молодец, кто действует (пер. с франц.).

Между тем все эти догадки не представляли ничего определенного: не было ничего осязательного, на основании чего я мог бы действовать или даже держаться известного образа действий. В таком состоянии нерешительности я отправился к моему старому другу Тончи¹, который сразу разрешил мое недоумение, сказав следующее: «Будь верен своему Государю и действуй твердо и добросовестно; но так как ты, с одной стороны, не в силах изменить странного поведения Императора, ни удержать, с другой стороны, намерений народа, каковы бы они ни были, то тебе надлежит держаться в разговорах того строгого и благоразумного тона, в силу которого никто бы не осмелился подойти к тебе с какими бы то ни было секретными предложениями». Я всеми силами старался следовать этому совету, и, благодаря ему, мне удалось остаться в стороне от ужасных событий этой эпохи.

Около этого времени Великая княгиня Александра Павловна, супруга эрцгерцога Иосифа Палатина Венгерского, была при смерти и известие о ее кончине ежечасно ожидалось из Вены. Император Павел был чрезвычайно недоволен Австрией за ее образ действий в Швейцарии, результатом которого было поражение Корсакова под Цюрихом и совершенная неудача знаменитой кампании Суворова в Италии, откуда он отступил на север через Сен-Готард. Англии была объявлена война, на имущества англичан наложено эмбарго, и уже делались большие приготовления, дабы в союзе с Францией начать морскую войну против этой державы с открытием весенней навигации.

Все эти обстоятельства произвели на общество удручающее впечатление. Дипломатический корпус прекратил свои обычные приемы; значительная часть петербургских домов, из которых некоторые славилась своим широким гостеприимством, изменили свой образ жизни. Самый Двор, запертый в Михайловском замке, охранявшемся наподобие средневековой крепости, также влачил скучное и однообразное существование. Император, поместивший свою любовницу в замке, уже не выезжал, как он это делал прежде, и даже его верховые прогулки ограничивались так называемым третьим летним садом, куда, кроме самого Императора, Императрицы и ближайших лиц

¹ Тончи был родом неаполитанский дворянин, прибывший в Россию в свите польского короля в качестве философа, поэта и художника. Это был чрезвычайно умный и образованный человек. Он любил меня как сына и смотрел как на своего воспитанника. Я много обязан этому почтенному человеку. — *Примеч. автора.*

свиты, никто не допускался. Аллеи этого парка или сада постоянно очищались от снега для зимних прогулок верхом.

Во время одной из этих прогулок, около четырех или пяти дней до смерти Императора (в это время стояла оттепель), Павел вдруг остановил свою лошадь и, обернувшись к обер-штаалмейстеру Муханову, ехавшему рядом с Императрицей, сказал сильно взволнованным голосом: «Мне показалось, что я задыхаюсь и у меня не хватает воздуха, чтобы дышать. Я чувствовал, что умираю... Разве они хотят задушить меня?» Муханов отвечал: «Государь, это вероятно действие оттепели». Император ничего не ответил, покачал головой и лицо его сделалось очень задумчивым. Он не проронил ни единого слова до самого возвращения в замок.

Какое странное предостережение! Какое загадочное предчувствие! Рассказ этот мне сообщил Муханов в тот же вечер, причем прибавил, что он обедал при Дворе и что Император был более задумчив, чем обыкновенно, и говорил мало. От Муханова же я узнал, что г-жа Жеребцова в этот вечер простилась с Обольяниновыми и что она едет за границу. Она остановилась в Берлине; впрочем, об этом я еще буду иметь случай сообщить впоследствии.

Теперь я подхожу к чрезвычайно знаменательной эпохе в истории России, эпохе, в событиях которой мне до известной степени пришлось быть действующим лицом и живым свидетелем и очевидцем многих обстоятельств, причем некоторые подробности об этих крайне важных событиях я узнал немедленно же из самых достоверных источников. При описании этих событий мной руководит искреннее желание сказать правду, одну только правду. Тем не менее, я буду просить читателя строго различать то, что я лично видел и слышал от тех фактов, которые мне были сообщены другими лицами и о которых я по необходимости должен упоминать для полноты рассказа.

11 марта 1801 года эскадрон, которым я командовал и который носил мое имя, должен был выставить караул в Михайловский замок. Наш полк имел во дворце внутренний караул, состоявший из 24 рядовых, трех унтер-офицеров и одного трубача. Он находился под командой офицера и был выстроен в комнате перед кабинетом Императора спиной к ведущей в него двери. Корнет Андреевский был в этот день дежурным по караулу.

Через две комнаты стоял другой внутренний караул от Гренадерского батальона Преображенского полка, любимого Государева полка, который был ему особенно предан. Этот караул находился под командой подпоручика Марина и был, по-видимому, с намерением

составлен на одну треть из старых Преображенских гренадеров и на две трети из солдат, включенных в этот полк после раскассирования Лейб-гренадерского полка, происшедшего по внушению генерала графа Карла Ливена¹, человека чрезвычайно строгого и вспыльчивого. Полк этот в течение многих царствований, особенно же при Екатерине, считался одним из самых блестящих, храбрых и наилучше дисциплинированных, и солдаты этого полка, вследствие его раскассирования, были весьма дурно расположены к Императору.

Главный караул (the main guard) во дворе замка (а также наружные часовые) состоял из роты Семеновского Великого князя Александра полка и находился под командой капитана из гатчинцев, который подобно марионетке исполнял все внешние формальности службы, не отдавши себе, по-видимому, никакого отчета, для чего они установлены.

В 10 часов утра я вывел свой караул на плац-парад, а между тем как происходил развод, адъютант нашего полка Ушаков сообщил мне, что по именному приказанию Великого князя Константина Павловича я сегодня назначен дежурным полковником по полку. Это было совершенно противно служебным правилам, так как на полковника, эскадрон которого стоит в карауле и который обязан осматривать посты, никогда не возлагается никаких иных обязанностей. Я заметил это Ушакову несколько раздраженным тоном и уже собирался немедленно пожаловаться Великому князю, но, к удивлению всех, оказалось, что ни его, ни Великого князя Александра Павловича не было на разводе. Ушаков не объяснил мне причин всего этого, хотя, по-видимому, он их знал.

Так как я не имел права не исполнить приказания Великого князя, то я повел караул во дворец и, напомнив офицеру о всех его обязанностях (ибо я не рассчитывал уже видеть его в течение дня), я вернулся в казармы, чтобы исполнить мою должность дежурного по полку.

В 8 часов вечера, приняв рапорты от дежурных офицеров пяти эскадронов, я отправился в Михайловский замок, чтобы сдать мой рапорт Великому князю Константину как шефу полка.

Выходя из саней у большого подъезда, я встретил камер-лакея у собственных Его Величества апартаментов, который спросил меня,

¹Это был старший брат князя Ливена, бывшего долгое время послом в Англии. Граф Карл Ливен недолго оставался на военной службе и, удалившись в свои поместья, вскоре, по милости Божией, сделался смиренным и благочестивым христианином. В конце своей жизни он был сделан членом Государственного Совета и президентом Протестантского Синода и состоял председателем некоторых библейских обществ. — *Примеч. автора.*

куда я иду. Я хорошо знал этого человека и, думая, что он спрашивает меня из простого любопытства, отвечал, что иду к Великому князю Константину. «Пожалуйста, не ходите, — отвечал он, — ибо я тотчас должен донести об этом Государю». — «Не могу не пойти, — сказал я, — потому что я дежурный полковник и должен явиться с рапортом к его Высочеству; так и скажите Государю». Лакей побежал по лестнице на одну сторону замка, я поднялся на другую.

Когда я вошел в переднюю Константина Павловича, Рутковский, его доверенный камердинер, спросил меня с удивленным видом: «Зачем вы пришли сюда?» Я ответил, бросая шубу на диван: «Вы, кажется, все здесь с ума сошли! Я — дежурный полковник». Тогда он отпер дверь, но и сказал: «Хорошо, войдите».

Я застал Константина в трех-четыре шагах от двери: он имел вид очень взволнованный. Я тотчас отрапортовал ему о состоянии полка. Между тем пока я рапортовал, Великий князь Александр вышел из двери, прокрадываясь как испуганный заяц (*like a frightened hare*). В эту минуту открылась задняя дверь, и вошел Император *propria persona*¹, в сапогах и шпорах, со шляпой в одной руке и тростью в другой и направился к нашей группе церемониальным шагом, словно на параде.

Александр поспешно убежал в собственный апартамент; Константин стоял пораженный, с руками, бьющими по карманам, словно безоружный человек, очутившийся перед медведем. Я же, повернувшись по уставу на каблуках, отрапортовал Императору о состоянии полка. Император сказал: «А, ты дежурный!» — очень учтиво кивнул мне головой, повернулся и пошел к двери. Когда он вышел, Александр немного открыл свою дверь и заглянул в комнату. Константин стоял неподвижно. Когда вторая дверь в ближайшей комнате громко стукнула, как будто ее с силой захлопнули, доказывая, что Император действительно ушел, Александр, крадучись, снова подошел к нам.

Константин сказал: «Ну, братец, что скажете Вы о моих?» — указывая на меня. «Я говорил Вам, что он не испугается!» Александр спросил: «Как? Вы не боитесь Императора?» — «Нет, Ваше Высочество, чего же мне бояться? Я дежурный, да еще вне очереди; я исполняю мою обязанность и не боюсь никого, кроме Великого князя, и то потому, что он мой прямой начальник, точно так же, как мои солдаты не боятся Его Высочества и боятся одного меня». — «Так Вы ничего не знаете?» — возразил Александр. — «Ничего, Ваше Высочество, кроме того, что я дежурный вне очереди». — «Я так приказал», — сказал

¹ Собственной персоной (*пер. с лат.*).

Константин. — «К тому же, — сказал Александр, — мы оба под арестом». Я засмеялся. Великий князь сказал: «Отчего Вы смеетесь?» — «Оттого, — ответил я, — что Вы давно желали этой чести». — «Да, но не такого ареста, какому мы подверглись теперь. Нас обоих водил в церковь Оболянинов присягать в верности». — «Меня нет надобности приводить к присяге, — сказал я, — я верен». — «Хорошо, — сказал Константин, — теперь отправляйтесь домой и смотрите, будьте осторожны». Я поклонился и вышел.

В передней, пока камердинер Рутковский подавал мне шубу, Константин Павлович крикнул: «Рутковский, стакан воды». Рутковский налил, и я заметил ему, что на поверхности плавает перышко. Рутковский вынул его пальцем и, бросив на пол, сказал: «Сегодня оно плавает, но завтра потонет».

Затем я оставил дворец и отправился домой. Было ровно девять часов и, когда сел в свое кресло, я, как легко себе представить, предался довольно тревожным размышлениям по поводу всего, что только слышал и видел в связи с предчувствиями, которые я имел раньше. Мои размышления однако же были непродолжительны. В три четверти десятого мой слуга, Степан, вошел в комнату и ввел ко мне фельдъегеря. «Его Величество желает, чтобы вы немедленно явились во дворец». — «Очень хорошо», — отвечал я, — и велел подать сани.

Получить такое приказание через фельдъегеря считалось в те времена делом нешуточным и плохим предзнаменованием. Я однако же не имел дурных предчувствий и, немедленно отправившись к моему караулу, спросил офицера Андреевского, все ли обстоит благополучно? Он ответил, что совершенно благополучно; что Император и Императрица три раза проходили мимо караула, весьма благоклонно поклонились ему и имели вид очень милостивый. Я сказал ему, что за мной послал Государь и что я не приложу ума, зачем бы это было. Андреевский также не мог догадаться, ибо в течение дня все было в порядке.

В шестнадцать минут одиннадцатого часовой крикнул: «Вон!», и караул вышел и выстроился. Император показался из двери, в башмаках и чулках, ибо он шел с ужина. Ему предшествовала любимая его собачка Шпиц, а следовал за ним Уваров, дежурный генерал-адъютант. Собачка подбежала ко мне и стала ласкаться, хотя прежде того никогда меня не видела. Я отстранил ее шляпой, но она опять кинулась ко мне, и Император отогнал ее ударом шляпы, после чего Шпиц сел позади Павла Петровича на задние лапки, не переставая пристально глядеть на меня.

Император подошел ко мне (я стоял шагах в двух от караула) и сказал по-французски: «Vous êtes des Jacobins»¹. Несколько озадаченный этими словами, я ответил: «Oui, Sire!»² Он возразил: «Pas Vous, mais le regiment»³. На это я возразил: «Passe encore pour moi, mais Vous Vous trompez pour le regiment»⁴. Он ответил по-русски: «А я лучше знаю. Сводить караул!» Я скомандовал: «По отделениям, направо! Марш!» Корнет Андреевский вывел караул через дверь и отправился с ним домой. Шпиц не шевелился и все время во все глаза смотрел на меня.

Затем Император, продолжая разговор по-русски, повторил, что мы якобинцы. Я вновь отверг это обвинение. Он снова заметил, что лучше знает, и прибавил, что он велел выслать полк из города и расквартировать его по деревням, причем сказал мне весьма милостиво: «А ваш эскадрон будет помещен в Царском Селе; два бригад-майора будут сопровождать полк до седьмой версты; распорядитесь, чтобы он был готов утром в четыре часа в полной походной форме и с поклажей». Затем, обращаясь к двум лакеям, одетым в гусарскую форму, но не вооруженным, он сказал: «Вы же два займите этот пост», — указывая на дверь. Уваров все это время за спиной Государя делал гримасы и усмехался, а верный Шпиц, бедняжка, все время серьезно смотрел на меня. Император затем поклонился мне особенно милостиво и ушел в свой кабинет.

Тут, может быть, кстати, будет пояснить, как был расположен внутри кабинет Императора. То была длинная комната, в которую входили через дверь, и так как некоторые из стен замка были достаточно толсты, чтобы вместить в себе внутреннюю лестницу, то в толщине стены, между дверьми и была устроена такая лестница, которая вела в апартаменты княгини Гагариной, а также графа Кутайсова. На противоположном конце кабинета была дверь, ведущая в опочивальню Императрицы, и рядом с ней камин; на правой стороне стояла походная кровать Императора, над которой всегда висели шпага, шарф и трость Его Величества. Император всегда спал в кальсонах и в белом полотняном камзоле с рукавами.

Получив, как сказано выше, приказания от Его Величества, я вернулся в полк и передал их генералу Торماسову, который молча покачал головой и велел мне сделать в казармах распоряжения, чтобы

¹ Вы — якобинцы.

² Да, мой Государь.

³ Да не Вы, а ваш полк.

⁴ Пусть буду я, но относительно полка Вы ошибаетесь (*пер. с франц.*).

все было готово и лошади оседланы к четырем часам. Это было ровно в 11 часов, за час до полуночи. Я вернулся к своему вольтеровскому креслу в глубоком раздумье.

Несколько минут после часу пополудни, 12 марта, Степан, мой камердинер, опять вошел в мою комнату с собственным ездовым Великого князя Константина, который вручил мне собственноручную записку Его Высочества, написанную, по-видимому, весьма спешно и взволнованным почерком, в которой значилось следующее: «Собрать тотчас же полк верхом как можно скорее, с полною амуницией, но без поклажи и ждать моих приказаний». Подписано: «Константин Цесаревич».

Потом ездовой на словах прибавил: «Его Высочество приказал мне передать вам, что дворец окружен войсками и чтобы вы зарядили карабины и пистолеты боевыми патронами».

Я тотчас велел моему камердинеру надеть шубу и шапку и идти за мной. Я довел его и ездового до ворот казармы и поручил последнему доложить Его Высочеству, что приказания его будут исполнены. Камердинера же своего я послал в дом к моему отцу рассказать все то, что он слышал, и велел ему оставаться там, пока сам не приеду.

Я знал то влияние, которое имею на солдат, и что без моего согласия они не двинутся с места; к тому же я был, очевидно, обязан ограждать их от ложных слухов. Наша казарма была домом с толстыми стенами, выстроенная в виде пустого четырехугольника, с двумя только воротами. Так как была еще зима и везде были вставлены двойные окна, то я легко мог сделать из этого здания непроницаемую крепость, заперев наглухо и заколов гвоздями задние ворота и поставив у передних ворот парных часовых со строгим приказанием никого не впускать. Я поступил так потому, что не был вполне уверен в образе мыслей генерала Торماسова при данных обстоятельствах; вот почему я распорядился поставить у дверей его квартиры часового, строго приказав ему никого не пропускать.

Затем я отправился в конюшни, велел созвать солдат и немедленно седлать лошадей. Так как дело было зимой, то мы были принуждены зажечь свечи, яркий свет которых тотчас разбудил весь полк. Некоторые из полковников упрекнули меня в том, что я так «чертовски спешу», когда до четырех часов еще времени достаточно. Я не отвечал, но так как, зная меня, они рассудили, что я не стал бы действовать таким образом без уважительных причин, то все они последовали моему примеру каждый в своем эскадроне. Тем не менее, когда я приказал заряжать карабины и пистолеты боевыми патронами, все они возражали, и у нас вышел маленький спор; но так как я лично

получил приказания от Его Высочества, они пришли к убеждению, что я, должно быть, прав, и поступили так же, как и я.

Между тремя и четырьмя часами утра меня вызвали к передовому караулу у ворот. Тут я увидел Ушакова, нашего полкового адъютанта. «Откуда Вы? Вы не ночевали в казарме?» — спросил я его.

— Я из Михайловского замка.

— А что там делается?

— Император Павел умер, и Александр провозглашен Императором.

— Молчите! — отвечал я и тотчас повел его к генералу, отпустив поставленный мной караул.

Мы вошли в гостиную, которая была рядом со спальней. Я довольно громко крикнул: «Генерал, генерал, Александр Петрович!». Жена его проснулась и спросила: «Кто там?» — «Полковник Саблуков, сударыня». — «А, хорошо», — и она разбудила своего мужа. Его Превосходительство надел халат и туфли и вышел в ночном колпаке, протирая глаза, еще полусонный.

— В чем дело? — спросил он.

— Вот, Ваше Превосходительство, адъютант, он только что из дворца и все вам скажет...

— Что же, сударь, случилось? — обратился он к Ушакову.

— Его Величество Государь Император скончался: он умер от удара...

— Что такое, сударь? Как смеете вы это говорить! — воскликнула генерал.

— Он действительно умер, — сказал Ушаков. — Великий князь вступил на престол, и военный губернатор передал мне приказ, чтобы Ваше Превосходительство немедленно привели полк к присяге Императору Александру.

Он сказал нам тоже, что Михайловский замок окружен войсками и что Александр с женой Елизаветой переехал в Зимний дворец под прикрытием кавалергардов, которыми предводительствовал сам Уваров.

Убедившись в справедливости сообщенного известия, генерал Тормасов сказал мне по-французски:

«Eh bien, mon cher Colonel, faites sortir le régiment, préparez le prêtre et l'Évangile et réglez tout cela. Je m'habillerai et je descendrai tout de suite»¹.

¹Итак, дорогой полковник, выводите полк, подготовьте священника и Евангелие и все устройте. Я оденусь и тотчас же спущусь (пер. с франц.).

Ушаков в заключение прибавил, что генерал Беннигсен был оставлен комендантом Михайловского замка.

12 марта, между четырьмя и пятью часами утра, когда только что начинало светать, весь полк был выстроен в пешем строю на дворе казарм. Отец Иоанн, наш полковой священник, вынес крест и Евангелие на аналое и поставил его перед полком. Генерал Торماسов громко объявил о том, что случилось: Император Павел скончался от апоплексического удара и что Александр I вступил на престол. Затем он велел приступить к присяге. Речь эта произвела мало впечатления на солдат: они не ответили на нее криками «ура!», как он того ожидал. Он затем пожелал, чтобы я в качестве дежурного полковника поговорил с солдатами. Я начал с Лейб-эскадрона, в котором служил столько лет, что знал в лицо каждого рядового. На правом фланге стоял рядовой Григорий Иванов, примерный солдат, статный и высокого роста. Я сказал ему: «Ты слышал, что случилось?»

— Точно так.

— Присягнете вы теперь Александру?

— Ваше Высокоблагородие, — ответил он, — видели ли Вы Императора Павла действительно мертвым?

— Нет, — ответил я.

— Не чудно ли было бы, — сказал Григорий Иванов, — если бы мы присягнули Александру, пока Павел еще жив?

— Конечно, — ответил я.

Тут Тормасов шепотом сказал мне по-французски:

— *Cela est mal, arrangez cela*¹.

Тогда я обратился к нему и громко по-русски сказал: «Позвольте мне заметить, Ваше Превосходительство, что мы приступаем к присяге не по уставу: присяга никогда не приносится без штандартов». Тут я шепнул ему по-французски, чтобы он приказал мне послать за ними. Генерал сказал громко:

— Вы совершенно правы, полковник, пошлите за штандартами.

Я скомандовал первому взводу сесть на лошадей и велел взводному командиру, корнету Филатьеву, непременно показать солдатам Императора Павла живого или мертвого.

Когда они прибыли во дворец, генерал Беннигсен в качестве коменданта дворца велел им принять штандарты, но корнет Филатьев заметил ему, что необходимо прежде показать солдатам покойника.

¹ Это плохо, уладьте это (пер. с франц.).

Тогда Беннигсен воскликнул: «*Mais c'est Impossible, Il est abîmé, fracassé, on est actuellement à le peindre et à l'arranger!*»¹.

Филатьев ответил, что, если солдаты не увидят Павла мертвым, полк отказывается присягнуть новому Государю. — «*Ah, ma foi! —* сказал старик Беннигсен, — *s'ils lui sont si attachés, Ils n'ont qu'à le voir!*»². Два ряда были впущены и видели тело Императора.

По прибытии штандартов им были отданы обычные почести с соблюдением необходимого этикета. Их передали в соответствующие эскадроны, и я приступил к присяге. Прежде всего я обратился к Григорию Иванову.

— Что же, братец, видел ты Государя? Действительно он умер?

— Так точно, Ваше Высокоблагородие, крепко умер!

— Присягнишь ли ты теперь Александру?

— Точно так... хотя лучше покойного ему не быть... А впрочем, все одно: кто ни поп, тот и батька.

Так окончился обряд (присяги), который по смыслу своему долженствовал быть священным таинством; впрочем, он всегда и был таковым... для солдат...

Теперь я буду продолжать свое повествование уже со слов других лиц, но на основании данных, самых достоверных и ближайших к тому времени, когда совершилась эта ужасная катастрофа.

Вечером 11 марта заговорщики разделились на небольшие кружки. Ужинали у полковника Хитрова, у двух генералов Ушаковых, у Депрерадовича (Семеновского полка) и у некоторых других. Поздно вечером все соединились вместе за одним общим ужином, на котором присутствовали: генерал Беннигсен и граф Пален. Было выпито много вина, и многие выпили более, чем следует. В конце ужина, как говорят, Пален будто бы сказал: «*Rappelez-vous, Messieurs, que pour manger d'une omelette Il faut commencer par casser les oeufs!*»³.

Говорят, за этим ужином Лейб-гвардии Измайловского полка полковник Бибиков⁴, прекрасный офицер, находившийся в родстве

¹ Но это невозможно, он очень плохо выглядит, весь разбит и сейчас его должны подгримировать и привести в порядок (*пер. с франц.*).

² Право, если они к нему так привязаны, они должны его увидеть (*пер. с франц.*).

³ Помните, господа, для того чтобы съесть омлет, нужно прежде разбить яйца (*пер. с франц.*).

⁴ Очевидно, имеется в виду Александр Александрович Бибиков (1765—1822), в указанное время полковник Измайловского полка, ставший позже тайным советником и сенатором.

со всей знатью, будто бы высказал во всеуслышание мнение, что нет смысла стараться избавиться от одного Павла; что России не легче будет с остальными членами его семьи и что лучше всего было бы отделаться от них всех сразу. Как ни возмутительно подобное предложение, достойно внимания то, что оно было вторично высказано в 1825 году во время последнего заговора, сопровождавшего вступление на престол Императора Николая Первого.

Около полуночи большинство полков, принимавших участие в заговоре, двинулись ко дворцу. Впереди шли семеновцы, которые и заняли внутренние коридоры и проходы замка.

Заговорщики встали с ужина немного позже полуночи. Согласно выработанному плану, сигнал к вторжению во внутренние апартаменты дворца и в самый кабинет Императора должен был подать Аргамаков¹, адъютант Гренадерского батальона Преображенского полка, обязанность которого заключалась в том, чтобы докладывать Императору о пожарах, происходящих в городе. Аргамаков вбежал в переднюю Государева кабинета, где недавно еще стоял караул от моего эскадрона, и закричал: «Пожар!»

В это время заговорщики числом до 180 человек бросились в дверь. Тогда Марин, командовавший внутренним пехотным караулом, удалил верных grenадер Преображенского Лейб-батальона, расставив их часовыми, а тех из них, которые прежде служили в Лейб-гренадерском полку, поместил в передней Государева кабинета, сохранив, таким образом, этот важный пост в руках заговорщиков.

Два камер-гусара, стоявшие у двери, храбро защищали свой пост, но один из них был заколот, а другой ранен. Найдя первую дверь, ведущую в спальню, незапертой, заговорщики сначала подумали, что Император скрылся по внутренней лестнице (и это ему легко бы удалось), как это сделал Кутайсов. Но когда они подошли ко второй двери, то нашли ее запертой изнутри, это доказывало, что Император, несомненно, находился в спальне.

Взломав дверь, заговорщики бросились в комнату, но Императора в ней не оказалось. Начались поиски, но безуспешно, несмотря на то, что дверь, ведущая в опочивальню Императрицы, также была заперта изнутри. Поиски продолжались несколько минут, когда вошел генерал Беннигсен, высокого роста флегматичный человек; он подошел к камину, прислонился к нему и в это время увидел Императора,

¹ Аргамаков Александр Васильевич (1776—1833) — в указанное время поручик, дежурный адъютант Лейб-гвардии Преображенского полка, впоследствии полковник, командир 1-го Егерского полка.

спрятавшегося за экраном. Указав на него пальцем, Беннигсен сказал по-французски: «*le voilà!*»¹, после чего Павла тотчас вытащили из его прикрытия.

Князь Платон Зубов, действовавший в качестве оратора и главного руководителя заговора, обратился к Императору с речью. Отличавшийся обыкновенно большой нервностью, Павел на этот раз, однако, не казался особенно взволнованным и, сохраняя полное достоинство, спросил, что им всем здесь нужно?

Платон Зубов отвечал, что деспотизм его сделался настолько тяжёлым для нации, что они пришли требовать его отречения от престола.

Император, преисполненный искреннего желания доставить своему народу счастье, сохранять нерушимо законы и постановления Империи и водворить повсюду правосудие, вступил с Зубовым в спор, который длился около получаса и который, в конце концов, принял бурный характер. В это время те из заговорщиков, которые слишком много выпили шампанского, стали выражать нетерпение, тогда как Император в свою очередь говорил все громче и сильно начал жестикулировать. В это время штабмейстер граф Николай Зубов, человек громадного роста и необыкновенной силы, будучи совершенно пьян, ударил Павла по руке и сказал: «Что ты так кричишь!»

При этом оскорблении Император с негодованием оттолкнул левую руку Зубова, на что последний, сжимая в кулаке массивную золотую табакерку, со всего размаху нанес правой рукой удар в левый висок Императора, вследствие чего тот без чувств повалился на пол. В ту же минуту француз-камердинер Зубова вскочил с ногами на живот Императора, а Скарятин², офицер Измайловского полка, сняв висевший над кроватью собственный шарф Императора, задушил его им. Таким образом его прикончили.

На основании другой версии, Зубов, будучи сильно пьян, будто бы запустил пальцы в табакерку, которую Павел держал в руках. Тогда Император первый ударил Зубова и таким образом сам начал ссору. Зубов будто бы выхватил табакерку из рук Императора и сильным ударом сшиб его с ног. Но это едва ли правдоподобно, если принять во внимание, что Павел выскочил прямо из кровати и хотел скрыться. Как бы то ни было, во всяком случае несомненно, что табакерка играла в этом событии известную роль.

¹ Вот он (*пер. с франц.*).

² Скарятин Яков Фёдорович (1776—1850) — штабс-капитан Измайловского полка, в 1807 году вышел в отставку в чине полковника.

Итак, произнесенные Паленом за ужином слова «qu'il faut com-
mencer par casser les oeufs»¹ не были забыты и, увы, приведены в ис-
полнение.

Называли имена некоторых лиц, которые выказали при этом случае
много жестокости, даже зверства, желая выместить полученные от
Императора оскорбления на безжизненном его теле, так что докторам
и гримерам было нелегко привести тело в такой вид, чтобы можно было
выставить его для поклонения, согласно существующим обычаям. Я ви-
дел покойного Императора, лежащего в гробу². На лице его, несмотря
на старательную гримировку, видны были черные и синие пятна. Его
треугольная шляпа была так надвинута на голову, чтобы по возмож-
ности скрыть левый глаз и висок, которые были зашиблены.

Так умер 12 марта 1801 года один из Государей, о котором история
говорит, что он был преисполнен многих добродетелей, отличался
неутомимой деятельностью, любил порядок и справедливость, был
добр и искренно набожен. В день своей Коронации он опубликовал
акт, устанавливающий порядок престолонаследия в России. Земле-
делие, промышленность, торговля, искусства и науки имели в нем
надежного покровителя. Для насаждения образования и воспитания
он основал в Дерпте университет, в Петербурге — училище для во-
енных сирот (Павловский корпус). Для женщин: Институт ордена
Св. Екатерины и учреждения ведомства Императрицы Марии.

Отвратительно упоминать об именах убийц, отличавшихся своим
зверством во время этой катастрофы. Я могу только присовокупить,
что большинство из них я знал до момента их кончины, которая у
многих представляла ужасную нравственную агонию в связи с самыми
жестокими телесными муками.

Да будет благословенна благодетельная Десница Провидения, со-
хранившая меня от всякого соучастия в этом страшном злодеянии!

* * *

Возвращаюсь теперь к трагическим происшествиям 12 марта
1801 года.

Как только обер-штабмейстер Сергей Ильич Муханов, состояв-
ший при особе Императрицы Марии Фёдоровны, узнал о том, что

¹ Что нужно прежде разбить яйца (*пер. с франц.*).

² Говорят (из достоверного источника), что, когда Дипломатический корпус
был допущен к телу, французский посол, проходя, нагнулся над гробом и, задев
рукой за галстук Императора, обнаружил красный след вокруг шеи, сделанный
шарфом. — *Примеч. автора.*

случилось, он поспешно разбудил графиню Ливен, старшую статс-даму и воспитательницу Августейших детей, ближайшего и доверенного друга Императрицы, особу большого ума и твердого характера, одаренную почти мужской энергией.

Графиня Ливен отправилась в опочивальню Ее Величества. Было два часа пополудни. Государыня вздрогнула и спросила: «Кто там?» — «Это я, Ваше Величество!» — «О! — сказала Императрица, — я уверена, что Александра¹ умерла». — «Нет, Государыня, не она...» — «О! Так это Император!..»

При этих словах Императрица стремительно поднялась с постели и как была, без башмаков и чулков, бросилась к двери, ведущей в кабинет Императора, служивший ему и спальней. Графиня Ливен имела только время набросить салоп на плечи Ее Величества.

Между спальнями Императора и Императрицы была комната с особым входом и внутренней лестницей. Сюда введен был пикет семеновцев, чтобы не допускать никого в кабинет Императора с этой стороны. Этот пикет находился под командой моего двоюродного брата, капитана Александра Волкова, офицера, лично известного Императрице и пользовавшегося особым ее покровительством.

В ужасном волнении, с распущенными волосами и в описанном уже костюме Императрица вбежала в эту комнату с криком «пустите меня! пустите меня!». Гренадеры скрестили штыки. Со слезами на глазах она обратилась тогда к Волкову и просила пропустить ее. Он отвечал, что не имеет права. Тогда она опустилась на пол и, обнимая колена часовых, умоляла пропустить ее. Грубые солдаты рыдали при виде ее горя, но с твердостью исполнили приказ. Тогда Императрица встала с достоинством и твердой походкой вернулась в свою спальню. Бледная и неподвижная, как мраморная статуя, она опустилась в кресло и в таком состоянии ее одели.

Муханов, ее верный друг, был первым мужчиной, которого она допустила в свое присутствие. С этой минуты он постоянно был при ней до самой смерти².

Рано утром (12 марта) из Зимнего Дворца явился посланный, если я не ошибаюсь, это был сам Уваров. Именем Императора и Императрицы он умолял вдовствующую Государыню переехать к ним.

¹ Великая Княгиня Александра Павловна, супруга эрцгерцога Иосифа, Палатина Венгерского. — *Примеч. автора.*

² Как воспоминание об услугах, оказанных Мухановым в эту эпоху, Государыня Мария Фёдоровна подарила ему свой портрет в траурном платье, прекрасную картину, находящуюся в настоящее время в семье Мухановых. — *Примеч. автора.*

— Скажите моему сыну, — отвечала Императрица, — что до тех пор, пока я не увижу моего мужа мертвым собственными глазами, я не признаю Александра своим Государем.

Необходимо теперь заметить, что Пален не терял из виду Александра, который был молод и робок. Пален не пошел вместе с заговорщиками, но остался в нижнем этаже вместе с Александром, который, как известно, находился под арестом, равно как и Константин, в той комнате, где я их видел. На этом основании злые языки впоследствии говорили, что, если бы Павел спасся (как это и могло случиться), граф Пален, вероятно, арестовал бы Александра и изменил бы весь ход дела. Одно не подлежит сомнению — Пален очень хладнокровно все предусмотрел и принял возможные меры к тому, чтобы избежать всяких случайностей. Павел, сильно взволнованный в последние дни, высказал Палену желание послать нарочного за Аракчеевым. Нарочный был послан, и Аракчеев прибыл в Петербург вечером в самый день убийства, но его не пропустили через заставу.

Генерал Кологривов, который командовал гусарами и был верный и преданный слуга Императора, в этот вечер был у себя дома и играл в вист с генерал-майором Кутузовым, который служил под его начальством. Ровно в половине первого той ночи Кутузов вынул свои часы и заявил Кологривову, что он арестован и что ему приказано наблюдать за ним. Вероятно, Кутузов принял необходимые меры на случай сопротивления со стороны хозяина дома.

Майор Горголи, бывший плац-майором, очень милый молодой человек, получил приказание арестовать графа Кутайсова и актрису Шевалье, с которой был в связи и у которой он часто ночевал в доме. Так как его не нашли во дворце, то думали, что он у нее. Пронырливый Фигаро, однако, скрылся по потайной лестнице и, забыв о своем господине, которому всем был обязан, выбежал без башмаков и чулок, в одном халате и колпаке и в таком виде бежал по городу, пока не нашел себе убежища в доме Степана Сергеевича Ланского, который, как человек благородный, не выдал его, пока не миновала всякая опасность. Что касается актрисы Шевалье, то, как говорят, она приложила все старания, чтобы показаться особенно обворожительной, но Горголи, по-видимому, не отдал дань ее прелестям, так что она отделалась одним страхом.

Можно было думать, что, получив упомянутый ответ от своей матери, которую он любил столь же нежно, как и был любим ею, Александр немедленно придет броситься в ее объятия. Но тогда он должен был бы разрешить ей взглянуть на тело ее убитого мужа,

а этого, увы, нельзя было дозволить; нельзя было допустить Императрицу к телу в том его виде, в каком его застали солдаты Конной гвардии. Уборка тела, гримировка, бальзамирование и облачение в мундир длились более 30 часов, и только на другой день после смерти поздно вечером Павла показали убитой горем Императрице.

Следующий же день после ужасных событий 11 марта наглядно показал все легкомыслие и пустоту столичной, придворной и военной публики того времени. Одной из главных жестокостей, в которых обвиняли Павла, считалась его настойчивость и строгость относительно старомодных костюмов, причесок, экипажей и других мелочей. Как только известие о кончине Императора распространилось в городе, немедленно же появились прически à la Titus¹, исчезли косы, обрезались букаки и панталоны; круглые шляпы и сапоги с отворотами наполнили улицы. Дамы также, не теряя времени, облеклись в новые костюмы, и экипажи, имевшие вид старых немецких или французских attelagés², исчезли, уступив место русской упряжи, с кучерами в национальной одежде и с форейторами³ (что было строго запрещено Павлом), которые с обычной быстротой и криками понеслись по улицам. Это движение, вдруг сообщенное всем жителям столицы, внезапно освобожденным от строгостей полицейских постановлений и уличных правил, действительно заставило всех ощущать, что с рук их, словно по волшебству, свалились цепи и что нация, как бы находившаяся в гробу, снова вызвана к жизни и движению.

Утром (12 марта) в 10 часов мы все были на параде, во время которого вся прежняя рутина была соблюдена. Граф Пален держал себя как и всегда. Так как я стоял от него в стороне, то он подошел ко мне и сказал:

— Je Vous ai craint plus que toute la garnison⁴.

— Et Vous avez eu raison⁵, — отвечал я.

— Aussi, — возразил Пален, — j'ai eu soin de Vous faire renvoyer⁶.

Эти слова убедили меня в справедливости рассказа, что Император получил анонимное письмо с указанием имен всех заговорщиков, во главе которых стояло имя самого Палена; что на вопрос

¹ На манер Тита.

² Упряжек (пер. с франц.).

³ Фореитор — верховой, правящий передними лошадьми при запряжке цугом (гуськом).

⁴ Я вас боялся больше, чем целого гарнизона.

⁵ И вы были правы.

⁶ Поэтому я и постарался вас отослать из дворца (пер. с франц.).

Императора Пален не отрицал этого факта, но, напротив, сказал, что раз он в качестве военного губернатора города находится во главе заговора, то Его Величество может быть уверен, что все в порядке. Затем Император благодарил Палена и спросил его, не признает ли он, со своей стороны, нужным посоветовать ему что-нибудь для его безопасности, на что тот отвечал, что ничего больше не требуется: «Разве только, Ваше Величество, удалите вот этих якобинцев (причем он указал на дверь, за которой стоял караул от Конной гвардии), да прикажите заколотить эту дверь» (ведущую в спальню Императрицы). Оба эти совета злополучный Монарх не преминул исполнить. Как известно, на свою собственную погибель.

Во время парада заговорщики держали себя чрезвычайно заносчиво и как бы гордились совершенным преступлением. Князь Платон Zubov также появился на параде, имея далеко не воинственный вид со своими улыбочками и остротами, за что он был особенно отличен при дворе Екатерины и о чем я не мог вспоминать без отвращения. Офицеры нашего полка держались в стороне и с таким презрением относились к заговорщикам, что произошло несколько столкновений, окончившихся дуэлями. Это дало графу Палену мысль устроить официальный обед с целью примирения разных партий.

В конце парада мы узнали, что заключен мир с Англией и что курьер с трактатом уже отправлен в Лондон к графу Воронцову. Он должен был ехать через Берлин, где граф получил известие о кончине Императора и о мирном договоре с Англией.

Крайне любопытно то, что г-жа Жеребцова предсказала печальное событие 11 марта в Берлине, и как только она узнала о совершившемся факте, то отправилась в Англию и навестила своего старого друга лорда Витворта, бывшего в течение многих лет английским послом в Петербурге. Обстоятельство это впоследствии послужило поводом к распространению слуха, будто бы катастрофа, закончившаяся смертью Павла, была делом рук Англии и английского золота. Но это обвинение, несомненно, ложно, ибо, несмотря на всю преступность руководителей заговора, последние были чужды корыстных целей. Они действовали из побуждений патриотических, и многие из них, подобно обоим Великим князьям, были убеждены в том, что при помощи угроз Императора можно было заставить отречься от престола или, по крайней мере, принудить подписать акт, благодаря которому его деспотизм был бы ограничен.

Говорили, что князь Zubov в эту ночь в кабинете Императора держал в руке сверток бумаги, на котором будто бы написан был текст

соглашения между Монархом и народом. Тем не менее, этот спор между Государем и заговорщиками, длившийся довольно долго, не привел к желаемым результатам, и вскоре вспыльчивость и раздражительность Павла возбудила заговорщиков, большинство которых были почти совсем пьяны, вследствие чего и произошла вышеописанная катастрофа.

Что касается Александра и Константина, то большинство лиц, близко стоявших к ним в это время, утверждали, что оба Великих князя, получив известие о смерти отца, были страшно потрясены несмотря на то, что сначала им сказали, что Император скончался от удара, причиненного ему волнением, вызванным предложениями, которые ему сделали заговорщики.

На следующий день, 13 марта, мы снова явились в обычный час на парад. Александр и Константин появились оба и имели удрученный вид.

Некоторые из главарей заговора и главных действующих лиц в убийстве выглядели несколько смущенно. Один граф Пален держал себя как обыкновенно; князь Зубов был более шутив и разговорчив, чем накануне.

Тело покойного Императора, загримированное различными художниками, облаченное в мундир, высокие сапоги со шпорами и в шляпе, надвинутой на голову (чтобы скрыть правый висок), было положено в гроб, в котором он должен был быть выставлен перед народом, согласно обычаю. Но еще до всего этого убитая горем вдова его должна была увидеть его мертвым, без чего она не соглашалась признать своего сына Императором.

Избежать этого было невозможно, и роковое посещение должно было произойти. Подробности этой ужасной сцены были мне сообщены в тот же вечер С.И. Мухановым по возвращении его из дворца, и нет слов, чтобы достаточно выразить скорбь, в которую был погружен этот достойный человек. Насколько помню, вот что он сообщил мне.

Императрица находилась в своей спальне, бледная, холодная, наподобие мраморной статуи, точно такой же, как она была в самый день катастрофы. Александр и Елизавета прибыли из Зимнего Дворца в сопровождении графини Ливен и Муханова. Я не знаю, был ли тут и Константин, но, кажется, что его не было, а все младшие дети были со своими нянями. Опираясь на руку Муханова, Императрица направилась к роковой комнате, причем за ней следовал Александр с Елизаветой, а графиня Ливен несла за ней шлейф. Приблизившись к телу,

Императрица остановилась в глубоком молчании, устремила свой взор на покойного супруга и не проронила при этом ни единой слезы.

Александр Павлович, который теперь сам впервые увидел изуродованное лицо своего отца, накрашенное и подмазанное, был поражен и стоял в немом оцепенении. Тогда Императрица-мать обернулась к сыну и с выражением глубокого горя и видом полного достоинства сказала: «Теперь Вас поздравляю — Вы Император». При этих словах Александр как сноп свалился без чувств, так что присутствующие на минуту подумали, что он мертв.

Императрица взглянула на сына без всякого волнения, взяла снова под руку Муханова и, поддерживаемая им и графиней Ливен, удалилась в свои апартаменты. Прошло еще несколько минут, пока Александр пришел в себя, после чего он немедленно последовал за своей матерью и тут, среди новых потоков слез, мать и сын излили впервые свое горе.

Вечером того же дня Императрица снова вошла в комнату покойного, причем ее сопровождали только графиня Ливен и Муханов. Там, распростершись над телом убитого мужа, она лежала в горьких рыданиях, пока едва не лишилась чувств, невзирая на необыкновенную телесную крепость и нравственное мужество. Два верных спутника увели ее, наконец, или, вернее, унесли обратно в ее апартаменты. В следующие дни снова повторились подобные же посещения покойника, причем приезжал и Император. После этого убитую горем вдовствующую Императрицу перевезли в Зимний Дворец, а тело покойного Императора со всей торжественностью было выставлено для народа.

Русский народ по самой своей природе глубоко предан своим Государям, и эта любовь простолюдина к своему Царю столь же врожденная, как и любовь пчел к своей матке. В этой истине убедился декабрист Муравьев, когда во время возмущения 1825 года он объявил солдатам, что Император более не царствует, что учреждена республика и установлено вообще полное равенство. Тогда солдаты спросили: «Кто же тогда будет государем?» Муравьев отвечал: «Да никто не будет». — «Батюшка! — отвечали солдаты, — да ведь ты сам знаешь, что это никак невозможно». Впоследствии Муравьев сам признался, что в эту минуту он понял всю ошибочность своих действий. В 1812 году Наполеон впал в ту же ошибку в Москве и заплатил за это достаточно дорого, потеряв всю свою армию.

Приверженность русского человека к своему Государю особенно ярко высказывается во время поклонения народа праху умершего

Царя. В начале моего повествования я уже говорил о тех трогательных сценах, которые происходили после кончины Екатерины, к праху которой были свободно допущены люди всех сословий «для поклонения телу и прощания». В настоящем случае запрещено было останавливаться у тела Императора; но приказано лишь поклониться и тотчас уходить в сторону. Несомненно, раскрашенное и намазанное лицо Императора с надвинутой на глаза шляпой (что тоже не было никогда в обычае) не скрылось от внимания толпы и настроило общественное мнение чрезвычайно враждебно по отношению к заговорщикам.

Желая расположить общественное мнение в свою пользу, Пален, Зубов и другие вожаки заговора решили устроить большой обед, в котором должны были принять участие несколько сот человек. Полковник N.N., один из моих товарищей по полку, зашел ко мне однажды утром, чтобы спросить, знаю ли я что-нибудь о предполагаемом обеде. Я отвечал, что ничего не знаю. «В таком случае, — сказал он, — я должен сообщить Вам, что Вы внесены в список приглашенных. Пойдете ли Вы туда?»

Я отвечал, что, конечно, не пойду, ибо не намерен праздновать убийство. «В таком случае, — отвечал N.N., — никто из наших также не пойдет». С этими словами он вышел из комнаты.

В тот же день граф Пален пригласил меня к себе и, едва я вошел в комнату, он сказал мне:

— Почему Вы отказываетесь принять участие в обеде?

— *Parce que je n'ai rien commun avec ces messieurs*¹, — отвечал я.

Тогда Пален с особенным одушевлением, но без всякого гнева сказал: «Вы не правы, Саблуков, дело уже сделано, и долг всякого доброго патриота — забыть все партийные раздоры, думать только о благе Родины и соединиться вместе для служения отечеству. Вы так же хорошо, как и я, знаете, какие раздоры посеяло это событие: неужели же позволять им усиливаться? Мысль об обеде принадлежит мне, и я надеюсь, что он успокоит многих и умиротворит умы. Но если вы теперь откажетесь прийти, остальные полковники вашего полка тоже не придут, и обед этот произведет впечатление, прямо противоположное моим намерениям. Прошу Вас поэтому принять приглашение и быть на обеде».

Я обещал Палену исполнить его желание.

Я явился на этот обед и другие полковники тоже, но мы сидели отдельно от других и, сказать правду, я заметил весьма мало едино-

¹ Потому что у меня нет ничего общего с этими господами (*пер. с франц.*).

душия, несмотря на то, что выпито было немало шампанского. Много сановных и высокопоставленных лиц, а также придворных особ посетили эту «оргию», ибо другого названия нельзя дать этому обеду. Перед тем как встать из-за со стола, главные из заговорщиков взяли скатерть за четыре угла, все блюда, бутылки и стаканы были брошены в середину и все это с большой торжественностью было выброшено через окно на улицу. После обеда произошло несколько резких объяснений и, между прочим, разговор между Уваровым и адмиралом Чичаговым, о котором я упомянул выше.

В течение некоторого времени все, по-видимому, было спокойно и ни о каких реформах или переменах не было слышно. Мы только заметили, что Пален и Платон Зубов особенно высоко подняли голову и даже поговаривали, будто последний имел смелость высказать особенное внимание к молодой и прелестной Императрице. Император Александр и Великий князь Константин Павлович ежедневно появлялись на параде, причем первый казался более робким и сдержанным, чем обыкновенно, а второй, напротив, не испытывая более страха перед отцом, горячился и шумел более чем прежде.

Несмотря на это, Константин при всей своей вспыльчивости не был лишен чувства горечи и при мысли о катастрофе. Однажды утром спустя несколько дней после ужасного события мне пришлось быть у Его Высочества по делам службы. Он пригласил меня в кабинет и, заперев за собой дверь, сказал: «Ну, Саблуков, хорошая была каша в тот день!» — «Действительно, Ваше Высочество, хорошая каша, — ответил я, — и я очень счастлив, что в ней был ни при чем». — «Вот что, друг мой, — сказал торжественным тоном Великий князь, — скажу тебе одно, что после того, что случилось, брат мой может царствовать, если это ему нравится; но если бы престол когда-нибудь должен был перейти ко мне, я, несомненно, бы от него отказался».

Своим последующим поведением в 1825 году, во время вступления на престол Николая I, Константин Павлович доказал, что решение его не царствовать было твердо, и в то время я всегда говорил, что все убеждения, имеющие целью склонить его принять корону, не поведут ни к чему и что он ни за что не согласится царствовать, как он это высказал мне спустя несколько дней после смерти отца.

Публика, особенно же низшие классы, и в числе их старообрядцы и раскольники, пользовалась всяким случаем, чтобы выразить свое сочувствие удрученной горем вдовствующей Императрице. Раскольники были особенно признательны Императору Павлу как своему благодетелю, даровавшему им право публично отправлять свое бо-

гослужение и разрешившему им иметь свои церкви и общины. Как выражение сочувствия, образа с соответствующими надписями из Священного Писания в огромном количестве присылались Императрице со всех концов России.

Император Александр, постоянно навещавший свою горящую мать по несколько раз в день, проходя однажды утром через переднюю, увидел в этой комнате множество образов, поставленных в ряд. На вопрос Александра, что это за иконы и почему они тут расставлены, Императрица отвечала, что все это приношения, весьма для нее драгоценные, потому что они выражают сочувствие и участие народа в ее горе; при этом Ее Величество присоветовала, что она уже просила Александра Александровича (моего отца, члена опекунского совета) взять их и поместить в церковь воспитательного дома. Это желание Императрицы и было немедленно исполнено моим отцом.

Однажды утром во время обычного доклада Государю Пален был чрезвычайно взволнован и с нескрываемым раздражением стал жаловаться Его Величеству, что Императрица-мать возбуждает народ против него и других участников заговора, выставляя напоказ в воспитательном доме иконы с надписями вызывающего характера. Государь, желая узнать, в чем дело, велел послать за моим отцом. Злополучные иконы были привезены во дворец, и вызывающая надпись оказалась текстом из Священного Писания, взятым, насколько помню, из Книги Царств.

Императрица-мать была крайне возмущена этим поступком Палена, позволившем себе обвинять мать в глазах сына, и заявила свое неудовольствие Александру. Император, со своей стороны, высказал это графу Палену в таком твердом и решительном тоне, что последний не знал, что отвечать от удивления.

На следующем параде Пален имел чрезвычайно недовольный вид и говорил в крайне резком, несдержанном тоне. Впоследствии даже рассказывали, что он делал довольно неосторожные намеки на свою власть и на возможность «возводить и низводить монархов с престола». Трудно допустить, чтобы такой человек, как Пален, мог высказать такую бестактную неосторожность, тем не менее в тот же вечер об этом уже говорили в обществе.

Как бы то ни было, достоверно только то, что, когда на другой день в обычный час Пален приехал на парад в так называемом *vis-a-vis*¹, запряженном шестеркой цугом, и собирался выходить из экипажа,

¹ Коляска, в которой сидят друг против друга.

к нему подошел флигель-адъютант Государя и по Высочайшему повелению предложил ему выехать из города и удалиться в свое Курляндское имение. Пален повиновался, не ответив ни единого слова.

В Высочайшем приказе было объявлено, что «генерал от кавалерии граф Пален увольняется от службы», и в тот же день вечером князю Зубову также предложено оставить Петербург и удалиться в свои поместья. Последний тоже беспрекословно повиновался.

Таким образом, в силу одного слова юного и робкого монарха сошли со сцены эти два человека, которые возвели его на престол, питая, по-видимому, надежду царствовать вместе с ним. В управлении государством все шло по-прежнему, с той только разницей, что во всех случаях, когда могла быть применена политика Екатерины II, на нее ссылались как на прецедент.

Весной того же года, вскоре после Пасхи, Императрица-мать выразила желание удалиться в свою летнюю резиденцию Павловск, где было не так шумно и где она могла пользоваться покоем и уединением. Исполняя это желание, Император спросил Ее Величество, какой караул она желала бы иметь в Павловске? Императрица отвечала: «Друг мой, я не выношу вида ни одного из полков, кроме Конной гвардии». — «Какую же часть этого полка вы желали бы иметь при себе?» — «Только эскадрон Саблукова», — отвечала Императрица.

Я тотчас был командирован в Павловск, и эскадрон мой по особому повелению Государя был снабжен новыми чепраками, патронташами и пистолетными кобурами с Андреевской звездой, имеющей, как известно, надпись с девизом «за Веру и Верность». Эта почетная награда, как справедливая дань безукоризненности нашего поведения во время заговора, была дана сначала моему эскадрону, а затем распространена на всю Конную гвардию. Кавалергардский полк, принимавший столь деятельное участие в заговоре, был чрезвычайно обижен, что столь видное отличие дано было исключительно нашему полку. Генерал Уваров горько жаловался на это, и тогда Государь в виде примирения велел дать ту же звезду всем кирасирам и штабу армии, что осталось и до настоящего времени.

Служба моя в Павловске при Ее Величестве продолжалась до отъезда всего Двора в Москву на коронацию Императора Александра. Каждую ночь я, подобно сторожу, обходил все ближайšie к дворцу сады и цветники, среди которых разбросаны были всевозможные памятники, воздвигнутые в память различных событий супружеской жизни покойного Императора. Здесь, подобно печальной тени, удрученная горем Мария Фёдоровна, одетая в глубокий траур, бродила по

ночам среди мраморных памятников и плакучих ив, проливая слезы в течение долгих, бессонных ночей. Нервы ее были до того напряжены, что малейший шум пугал ее и обращал в бегство. Вот почему моя караульная служба в Павловске сделалась для меня священной обязанностью, которую я исполнял с удовольствием.

Императрица-мать не искала в забвении облегчения своему горю, напротив, она как бы находила утешение, выпивая до дна горькую чашу душевных мук. Сама кровать, на которой Павел испустил последнее дыхание, с одеялами и подушками, окрашенными его кровью, была привезена в Павловск и помещена за ширмами рядом с опочивальной Государыни, и в течение всей своей жизни она не переставала посещать эту комнату. Недавно мне передавали, что эту кровать после ее смерти перевезли в Гатчину и поместили в маленькую комнату, в которой я так часто слышал молитвы Павла. Обе двери этой комнаты, говорят, были заколочены наглухо, равно как в Михайловском замке двери, ведущие в кабинет Императора, где произошло убийство.

В заключение скажу, что Император Павел, несмотря на необычайное увлечение его некоторыми женщинами, был всегда нежным и любящим мужем для Марии Фёдоровны, от которой он имел 8 детей¹, из которых последними были Николай, родившийся в 1796 году, и Михаил — в 1798 году.

Достоинно внимания и то обстоятельство, что Е.И. Нелидова, которой Павел так восторженно увлекался, сохранила дружбу и уважение Императрицы Марии Фёдоровны до последних дней ее жизни. Не есть ли это лучшее доказательство того, что до того времени, когда он попал в сети Гагариной и ее клеветы, он действительно был нравственно чист в своем поведении?

Какой поучительный пример для Государей, указывающий на необходимость всегда остерегаться влияния доверенных царедворцев, единственной заботой которых всегда было и будет потворство их слабостям ради личных целей.

---

¹ У Павла I и Марии Фёдоровны родилось десять детей.

Основные даты жизни Императора Павла I и важнейшие события царствования.

20 сентября 1754 года. Рождение в семье Наследника Престола Великого князя Петра Фёдоровича и его супруги Екатерины Алексеевны сына — Великого князя Павла Петровича. Место рождения — Летний царский дворец в Санкт-Петербурге (не сохранился).

25 сентября 1754 года. Крещение Павла Петровича в придворной церкви Летнего дворца.

25 декабря 1761 года. Смерть Императрицы Елизаветы Петровны, восшествие на Престол её племянника Петра Фёдоровича под именем Петра III.

28 июня 1762 года. Свержение и арест Императора Петра III, а затем и убийство его в Ропше. Императрицей провозглашается мать Павла Петровича — Екатерина Алексеевна, отныне — Императрица Екатерина II, урождённая принцесса София-Фредерика-Августа Ангальт-Цербская.

4 июля 1762 года. Павлу Петровичу жалуются звание полковника Лейб-гвардии Кирасирского полка.

22 сентября 1762 года. Коронование Екатерины II в Успенском соборе Московского Кремля. Сын Императора Петра III Великий князь Павел Петрович получает титул «Наследника Цесаревича».

29 сентября 1773 года. Женидьба Великого князя Павла Петровича на Великой княжне Наталии Алексеевне, урождённой принцессе Августе-Вильгельмине-Луизе Дармштадской, родившейся 14 июня 1755 года.

1774 год. Составление Павлом Петровичем записки для Императрицы под заглавием: «Рассуждения о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты оногo, и касательно обороны всех пределов», в которой речь шла о необходимости государственных преобразований.

15 апреля 1776 года. Смерть при родах Великой княгини Натальи Алексеевны.

26 сентября 1776 года. Женитьба Павла Петровича на Великой княжне Марии Фёдоровне, урожденной принцессе Вюртембергской Софии-Доротей-Августе-Луизе, родившейся в Штутгарте 14 октября 1759 года.

1777 год, лето. Начало строительства резиденции в Павловске.

12 декабря 1777 года. Рождение в семье Цесаревича сына — Великого князя Александра Павловича (Александра I).

27 апреля 1779 года. Рождение в семье Цесаревича сына — Великого князя Константина Павловича.

19 сентября 1781—30 ноября 1782 года. Заграничное путешествие Павла Петровича и Марии Фёдоровны.

29 июля 1783 года. Рождение в семье Цесаревича дочери — Великой княжны Александры Павловны.

13 декабря 1784 года. Рождение в семье Цесаревича дочери — Великой княжны Елены Павловны.

4 февраля 1786 года. Рождение в семье Цесаревича дочери — Великой княжны Марии Павловны.

10 мая 1788 года. Рождение в семье Цесаревича дочери — Великой княжны Екатерины Павловны.

11 июля 1792 года. Рождение в семье Цесаревича дочери — Великой княжны Ольги Павловны.

7 января 1795 года. Рождение в семье Цесаревича дочери — Великой княжны Анны Павловны.

25 июня 1796 года. Рождение в семье Цесаревича сына — Великого князя Николая Павловича (Николая I).

6 ноября 1796 года — кончина Императрицы Екатерины II и восшествие на Престол Павла Петровича под именем Павла I.

29 ноября 1796 года. Указ о Воинских уставах.

18 декабря 1796 года. Похороны в Петропавловском соборе Петербурга Екатерины II с одновременным перезахоронением там же Императора Петра III.

20 января 1797 года. Указ о создании Общего Гербовника дворянских родов Российской Империи.

26 февраля 1797 года. Начало строительства в Петербурге Михайловского дворца (Михайловского замка).

5 апреля 1797 года. Коронация Павла I в Успенском соборе Московского Кремля.

5 апреля 1797 года. Закон о Престолонаследии, устанавливавший наследование Престола по праву старшинства и первородства в мужском колене.

5 апреля 1797 года. Манифест о трёхдневной барщине.

5 апреля 1797 года. Указ о создании Российской орденой системы.

20 июня 1797 года. Указ о размножении картофеля в России.

24 августа 1797 года. Указ о создании пограничной стражи («пограничных разъездов из казачьих войск»).

17 ноября 1797 года. Император принял на себя звание протектора Ордена Святого Иоанна Иерусалимского (Мальтийского).

12 января 1798 года. Рождение в семье Императора сына — Великого князя Михаила Павловича.

12 марта 1798 года. Указ о «Лесном управлении», образован Лесной департамент.

16 октября 1798 года. Указ, запрещающий продажу дворовых и крепостных людей без земли.

1798—1799 годы. Участие России в союзе с Англией, Австрией и Турцией в войне с Наполеоновской Францией. Победы адмирала В.Ф. Ушакова: взятие о. Корфу (20.02.1799), занятие Неаполя (3.06.1799), взятие Рима (16.09.1799). Победы А.В. Суворова: при реке Адде (17.04. 1799), взятие Милана (18.04. 1799), Турина (15.05. 1799); разгром французов при реке Треббии (7—9.06.1799), и при городе Нови (4. 08. 1799).

12 февраля 1799 года. Основание в Санкт-Петербурге Медико-хирургической академии.

Ноябрь 1799 года. Образование «Соединённой российско-американской компании» по освоению Аляски и Калифорнии.

12 января 1801 года. Приказ о подготовке военного похода в Индию.

18 января 1801 года. Манифест о присоединении Грузинского Царства к России по просьбе грузинских представителей.

12 марта 1801 года. Убийство Императора Павла I.

23 марта 1801 года. Похороны Императора Павла I в Петропавловском соборе Петропавловской крепости Санкт-Петербурга.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия. Искажённый портрет	3
Глава 1. ЦАРСКОРОДНЫЙ СИРОТА	15
Глава 2. ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ ЦЕСАРЕВИЧА ПАВЛА	48
Глава 3. ВСЕГДА — НАДЕЯТЬСЯ И ВЕРИТЬ	90
Глава 4. ГАТЧИНСКИЙ ИЗГОЙ	141
Глава 5. ЖИТЬ — ЗНАЧИТ СЛУЖИТЬ	196
Глава 6. КОРОНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	261
Глава 7. ЦАРЕУБИЙСТВО	302
Послесловие	364
Приложение	371

Научно-популярное издание

Великие исторические персоны

Боханов Александр Николаевич

ПАВЕЛ I

Выпускающий редактор *М.К. Залеская*

Корректор *О.Н. Богачева*

Верстка *И.В. Резникова*

Художественное оформление *Е.А. Бессонова*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 01.06.2010. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага Classic.

Печать офсетная. Гарнитура «MyslC». Печ. л. 14.

Тираж 4000 экз. Заказ № 1010880.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ПАВЕЛ I

Император Павел I — фигура трагическая и оклеветанная; недаром его называли «Русским Гамлетом». Этот Самодержец давно должен занять достойное место на страницах истории Отечества, где его имя все еще затушевано различными бездоказательными тенденциозными измышлениями. Исторический портрет Павла I необходимо воссоздать в первоизданной подлинности, без всякого идеологического налета. Его правление, бурное и яркое, являлось важной вехой истории России, и трудно усомниться в том, что если бы не трагические события 11—12 марта 1801 года, то история нашей страны развивалась бы во многом совершенно иначе.

В ЕЛИКИЕ
И СТОРИЧЕСКИЕ
П ЕРСОНЫ

